Е. Б. ЧЕРНЯК

Е. Б. ЧЕРНЯК

Жандармы истории

(контрреволюционные интервенции и заговоры)

Издательство
„Международные отношения"
Москва 1969

Каковы причины, цели и результаты вооруженных интервенций в различные исторические эпохи? Какими масками прикрывалось иноземное вмешательство? Отвечая на эти вопросы, автор рисует всестороннюю картину интервенций нового и новейшего времени. Перед читателем предстают зловещая панорама „тайной войны“ против революций, паутина реакционных конспираций, антисоветские заговоры, подрывные действия Гиммлера и Канариса против Советского Союза и демократических сил Европы, вскрываются тщетные попытки американской разведки воспрепятствовать победе социалистических революций и национально-освободительных движений.

1—11—5
11—69

От автора

«Революции — локомотивы истории»[1]. Перефразируя эти крылатые слова К. Маркса, «жандармами истории» можно назвать интервенции, направленные против революций, против общественного прогресса.

Ровно четыре столетия назад началась первая иностранная вооруженная интервенция против буржуазной революции. Иноземное контрреволюционное вмешательство превратилось в постоянный институт феодального и буржуазного общества.

Оружие интервенции неизменно пускалось и пускается в ход империалистической реакцией для сохранения своего классового господства, в тщетном стремлении предотвратить неизбежную смену капитализма коммунизмом. Многочисленны формы, в которые облекается политика вооруженного вмешательства; многообразны и изощренны методы ее идеологического, юридического, дипломатического обоснования в трудах реакционных историков, социологов, публицистов. Поэтому раскрытие подлинной исторической роли и классовых корней этой политики, разоблачение попыток оправдания контрреволюционных интервенций приобретает в современных условиях особо важное научное и политическое значение.

В литературе термин «интервенция», подразумевающий иностранное вмешательство, нередко толкуется чрезмерно расширительно, то есть интервенцией считается любая агрессивная война, любой колониальный захват, любая форма дипломатического, экономического давления, пропаганды и т. д. При таком толковании, нап-

◆

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 86.

пример, всякая несправедливая для обеих сторон война может трактоваться как взаимная интервенция. Да и справедливая, оборонительная война может в военном плане приобрести наступательный характер, ставя целью разгром агрессора на его собственной территории. От этого справедливая война вовсе не становится интервенцией. Под понятие «интервенции» при вкладывании в него расширительного смысла можно подвести и все виды идейного влияния, культурный обмен, даже равноправную торговлю, миграцию населения и тому подобное. Совершенно очевидно, что при такой трактовке теряется специфичность понятия, которое остается неотделимым от многих близких и не очень близких к нему понятий, охватывающих чуть ли не всю сферу международных отношений между государствами эксплуататорского типа и значительную часть их взаимоотношений с социалистическими странами.

Однако наряду с таким крайне расширительным толкованием в советской литературе фигурировало и неправомерно узкое понимание «интервенции», под которую стали подводить только те случаи, когда главной целью вмешательства были явно реставраторские цели. Тем самым из этого понятия исключались такие события, когда интервенционистские стремления были замаскированы, не являлись основной целью интервенции, а были лишь ее объективным результатом, когда они были побочной целью или средством для достижения других целей и т. д.

Задачей настоящей работы является изучение вооруженных вторжений и неудавшихся попыток организации такого вмешательства (все равно — своими силами или руками наемников), объективно имевших реставраторскую программу, вне зависимости от того, каковы были мотивы организаторов интервенции, какими масками прикрывались подлинные намерения и каковы были любые другие цели наряду с интервенционистскими.

Наибольшее место в книге уделено интервенционистской политике буржуазии с того времени, когда она возникала как союзница феодального интервенционизма, и вплоть до наших дней.

Испанское бешенство

Интервенция, как важный политический фактор, проявляется уже в борьбе против ранних революционных выступлений. История знает интервенцию аристократических правительств древнегреческих полисов (городов-государств) в пользу аристократической партии в других городах. Столь же большую роль играло вмешательство папства и германского императора в борьбу дворянства и бюргерства средневековой Италии. Нередкими были интервенции, направленные против крестьянских восстаний, с которыми не могли справиться феодалы данной области или страны. Поскольку в тот период еще не созрели предпосылки для ликвидации феодализма и замены его капиталистическим строем, такие интервенции часто достигали поставленной цели и вместе с тем приводили к завоеванию или разделу страны, являвшейся объектом вторжения соседей [1].

В конце XV — начале XVI века в Европе укрепились позиции австрийских Габсбургов. Максимилиан Габсбург, избранный князьями германским императором, активно стремился к расширению своих наследственных владений и укреплению власти, вмешивался в борьбу между Францией и Испанией за главенство в Италии. Пытаясь подкрепить растущие притязания императора авторитетными тогда ссылками на особую древность его рода, придворный историк Иоганн Штаб составил родословное древо Габсбургов, прямо возводя его к библейскому Хаму, сыну Ноя. Император, придававший большое значение

[1] Б. Ф. Поршнев, Феодализм и народные массы, М., 1964, стр. 354—358.

подобному генеалогическому обоснованию своих прав, был не вполне убежден в том, что Хам является наилучшим родоначальником династии, и передал дело на обсуждение теологического факультета венского университета. Проклиная в душе Штаба, профессора должны были обратиться к поставленной перед ними нелегкой дилемме, обсуждение которой, они, впрочем, сумели дотянуть до смерти Максимилиана, после чего дело было сдано в архив.

Преемник Максимилиана — Карл не нуждался в наследии Хама. Карлу достался престол испанских королей, после чего он сумел обеспечить себе и трон германского императора. Карл V стал самым могущественным государем, претендовавшим на европейскую гегемонию. Он владел, не считая необозримых территорий Нового Света, Испанией, большей частью Италии, Германской империей, главой которой он являлся (а она включала также территории Австрии, Чехии, Венгрии, южнославянские земли), Нидерландами. Он был связан родственными связями со многими царствующими династиями, оказывая большое влияние на политику таких стран, как Англия и Польша. Господствуя в Италии, Карл имел возможность заставить служить своим целям главу католической церкви. А церковные ордена, и прежде всего созданный в годы его царствования иезуитский орден, служили императору не за страх, а за совесть, считая расширение его владений равнозначным подавлению «протестантской ереси» и восстановлению безраздельного влияния католицизма.

Огромная империя Карла V после 1556 года была поделена между его преемниками. Старший сын, испанский король Филипп II, получил основную часть владений, кроме тех, которые перешли германскому императору Фердинанду. Однако оба они действовали в союзе, образуя единый агрессивный габсбургский блок, ставивший задачей установление своего господства в Европе.

Филиппу II достался огромный конгломерат стран и земель с бесконечной пестротой местных законов и феодальных прав. Испанский король попытался унифицировать его, подчинить единообразной бюрократической машине, управляемой из одного центра — Мадрида. Однако планы молчаливого повелителя, сокрытого от глаз подданных высокими стенами дворца Эскуриала (мы теперь знаем их много детальнее после публикации в 1957 г. фа-

мильного архива одного из приближенных короля, герцога Медина Сидония), простирались до создания универсальной католической империи, охватывающей всю Западную Европу вместе с необъятными территориями Нового Света. Это — империя, которая должна была поглотить все страны, лежавшие на побережье Атлантического океана, и владения, которые должны были служить хинтерландом, обеспечить прочность границ государства, включающего большую часть христианского мира. Испания, Португалия, Англия (до 1558 г. там правила Мария Тюдор, жена Филиппа II) вместе с Шотландией и Ирландией, Неаполь, Сицилия и Северная Италия должны были не только служить основой этой империи, но и держать в клещах еще сохранявшие независимость другие страны европейского континента. Прежде всего это относилось к Франции, зажатой с трех сторон владениями Филиппа — Испанией, Нидерландами, Франш-Конте, а также к Германской империи, главой которой являлся представитель той же династии Габсбургов, наконец, папскому государству, окруженному Неаполем, Миланом, Пармой, где правили вице-короли и губернаторы, назначавшиеся из Эскуриала. Опираясь на эту мощь, можно было держать в границах и отбросить назад единственного врага — турок, владевших Балканами и всем побережьем Северной Африки. Это была бы поистине не просто атлантическая, а вселенская империя, которая в перспективе могла бы расширить свои границы до пределов известного тогда мира, до далекой Индии и островов пряностей в Южных морях, куда уже добрались португальские моряки, ставшие после включения в 1580 году их родины в состав Испании подданными Филиппа II.

Для осуществления этих планов Филипп II мог использовать огромные ресурсы своей империи, золото и серебро, доставлявшиеся из заокеанских колоний, разветвленный аппарат католической церкви и церковных орденов, католическое меньшинство, имевшееся почти во всех протестантских странах, их внутренние конфликты, национальные противоречия и сепаратизм крупных вельмож.

Планы создания всемирной абсолютистской католической монархии с центром в Мадриде противоречили непреодолимым тенденциям исторического развития, ведущим к складыванию и укреплению национальных государств, к буржуазным преобразованиям и революцион-

ной ломке феодальных порядков. Недаром Испания отождествляла себя с католической контрреформацией, пытавшейся огнем и мечом искоренить протестантизм, который являлся прежде всего выражением — в религиозной оболочке — интересов тех классов, которые были носителями новых, буржуазных общественных отношений. И вполне закономерно, что планы Филиппа II столкнулись с сопротивлением Нидерландов, где вспыхнула буржуазная революция, Англии, далеко шагнувшей по пути капиталистического развития, Франции, которой пришлось отстаивать свою целостность и единство от сепаратистских устремлений феодальной знати, опиравшейся на могущественную поддержку испанского двора. Поэтому, по существу, вся завоевательная европейская политика Филиппа II являлась интервенцией против общественного прогресса, насаждением вооруженной рукой феодальной, католической реакции. И первым объектом этой интервенции стали, конечно, Нидерланды, без подчинения которых нечего было и думать об осуществлении испанских планов завоевания Англии и Франции.

В течение всего средневековья общественная идеология была главным образом религиозной. Как справедливо отмечал Энгельс, «при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»[2]. В религиозной оболочке протекали ранние буржуазные революции, в том числе и первая из них — нидерландская революция XVI века.

Глубокие социально-экономические причины породили революцию в Нидерландах, наиболее экономически развитой европейской стране, которая находилась под игом феодально-абсолютистской Испании[3]. Знамением революции стал кальвинизм (одна из разновидностей протестантства) — идеология, отвечавшая интересам наиболее передовой части буржуазии этой эпохи.

Прибытие в августе 1567 года (из Италии через

◆

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 361.
[3] А. Н. Чистозвонов, Нидерландская буржуазная революция XVI века, М., 1958, стр. 7—47; его же, Четыреста лет нидерландской буржуазной революции, «Вопросы истории», 1967 г., № 2.

Франш-Конте и Лотарингию) в Нидерланды испанской армии под командованием герцога Альбы с юридической стороны означало не более чем перемещение вооруженных сил Филиппа II из одного его владения в другое. Надо учесть, правда, что с самого начала правления Филиппа II Нидерланды настойчиво ходатайствовали о выводе находившихся там испанских гарнизонов, и Мадрид должен был удовлетворить эту просьбу. Прежний статус Нидерландов позволял им пользоваться значительной долей самоуправления под верховной властью испанского короля. И главное — это была страна, где делала первые шаги буржуазная революция. В этих условиях появление испанских войск было, если не формально, то по существу, вооруженной интервенцией для сокрушения революции.

Еще в 1559 году Филипп II, пытаясь запугать имущие слои населения, писал Нидерландским штатам (сословному представительству): «Опыт прошлых времен свидетельствует, что не бывает изменений в религии без одновременных перемен в государственном устройстве, и что бедняки, бездельники и бродяги часто пользуются ими как предлогом для того, чтобы захватить добро богатых». Однако такие опасения еще не помешали нидерландской буржуазии выступить против планов утверждения испанского владычества в Европе. Ведь оплачивать осуществление этой политики должны были прежде всего богатые Нидерланды [4].

Конечно, и до прибытия испанской армии правительница Нидерландов Маргарита Пармская по указанию Филиппа II пыталась преследовать протестантскую ересь, но эдикт от 3 июля 1566 г., запрещавший публичное отправление протестантского богослужения, не соблюдался населением. Тогда Филипп решился на типичный для него маневр, сообщив Маргарите, что она может обещать от его имени отмену инквизиции и значительное расширение веротерпимости в стране. Это было лицемерием. Одновременно написанные письма короля к Альбе не оставляют сомнения в том, что уступки делались королем лишь для выигрыша времени, до того момента, когда он сможет подавить своих противников

◆

[4] Например, F. Rachfahl, Wilhelm von Oranien und der niederländische Aufstand, Bd. 1, Halle, 1906, S. 555 f.

вооруженной силой. Усиленную подготовку к этому вела и испанская секретная служба в Нидерландах[5].

Осенью 1566 года и в первые месяцы 1567 года кальвинистское движение распространилось широко по стране. Правительство ответило рядом суровых репрессий в отдельных городах и селениях. Возмутившийся Валансьен был принужден в апреле 1567 года к капитуляции, за которой последовали массовые казни жителей, виновных в «ереси» и неподчинении властям. «Каждая деревня, как бы ни была мала, доставляла палачу сто, двести, триста жертв»[6]. Однако эти жестокости померкли перед тем кровопролитием, которое учинили прибывшие войска Альбы. Герцог решил ввести в стране постоянный налог типа старинной испанской алькабалы: однопроцентное обложение недвижимой собственности, пятипроцентное — движимости и десятипроцентное — всех коммерческих сделок. Этот налог, существовавший в средневековой Испании, означал для торговых Нидерландов, где каждый товар проходил через десятки рук, пока попадал к потребителю, полную экономическую катастрофу. Даже самые верные сторонники испанского короля доказывали герцогу Альбе, что налоги быстро приведут к полному разорению страны[7].

Так и произошло в действительности, когда с осени 1571 года стала взиматься алькабала. Замерла торговля, прекратилось мануфактурное и ремесленное производство, тысячи и тысячи работников оказались без куска хлеба. В ответ упрямый испанец лишь усиливал преследования. «Каждого нужно заставить жить в постоянной опасности, что крыша может обрушиться на его голову»[8], — так излагал Альба Филиппу «принципы» своей политики.

Весной 1572 года вспыхнуло восстание в северных голландских провинциях, фактически отпавших от Испании. В конце 1572 года войска герцога Альбы перешли в

◆

[5] T. Juste, Histoire de la Révolution des Pays-Bas sous Philippe II, t. 2, P., 1855, pp. 3—4.

[6] Д. Л. Мотлей, История нидерландской революции и основание республики Соединенных провинций, СПб., 1865, стр. 651.

[7] А. Н. Чистозвонов, Нидерландская буржуазная революция XVI века, стр. 68.

[8] M. L. P. (a g i), Histoire des révolutions des Pays-Bas. Depuis l'an 1556, jusques à l'an 1584, t. I, P., 1728, pp. 150—151.

наступление против повстанцев. Ему удалось измором взять несколько городов и учинить резню жителей, но до подавления восстания было далеко. Массовые казни стали повседневным явлением, последовали новые расправы в Валансьене в январе 1568 года, избиения в Монсе с декабря 1572 до августа 1573 года, в Гаарлеме в июле 1573 года и во многих других местах. Испанские войска истребили большую часть населения Мехлина, Зютфена, Наардена в 1572 году, Аудеватера и Бомменеде в 1575 году, Маастрихта в 1576 и 1579 годах — этот бесконечный список продолжался и в последующие десятилетия [9].

Особенно сильное впечатление на современников даже во время этой неистовой оргии произвело разграбление Антверпена в ноябре 1576 года, которое современники назвали «испанским бешенством». На три дня цветущий город, первый по значению и богатству порт Европы, оказался в руках наемников, которым не заплатили жалованья, во власти солдатни, озверевшей от крови, обуреваемой жаждой убийства и грабежа. Чудовищные пытки, истязания мирных жителей, предание мечу женщин, стариков и детей — все это сопровождалось зверствами инквизиции и испанских властей. И такая зловещая вакханалия продолжалась в Нидерландах не год, не два и даже не десятилетие, а с недолгими перерывами чуть ли не добрую половину века.

Так выглядела на деле попытка удушения с помощью вооруженной интервенции первой революции в истории нового времени.

Беспощадный террор, осуществлявшийся испанскими войсками Альбы, привел к результатам, прямо противоположным ожиданиям Мадрида. Вместо обильных финансовых поступлений из Нидерландов от Альбы приходили все новые и новые просьбы о присылке подкреплений и денег. После очередной просьбы Филипп направил в конце 1573 года герцогу приказ передать власть новому наместнику — Луису Рекезенсу. Поколебавшись несколько месяцев, король, по совету Рекезенса, разрешил провести амнистию, которая, однако, распространялась лишь на католиков, и отменить алькабалу. Эти половинчатые реформы запоздали. К тому же разложившиеся и

[9] Например, C. J. Cadoux, Philip of Spain and the Netherlands, L., 1947, pp. 89—91.

часто бунтовавшие испанские наемники, которым давно не выплачивали жалованье, грабили и убивали, очень мало заботясь о том, как это скажется на двусмысленной и непоследовательной политике примирения, предписанной из Мадрида.

Нараставший революционный кризис, вслед за северными провинциями, которые в основном уже покончили с испанским игом, охватил теперь и южную часть Нидерландов. В марте 1576 года скоропостижно скончался Рекезенс, что привело к еще большему расстройству испанской армии и администрации. Государственный совет, к которому перешло управление, не пользовался никаким авторитетом. 4 сентября 1576 г. в Брюсселе вспыхнуло восстание городского плебса, поддержанного буржуазной милицией. В результате Государственный совет — главный орган испанской администрации — был свергнут, а его члены арестованы. Казалось, что испанской власти в Нидерландах пришел конец, и так неминуемо произошло бы, если бы в южных провинциях не было социальных сил, заинтересованных в соглашении с Мадридом. Эти силы, и прежде всего влиятельное феодальное дворянство, предпочли пойти на компромисс с испанской монархией, которая гарантировала их привилегированное положение. 12 мая 1577 г. в Брюссель вступил новый испанский наместник дон Хуан Австрийский. Однако вскоре и он вынужден был под напором народа оставить столицу, где власть перешла к революционному магистрату. Южные провинции оказались ареной ожесточенной борьбы, в которой сталкивались испанцы, дворянская партия, буржуазия, городской плебс и крестьянские массы южных областей, войска северных провинций, отряды принца Вильгельма Оранского, которого часть протестантов выдвигала на роль правителя страны, а с 1578 года — английские полки, посланные королевой Елизаветой, французская армия во главе с братом короля Генриха III герцогом Анжуйским, мечтавшим о нидерландском троне, ландскнехты пфальцграфа Иоанна Казимира... Надо учитывать и то, что буржуазия на севере не слишком горела желанием освобождать южные провинции, города которых были ее главными торговыми соперниками. В то же время и дворянство, и буржуазия, опасаясь крестьянского бунта и восстаний плебса, предпочитали передать нидерландскую корону кому-либо из иностранных принцев.

В этой сложной, запутанной обстановке начиная с 1584 года испанский наместник Александр Фарнезе, герцог Пармский, предпринял новую интервенцию против нидерландской революции. Он сумел восстановить дисциплину в испанских войсках. Немалую роль в успехах Пармы сыграла его секретная служба, имевшая агентов в занятых противником областях и во вражеской армии. Лазутчики Пармы вели тайные переговоры с людьми, готовыми изменить народному делу, пытались играть на недовольстве населения, которое возбуждали грабежи и насилия немецких ландскнехтов Иоанна Казимира и других наемных отрядов, участвовавших в войне против испанцев [10].

Фарнезе проводил гибкую тактику. Испанцы блокировали города, вызывая застой торговли и ремесла. Ему удалось натравливать крестьян, которых разоряли реквизиции продовольствия, производившиеся городскими отрядами, на горожан, а зажиточных бюргеров склонять к капитуляции, запугивая угрозой со стороны плебса. Фарнезе сумел использовать и заинтересованность известной части фландрской буржуазии в испанском сырье и рынке. Добиваясь примирения с дворянами, герцог Пармский в обмен на признание власти испанской короны гарантировал им сохранение социальных и экономических привилегий [11]. 10 июля 1584 г. подосланный иезуитами Бальтазар Жерар убил Вильгельма Оранского — наиболее опытного полководца в антииспанском лагере. Это облегчило успехи Александра Фарнезе. Значительная часть дворян изменила и перешла на сторону испанцев, в том числе лица, занимавшие видные военные и административные должности. Активизировалась и испанская разведка. Ее агенты, проникая на важные посты, пытались изнутри подорвать сопротивление революционных сил. 17 сентября 1584 г. пал Гент, в марте 1585 года — Брюссель, а в августе того же года после героической борьбы, которая длилась 14 месяцев, капитулировал Антверпен, преданный изменниками. Фарнезе должен был разрешить протестантам, не желавшим вернуться в католичество, за

◆

[10] C. V. Wedgwood, William the Silent, L., 1944, pp. 195—196.
[11] Cp. G. Griffiths, William of Horn Lord of Hèze and the Revolt of the Netherlands (1576—1580), Berkley and Los Angeles, 1954, pp. 80—81.

четыре года ликвидировать свои дела в Антверпене и лишь после этого покинуть владения испанского короля [12].

Немалую роль в успехах испанцев сыграла пассивная, двусмысленная позиция буржуазной верхушки Северных Нидерландов, которая не спешила прийти на помощь своим торговым соперникам — Антверпену и другим городам в южной части страны.

В ходе борьбы большое число владельцев мануфактур и ремесленников переселилось на Север или в Англию. Эта эмиграция еще более экономически обескровила южные провинции, разоренные войной.

Раскрытые тайны армады

В течение тех десятилетий, когда Филипп II огнем и мечом пытался задушить нидерландскую революцию, мадридский двор вел упорную борьбу и за подчинение Англии. «Общество Иисуса» — иезуитский орден и испанская дипломатия один за другим организуют заговоры против «еретички» Елизаветы с целью возвести на английский престол шотландскую королеву Марию Стюарт. С 1568 года Мария пленницей томится в английских тюрьмах, а в феврале 1587 года умирает под топором палача. Теперь английским католикам уже не для кого организовывать заговоры — не для сына же Марии Стюарт, шотландского короля Якова, принявшего протестантизм. Но зато после казни Марии Стюарт и в соответствии с ее завещанием [1] законным королем Англии — в представлении Филиппа и его католических приверженцев — становился либо он сам, либо кто-нибудь другой из членов его семьи. Теперь угрюмому, медлительному хозяину Эскуриала надо стараться для самого себя, и дон Филипп наконец решается.

По сигналу из Мадрида со скрипом пришла в движение неуклюжая административная машина вселенской монархии. Кредиторам короля — южногерманскому бан-

◆

[12] N. Considerant, Etudes sur la Révolution du XVI-me siècle dans les Pays-Bas Espagnols, Mons, 1951, p. 214.

[1] Делались попытки доказать подложность завещания Марии Стюарт (J. D. Mackie, The Will of Mary Stuart, «Scotish Historical Review», 1914, No 11).

кирскому дому Фуггеров было предписано изыскать средства для нового займа. На эту же цель пошло и золото, притекавшее из колоний. Испанский посол потребовал у папы Сикта V миллион крон для богоугодного дела — покорения еретической Англии. Римский первосвященник куда бы охотнее истратил эти деньги на то, чтобы исторгнуть Неаполь из-под власти Филиппа. Но испанские гарнизоны стояли близко, и главе церкви оставалось лишь уступить, отводя душу во взрывах безудержной ярости. О них заботливо сообщали из вечного города иностранные дипломаты своим правительствам, которые с понятным вниманием следили за нравственными муками святого отца. А он доходил до неистовства при мысли, что приходится финансировать завоевательные планы испанского короля, прикрывавшиеся заботой о религии.

Однако главную лепту должна была внести сама Испания, которая уже сколько лет оплачивала дорогостоящую внешнюю политику и войны своего короля. Заморское золото недолго задерживалось в истощенной стране, оно уплывало для оплаты наемных армий, которые содержал Филипп в Италии, Германии, Нидерландах, на организацию заговоров во Франции и Англии, на строительство военных кораблей, на покупку предметов роскоши и даже товаров, необходимых для колоний, — они почти не производились в Испании, где ремесло и рост новой промышленности заглохли под непереносимым бременем налогов. Приходило в упадок сельское хозяйство. В стране было мало хороших дорог, а из рек только Гвадалквивир расчищали, чтобы сделать его судоходным вплоть до Севильи, куда обязаны были прибывать корабли из Нового Света. Печать оскудения коснулась не только крестьян, ее почувствовали и прожорливое духовенство и спесивые гидальго, редко видевшие, подобно их современнику Дон Кихоту, обильный обед на своем столе, но по-прежнему чуждавшиеся любого производительного труда, приличествовавшего лишь простолюдинам...

Многочисленные бумаги, подписанные личным королевским секретарем Идиакесом, потекли во все провинции Испании, превращались в приказы местных властей, не обходившие самую глухую деревню. Хлеб, оливковое масло, солонина, вино в огромных массах свозились в портовые города — в Кадис, Лиссабон, Сантандер. Каждому городу предписывалось снарядить корабль и поставить определенное число пехотинцев, матросов. Из Милана и

Неаполя везли пушкн, порох, ядра, подтягивалнсь траиспортиые суда, построеиные на верфях Геиуи и Сицнлин, нз занятых испанцамн фламандских городов были пр̆нслаиы опытные лоцманы. Четыре крупные эскадры, которые должиы были составнть костяк Великой армады, формировалнсь в Кастнлнн, Басконнн, Португалин н Андалузии. Главнымн центрамн сталн Лиссабон, где находнлся комаидующнй флотом Санта-Крус, и Кадис, где начальствовал герцог Меднна Сидония, богатейшнй нз нспаиских грандов.

Инструкцнн дона Фнлнппа предпнсывалн держать все приготовлення в «велнком секрете». Однако аиглнйскне шпноиы отнюдь ие чувствовалн себя связаииыми этимн предпнсаинями. Но в Лондоне не былн удовлетвореиы даже получеиимн нзвестнямн, н адмиралу Френсису Дрейку — главе «королевскнх пиратов», годамн иаводнвших страх иа испаиские корабли, было поручеио разузнать иа месте, как обстоят дела. 19 апреля 1587 г. корабли Дрейка иеожидаиио ворвались в гаваиь Кадис. Англнчане хозяйничалн в порту двое суток, не потеряв нн одиого моряка. Онн потопнли и сожглн двадцать четыре стоявшнх на рейде суда. В инх иаходнлся груз ценностью около трех четвертей миллиона дукатов. Еще более чувствнтельным был удар по испаискому престнжу. Венециаискнй посол Лнппомаио доноснл своему правительству: «Аиглнчаие — хозяева иа море и делают там, что счнтают иужиым. Лиссабои и все побережье иаходятся в положеиии, как если бы их подверглн блокаде»[2].

Армада так и ие отплыла в 1587 году, но Филипп II с еще большнм упрямством продолжал подготовку своего «аиглийского дела». Шотлаидскнй граф Мортои в обмен иа субсидню выразил готовность начать боевые действня на севериой англнйской граннце, как только нспанская эскадра достнгнет брнтанскнх берегов. Испаицы моглн высадиться и в Ирланднн, превратив ее в плацдарм для дальиейшнх воеиных операций протнв Аиглни. А в Нндерлаидах Александр Пармскнй осадил город Слейс, отброснл поспешнвшие ему на помощь аиглийские полкн н овладел этим портом, откуда наиболее удобио было подготовить переброску десанта через Ла-Маиш.

◆

[2] A. M. Hadfield, Time to Finish the Game. The Englısn and the Armada, L., 1964.

Усиливая военные приготовления, Филипп заботился и об устройстве будущего вассального королевства. Английский престол он предполагал передать своей дочери. По упорному настоянию испанского короля, папа возвел английского католического священника Уильяма Аллена в сан кардинала. Ему предстояло возглавить контрреформацию в Англии — уничтожение протестантской ереси, возвращение церкви и монастырям земель, конфискованных у них полвека назад во время разрыва с Римом. Папа, назначив Аллена, постарался урвать свою долю будущей добычи. Сикст напомнил дону Филиппу, что было бы непростительным грехом со стороны короля самому утверждать кандидатов на епископские и другие высшие церковные вакансии, которые откроются в Англии, так как это исключительное право святого престола. Если король даже в мыслях имел нечто подобное, ему следует спешно покаяться в таком прегрешении. В апреле 1588 года Филипп II пришел к выводу, что пробил долгожданный час для отплытия армады. Это было невиданное еще собрание судов по размерам и по числу пушек, и по количеству находившихся на борту солдат. Эскадра состояла из 130 военных кораблей и вооруженных транспортов, имевших две с половиной тысячи орудий, свыше 27 тыс. солдат и матросов [3]. Ее возглавил взамен умершего опытного моряка адмирала Санта-Круса герцог Медина Сидония. На торжественной религиозной церемонии в Лиссабонском кафедральном соборе кардинал эрцгерцог Португалии от имени короля вручил новому командующему знамя армады, вышитое знатными дамами и освященное самим римским папой (христианскому воинству незачем было знать, в каких крепких выражениях Сикст V отзывался об «английском деле» короля). Чтобы еще больше подчеркнуть значение нового крестового похода, среди толпы вельмож стояли потомки конкистадоров — завоевателей Нового Света, Кортеса и Писарро. Жерла трехсот пушек извергли грохот приветственного салюта, когда пышная процессия доставила святое знамя армады на адмиральский корабль «Сан Мартин».

На эскадре поддерживалась строгая дисциплина. После отплытия каждый вечер палубы оглашались пени-

◆

[3] A. M. Hadfield, Time to Finish the Game. The English and the Armada, p. 94.

ем благодарственных гимнов. Многочисленные священники и монахи без устали служили обедни. Были изгнаны божба и азартные игры и уж совсем вопреки всем обычаям не было разрешено брать на корабли веселых девиц, составлявших компанию морякам в таком далеком и трудном плавании. Впрочем, этот последний запрет соблюдался далеко не на всех судах.

Отплытию непобедимой армады предшествовала длительная тайная война. Еще за десятилетие до этого Елизавета поставила во главе английской секретной службы сэра Френсиса Уолсингема (его начальником стал прежний руководитель разведки Уильям Сесиль лорд Берли — первый министр королевы). Недоверчивый пуританин, не привыкший брезговать никакими средствами, Уолсингем повел упорную борьбу против всех противников Елизаветы, связанных с Мадридом, в частности против иезуитов. Один за другим стараниями Уолсингема и его ищеек были раскрыты заговоры католиков в пользу Марии Стюарт. Последний из них — заговор Бабингтона, в который Уолсингему хитроумными маневрами удалось вовлечь и саму королевскую узницу, создал удобный предлог для ее казни как преступницы, покушавшейся на жизнь Елизаветы. Поединок секретных служб становился все более напряженным по мере того, как выявлялись планы подготовки армады.

Испанская разведка по-прежнему активно действовала в Англии, добывая информацию с помощью английских католиков. Испанские резиденты находились во многих портовых городах Англии[4]. В 1586, 1587 и 1588 годах Филипп II получил первостепенной важности сведения о силах английского флота и передвижении кораблей, о строительстве новых судов и т. д. Правда, эта информация не всегда была точной, а порой успевала устареть, пока попадала в Мадрид. Полученные известия часто пересылались через французского посла в Лондоне и другими путями.

Пытался насадить свою агентуру в Англии и испанский наместник в Нидерландах Александр Пармский. Он был против высадки испанской армии в Англии вплоть до полного завоевания Нидерландов и поэтому старался с

◆

[4] L. Jensen, Diplomacy and Dogmatism. Bernardino de Mendoza and the French Catholic League, Cambr. (Mass.), 1964, pp. 105—109.

помощью подкупа членов английского тайного совета создать партию сторонников мира с Испанией. Английские лорды с охотой принимали все взятки, которые им давал испанский наместник, однако их переписка с ним велась под строгим контролем Уолсингема.

К этому времени относится — действительная или мнимая — измена английского посла во Франции Стаффорда. Этот знатный вельможа, родственник Елизаветы, был назначен на свой пост в 1583 году, сменив Генри Кобхема. Прежний посол постарался по мере возможности затруднить работу своего преемника, отказавшись снабдить его самыми необходимыми сведениями о положении и борьбе партий при французском дворе. Вдобавок, регулярно посылая донесения в Лондон, Стаффорд получил неожиданно выговор от Уолсингема — стоит ли так часто докучать ее величеству донесениями. Конечно, дело было не в стремлении оградить королеву от излишних подробностей, а в явном недоверии, которое питал Уолсингем к Стаффорду, как не очень ревностному протестанту. В свою очередь, Стаффорд считал, что советы Уолсингема вызваны были интригой — желанием представить посла неспособным человеком в глазах королевы. Стаффорд жаловался, что с этой целью Уолсингем докладывал Елизавете новости, поступавшие от своих агентов, а потом уже депеши посла из Парижа, хотя эти сообщения приходили раньше, чем донесения разведчиков.

Уолсингем направил некоего «Роджерса» (Николаса Бердена) в Париж для слежки за Стаффордом. Агент министра установил, что посол связан с английскими католиками. Имелись сведения, что Стаффорд показывал свою переписку с Лондоном герцогу Гизу, главе католической происпанской партии. Из этой корреспонденции Гиз мог убедиться, что Елизавета вела двойную игру в отношении Франции: соблазняя ее перспективой завоевания испанских Нидерландов, королева одновременно препятствовала тому, чтобы они в случае изгнания испанцев попали бы во французские руки.

Уолсингем, видимо, не полностью доверяя сведениям своего агента или каким-то другим причинам, не предпринял никаких шагов для разоблачения Стаффорда. Между тем посол, если верить его донесениям в Лондон, развил бурную деятельность, стремясь получать достоверную информацию об Испании. Такие сведения ему с

готовностью вызвался поставлять венецианский посол в Париже. Но его информация оказалась недостаточной, и Стаффорд пытался пополнить ее, выуживая нужные сведения у савойского посла, хотя тот был настроен в пользу Испании. Для этой цели Стаффорд познакомил свою жену с женой савойца и пытался таким путем разузнать интересовавшие его новости из Мадрида.

Однако в то время, как в Лондон приходили столь успокоительные известия, в Мадрид начали поступать тоже не менее приятные сведения о деятельности английского посла в Париже. «Новый друг», как называли испанцы Стаффорда в своей секретной переписке, выдал Мадриду важные данные о предполагавшейся экспедиции «королевского пирата» Дрейка, о составе и движении кораблей. Летом 1588 года во время отплытия Великой армады Стаффорд переслал в испанскую столицу подробные данные об английских эскадрах, которые готовились встретить врага. Посол откровенно выражал надежду на «исчезновение» Елизаветы и на то, что английский престол перейдет к Филиппу II. Хотя Уолсингем не раз выдвигал различные обвинения против Стаффорда, тот сохранял свой дипломатический пост. Интересно отметить, что Стаффорд спокойно вернулся в Англию и не подвергся там никакому наказанию за измену, мирно скончавшись в 1605 году. Остается неясным, был ли он агентом-двойником или попросту дурачил испанцев ложной информацией.

В 1587 и 1588 годах усилия английской секретной службы сосредоточивались на сборе известий о подготовке армады. В каком бы месте Европы ни находились агенты Уолсингема, они жадно ловили вести, приходившие из Мадрида. И стекавшаяся по всем этим каналам информация в целом создавала достаточно полную и точную картину происходившего. Уолсингему удалось даже, используя связи английских купцов и ювелиров с Ломбард-стрит с североитальянскими банкирами, добиться, чтобы те отказали в кредитах Филиппу II. Это серьезно замедлило его военные приготовления.

Важным источником информации являлись португальцы, многие из которых были недовольны захватом их страны армией Филиппа II. Родственники поселившегося в Лондоне доктора Гектора Нуньеса — Г. Пардо и Б. Луис, совмещая шпионаж с контрабандной торговлей, привозили из Испании кроме колониальных товаров сведения

о подготовке армады. Испанский король в конце концов приказал арестовать обоих шпионов-контрабандистов, но Пардо ухитрялся даже из тюрьмы посылать письма в Лондон, которые доставлял капитан одного германского корабля.

Агент Уолсингема в Италии Энтони Станден (он жил там под именем Помпео Пеллегрини) отправил в Мадрид фламандца, брат которого служил в свите маркиза ди Санта-Крус, главнокомандующего непобедимой армадой.

Фламандец посылал свои донесения через тосканского посла в Мадриде Джузеппе (или Джованни) Фильяцци. Любопытно, что опытный моряк маркиз Санта-Крус скоропостижно скончался как раз накануне отплытия эскадры и был заменен неспособным и совершенно неопытным в морском деле герцогом Медина Сидония. Замена в немалой степени способствовала последующим успехам английских кораблей в борьбе против испанского флота. Уолсингем получил копию отчета о состоянии армады накануне отплытия, который был составлен для Филиппа II. Недаром после возвращения Фильяцци из Мадрида на родину Станден обещал ему выхлопотать особое благодарственное письмо королевы. (Использование послов дружеских держав, аккредитованных при вражеских правительствах, а также вообще дипломатов, которых можно было побудить к оказанию услуг Англии, все более входило в практику секретной службы Уолсингема.) Помимо фламандца Станден имел в Испании и других агентов и мог твердо сообщить, что армада не отплывет в 1587 году.

В начале 1587 года один из агентов Уолсингема — Гиббс представил детальный отчет об испанских портах. В Лиссабоне он выдал себя за уроженца Шотландии, что обеспечило ему благосклонность властей. Его вызвал к себе какой-то «маркиз», подвергший подробному опросу относительно английских гаваней и возможных мест высадки войск. Разумеется, Гиббс снабдил своего собеседника ложными сведениями.

Секретная служба Уолсингема подкупила одного важного испанского чиновника в Нидерландах, а также советника Филиппа II некоего Яспера Шетца, который мог воздействовать на финансовые круги крупнейшего европейского торгового центра Антверпена в интересах английской политики.

На протяженин всего временн подготовкн армады не прекращался прнток сведеиий в Лондои. Но потом Уолсннгем как будто на время потерял ее нз виду. Он считал, что она рассеяна ветрамн, тогда как в действнтельностн кораблн не покинулн еще испаискнх гаваней. Однако вскоре ниформация снова стала поступать регулярно. Энтони Стаиден оргаиизовал сеть шпиоиов иа всем протяженнн Атлантического побережья Франции, вдоль которого двнгалась армада. Как только агент Стаидеиа замечал на горнзонте испаиские кораблн, он саднлся на коня н мчался в одну из фраицузскнх гаваией в Ла-Маише, переезжал через каиал и являлся для доклада к Уолсннгему. Испанскне галеоны передвнгались медлеино, агенты Стандена намного быстрее, и Уолсиигему было точно нзвестно, где в данный момент находнтся неприятель. Англнйскне капнтаиы знали заранее, когда покажется непрнятель, как лучше подходнть к галеоиам, чтобы оказаться вне зоны огня испаискнх пушек.

В целом испанская разведка миого уступала секретной службе Уолсиигема. Одиако дело было вовсе ие в качестве ниформацнн, прнтекавшей в Мадрид от нспанскнх шпнонов в Англии. Хотя они н передавалн сведеиня о военных прнготовленнях и полнтических мерах аиглийского двора, но ни онн, нн сам их короноваиный повелитель не моглн осознать главного. А главное сводилось к тому, что экономнчески наиболее могущественные классы Англнн — новое дворянство, разбогатевшее иа коифискацнн монастырскнх земель, и городская буржуазия — твердо решили не допустнть губнтельиой для их иитересов католнческой реакцнн. Еще более оии ие желали, чтобы она была насаждена в Аиглни с помощью ниостранной «папистской» армнн. В отраженни испанской угрозы этн классы опнрались иа полную поддержку аиглийского народа; даже значительиой части католического иаселення не улыбалась мысль об установлении нспанского господства. В результате правнтельство Елизаветы могло с полным успехом объявнть о созыве по сутн дела всеобщего ополчеиня н, что еще более важио, опереться иа лояльную поддержку всех оргаиов местиого самоуправления в городах и графствах, прииявшнх на себя расходы по обучеиию и обеспечению оружием и продовольствием выставлеиных ими военных отрядов. Портовые города выделнли средства и приложнлн все уснлия к снаряжению боевых судов. Лондонское Снти предоставило в распоряжение

правительства 2 тыс. солдат и 30 кораблей. В результате Елизавета получила столь серьезные ресурсы, что могла принять решение не нанимать ни иностранные корабли, ни иноземных моряков. Более того, английское правительство отказалось от денег, кораблей и матросов, которых предложили прислать протестантские страны — Дания и Швеция. Испанская дипломатия пыталась и здесь найти хорошую сторону. Она видела луч надежды для своего повелителя в том, что королева и ее советники из-за своих успехов стали слишком самонадеянны и слишком уверены, что справятся с любой армией, которая высадится в Англии[5]. Неизвестно, насколько эти утешительные соображения успокоили дона Филиппа, но они очень показательны. Даже испанские дипломаты порой понимали весь авантюризм задуманного предприятия и предпочитали закрыть на это глаза.

Весьма характерно, что Англия смогла в короткий срок снарядить флот, превосходивший по мореходным качествам боевых кораблей, по дальнобойности артиллерии и по выучке матросов армаду, созданную напряжением всех ресурсов огромной Испанской империи[6]. После длительного ожидания попутного ветра 29 мая 1588 г. армада покинула устье реки Тахо и двинулась на Север. Неблагоприятные ветры сделали продвижение очень медленным, а буря у мыса Финистер рассеяла ее корабли и заставила их поспешно укрыться в гавани Ла Корунья. Три недели ушло на починку. Впрочем, эти же ветры помешали английскому флоту, посланному навстречу армаде, встретиться с ней еще по пути. Лишь в конце июля армада стала приближаться к английским берегам. Тщетно опытные моряки советовали герцогу Медина Сидония атаковать английские эскадры — ему было предписано Филиппом вступить в сражение не ранее, чем он примет на борт и благополучно доставит в Англию испанские войска Александра Пармского. В результате сами испанцы уступили инициативу англичанам, имевшим значительно меньшие по объему, но более маневренные и лучше вооруженные для морского боя суда. Терпя многочисленные потери, 27 июля армада прорвалась через

◆

[5] A. M. Hadfield, Time to Finish the Game. The English and the Armada, p. 63.

[6] M. Lemis, The Spanish Armada, L., 1960, pp. 67—71, 75—80, 93—95 a. o.

Ла-Манш и вошла в гавань Кале в Северной Франции. Еще через два дня она передвинулась в Дюнкерк, а в Ньюпорте должна была производиться погрузка на транспорты солдат Александра Фарнезе. Многодневные атаки английских кораблей измотали и совершенно лишили испанских капитанов уверенности в своих силах. Неприятель, пустив в дело в три раза меньше кораблей, чем имела армада, все время был нападающей стороной.

В такой обстановке вдруг 29 июля на эскадре стало известно о приближении на всех парусах английских брандеров — груженных порохом судов, при взрыве которых погибали и находившиеся неподалеку вражеские корабли. Воцарилась паника. Капитаны приказывали рубить канаты якорей, чтобы побыстрее рассредоточить сгрудившуюся массу армады. Несколько кораблей столкнулось друг с другом, а поднявшаяся буря погнала оставшиеся суда обратно, в сторону Кале, куда эскадра добралась к 31 июля, расстроив свои боевые порядки. В стычках с англичанами и в результате кораблекрушений было потеряно полтора десятка кораблей, значительная часть остальных расстреляла без толку свой запас пороха и ядер, имела серьезные поломки. Вокруг находились опасные песчаные мели. Военный совет армады решил, что у нее нет возможности высадить десант в Англии и что она не сможет вернуться старым путем в Испанию. Чтобы избежать сражения с английским флотом, было решено взять курс на север и, обогнув берега Англии, Шотландии и Ирландии, возвратиться на родину.

Это было началом конца. Долгий путь по неизвестным морям, изобиловавшим опасными рифами и скалами, отсутствие продовольствия, ураганные ветры и непогода довершили разгром армады, начатый пушками Френсиса Дрейка, Хокинса, Фробишера и других британских адмиралов. Из 120 кораблей, прибывших к Ла-Маншу, 63 было потоплено, в том числе 26 самых крупных боевых судов. 10 сентября в Сантандер прибыл корабль адмирала Медина Сидония, а за ним постепенно и другие суда — жалкие остатки эскадры, отправленной покорить Англию во славу контрреформации и ради вселенских притязаний испанского короля.

Во время обратного пути армады ее по-прежнему не оставляло своим вниманием ведомство Уолсингема. Отдельные испанские суда бросали якорь около берегов Шотландии и в тех районах Ирландии, которые еще сла-

бо признавали или вовсе отказывались подчиняться власти английской королевы.

13 сентября испанский галеон появился в заливе Табирмори на Гебридских островах, надеясь пополнить запасы воды и съестных припасов. Английский посол в Шотландии Уильям Эшби немедля получил известие о прибытии корабля водоизмещением в 1400 т с 800 солдатами на борту и послал срочное донесение Уолсингему. По-видимому, судно село на мель, или же по другим причинам оно долгое время не могло выйти в море. 8 ноября Эшби сообщил Уолсингему, что испанцы все еще находятся в заливе. Это очень мало устраивало королевского министра. Как раз в эти дни среди жителей появился приятный в обращении незнакомец, одетый в шотландскую юбочку — традиционный костюм горца. 8 ноября ему удалось под каким-то предлогом оказаться на борту галеона, а вскоре после его посещения на судне вспыхнул пожар, раздался оглушительный грохот — взорвался пороховой склад, и корабль погрузился в морскую пучину вместе с командой. Спастись удалось лишь немногим. А приятного джентельмена называли потом то «французом», то «Смолеттом», то «лицом, известным Вашей светлости», как писал Эшби Уолсингему[7].

Филипп II встретил первые известия о гибели армады с хорошо разыгранным хладнокровием. Впрочем мало кому, даже из придворных, удавалось в эти дни видеть набожного повелителя полумира, который проводил долгие часы в одиночестве или в беседах со своим духовником. Вскоре до ушей иностранных дипломатов в Мадриде дошел слух, что король не оставил мысли отомстить за «дело божье», которое он окончательно отождествил со своими великодержавными планами. Как сообщал венецианский посол Липпомано, Филипп известил папу, что поставит на карту все, но снарядит новую армаду, чтобы покарать английскую еретичку.

Это не было пустыми словами. Филипп отправил еще две армады против Англии. Одна из них отплыла в октябре 1596 года. Из ста ее военных кораблей двадцать (не считая более мелких судов) затонуло во время шторма в Бискайском заливе. Через год попытка была повто-

◆

[7] A. M. Hadfield, Time to Finish the Game. The English and the Armada, pp. 195—196.

рена. 136 кораблей двинулись опять в поход, надеясь воспользоваться тем, что английский флот был далеко — у Азорских островов, поджидая там испанские суда из колоний, нагруженные золотом и серебром. Буря рассеяла и эту эскадру уже неподалеку от английских берегов незадолго до того, как вернулись отягощенные добычей английские корабли. Последняя армада отплыла в 1601 году. Она направлялась не в Англию, а в Ирландию, где местное население продолжало отчаянную борьбу против английской колонизации. На этот раз удалось произвести высадку, правда, не в городе Корке, а значительно западнее, в Кинсале. Солдаты Филиппа II, наученные горьким опытом прошлых неудач, привезли с собой лошадей и осадную артиллерию. Но испанцам так и не удалось наладить сотрудничество с ирландскими католиками, которые вскоре стали ненавидеть своих высокомерных союзников не меньше, чем врагов — англичан. Через несколько месяцев после высадки испанский десант был уничтожен английскими войсками.

Мадрид все еще не признавал себя побежденным. Быть может, свидетельством этого могла служить небольшая, но характерная деталь. В течение долгих лет испанское правительство содержало и использовало для угрозы новой интервенции против Англии эмигрантский полк, составленный из англичан-католиков под командованием сэра Уильяма Стенли [8].

Продолжалась и ожесточенная война разведок. Испанцам удавалось порой добиваться немаловажных успехов (в 90-х гг. они получили доступ к секретам английского Тайного совета), но эти удачи также не помогли мадридскому двору, как и новые армады. Напротив, английская секретная служба установила слежку за наиболее опасными агентами Мадрида — иезуитами. Характерно, что в начале XVII века английский посол в Венеции Уоттон сумел перехватывать важную переписку иезуитов. «Я должен признаться, — иронически писал посол, — что имею особую страсть к пакетам, которые посылают и получают эти святые отцы». В конце концов Уоттон настолько привык считать секретную корреспонденцию иезуитов своей неотъемлемой собственностью, что часть

◆

[8] A. J. Loomie, The Spanish Elizabethans. The English Exiles at the Court of Philip II, N. Y., 1963, pp. 129—181.

ее предоставлял за соответствующую мзду в распоряжение венецианского Совета десяти. Добавим, что Уоттон был склонен возвести принятие взяток (или пенсии) даже в ранг патриотического подвига. Он считал продажность дипломата хорошим средством «освободить неосторожного врага от его денег».

К началу XVII столетия с армадами было покончено раз и навсегда. Англичанам удалось перейти в наступление. Еще в июне 1596 года английские и голландские корабли повторили нападение Дрейка на Кадис. Стоявшие на рейде 15 военных и 40 торговых кораблей были захвачены в плен или спаслись бегством. Город был сожжен, его укрепления разрушены, склады и имущество жителей попали в руки победителей. Герцог Медина Сидония, незадачливый глава Великой армады, приказал сжечь суда с грузом драгоценностей. Это привело к банкротству испанской казны и многих кредитовавших ее банкиров. А на далеких морских путях, связывавших Испанию с ее необозримыми колониями, хозяевами стали английские и голландские суда. Морская гегемония Испании ушла в прошлое — это была первая расплата за попытки вооруженного насаждения контрреформации.

Бесславный конец

Разгром армады оказал большое влияние и на ход военных действий в Нидерландах. Испанская казна опустела, и Филипп стал еще скупее снабжать денежными средствами армию своего единственного действительно талантливого полководца герцога Пармского. (Елизавета не раз тайно предлагала герцогу Александру Фарнезе объявить себя независимым правителем Нидерландов; тот не шел на эту приманку, но Филипп знал или догадывался о заманчивых предложениях, делавшихся из Лондона командующему его войсками, и это усилило давно уже тлевшее недоверие короля к Фарнезе.)

Можно с основанием утверждать, что в течение нескольких лет тщательно подготовлявшееся нападение Пармы на Северные провинции закончилось неудачей вследствие двух причин: быстрого экономического развития Нидерландов, увеличивавшего ее ресурсы, и пере-

ключения виимания Пармы на юг — против Фраиции[1]. И это было далеко не случайным, так как по существу испанская нтервенция в Нидерландах была лншь частью политикн Фнлиппа II, рассчитанной на утверждеиие европейской гегемоиин Испанни[2].

В 1590 году из Мадрнда последовал приказ Александру Фарнезе повернуть на юг. Напрасно Фарнезе протестовал; ему прншлось подчиниться. Категорическим повелением короля после возвращения во Фландрию в 1592 году Александру было снова предписано идти во Францию. Он не мог оправиться от последствий раиы, полученной в одном из сражений, и опасался в любой день оказаться жертвой яда, присланного из испанской столицы кому-либо из его приближенных. Когда Фарнезе попроснл у короля отпуск на шесть недель для поправления здоровья, от Филиппа в июне 1592 года пришло письмо, любезно приглашавшее герцога Пармского в Мадрид. Привезший это письмо генерал Фуэнтос получнл приказ, назначавший его, в случае отказа герцога от королевского приглашения, командующим испанской армией в Нидерландах. Но опасения и интриги Филиппа запоздали. В декабре герцог Пармский скончался сорока семи лет от роду. С ним ушли в могилу последние надежды на успешный исход нндерландской войны. Целая система вооруженных интервенцнй — против Нидерлаидов, Англии, Франции, — которые в плаиах Филиппа должны были усиливать друг друга, на деле ускоряли нх общую неудачу. Александр Пармский понял это раньше других. Именно поэтому он возражал против использования своей армни, предназначенной для сокрушения Нндерлаидов, в «английском деле» н французских предприятиях Фнлиппа, что было одной из причин недовольства того строптнвым и чересчур талантлнвым полководцем.

Конечно, война против непокорных голландских провннций продолжалась более чем полтора десятилетия. По-прежнему лютовала испанская военщииа. В 1598 году испанскне солдаты учннили новые зверства над мирным населением нейтральных городов и княжеств —

◆

[1] P. G. Geyl, The Revolt of the Netherlands (1555—1609), L., 1932, pp. 202—203.

[2] Ср. А. Пирени, Нидерландская революция, М., 1937, стр. 306—307.

Мюнстера, Клеве и Берга. В 1600 году испанский наместник приказал предавать смерти всех пленных, включая тех, которые капитулировали после данного им обещания пощады. Он предписывал вешать всех членов команды захваченных торговых кораблей неприятеля, включая раненых и больных. Когда пленных было слишком много, их не вешали, а топили в море или сжигали живыми на костре. Но за все это время испанские войска не могли похвастать ни одним значительным успехом. Им пришлось отступить в пределы Южных Нидерландов (нынешней Бельгии). Голландцы захватили инициативу на море и заняли ряд азиатских колоний Португалии, включенной в состав испанской державы. В 1609 году Испания вынуждена была заключить перемирие с голландскими «мятежниками» и признать независимость Нидерландов. Сорокапятилетняя испанская интервенция против нидерландской революции закончилась окончательным провалом.

Правда, освободительная война одержала победу лишь на севере страны, где капиталистическое развитие было наиболее сильным, где массовое крестьянско-плебейское движение было более мощным и организованным, буржуазное руководство — более смелым и энергичным. Благодаря поддержке местной феодальной католической реакции испанские войска сохранили свой контроль над валлонскими провинциями, Фландрией, Брабантом. Они поплатились за это глубоким экономическим упадком, особенно заметным на фоне быстрого подъема Голландии, ставшей, по выражению К. Маркса, «образцовой капиталистической страной XVII столетия»[3]. На протяжении ста лет южные провинции оставались колонией государства, которое само превратилось во второстепенную обнищавшую страну. Позднее эти провинции стали ареной боевых действий (во время войны за испанское наследство), чтобы потом еще на целое столетие оставаться австрийским владением. Вместе с тем сохранение в течение еще целого века испанской власти над Валлонией, Фландрией и Брабантом не воспрепятствовало быстрому падению могущества испанской державы. Но вернемся назад, к годам расцвета могущества Филиппа II.

◆

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 761.

Борьба Филиппа II против нидерландских и французских еретиков оказалась в военном и дипломатическом плане настолько взаимосвязанной, что многие современники — а вслед за ними и новейшие исследователи — склонны считать их эпизодами одной войны [1].

Филипп II неоднократно с самого начала религиозных войн предлагал Катерине Медичи, правившей Францией, поддержку испанских войск против гугенотов [2]. Испанская «помощь», помимо всего прочего, должна была гарантировать Мадрид против оказания французами помощи голландским «мятежникам», которая явно соответствовала государственным интересам Франции. Вместе с тем эти меры являлись прологом к прямой интервенции, которую долго и усердно готовила испанская дипломатия.

В октябре 1584 года в Париж прибыл новый испанский посол дон Бернардино де Мендоса. Может быть, это событие и не слишком бы обратило на себя внимание современников, если бы не прошлое этого посланца Филиппа II и обстановка во Франции, раздираемой религиозными войнами.

Дон Бернардино уже сумел зарекомендовать себя одним из наиболее опасных, решительных исполнителей воли Филиппа II, одним из самых верных слуг испанской великодержавной политики. Мендоса успел побывать послом в Англии и в течение целых шести лет — с 1578 по 1584 год — являлся центральной фигурой во всех католических заговорах, направленных на свержение Елизаветы. Уолсингем добыл неопровержимые тому доказательства, и Мендоса был объявлен персоной нон грата. Вынужденный покинуть Англию, надменный испанец на прощанье угрожающе заявил: «Бернардино де Мендоса рожден не возбуждать беспорядки в странах, а завоевывать эти страны». Завоевание Англии Филипп II

◆

[1] R. N. Carew Hunt, Some Pamphlets of the Revolt of the Netherlands against Spain, «English Historical Review», XLIV, 1929, p. 388 f.; G. N. Clark, The Birth of the Dutch Republic, 1946, pp. 5—6.

[2] Например, J. W. Thompson, The War of Religion in France 1559—1576, New York — London, 1958, pp. 338, 494.

поручил Великой армаде. На долю Мендосы досталось возбуждение беспорядков для завоевания Франции.

Ко времени прибытия дона Мендосы в Париж положение там обострилось до крайности. Три крупные силы находились в состоянии неустойчивого равновесия, то и дело переходившего в вооруженные стычки. Во-первых, слабый, совершенно дискредитировавший себя в глазах подданных, последний Валуа — Генрих III, которым руководила его мать властная Екатерина Медичи. Во-вторых, гугеноты — французские протестанты, тесно связанные с восставшими Нидерландами[3]. Признанным главой гугенотов был король небольшого пограничного королевства Наварры Генрих, претендовавший на то, чтобы стать наследником французского престола. В-третьих, Католическая лига, находившая широкую поддержку в Центральной и Северной Франции, опиравшаяся на Париж и Орлеан. Глава Католической лиги Генрих герцог Гиз также мечтал о королевском престоле. Лига была очень пестрым конгломератом сил — аристократии, пытавшейся оградить свою независимость от короны, буржуа отдельных городов, отстаивавших свои средневековые привилегии, даже городских низов, искавших под религиозным знаменем выхода из отчаянной нужды, которая все более усугублялась многолетней междоусобицей. Однако все это было густо замешано на слепом католическом фанатизме. Его неустанно подогревали иезуиты, доминиканцы и другие церковные проповедники, являвшиеся, по сути дела, преданными агентами испанской монархии. И чем дальше, тем более выявлялся глубоко антинациональный характер планов Католической лиги, несовместимость ее программы с задачами сохранения целостности, независимости и прогрессивного развития Франции.

Еще до приезда Мендосы во Францию испанские дипломаты Тассис и Морео заключили в декабре 1584 года в Жуанвилле тайный договор с лигой, представленной герцогом Майеннским, младшим братом Генриха Гиза. По этому договору обе стороны обязывались препятствовать воцарению во Франции «еретика» Генриха Наваррского, способствовать всеми силами ис-

◆

[3] H. G. Koenigsberger, The Organization of Revolutionary Parties in France and the Netherlands during the 16-th Century, «Journal of Modern History», 1955, No 27.

искоренению протестантизма во Франции и Нидерландах, возвращению испанскому королю городов, которые он считал своими и которые находились в руках Генриха III (Камбре и др.). Лига соглашалась отказаться от традиционных союзных отношений Франции с Турцией, направленных против Испании, признать испанскую монополию на торговлю с Новым Светом и т. д. Взамен Филипп II обещал выплачивать руководителям лиги ежемесячную субсидию в 50 тыс. эскудо для ведения войны против ее врагов[4]. Лига обязалась также способствовать тому, что ряд владений Генриха Наваррского, юридически находившихся за пределами французской территории (Нижняя Наварра и Беарн), были переданы Филиппу II.

Жуанвильский договор был важным, но еще только первым шагом на пути превращения лиги в послушное орудие испанской политики и позднее — в прямую агентуру Филиппа во Франции. Он еще не предусматривал ни передачи французского престола Габсбургам, ни привлечения испанских войск для участия в религиозных войнах, раздиравших Францию. Но начало было положено. А Мендоса, официально аккредитованный при Генрихе III, стал важнейшей закулисной фигурой, направлявшей всю деятельность Католической лиги.

Прежде всего Мендоса занялся созданием разветвленной шпионской сети во Франции, которая позволила ему быть в курсе быстро менявшихся отношений между различными партиями и группами. Так, переговоры, начавшиеся весной и летом 1585 года между Екатериной Медичи и Генрихом III, с одной стороны, и руководителями лиги — с другой, велись через посредство придворного врача Франсуа Мирона, который, по всей видимости, стал и главным осведомителем Мендосы о содержании этих переговоров. Мендоса установил тесные связи и с главными министрами короля — Вильруа и другими, которые, не превратившись прямо в испанских агентов, тем не менее снабжали посла ценнейшей информацией обо всем, что происходило во французских придворных и правительственных кругах[5].

◆

[4] L. Jensen, Diplomacy and Dogmatism. Bernardino de Mendoza and the French Catholic League, p. 54.

[5] N. M. Sutherland, The French Secretaries of State in the Age of Catherine de Medici, L., 1962, p. 229 a. o.

В июле 1585 года был заключен мир между королем и лидерами лиги на основе широких уступок Генриха III. Однако и Гиз дал неопределенное обещание отказаться от всех договоров с иностранными правительствами. Это вызвало серьезное недовольство Мендосы, который, пересылая копию договора Филиппу, добавлял, что лигеры более руководствовались «своими собственными интересами, чем религиозным рвением». Филипп II опасался, что в случае разгрома протестантов объединенными войсками короля и Гиза они станут слишком сильными, чтобы нуждаться в поддержке Испании. А Филиппа II устраивал не всякий успех контрреформации, а лишь такой, который содействовал бы осуществлению его великодержавных планов, отождествляемых с интересами католической религии и церкви. Однако соглашение между Генрихом III и лигой было далеко не прочным, и Гиз счел благоразумным полностью сохранить свои испанские связи. Опасения Мендосы рассеялись.

В свою очередь, Генрих III был также далеко не в восторге от соглашения, ставившего его в сильнейшую зависимость от лиги. Задачей дипломатии Филиппа II стало поэтому не допустить ни в коем случае возможного примирения Генриха III с протестантами, к которому тот склонялся под предлогом, что сумеет убедить Генриха Наваррского отказаться от ереси. Секретные переговоры двух Генрихов велись через посредство командующего королевскими войсками маршала Бирона. Генрих III не подозревал, что Мендосе удалось установить дружеские отношения с маршалом и добывать у него нужные сведения о ходе переговоров. Переговоры продолжались до конца года, но, приводя к мимолетным успехам, вроде заключения недолгого перемирия, окончились неудачей [6].

Политика Филиппа II во Франции продолжала, по всей видимости, торжествовать. Однако и трудности возрастали с каждым годом. Для ее финансирования требовалось много золота, а его приходилось брать за счет отказа от оплаты других, столь же важных, внешнеполитических счетов, например на содержание испанской армии в Нидерландах. Различные проекты Мад-

◆

[6] J. H. Mariéjol, Catherine de Medicis (1519—1589), P., 1920, pp. 384—388; L. Jensen, Diplomacy and Dogmatism. Bernardino de Mendoza and the French Catholic League, pp. 77—79.

рида, сводившиеся к одной цели — установлению испанской гегемонии, явно вступали в противоречие друг с другом. До поры до времени союз между Филиппом II и Гизами укрепляла их совместная поддержка притязаний Марии Стюарт, близкой родственницы лотарингских герцогов. Однако, когда Мария решила сделать своим наследником Филиппа II, «французская» и «английская» политика короля явно пришли в коллизию, тем более что подготовка Великой армады для завоевания Англии заставила Мадрид очень неаккуратно производить выплату главе лиги обещанной субсидии. Все это побуждало испанскую дипломатию, сохраняя контакт с Гизами, создать собственную опору в самой лиге. Здесь Мендосе очень помогли его союзники — иезуиты и другие церковные ордена. Они много способствовали усилению враждебности лиги к Генриху III.

Весной 1588 года лигеры готовились к похищению короля, с тем чтобы заключить его в крепость. Планы лигеров были выданы Генриху III его шпионом Николя Пуленом, чиновником Парижского городского управления и видным лигером, пользовавшимся полным доверием Гизов. Однако король отказался поверить сообщению Пулена, тем более что губернатор Парижа Вилькер убедил его, что Пулен — агент Генриха Наваррского, стремившегося вбить окончательный клин между королем и лигой. Король ограничился приказом Гизу покинуть бурлившую столицу.

Между тем для Испании было важнее чем когда-либо полностью обессилить Генриха III. Великая армада собиралась в путь. Ей крайне необходимо было иметь возможность заходить по пути во французские гавани, спасаясь от опасных штормов в Атлантике. Кроме того, герцог Пармский мог посадить свою армию на корабли армады только в том случае, если он получил бы гарантию от удара во фланг со стороны Франции. В марте 1588 года Филипп II отправил Гизу сразу 300 тыс. эскудо; этих денег должно было хватить, чтобы полностью связать руки французскому королю. Одновременно испанские дипломаты пообещали Гизу, что как только он захватит Генриха III, мадридский двор порвет официальные отношения с французским королем и признает Гиза и лигу временным правительством Франции впредь до возведения на престол их кандидата — безличного кардинала Бурбона. В случае успеха Фи-

липп II обещал, что в распоряжение Гиза будет сразу же предоставлена армия численностью в 6 тыс. пехотинцев и 1 тыс. кавалеристов, а также дополнительная субсидия в 300 тыс. эскудо.

Гибель армады отнюдь не привела к ослаблению активности Мендосы. Скорее напротив. Еще до этого испанской дипломатии удалось с помощью золота Филиппа и его обещаний главарям лиги организовать выступление фанатизированного духовенством парижского населения против Генриха III. Этот день баррикад (9—12 мая 1588 г.) закончился полной победой лигеров и бегством Генриха из мятежной столицы. Однако именно бегство короля сделало победу лиги далеко не полной. В Блуа были собраны Генеральные штаты, на которых, правда, король шаг за шагом должен был отступать перед требованиями делегатов-лигеров. Тогда Генрих III 23 декабря вызвал Гиза для переговоров к себе в покои. Явившийся после некоторых колебаний по королевскому требованию герцог был убит телохранителями Генриха. Через несколько дней та же участь постигла брата Гиза — кардинала Лотарингского; находившиеся в Блуа вожди лигеров были брошены в тюрьму.

Убийство Гиза лишило Филиппа II его наиболее важного союзника во Франции и, в конечном счете, нанесло большой ущерб испанской партии. Но первоначально оно мало смутило испанскую дипломатию, считавшую, что гибель герцога Лотарингского имела и полезную сторону: с политической арены исчезло слишком влиятельное лицо, планы которого впоследствии могли легко вступить в противоречие с намерениями мадридского двора.

После убийства Гиза произошел окончательный разрыв короля с лигой, образовавшей свое правительство, которому подчинялась значительная часть Франции. Теперь задачей Мендосы (Испанию мало смущало, что Генрих III объявил его персона нон грата) было не допустить никакого компромиссного договора с Генрихом III, к которому стремилась часть лигеров, обеспокоенных растущим политическим хаосом в стране, а также — поскольку речь шла о дворянах — крайне напуганных подъемом крестьянского движения. Мендоса доказывал им, что немыслимо никакое соглашение с убийцей Гиза и союзником «злейшего врага христианства» Генриха Наваррского. Испанский посол рекомен-

довал еще более, чем прежде, опираться на помощь Мадрида. А главное, дон Мендоса стремился держать под контролем склонную к переговорам часть лигеров, оказывая на нее нажим с помощью толпы парижан, фанатизируемой его агентами — иезуитами и доминиканцами.

Орудием планов Мендосы и Гизов стал доминиканский монах, двадцатидвухлетний Жак Клеман. Это был резкий, решительный и вместе с тем туповатый малый, находившийся во власти самых нелепых суеверий. Не стоило большого труда убедить брата Клемана в том, что ему предопределено совершить великий подвиг на благо церкви.

Клеман отправился под видом тайного гонца к Генриху III от противников лиги, монаху дали несколько писем от них (одно настоящее, остальные подложные). С помощью этих писем заговорщику удалось убедить придворных Генриха III, чтобы они устроили ему 1 августа аудиенцию у короля, которому Клеман обещал открыть важную тайну. Клеман передал Генриху письмо... и вонзил кинжал в живот королю. «Проклятый монах, он убил меня!» — в ужасе завопил Генрих. Клеман даже не пытался бежать, надеясь на обещанное ему чудо: он должен был стать невидимым для слуг сатаны. Прибежавшая стража подняла убийцу на пики. В ночь на 3 августа 1589 г. Генрих III скончался. Римский папа Сикст V публично изобразил убийство как святое дело, исполнение воли Провидения [7]. Однако, как мы знаем, Сикст V вовсе не собирался целиком солидаризироваться с испанской политикой, так как не менее других страшился установления гегемонии Габсбургов в Европе.

Перед смертью Генрих III завещал престол Генриху Наваррскому. Унаследовав трон, Генрих IV мог опираться на гугенотов и часть вельмож-католиков, державших сторону убитого короля. Другая часть королевской партии колебалась и ставила условием признания Генриха Наваррского его переход в католичество.

Между тем в Париже Мендоса явно сам возглавил руководство лигой, обещая ее формальному главе — герцогу Майеннскому всяческую помощь Испании. Лига

◆

[7] P. Robiquet, Paris et la ligue sous le règne de Henri III, P., 1886, p. 575.

провозгласила королем своего кандидата — кардинала Бурбона под именем Карла X. А так как последний находился в плену у своего родственника Генриха Наваррского, он, естественно, не мог ни в какой мере оспаривать действия, совершавшиеся от его имени под диктовку испанского посла. (Любопытно, что сам мнимый «король» выступал за возведение на трон Генриха Наваррского и рекомендовал ему принять католичество.) Что же касается следующего наследника престола, если «Карл X» так и не освободится от плена, то им должна была стать, по разъяснению Филиппа II, его старшая дочь-инфанта Изабелла Клара Евгения. Правда, для этого надо было объявить, что потерял действие веками соблюдавшийся салический закон, который лишал женщин права занимать французский престол. Но этими формальностями предстояло уже заняться Мендосе и его агентам [8].

Значительно более тревожным был тот факт, что герцог Майеннский и другие вельможи, в отличие от послушных Мендосе парижских лигеров, стали подумывать о компромиссе с Генрихом, в случае если он откажется от протестантства. Подобные же планы еще ранее возникли у Сикста V, что очень взволновало испанскую дипломатию. 28 февраля 1590 г. произошла бурная сцена между папой и испанским послом графом Оливаресом, потребовавшим, чтобы Генрих Наваррский навсегда оставался отлученным от церкви. В ответ раздраженный первосвященник вскричал: «Его величество претендует предписывать нам законы поведения? Пусть остерегается: мы его отлучим от церкви и поднимем против него народы Испании и других стран!» [9]. В конце концов, конфликт был кое-как улажен, а 27 августа Сикст V скончался. За две недели до смерти он сказал венецианскому послу: «Эти испанцы убивают меня» [10]. Он имел в виду, вероятно, жаркие словесные схватки с испанскими дипломатами. Однако эти слова могли иметь и другой смысл; недаром современники подозревали, что Сикст V был от-

◆

[8] E. Saulnier, Le rôle politique du cardinal de Bourbon (Charles X), 1523—1590, P., 1912, p. 226; L. Jensen, Diplomacy and Dogmatism. Bernardino de Mendoza and the French Catholic League, p. 201.
[9] F. Rocquain, La France et Rome pendant les guerres de religion, P., 1924, p. 413.
[10] Ibid., p. 429.

равлен иезуитами, не без поощрения со стороны Мадрида. В Париже один священник публично объявил в проповеди, что смерть Сикста — «одно из великих благодеяний и чудес», совершенных богом для избавления Франции[11]. Новый папа — Григорий XIV предпочел следовать курсу мадридской политики.

Летом 1590 года войска Генриха IV осадили Париж — главный опорный пункт лиги. Филипп II, невзирая на то, что он после разгрома армады понес потери и что его армия в Нидерландах была полностью занята борьбой с голландцами, принял решение о новой интервенции. Александру Фарнезе было предписано идти на выручку парижских лигеров, несмотря на угрозу, что голландские «еретики» постараются вести наступление против занятой испанцами южной части Нидерландов.

В конце августа 1590 года армия Александра Пармского повернула на юг и ускоренными маршами двинулась на Париж. Началась открытая вооруженная интервенция Испании в поддержку лиги. Александр Фарнезе в этом походе снова продемонстрировал свой недюжинный талант лучшего полководца того времени. Искусными маневрами он принудил Генриха IV снять осаду Парижа и отступить в Нормандию. Укрепив положение лиги, герцог Пармский поспешил обратно во Фландрию для продолжения борьбы против голландцев.

Лига была спасена от крушения, но положение ее оставалось шатким. Ее «король» в это время умер в плену. На вакантный (с точки зрения лигеров) трон открыто выдвинул притязания герцог Майенский, сторонники которого поспешили в многочисленных памфлетах обосновывать его более чем сомнительные «права». Воспользовавшись случаем, Филипп уже открыто предложил кандидатуру своей старшей дочери, начались дебаты о возможности отмены салического закона.

События все время выходили из-под контроля испанской дипломатии, и даже неутомимый Мендоса запросил об отставке, на которую последовало, наконец, согласие Филиппа. Последние месяцы прошли у посла в упорных хлопотах о сильном вооруженном эскорте, без которого нечего было и думать проехать по объятой войной стране.

◆

[11] F. Rocquain, La France et Rome pendant les guerres de religion, p. 429.

Впрочем, и военная охрана оказалась ненадежной: по дороге солдаты конвоя, по-своему понимая возложенную на них миссию, не только до нитки ограбили и без того оскудевшего посланца Филиппа II, но и захватили при этом многие важные бумаги, которые Мендоса потом в течение целого месяца тщетно пытался выудить обратно.

Не сумев взять Париж осадой, Генрих IV прибегнул к более гибкой тактике, пытаясь отрезать все линии связи столицы с внешним миром. Особое значение приобрела борьба за Руан, окруженный армией Генриха в конце 1591 года. Потребовалась новая вооруженная интервенция Испании, чтобы сохранить город для лиги. В марте 1592 года отборные ветераны Александра Пармского сумели обойти осаждавших и войти в Руан. После этого, однако, испанцы снова должны были быстро отступить в Бельгию, а Александр Фарнезе, как уже указывалось, умер в декабре 1592 года от раны, полученной в одном из сражений этой кампании.

Тем временем в Париже испанская дипломатия продолжала лихорадочные усилия, чтобы сохранить свои позиции. В январе 1593 года были собраны делегаты от территорий, находившихся под контролем лиги, которые объявили себя Генеральными штатами Французского королевства. Новый испанский посол Ферия сначала попытался добиться у них отмены салического закона и провозглашения инфанты королевой Франции. Он натолкнулся на решительный отказ, свидетельствовавший о быстром нарастании оппозиции к испанским домогательствам даже среди лигеров [12]. Тогда, сменив тактику, Филипп II поручил Ферия добиваться возведения на престол молодого герцога Карла Гиза и одновременного заключения им брака с испанской инфантой. Это был по существу лишь слегка прикрытый план утверждения полного испанского господства над Францией. Он встретил быстро усилившееся сопротивление среди испанской партии, не говоря уже о других группировках лиги. Растущее сознание опасности для самого национального существования Франции резко ослабило положение наиболее фанатичных проповедников контрреформации, для которых главным было уничтожение ереси и восстанов-

◆

[12] F. Rocquain, La France et Rome pendant les guerres de religion, p. 481 f.

ление «единства христианства» (это лишь другое название планов создания «универсальной» монархии Филиппа II).

Дальновидный политик Генрих IV понял, что настало время для решительного шага. Его переход в католичество должен был обеспечить ему поддержку большинства лигеров, все дальше отходивших от испанской партии.

В июле 1593 года Генрих присутствовал на торжественной мессе, что означало принятие им католичества. Именно тогда была брошена им (или приписана ему) знаменитая фраза о том, что «Париж стоит обедни». Хотя часть лигеров и иезуиты громко доказывали неискренность обращения закоренелого еретика, ряды их сторонников редели. И еще через полгода Париж открыл ворота королю, против которого выступал в течение многих лет. Теперь оставалось лишь с помощью оружия, земельных и денежных подачек побудить к подчинению еще сопротивлявшихся вельмож — сторонников лиги. На это ушли последующие два-три года. В январе 1596 года капитулировал и глава лигеров — герцог Майеннский.

Смена Генрихом IV — третьей по счету — веры была чисто политическим шагом. Филипп II убеждал всех, и особенно нового папу Клемента VIII, не верить «раскаянию» еретика. Однако в Риме, хотя и тянули более года с признанием возвращения Генриха в лоно католицизма, делали это больше в угоду Филиппу II, чтобы открыто не ссориться с ним. А в целом папский престол был явно доволен маневром Генриха, который наносил окончательный удар по планам мадридского двора. Поэтому после посещения испанского посла, уговаривавшего Клемента VIII не вступать в соглашение с Генрихом, папа нравоучительно заметил: «Небо более радуется одному покаявшемуся грешнику, чем тысяче праведников»[13]. В сентябре 1595 года с Генриха было снято отлучение, и Клемент VIII направил к нему своего посланца с письмом, в котором выражал радость по поводу столь счастливого события, доказывающего всеблагость Провидения...[14] Снова выявилось скрытое противоречие интере-

◆

[13] E. Maas, The Dream of Philip II, Indianapolis — New York, 1944, p. 271.

[14] F. Rocquain, La France et Rome pendant les guerres de religion, p. 525.

сов и целей двух главных сил контрреформации — Габсбургов и папства.

Наиболее упорными оказались иезуиты. 27 декабря 1595 г. король принимал приближенных, поздравлявших его с победой. Неожиданно к нему подбежал юноша и попытался ударить кинжалом в грудь. Генриха спасло, что в этот момент он наклонился, поднимая с колен одного из придворных. Удар пришелся в рот, и у Генриха оказался лишь вышибленным зуб. Покушавшийся Жан Шатель действовал под подстрекательством иезуитов — отца Гиньяра и отца Гере. Первый из них был отправлен на виселицу, а иезуиты в том же году изгнаны из Франции.

В январе 1595 года Генрих IV мог уже официально от имени Франции объявить войну Филиппу II. Она длилась еще три года. 2 мая 1598 г. по мирному договору в Вервене границы между Францией и Испанией были за немногими частностями восстановлены в том виде, какой они имели до религиозных войн. Дипломатическая и вооруженная интервенция Филиппа II во Франции, растянувшаяся более чем на полтора десятилетия, окончилась полным провалом. Через четыре месяца после заключения договора в Вервене Филипп II умер. Но в Мадриде все еще не собирались отказываться от мысли о новой интервенции. А для подготовки ее прибегали к испытанному оружию — тайным заговорам и политическим убийствам.

Трагедия после фарса

Сложным извилистым путем пробивала себе дорогу католическая интрига. Контрреформация вовсе не была единой. Как мы видели, папы, начиная с Сикста V, отнюдь не отождествляли свои интересы с планами расширения влияния Габсбургов; напротив, в Ватикане считали, что неудачи, которые могут постигнуть Испанию, приблизят святой престол к овладению Неаполем. Иезуитский орден также перестал вполне разделять горделивое убеждение Филиппа II и его преемников, что «бог по национальности испанец». Уже закладывались основы будущего упадка испанской мировой державы, но этот факт был еще недоступен совре-

менникам, где бы они ни находились — в Лондоне или в Париже, Вене или Мадриде. По-прежнему Испания была опорой и центром католических интриг. Еще в 1605 году английские католические дворяне не без непременного участия иезуитов собирались взорвать на воздух короля Якова I и членов парламента, а потом поднять восстание в стране с помощью эмигрантского полка Стенли (знаменитый «пороховой заговор»). Недовольным французским вельможам предстоит еще заключить в первой половине XVII века многие десятки изменнических, секретных соглашений с Испанией против власти короны.

И вместе с тем правление Генриха IV резко изменило соотношение сил в Европе. Окончились религиозные войны, обессилевшие Францию. Генрих и его главный министр Рони, получивший титул герцога Сюлли, провели различные меры, несколько облегчившие нестерпимый налоговой гнет и положение крестьянства. Экономически истощенная страна начала оправляться, стала на путь нового экономического подъема. Отсюда и та несомненная популярность беарица (так называли Генриха по месту рождения). В народной памяти сохранился полусказочный образ «короля Анри», не очень притеснявшего народ, смелого полководца и веселого гуляки, любившего доброе вино и красивых женщин — совсем как герои старика Рабле.

В конце своего правления, когда Генриху давно перевалило за пятьдесят лет, он уже являлся почти легендарной фигурой. Этот коренастый могучий человек, с густой шевелюрой, не тронутой временем, со сверкающим взором, звучным голосом и белой бородой, окаймляющей живое лицо, которое часто озаряла хитроватая усмешка, привлекал внимание всей Европы. Временами казавшийся беззаботным прожигателем жизни, делившим свои часы между охотой и любовными приключениями, гасконец справедливо считался одним из лучших полководцев эпохи (это доказывали многочисленные сражения, которыми он проложил себе путь к престолу), проницательным политиком, опытным администратором и, что особенно важно, зорким дальновидным дипломатом, умело использовавшим выгоды своего положения. Генрих твердо знал свою цель — ликвидацию гегемонии испанских и австрийских Габсбургов, зажавших в клещи Францию. Ему было отлично известно, что для достижения этой цели можно мобилизовать такие разнородные си-

лы, как английского короля Якова I («самого умного дурака во всем христианском мире», как говорили тогда), голландские Генеральные штаты или протестантских князей Германии, швейцарские кантоны и наместника святого Петра, не порывая до поры до времени связей с Мадридом, обсуждая с министрами Филиппа III планы династических браков, которые должны были связать семейными узами Бурбонов и Габсбургов. Генрих IV все более становился арбитром в столкновениях между европейскими странами, накапливая силы и поджидая удобного момента для решительной схватки, которая должна была увенчать дело его жизни. А в Мадриде отлично понимали, что устранение Генриха необходимо для осуществления новых попыток утверждения испанской гегемонии в Европе, восстановления утраченного влияния на французские дела. Надежда на успех еще не была потеряна.

В самой Франции далеко еще не все было спокойно. Побежденные сторонники лиги продолжали с настороженностью смотреть на короля, уже неизвестно сколько раз менявшего свою религию и введшего веротерпимость. Остряки утверждали, что Генрих, бывший попеременно то католиком, то протестантом, «имел больше веры, чем все его предшественники». Гасконец даже иронически спросил одного из своих приближенных, проделавших с ним бесчисленные суровые походы прежних лет:

— Почему я обладал таким аппетитом, когда я был королем Наварры и у нас почти не было чего есть, а теперь, когда я король Франции, мне ничто не по вкусу?

— Это потому, государь,— отвечал находчивый придворный,— что Вы тогда были отлучены от церкви, и в качестве отлученного ели, как дьявол.

И оба собеседника громко расхохотались.

Нет, это совсем не был государь во вкусе иезуитов. Конечно, покушения прежних лет ушли в прошлое. В 1604 году Генрих допустил иезуитов обратно во Францию, а один из влиятельных членов ордена, сладкоречивый интриган отец Коттон стал даже одним из духовников короля. Этот иезуит, видимо, вкравшийся в доверие Генриха, был своего рода послом от католической партии, внимательно следившей за всеми тайными маневрами и планами недавнего еретика, занявшего трон Валуа. Быть может, однако, Генрих держал при себе Коттона, чтобы дурачить «общество Иисуса»? По просьбе Генриха орден даже осудил ряд сочинений, написанных усерды-

ми фанатиками, в которых содержались оправдания убийства монарха, если он выступал против интересов католической церкви. Однако были осуждены не все такие сочинения, да и влияние этих книг, во множестве появлявшихся в прошлые годы, нельзя было уничтожить формальным порицанием. А в искренности его можно было вдобавок усомниться, узнав, что святые отцы попрежнему берегли как реликвию зуб Жана Шателя, который пытался убить Генриха. Отдельные иезуиты продолжали демонстративно осуждать распутную жизнь короля. Да к тому же нельзя, по правильному замечанию одного историка, обязательно приписывать иезуитам инспирирование всех политических убийств той эпохи. Были ведь еще и доминиканцы, и капуцины, и другие ордена, каждый из которых легко мог направить руку будущего Клемана или Шателя. В 1607 году полиция обнаружила, что некий нормандский дворянин Сен-Жермен де Ракевилль вместе с женой и слугами пытались волшебством извести Генриха, производя различные магические минипуляции над изображениями короля. В то суеверное время мало кто сомневался в действенности таких средств. Ракевиллю отрубили голову на Гревской площади, были казнены и большинство его сообщников, но под многими крышами Парижа продолжались попытки погубить Генриха, протыкая иглой восковую фигурку, изображавшую нечестивого гасконца.

Огорчительная неприятность произошла и с самим достопочтенным отцом Коттоном, исповедником короля, видимо окончательно запутавшимся в лабиринте придворных интриг. Однажды к Сюлли, известному противнику иезуитов, зашел его друг Жак Гийо, советник парижского парламента, и принес ему любопытную бумагу. Он обнаружил ее в книге, одолженной у отца Коттона. В бумаге содержался длинный список вопросов, которые королевский духовник собирался поставить дьяволу, вселившемуся в некую Адриенну де Френ из Пикардии. Иезуит хотел разузнать у сатаны все, что князю тьмы было известно по широкому кругу проблем, начиная от того, как поили животных в ноевом ковчеге и какие сыны божьи влюблялись в дочерей человеческих, и кончая способами обращения английского короля Якова I в католичество. Однако это было всего лишь проявлением природной любознательности. А по долгу службы отец Коттон собирался специально допросить владыку преисподней,

что надлежит сделать для заключения прочного мира с Испанией... Генрих лишь пожал плечами, когда Сюлли принес ему опросный лист отца Коттона, и попросил держать дело в тайне. Правда, тот не выполнил просьбы, и придворные немалое время трепали доброе имя иезуитского исповедника. Но король, несмотря на все, стремился сохранить, хотя бы внешне, хорошие отношения с могущественным орденом.

Ему это удалось в том смысле, что разведка иезуитов не была уже, как прежде, простым ответвлением тайной дипломатии Габсбургов. Однако испанская секретная служба во Франции нисколько не ослабила своей активности. Ею руководил в эти годы энергичный испанский губернатор Милана граф Фуентес, решительный сторонник продолжения великодержавной политики Филиппа II. Не было ни одного из нередких заговоров во Франции против Генриха, нити которого не тянулись бы в Милан, во дворец испанского наместника. Генрих отвечал в 1605 году попытками организовать в Валенсии восстание морисков (принявших католицизм испанских мавров), которых должны были поддержать их соплеменники из Африки. Однако в последние годы своего правления гасконец сам создал дополнительные возможности для действия неутомимого герцога Фуентеса. Волокитство Генриха, по-прежнему как и в молодые годы не пропускавшего ни одной красивой женщины при дворе, не раз превращало его, теперь уже пожилого человека, в персонаж какой-то нелепой комедии. Конечно, не стоило бы обращаться к этой теме, с таким рвением изученной французскими буржуазными историками, если бы не одно обстоятельство. Амурные дела неисправимого селадона чем дальше, тем больше приобретали немаловажное политическое значение.

Французские историки насчитали у Генриха IV 57 любовниц и 19 покушений на его жизнь. Обе эти линии, неизменно сопутствовавшие Генриху до гробовой доски, часто оказывались тесно связанными друг с другом. Некоторых из королевских фавориток (например, Габриэль д'Эстре), вероятно, отравили католики. В истории не раз случалось, что враждебные политические силы выступали под знаменем защиты прав соперничавших представителей правящей династии. В соответствии с обстановкой такие враждебные группировки в годы правления Генриха стали формироваться вокруг наибо-

лее влиятельиых королевских фаворнток. К их числу относилась иадменная Геирнетта д'Антрег. Она, ее мать — Мария Туше, бывшая иекогда любовницей Карла IX, и их жадное семейство постаралнсь извлечь все возможные выгоды нз королевского увлечення. 100 тыс. экю и титул маркнзы де Верней былн лнщь иачалом. В пылу страсти Геирнх, потеряв свою обычную осторожность, дал пнсьменное обещанне женнться на фаворнтке. Разумеется, король и тогда не собирался выполнять это обязательство, одно оно легко могло быть использоваио сеятелямн смуты. Первый жар чувств вскоре угас, и Генрнх, ие прнннмавшнй своего обещання всерьез, поручнл мниистрам вестн переговоры о браке с племяннннцей великого герцога Тосканского. Когда же иовонспечеиная маркнза, узнав об этнх переговорах, потребовала от своего возлюбленного выполнення своего обещання, король предложил ей временно отдать драгоценный документ на сохраненне знакомому капуцниу отцу Илеру, который должеи был переслать бумагу самому римскому папе. Получнв ее, вкрадчиво уверял маркнзу ее лукавый любовннк, церковь решнтельно выступнт против тосканского брака, что обречет его на иеудачу. На деле Генрих иадеялся как раз на противоположиое: обещанне, выпущенное из изящных рук маркизы, иикак ие попадет в цепкне дланн наместнннка Христова. Ведь Генрнх иамеревался добнться через своего посла, чтобы капуцина арестовалн у ворот Рнма и отобралн роковую бумагу. Однако поистине гладко было иа бумаге... Фаворитка оказалась хитрее, чем это предполагал Генрих, н не попав в подготовленную ловушку, отказалась передать королевское обязательство монаху. Более того, иесколько позднее король сам едва не очутнлся в изобретеииой нм западне: по порученню маркнзы отец Илер все же отправился в Рнм к папе, чтобы добнться от него запрещення брака короля с флорентнйкой, дочерью Тосканского герцога. С трудом удалось французскому послу кардниалу д'Осса, нажав на все пружиины, добиться того, чтобы иеудобного капуцнна упрятали в моиастырь.

В результате семейство д'Аитрег, ее отец н сводный брат — сын Карла IX граф Овернский, приняло участне в заговоре маршала Бнрона, а в 1604 году устронло н свой заговор. Онн ставили целью убнть Генриха н возвестн иа трои малолетиего сына фаворнткн Генрнха-

Гастона. Заговор был раскрыт, отец и брат маркизы брошены в Бастилию и приговорены к смерти, а она сама заточена в монастырь Бомон Ле Тур. Однако вскоре желание уладить ссору с любовницей взяло верх, и Генриетта вернулась в Париж, отец ее был прощен и выпущен на свободу, а более опасный интриган — граф Овернский помилован, но оставлен в Бастилии. Произошло внешнее примирение, но упрямая маркиза не оставила своих планов. Она с помощью родни взялась за создание собственной партии, вербуя в нее феодальных вельмож, недовольных возрастанием королевского абсолютизма. Секретная служба маркизы Верней, как и полагалось по схеме, завязала, конечно, связи с Испанией, которая тайно признала Генриха-Гастона законным наследником французского престола. Маркиза занимела своих агентов и среди приближенных новой королевы — Марии Медичи.

Это имя еще со времен ее родственницы — Екатерины Медичи было хорошо известно как во Франции, так и во Флоренции. С известного портрета Марии на нас смотрит крупная, белотелая, почти тучная женщина с круглыми невыразительными глазами, в которых легко читались сварливость, леность мысли, взбалмошность, надменное упрямство, составлявшие отличительные черты ее характера. Лощеных придворных коробили ее грубые жесты, неистребимая вульгарность. Флорентийка привезла с собой целую армию слуг и служанок, вплоть до авантюристов всех мастей, астрологов, соглядатаев и брави — наемных убийц, привлеченных надеждой сделать быструю карьеру при французском дворе. Среди приближенных Марии наибольшее значение имела молочная сестра королевы, карлица Леонора Дори, со смуглым лицом, покрытым ранними морщинами и обезображенным пятнами, которая перед отъездом во Францию приняла аристократическое имя Галигаи. Болезненная, подверженная истерическим припадкам, убежденная, что ее заколдовали, Галигаи пыталась скрываться под черной вуалью от дурного глаза. И тем не менее именно на ней остановил свой выбор красавец Кончино Кончини, прибывший в Париж в числе других искателей приключений. Перед своим отъездом он объявил друзьям, что он ищет на чужбине — богатство или смерть!

Его ожидало там и то и другое. Но смерть пришла

много позднее, уже после того, как он стал фактическим правителем Франции во время регентства Марии Медичи, когда пистолет капитана де Витри прострелил ему череп, а голова Галигаи, обвиненной в убийстве Генриха IV, скатилась под секирой палача. А пока что супруги Кончини могли, как хотели, вертеть недалекой супругой короля, значение которой сильно возросло после рождения дофина. Она с восторгом слушала бесчисленные рассказы, которыми развлекал ее Кончини, и щедро делилась с Леонорой тем золотом, которое настойчиво вымогала у скуповатого мужа.

Между Марией Медичи и маркизой Верней шла открытая война. Однако от внимательных наблюдателей не укрылось, что супруги Кончини были готовы за спиной у своей повелительницы завязать связи с партией маркизы. Семейство фаворитов королевы, так же как фаворитка короля, могло только выиграть от устранения Генриха. Генриетта, как уже говорилось, имела своего человека в окружении королевы. Это была пожилая придворная дама — Шарлотта дю Тилле, которая в молодости была любовницей, да и позднее сохранила тесную дружбу с герцогом д'Эперноном. Этот знатный вельможа, всесильный временщик при правлении последнего Валуа, в последний момент религиозных войн переметнулся на сторону Генриха IV, сохранив в результате свои огромные владения и должность королевского губернатора многих важных крепостей. Он с 1595 года был агентом Испании, участвовал и в заговоре Бирона, и в комплотах маркизы Верней, но у Генриха не было прямых доказательств виновности герцога. Генрих не раз задевал интересы Эпернона, например поместив своих солдат в крепости Мец. А главное, герцог втайне презирал выскочку-короля, ненавидел Сюлли, мечтал о первом месте в государстве, которое он мог бы получить как регент при малолетнем дофине. Это был еще один участник пока еще молчаливого союза между главными силами, надеявшимися выиграть от смерти короля. Их объединяла и установленная по разным каналам связь с Мадридом.

Кончини обеспечивали испанский двор подробной информацией, пересылая ее через великого герцога Тосканского. Многое из этих новостей супружеская пара узнавала из-за неосторожности самого Генриха, не всегда умевшего держать язык за зубами.

Однако было ли действительно лишь безмолвным соглашение между Кончини, маркизой Верней и герцогом Эперноном?

В Париже жила в это время некая Жаклин «демуазель д'Эскоман» — так именовали ее, чтобы подчеркнуть, что она не принадлежит к благородному сословию, хотя и носит дворянскую фамилию мужа. Эта уроженка деревни Орфен, некрасивая, с небольшим горбом и прихрамывающей походкой, умела, несмотря на природные недостатки, нравиться мужчинам. У нее был дар вести приятную, остроумную беседу. Впрочем замужество Жаклин оказалось неудачным. Ее муж, гвардейский солдат, не только жестоко избивал несчастную женщину, но и принуждал заниматься проституцией, а потом бросил ее с ребенком без всяких средств к жизни. Однако Жаклин не растерялась. Отдав ребенка на воспитание, она сумела после нескольких неудач устроиться в дом к сестре маркизы Верней и быстро стать незаменимым человеком в организации любовных свиданий и выполнении других секретных поручений своей хозяйки. А та вскоре уступила столь полезную служанку самой маркизе. Неожиданно для себя Жаклин оказалась в самом центре оживленных политических интриг, которыми продолжала деятельно заниматься бывшая фаворитка Генриха.

В конце 1608 года на рождество толпа народа заполнила церковь святого Иоанна на Гревской площади. Под ее высокими сводами гремел голос проповедника отца Гонтье, обличавшего замыслы короля против папы, наглость еретиков, угнетавших верных сынов церкви. Во дворце иезуит Коттон рассыпался в комплиментах, а здесь его собрат по ордену, который славился непоколебимым единством действий, предрекал устрашенным парижанам ужасы Апокалипсиса под управлением лицемерного монарха, не очистившегося от скверны.

Богомольная маркиза ежедневно в сопровождении Жаклин посещала церковь святого Иоанна. Но на этот раз обличительным речам отца Гонтье внимал еще один пышно одетый вельможа, герцог д'Эпернон. Он, разумеется, с церемонной вежливостью поспешил выразить почтение знатной даме. Под аккомпанемент громоподобных пророчеств иезуита между ними завязался негромкий разговор, который для всех присутствующих казался привычной, ничего не значащей светской болтовней

случайно встретившихся знакомых. Для всех, кроме Жаклин, которая внимательно следила, чтобы ни одно слово из этого разговора не донеслось до толпившихся неподалеку прихожан. Однако сама д'Эскоман была потрясена услышанным: маркиза и герцог самым деловым тоном обсуждали планы убийства Генриха IV. Эти планы ужаснули «демуазель д'Эскоман», еще не вошедшую вполне в роль политической заговорщицы. Ей стало казаться, что она предназначена судьбой спасти короля и государство.

Маркиза уехала из столицы, а к д'Эскоман вскоре явился мрачного вида мужчина, принесший лаконичное письмо от герцога д'Эпернона, в котором значилось: «Я Вам его рекомендую. Позаботьтесь о нем». Незнакомец разъяснил, что ему поручено ведение одной тяжбы, для разрешения которой герцог просил содействия маркизы Верней. Д'Эскоман впоследствии утверждала, что этот человек назвался Равальяком. А когда в руках д'Эскоман очутилось письмо, адресованное Государственному совету в Мадриде, она решила действовать. Д'Эскоман связалась с некоей мадемуазель де Гурне, которую считали духовной наследницей Монтеня. А та сумела добиться для Жаклин аудиенции у герцога Сюлли, ближайшего друга короля. Сюлли в очень осторожных выражениях рассказал Генриху о новом заговоре, о котором стало известно из столь сомнительных уст. А Генрих, не желавший ссориться с фавориткой, лишь мимоходом, вручая очередные драгоценности, упрекнул за бесполезные интриги!

Хотя Генрих не упомянул об источнике своей осведомленности, маркиза сразу заподозрила Жаклин. Но потом фаворитка сочла, что у ее служанки не хватило бы ума и смелости для того, чтобы пробиться к королю и донести на свою госпожу. Поэтому маркиза лишь удалила д'Эскоман от себя и отдала на выучку к своему агенту в придворном штате королевы к уже знакомой нам Шарлотте дю Тилле. Подозрение постепенно исчезло. Жаклин осталась в курсе дальнейших действий заговорщиков, заделавшись ближайшей наперсницей дю Тилле.

Пока медленно зрел заговор, в который оказались вовлеченными окружение королевы и главная фаворитка, беарнец коротал время среди многих других привязанностей. И Мария Медичи, и маркиза Верней обходи-

ли презрительным молчанием эти мимолетные связи, не оказывавшие влияние на тайную борьбу за власть. Однако всему приходит конец.

Как-то раз суеверная королева пожелала иметь гороскоп своего младшего сына, обратившись за помощью к старому Руджьери, тому самому астрологу, который, если верить ходившим слухам, заранее предсказал ошеломленной Екатерине Медичи правление трех ее сыновей — Франциска II, Карла IX и Генриха III и последующее вступление на престол Генриха Наваррского. Многоопытный итальянец, передавая гороскоп Марии, заметил стоявшему рядом королю: «Я убежден, что Вас скоро ждет новая любовь, и Вы забудете или покинете все старые привязанности».

Конечно, Руджьери в данном случае не требовалось особенно напрягать свои способности оракула. «Бес в ребро», который по известной пословице сопровождает седину в голове, никогда не покидал короля. Вскоре, в январе 1609 года, он оказался у ног дочери конетабля Монморанси, молоденькой Шарлотты. Генрих был человеком действия. Он быстро расстроил намечавшийся брак Шарлотты с одним из своих приближенных, Бассомпьером, по-дружески разъяснив ему: «Если ты женишься, и она тебя полюбит, я тебя возненавижу. Если она полюбит меня, тогда ты меня возненавидишь. Я решил выдать ее замуж за моего племянника Конде и сделать приближенной моей жены... Своему племяннику, который молод и предпочитает охоту женщинам, я буду ежегодно выдавать сто тысяч ливров на развлечения».

Бассомпьер, человек вежливый, не стал выдвигать бесполезных возражений, но Генрих, принц Конде, первоначально согласившийся, стал подумывать, как донесли королю, не сбежать ли в приют всех заговорщиков — в Испанию. Генрих прибег к новым заманчивым обещаниям, потом перешел к угрозам, и принц капитулировал. В мае 1609 года состоялось бракосочетание. Казалось, все устроилось к общему удовольствию. Однако после свадьбы Конде неожиданно снова взбунтовался и окружил супругу неусыпным надзором, а потом вдруг увез из Парижа. Генриху лишь один раз удалось увидеть Шарлотту, помчавшись для этой цели в Амьен, где на короткое время остановились молодожены. А еще через несколько дней Конде увез Шарлотту за границу,

во Фландрию[1]. Принцу помогла осуществить побег испанская разведка.

Испанский наместник, эрцгерцог Альберт, противник войны с Францией, не знал, что и делать со знатными беглецами, выдачи которых сразу же стал требовать Генрих. Потерявший голову любовник на время победил в Генрихе осторожного политика. Он открыто обвинял Испанию в заговорщических связях с принцем. Это был один из редких случаев, когда обвинение против Мадрида не вполне соответствовало действительности, и посол Филиппа III дон Иниго де Карденас заявил резкий протест. (Генрих потом утверждал, что Карденас за пять дней до бегства принца предупредил об этом испанское правительство.) Отношения между Парижем и Мадридом заметно обострились. На решение эрцгерцога не выдавать принцессу явно повлияли тайные просьбы Марии Медичи и маркизы Верней. Ни той, ни другой не улыбалась перспектива утверждения влияния новой фаворитки, представительницы целого дворянского клана. Разве не ясно было к тому же, что Генриха столь же мало остановил бы развод, как и перемена религии. Опасность для Марии Медичи становилась вполне реальной, и это отлично поняли Кончини.

Между тем специальный королевский уполномоченный в Брюсселе де Кевр после неудачных попыток добиться выдачи принцессы предложил Генриху организовать ее похищение. С Шарлоттой поддерживался постоянный контакт через супругу французского посла де Берни и фрейлин принцессы. В ночь с 13 на 14 февраля она должна была переодетой выскользнуть из дворца, ее ожидали бы два десятка вооруженных всадников. Весь небольшой отряд должен был галопом мчаться к французской границе... 13 февраля в 11 часов утра всадник на взмыленном коне остановился у ворот дворца. Это был курьер от испанского посла во Франции. Он предупредил о предстоящем бегстве принцессы. Сразу же были приняты чрезвычайные меры предосторожности, похищение не удалось. Генрих громко объявил, что Шарлотта — это новая Елена, из-за которой началась Троянская война.

...И в эти самые месяцы, когда разыгрывалась подоб-

◆

[1] J. Loiseleur, Ravaillac et ses complices, P., 1873, p. 27.

ная мелодрама, часто граничившая с фарсом, в котором Генрих выступал в роли престарелого фавна, другой Генрих — тонкий политик и дипломат — продолжал осуществлять свой «великий план» подрыва габсбургской гегемонии в Европе. Под руководством Сюлли формировался артиллерийский парк для невиданной по масштабам более чем двухсоттысячной армии; полки подтягивались к границам Фландрии и испанских владений в Италии, куда успел перебраться Конде.

Некоторые исследователи, будучи не в состоянии отождествить потерявшего голову селадона с дальновидным политиком и полководцем, начали задумываться, не путают ли они причину и следствие. Быть может, попытки вызволить принцессу Конде не усилили воинственность короля, а были лишь благовидным прикрытием широко задуманных политических планов? Как бы то ни было, эти попытки на деле лишь усилили тревогу всех, кому угрожали далеко идущие намерения Генриха и кто мог выиграть от его устранения [2].

...Город Ангулем немало испытал, когда герцог д'Эпернон, как генерал Генриха III, был осажден в городе местными буржуа, сторонниками лиги, в годы религиозных войн. Войны и сопровождавшие их лишения только укрепили фанатический католицизм его жителей, враждовавших с протестантами, которые населяли окрестные места. В числе пострадавших был писец городской ратуши Равальяк. Его сыну Жану Франсуа с детства привили ненависть к гугенотам и их вождю, ставшему потом королем Франции. С 18 лет он заделался стряпчим и не раз бывал по делам в Париже. Этот мрачный, богатырского вида детина, с рыжей шевелюрой, не отличался умом. Равальяк все время находился во власти религиозной экзальтации, собирался вступить в иезуитский орден, но не был принят святыми отцами. Потом он был брошен за долги в тюрьму, откуда вышел еще более возбужденным и уверенным в своей миссии осуществить божественное правосудие. Во время нередких галлюцинаций ему слышались трубные звуки, призывавшие к мести. Он жадно внимал проповедям, осуждавшим королевскую милость, оказываемую гугенотам,

◆

[2] На вопрос испанского посла, против кого направлены французские вооружения, Генрих IV ответил почти неприкрытым вызовом (ср. J. et J. Tharaud, La tragédie de Ravaillac, P., 1913, pp. 98—99).

читал произведения сторонников лиги, объявлявшие богоугодным делом убийство антихриста на троне. Вероятно, уже тогда к Равальяку приглядывались, понимая, что придурковатый малый может послужить отличным исполнителем чужой воли. Впоследствии вскрылась одна чрезвычайно важная деталь. Уже знакомая нам мадемуазель дю Тилле — та самая, которой маркиза Верней поручила шпионить за королевой,— призналась, что знала Равальяка и несколько раз подбрасывала ему различные подачки. А д'Эскоман утверждала, что все это происходило весной 1609 года и что в разговорах с нею Равальяк открыто говорил о своем намерении убить короля.

Опасные свидетели

Как раз в это время должен был отправиться очередной курьер в Испанию. Жаклин д'Эскоман сделала еще одну попытку сообщить о подготовляемом заговоре. На этот раз она решила обратиться прямо к Марии Медичи. Жаклин попросила королевскую камеристку сообщить своей госпоже, что она задержала на сутки письма, адресованные Государственному совету в Мадриде. Ответ, который принесла камеристка, сводился к тому, что королева на три дня уезжает в Шартр и только после возвращения сможет поговорить с посетительницей. Д'Эскоман не могла, не возбуждая подозрения, задержать пакеты на столь долгий срок, и они были отправлены в Мадрид. Однако через три дня Жаклин вновь явилась в аппартаменты Марии Медичи. Время приема не было указано. Потекли томительные часы ожидания. Под вечер Жаклин сообщили, что королева забыла о своем обещании принять ее и уехала в Фонтенбло. Жаклин все же не оставила своих усилий. Через несколько недель она попыталась сделать еще один шаг: верующая католичка, она решила известить обо всем королевского духовника отца Коттона. Д'Эскоман отправилась в резиденцию иезуитов и попросила свидания с Коттоном, но его не было дома. На следующий день та же картина. Оказывается, отец Коттон тоже отбыл в Фонтенбло. По настоятельному требованию д'Эскоман принял другой важный ие-

зуит. Жаклин, изложив ему все, ставшее ей известным о заговоре, попросила известить короля.

— Я сделаю все, что посоветует мне господь,— последовал ответ.— Иди с миром и молись богу.

Жаклин попыталась напомнить, что королю грозит опасиость.

— Короля хорошо охраняют, занимайтесь своими делами или вас обвинят как участницу заговора, — угрожающе заметил святой отец.

Ои, видимо, смягчился лишь после того, как Жаклии заявила, что сама поедет в Фонтеибло и обвинит иезуита в том, что он желает смерти короля. Монах ласково пообещал принять меры и, видимо, принял.

От д'Эскоман неожиданно потребовали уплаты значительной суммы за содержание ее сына. Жаклин ие имела таких денег, и ей пришлось взять ребенка у воспитателя. Но куда его вести? Она приняла отчаяниое решение оставить малыша на улице в надежде, что его подберет какая-нибудь добрая душа. Но за всеми действиями Жаклии внимательно следили. Оиа была немедленно арестована и долгое время кочевала из одиой тюрьмы в другую. Подкидывание ребенка каралось смертью. Правда, судьи сжалились над д'Эскоман и отправили в моиастырь, где она должна была содержаться за счет мужа. Была ли эта снисходительность результатом мягкосердия или платой за молчание? Д'Эскомаи во время своего процесса ни одним словом ие обмолвилась о заговоре. Судьи так и не узнали, что Жаклин в тюрьме сумела поговорить с аптекарем королевы и поведать ему о готовящейся измене.

Это предупреждение, вероятно, ие достигло Геириха. Однако он получил и другое. Королю был представлен прибывший из Италии Пьер дю Жардеи, именуемый капитаном Лагардом. Этот офицер, в прошлом участиик мятежа Бирона, привез рекомендательное письмо от фраицузского посла в Риме. Типичный ландскиехт, Лагард пережил множество приключений. В Неаполе судьба свела его с французскими эмиграитами, непримиримыми сторонниками лиги, людьми, замешаиными в различных заговорах против Генриха IV. Одии из эмиграитов лейтеиант Лабрюйер представил капитаиа иезуиту Алагону, дяде испанского министра герцога Лермы. Беседуя с Лагардом, иезуит распространялся о враждебных планах короля против церкви и потом прямо предложил

50 тыс. экю, если капитан сумеет убить Генриха и таким образом избавить мир от нечестивого монарха. Лагард попросил время на размышление и ускорил свой отъезд. В Риме он через общих знакомых добился свидания с французским послом. Тот, сразу поняв не только значение сведений, сообщенных ему Лагардом, но и опасность того, что от капитана постараются избавиться, включил его в свиту великого маршала Польши, отправлявшегося в Париж.

Лагард утверждал, что герцог д'Эпернон — в это время генерал-полковник пехоты — вел секретную переписку с графом Баневентом, испанским вице-королем Неаполя. Капитан показал и письмо Лабрюйера, где прямо говорилось о планах покушения на Генриха IV. Гасконец поблагодарил Лагарда и посоветовал сопровождать великого маршала в его предполагаемой поездке по различным странам Европы. В Париже человеку, рискнувшему раскрыть планы испанцев и иезуитов, оставаться было неблагоразумно.

Генрих получил известие из Рима, что граф Фуентес, рассуждая о желательности вновь разжечь религиозную войну во Франции и отвечая на замечание, что это нелегкая задача, бросил такую фразу:

— Напротив, это очень простое дело, король часто ездит в открытой карете...

Из Мадрида французский посол доносил, что его флорентийский коллега знает в деталях все намерения Генриха и что секретные гонцы постоянно пересекают испано-французскую границу. Испания и Австрия были уверены, что со смертью Генриха будет проложена дорога к союзу с Францией, что резко укрепит преобладающее положение Габсбургов. Папа, не желавший такого усиления Испании и императора, не менее, однако, страшился надвигавшегося конфликта этих держав с Генрихом, при котором союзником Франции выступили бы Англия, Голландия и протестантские князья Германии. Этот конфликт, исходя из своих интересов, пытались предотвратить различные фракции испанской партии — Мария Медичи и Кончини, маркиза Верней, герцог д'Эпернон. В Париже и других частях страны кем-то усиленно распространялись слухи о намерении короля свергнуть с престола римского папу, о зловещих знамениях, даже о готовящейся «гугенотской Варфоломеевской ночи» для католиков.

Эти темные слухи с жадным вниманием ловил Равальяк. Он убежден, что народ жаждет смерти тирана. Ангулемец снова появляется в Париже и дважды пытается проникнуть в Лувр, но пока еще не для того, чтобы убить короля; прежде всего он стремится спасти заблудшую душу Генриха. Стража не пропускает мрачного верзилу, требующего свидания с королем. Когда Равальяк приходит в третий раз, караульные приводят его к своему начальнику, лейтенанту де Кастельно. У Равальяка к ноге, ниже колена, привязан нож. Кастельно в нерешительности, он вызывает своего отца де Лафорса, капитана гвардии. Тому, истовому протестанту, тоже кажется подозрительным мрачный рыжеволосый великан, требующий допустить его к королю. Откуда вы родом, спрашивает Лафорс.— Из Ангулема.— Знакомы ли вы с герцогом д'Эперноном?— задает новый вопрос капитан, зная, что герцог — губернатор этого города.— Да, отвечает Равальяк, и прибавляет: Это католик, позволяющий себе многое, запрещенное церковью.

Лафорс доложил Генриху о незнакомце.

— Обыскать его,— приказал Генрих,— и если у него ничего не найдут, прогнать и запретить, если он не желает быть высеченным, приближаться к Лувру и к моей особе.

Поверхностный обыск не дал результата. Равальяка отпустили, и он снова оказался во власти преследующих его маниакальных идей. Беседы с отцом Обиньи, уклончивые ответы ученого иезуита не внесли успокоения в его смятенную душу.

Еще раз, уже на улице, он пытается приблизиться к королевской карете с возгласом:

— Во имя господа нашего Иисуса Христа и девы Марии я обращаюсь к Вам, государь!

Напрасно — слуги отталкивают Равальяка, карета скрывается из виду.

Именно в это время, по-видимому, Равальяк, совершенно лишенный средств к жизни, получил деньги от дю Тилле, приятельницы д'Эпернона. Правдоподобно ли, что ни у нее, ни у отца Обиньи — в отличие от капитана Лафорса — не возникло никаких подозрений при разговоре с этим человеком, явно не в своем уме, все время твердившим о божественном отмщении?

В апреле и в начале мая 1610 года обстановка во Франции еще более накаляется. Война близка — король

не скрывает намереиия вскоре покинуть Париж, чтобы возглавить армию в предстоящей кампаиии. Идет война и виутри королевского семейства. Мария Медичи демоистративно обличает невериого супруга. Чтобы восстановить домашний мир, Генрих готов на уступку: короиовать Марию Медичи, это сделает еще более проблематичной возможность развода с ией и женитьбы иа принцессе Шарлотте. Однако эта же мера повышает права Марии Медичи стать регентшей при своем малолетнем сыие в случае смерти короля. 13 мая происходит короиация.

«Она будет причииой моей смерти»,— пророчески замечает Геирих [1]. Он, конечно, не может знать, что Равальяк решил отложить осуществление своего плана до коронации. Ему иеизвестио, что уже несколько дней в различных французских городах и за границей, в Брюсселе, в Кельне, Ахене, ходят слухи об убийстве короля Фраиции. На 15 мая назначеиа королевская охота, иа 16 — торжественное вступление в столицу королевы, иа 17 и 18 — большие празднества по случаю свадьбы герцога Вандома. А 19 мая король должен отправиться иа войну. Только придворным были известны эти планы. Ясио, что лишь 14 мая, когда ие было торжеств, нож ангулемца мог пронзить грудь Генриха. 14 мая Генрих отправился в большой карете на прогулку. На узкой улице путь карете неожиданно преградили какие-то телеги. Равальяк успел вскочить в экипаж и трижды нанести королю удары кинжалом. Раны оказались смертельиыми...

В первые часы после убийства д'Эпернон предпринимает лихорадочные усилия, чтобы захватить власть. Напрасно, она ускользает от иего. Правительницей Франции стаиовится Мария Медичи, а ею управляют супруги Коичиии.

Несколько суток после смерти Генриха д'Эперион держит Равальяка под своим контролем. Имеиио в это время его посещают иесколько священииков и миогозна-

◆

[1] Вместе с тем часть историков считает, что супругам Кончини было слишком рисковаиио или просто иевыгодио искать смерти Генриха. Оии, завоевав положеиие при дворе, могли легко потерять все в тех событиях, которые должиы были последовать за устраиеиием короля (F. Hayem, Le maréchal d'Ancre et Léonora Galigai, P., 1910, p. 66 f).

чительно советуют: «Сын мой, не обвиняй добрых людей!»

Судьи парижского парламента, производившие следствие, приложили особые усилия, чтобы нечаянно не обнаружить сообщников убийцы (это было невыгодно никому из власть имущих), сознательно не расспрашивали свидетелей, которые могли пролить свет на мотивы преступления. Согласно официальной версии, Равальяк действовал в одиночку, по собственному почину. Да и самому душевнобольному убийце казалось, что так и было на самом деле — ведь прямо его никто не подбивал на убийство короля! «Признание» в таком смысле, сделанное убийцей во время пытки, не было занесено в протокол, где лишь значится, что оно является «секретом суда». Об этом же Равальяк заявил на эшафоте, за минуту до начала жестокой казни. Ему отказывают в отпущении грехов, так как он не назвал сообщников.

— Дайте мне отпущение, действительное при условии, если я сказал правду, уверяя, что не имел сообщников, — говорит осужденный.

— Хорошо, но если ты солгал, твоя душа станет добычей ада,— предупредили Равальяка.

Он с готовностью принял отпущение грехов на таком условии.

Немало историков считали это доказательством, что у Равальяка действительно не было сообщников. Однако, как правильно замечает французский исследователь Ф. Эрланже, поведение Равальяка доказывает только то, что он сам верил, будто действовал в одиночку.

Стоит напомнить слова руководителя испанской разведки графа Фуентеса, сказанные еще в 1602 году одному из агентов Бирона:

— Первое дело — убить короля. Надо устроить это так, чтобы уничтожить всякие следы соучастия.

Однако все следы уничтожить не удалось. В январе 1611 года Жаклин д'Эскоман покинула монастырь, где ее содержали после тюрьмы, и возобновила свои попытки вывести заговорщиков на чистую воду. На этот раз она обратилась за помощью к королеве Маргарите — первой жене Генриха. Маргарита выслушала Жаклин и попросила прийти на следующий день. Когда та явилась и сообщила дополнительные подробности, ее помимо Маргариты внимательно слушали скрывавшиеся за портьерой д'Эпернон и несколько лиц, посланных Марией Медичи.

По словам Жаклин, Равальяк часто встречался с дю Тилле, маркиза Верней надеялась провозгласить своего сына королем, выйти замуж за герцога Гиза, герцог д'Эпернон должен был стать коннетаблем Франции. Эпернон, не выдержав, выскочил из-за укрытия, обрушившись с бранью и угрозами на Жаклин. Д'Эскоман была снова брошена в тюрьму, за ложные показания ей грозила по действовавшим тогда законам смертная казнь. Вызванный в качестве свидетеля слуга дю Тилле сообщил, что не раз видел Равальяка у своей госпожи. Процесс стал принимать нежелательное для властей направление. В конце концов его прервали, «учитывая достоинства обвиняемых». Президент суда был заменен ставленником двора. В тюрьме Жаклин по поручению Галигаи посетил епископ Люсонский Ришелье (впоследствии он использовал полученные им показания против Марии Медичи). Жаклин должна была быть либо оправдана, либо отправлена на виселицу за дачу ложных показаний, чего рьяно добивался д'Эпернон. Несмотря на давление со стороны двора, голоса судей разделились поровну. Д'Эскоман была приговорена к вечному заключению. Ее продолжали держать в темнице даже после падения Марии Медичи и Кончини — так опасались показаний этой «лжесвидетельницы». Она и умерла в тюрьме. Не избегнул заключения и другой человек, пытавшийся раскрыть заговор. В 1616 году был брошен в Бастилию капитан Лагард, которого освободило только падение Марии Медичи. Зато это падение сопровождалось, как уже отмечалось, убийством Кончини и казнью его жены: их объявили участниками убийства Генриха IV[2].

Кажется, единственным, на кого не пали подозрения в соучастии, был принц Конде, вернувшийся во Францию вскоре после смерти короля.

Правда, и подозрения против главных участников заговора в какой-то мере еще прямо не доказаны. По существу наши сведения восходят лишь к показаниям двух лиц — капитана Лагарда и Жаклин д'Эскоман. Можно поставить под сомнение и те и другие. О свидетельстве Лагарда мы знаем из составленного им мемуара, кото-

◆

[2] О судьбах всех возможных участников заговора см. Ph. Erlanger, L'etrange mort de Henry IV ou les jeux de l'amour et de la guerre, P., 1957.

рый ныне хранится в Национальной библиотеке в Париже. Капитан написал его, находясь в Бастилии, откуда был вскоре после этого выпущен на свободу. К этому времени Кончини и его жена былн мертвы, а Марня Меднчи, отстраненная от регентства, была главным противником маршала де Люння, любнмца молодого короля Людовика XIII (Люинь оставался у власти до своей смертн в 1621 г., после чего настало время для Ришелье). Мария Меднчи в союзе с тем же д'Эперноном подняла мятеж против нового временщика. Поэтому в своих показаниях Лагарду было, вндимо, выгодно обвинить бывшую регентшу и д'Эпернона в причастности к заговору, приведшему к убийству Генриха IV. В показаннях Лагарда есть не очень правдоподобный пункт, будто он видел Равальяка в Неаполе вместе с бывшим секретарем маршала Бирона, неким Эбером, которому будущий убийца прнвез письма от герцога д'Эпернона.

Свндетельства д'Эскоман не подкреплены другимн прямыми доказательствами. Они были опубликованы в 1616 году еще в правление Марии Меднчи, когда ее правительство также боролось с мятежом крупных вельмож и было заинтересовано обратить протнв них народный гнев. Но свон показання Жаклин сделала явно до 1616 года. Наконец, не нсключено, что существовал «нспанский заговор», но выглядевшнй иначе, чем мы себе его представляем на основе имеющихся документов. В пользу этого говорит тот безусловный факт, что в Испании и в ее владениях в мае ожидали со дня на день убнйства короля и даже сообщалн о нем раньше, чем оно произошло. Вряд ли это было лишь случайным совпадением желаемого и действительности [3].

Смерть Генриха IV более чем на десятилетие задержала активное включение Франции в антигабсбургскнй

◆

[3] R. Mousnier, L'assassinat d'Henry IV, 14 mai, 1610, P., 1964, pp. 25—31. Еще в прошлом веке исследователи обыскалн государственные архивы Испании и других стран габсбургского блока, пытаясь иайти ключи к загадке. Архивы Брюсселя, перевезенные в Веиу, содержат зияющую лакуиу с коица апреля по 1 июля 1610 г. В испанских архивах и в Турине также в иеизвестное время были изъяты все документы, относящиеся к этнм месяцам. Характерио, что н Сюлли и впоследствии Ришелье прямо утверждали, что Генрих IV пал жертвой заговора, руководимого из-за границы (ср. Ch. Merki, La marquise de Verneuil (Henriette de Balzac d'Entragues) et la mort d'Henry IV, P., 1912, pp. 332—333).

лагерь. Однако борьба Франции против Габсбургов порождалась слишком глубокими объективными причинами, чтобы эта отсрочка могла быть особо длительной. В конечном счете и во Франции испанская интервенция потерпела столь же полное крушение, как ранее в Англии и в Нидерландах. Платой за великодержавную политику оказалась утеря Испанией положения великой державы, превращение ее во второй половине XVII века во второразрядное государство — объект захватнических устремлений алчных соперников.

Пророки в чужом отечестве

В отличие от нидерландской революции, английская буржуазная революция середины XVII века не стала объектом интервенции. Реально интервенцию могла осуществить только Франция, а вначале ее правитель кардинал Мазарини считал даже выгодной гражданскую войну за Ла-Маншем [1]. Позднее он стал стремиться к вмешательству, но помешало участие Франции в Тридцатилетней войне, а потом, с 1648 года, серьезные внутренние волнения — Фронда [2]. Когда же на смену английской республике пришел протекторат Кромвеля, фактический диктатор Англии заключил союз с Мазарини, ставивший целью, в частности, захват испанских колоний [3].

Английские роялисты так негодовали на бездействие «Европы», что, по словам французского посла, «желали бы гибели всем государям» [4]. Но наиболее дальновидные из роялистов понимали, что интервенция сплотила бы всю нацию против королевской династии Стюартов [5].

◆

[1] Cp. S. R. Gardiner, History of the Great Civil War, 1642—1649, v. II, L., 1911, pp. 169—170.
[2] Б. Ф. Поршнев, Английская революция и современная ей Франция, «Английская буржуазная революция XVII века», под ред. Е. А. Косминского, Я. А. Левицкого, т. II, М., 1954, стр. 73—75.
[3] W. H. Dawson, Cromwell's Understudy: the Life and Times of General John Lambert, L., 1938, p. 226.
[4] Ф. Гизо, История английской революции, т. II, Спб., 1868, стр. 156.
[5] J. Coltman, Private Men and Public Causes. Philosophy and Politics in the English Civil War, 1962, pp. 72—73; B. H. G. Warmald, Clarendon, Politics, History and Religion, 1640—1660, Cambr., 1951, p. 179.

Превращению английской республики в протекторат немало способствовал ирландский поход Кромвеля — яркий пример того, как прогрессивные, освободительные войны эпохи буржуазных революций перерастали в несправедливые, захватнические, реакционные, интервенционистские походы, направленные против освободительного движения других народов. При этом нередко оставалась прежняя оболочка освободительной, революционной войны и порой сохранялся даже какой-то определенный элемент такой войны при коренном изменении характера происходившего конфликта.

Английская революция происходила в религиозном одеянии (как и предшествовавшая ей нидерландская революция). Классовые противоречия преломлялись в споры о церковных догматах, политические партии выступали в виде религиозных течений — католики, англикане, пуритане, а среди них пресвитериане и индепенденты, различные секты, к которым примыкали левеллеры. Благочестие было непременным требованием Кромвеля к своим солдатам, их называли не только «железнобокими» за непоколебимость в бою, но и — не без иронии — «святыми» за постоянную озабоченность религиозными вопросами. Поход против Ирландии также был представлен как «божье дело».

Этот поход был формально направлен против роялистов, к которым, однако, огульно относили не только английских кавалеров, но и всех ирландских католиков, выступавших против власти английского протестантского парламента. В той мере, в какой этот поход был борьбой против кавалеров, он являлся продолжением английской гражданской войны. Однако в своей основе новый поход, формально отстаивавший республику, был захватнической войной, направленной на удушение освободительного восстания ирландцев, на превращение Ирландии в колонию английской буржуазии и обуржуазившейся части дворянства.

Кромвель был на редкость подходящей фигурой для выполнения этих грабительских планов нового правящего класса, даже для многих его представителей субъективно представлявшихся как осуществление религиозной и цивилизаторской миссии. Прежде всего, конечно, потому, что Оливер Кромвель был первоклассным полководцем, доказавшим во многих сражениях свои выдающиеся военные способности и преданность борьбе против

королевского абсолютизма, генералом, пользовавшимся огромным авторитетом среди солдат.

Всем своим политическим мировоззрением Кромвель как будто был предназначен стать орудием планов жадной, рвущейся к богатству буржуазной Англии. Он вполне искренне считал, что от того, будет ли покорена Ирландия, зависит судьба английской республики. А ирония истории заключалась в том, что республике предстояло исчезнуть именно из-за нового захвата Ирландии. Однако и само покорение Ирландии генерал считал не менее важным, чем сохранение республики, во имя которой он готовился отправиться на завоевательную войну. В речи, произнесенной 23 марта 1649 г. перед Советом офицеров в Уайтхолле (правительственное здание в Лондоне), Кромвель заявил: «Я бы предпочел скорее быть побежденным кавалерами, чем шотландцами, и готов лучше потерпеть поражение от шотландцев, чем ирландцев, которых я считаю наиболее опасными. Если ирландцы сумеют осуществить свои намерения, нас превратят в самый несчастный народ на земле, так как весь свет знает их варварство» [6]. Кромвель говорил далее, что в Англии установится еще большая тирания, чем при последнем короле. Более того, хотя англичане, может быть, готовы согласиться на возвращение нового короля, при соблюдении им определенных условий, они не допустят, чтобы он прибыл из Ирландии или Шотландии [7].

Голоса, которые возражали против подготовлявшейся ирландской экспедиции, раздавались из демократического лагеря, от идеологов левеллеров. Уильям Уолвин и другие лидеры левеллеров в апреле 1649 года выступили с обращением к армии, протестуя против ее посылки в Ирландию для удушения свободы местных жителей и лишения их принадлежавших им естественных прав [8].

Левеллеры выступали за примирение с Ирландией, за то, чтобы превратить ее в дружественно настроенного соседа, и тогда она не будет служить базой для роялистов и других врагов республики. Левеллеровские памфлеты указывали на взаимосвязь планов завоевания Ирландии

◆

[6] «Cromwell's Letters and Speeches (by Thomas Carlyle)», v. III, L., 1904, p. 400.
[7] Ibid.
[8] H. N. Brailsford, The Levellers and the English Revolution, Stanford University Press, 1961, pp. 498—509.

и превращения армии в орудие нового деспотизма. В различных полках происходили выступления солдат против ирландского похода [9]. Эти усилия не остановили подготовку к отправке английских войск в Ирландию. Кромвелевские «железнобокие», завоевавшие республику в Англии, пошли в поход, который привел к гибели эту республику. Вопреки евангельской притче, столь любимой пуританским «святым», оказалось, что нет пророков в чужом отечестве...

Щедро наделенный парламентом деньгами, Кромвель во главе большой армии в августе 1649 года высадился на ирландской земле. В этой стране шла непрекращавшаяся борьба между ирландским католическим населением, англо-ирландскими роялистами-протестантами и католиками и, наконец, парламентской партией, состоявшей в основном из английских колонистов и владевшей ирландской столицей Дублином и еще несколькими городами. Карательный поход Кромвеля сопровождался чудовищными жестокостями. После взятия Дрогеды по приказу Кромвеля для устрашения ирландцев были умерщвлены тысячи пленных и мирных жителей [10]. В заявлениях Кромвеля чередовались ссылки на миссию, возложенную на него божественным промыслом наделить Ирландию благами британской свободы, с утверждениями, будто в прошлом, до ирландского восстания 1641 года, в стране царили мир и спокойствие, а не бесконечные кровавые войны между английскими завоевателями и непокорным населением [11].

И все же, несмотря на всю свою слепую ненависть и презрение к ирландцам, Кромвель, не дававший себе ранее труда скрывать свои истинные чувства, вскоре должен был стать на путь политических маневров. В то время как тайные агенты генерала пытались перетянуть на сторону парламента протестантских англо-ирландских помещиков-роялистов, сеять недоверие между ними и ирладскими католиками, сам Кромвель обратился с призывом к крестьянству. В декларации от 24 августа 1649 г. и ряде последовавших за нею заявлений Кромвель за-

◆

[9] «The Levellers Tracts 1647—1653», Ed. by W. Haller, G. Davies, Gloster (Mass.), 1964, p. 315.
[10] Ср., например, C. V. Wedgwood, Oliver Cromwell, L., 1962, p. 85 a. o.
[11] J. Buchan, Oliver Cromwell, L., 1949, pp. 340—342.

прещал своим солдатам грабить имущество местного населения, если оно не оказывало вооруженного сопротивления парламентской армии. Английский командующий обещал платить наличными за продовольствие, которое будет доставляться в его лагерь. Кромвель пытался обезоружить ирландцев, прельщая надеждой на сохранение их земли, право на владение которой для этого следовало в течение нескольких месяцев оформить у английских властей, а также обещанием равной раскладки налогов и другими уступками. Все это исходило из уст человека, который незадолго до этого, если не по форме, то по сути дела, дал обязательство английским колонистам восстановить их «права» на ирландскую землю[12].

В январе 1650 года была обнародована декларация «К обманутому народу Ирландии», подтверждавшая прежние гарантии жизни и собственности тех ирландцев, которые не принимали участия в войне против английской армии. Кромвель обещал, что после победы Англии будет покончено с бедствиями и лишениями населения в Ирландии. На деле эта победа явилась лишь преддверием к новым земельным конфискациям и превращению большой части ирландских крестьян в безземельных и бесправных, нищих арендаторов, жестоко эксплуатируемых английскими лендлордами.

Быстрых успехов Кромвелю удалось добиться там, где против него выступали английские помещики-роялисты, часть которых предпочла открыто перейти в парламентский лагерь, чтобы обеспечить неприкосновенность своей собственности. Труднее оказалось добиться покорения главной массы ирландского населения. В Англии крестьянство было на стороне парламентских сил. В Ирландии оно сражалось против войск Кромвеля. К этому прибавилась эпидемия, косившая ряды англичан. Зимой 1649/50 года только полководческий талант Кромвеля, а также прибытие новых полков из Англии помогли английской армии выпутаться из затруднительного положения и возобновить наступление. Все новые и новые группы роялистов дезертировали в лагерь Кромвеля, что очень облегчило его задачу. Когда он в 1650 году вернулся в Англию, большая часть Ирландии находилась уже под

◆

[12] W. C. Abbot (ed.), The Writings and Speeches of Oliver Cromwell, v. I—IV, 1937—1947, Cambr. (Mass.), v. II, pp. 111—112, 154, 197 a. o.

контролем парламентской армии. Остальные области постепенно в течение нескольких лет подчинили преемники Кромвеля — генералы Айртон и Флитвуд [13].

Завоевание Ирландии оказало роковое влияние на судьбы английской революции. Ирландский народ был отброшен в лагерь врагов республики. С другой стороны, офицеры и солдаты кромвелевской армии, получившие в награду земли, отобранные у ирландского крестьянства, растеряли свои прежние революционные настроения. Новые англо-ирландские лендлорды были одной из тех социальных сил, которые добились в 1660 году реставрации монархии Стюартов. «...Английская республика при Кромвеле,— писал Маркс,— в сущности разбилась об Ирландию» [14]. На примере ирландской истории, справедливо подчеркивал Энгельс, «можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ» [15].

Общеизвестно, что в то время, как противоречий между эксплуатируемыми массами трудящихся разных стран не существует, они всегда были между эксплуататорскими классами рабовладельческого, феодального и буржуазного общества. Вместе с тем процесс осознания эксплуататорскими классами единства их интересов в борьбе против эксплуатируемого большинства исторически далеко опережал соответствующее осознание трудящимися разных национальностей общности их интересов.

Это легко понять, если учесть вековую монополию эксплуататорских классов на образование, на информацию о событиях, происходивших в других странах. Сплочение феодального класса в борьбе против крестьянства служило основой для включения ранее фактически независимых феодальных владений в состав единых, централизованных абсолютистских государств даже в случае, если этому препятствовало отсутствие единого языка (вхождение Бретани в состав Франции, слияние Каталонии и Арагона с Кастилией в единое Испанское королевство в конце XV в. и т. д.). Аналогичные причины порождали и попытки части феодального класса различных

◆

[13] В. Ф. Семенов, Кромвель в Ирландии, «Вопросы истории», 1945 г., № 5—6; В. М. Лавровский, М. А. Барг, Английская буржуазная революция, «Английская буржуазная революция XVII века», т. I, М., 1958.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 32, стр. 532.

[15] Там же, стр. 304.

стран к ориентации на помощь наиболее крепких европейских монархий (испанской в XVI — начале XVII, французской — во второй половине XVII в.)[16] даже ценой утраты национальной независимости.

Осознание эксплуататорскими верхами общности интересов в борьбе с «чернью» усиливалось по мере одновременного роста в середине XVII века народных движений в различных странах Европы: буржуазной революции в Англии, Фронды во Франции, массовых выступлений в Каталонии, возмущения в Португалии, провозглашения республики в Неаполе, крупных крестьянских восстаний в Австрии, Польше, Швейцарии, городских и крестьянских волнений в России, борьбы украинского народа за независимость...

Польский подканцлер Радзейовский говорил своему собеседнику-французу: «Мы видели Данию и Англию на один шаг от гибели, затем зараза перекинулась во Францию, и ваши беспорядки еще не были устранены, как они уже перешли в Польшу». Шведский дипломат Салвиус доносил своему правительству: «Представляется какимто великим чудом, что во всем мире слышно о восстаниях народов против государей, как-то во Франции, Англии, Германии, Польше, Московии, Турции, Великой Татарии, Китае»[17]. От этого понимания общности столь разнородных по своему происхождению, но в конечном счете имевших в той или иной степени антифеодальную направленность движений[18], было недалеко до осознания целесообразности объединения сил государей и правительств против выступлений социальных низов. Это накладывало заметный отпечаток на развитие международных отношений и способствовало попыткам использовать иностранную помощь в борьбе против революционных выступлений народных масс. Недаром английские роялисты отправляли специальные посольства к царю Алексею Михайловичу, чтобы получить поддержку против правитель-

◆

[16] Б. Ф. Поршнев, Феодализм и народные массы, М., 1964, стр. 350—358.

[17] Б. Ф. Поршнев, К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов, «Вопросы истории», 1954 г., № 5, стр. 50.

[18] Вопрос о характере этих движений вызвал широкую дискуссию («Seventeenth Century Revolution», «Past and Present», 1958, No 13; А. Д. Люблинская, Французский абсолютизм в первой трети XVII века, гл. II и др., М.—Л., 1965).

ства Кромвеля, а когда эта миссия увенчалась лишь весьма частичным успехом, сфабриковали даже от имени московского царя манифест с обещаниями всякой поддержки находившемуся в эмиграции сыну казненного короля Карла I (будущему Карлу II)[19]. Несравненно большим было, разумеется, осознание общих интересов и судеб у реакционных классов во время революций последующих веков.

Гибель империи

19 апреля 1775 г. английские войска оставили занятые ими незадолго до этого селения Конкорд и Лексингтон в колонии Массачузетс. Они возвращались на свою главную базу в Бостоне. Приказ об уничтожении складов оружия, созданных мятежными подданными его величества короля Георга III, был выполнен. Мужланы-колонисты, как и следовало ожидать, бежали при одном виде британских мундиров.

Солдаты двигались сомкнутыми рядами. Иначе как офицеры смогли бы удержать под контролем в походе или тем более в бою эту разношерстную массу, среди которых немало иностранцев? Их погнал в казарму голод, лживые обещания вербовщика, а то и опасное столкновение с правосудием.

...Неожиданно в лесу отряд был встречен градом пуль. Стреляли со всех сторон, плотные шеренги солдат представляли отличную мишень. Бойцы колониальной милиции действовали в рассыпном строю. Они защищали свои родные очаги, и их не нужно было гнать сражаться палкой капрала. Огонь становился все сильнее, англичане дрогнули, смешались, еще немногие минуты — и они обратились в поспешное бегство.

Так началась война английских колоний в Северной Америке за свою самостоятельность. Борьба Англии против восставших колоний, независимо от того, что формально речь шла о подчинении территории, ранее принад-

◆

[19] З. И. Рогинский, Миссия лорда Колпепера в Москву (Из истории англо-русских отношений в период английской буржуазной революции XVII в.), «Международные связи России в XVII—XVIII веках», под ред. Л. Г. Бескровного, М., 1966, стр. 84—102.

лежавшей брнтанской короне, была по существу первой вооружеииой интервенцией буржуазного государства против «чужой» буржуазиой революции. (Кромвелевский поход против Ирландин за век с четвертью до этого был предпринят во время буржуазиой революции в метрополии. Однако в самой Ирлаидии освободительное движение ие являлось формой буржуазного переворота.) Блок господствующих классов Аиглии во второй половиие XVIII столетия, иаряду с дворянством, включал привилегированные фракции буржуазии — фиианситов и биржевиков, верхушку купечества и судовладельцев. Молодая промышлениая буржуазия еще ие осмеливалась ставить вопрос о своем приобщении к этим правящим кругам. Оиа удовлетворялась пока тем, что ее пожелання н требовання вполие учитывались правительством в той мере, в какой это ие противоречило интересам иаходившейся у властн землевладельческой, фииансовой н торговой аристократни.

Ни одна из фракций английской буржуазии по существу не протестовала против вооружениого похода с целью удушеиия независнмостн бывших аиглийских колоний. Возражеиия касались по сутн дела не целей, а методов, определялись различием в оценке шансов на успех Аиглии в этой контрреволюционной войне, а позднее тяжелыми материальными потерями, с которымн оиа была связаиа для частн господствующих классов (захват или потопление американскими каперами английских судов, фактическое закрытие рынка бывших колоний н т. д.).

Вместе с тем сущиость войны против колонистов, как попытка буржуазиой страны подавить буржуазную революцию в своих заморских владениях, иаложила явственный отпечаток и на цели, которые ставила метрополия, и иа идеологическое обосноваиие этих целей, и на выступлеиия против иих со стороиы оппозиции в Аиглии. Не меньшее значеине имело своеобразие международной обстаиовки, приведшее к тому, что, желая ослабить Аиглию, сопериичавшие с иею феодально-абсолютистские государства континеитальиой Европы первоначальио оказывали различного рода помощь американским повстанцам, а с 1778 года одно из них — Франция, сама иаходившаяся иа пороге буржуазной революции, а позднее и другие страны заключили военный союз с колонистами против метрополии.

К тому же цели, преследовавшиеся Англией, претерпевали изменения в ходе войны, они сужались по мере того, как начала меркнуть надежда на победу.

Многие стороны английской политики препятствовали дальнейшему капиталистическому развитию колоний. Английские колонизаторы сдерживали рост промышленного производства, запрещали поселяться на западных землях, поддерживали полуфеодальное крупное землевладение и т. д. Однако поводом для конфликта оказался внешне второстепенный вопрос — обложение колоний налогами для покрытия издержек по недавно закончившейся Семилетней войне и по содержанию британских войск и администрации в колониях. Несомненно, что британский кабинет не думал разорять налогами колонистов, как его обвиняли в этом в Америке. Однако эти налоги считались колонистами не только недопустимыми принципиально, но и вредными с практической точки зрения. Британские войска в Америке, на содержание которых должна была идти львиная доля собранных поступлений, уже не нужны были колонистам как защита против французской угрозы. В Семилетней войне (1756—1763 гг.) Французская Канада была захвачена английскими войсками при содействии колониальной милиции. Теперь колониям могла лишь угрожать метрополия, и при растущем расхождении интересов обеих сторон сохранение британских войск становилось все более тягостным и опасным.

Однако, имея глубокие социально-экономические корни, спор между колониями и Великобританией вначале формально шел о верховенстве английского парламента, точнее об его праве обкладывать налогами колонии. Этот спор приобретал тем большую остроту, что колонисты не посылали своих депутатов в английский парламент, и тем самым нарушался старинный британский конституционный принцип «нельзя облагать налогами, не давая права представительства» (no taxation without representation). Английские политики доказывали, что точно так же — при существовавшей тогда архаической средневековой избирательной системе — права избрания депутатов лишены были и новые английские промышленные центры. Однако эти доводы никого не способны были убедить в Америке. Ведь интересы таких городов, как Манчестер, Бирмингем, Глазго и др., заботливо защищались парламентом, чинившим всяческие препятствия экономическо-

му развитию колоний. Т. Джефферсон саркастически вопрошал в 1774 году, как можно разумно обосновать такое положение, когда «сто шестьдесят тысяч избирателей в Англии должны издавать законы для четырех миллионов жителей американских штатов»[1].

Среди колонистов усиливалось убеждение, что английское правительство пытается ликвидировать их автономию, права и вольности, которые в конечном счете были последствием английской буржуазной революции XVII века[2]. Т. Джефферсон писал, что «отдельные акты тирании могут быть приписаны случайному, временному мнению, но серия репрессий, начавшаяся в определенный период и продолжающаяся неизменно, несмотря на смену министров, ясно доказывает, что существует сознательный и систематически проводимый план обращения нас в рабство»[3].

Тем не менее интересно, что борьба английской буржуазии против буржуазной революции в Америке началась под знаменем верховенства олигархического по составу, но вполне буржуазного по своей политике британского парламента.

Принудительные меры, которыми правительство стремилось сломить сопротивление колонистов, первоначально встретили поддержку многих английских промышленников и купцов[4]. Вместе с тем значительные круги торговцев, судовладельцев, промышленников, а также ремесленников и городской интеллигенции опасались, что война серьезно подорвет английскую экономику, увеличит бремя и без того большого государственного долга, будет способствовать возрастанию власти короны[5]. Они знали, что «новый торизм», пытавшийся силой подчинить Америку, возник на основе подавления радикального движения 60-х годов XII в. в самой Англии[6]. Характерно,

◆

[1] «The Complete Jefferson (Ed. by S. K. Padover)», N. Y., 1943, p. 11.
[2] B. Bailyn, The Ideological Origin of the American Revolution, ch. III, IV, Cambr. (Mass.), 1967.
[3] Ibid., pp. 119—120.
[4] O. M. Clark, British Opinion and the American Revolution, New Haven, 1930, pp. 87—92.
[5] Например, J. R. Alden, The American Revolution 1775—1783, L., 1954, p. 61.
[6] Сама английская администрация в колониях в эти годы была заполнена послушными «друзьями короля» (F. B. Wickwar, British Subministers and Colonial America, 1763—1783, Princeton, 1966, p. 181).

что представители лондоиской буржуазин резко осудили политику в отиошении восставших колоний, проводимую министерством Норта. Уильям Ли, бывший шериф Лондоиа, даже был уличеи в «мятежиых» попытках убеждать солдат ие сражаться против колоиистов[7].

Стремясь предотвратить вооружеииый коифликт с колоиистами, один из иаиболее дальиовидных государственных деятелей Великобритаиии — Уильям Питт-старший (лорд Чатам) 1 февраля 1775 г. предложил закоиопроект, в котором декларировалось верховенство английского парламеита и вместе с тем указывалось, что налоги с колоний ие будут собираться без согласия нзбранного ими закоиодательиого оргаиа. Однако последний тоже должеи был формально призиать супрематию парламеита в Лоидоне и добровольно устаиовить определеиную сумму, регулярно передаваемую в распоряжеиие британского правительства. Это предложеиие, хотя оио было рассчитаио на поддержку со стороиы частн колоннстов — сторониников сохраиеиия связей с метрополией (верхушки плантаторов, колониальиого купечества, особо заинтересоваииого в аиглийском рыике, и пр.), ие имело особых шаисов на успех. Оно касалось лишь виешнего проявлеиия более глубоких противоречий. К тому же предложеиие Чатама, сидевшего иа скамьях оппозиции, было отвергнуто и британским кабииетом, возглавлявшимся лордом Нортом. Правда, озабочеииое иараставшей угрозой войиы с колонистами, в которую могли вмешаться другие державы, правительство Норта также было готово иа известиые уступки. Но от его имени лорд Мэисфилд заявлял: «Или верховеиство парламеита должио быть полным, всеобъемлющим и безусловиым, или колоиии должиы быть свободиыми и иезависимыми»[8].

В марте 1775 года оппозиция в Аиглии предлагала, дабы избежать вопроса о парламеитском верховеистве, чтобы иницнатива примиреиия была проявлеиа британской короиой[9]. Это предложеиие было также отвергиуто со ссылкой, что оио создаст опасный прецедеит, иарушающий прииципы 1688 года, согласио которым король ие должеи действовать самостоятельно, независимо от пар-

◆

[7] Ch. R. Ritcheson, British Politics and the American Revolution, Norman (Oklahoma), 1954, p. 190.
[8] «Parliamentary History», v. XVIII, cols 269—271.
[9] Ibid., cols 565—566.

ламента. По нронии исторнн принцнпы буржуазиого парламентарнзма выдвнгались в противовес принцнпам феодального абсолютизма, с тем чтобы как-то оправдать политнку вооруженного подавлеиня буржуазией революции.

Кабннет Норта решнл ндти напролом: в аиглнйскнх правнтельственых кругах н прн дворе еще не вернлн, что колоннсты рнскнут помериться снлами с Англией нли, тем более, способны оказать серьезное сопротнвление хорошо обученным войскам, присланным из метрополнн. Большие надежды возлагалнсь иа лоялнстов в колониях — сторонников сохранеиня статус-кво[10]. (Эти иадежды не былн беспочвенными. Во время войны из лоялнстов штата Нью-Йорк удалось навербовать 23 500 солдат, тогда как только 17 700 жителей штата находились в рядах армин колоннстов[11]).

Георг III считал, что «как только эти мятежинкн ощутят снльиый удар, они покорятся»[12]. А премьер-мнннстр Норт был настолько уверен в успехе, что даже провел в декабре 1774 года в парламеите решенне о сокращенин в следующем году матросов военного флота с 20 тыс. до 16 тыс. человек[13]. В свою очередь, значнтельная часть американцев преуменьшала снлы Англнн, счнтая, что метрополня вообще не сможет долго существовать без торговых связей с колоннямн, что она находнтся на гранн гражданской войны[14].

В апреле 1775 года началнсь боевые действня между отрядамн колоннстов н английскимн войсками, н вопрос о налоговом обложенни сразу же отошел на заднпй плаи. Взамен делегаты Второго контнненталыюго коигресса, ставшего общнм закоиодательным собранием колоний, сталн говорить о «правах» колоннстов, что было по существу неопределеино сформулированным требоваинем провозглашеиня иезависнмостн.

В августе 1775 года лорд Норт должеи был заявнть,

◆

[10] T. S. Anderson, The Command of the Howe Brothers during the American Revolution, Oxford, 1936, p. 25 f.

[11] H. Swigget, War out of Niagara. Walter Butler and the Tory Rangers, N. Y., 1963, p. 51.

[12] Ch. R. Ritcheson, British Politics and the American Revolution, p. 193.

[13] Ibid., p. 175.

[14] Ph. Davidson, Propaganda and the American Revolution 1763—1783, Chapel Hill, 1941, pp. 161—162.

что военные действия против колонистов по масштабам следует рассматривать как войну с иностранной державой. 23 августа королевская прокламация объявила колонии находящимися в состоянии открытого мятежа против короны. Война разгоралась. 4 июля 1776 г. была провозглашена независимость колоний, образовавших новое государство — Соединенные Штаты Америки. Правда, после этого последовали самые тяжелые месяцы для колонистов. Англичане, оккупировавшие Бостон и Нью-Йорк, заняли столицу нового государства — Филадельфию. Американская армия, которой командовал Джордж Вашингтон, испытывала отчаянную нужду в оружии, одежде, продовольствии. Лишь в самом конце 1776 года были достигнуты отдельные успехи, а первая крупная победа пришла уже осенью, в октябре следующего, 1777 года: при Саратоге колонисты окружили и заставили капитулировать двигавшийся из Канады на соединение с английскими войсками в Нью-Йорке отряд генерала Бургойна.

Победа покончила с колебаниями Версальского двора. С самого начала войны колоний против метрополии в Париже считали, что она приведет к уменьшению международной роли Англии и соответственному укреплению позиций Франции, что французская торговля возрастет за счет сокращения британской и, что, наконец, удастся вернуть часть или даже все заморские владения, которые были потеряны французами во время Семилетней войны (1756—1763 гг.) [15].

6 февраля 1778 г. был подписан франко-американский союзный договор. Франция признавала независимость Соединенных Штатов, соглашалась предоставить им свободу рук в завоевании всех английских владений на Североамериканском континенте и Бермудских островов. Взамен США соглашались на занятие французами Британской Вест-Индии.

Несмотря на секретность союзного и заключенного одновременно торгового договоров между Францией и колонистами, об их содержании стало немедленно известно англичанам. Британский посол в Париже лорд Стормонт уже 6 февраля, когда они были подписаны, сообщил

◆

[15] E. S. Corwin, French Policy and the American Alliance of 1778, Hamden (Connecticut), 1962, p. 70 f.

их суть в своем донесении в Лондон[16]. О подписании договоров через две недели громогласно объявил в палате общин один из лидеров оппозиции — Ч. Фокс. Однако правительство Норта предпочло притвориться глухим и слепым, всячески оттягивая разрыв с Францией и надеясь тем временем добиться решающих успехов в войне против американцев.

Вместе с тем как раз неудачи англичан увеличивали угрозу вступления в войну Франции. Быстро усиливалась дипломатическая изоляция; большинство европейских держав занимали активно или пассивно враждебную позицию в отношении Англии[17]. Все это побудило британских политических деятелей ограничить свои военные цели и искать пути к миру[18]. С подобными мирными проектами выступали многие лидеры в парламентской оппозиции — лорд Рокингем, лорд Шелборн и др. Они критиковали политику и стратегические планы правительства, много говорили о «примирении» с колониями, но почти никто из них не считал возможным признать независимость нового государства. В Англии, уверял Георг III, «не было человека, достаточно храброго или безумного, который согласился бы вести переговоры от имени метрополии на такой основе»[19]. Ничего поэтому из этих планов в начале 1778 года и не могло выйти. Вигская оппозиция ограничивалась обличениями неспособных министров и критикой их ошибок в ведении войны, явно уклоняясь от определения ответственности самого парламента, во имя верховенства которого формально шла война (недаром на этом основании король Георг III требовал единодушной поддержки политики министерства Норта)[20]. В марте 1778 года правительство Норта провело в парламенте акт, отменявший некоторые из прежних карательных мер и обещавший, что и впредь не будет проводиться

◆

[16] R. W. van Alstyne, Empire and Independence. The International History of the American Revolution, N. Y., 1965, p. 138.

[17] Н. Н. Болховитинов, Становление русско-американских отношений, 1775—1815, М., 1966.

[18] W. Brown, Empire of Independence, A Study of the Failure of Reconciliation, 1774—1783, Lousiana State University Press, 1941, pp. 205—292.

[19] Ch. R. Ritcheson, British Politics and the American Revolution, p. 253.

[20] G. H. Guttridge, English Whiggism and the American Revolution, Berkley and Los Angeles, 1942, pp. 105, 144.

налоговое обложение колоний. В соответствии с этим актом назначались уполномоченные для переговоров с колонистами о прекращении огня и отмене остальных стеснительных законов, принятых после окончания Семилетней войны. Это были ничего не давшие запоздалые шаги. Они были приняты 9 марта 1778 г., а через восемь дней Франция официально признала США и вступила в войну с Англией. Примеру Франции последовали Испания и Голландия. Французский и испанский флот весной и летом 1779 года готовились к вторжению в Англию[21].

В этой войне Англия пыталась использовать свою эффективную секретную службу, на которую ежегодно тратилось 80 тыс. ф. ст. Руководство ею сохранял в своих руках сам Георг III, который внимательно изучал многочисленные донесения агентов из Америки и европейских стран. Правда, его величество не отличался быстрой сообразительностью и доверял лишь сообщениям разведчиков, которые удовлетворяли его представлениям о «достойном» поведении. Реальным главой секретной службы был заместитель министра (так называемого секретаря Южного департамента) Уильям Иден, впоследствии крупный государственный деятель. Иден непосредственно руководил действиями большого числа разведчиков, он требовал широко использовать подкуп и любые другие средства для получения нужных сведений[22].

Одним из важнейших агентов Идена был американец Пол Уэнтворт. Ему платили 500 ф. ст. в год — очень большую сумму в те времена. Но главной приманкой для Уэнтворта, за которую он соглашался предавать своих земляков, было обещание возвести его в дворянское звание и обеспечить место в английском парламенте. Иден и Уэнтворт широко прибегали к подделке писем, фабрикации фальшивых печатей. Именно Уэнтворт завербовал на английскую службу едва ли не самого опасного для Америки разведчика, который долго не возбуждал никаких подозрений. Им был доктор Банкрофт, близкий друг известного ученого Б. Франклина, посла колонистов в Па-

◆

[21] A. T. Patterson, The other Armada. The Franco-Spanish Attempt to Invade Britain in 1779, Manchester, 1960; L. Gottschalk, Lafayette and the Close of the American Revolution, Chi., 1942, p. 22 f.

[22] H. Augur, The Secret War of Independence, N. Y., 1955, pp. 133—135.

риже. Франклин и другие америкаиские дипломаты пытались мобилизовать против Аиглии ее европейских соперников.

Доктор Баикрофт, которого англичаие для маскировки бросилн в тюрьму как мятежиика, «бежал» во Фраицию и занял пост секретаря америкаиского посольства. Вскоре от него потекли сведеиия к Уэитворту, к британскому послу в Париже Стормоиту (дело было еще до объявления Фраицией войны Великобритаиии). Отчеты писались иевидимыми чериилами между строк любовиых послаиий, адресоваииых иекоему «мистеру Ричардсоиу». Письма закладывались в укромиом месте в дупле дерева у дворца Тюильри, вполие подходящем месте для любовиых писем. Каждый вторник слуга лорда Стормонта выиимал очередиое доиесеиие и оставлял новые ииструкции для Баикрофта. Миогое тот сообщал устио Уэитворту, часто появлявшемуся в Парнже. Имеиио Баикрофт сразу же переслал Стормоиту текст секретиого договора между Фраицией и США. Идиллия во взаимоотиошеииях Баикрофта с Уэитвортом иарушалась порой лишь ожесточеиной перебраикой в связи с игрой иа бирже, которой почтеииые джеительмеиы заиимались иа деиьги, получеиные от британской секретиой службы.

Баикрофт передавал англичанам важиейшую воеиную информацию, а от америкаиского конгресса иастойчиво требовал выплаты деиег за фальшивые или устарелые сведения, которые ои для службы отечеству якобы добывал в Лоидоие. Любопытио, что америкаицы, которых измеиник столь долго обмаиывал, целиком доверяли ему, тогда как англичаие, которым Баикрофт предаиио служил, все время подозревали его в предательстве. Письма Баикрофта перехватывались на английской почте, за его передвижеиием и поведеиием виимательио иаблюдали агеиты Идеиа.

Столь же иастойчиво вербовала предателей английская секретиая служба и в самих колониях. Большую ставку комаидующий английскими войсками в Америке Клинтои сделал иа то, чтобы побудить к измене американского геиерала Ариольда, в ведеиии которого иаходился важиый опорный пуикт — Вест-Пойнт и расположеиные там осиовые воеииые склады колоиистов. Честолюбивый Ариольд, считавший себя обижеиным и обойдеииым по службе, ие заставил себя долго упрашивать, однако свое предательство ои оцеиил в 20

тыс. ф. ст. Английский представитель майор Андре под именем Андерсона пробрался к Арнольду для ведения переговоров. На обратном пути майор был задержан американскими ополченцами. Но Арнольд раньше узнал о неизбежном разоблачении своей измены, чем последовал приказ об его аресте. Предатель давал обед в честь генерала Вашингтона и командира французских волонтеров Лафайета, когда получил донесение об аресте некоего Андерсона. Арнольд не стал медлить. Вежливо извинившись перед гостями в связи с тем, что ему необходимо покинуть их на минуту, Арнольд вскочил на коня и вскоре уже был в расположении английских войск. Англичане щедро наградили перебежчика деньгами, возвели в чин британского генерала. Клинтон признавал, что, учитывая провал плана сдачи Вест-Пойнта, награда была слишком большой. Однако, добавлял английский командующий в своем донесении 29 сентября 1779 г. в Лондон, в таком деле не стоит скупиться, ведь «подкуп наиболее респектабельных членов конгресса или офицеров, пользующихся влиянием и уважением своих войск, явился бы, если не считать разгрома армии Вашингтона, самым быстрым способом подавления мятежа и восстановления спокойствия в Америке»[23].

Хотя английской службе удалось подкупить еще немало предателей, этот план подрыва изнутри лагеря колонистов потерпел неудачу, еще больше выявив отсутствие у метрополии реальных шансов на победу.

После вступления Франции в войну положение Англии резко ухудшилось. Но путь колонистов к полной победе оказался еще довольно долгим. Англичане изменили свои стратегические планы. На севере они стянули войска к морским портам (при этом эвакуировав войска из Филадельфии), но зато развернули успешные военные действия в южных колониях, где имели много сторонников среди плантаторской верхушки. Войска генерала Корнуоллиса заняли Южную Каролину и наступали на Виргинию. Британский флот добился ряда серьезных успехов в борьбе против французов (особенно сокрушительным был разгром английским адмиралом Родни французской эскадры в апреле 1782 г.). Французская

◆

[23] K. Van Doren, Secret History of the American Revolution, N. Y., 1941, pp. 384—385.

помощь колонистам была значительно меньше ожидавшейся и приходила к тому же с большим запозданием.

Экономическое положение США было крайне тяжелым: деньги обесценились, спекуляция достигла невиданных ранее размеров, фермеры и ремесленники разорялись. Однако и для Англии война была тяжелым бременем. Военное ведомство действовало с обычной неэффективностью, процветали воровство и коррупция. Близко наблюдавший действия английского командования в Нью-Йорке американский лоялист писал: «Немудрено, что Джон Буль устал от этой войны не против мятежников, а против британской казны»[24]. Особенно чувствительными стали тяготы войны, когда американские каперские корабли начали серьезно нарушать английское торговое судоходство, притом даже в британских водах.

К этому времени большинство английской буржуазии под влиянием экономических потерь от войны явно склонялось к политике примирения с колониями[25].

В 1780 году Екатерина II, союза с которой тщетно пыталась добиться английская дипломатия, образовала Лигу вооруженного нейтралитета, к которой присоединились Австрия и Пруссия. Лорд Стормон, занявший министерский пост, гневно писал о «дикой системе императрицы, которая хоть и называется нейтральной лигой, на деле является заговором против Англии, столь же несправедливым по своим принципам, сколь экстравагантным по своим целям»[26].

В 1780 году в Лондоне вспыхнули народные волнения («мятеж Гордона»), в Ирландии возникло движение с требованием продоставления более широкой автономии ирландскому парламенту, в Англии усилилась агитация в кругах буржуазии и либерального дворянства в пользу парламентской реформы. И главное, не было уже надежды на победу: никакое увеличение британской армии не могло помочь ей осуществлять эффективный контроль над огромной территорией бывших колоний, население которых твердо решило отстоять провозглашенную неза-

◆

[24] G. O. Trevelyan, George the Third and Charles Fox, v. II, L., 1920, p. 191.

[25] J. de Madariaga, Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780, New Haven, 1962, p. 385.

[26] P. M. Clark, British Opinion and the American Revolution, pp. 112—118.

висимость. В октябре 1781 года при Йорктауне капитулировала британская армия под командованием Корнуоллиса, зажатая в тиски между войсками Вашингтона и французской эскадрой. Англия проиграла войну. Оставалось пустить в ход неоспоримое искусство английской дипломатии, чтобы добиться наиболее приемлемого мира. Этого англичанам удалось достигнуть, играя на опасениях, которые вызывали у американцев экспансионистские планы Франции и Испании в Западном полушарии [27].

По Версальскому миру 1783 года Англия, где сменилось министерство, признала, наконец, независимость своих бывших колоний. Во время войны Англия, по существу, утеряла господство на море. Многие влиятельные политики считали, что отпадение колоний в Америке равносильно не только гибели Британской империи, но и означает конец Англии как великой державы. «В тот момент, — говорил, например, лорд Шелборн, — когда наше правительство согласится на независимость Америки, солнце Великобритании закатится, и мы более не будем могучей и уважаемой страной» [28]. На деле, наоборот, путь к восстановлению внешнеполитических позиций Англии лежал через признание реального положения вещей, понимание необратимости результатов революции в Северной Америке.

В годы войны народные массы колоний — фермеры, рабочие, ремесленники героически проливали кровь в борьбе против английских армий. Однако руководство находилось в руках буржуазии, которая была далеко не едина в отношении к этой борьбе. Даже среди части буржуазии, которая находилась в революционном лагере, многие рассматривали войну как средство наживы на военных поставках и спекуляциях. Их настроения накладывали отпечаток на взгляды и тех буржуазных революционеров, которые искренне стремились осуществить национальные, патриотические цели народа, боровшегося за свободу и независимость своей страны. Именно на такой почве и возникли различные предложения о рас-

◆

[27] R. W. van Alstyne, Empire and Independence. The International History of the American Revolution, p. 211 f.
[28] R. Coupland, The American Revolution and the British Empire, L., 1930, p. 14.

пространении американской революции на другие земли и страны — в условиях, когда враг стоял у ворот, а в главных городах и портах колоний хозяйничали английские войска. Если сами революционные идеологи искренне стремились к социальным преобразованиям в Канаде, то американская буржуазия преследовала в этой стране свои особые интересы. Она хотела захватить Канаду, торговые центры которой считались серьезными соперниками для городов Новой Англии.

Еще в 1775 году, почти за год до провозглашения независимости, буржуазия колоний решила добиваться включения Канады в состав будущего американского государства. Правда, Второй континентальный конгресс официально прокламировал нежелание насильственно включать Канаду в намечавшийся союз боровшихся за освобождение колоний. Тем не менее уже летом 1775 года, вскоре после начала вооруженной борьбы против англичан, конгресс послал своего представителя Брауна в Монреаль для переговоров с местными буржуазными кругами о присоединении Канады к другим колониям. Наряду с этими переговорами последовало вторжение. 10 мая американская милиция захватила врасплох важный канадский форт Тикондерога. 9 июня английский губернатор Канады Карлтон объявил военное положение в стране.

В то время как верхушка населения Канады, а также католическая церковь сразу встали на сторону Англии, канадские фермеры (в большинстве французы по национальности) занимали выжидательную позицию. Ненавидя английские власти, канадское крестьянство, однако, было склонно видеть в американских отрядах новых завоевателей, а не «носителей свободы».

Первые успехи американцев усилили позиции сторонников «экспансии свободы». Континентальный конгресс принял тайное решение организовать экспедицию для захвата Канады. Во главе отряда в полторы тысячи человек, посланного в Канаду, был поставлен генерал Филипп Шулер, крупный землевладелец из штата Нью-Йорк. Ему было приказано занять Монреаль и другие части Канады, «если это будет желательно канадцам»[29]. Благодаря нерешительности захваченных врасплох английских влас-

[29] J. R. Alden, The American Revolution 1775—1783, p. 49.

тей в Канаде американцы, несмотря на медлительность их действий, форсировали реку Св. Лаврентия и подошли к Монреалю. Английский губернатор Карлтон, переодетый в чужое платье, бежал в Квебек, куда вслед за отступившими англичанами двинулась колониальная милиция.

Началась осада столицы Канады. Штурм города, предпринятый 31 декабря 1775 г., окончился неудачей. Недовольный конгресс менял командующих экспедиционной армией, пытаясь добиться, наконец, успешного окончания затянувшейся осады.

Армия у Квебека, хотя она испытывала острый недостаток в артиллерии, боеприпасах, продуктах питания, пополнялась все новыми сотнями солдат, которых так не хватало американским отрядам, сражавшимся в районе Нью-Йорка против превосходящих сил англичан [30]. Тем не менее никакие подкрепления не могли приостановить быстрого падения боеспособности и разложения американских войск в Канаде. Они начали догадываться, насколько чужда была делу освобождения колоний захватническая экспедиция, прикрывавшаяся призывами к «расширению границ свободы».

Этому прозрению помогла враждебность канадцев. «Население страны (Канады. — *Е. Ч.*)... целиком против нас» [31], — писал в апреле 1776 года американский полковник Хейзен.

10 мая 1776 г. к Квебеку подошли три английских военных корабля, при приближении которых деморализованные американские отряды обратились в бегство. Оно продолжалось и после перехода ими границы, хотя англичане их и не особенно сильно преследовали. Генерал Вашингтон с тревогой отмечал тяжелые последствия поражения колонистов в Канаде [32]. Так окончился этот американский вариант «экспорта революции».

Англия, потерпевшая поражение в войне с американскими колонистами, долго не хотела отказываться от надежды вернуть власть над своими прежними владе-

◆

[30] G. M. Wrong, Canada and the American Revolution, N. Y., 1935.
[31] R. W. van Alstyne, Empire and Independence. The International History of the American Revolution, p. 104.
[32] Cp. M. G. Lawson, Canada and the Articles of Confederation, «American Historical Review», v. LVIII, 1952—1953, pp. 39—54.

ниями. После войны одной из главных форм вмешательства Великобритании в дела ее бывших колоний стала активность британской секретной службы. Руководство этой деятельностью было возложено на опытного разведчика Д. Беквита, сумевшего еще в годы войны сплести свою агентурную сеть и теперь назначенного английским резидентом в Нью-Йорке. Уже в 1787 году Беквит установил связи с властолюбивым Александром Гамильтоном, министром финансов, придерживавшимся консервативных монархических взглядов. Англичанин использовал стремление Гамильтона и стоявших за ним крупнобуржуазных и плантаторских кругов к восстановлению тесных экономических связей с бывшей метрополией. Гамильтон — министр, приближенный президента Вашингтона, превратился по существу в британского агента №7 (как он обозначался в шифрованной переписке Беквита). Гамильтон не останавливался перед выдачей англичанам государственных секретов, занимался компрометацией в глазах президента неугодных Лондону американских дипломатов. Особенно усердно клеветал Гамильтон на представителя США в Лондоне Мориса, который следовал инструкциям нового государственного секретаря Т. Джефферсона. После того как Джефферсон стал догадываться о связях Гамильтона с Беквитом, англичанин был отозван под предлогом замены его официальным дипломатическим агентом Д. Хаммондом. Тот, конечно, также поспешил установить связи с агентом № 7.

Из-за Гамильтона американской дипломатии не удалось добиться выполнения Англией некоторых статей мирного договора (в частности, эвакуации британских войск, еще остававшихся на территории США). Гамильтону страна была обязана также подписанием крайне неравноправного торгового договора с Англией («договора Джея»). Он вызвал широкое возмущение и поэтому был ратифицирован только после исключения из текста статей, ущемлявших интересы молодого государства. Гамильтону удавалось сохранять свои связи с британской разведкой в глубокой тайне. Давно уже были опубликованы личный архив Гамильтона, отчеты английского губернатора Канады Дорчестера, через которого Беквит пересылал свои донесения в Лондон. Однако и эти публикации не пролили света на подлинную роль агента №7, которого в США принято было считать одним из отцов —

основателей республики. Лншь в 1964 году профессор Д. П. Бойд в своей кииге «№ 7» осветнл связи Гамнльтона с Беквитом, остававшиеся иераскрытыми более 175 лет[33].

Война хижинам и дворцам

К лету 1789 года, иачалу революции во Франции, отношеиия между главиымн европейскнми державамн былн сильно обострены. Англо-русские противоречня на Блнжнем Востоке, уснлнвшнеся в результате войны Турции протнв России, к которой прнмкнула Австрия, и едва не прнведшне в 1791 году к вооружеииому конфликту между Лондоиом н Саикт-Петербургом, борьба трех восточных держав (Австрия, Пруссня, царская Россия) вокруг раздела Польши, аигло-прусские интриги против Россин в бассейне Балтнйского моря, спровоцнровавшне войну Швецнн против Росснн (1788—1790 гг.), — таков далеко не полный перечень проблем, которые усилнвалн иапряженность общей международной обстановки. Особо надо отметить непрекращавшееся сопернннчество и глухую вражду между двумя великими державами, соседствовавшимн на востоке с Фраицней,— между Австрией и Пруссней, не забывшнх еще сравнительно иедавнюю Семнлетнюю войну, где онн сражались в протнвоположных лагерях. Борьба за преобладанне в Германин, боязиь уснления другой стороны определяли политику веиского и берлииского кабинетов.

Далеко ие случайио, что в первые два года французскне событня рассматрнвалнсь европейскнми дворами, н особенно в Веие и Берлиие, прежде всего с точки зрения того, как полная поглощенность Францнн внутреннимн деламн отразнтся на соотношенни снл каждой из держав с ее соперинкамн. Трн года, которые потребовались снлам международиой контрреволюции для похода протнв Франции, не былн времеием, потерянным в ре-

◆

[33] J. P. Boyd, Number 7. Alexander Hamilton's Secret Attempts to Control American Foreign Policy, Princeton, 1964 (ср. А. А. Фурсенко, Александр Гамнльтон н британская секретная служба, «Вопросы нсторнн», 1966 г., № 3, стр. 210—215).

зультате просчетов дипломатии. Эти годы были сроком, который оказался минимально необходимым европейским кабинетам для частичного сглаживания разделявших их противоречий, которое сделало возможным образование антифранцузской коалиции.

Французские эмигранты-роялисты уверяли Людовика XVI, что он может рассчитывать в борьбе с революцией «на поддержку всей Европы»[1]. Однако даже венский двор, на который прежде всего рассчитывала эмиграция, предпочитал пока не соглашаться с такой оценкой положения вещей. В августе 1791 года Мария-Антуанетта писала французскому послу в Вене графу Мерси-Аржанто, что король, не имея возможности сопротивляться насилию, вынужден был одобрить конституцию. Королева добавляла: «У нас нет более средств, кроме помощи иностранных держав». А брат Марии-Антуанетты император Леопольд и австрийский канцлер Кауниц, напротив, предпочитали тогда же публично разъяснять, что добровольное принятие Людовиком XVI конституции создает самые радужные надежды на будущее[2]. 6 января 1792 г. граф Ферзен писал Марии-Антуанетте: «Император боится войны, боится вмешаться в ваши дела»[3].

В целом в начале 1792 года казалось, что попытки эмигрантов добиться вооруженной интервенции окончились полной неудачей — и в Вене, где даже смерть Леопольда 2 марта 1792 г. мало что изменила и где опасались в результате войны потерять Бельгию, и в Берлине, где требовали предварительного согласия держав на непомерные территориальные притязания, и в Петербурге, где Екатерина II прежде всего была занята Польшей, и в Мадриде, где бессилие и разложение правительства были слишком очевидны. И в первую очередь это относилось к Лондону, где премьер-министр Уильям Питт-младший продолжал линию на сохранение нейтралитета[4]. (К этому вопросу мы еще вернемся.) Но прежде всего посмотрим, как повлияла на эти долгие сборы коалиции дипломатия революционной Франции.

◆

[1] «Lettre de Monsieur et de M. le compte d'Artois au roi leur frère avec la Déclaration signée à Pilnitz, etc», P., 1791, p. 5.
[2] G. Michon, Robespierre et la guerre révolutionnaire, 1791—1792, P., 1937, p. 13.
[3] Ibid., p. 62.
[4] E. Daudet, Coblentz 1789—1793, P., pp. 229—230.

Осенью 1791 года во Франции двор и правительство, состоявшее из фельянов — умеренных, конституционных монархистов, проповедовали необходимость сохранения мира с иностранными государствами. Фельяны сознательно закрывали глаза на поддержку, которую получали в этих странах эмигранты — дворяне, духовенство, офицеры армии и флота, сотнями и тысячами покидавшие свои полки и корабли. Громко обвиняя двор и министров в потворстве эмигрантам, будущие жирондисты устами своих вождей и идеологов все настойчивее требовали жесткой политики в отношении соседних государств. Со страниц издававшихся жирондистами газет стали раздаваться призывы перейти к политике ультиматумов — либо иностранные державы прекратят скрытую помощь мятежникам-эмигрантам, мечтавшим о контрреволюции, либо пусть знают — неизбежен открытый конфликт с Францией. Так уже с начала октября 1791 года писала газета Ж. П. Бриссо «Французский патриот».

20 октября Бриссо произнес в Законодательном собрании свою известную речь о внешней политике. Эта речь, полная оптимистических преувеличений, свидетельствовала о том, что от жирондистского оратора ускользала самая суть складывавшейся международной обстановки. У Бриссо явно отсутствовало реалистическое представление о соотношении сил революционной Франции и других европейских государств. Он не хотел видеть ни дезорганизацию французской армии в результате дезертирства офицеров, ни пустую государственную казну, ни того, насколько усилились бы позиции контрреволюционных заговорщиков, если бы Франция была вовлечена в тяжелую, изнурительную войну против коалиции феодально-монархических держав. Потребовался впоследствии поистине невиданный, титанический порыв французского народа, чтобы, преодолевая эти и остальные бесчисленные препятствия, спасти родину от иностранного нашествия.

Для Бриссо революционная война представлялась не в виде смертельной схватки между Францией и ее врагами, а в виде легкой военной прогулки, во время которой народы дружно восстанут против тиранов и с восторгом встретят своих освободителей. Нечего говорить, что эта радужная картина имела мало общего с реальной действительностью. Ни в одной из европейских стран в то время не было революционной ситуации. Бриссо уверял,

что вся Аиглня восторгается революцней за Ла-Маншем и ищет фраицузской дружбы, что Австрня и Пруссия жаждут сохраиить мир. Брнссо, явно не замечая иепоследовательности в своих утверждеииях, нзображал монархическне правительства Европы уже вступнвшими в воениый союз против Францнн и в то же время ие осмелившимися помышлять о войие со страиой победившей революции. Имеиио такую противоречивую оцеику получнла у Брнссо Пильиицкая конференция, иа которой по существу был заключен австро-прусскнй союз протнв Фраиции. Эти противоречия сразу же подметил Марат. Еслн, пнсал он, «нам нечего бояться этнх держав, зачем столь снльио тревожнться отиосительно эмнгрантов, которые обращаются к иим за помощью»[5].

В утверждениях Брнссо была доля правды, которая, одиако, служнла ему лншь для создания в корне ложной общей картины междуиародиого положеиня. Существоваиие среди правящих кругов другнх страи лнннн иа то, чтобы времеиио ужнться с революцнонной Фраицней, вызывало у Брнссо прилив воинственных настроений, из наличия такой «мнрной» теиденции он черпал доводы в пользу революциоиной войиы. Требуя прекращення деятельиости французскнх коитрреволюцнонных эмнгрантов в западногермаиских княжествах, Бриссо вместе с тем предлагал усилить французскую революцнониую пропагаиду и другне меры, чтобы подиять восстание в австрийскнх Нидерландах (Бельгии).

Жироиднсты решили приступнть к осуществлению своих виешиеполитическнх планов, выдвигая в центр вниманиия вопрос об эмиграитах и покровнтельстве, оказываемом нм германскнмн киязьями. Требования покончить с подстрекательскими призывамн и поползиовеииямн эмигрировавшнх дворяи встречалн широкую народиую поддержку. Однако в устах жироидистских ораторов н в журналах эти требоваиия по существу прикрывалн иежелаиие Брнссо и его единомышлеиииков вести решительиую борьбу с еще более опасиой виутренней коитрреволюцней. Более того, жироидисты-либералы, иа деле боявшнеся иарода, мечтали, убедив короля в иеобходнмости прннятня мер протнв эмнграитов, связать его с иовым политическим порядком, установлеиным победившей

◆

[5] «L'ami du Peuple», 25 oct., 1791.

буржуазией. Этой же цели служили, впрочем, и все военные планы жирондистов. Проповедь «революционной войны» на проверку оказывалась боязнью углубления революции во Франции.

Жиронда шла к власти под лозунгами «революционной войны». В декабре 1791 года, несмотря на сопротивление короля, ей удалось добиться назначения на пост военного министра Нарбонна, авантюриста, считавшего выгодным для себя поддержать воинственные призывы Жиронды. Напрасно дальновидный Марат призывал Законодательное собрание не поддаваться на призывы жирондистов, которые подвели нацию к краю пропасти[6].

Прусский барон Клоотс, фантазер и утопист, объявивший себя «послом угнетенных народов мира», «оратором рода человеческого», написал книгу «Универсальная республика», которую преподнес Законодательному собранию. В своей речи по этому поводу он объявил: «Судьбы рода человеческого находятся в руках Франции... Бог создал порядок из первобытного хаоса, французы создадут порядок из феодального хаоса... Граждане Франции и граждане всего мира готовы на величайшие жертвы ради успеха этого дела, которое жизненно затрагивает всех людей»[7].

Призывы Клоотса к «священной войне» встретили бурное одобрение жирондистов. 15 декабря в своей газете «Французский патриот» Бриссо писал с откровенностью, с которой он еще не осмеливался высказываться с трибуны Законодательного собрания: «Война, война — таков клич всех патриотов, таково желание всех друзей свободы, рассеянных по всей Европе, которые лишь ожидают этого счастливого начинания, чтобы низвергнуть и атаковать своих тиранов». Бриссо призывал к войне, «которая призвана обновить облик мира»[8].

В отличие от других жирондистов, в это время с настороженностью или прямой враждебностью относившихся к Якобинскому клубу, Бриссо стремился перетянуть его на сторону проповедников революционной войны. Из-

◆

[6] «L'ami du peuple», 28 nov., 1791.
[7] S. S. Biro, The German Policy of Revolutionary France, v. I, Cambr. (Mass.), 1957, p. 200. Биографию А. Клоотса см. G. Avenel, Anacharsis Cloots, v. I—II, P., 1865.
[8] H. A. Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde. Jacques-Pierre Brissot, P., 1912, pp. 44—45.

бегая открытого столкновения с Робеспьером и другими противниками воинственной политики, Бриссо в своей речи, произнесенной 16 декабря, пытался убедить членов Якобинского клуба, что те добросовестно заблуждаются, отвергая войну как средство утверждения революции во Франции и ее победы во всей Европе. Бриссо доказывал, что война сплотит всю Францию без различия партий и политических взглядов, он уверял, что война является делом национальной чести: «В течение двух лет соседние страны наносят обиды и оскорбления Франции... Нужно ли колебаться хоть один момент в том, стоит ли их атаковать? Наша честь, наша безопасность, наш общественный вес, необходимость упрочить нашу революцию — все это делает для нас законом такое нападение».

В «революционной войне» Бриссо видел разрешение всех внутренних противоречий Франции. Война не только сплотит страну, но и уничтожит гнездо эмигрантов в городе Кобленце. «Уничтожьте Кобленц, все будет спокойно внутри страны и за рубежом». Бриссо отвергал обоснованное возражение якобинцев, что двор использует войну для изменнического удара в спину революции. (Впоследствии жирондистский лидер стал доказывать, что война позволит вскрыть перед народом коварство и предательство двора.) Бриссо уверял, что ни одна из европейских держав, ни все они вместе не в силах и не осмелятся поднять перчатку, брошенную им Францией[9]. Эти же взгляды Бриссо развивал в речи, произнесенной с трибуны Законодательного собрания. Эта речь, как в зеркале, отражает характерные черты мышления сторонников революционной войны: и желание скрыть (иногда даже от самих себя) свои побудительные мотивы, доказывая, что война является средством углубления революции внутри страны, и уверенность, что революцией, принесенной на штыках французских войск, можно будет «осчастливить» другие народы. Бриссо рисовал совершенно искаженную картину реального положения дел в других государствах, крайне преувеличивал зрелость имевшихся там революционных сил. Одним словом, это был классический пример того, как желаемое выдавалось за действительное.

◆

[9] H. A. Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde, Jacques-Pierre Brissot, pp. 47—53, 58.

Снова и снова Бриссо доказывал бессилие всех противников Франции. «Французская революция перевернула всю дипломатию»,— провозглашал Бриссо. Не надо опасаться Англии: английская нация полностью на стороне Франции и видит во французской конституции опору для своей собственной. Вероятнее всего, даже имея средства для нападения на Францию, английское правительство никогда не осмелится пустить их в ход. Это предположение превращается в уверенность, если вспомнить об агитации в пользу парламентской реформы, огромные размеры государственного долга, тяжелое положение в Индии. «Английский народ не поколеблется в выборе между королем и свободой, между миром, который ему необходим, и войной, которая приведет его к полной гибели». Далее Бриссо переходит к континентальным державам. «Следует ли опасаться германского императора? Увеличившийся государственный долг, уменьшение таможенных сборов, частые восстания в Венгрии, закоренелая ненависть в (австрийских) Нидерландах к австрийскому двору». Повсюду императору самому угрожают опасности. «Повсюду солдат, которого монархи хотят сделать врагом народа, вспоминает, что среди этого народа находятся его друзья, его родители и он не желает отделять себя от дела народа».

Еще меньше вреда может причинить Пруссия; война против Франции лишь ослабила бы власть правительства внутри страны и позиции Пруссии по отношению к старому сопернику — Австрии. С помощью подобного же «анализа» Бриссо сбрасывал со счета, как реальных противников, и Екатерину II (якобы опасавшуюся за сохранность своего трона вследствие влияния Потемкина!), и шведского короля, и испанских Бурбонов, и Голландию. Единственную опасность Бриссо видел в том, что вооруженный конфликт все же не возникнет. «Война — ныне национальное благо» [10],— провозглашал лидер Жиронды.

Робеспьер раньше и глубже других понял угрозу, которую представляли для революции жирондистские призывы к революционной войне, приобретавшие широкую популярность даже среди якобинцев. Учитывая распространение, которое получила теория революционной вой-

◆

[10] «Gazette nationale ou Le Moniteur Universel», 30, 31 déc., 1791 (далее — «Le Moniteur»).

ны, Робеспьер, проницательный и гибкий политик, не отвергал ее прямо, а стремился показать всю опасность жирондистского политического курса. Он подчеркивал, что не случайно эта политика вызывает одобрение короля и его окружения: «Двор всегда хотел войны,— говорил Робеспьер 14 декабря 1791 г.— Он по-прежнему хочет ее, но он хотел выждать благоприятного момента, который он подготовлял для ее объявления, и преподнести вам ее таким образом, который наиболее соответствовал бы его видам»[11].

Робеспьеру приходилось идти против течения. Не только в Париже, но и во многих провинциальных городах муниципалитеты и патриотические клубы под влиянием жирондистов высказывались в пользу революционной войны. Законодательное собрание 29 декабря 1791 г. приняло знаменитую декларацию, составленную Кондорсе, в которой указывалось, что, вступая в войну для наказания монархов, Франция является союзником угнетенных народов, борется за их благополучие и независимость[12]. Было одобрено предложение разослать эту декларацию не только в департаменты, но и иностранным дворам, которым она угрожала[13]. Под влиянием Бриссо и его единомышленников Якобинский клуб в начале января 1792 года утвердил резолюцию в пользу наступательной войны. Робеспьер неустанно разъяснял, что прежде всего надо навести порядок в собственном доме и что нелепо пытаться путем войны заставлять народы других стран принять конституцию. В речи, произнесенной 25 января 1792 г., он говорил: «А если народы, если солдаты европейских государств окажутся не такими философскими, не такими зрелыми для революции, подобно той, которую вам самим так трудно довести до конца? Если они вздумают, что их первой заботой должно быть отражение непредвиденного нападения, не разбирая, на какой ступени демократии находятся пришедшие к ним генералы и солдаты?»[14] Робеспьер понимал, что лозунг революции «мир хижинам, война дворцам» жирондисты

◆

[11] М. Робеспьер, Избранные произведения в трех томах, т. I, М., 1965, стр. 176.
[12] Ср. «Le Moniteur» за декабрь 1791 года — январь 1792 года.
[13] H. A. Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde, Jacques-Pierre Brissot. p. 57.
[14] М. Робеспьер, Избранные произведения, т. I, стр. 188.

могли превратить в борьбу против правительств и против народов других стран, в войну хижинам и дворцам.

Французский народ не хотел войны. Однако политика жирондистов быстро обостряла и без того опасное положение. Эта политика заглушала голос противников войны не только во Франции, но и в других европейских странах. Она все более ослабляла влияние тех сил и тенденций, которые еще препятствовали развертыванию контрреволюционной интервенции феодально-абсолютистских держав против революционной Франции. Однако эти тенденции были еще достаточно сильны осенью 1791 года, чтобы побудить императора Леопольда (являвшегося одновременно австрийским государем и главой Священной римской империи германской нации, состоявшей из конгломерата больших и малых государств) посоветовать князьям, пригревшим эмигрантов, проявлять терпимость в отношении Парижа. Однако партия Бриссо рассматривала эти уступки лишь как досадные помехи на пути осуществления своей политики.

В Якобинском клубе продолжались жаркие дебаты о внешней политике. 9 января 1792 г. Луве, ставший одним из ближайших помощников Бриссо, выступил с речью, в которой пытался убедить членов клуба в необходимости наступательной войны. Робеспьер снова твердо осудил внешнеполитические концепции жирондистов. Он подчеркивал, что Бриссо стремится к войне в то время, когда во главе военного министерства стоит аристократ — граф Нарбонн, что первым объектом борьбы должен стать королевский двор, который плетет интриги против конституции и который выиграет от вооруженного конфликта[15].

Против воинственных деклараций выступил и Марат. В номере от 1 декабря 1791 г. «L'ami du peuple» он писал, что призывы к войне исходят от двора. Жирондисты, по его мнению, советуют «зажечь факел войны с целью добиться того слабого преимущества, чтобы нас не беспокоил дым».

Газета Прюдома «Парижские революции» 3 декабря писала: «Станьте сначала свободны внутри страны; избавьтесь от внутренней тирании, представляющей непо-

◆

[15] H. A. Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde, Jacques-Pierre Brissot, pp. 87—93.

средственную опасность, вместо того чтобы устремляться за границу против сомнительных опасностей» [16].

Робеспьер продолжал свое сопротивление планам Бриссо и тогда, когда 12 марта 1792 г. король призвал жирондистов в правительство и предоставил им, по сути дела, свободу рук в объявлении войны [17]. Такую же позицию занимал и Марат, с горечью писавший, что народ, обманутый сладкими (captieux) речами Бриссо и ему подобных, «казалось, не менее желает войны, чем его злейшие враги» [18].

Пытаясь преодолеть сопротивление Робеспьера, лидеры жирондистов развернули кампанию нападок и клеветы против «неподкупного». Газета «La chronique de Paris», издававшаяся Кондорсе, 22 апреля 1792 г. уверяла, что все, кто выступал против войны, подкуплены двором. Эти обвинения 25 апреля повторили Бриссо и Гюаде с трибуны Якобинского клуба, заявляя, что противники войны являются врагами революции [19].

Начало войны, к которой стремились жирондисты, было встречено с большим удовлетворением и эмигрантами и крупной буржуазией внутри Франции. Так, банкир Оттанже писал, что объявление войны восстановит внутренний мир во Франции и «заглушит крики небольшой группы, которые в конце концов неизбежно привели бы к анархии» [20].

Конечно, вне зависимости от позиции жирондистов война с самого начала объективно носила справедливый характер для Франции. В этой войне французский народ отстаивал свои революционные завоевания, независимость родины, целостность национальной территории. Но ему пришлось обороняться от натиска многочисленных врагов, сражаться в исключительно трудных условиях во многом именно из-за того, что политика жирондистов способствовала сплочению главных сил европейской реакции.

◆

[16] Ж. Жорес, История Великой французской революции, т. II, Законодательное собрание, М., 1923, стр. 88.
[17] H. A. Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde, Jacques-Pierre Brissot, p. 182.
[18] «L'ami du peuple», 19 avr., 1792.
[19] G. Michon, Robespierre et la guerre révolutionnaire 1791—1792, pp. 105—106.
[20] C. G. Bowers, Pierre Vergniaud. Voice of the French Revolution, N. Y., 1950, p. 162.

Впоследствии, осенью 1792 года, когда в результате героических усилий народа удалось отразить первый натиск интервентов, жирондисты продолжали проповедовать «всеобщую войну». Цель оставалась прежней. Жирондисты боялись, что возвращение революционных солдат домой еще более усилит требование углубления революции. Ролан цинично писал: «Нужно заставить маршировать тысячи людей, которых мы имеем под ружьем, туда, куда только занесут их ноги, или эти люди вернутся и перережут нам глотку» [21]. Вопреки якобинцам, выступавшим против завоеваний, декретами 19 ноября и 15 декабря 1792 г. целью войны была объявлена ликвидация феодальных прав и установление революционной диктатуры Франции. Бриссо, руководивший французской дипломатией, писал 26 ноября, что только освобождение Германии, Испании и других стран «может укрепить свободу Франции» [22]. Это не помешало жирондистам вскоре вступить в сговор с иностранцами для борьбы против якобинцев. А когда жирондистские лидеры предстали перед революционным трибуналом, одним из главных обвинений, выдвинутых против них, было преждевременное вовлечение Франции в войну с целой коалицией держав. К этой войне страна не была готова, и в ходе ее жирондисты мешали развязыванию патриотической энергии народа, поднявшегося против интервентов [23].

Колеблющийся Альбион

Новейшая реакционная историография, пересматривая прежнюю либеральную концепцию Великой французской революции, готова в угоду конъюнктурным соображениям представить революционную Францию агрессором, последовательно нападавшим на все соседние государства. Известный ан-

◆

[21] G. Michon, Robespierre et la guerre révolutionnaire 1791—1792, pp. 128—129. (Такие же настроения впоследствии не были чужды и дантонистам, но не разделялись другими сторонниками революционной войны — эбертистами.)

[22] Ibid., p. 129.

[23] H. A. Goetz-Bernstein, La diplomatie de la Gironde, Jacques-Pierre Brissot, p. 407.

глийский историк А. Коббен, развивая эту точку зрения, откровенно связывает ее со своим стремлением доказать, будто агрессивность составляет неотъемлемую часть, прирожденное свойство всякой, достаточно глубокой революции, революционного государства[1]. В этом реакционном пересмотре исчезает самое главное—справедливый характер войны для революционной Франции. Однако подчеркивая это, несомненно главное и основное, было бы неправильно уходить от факта, что формально войну объявила Франция. Необходимо выяснить, какое влияние на ход французской революции оказали теория революционной войны и попытки осуществления ее на практике. Для этого надо решить прежде всего один немаловажный вопрос. Чем было вызвано объявление войны со стороны Франции — абсолютно вынужденной ответной мерой, перехватывавшей инициативу у врага, или решением начать отнюдь не предопределенную фатально вооруженную борьбу против феодально-абсолютистских государств континента и Великобритании?

В политике европейских держав боролись противоречивые тенденции, и она отнюдь не предусматривала неизбежное вступление в войну против Франции. Как уже отмечалось, в 1791 году казалось, что усилия эмигрантов побудить эти державы к интервенции окончились неудачей. Вместе с тем английское правительство, хотя еще не пришло к мысли о целесообразности конфликта с Францией, все же принимало меры к тому, чтобы подготовиться к этой возможности. На Рейхенбахской конференции (июль 1790 г.), где, как выразился австрийский делегат Шпильман, «торговались до чахотки», было достигнуто временное урегулирование австро-прусских споров. Англия, а под ее нажимом Голландия и Пруссия согласились не вмешиваться в дела австрийской провинции — Бельгии, где развертывалось национальное революционное движение. В ноябре 1790 года в Бельгию бы-

◆

[1] Например, A. Cobban, In Search of Humanity. The Role of Enlightment in Modern History, L., 1960, pp. 187—191. «Французские революционные и наполеоновские войны,— писал известный американский социолог К. Райт,— были порождены идеализмом теории прав человека и новой религией демократического национализма, сопровождаемого миссионерским рвением распространить его блага на (все) человечество» (Q. Wright, A Study of War, v. II, Chi., 1942, p. 724).

ли переброшены австрийские войска, подавившие это движение.

Правда, попытки Питта угрозой вооруженного конфликта добиться выгодных для Англии условий окончания русско-турецкой войны не привели к успеху. (Этому способствовала не только твердость, проявленная дипломатией Екатерины II, но и решительное сопротивление планам кабинета со стороны английских промышленников и купцов, не желавших терять русский рынок для своих товаров.) В августе 1791 года Россия на выгодных для нее условиях заключила перемирие с Турцией. Примеру России тогда же последовала и Австрия. (Русско-шведская война закончилась еще в августе 1790 г.) Вспыхнувшее в Польше национально-революционное движение, которое привело к провозглашению сеймом 3 мая 1791 г. конституции, натолкнулось на враждебное отношение Австрии, Пруссии и царской России. Польская знать во главе с королем Станиславом Понятовским изменнически обратилась за помощью к Екатерине II. Царские войска к осени 1792 года подавили революционное движение в польских землях. Уничтожив этот очаг революции, находившийся у русских границ, сурово расправившись с проявлениями революционных настроений в самой России (осуждение Радищева и Новикова), Екатерина II была теперь вдвойне заинтересована в начале интервенции против Франции. Эта интервенция, по ее мнению, вела бы к искоренению «французской заразы» и вместе с тем не потребовала бы ни одного русского солдата, так как осуществлялась бы целиком Австрией и Пруссией. Вдобавок, увязнув в войне с революционной Францией, эти державы оказывались в невыгодном положении по сравнению с Россией, и у Екатерины II были бы развязаны руки при решении польских дел.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос: было ли неизбежно участие Великобритании в войне против революционной Франции? Вопрос этот имеет особую важность, если вспомнить, что буржуазная Англия фактически возглавила поход феодальных монархий, выступивших против Франции, поддерживала эту коалицию мощью своего флота, установившего блокаду французских берегов, миллионами денежных субсидий союзникам и французским роялистам.

Французская революция вначале вызвала самый благоприятный отклик в Англии. Внимательный и осведом-

ленный иностранный наблюдатель г-жа Шиммельпенник через 40 с лишним лет писала, что не может припомнить события, которому бы столь единодушно сочувствовали в Англии, как начавшейся французской революции. Эти настроения порождались самыми различными причинами. Либеральные круги буржуазии и дворянства, включая руководство оппозиционной партии вигов, видели во французской революции 1789 года повторение английской «славной революции» 1688 года. Даже вигские аристократы типа лорда Стенгопа поддерживали дружеские связи с революционными деятелями Парижа и других городов. А левое крыло либералов — сторонники реформы парламентского представительства, вроде майора Д. Картрайта, философа Пристли, Джона Горна Тука, не говоря уже о Томасе Пейне, стали восторженными поклонниками революции. Правда, по мере углубления революционного процесса за Ла-Маншем происходило размежевание: симпатии вигской аристократии к событиям во Франции быстро блекли (сигналом послужило знаменитое выступление Э. Бёрка с книгой «Размышления о французской революции»), тогда как левое крыло либералов сближалось с возникшим демократическим движением — Лондонским корреспондентским обществом и его провинциальными филиалами, одобрявшими и приветствовавшими действия французских республиканцев.

Для нашей цели особенно важно отметить, что торийское правительство Уильяма Питта-младшего (будущего непримиримого врага французской революции) первоначально также с удовлетворением встретило весть о взятии Бастилии. Конечно Питт, еще за несколько лет до этого сам выступавший с предложением парламентской реформы, менее всего предполагал найти во французских событиях аргументы для нового выдвижения своего проекта, отвергнутого олигархическим парламентом. Британский премьер рассчитывал на те выгоды внешнеполитического характера, которые, по его мнению, должна была принести Англии начавшаяся за каналом революция. Даже узколобый Георг III вначале считал французскую революцию лишь справедливым наказанием для дома Бурбонов за его помощь американским мятежникам, когда те выступили против британской короны[2].

[2] J. Dechamps, Entre la guerre et la paix. Les Iles Britanniques et la Révolution française (1789—1803), Bruxelles, 1949, p. 24.

Шесть-семь лет, отдалявшие Парижский мир 1783 года, по которому Лондон, скрепя сердце, признал независимость своих бывших колоний в Северной Америке, от падения Бастилии, были временем непрерывных успехов политики Англии, залечившей нанесенные ей раны, восстановившей свои коммерческие позиции и политический престиж на мировой арене. В условиях мира Англия, в которой быстро развивалась промышленность, нанесла ряд тяжелых дипломатических поражений Франции, переживавшей острый кризис царивших там феодально-абсолютистских порядков. Вершиной этих успехов Питта по праву считался англо-французский торговый договор 1786 года, открывший французский рынок для британских промышленных товаров. «Беспорядки» во Франции, по мнению лондонского кабинета, должны были сократить ее военные возможности, подорвать к ней доверие монархических соседей и тем самым резко ослабить ее внешнеполитические позиции. Через две недели после штурма Бастилии министр иностранных дел герцог Лидсский писал: «Французы пока что работали в нашу пользу бесконечно лучше, чем это могли бы сделать мы сами». В течение довольно длительного времени министерство Питта считало, что французская революция поможет укрепить международное положение Англии, которая будет выступать арбитром в споре между Парижем и континентальными монархами, а также обеспечит дальнейшую экономическую экспансию, достигшую невиданных размеров в предшествовавшие годы. И, конечно, благодаря всему этому Франция — главная соперница Великобритании резко ослабнет. Единственной причиной, которая могла сдвинуть Лондон с этой позиции, была угроза подрыва «европейского равновесия», например в результате возможной революции в австрийских Нидерландах и их присоединения к Франции.

Призывы эмигрантов, настаивавших на иностранной интервенции, встречали более чем сдержанный отклик в Англии[3]. Там, наоборот, куда больше считались со сведениями, поступавшими в 1790 году от британского посла в Париже лорда Дорсета о том, что именно аристократическое окружение короля мечтает о войне, которая

◆

[3] H. Mitchel, The Underground War against Revolutionary France. The Mission of. Wiliam Wickham, Oxford, 1965, pp. 13—29.

поможет задушить революцию. Питт поэтому в своих инструкциях британским дипломатам требовал, чтобы они избегали любых шагов, которые могли бы быть истолкованы как поддержка одной из боровшихся французских партий. В самом конце декабря 1790 года заместитель министра иностранных дел Джеймс Блэнд Бэргс писал: «Безусловно, нашим интересам соответствует сохранение строгого нейтралитета и из этого несомненно исходят наши планы». Анализ политики Питта весной 1791 года показывает, что он продолжал следовать прежней линии. Это видно из переписки нового английского министра иностранных дел лорда Гренвила, в частности, с влиятельным британским послом в Гааге лордом Оклендом. Лондон скорее беспокоили планы интервенции, которые приписывали Австрии, особенно в случае использования ею в качестве плацдарма австрийских Нидерландов.

Выступая в феврале 1792 года в парламенте при обсуждении бюджета, Питт заявил: «Никогда еще в истории Англии не было времени, когда мы, исходя из европейской ситуации, могли бы с более разумным основанием рассчитывать на пятнадцать лет мира, чем ныне». В начале 1792 года Гренвил вновь в переписке с самыми доверенными лицами, в том числе своим братом маркизом Бэкингемским, подчеркивал крайнюю желательность сохранения нейтралитета. Правда, одновременно британский кабинет склонялся к тому, чтобы не препятствовать планам интервенции, разработанным Австрией и Пруссией, при условии, что они не затронут австрийские Нидерланды. Нейтралитет Англии был подтвержден и после начала войны этих двух держав против Франции. Гренвил при этом учитывал даже возможность, что военные успехи Австрии и Пруссии могут побудить Англию взять на себя роль арбитра.

После свержения французской монархии в августе 1792 года британский кабинет отозвал из Парижа своего посла лорда Гауэра. Перед отъездом ему предписывалось выразить озабоченность Англии судьбой королевской семьи, но в то же время подчеркнуть сохранение Англией нейтралитета. И хотя в это время в английских правящих кругах возникла острая тревога в связи с возможным распространением «якобинской заразы» в Англии и выражались надежды на победу интервентов, кабинет принял решение не покидать своей нейтральной позиции. Гренвил, например в письме к Окленду от 6 ноября 1792 г.

писал даже о перспективе признания Французской Республики, если новый режим прочно утвердится. Окленд вполне одобрил этот план признания республики на условиях сохранения статус-кво (письмо от 9 ноября 1792 г.). Правительство Питта осенью 1792 года предпринимало неоднократные попытки достигнуть соглашения с Парижем, которое помогло бы оградить британские интересы в Бельгии, куда двинулись после победы при Вальми французские войска, и английской союзницы Голландии. Лишь когда в декабре 1792 года эти попытки окончились неудачей и последовал ряд французских мер, направленных на осуществление революционной войны, жребий был брошен. Сначала Гренвил, а ко второй половине января 1793 года (еще до казни Людовика XVI и отнюдь не в этой связи) и Питт пришли к выводу о неизбежности войны.

Французские дипломаты в Лондоне Шовелен и Ноэль, находясь под впечатлением теории революционной войны, сообщали в Париж, будто в Англии, Шотландии и Ирландии назревает революция[4]. Это было крайним преувеличением[5]. Французские дипломаты по существу повторяли неправдоподобные сведения о существовании разветвленного революционного заговора, которые сознательно распространяло правительство Питта, чтобы оправдать новые репрессивные меры против демократических организаций.

Теория революционной войны побудила французское правительство в начале 1793 года к ряду действий, заведомо влекущих за собой конфликт с Англией, включая не только политику в Бельгии, но и принятое 15 декабря 1792 г. решение о распространении за границей революционных взглядов. Были приняты также, правда не приведенные в исполнение, решения не брать в плен англичан и ганноверцев, и другие меры, обострявшие конфликт. Недаром газета «Таймс» писала в январе 1793 года, что наступил «самый благоприятный» момент для объявления войны Франции[6]. Используя все это в своих целях,

◆

[4] J. T. Stoker, William Pitt et la Révolution Française (1789—1793), P., 1935, pp. 135—136.

[5] Автору приходилось подробно касаться этого вопроса в монографии «Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII— начале XIX века», М., 1962.

[6] «The Times», Jan. 25, 1793.

Питт 1 февраля 1793 г. говорил о правителях Франции: «Они не примут под названием свободы любую другую форму правления, кроме той, которая соответствует их позиции и идеям; все люди во всем мире должны быть обучены их системе под жерлами их пушек»[7]. Позднее британский премьер-министр неоднократно повторял, что Англия находится в войне не с идеями, а лишь с «идеями, опирающимися на вооруженную силу»[8]. «Революционная война», кроме всего прочего, помогла правительствам коалиции представлять свои попытки «экспорта контрреволюции» в виде защиты независимости народов и их права решать свои дела без вмешательства извне.

Прав был историк Ж. Рюде, писавший, что политика жирондистов для Англии представлялась как повторение французами, вне зависимости от их системы правления, старых планов Филиппа II и Людовика XIV[9].

В этих условиях английская буржуазия активно поддержала войну, являвшуюся интервенцией против буржуазной революции. Контрреволюционные настроения английской буржуазии, как это отмечали современники, дополнялись ее опасением за свое исключительное положение в Европе, боязнью, что французская буржуазия, завоевав власть, вырвет у Англии торговое преобладание. Интервенционистские планы тесно переплетались с захватническими вожделениями у всех эксплуататорских слоев Англии, как у правящих классов, так и у новой промышленной буржуазии, еще не пришедшей к власти. Значительная часть заводчиков и фабрикантов быстро богатела от военных поставок, другие слои буржуазии и помещики наживались на контрабандном вывозе товаров, на ограблении французских колоний[10]. Господство на море в условиях войны давало возможность англичанам установлением блокады полностью воспрепятствовать вывозу французских товаров в неевропейские страны, а сколачивание контрреволюционных коалиций позволяло изгонять конкурентов и с рынков стран, участвовавших в интервенционистских походах. «Английский

◆

[7] «Parliamentary History», v. XXX, p. 278.
[8] Ibid., v. XXXIV, p. 1051.
[9] G. Rudé, Revolutionary Europe, 1783—1815, L., 1964, pp. 202—203.
[10] W. Fox, The Interest of Great Britain Respecting the French War, 5th ed., L., 1793, p. 16.

промышленник может, следовательно, во время войны рассчитывать, что он будет владеть почти всеми иностранными рынками»,— указывалось в одном торийском памфлете, изданном в 1793 году [11]. Великобритания, указывали наиболее горячие головы, уничтожив флот и торговлю Франции, захватит, «по крайней мере, на следующее столетие мировую монополию (в торговле.— *Е. Ч.*), а фактически вместе с ней и господство над миром (world's empire)» [12]. Говоря словами Маркса, «в то время как старая буржуазия ведет борьбу с французской революцией, новая завоевывает себе мировой рынок» [13].

Назад в XII век

Один из немногих умных идеологов-эмигрантов, Малле дю Пан, писал, что враги революции стремились возвратить Францию в двенадцатый век [1]. Следует лишь заметить, что интервенты всячески старались замаскировать подобные планы. Реальные и прокламируемые цели первой коалиции совпадали лишь отчасти или вовсе не совпадали.

Идеологическое обоснование интервенции, особенно после того, как к ней примкнула Англия, отличалось немалой изощренностью. Спекулируя на жирондистской пропаганде «революционной войны», коалиция пыталась выдать интервенцию за оборону своих стран от иноземного, якобинского вмешательства. Позднее, по мере успехов революционной армии, этих ссылок на оборону своих владений, территорий союзников и малых стран стало еще больше.

Было много попыток оправдать интервенцию против Франции ссылками на господствовавшие тогда теории международных отношений, и прежде всего на доктри-

◆

[11] N. V. Bexley, Reflections on the Propriety of an Immediate Conclusion of Peace, L., 1793, p. 93.
[12] «A Short Exposition of the Important Advantages to be derived by Great Britain from the War, etc», L., 1794. Цит. по «The Critical Review», Aug. 1794, p. 461.
[13] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 222—223.
[1] Mallet du Pan, Correspondance politique pour servir à l'histoire du républicanisme français, Hambourg, 1796, p. XXXVI.

ну равновесия сил. Причем на эту доктрину интервенты ссылались на разных этапах войны для оправдания своих действий.

Так, в самом начале интервенции прусский король Фридрих-Вильгельм II объявил в манифесте от 25 июня 1792 г., что одним из мотивов войны является... восстановление мощи Франции. Из манифеста следовало, что ни одна держава, заинтересованная в поддержании европейского равновесия, не могла относиться равнодушно к тому, чтобы французское королевство, прежде имевшее столь значительный вес в международных делах, находилось бы и далее в состоянии беспорядка и анархии, которые уничтожили политический вес Франции [2]. А после того как революционные армии стали наносить поражения интервентам, было выдвинуто противоположное объяснение — война ведется для того, чтобы Франция не усилилась чрезмерно и чтобы не было подорвано европейское равновесие.

Все больше маскировалась реальная цель — реставрация феодализма во Франции, которую пытались выдать за намерение уничтожить только крайности революции, чему сочувствовали значительные слои буржуазии. Именно из этого (а не только из солидарности монархов) проистекало стремление герцога Брауншвейгского представить дело таким образом, что интервенты пекутся лишь о безопасности и сохранении — пусть с любыми конституционными ограничениями — власти Людовика XVI, а вовсе не о восстановлении дореволюционных порядков.

Вместе с тем надо отметить, что если в реакционной публицистике говорилось о «якобинской заразе», то официальные и инспирируемые английским правительством издания старались действовать тоньше. Торийская пропаганда пыталась противопоставить те элементы буржуазных демократических свобод, которые были завоеваны на английской почве революцией XVII века, революционной диктатуре во Франции [3]. Вместе с тем не было не-

◆

[2] А. Штиглиц, Исследование о началах политического равновесия, легитимизма и национальности, ч. I, СПб., 1889, стр. 39. Прусские политики, например граф Герцберг, бывший одно время первым министром Пруссии, пытались не только интервенцию в Польшу, но и раздел этой страны оправдать ссылками на необходимость поддержания равновесия (там же, стр. 38).

[3] «Association Papers. Proceedings of the Association for Preserving

достатка в высокопарных заявлениях, что война против революционной Франции резко отличается от всех войн прошлого, уничтожающая критика которых была столь обычной в век Просвещения. «Нынешняя война,— писал, например, один торийский публицист,— не проистекает, как столь многие другие войны, из зависти и соперничества между народами, бессмысленного честолюбия королей или неспособности министров. Это не война, в которой действительные интересы народа приносятся в жертву интригам двора или пустому призраку славы. Это война за защиту не одной нации, а почти всей цивилизованной Европы от народа, объявившего себя врагом всей цивилизации. Это война порядка против разрушения, гражданского правительства — против анархии, свободы — против деспотизма, религии — против неверия, цивилизованных и разумных существ — против дикарей, каннибалов и безумцев»[4].

Эти высказывания очень характерны для реакционных идеологов буржуазной Англии, возглавлявшей силы феодальной контрреволюции в борьбе против буржуазной революции во Франции. Для торийских публицистов было выгодно нападать не на цели буржуазной революции, а на осуществление этих целей плебейскими способами; подчеркивать, что эти последние представляют опасность для любой собственности и государства, основанного на признании ее неприкосновенности. Эти же плебейские способы осуществления буржуазной революции противопоставлялись не только старому феодальному порядку, но и новой буржуазной «свободе». Торийские теоретики, таким образом, старались использовать существование в Англии отдельных буржуазно-демократических свобод для критики буржуазной революции и революционной диктатуры во Франции. При этом плебейские способы расчета с феодализмом объявлялись вместе с тем достаточной причиной для интервенции против врагов «всей цивилизации». Одновременно доказывалось, что интервенционистская война — это якобы лишь оборона от на-

Liberty and Property against Republicans and Levellers», part I, Publications Printed by Special Order of the Society, No 1, L., 1792, pp. 8, 10; «The Poor Man's Friend», 3d ed., L., 1794, pp. 38—39.

[4] «Plain Thoughts of a Plain Man Addressed to the Common Sence of the People of Great Britain», L., 1797, p. 4; «The Critical Review», June 1797, p. 219.

падения революционной Франции, равно угрожавшего всем классам общества [5].

Тори издавали даже фантастические романы, рисующие «ужасы» будущей революции в Англии. Так, весной 1797 года появился роман об «английской революции» 1800 года, в результате которой в Англии воцарился диктатор, разумеется, присланный из Парижа [6].

Возмездие

25 июля 1792 г. был обнародован манифест герцога Брауншвейгского, назначенного главнокомандующим армией коалиции. Он грозил полностью уничтожить Париж и все его население в случае покушения на неприкосновенную особу короля. Содержание этого манифеста, издания которого так добивались Людовик XVI и Мария-Антуанетта, за который так ратовали эмигранты, показалось настолько диким, что современники первоначально сочли его фальшивкой [1]. Ответом Парижа было вооруженное восстание 10 августа 1792 г., приведшее к свержению монархии. Франция стала республикой.

Головным отрядом интервентов, вступившим 29 августа 1792 г. на французскую территорию, был корпус эмигрантов. Это было небольшое соединение, всего в 4500 человек, которые не отличались сплоченностью. Тщеславные дворяне, вынужденные служить простыми солдатами, не желали подчиняться воинской дисциплине. Их объединяла лишь жажда мести и склонность к грабежу, что испытало на себе мирное немецкое население Трирского края, через который прошло это воинство, направляясь к французской границе. Наблюдавший за ними секретарь прусского короля писал: «Старики и молодые — это какое-то отребье нации». Другой очевидец

◆

[6] «The Poor Man's Friend», pp. 23—30.

[6] «Publicola. A Sketch of the Times and Prevailing Opinions from the Revolution in 1800 to the Present Year 1810 etc. L., 1797 (ср. критические обзоры этого романа «The Critical Review», May 1797, p. 94; «The Monthly Review», Apr. 1797, pp. 461—462).

[1] S. S. Biro, The German Policy of Revolutionary France, v. 1, p. 70.

отмечал, что «большинство эмигрантов по возвращении во Францию желало приговорить к смерти всех остававшихся там французов». Одним из главарей этой банды, опьяненной надеждой на мщение, был Калонн — тот самый, который накануне революции цинично заявил, что взялся управлять государственными финансами потому, что совершенно расстроил свои собственные. Верный себе, он вез в обозе два фургона со станками для печатания фальшивых ассигнаций, а также указы о полном восстановлении феодальных повинностей крестьян и всего старого порядка.

Но эмигранты составляли лишь авангард сильной 80-тысячной австро-прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского. 2 сентября пруссаки заняли Верден. Герцог Брауншвейгский и его штаб считали, что французские войска, оказавшиеся без большинства офицеров, покинувших страну, не сумеют оказать сильного сопротивления, что путь на Париж открыт. Однако уже через несколько дней интервенты почувствовали, что они натолкнулись на сопротивление всего народа, что революционный энтузиазм страны воодушевил французских солдат, что возмещало недостаток организованности и опыта. У одного из офицеров интервенционистской армии князя де Линь, убитого 14 сентября, нашли неоконченное письмо: «Нас начинает утомлять война; эмигранты сулили нам легкий поход, но нам приходится воевать с линейными войсками, у которых нет ни одного дезертира, с ополчением, которое дает отпор, крестьяне все вооружены, они стреляют в нас, если встретят в одиночку или спящими в жилье... Не знаю, что мы будем делать и что с нами станет».

20 сентября у селения Вальми прусские войска попытались атаковать французов, но были отброшены. Революционная армия выдержала испытания огнем. Герцог Брауншвейгский дал приказ об общем отступлении. Более того, он даже начал переговоры с французским командующим, ставленником жирондистов генералом Дюмурье. Это был честолюбец, лишенный настоящих революционных убеждений, не чуждый даже мысли о восстановлении с помощью своих войск короля на троне. Пройдет еще несколько месяцев, и Дюмурье станет открытым изменником, перебежит в лагерь австрийцев. Но пока еще он преисполнен надежд на руководящую роль в революционной Франции. Его переговоры с гер-

цогом Брауншвейгским — это попытка расстроить коалицию, оторвать от нее Пруссию. И это была совсем не безнадежная попытка, хотя герцог Брауншвейгский согласился на переговоры главным образом для того, чтобы выиграть время и прикрыть отход своей деморализованной, изголодавшейся армии, артиллерия и обозы которой безнадежно увязали в непролазной осенней распутице. Пруссаки пытались также прощупать намерения Дюмурье, выяснить, нельзя ли найти в нем союзника для восстановления власти Людовика XVI. 26 сентября герцог Брауншвейгский, принимая Тувено, адъютанта Дюмурье, прибывшего для подписания соглашения об обмене военнопленными, заметил, что Пруссия — естественная союзница Франции. «Мы знаем,— заявил герцог,— что не имеем права вмешиваться во внутренние дела чужой страны и мешать ее народу устанавливать у себя новый государственный строй, мы на это и не посягаем. Нас занимает исключительно судьба французского короля»[2]. Подобные излияния главнокомандующего войсками интервентов были вызваны не только желанием спасти свои пушки и втянуть Дюмурье в грязь измены. Сказывалось растущее недоверие между союзниками, их недовольство друг другом.

Король Фридрих-Вильгельм II первоначально считал, что главная роль, которую прусская армия должна была играть в интервенции против революционной Франции, принесет ему не только военные лавры, но и существенное расширение территории Пруссии за счет французских земель. Теперь же вместо легкой и выгодной прогулки стала вырисовываться перспектива длительной войны с сильным противником, способной лишь истощить ресурсы Пруссии и связать ей руки в то время, когда ее партнеры по коалиции начнут осуществлять свои планы территориальных приращений.

А эти планы были очевидны: Екатерина II продолжала свои захватнические действия в Польше, а Австрия намеревалась присоединить Баварию, пытаясь «обменять» ее на отдаленную Бельгию, которой к тому же угрожало наступление французов. Этот обмен позволил бы подорвать равновесие сил внутри Германии к явному

◆

[2] А. Сорель, Европа и Французская революция, т. III, СПб., 1892, стр. 46.

ущербу Пруссии. Конечно, для прикрытия своего отхода и выигрыша времени пруссаки в беседах с французскими представителями преувеличивали близость развала коалиции, но это отнюдь не исключало того, что центробежные тенденции внутри нее действовали с нараставшей силой.

Тем временем отступление прусской армии шло полным ходом. Вместе с пруссаками отходили проклинавшие их эмигранты, вымещая свою бессильную злобу на жителях французских деревень. Эмигранты, не стесняясь, ругали на чем свет стоит презиравших их интервентов, обзывая, например, герцога Брауншвейгского предателем, франкмасоном[3] и распространяя нелепые слухи, будто он подкуплен комиссарами конвента, уплатившими его миллионные долги за счет разграбленного имущества французской королевской семьи.

А перешедшая в наступление французская армия заняла области Среднего Рейна и вступила на бельгийскую территорию. 8 ноября 1792 г. в битве при Жемаппе австрийцы потерпели серьезное поражение и были вынуждены уйти из Бельгии. За шесть недель первое нашествие интервентов закончилось сокрушительным провалом и привело к распространению революции на обширные территории за пределами Франции.

В этот момент участникам контрреволюционной коалиции приходилось заботиться о самих себе. Например, Австрия вынашивала планы отвоевания Бельгии, которую она все еще надеялась обменять на Баварию. Кроме того, ее беспокоило, что она может быть обделена при дележе Польши. Участие в контрреволюционной интервенции против Франции, которое теперь мало что обещало в смысле территориальных приобретений, грозило ограничить участие в интервенции против Польши, а следовательно, и долю польских земель, которую можно было урвать при ее разделе. И нет ничего удивительного в том, что Фридрих-Вильгельм, армия которого спешно отошла с французской территории, 14 января отдал приказ своим войскам перейти польскую границу. Через два дня, 16 января, в Берлине был обнародован по этому случаю манифест, в котором европейские правительства из-

◆

[3] H. Forneron, Histoire générale des émigrés pendant la Révolution Française, t. 1, P., 1884, p. 354.

вещались о новых услугах, оказываемых Пруссией монархическому принципу. А выражались они в намерении сокрушить «французскую демократию» на польской почве [4]. Этим пруссаки и стали усердно заниматься как раз в то время, когда из Франции пришло известие о казни Людовика XVI, ради безопасности которого официально и предпринималась контрреволюционная интервенция осенью 1792 года.

Напротив, Англия, которая в силу ряда причин — о них уже шла речь выше — решила как раз в это время вступить в войну, воспользовавшись как предлогом казнью короля. А то, что это был только предлог, было вполне ясно и современникам. «Я твердо уверен,— писал фаворит Марии-Антуанетты граф Ферзен о политике кабинета Питта, — что министры стараются достигнуть полного разорения Франции и нисколько не заинтересованы в сохранении королевской семьи» [5]. При этом Англия довольно откровенно рассматривала свою войну против Французской республики как продолжение борьбы с Францией Бурбонов. Если в конце XVII века Париж для английской буржуазии был источником якобитской угрозы (якобиты — сторонники изгнанной династии Стюартов, поборники королевского абсолютизма, получали поддержку от Франции), то теперь, в конце XVIII века, он превратился в источник опасности якобинской.

Питту удалось на время сплотить коалицию не только благодаря английскому золоту и искусству британской дипломатии, но и вследствие событий в самой Франции. Находившиеся у власти жирондисты боялись дальнейшего углубления революции. Их политика в военном вопросе не обеспечивала ни мобилизации ресурсов страны, ни пополнения армии, ни выдвижения на командные посты людей, преданных революции и способных повести войска к победе. Тесно связанный с жирондистами, Дюмурье потерпел 18 марта 1793 г. поражение от австрийцев при Неервиндене. Вскоре он изменил и попытался побудить к предательству свою армию, а когда это не удалось, бежал к неприятелю. В последующие месяцы французские армии должны были уйти из Бельгии и большей части занятых ими германских земель. Интер-

◆

[4] А. Соррель, Европа и Французская революция, т. III, стр. 243.
[5] Там же, стр. 246.

венты вновь подступили к французским границам. В войну против республики включились Испания, итальянские государства, Голландия.

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. низвергло жирондистов. В стране была установлена якобинская революционно-демократическая диктатура.

В первые месяцы правления якобинцев военное положение еще более усложнилось. В ряде районов Франции вспыхнули контрреволюционные восстания. Если ранее их, как в Вандее, организовывали роялисты-дворяне и священники, то теперь к ним присоединились жирондисты. Изменники отдали в руки англичан крупнейший французский порт Тулон с находившимся там военным флотом. Казалось, что интервенты, потерпевшие поражение осенью 1792 года, вскоре возьмут реванш и потопят в крови якобинскую республику. Однако якобинцы, опираясь на народные массы, сумели сурово подавить внутреннюю контрреволюцию, поднять на защиту страны сотни тысяч новых бойцов. Были сформированы, обучены и вооружены 14 новых армий, во главе их были поставлены молодые генералы, выдвинувшиеся в боях против интервентов,— Журдан, Клебер, Гош и др. Быстро совершенствовались новая военная стратегия и тактика, вызванные к жизни переменами, которые внесла революция в состав и организацию вооруженных сил.

Осенью 1793 года начался перелом. В сражениях при Гондсхооте (6—8 сентября) и Ваттиньи (15—16 октября) якобинские армии разбили австрийцев, в декабре англичане вынуждены были бежать из Тулона. К весне 1794 года французская территория снова была освобождена от врагов. Солдаты и офицеры, воодушевленные революционным порывом, приобрели военный опыт, уверенность в своих силах. В мае — июне 1794 года в решающих сражениях под Туркуэном и Флерюсом французские войска разбили основные военные силы коалиции. Австрийцы оставляли одну за другой крепости и города Бельгии. Множились известия и о победах на остальных фронтах. К этому времени стал уже совершенно очевидным крах расчетов коалиции на победу. А вместе с тем опять затрещала по швам и сама коалиция.

Еще с весны 1793 года фактически, а с августа 1794 года (после смерти канцлера Кауница) уже официально министром иностранных дел Австрии стал барон Тугут. Этот грубый, изворотливый, жадный, неразборчивый

в средствах сын мелкого чиновника нз Линца (в молодости он немало лет совмещал должность переводчика австрнйского посольства в Коистаитниополе с ролью фраицузского шпноиа) сообразил, что чрезмерное усердие в войие против парнжских якобиицев стаиовилось все менее выгодиым для Австрии. Раз уж иельзя было иайти возиаграждение за аитиякобиискую войиу во Франции, следовало нскать его все равно где — в Польше, Турции, Веиецни или в другнх местах. А для этого Вене было бы крайне полезиым выдвииуть на лннию огия протнв французов своих союзннков, а самой осторожио отодвннуться в сторону. Тугут, конечно, отлично знал о прнвычке аиглнчан воевать чужими рукамн. Но ему также было известно, что в Лондоне с крайией тревогой следят за иовым завоеваиием французами Бельгни. Оио создавало грозиую опасность для Голландии, которая могла бы явнться идеальным плацдармом для высадки в самой Англни. Словом, англнчане и голландцы былн заинтересоваиы больше, чем Австрня, в защнте ее бельгийских владенний. А еще больше Лондоиу хотелось вовлечь в эту войиу пруссаков; особенно, еслн учесть, что оии после отвоевания левого берега Рейна в 1793 году мало участвовали в боевых действиях против якобинцев. Пруссия, целнком поглощенная польскнми делами, даже не раз зондировала почву о возможиости заключения сепаратного мира с Французской республикой. (Выясиением возможности переговоров об окоичании войны заинмалась, впрочем, и австрнйская днпломатия.)

В иоябре 1793 года из Берлнна были направлены ноты в Лондон, Веиу н Саикт-Петербург: Пруссня требовала на будущнй год огромной субсидни в 22 млн. талеров, угрожая в противном случае сократнть свою армню, воевавшую против Фраиции, до миннмума, предусмотренного договорами, а нменно до 22 тыс. солдат. «Предложение столь же иеслыханиое, сколь и нелепое» — так отозвались в Вене об этой прусской инициативе[6]. А к марту 1794 года прусские войска отступили вплоть до Кельиа.

Питт понял, что для спасения коалицни нужны были новые миллионные субсндии. Он выразил готовность пре-

◆

[6] A. Fugier, La Révolution française et l'empire napoléonien, P., 1954, p. 90.

доставить крупные средства на содержание прусской армии в Бельгии при условии, если Голландия и Австрия также внесут свою долю. Однако в Вене резонно решили, что подобная жертва будет совершенно излишней, поскольку интересы англичан все равно побудят их пойти на все необходимые издержки. Конечно, это не внесло дополнительную теплоту в англо-австрийские отношения, но Тугут не отличался чрезмерной чувствительностью.

17 апреля 1794 г. еще до решающих побед французов в голландской столице был подписан Гаагский договор, по которому Пруссия получала единовременную субсидию и ежемесячные дотации, за что обязывалась предоставить 62-тысячную армию генерала Меллендорфа для защиты интересов морских держав. Однако, когда в мае дело дошло до выполнения договора, прусское правительство отказалось послать войска в Бельгию, не желая облегчать Австрии защиту ее владений, а обещало их направить в Эльзас для совместных с союзниками действий против победоносных французских армий. Почти одновременно, 14 мая, Фридрих-Вильгельм II отдал приказ об отправке 50 тыс. солдат в Польшу, где вспыхнуло восстание под руководством Костюшко. Началось соревнование Берлина, Вены и Петербурга в подавлении этого восстания, окончательно задушенного осенью 1794 года, после чего последовал полный раздел Польши.

Искусственно сдерживавшееся английским золотом распадение антифранцузской коалиции стало фактом.

Даже в период наибольшего влияния первой коалиции вне ее рамок оставался ряд европейских, в частности скандинавских стран. Нейтралитет сохраняли преимущественно те государства, правящие классы которых в силу различных причин либо меньше опасались воздействия «якобинской заразы», либо находились в особо остром конфликте с теми или иными участниками коалиции и стремились поддерживать традиционные связи с Францией, радуясь тому, что она теперь не войдет в союз с их врагами. Недаром, узнав о провозглашении республики во Франции, турецкий великий визирь заметил не без удовлетворения: «Ну, хорошо, уж эта республика не будет вступать в брак с австрийскими эрцгерцогинями».

Следует отметить, что в то время, как интервенция в Польшу окончательно похоронила шансы на победу в войне против Франции, позиция, занятая французски-

ми буржуазными революционерами, немало способствовала успехам иностранного вооруженного вторжения на польскую землю. Представители Костюшко обратились за помощью к Парижу. Комитет общественного спасения, учитывая близость победоносного окончания войны против коалиции, решил устраниться от поддержки Польши. 13 июля Сен-Жюст сообщил польскому делегату Барсу, что «Франция не даст ни малейшей крупицы золота, не рискнет жизнью ни единого человека для упрочения революции в Польше...»[7]. Если ранее робеспьеристы справедливо критиковали жирондистский «экспорт революции», то теперь сами они пошли на отказ от принципов интернациональной солидарности борцов против иноземной реакционной интервенции.

Каштаны из огня

Число желающих таскать для Англии и эмигрантов каштаны из огня быстро сокращалось. В октябре 1794 года Питт, убедившись, что Пруссия, с готовностью принимая английское золото, не собирается воевать, прекратил выплату субсидий. Не прошло и месяца, как прусские уполномоченные начали в Базеле переговоры о мире с Французской республикой. По Базельскому договору и дополнительной конвенции, подписанными в апреле и мае 1795 года, левый берег Рейна отходил к Франции, Северная Германия была нейтрализована и считалась находящейся под эгидой Пруссии. Выход берлинского двора из войны позволил французской армии без труда овладеть Голландией (январь 1795 г.), которая превратилась в Батавскую республику, зависимую от Франции (голландские колонии были спешно оккупированы англичанами). 22 июля 1795 г. в Базеле был заключен мирный договор между Французской республикой и Испанией. В октябре 1795 года левый берег Рейна и Бельгия были включены в состав Франции. Аннексии оправдывались ссылками на необходи-

◆

[7] А. Я. Манусевич, Международное положение и внешняя политика якобинской диктатуры, «Французская буржуазная революция», под ред. акад. В. П. Волгина и акад. Е. В. Тарле, М.—Л., 1941, стр. 460.

мость достижения «естественных границ». Требования такого рода, выдвинутые в момент победы революционных армий над войсками коалиции, заключали в себе агрессивное начало. После переворота 9 термидора «теория „естественных границ“, т. е. границ, основывающихся исключительно на военных соображениях»[1], была использована контрреволюционной буржуазией, чтобы оправдать «насаждение республик» в других странах, являвшееся по существу лишь оформлением французской экспансии. (Впоследствии теория «естественных границ» не раз выдвигалась организаторами контрреволюционных интервенций.)

Весной 1796 года начался итальянский поход молодого генерала Бонапарта, молниеносно завоевавшего Пьемонт и одержавшего одну за другой блестящие победы над австрийцами. В апреле 1797 года в Леобене Австрия вынуждена была подписать перемирие с Францией. (Мирный договор в Кампфо-Формио был заключен 18 октября того же года.)

Во время итальянского похода французские войска нанесли удар и по еще одному важному участнику коалиции — римскому папе. Начало его борьбы против революции относится к 1790 году. Уже тогда идеологическую подготовку к интервенции Ватикан вел через послушные ему круги французского католического духовенства. 19 марта 1792 г. папа Пий VI опубликовал послание, в котором угрожал отлучением от церкви всем священникам, которые признают новое, предписанное революционным Учредительным собранием, гражданское устройство духовенства. (По этому закону предусматривалось избрание на все церковные должности, без утверждения Римом, выплата государственного жалованья епископам и кюре.) Послание папы было равносильно призыву к открытому неповиновению революционным властям. Церковники восприняли его как сигнал к открытому мятежу, приступили к организации контрреволюционных восстаний, склоняли к дезертирству солдат, оказывали активную помощь интервентам[2].

Правда, несмотря на свою ненависть к революции,

◆

[1] Ф. Энгельс, По и Рейн (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 277).

[2] М. Доминч, Великая французская буржуазная революция и католическая церковь, М., 1960, стр. 79—81.

Ватикан не сразу присоединился к коалиции. Для этого имелись веские основания. Наименьшим из них были споры между римским престолом и Австрией, как раз незадолго до начала французской революции (во время правления Иосифа II), взявшейся за реформы, которые затрагивали права духовенства на ее территории. Эти споры в целом удалось решить вполне полюбовно. Не имело особого значения и то обстоятельство, что фактически во главе коалиции с начала 1793 года стала протестантская Англия — традиционный враг католицизма. И здесь стороны быстро нашли общий язык. (Отчасти благодаря тому, что Англия была заинтересована в том, чтобы обеспечить участие католического духовенства Ирландии в борьбе против революционного движения, развертывавшегося под влиянием французских событий в этой самой старой английской колонии.) Были и более серьезные препятствия.

Прежде всего папа Пий VI всячески стремился сохранить свое владение — город Авиньон, со всех сторон окруженный французской территорией и находившийся в состоянии сильнейшего революционного брожения. Это определяло многое в официальной позиции Ватикана [3]. Летом 1790 года население Авиньона обратилось с просьбой о включении города в состав Франции, которая была одобрена Учредительным собранием. Но и после этого папскую дипломатию не оставляла надежда, что ей удастся перерешить дело. Даже осенью 1795 года в Риме еще серьезно обсуждали планы «обмена» с Францией Авиньона на французскую Корсику, занятую английскими войсками [4]. Однако как раз в разгар интервенции 1792—1794 годов папский престол мог рассчитывать получить компенсацию за Авиньон не от ненавистного якобинского правительства, а лишь в случае победы интервентов.

Духовенство стало вдохновителем всей контрреволюционной деятельности внутри страны, организатором вандейского мятежа. А антиклерикальная политика конвента еще более ожесточила Ватикан. Поэтому папа во

◆

[3] A. Mathiez, Rome et la clergè français sous la Constituante, P., 1911, p. 234 f.

[4] АВПР, Сношения России с римскими чинами, д. 155, лл. 35—36. Генеральный консул в Риме Кассини — вице-канцлеру Остерману 13(26) октября 1795 г.

время интервенции, если не формально, то фактически оказался участником антиреволюционной коалиции. Правда, внешне он все еще маневрировал, но смысл политики Рима был отлично выражен папским легатом в Германии, французским аббатом Мори. Отвечая на вопрос главы вооруженных отрядов дворян-эмигрантов, когда же папа отлучит от церкви присягнувших священников, признавших гражданское устроение церкви, Мори заявил: «Булла будет опубликована, когда они (участники коалиции) разобьют и рассеют (революционную) армию; папе нужны их мечи, чтобы отточить его перо»[5]. Позднее римский первосвященник уже не только как глава церкви, но и как светский государь, вступил в антифранцузскую коалицию.

В январе 1796 года Рим разрешил отправку через папскую область 2200 швейцарцев, нанятых англичанами для службы на Корсике. В декабре 1796 года папа принял вице-короля Корсики Эллиота и английского дипломатического агента Грюса и объявил, что он прервал все переговоры о мире и целиком перешел на сторону Англии и Австрии. Одновременно Пий VI просил о большой денежной субсидии, обещанной ему Эллиотом. На протяжении 1796 года и в начале 1797 года велись активные переговоры между Лондоном и Римом. Чрезвычайно обеспокоенный успехами французов, папа усиленно ходатайствовал об обещанной ему субсидии в 300 тыс. ф. ст. и другой английской помощи[5a]. Однако это лишь усилило ненависть французской Директории к Ватикану[6]. Результатом было занятие Рима французами.

После распада первой коалиции одна Англия стояла за продолжение вооруженного конфликта. В отличие от своих континентальных союзников она лишь выигрывала от войны, захватывая французские колонии, утверждая свое господство на море. Англия мобилизовала против правительства термидорианцев силы роялистов и феодальных монархий, как она это делала в схватке с якобинской Францией. Эта борьба не раз приобретала фор-

◆

[5] E. E. Y. Hales, Revolution and Papacy, Notre Dame (Indiana), 1966, p. 93.

[5a] АВПР, Сиошения России с римскими чинами, д. 157, л. 7; д. 159, лл. 100—103; д. 160, лл. 13—25.

[6] A. Latreille, L'église catholique et la Révolution Française, P., 1946, p. 225.

му реакционной интервенции, когда английский флот высаживал в октябре 1795 года на Кибероне (на севере Франции) войска эмигрантов или когда позднее Питт вызвал к жизни новую, вторую коалицию. Да, против правительства, пришедшего к власти в результате контрреволюционного переворота 9 термидора, внешне продолжалась контрреволюционная интервенция.

И не только внешне. Восторжествовавшая термидорианская буржуазия и связанные с ней другие имущие классы послереволюционной Франции, при всей своей ненависти к якобинизму, твердо решили ни за что не допускать реставрации Бурбонов. Эта реставрация означала для собственнического крестьянства потерю приобретенных им во время революции дворянских земель, для разбогатевшей в эти годы буржуазии — отказ от своего господствующего положения в пользу феодального дворянства, от нового права и администрации, создавших условия для быстрого развития капиталистической промышленности и торговли, от территориальных завоеваний, которые эмигранты заранее были готовы уступить Англии, Австрии, любой поддерживавшей их державе[7].

Вожди эмиграции обнаружили не только духовное убожество, полную неспособность понять и повлиять на события, происходившие во Франции, но даже использовать имевшиеся в их распоряжении ресурсы, полученные от держав — участников интервенции. Екатерина II передала приехавшему весной 1793 года в Россию брату Людовика XVI графу д'Артуа миллион рублей для военных действий против революции. Царица также лично вручила графу шпагу с бриллиантом, на лезвии которой было выгравировано: «С богом за короля». При вручении шпаги, предварительно торжественно освященной в Александро-Невской лавре, императрица заявила гостю: «Я бы Вам ее не дала, если бы не была уверена в том, что Вы предпочтете погибнуть, нежели отказаться ею воспользоваться». Все поняли это как выражение уверенности в удачном завершении похода против якобинской Франции.

Но граф д'Артуа, с помпой отбывший из Петербурга, не поехал далее прусского городка Гамма, где быстро

◆

[7] Ср. L. Madelin, La Contre-révolution sous la Révolution, 1789—1815, P., 1935, pp. 65—66.

растратил русские рубли. Затем пришел черед шпаги, которая была заложена у местного ростовщика, чтобы оплатить туалеты графини Поластрон... Получив известие об этом, взбешенная царица писала: «Эти люди хотели, чтобы зажаренные жаворонки сами летели бы им в рот»[8]. Из Гамма граф д'Артуа лишь информировал всех своих сторонников о «тех жестоких терзаниях», которые он испытывал, находясь вдали от верных вандейцев. Для поддержания роялистов принц, с умилением сообщил испанский посол, решил даже (как выяснилось, ненадолго) расстаться с графиней Поластрон. Этой демонстрацией гражданских добродетелей дело, собственно, и ограничилось, даже когда д'Артуа соизволил позднее переехать в Англию, поближе к Вандее (куда он так и не собрался отправиться, несмотря на многократные обещания)[8а]. Поведение его старшего брата графа Прованского, объявившего себя в 1795 году королем Людовиком XVIII, также вполне соответствовало семейным традициям, столь ярко продемонстрированным будущим Карлом X.

После 9 термидора лидеры роялистской эмиграции по-прежнему с высокомерным презрением отвергали всякую мысль о компромиссе с «цареубийцами»[9]. Людовик XVIII объявил о намерении полностью восстановить дореволюционные привилегии дворянства и духовенства, абсолютную власть короля и т. д.[10]

Правда, эмиграция не была социально однородной. Наряду с дворянством она включала значительное число буржуазных элементов, отшатнувшихся от революции, когда она вступила в свой высший, якобинский, этап[11]. Один из наиболее умных идеологов роялистов, Малле дю Пан, писал, что враги революции не учитывали духа времени и «изменений, происшедших в социальной иерархии»[12]. Он упрекал интервентов в том, что они в 1792 го-

[8] М. М. Штранге, Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг., М., 1956, стр. 153, 174.
[8а] J. Turguan, J. d'Auriac, Monsieur le comte d Artois, P., 1929, pp. 261—263, 274—275.
[9] Е. В. Тарле, Жерминаль и прериаль, М., 1937, стр. 63 и сл.
[10] E. Daudet, Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution Française, P., 1886, pp. 19—20.
[11] Cp. D. Greer, The Incidence of the Emigration during the French Revolution, Cambr., 1951, p. 63 f.
[12] Mallet du Pan, Correspondance politique pour servir à l'histoire du républicanisme français, p. XXXVI.

ду не позаботились обеспечить себе поддержку, что манифест герцога Брауншвейгского объявил вне закона четыре пятых из 24 миллионов французов. Выступая рупором буржуазной эмиграции, известная писательница мадам де Сталь одна из первых поняла бесперспективность антифранцузской коалиции. Интервенты не сумели изобразить себя защитниками собственности против якобинской «анархии» и предстали перед французами как поборники старого порядка. «Нужно было,— писала де Сталь,— чтобы королевская власть отделилась от феодализма и соединилась с интересами собственности, без которой не могут существовать ни короли, ни дворяне, ни цивилизованные нации». Только таким путем можно, по мнению де Сталь, покончить с революцией [13]. Другой выразитель этих настроений, Порталис, писал в сентябре 1799 года: «Я всегда считал абсурдом поступать на службу к иностранцам, чтобы закончить внутреннюю распрю» [14].

Но большинство эмигрантов по-прежнему рассчитывало только на победу интервентов, полную реставрацию абсолютизма и расправу со всеми бунтовщиками. Никаких шансов на восстановление на троне династии Бурбонов в первые годы после 9 термидора не было именно потому, что она была тогда знаменем феодальной реставрации. Когда через два десятилетия (в 1814 г.) Бурбоны в фургонах армий союзников все же вернулись на некоторый срок к власти, это стало возможным только потому, что они должны были признать все основное, что было сделано революцией и ее душеприказчиками, особенно Наполеоном I, в области экономической, социальной, правовой, административной. Без этого Бурбоны не удержались бы у власти не только пятнадцать лет, но и 15 месяцев, несмотря на подпиравшие их сотни тысяч иностранных штыков.

Таким образом, поддерживая планы эмигрантов, хотя все менее веруя в их осуществимость, Англия в известном смысле продолжала контрреволюционную интервенцию против Франции, целью которой была ликвидация выгодных буржуазии социальных результатов революции.

◆

[13] А. Н. Шебунин, Европейская контрреволюция в первой половине XIX века, Л., 1925, стр. 20—21.
[14] H. Forneron, Histoire générale des émigrés pendant la Révolution Française, t. I, p. 338.

Именно их оберегали и отстаивали термидорианский конвент и сменившее его осенью 1795 года правительство Директории.

Вместе с тем захватнические войны термидорианской Франции сохраняли часть наследия революционных войн. Недаром успехи французских армий по-прежнему встречались с восторгом всеми передовыми и демократическими силами в Европе, как торжество освободительных принципов, провозглашенных в «Декларации прав человека и гражданина», как победу республики над деспотической властью монархов, как начало разрушения по всей Европе «бастилий» феодального строя. В войнах Директории в известном смысле и до известной степени содержался и элемент прямого «экспорта революции» — насаждение «дочерних республик», ликвидация монархии, сословных привилегий. Но нельзя забывать, что главными все же были захватнические, грабительские цели и что именно они, чем дальше, тем больше, приобретали доминирующую роль, целиком и полностью определяя характер войн, которые вела термидорианская Франция.

Действия первой антифранцузской коалиции имели ряд важных особенностей по сравнению с реакционными интервенциями в предшествовавший период.

Революция во Франции возникла при таком уровне развития капиталистического уклада в недрах феодального строя, что это обеспечило ей экономическое превосходство над ее феодальными противниками (за исключением буржуазной Англии, которая пыталась осуществлять интервенцию лишь путем финансирования армии монархических континентальных держав). К тому же коалиция выступила в поход лишь на третьем году революции, когда победившей буржуазии уже удалось внутри страны нанести сокрушительные удары по феодализму, заинтересовать широкие слои крестьянства продажей конфискованных земель. «Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа „чудес“ 1792—1793 годов в военной области»[15].

Против революционной страны выступили все остальные великие державы, если не оставив в стороне, то забыв

◆

[15] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 346.

на время разногласия ради осуществления целей интервенции.

Впервые в состав государств-интервентов входили не только страны, где господствовал феодальный строй, разрушенный в стране — жертве интервенции, но и государство, где новый общественный порядок утвердился уже задолго до этого (Англия). Этим отчасти определялось, что официальной целью интервенции стала не реставрация старого порядка, а возвращение к одной из предшествовавших стадий революции, когда основы этого порядка были уже ликвидированы (от республики — к конституционной монархии). Иначе говоря, интервенты — или часть интервентов, — в отличие от эмигрантов, готовы были ограничиться целями буржуазной, а не феодальной контрреволюции. В связи с этим возникает видимость того, что цели интервенции не противоречили законам развития буржуазной революции. Ф. Энгельс, подытоживая пути развития английской революции середины XVII века, Великой французской революции, писал: «Для того чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их,— для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели... Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества. За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться. После ряда колебаний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития» [16].

Однако планы интервентов коренным образом противоречили не только целям буржуазной революции, но и целям буржуазной контрреволюции. Во-первых, потому, что в случае успеха интервентов неизбежной была бы попытка эмигрантов, опиравшихся на иностранные штыки, восстановить не только королевский абсолютизм, но и социальные отношения дореволюционного времени. Во-вторых, и это важнее, подспудные цели интервентов находились в противоречии с жизненными интересами французского народа. Они были направлены на отторжение части

◆

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 308—309.

территории, если не на полное расчленение страиы, на создание всестороннх препятствй для капиталистического развнтня Фраицни, что не могло быть целью буржуазной контрреволюцнн. Успех последней был бы невозможиым, еслн бы она не нспользовала в своих целях военные победы, одержанные французскнм народом во время якобииской днктатуры над полчнщамн нитервеитов, новую армню, созданную революцней. Таким образом, цели буржуазной термндорианской реакцин и феодальиой контрреволюцни, за спнной которых стояли нитервенты, в этот период протнворечили друг другу. Иитервеиция противостояла законам развнтия буржуазиого общества, которые пролагали себе дорогу с помощью устраиения внешнего препятствия. Именно здесь лежали глубокие прнчнны неудачи интервенции.

Задача подавлеиия Великой буржуазной революции во Францнн оказалась не по плечу европейскнм монархиям и по чнсто военным соображеиням. Рассчнтанная на частные успехи, иа истощенне сил протнвиика, стратегия, которой придержнвалнсь и прусская, и австрийская армин, оказалась неспособиой наиестн быстро военное поражение революционной Францнн. А ведь эта стратегня ие была какой-то случайностью, оиа целиком определялась тем человеческнм материалом, из которого состоялн этн армнн. В XVIII веке иарод, как писал известиый военный теоретик Клаузевиц, непосредствеино не участвовал в вооруженных действнях. Между тем во Францни война в 1793 году стала делом самого народа, и в результате «на сцене появилась снла, о которой до той поры не имелось никакого представлеиня» [17]. Это военное искусство революцни, родившееся вследствие вызванных ею соцнальных преобразоваиий, было уиаследовано и усовершенствоваио Наполеоном. Протнвопоставить ему что-то равиоценное стало возможным лишь тогда, когда иароды европейскнх страи подняллнсь на освободнтельную войиу протнв наполеоновского владычества. Это, между прочим, постепенно сталн понимать наиболее умиые представители правящнх кругов этих стран, например Гиейзеиау в Пруссин, настойчнво доказывающне, что победнть Наполеона можно лншь с помощью такнх же средств, какие были вызваиы к жнзии французской

◆

[17] К. Клаузевиц, О войне, М., 1934, стр. 541, 544.

революцией[18]. (Аналогичные мысли высказывал даже Ф. Генц, один из идеологов европейской реакции)[19].

Поражеиия и внутренние распри побуднли участиков первой коалиции одного за другим искать мира с Францией, уже ие заботясь о том, какая из фракций парнжскнх «буитовщиков» стоит в даииое время у власти. Напротнв, для Аиглин — буржуазного участиика феодальиой коалиции, решнвшей продолжать борьбу, неизбежно должеи был возннкиуть вопрос, ие будет лн больше соответствовать брнтаиским нитересам ие ставка на полную реставрацню старого порядка во Фраиции, а расчеты на моиархическое крыло буржуазиой коитрреволюцин. Правда, когда британский мииистр иностраииых дел настойчиво (но безуспешно) советовал королю эмигрантов Людовику XVIII обещать прощеиие «цареубнйцам» из числа термидориаицев[20], дело шло ие о целях, а о средствах. Но эти средства скоро стали оказывать обратное влияние иа цели, очнщая их от явио нереальиых элемеитов.

В годы второй коалицин, когда война шла против термндориаиской Фраиции, феодальио-абсолютистскне правительства Европы по-прежиему сохраияли свои коитрреволюционные иитервенциоиистские плаиы. Этому способствовали и попытки использовать роялистскнх эмиграитов в борьбе против Фраицузской республикн[21]. Вместе с тем, запугивая друг друга «якобниской угрозой», каждая держава преследовала свои захватические цели. Характериа в этом отиошеиии беседа австрийского посла бароиа Кобеицля с российским вице-канцлером Кочубеем, состоявшаяся 19 августа 1799 г. Кочубей, жалуясь на иевыполнение австрнйцами их обязательств в отиошеиии русской армии, действовавшей в Италии, подчеркиул, что Россня, поскольку ей ие угрожают ии оружие, нн фраицузские революциоиные прииципы, участвует в борьбе с Фраицией нз «прииципнальиых» соображенний. Кобеицль поспешил возразить, что в случае, еслн

[18] G. Ritter, Staatskunst und Kriegshandwerk, Bd. I, München, 1959, S. 97 f.
[19] P. F. Reiff, Friedrich Gentz. An Opponent of the French Revolution and Napoleon, Urbana, 1912, p. 79 f.
[20] Е. В. Тарле, Жерминаль и прериаль, стр. 65.
[21] E. Daudet, Les émigrés et la seconde coalition, 1797—1800, P., 1886, p. 154 f.

Австрия потерпит поражение, возникнет «непосредственный контакт французов с поляками, а тех — с русскими, что благодаря схожести языка и нравов славянских народов сделает неизбежной революцию в огромной империи». Эта революция, продолжал австрийский посол, окажется куда более быстрой и страшной, чем на Западе, так как в России будет более восприимчивым к якобинизму «многочисленный класс крепостных крестьян, коль скоро он получит возможность вступить в соприкосновение с заразой отвратительного революционного учения»[22]. Со своей стороны царское правительство и в последующие годы представляло свою борьбу против захватнической политики Наполеона как выступление против революционной угрозы[23].

Секретная служба Питта

Наряду с армиями антифранцузской коалиции важным орудием интервенции стала английская секретная служба. Вступив в войну против Франции, английский кабинет принял меры, чтобы создать на вражеской территории обширную разведывательную сеть, которая при удобном случае могла бы служить орудием для сколачивания контрреволюционных заговоров. Поэтому, когда в якобинской Франции говорили об английском «золоте Питта», как о пружине всех интриг врагов республики, это во многом соответствовало действительности. Правда, дело не обошлось без преувеличений, без приписывания связи с «агентами Питта» многим революционерам, принадлежавшим к побежденной партии, например так называемым «бешеным» и «левым якобинцам».

Британская разведка имела совсем другие кадры. С самого начала войны в Лондоне решили поставить себе на службу тайные роялистские организации и группы. Еще более тесные связи были налажены с руководителя-

◆

[22] Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, фонд «Ж», д. 78, л. 38 (далее: ОРФ Ин-та истории АН СССР).

[23] Например, «Внешняя политика России. XIX и начало XX века. Документы министерства иностранных дел», серия первая, 1801—1805, т. I, М., 1960, стр. 56.

ми контрреволюционного мятежа в Вандее. На английском острове Джерси находились тысячи эмигрантов, ненавидевших новую Францию, и не составляло труда навербовать среди них нужное число людей в английскую роялистскую секретную службу, получившую название «Корреспонданс». В течение полутора десятка лет эта организация действовала на севере Франции, создав сеть конспиративных квартир и явок для своих агентов («домов Корреспонданс») от побережья Ла-Манша и до Парижа. Хотя немало агентов «Корреспонданс» было арестовано французскими властями, основные ее звенья, особенно в Вандее и Бретани, оставались нетронутыми в течение всего революционного периода; ее глава Н. Ф. Прижан был арестован и казнен уже во время правления Наполеона, в 1808 году.

Помимо сбора разведывательной информации «Корреспонданс» сколачивала вооруженные отряды эмигрантов, которые тайно высаживались с английских кораблей во Франции для совершения диверсий, организации контрреволюционных выступлений в отдельных городах и районах. «Корреспонданс» участвовала в подготовке вандейского мятежа, а также высадке в 1795 году армии эмигрантов, вскоре разгромленной республиканскими войсками.

Пожалуй, еще большее значение для Лондона имела шпионская сеть, созданная ловким авантюристом графом д'Антрегом. Английский посланник в Генуе Френсис Дрейк договорился с д'Антрегом, что сведения, добываемые его агентами, будут поступать в распоряжение англичан, разумеется, за щедрое вознаграждение. Дрейка и его хозяев, по-видимому, не очень смущало, что оборотистый граф продавал свои новости, оформленные в виде разведывательных бюллетеней, помимо Лондона также в Вену, Мадрид, Неаполь, потом в Санкт-Петербург и, видимо, еще в несколько мест. Практичные британцы в данном случае не очень гнались за тем, чтобы быть монопольными владельцами поступавшей информации, перекладывая часть расходов, связанных с ее добыванием, на счет союзников. Сложнее было то, что глава эмигрантской шпионской сети был политическим хамелеоном и вдобавок личностью, настолько склонной к лукавству и обману, что очень полагаться на него было бы крайним легкомыслием.

Несомненно, что д'Антрег имел в Париже опытных

людей, которые теми или иными способами получили доступ к важиой ниформацнн. В 1792—1793 годах главой парижской агентуры д'Антрега был бывший офицер, Тевалье де Поммеле, блнзкий приятель влиятельного члеиа Конвеита Тальена, впоследствин одного из оргаиизаторов коитрреволюциоиного заговора, приведшего к перевороту 9 термидора. Бежавшего за граиицу де Поммеле смеиил Пьер-Жак Леметр, в прошлом крупиый королевский чииовиик, его помощникамн были аббат Бротье, издатель газеты «Journal general de France», поддерживавшнй связи с Ваидеей, н бывший судейский служащий Ннколя Сурда. Оргаиизация нмела миогочисленые явкн в Париже, налажеииую системy связи со Швейцарией, где находился д'Аитрег[1]. В 1795 году Леметр был арестован и казиен, но шпноискнй цеитр продолжал действовать еще в течеиие ряда лет.

Одиако можно ли было доверять тем сводкам ниформации, которые поставлял д'Аитрег свонм заказчнкам? Дело ие только в том, что шпиоиская сеть снабжала своего шефа ие всегда доброкачественной иифомацней. Важнее, что, когда она оказывалась слишком скудной, д'Аитрег, видимо, ие стесиялся восполиять пробелы нгрой собствеииого воображеиия, благо получатели бюллетеней платили, ие проверяя предварительио качество «товара». Отсюда и вознnкло в материалах д'Антрега причудлнвое сочетание иесомиеииых вымыслов и крайие важных известий, правильность которых была подтверждеиа тщательиым анализом архивов, приведенных в последиее время рядом фраицузскнх, аиглийских н американских историков (Ж. Годшо, М. Хатт, В. У. Мнтчел и др.). Их исследования в целом решают полувековой спор между учеиыми отиосительио того, чему можно доверять в этнх разведывательиых сводках. Но миогие важиые подробиостн и поиыне остаются загадкой, и среди иих, конечно, давинй вопрос — кто иформировал д'Антрега, а через иего Ф. Дрейка н лоидоискнй кабинет о наиболее важных секретах якобииского правительства, о решениях, принимавшихся главиым государствеиным оргаиом революциониой Франции — Комитетом общественного спасеиня.

◆

[1] L. Pingaud, Un agent secret sous la révolution et l'empire. Le comte d'Antraigues, P., 1893; J. Chamie, Le reseau d'Antraigues et la contre-révolution, 1791—1793, P., 1965.

Перед комитетом отчитывались министры и генералы, он руководил армией, обеспечивал снабжение столицы хлебом и производство боеприпасов. Одной из важных обязанностей комитета был контроль над министерством иностранных дел.

В грозовую осень 1793 года на заседании 2 сентября Комитет общественного спасения обсуждал деятельность республиканской дипломатии, при этом суровые упреки были высказаны по адресу французских послов и среди них — Энина, поверенного в делах в Константинополе, которого даже заподозрили в продажности. Прошло несколько недель, и Энин неожиданно получил подробные известия о том недовольстве, которое он возбудил на родине. Причем эти сведения дипломат получил из совсем уж неожиданного источника — из Венеции от своего давнего знакомого дона Симона де Лас Казаса, посла Испании, воевавшей против революционной Франции. Энин немедленно послал письмо в Париж, в котором с возмущением опровергал выдвинутые против него обвинения. Письмо Энина произвело впечатление разорвавшейся бомбы — стало ясным, что в составе Комитета общественного спасения находился шпион роялистов и интервентов. Было очевидно, что жизненно важные военные секреты республики становились известными врагу. При этом у членов комитета сразу же возникла уверенность в том, что шпионом мог быть только кто-нибудь из них. Подозрение пало на дантониста Эро-де-Сешеля. Через несколько месяцев, 5 апреля 1794 г., он и несколько других дантонистов были гильотинированы, но утечка информации не прекращалась. Революционные деятели так и остались в неведении относительно того, кто был в действительности предателем.

Эту загадку через полтора века снова пытаются разгадать исследователи. Анализируя состав комитета, состоявшего осенью 1793 года из 12 человек, ученые сделали интересные наблюдения. Те секретные материалы, какие попали в бюллетени д'Антрега, большинство членов комитета просто-напросто не могли выдать, так как эта информация была сообщена на заседаниях, когда они находились в командировках вне Парижа или отсутствовали по другим причинам, или, наконец, явно не могли знать тех деталей деятельности военного ведомства, которыми заполнены шпионские донесения. Так, методом исключения историки пришли к выводу, что сведе-

ниями, попадавшими к д'Антрегу, располагал лишь один из членов комитета—Лазарь Карно, которого его поклонники называли «организатором победы». Д'Антрег в письмах Лас Казасу 20 и 27 августа 1794 г. писал, что получал свою информацию от Карно. Но цена этому свидетельству небольшая: шефу роялистской разведки он говорил правду только в тех случаях, когда это ему было явно выгодно. Может быть, это был как раз такой редкий случай, но, быть может, изворотливый граф просто хотел поднять цену своим бюллетеням, утверждая, что они исходят от руководителя вооруженных сил республики! Впоследствии Карно обнаруживал роялистские симпатии. Роялисты и стоявшие за их спиной интервенты могли купить Карно обещанием не преследовать его в случае реставрации монархии.

Впрочем, значительно вероятнее, что источником информации был кто-либо из служащих комитета, который мог присутствовать на некоторых из его заседаний, а о делах, обсуждавшихся на остальных, узнавать из протоколов. Френсис Дрейк в одном из донесений в Лондон писал, что информацию доставляет один из секретарей комитета. Но, конечно, и это могло быть написано из осторожности, из опасения доверить бумаге имя действительного шпиона. Как бы то ни было, а ключ к решению загадки пока не найден. Осталось недоказанным и обвинение, которое выдвигал известный французский историк Матьез против крупного деятеля революции Дантона. По мнению Матьеза, Дантон брал деньги от Людовика XVI для организации контрреволюционного переворота, а позднее предлагал Питту за 2 млн. франков спасти короля, что значительно облегчило бы задачу интервентов...

После переворота 9 термидора в Лондоне решили, что создались благоприятные условия для реставрации монархии. Осуществление планов секретной войны было поручено английскому посланнику в Швейцарии Уильяму Уикхему.

Направляясь осенью 1794 года на свой пост, Уикхем получил подробные инструкции от министра иностранных дел лорда Гренвила. В них излагалась, в частности, позиция английского правительства в отношении Франции. Лорд Гренвил уверял, что британский кабинет никогда не собирался вмешиваться во внутренние дела Франции и навязывать какую-либо определенную форму правле-

ния и кабинет заинтересован в этом вопросе лишь потому, что он затрагивает безопасность самой Англии и всей остальной Европы. Однако, основываясь на этом предлоге, Гренвил указывал, что Англия не примирится ни с какой разновидностью республики во Франции, поскольку все республиканские партии там придерживаются принципов, утверждение которых на французской территории несовместимо с существованием нормального общественного порядка в Европе. Гарантии же безопасности Европе даст лишь восстановление «законных принципов правления», которые могут восторжествовать только при реставрации Бурбонов.

Более того, Гренвил подчеркивал свою антипатию даже к перспективе восстановления во Франции конституционной монархии — той формы правления, которая существовала в Англии, явно предпочитая ей королевский абсолютизм. Английский министр соглашался на конституционную монархию при условии, чтобы управление было вверено заведомым сторонникам абсолютизма — эмигрировавшим братьям Людовика XVI. Он настаивал на отмене революционного законодательства, восстановлении позиций церкви, возвращении конфискованного имущества (т. е. прежде всего дворянских земель) ее прежним владельцам — эмигрантам. Английское правительство было готово лишь дать санкцию на помилование «цареубийц», при условии, если они окажут активную поддержку монархической реставрации. При этом вопрос об амнистии опять-таки передавался на усмотрение эмигрантов, которые заведомо не собирались относиться серьезно к обещаниям такого рода[2].

В 1795 году Уикхем, используя английские субсидии роялистам, пытался координировать их выступления на юго-западе Франции с планами австрийского командования, намеревавшегося развернуть новое наступление. Уикхем щедро финансировал планы принца Конде, направленные на то, чтобы переманить республиканского генерала Пишегрю на сторону роялистов. В сентябре роялист Фош-Борель получил от Уикхема 9 тыс. ф. ст., за которые Пишегрю должен был в подходящий момент

◆

[2] Инструкция Гренвила напечатана в «The Correspondence of the Rt. Hon. William Wickham», v. I, L., 1870, p. 9 f. (ср. также W. R. Fryer, Republic or Restoration in France, 1794—1797, Manchester, 1965, pp. 20—22).

сдать Страсбург. В ноябре Уикхем переслал еще 2 тыс. ф. ст. для Пишегрю, поскольку тот проявил свою готовность к сотрудничеству, оставив во Франш-Конте, куда собирались вторгнуться австрийцы, всего 4 тыс. солдат[3].

Уикхем сумел наладить широкие связи с роялистами по всей Франции, хотя ему пришлось при этом не раз вступать в столкновение с главой эмигрантской армии Конде (принц не считал надежными и не любил конституционных монархистов, с которыми заигрывал английский разведчик). Однако как раз осенью 1795 года секретная служба Уикхема потерпела серьезный урон: в Париже был схвачен уже известный нам Леметр, при аресте которого была найдена важная секретная корреспонденция. Французская разведка в Швейцарии (посол Ф. Бартелеми и консул в Базеле Т. Башер) пытались не без успеха установить наблюдения за действиями Уикхема, которого они правильно считали, употребляя слова французского посла, «центром всех звеньев организации и корреспонденции». Попытка роялистского восстания в Париже была предотвращена с помощью войск, командование над которыми термидорианский Конвент поручил генералу Бонапарту. Впрочем, роль английской агентуры (и людей д' Антрега) в этом восстании была невелика; оно было результатом растущих реакционных настроений парижской буржуазии. Тогда еще неарестованный Леметр и его помощник Сурда установили контакты с роялистски настроенными членами Конвента, но эти связи не имели особого значения.

Неудачи привели к обострению отношений между графом д'Антрегом и Уикхемом, которого граф пытался обвинить в использовании некомпетентных агентов, что якобы и привело к аресту Леметра. (Подтекстом этих споров было недовольство д'Антрега тем, что Уикхем делал главную ставку на конституционных монархистов, а не на поборников полного восстановления королевского абсолютизма — «чистых» роялистов.)

В быстро менявшейся политической обстановке во Франции осенью 1796 года у роялистов, как казалось, появились новые шансы. «Парижское агентство» д'Ант-

◆

[3] H. Mitchel, The Underground War against Revolutionary France, pp. 5, 7, 62—64.

рега, которое после ареста Леметра возглавляли аббат Бротье и Дювернь, пыталось свергнуть правительство Директории с помощью военного заговора. Их сообщниками стали полковник 21-го драгунского полка Мало и генерал Рамель, которому подчинялась охрана законодательных органов республики — Совета пятисот и Совета старейшин. Оба офицера выражали при встрече с представителями «агентства» горячие монархические чувства. Бротье (Дювернь уехал в самое критическое время, в январе 1797 г., в Лондон) был далек от мысли, что все это было со стороны Мало и Рамеля комедией, которую они разыграли с согласия министра полиции Кошона. В конце января 1797 года более полутора десятка роялистских шпионов были один за другим схвачены полицией Директории.

Однако сведения о происках роялистов Директория получила не только от Мало и Рамеля, но и от некоего князя де Каренси. Этот молодой аристократ, шпион-двойник, связанный с роялистским подпольем, изображал к тому же из себя агента британской секретной службы, чтобы перехватывать корреспонденцию, предназначенную для Конде и Крауфорда, английского представителя при командующем войсками эмигрантов. Это самозванство помогло де Каренси выудить немалую толику денег у швейцарского банкира, который по поручению Уикхема выдавал деньги роялистам. Каренси раскрыл все секреты агентства Баррасу — наиболее влиятельному члену Директории. Вдобавок князь опубликовал их сразу в двух газетах — «Journal général» и «Journal des hommes libres» (последняя в переводе означает: «Газета свободных людей»). Каренси в качестве шпиона-двойника несомненно относил себя к их числу. Так был положен конец «заговору Бротье».

Главные надежды английской разведки были теперь перенесены на конституционных монархистов, которые одержали победу на выборах весной 1797 года. Эти надежды оказались построенными на песке.

Директория с помощью солдат, посланных Бонапартом из Италии, одержала победу над роялистским большинством Совета. Наиболее активные из депутатов были арестованы, включая Пишегрю, к тому времени уже лишившегося командования армией. Английские и роялистские разведчики во главе с Антуаном Андре де Бельвю едва унесли ноги из Парижа. Новый этап роялистских

заговоров относится уже к следующему, 1798 году и совпадает с войной второй коалиции против Франции. Они были столь же безуспешны, так как преследовали исторически несбыточные цели.

Снова Ирландия

Наряду с войной против Франции английская буржуазия вела интервенцию против революции в собственных колониях. Самая старинная английская колония Ирландия в результате нового покорения ее Кромвелем в середине XVII века и еще одного завоевания и ограбления после так называемой «славной революции» 1688 года в Англии пережила полтора столетия неслыханного социального и национального угнетения. Классовый антагонизм дополнялся не только национальными, но и религиозными противоречиями. Всяких прав была лишена основная масса ирландского населения, за исключением сторонников государственной церкви, главным образом лендлордов и английских чиновников, а также отчасти пресвитериан — фермеров и буржуазии более развитой северо-восточной провинции Олстера (они были преимущественно потомками английских и шотландских поселенцев).

После поражения в борьбе с колониями в Северной Америке Англия должна была удовлетворить требования оппозиционно настроенной части помещиков и буржуазии о расширении прав ирландского парламента в области экономического законодательства. А большое влияние французской революции на Ирландию заставило Лондон пойти еще на одну уступку. Для того чтобы перетянуть на свою сторону имущие слои католиков, в начале 1793 года английские власти провели через ирландский парламент закон о ликвидации большей части политических ограничений для католического населения. Но Ирландия по-прежнему оставалась английской колонией.

В 1791 году Уолф Тан создал общество «Объединенные ирландцы», включавшее в свой состав наиболее радикальные элементы буржуазии Олстера и Дублина. В стране нарастала широкая волна крестьянского движения, которое английские власти попытались подавить репрессиями, пытками и казнями бунтовщиков. «Объеди-

ненные ирландцы» превратились в массовую организацию, включавшую десятки тысяч участников недавних крестьянских волнений и готовившую вооруженное восстание с целью создания независимой Ирландской республики. Один торийский автор писал: «Это мятеж крестьянина, поддержанного некоторыми пресвитерианскими торговцами и развращенного папистскими священниками. Это мятеж ткача, который переделал на своем станке на новых основах конституцию; кузнеца, выковывающего новую, красную от жара, систему управления»[1]. Крестьянские низы революционного союза выдвигали требования конфискации помещичьих земель. Тори говорили о «заговоре в заговоре», о том, что «дух, приводящий в движение низшие классы, является для имущих членов революционного общества не меньшей угрозой, чем для остальных лиц, владеющих собственностью в Ирландии»[2]. Кровавый правительственный террор, наряду с опасениями собственнических классов в связи с политической активностью крестьянства, побудил значительную часть олстерских промышленников и купцов дезертировать из революционного лагеря. Они, как писал по свежим следам событий один осведомленный современник, «стали тайными сторонниками правительства»[3]. Национально-освободительное движение было предано и верхушкой католической церкви, которая резко осуждала деревенских священников, примкнувших к революционной борьбе. Так, католический епископ Корка Ф. Мойлэн призывал паству не смущать свой ум недоступными для них вопросами о формах государственного управления и «осознать преимущества, которые принесет им самим и их семьям терпеливое и неутомимое прилежание в обычных занятиях»[4].

«Объединенные ирландцы» создали военную организацию, которая деятельно готовила вооруженное восстание. Его сроки несколько раз откладывались из-за надежды на высадку французского десанта. В марте

◆

[1] «Considerations of the Situation to which Ireland is Reduced by the Government of Lord Camden», Dublin, 1798. Цит. по: «Monthly Magazine», Oct, 1798, pp. 219—220.

[2] «Reflection on the Irish Conspiracy and on the Necessity of An Armed Association in Great Britain», L., 1797, pp. 52—53.

[3] E. Wakefield, An Account of Ireland. Statistical and Political, v. II, L., 1812, p. 370.

[4] «London Chronicle», Jan. 5—7, 1797.

1798 года были арестованы выданные провокатором члены центрального руководства «Объединенных ирландцев». А через два месяца, за считанные дни до назначенного на 23 мая всеобщего восстания, сменившие арестованных новые вожди движения (в том числе руководитель военной организации Э. Фитцджеральд) с помощью правительственных шпионов попали в руки английских властей. Восстание с самого начала было лишено централизованного руководства. Попытка дублинских «Объединенных ирландцев» овладеть столицей Ирландии не увенчалась успехом. В Олстере восстание было ослаблено отступничеством буржуазии, тем не менее большие группы повстанцев героически сражались против карательных отрядов.

Революционные выступления происходили в десяти ирландских графствах. Центром восстания оказалось приморское графство Уэксфорд, где крестьянская армия в несколько десятков тысяч человек целый месяц держалась против правительственных сил. Хотя, вследствие незрелости крестьянства и позиции буржуазии, а также ряда неудач, которые потерпела организация «Объединенные ирландцы», восстание не приняло ожидаемых размеров, борьба против него потребовала использования всех вооруженных сил, которыми располагала английская администрация в Ирландии [5].

Сломив сопротивление повстанцев, английские власти еще более усилили террор, виселица стала непременной чертой ирландского пейзажа. Торийская печать злобно именовала восставших «якобинскими псами», сожжение деревень цинично называла «приятным огоньком», а засекание тысяч людей на смерть — «легкой поркой» [6].

Подавление ирландского восстания 1798 года воспринималось повсюду в Европе феодально-монархической реакцией как общий успех в борьбе против «якобинской заразы». Так, отражавшая контрреволюционную политику царя Павла I петербургская газета писала, что известия из Ирландии «питают приятную надежду, что опустошающие королевства смятения в скором времени прекратятся совершенно...» [7].

В то же время оппозиция в Англии против этих

[5] J. Connolly, Labour in Ireland, part I, Dublin, 1920, p. 70.
[6] См. «Neueste Weltkunde», 13. Juni, 27. Juli, 5. Aug. 1798.
[7] «Санкт-Петербургские ведомости», 27 июля 1798 г., № 59, стр. 1421.

контрреволюцнонных экзекуций проявилась в разлнчных формах. Так, солдаты ряда частей английской мнлицнн (Кармартенширского полка н др.) отказались выполннть прнказ об отправке нх в Ирландию[8]. Англнйскне демократы выражалн горячее сочувствне борьбе нрландского народа, а революцнонное крыло «якобннских» органнзаций вело подготовку к восстанию в Англин, которое должно было начаться одновременно с выступленнем «Объединенных нрландцев»[9].

Два консула

За карательной экспедицией англнчан в Ирландни последовала ннтервенция победнвшей французской буржуазин протнв завоевавшего свободу народа Сан-Домннго (Ганти).

В XVIII веке остров Гантн, поделенный между Францней н Испанней, был крупнейшнм поставщиком сахара. Выращиванне и переработка сахарного тростнкка былн основаны на труде рабов-негров, вывознмых из Афрнкн. Французская революция изменнла судьбы острова. В 1790 году там началось мощное восстание мулатов и негров. Французскне плантаторы обратнлнсь за поддержкой к англнчанам н испанцам, воевавшим протнв республики. В Париже Конвент декретнровал отмену рабства, в феврале 1794 года бывшнм невольникам былн предоставлены политнческне права. Негры во главе со своим вождем Туссеном-Лувертюром помоглн французским республнканскнм полкам в 1798 году, уже во время Днректорни, нзгнать англичан. В январе 1801 года войска Туссена освободнлн также часть острова, являвшуюся колонней Испанин.

Французская Днректорня, не имевшая возможности вследствне господства Англнн на море послать свон войска в Сан-Доминго, направила туда специальную мнссню во главе с генералом Эдувнллем, которая тайно пыталась

[8] «Annual Register», Chronicle. Aug. 15, 1798.

[9] Автору приходилось подробно излагать нсторию ирлаидского восстання и борьбы аиглийских демократов в моиографин «Демократическое движеиие в Аиглни и Ирландии в конце XVIII — начале XIX века», М., 1962.

разжигать вражду между иеграми и мулатами[1]. Более того, стремясь к восстановлеиию рабства в Сан-Доминго, правительство Директории изобрело плаи избавления от Туссена с помощью... «революционной войны». Ему предложили возглавить отряд для освобождения иегров в США и на английской Ямайке. В случае его согласия вторгиуться в южные штаты, разъяснил прислаииый из Парижа офицер Дебюиссои, Туссену будет оказаиа помощь со стороны французского флота. Туссен не дал себя обмануть. Потерпели иеудачу и планы Эдувилля добиться роспуска иегритянской армии. Его попытки разжигаиия междоусобицы вызвали широкое возмущеиие. Эдувиллю пришлось спешио покииуть Саи-Доминго на борту французского корабля[2].

7 июля 1801 г. Националное собрание острова утвердило республикаискую коиституцию, главой нового государства стал Туссен-Лувертюр, которого французы стали называть «консулом» Гаити.

Наполеон Бонапарт, тогда первый консул Фраицузской Республики, отказался утвердить конституцию, делавшую Гаити почти независимой страиой. Наполеон осведомился, какая система иа Гаити будет прииосить Фраиции наибольшие фииансовые выгоды. Ему ответили, что такой системой может быть та, которая существовала до революции. «Тогда,— заявил ои,— чем быстрее мы вернемся к ней, тем лучше». В качестве первого шага Бонапарт объявил, что фраицузские закоиы не будут действительиы в колониях, которые должиы управляться на осиове специальных декретов. Но он еще не имел возможности организовать вооруженную иитервеицию. Поэтому была опубликована прокламация, в которой иаселение Сан-Доминго уведомлялось, что «свящеииые принципы свободы и равеиства для черных не будут нарушаться или подвергаться измeнеиию».

На остров была отправлена новая французская миссия. Но Туссен, имевший своих разведчиков в Париже (это были французы Юэн и Эбекур), разгадал намерения Наполеона, который к тому же приказал сохраиять рабство на острове Мартиника[3]. Во время переговоров,

◆

[1] R. Korngold, Citizen Toussaint, N. Y., 1965, pp. 156—157.
[2] Ibid., 163.
[3] Ibid., pp. 181—182.

приведших к заключению Амьенского мира с Англией (1802—1803 гг.), у Наполеона появилась возможность послать в Сан-Доминго военную экспедицию, не опасаясь противодействия господствовавшего на море британского флота. Бонапарт после уступки Испанией Луизианы стремился основать французскую империю в Западном полушарии.

В начале 1802 года в Гаити отплыла французская эскадра, на судах которой находилось 35 тыс. солдат — с армией таких размеров Наполеон еще недавно сломил австрийское господство в Италии. Во главе экспедиционного корпуса был поставлен шурин первого консула генерал Леклерк. Испания и Голландия согласились оказывать содействие в перевозке армии, Англия — в поставке ей продовольствия и снаряжения с Ямайки. В секретной инструкции Наполеона, переданной Леклерку, указывалось, что США также обещали свою помощь французской армии. Наполеон рекомендовал выслать из Гаити всех белых женщин, вышедших замуж за негров, запретить содержание на острове каких-либо школ (белые жители могли бы посылать своих детей для обучения во Францию). Вместе с тем Бонапарт написал лицемерное письмо Туссену, в котором уверял в своих дружеских чувствах и высоко оценивал его заслуги перед французским народом, «частью которого является Сан-Доминго»[4]. Было опубликовано обращение первого консула к жителям Гаити. «Каково бы ни было ваше происхождение,— говорилось в нем,— вы все французы, вы все свободны и равны перед богом и людьми». В обращении объявлялось, что французы будут рассматривать население острова как «друзей и братьев», что армия Леклерка прибыла для защиты Сан-Доминго от его врагов. «Если они вам скажут: эти войска предназначены, чтобы похитить вашу свободу», то отвечайте: «Республика не потерпит, чтобы ее у нас отняли. Объединяйтесь вокруг капитан-генерала (Леклерка.— *Е. Ч.*), он несет вам процветание и мир»[5].

Вначале французы, обладавшие огромным превосходством сил, сравнительно быстро установили контроль над

◆

[4] Saint-Victor Jean-Baptiste, Haiti. Sa Lutte pour l'Emancipation, P., 1957, p. 227.

[5] P. de Lacroix, Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution de Saint-Domingue, t. II, P., 1819, pp. 79—80.

островом. (Этому помогло и предательство некоторых генералов Туссена.) Министр флота Декре 14 июня 1802 г. уведомил Леклерка, что необходимо восстановить рабство и ввоз невольников для пополнения «потерь» последних лет. 7 августа 1802 г. Наполеон отдал распоряжение самому Декре: «Все должно быть подготовлено к восстановлению рабства. Это не только мнение метрополии, но также Англии и других европейских стран». Леклерк вполне одобрял намерения Наполеона, однако 25 августа 1802 г. он писал Декре: «Учитывая мои бесчисленные обращения, в которых гарантируется свобода негров, я не хочу противоречить самому себе. Но вы можете уверить первого консула, что мой преемник найдет все подготовленным»[6]. Оправдывая свои действия, Наполеон заявил 12 марта 1803 г. на заседании Государственного совета: «Я за белых, потому что я белый... Просто, кто желает свободы черных, хочет и рабства белых»[7].

Туссен-Лувертюр был с помощью низкого вероломства захвачен в плен и отправлен во Францию, где в апреле 1803 года умер в крепости Жу. Леклерк сообщал Наполеону, что для восстановления рабства нужно предварительно истребить значительную часть населения острова: «Всех негров, как мужчин, так и женщин, живущих в горах, надо предать мечу. Можно пощадить только детей моложе 12 лет. Из проживающих на равнинах можно убить примерно половину. Нельзя оставлять в колонии ни одного негра, который когда-либо носил эполеты»[8].

Успехи французов оказались непрочными. Против них началась партизанская война, распылявшая и ослаблявшая силы экспедиционного корпуса. Жители Гаити решительно боролись против интервентов, пытавшихся снова надеть на них ярмо рабства. Остальное докончила желтая лихорадка, косившая непривыкших к климату Сан-Доминго французских солдат. В числе умерших были 15 генералов и Леклерк. Сменивший его генерал Рошамбо, получив подкрепления, усилил террор. Борцов за независимость тысячами топили в море, сжигали заживо, морили до смерти голодом, травили собаками, специаль-

◆

[6] R. Korngold, Citizen Toussaint, pp. 202—203.
[7] A. Césaire, Toussaint Loverture. La Révolution Française et le problème colonial, P., 1961, p. 289.
[8] R. Korngold, Citizen Toussaint, p. 323.

но обученными охоте на людей, подвергали варварским пыткам. Но участь захватчиков была решена. В ноябре 1803 года остатки экспедиционного корпуса вынуждены были отказаться от борьбы. По условиям капитуляции французам разрешили покинуть остров, поскольку вновь началась война между Францией и Англией. Это означало, что французские войска получили право сдаться в плен англичанам, господствовавшим на море[9]. Потери французов достигали 63 тыс. человек.

Бонапарт должен был продать Луизиану Соединенным Штатам. Рухнули планы создания обширной французской империи в Новом Свете. Недаром в мемуарах, написанных на острове св. Елены, очень скупо признававший свои ошибки Наполеон отметил в их числе и интервенцию против Сан-Доминго.

Кошмары Гойи

Войны Директории и Наполеона в Европе носили захватнический характер, но в то же время они сопровождались в известных пределах проведением прогрессивных социальных преобразований, ломкой феодальных порядков. Вместе с тем справедливая борьба народов против французских завоевателей использовалась руководящими феодально-монархическими элементами для попытки восстановления старых социальных и политических устоев.

В 1798 году французские войска заняли Неаполь. Король Фердинанд бежал в Сицилию под защиту английского флота. В Неаполе была провозглашена республика. Однако она не имела прочных корней в народе. Когда военное положение на Апеннинском полуострове изменилось в пользу второй коалиции, неаполитанской реакции удалось нанести контрудар ненавистным республиканцам. Кардинал Руффо создал из темных фанатичных крестьян «армию святой веры» и натравил ее на союзников французских безбожников[1]. Когда французские вой-

◆

[9] H. P. Davis, Black Democracy. The Story of Haity, N. Y., 1928, pp. 85—86.

[1] Cp. J. A. Helfert, Fabrizio Ruffo. Revolution und Gegenrevolution, Wien, 1882.

ска покинули Неаполь, Бурбоны начали жестокую расправу со всеми сторонниками республики.

Кровавые жертвы, которые принесло крестьянство в борьбе с французами, оказались напрасными. Возвращение Бурбонов лишь ухудшало положение народа. Опыт 1799 года не удалось повторить в 1806 году, когда Наполеон приказал своим войскам занять территорию Неаполя, а Бурбоны снова бежали в Сицилию. Не помогли ни агитация духовенства, ни передача командования в руки кардинала Руффо, у которого, впрочем, хватило ума, чтобы понять, насколько тщетным был этот новый призыв к массам выступить против безбожия и якобинизма. Руффо заметил, что «некоторые безумства случаются только раз» [2].

Еще в большей мере, чем Неаполь, Испания может служить примером страны, запутавшейся в сетях интервенционистской политики великих держав и превратившейся из участника антиякобинской войны в вассала победившей французской буржуазии.

В конце XVIII века испанская ветвь Бурбонов достигла такой степени вырождения, которую можно сравнить только с тем состоянием, до которого дошла за столетие до этого их предшественница — династия Габсбургов.

Король Карл IV, высокий дородный мужчина, был занятым человеком. Он охотился с 9 до 12 часов и с 14 до 17 часов ежедневно в любую погоду и не имел ни досуга, ни склонности интересоваться другими делами, за исключением, может быть, только починки часов. Он, например, не знал, что английские колонии в Северной Америке, граничившие с испанскими владениями, не без помощи Испании завоевали независимость, и Карл именовал посла США «представителем колоний». Король безмятежно сносил супружеское иго, превосходя в этом отношении героев самых грубых фарсов. Его жена Мария-Луиза, принцесса Пармская — представительница младшей линии испанских Бурбонов — уродливая, вульгарная женщина средних лет, в молодости давала обильную пищу скандальной хронике, меняя фаворитов из числа молодых гвардейских солдат, пока не остановила свой

◆

[2] Д. Берти, Демократы и социалисты в период Рисорджименто, М., 1965, стр. 148.

выбор на Мануэле Годое, к которому привязался и ее супруг. «Donde está mi Manuelito?» («Где мой Мануйлинька?»), — неизменно вопрошал Карл, когда не видел день-другой своего любимца. Не менее колоритна и фигура этого фаворита, за считанные месяцы проделавшего восхождение от рядового гвардии до первого министра, но так и не уразумевшего, что Россия и Пруссия не являются одним государством. Годой третировал даже королеву и превратил свой служебный кабинет в место, куда попеременно в строгой очередности допускались из разных дверей то иностранные послы, то многочисленные и небескорыстные поклонницы всесильного временщика.

Посол Французской республики Алькье доносил, что первый министр Испании имеет преимущественно два качества: общее невежество и большую склонность ко лжи. Наполеоновский посол Богарнэ, давая более развернутую характеристику Годое, именовал его сластолюбцем, лентяем, трусом и утверждал, что он брал взятки за все назначения на государственные посты [3].

В 1793 году Испания вступила в войну против революционной Франции. После первоначальных мелких успехов, вызванных исключительно слабостью выставленных против нее сил, плохо снабжаемая и слабо дисциплинированная испанская армия потерпела ряд серьезных поражений. В 1795 году французские войска перешли испанскую границу. Поспешно заключив мир с победоносным неприятелем, Мадрид отделался тогда лишь уступкой испанской части острова Сан-Доминго. После этого Испания в качестве младшего партнера оказалась втянутой в войны термидорианской и наполеоновской Франции против Англии, поплатившись гибелью флота и возраставшей зависимостью от сильного и бесцеремонного союзника. Таким образом, испанский народ, вовлеченный в крестовый поход против французской революции, испытал горечь национального угнетения, участия в войнах за интересы, совершенно чуждые ему, и, наконец, должен был отстаивать независимое существование своей страны от иноземного захватчика.

Политика Годоя, пресмыкавшегося перед Наполеоном, вызывала серьезное недовольство. Принц Фердинанд

◆

[3] G. H. Lovett, Napoleon and the Birth of Modern Spain, v. I, N. Y., 1965, p. 14.

(тогда еще не было ясно, в какой мере он унаследовал качества своих достойных родителей) стал центром притяжения оппозиционных сил.

В 1807 году Наполеон направил в Испанию значительное число своих лазутчиков, которые должны были представить ему подробные донесения о состоянии испанской армии, дорог, военных заводов, арсеналов, крепостей и т. д.[4]. Наполеоновская разведка тщательно следила за всеми перипетиями конфликта, возникшего в королевской семье. Фердинанд женился на неаполитанской принцессе Марии-Антонии, дочери королевы Марии-Каролины, ярой противницы Наполеона. Мария-Антония пыталась собирать сведения о французских и испанских войсках, направляемых в Португалию, для пересылки этой информации англичанам через свою мать, находившуюся в Сицилии. Часть этих писем была перехвачена французской разведкой. В них раскрывались также планы свержения Годоя[5]. Временщик, которому французы сообщили об этом, в свою очередь собирался лишить Фердинанда престола. «Колбасник», как именовали фаворита в народе, надеялся с помощью Наполеона стать королем Португалии.

В 1808 году массовое восстание низвергло Годоя. Фердинанд был провозглашен королем. Тут-то в дело и вмешался Наполеон, армия которого (на правах союзника, ведшего войну против Португалии и находившихся там английских войск) постепенно оккупировала испанскую территорию. Карл IV и Мария-Луиза, по совету Мюрата, командующего французскими войсками, попросили защиты у Наполеона. Тот предложил им приехать в Байонну, на юг Франции, куда они и отправились вместе с «единственным другом» — Годоем. Самое интересное, что Мюрат уговорил поехать туда же Фердинанда. В этом Мюрату помог руководитель французской разведки Савари. Он ухитрился убедить сына Карла IV, что Наполеон решит все спорные вопросы к полному удовлетворению Фердинанда. Савари пришлось приложить немало усилий, чтобы парализовать влияние более проницательных придворных Фердинанда, отговаривавших его от опромет-

◆

[4] G. N. Lovett, Napoleon and the Birth of Modern Spain, v. I, p. 30 f.

[5] А. Трачевский, Испания девятнадцатого века, М., 1872, стр. 92—93.

чнвого шага. Оии советовалн новому королю тайно ускользнуть от сопровождавшего его французского эскорта и переодетым бежать в ту часть Испании, которая еще не была занята войсками Наполеоиа. Убеждения Саварн возобладали, н Ферднназд после недолгого колебания пересек границу Франции, после чего всякая попытка бегства стала невозможной [6].

Когда Наполеону доложилн о прибытни Фердииаида, он вначале не повернл, что тот полез в западню. «Неужели он здесь?», — вскрнчал император.. Далее все было просто. Во время свндания Фердинанда с родителями, происходившего в присутствии Наполеоиа, члеиы королевской семьи осыпали друг друга ругательствами, дело едва не дошло до драки. Даже суровый завоеватель был смущеи: «Что это за люди!», — воскликиул он, возвращаясь к себе после этой сцены. Наполеои обещаниями и угрозамн принудил Бурбонов отречься от своих прав иа престол в пользу брата императора — Жозефа Бонапарта. С большим трудом нспаиские патриоты, обманув бдительность наполеоиовской полиции, доставили Фердииаиду деньгн для бегства в Испаиню. Но тот был вереи семейной традиции. Взяв присланные деиьги, ои тут же в льстивом письме попросил у Наполеоиа руки его племяиннцы. Император огранннчился тем, что поручил Талейрану поместить Фердниаида в один из своих замков. «Еслн бы прииц Астурийский (Ферднннанд. — *Е. Ч.*), — писал Наполеои Талейрану, — привязался к какой-нибудь хорошенькой девушке, это было бы недурно, особенно, если на нее можио положиться. Для меия чрезвычайио важно, чтобы он не наделал глупостей. Поэтому я желаю, чтобы его забавляли и развлекали». В этом отиошении все устроилось наилучшим образом.

Однако оставалась сама Испання. Разведка Наполеоиа составила ему подробнейшие отчеты о состоянии армни, флота, администрации страны. Одиако оиа упустила главное — дух народа. Наполеон судил о стране по ничтожному двору. Еслн испаиское правительство н администрация были мертвы, то общество было полно жнзни.

2 мая 1808 г. в Мадрнде вспыхиуло восстание против

◆

[6] H. R. Madol, Godoy. Das Ende des alten Spanien, B., 1932, SS. 241—246.

захватчиков. Оно было жестоко подавлено французскими войсками под командованием Мюрата. Завоевательная война Наполеона против Испании переросла в контрреволюционную интервенцию.

В июле 1808 года испанские гранды, прибывшие в Байонну по приглашению Наполеона, одобрили новую конституцию, которая была им представлена. Испания объявлялась конституционной монархией. Кортесы, полномочия которых не были точно определены и которые должны были заседать за закрытыми дверями, частично назначались королем из кандидатов, представленных высшими правительственными учреждениями, торговыми палатами и университетами. Другая часть избиралась наиболее богатыми слоями населения. Конституция вводила гласное судопроизводство, отменяла пытки, уничтожала внутренние таможни, создавала единое гражданское и торговое законодательство и т. д.[7] Нисколько не ограничивая господства Жозефа (и, следовательно, власть французского императора в Испании), эта конституция вместе с тем содержала некоторые положения, которые могли способствовать буржуазному развитию.

20 июля 1808 г. Жозеф Бонапарт вступил в Мадрид, однако вся страна поднялась против французов. Еще за неделю до этого, 13 июля, в Андалузии испанские войска и повстанцы окружили при Байлене и принудили к сдаче целый корпус французских войск под командой генерала Дюпона. Уже 31 июля, через 11 дней после вступления в столицу, Жозеф покинул Мадрид и отступил на север Испании, за реку Эбро. Наполеон, считавший все эти неудачи следствием просчетов своих генералов, решил лично возглавить борьбу против Испании.

5 ноября 1808 г. французский император прибыл в Испанию во главе большой новой армии и в течение 72-дневной кампании разгромил основные силы испанских регулярных войск. Через месяц после начала этой кампании снова был занят Мадрид. В тот же день Наполеон издал ряд важных декретов. Они уничтожили феодальные права помещиков, инквизицию, сократили на $^2/_3$ число членов церковных орденов, ликвидировали внутренние таможни. 12 декабря была отменена сеньориальная юстиция. Еще до этого, 7 декабря, Наполеон обратился с прок-

◆

[7] И. М. Майский, Испания 1808—1917, М., 1957, стр. 50.

ламацией к испанскому народу. В ней указывалось, что испанцы вовлечены в борьбу «вероломными людьми», что испанские армии разгромлены, но что император решил не осуществлять свое право победителя на кровавую месть выступившим против него и французского народа. Наполеон объявлял, что он стремится к возрождению испанской нации и призывал отвергнуть «английский яд», который британцы распространяют в Испании. «Я уничтожу все, что стоит на пути к вашему процветанию и величию.., — говорилось в обращении. — Либеральная конституция создаст для вас взамен абсолютизма умеренную и конституционную монархию». В заключение Наполеон угрожал в случае, если сопротивление не прекратится, предоставить Жозефу другую корону, а Испанию рассматривать как завоеванную провинцию и сурово покарать своих врагов, «ибо бог дал мне силу и волю, чтобы преодолеть любые препятствия» [8].

Эта прокламация весьма показательна для Наполеона. Двойственный характер — возрождения и реакции, который носили все освободительные войны против Франции и который особенно ярко проявился в Испании, давал возможность императору, наряду с провозглашением своих «прав» завоевателя, изображать подавление освободительной борьбы испанского народа как борьбу за учреждение в Испании прогрессивных для того времени социальных и политических реформ. И надо сказать, что до известной степени эта тактика себя оправдала, поскольку за французами пошли не только беспринципные честолюбцы и приобретатели, но и часть либерально настроенной буржуазии и помещиков, видевших во французских штыках желанное средство для эволюционного перехода без народной революции к новым общественным порядкам [9]. Однако народ не встал на путь, предлагаемый этими «офранцуженными» («afrancesados»).

Хотя проведение в жизнь декретов Наполеона, несомненно, было бы немалым шагом вперед в социальном развитии Испании (в политической области любые конституционные формы все равно являлись бы простым прикрытием деспотической власти французского императора), эти меры были решительно отвергнуты испанским наро-

◆

[8] «Gorrespondance de Napoléon», t. XVIII, N° 14 526—14 529, 14 537.
[9] И. М. Майский, Испания, 1808—1917, стр. 60; G. H. Lovett, Napoleon and the Birth of Modern Spain; v. II, pp. 554—665.

дом, которому они предлагались как плата за отказ от национальной независимости. Свое подлинное лицо завоеватели раскрыли в кровавых расправах над мирным населением, которые навеки заклеймил Гойя в замечательных офортах «Бедствия войны».

В январе 1809 года, завершив в основном разгром испанской регулярной армии, Наполеон вернулся в Париж. Жозеф вновь вступил в Мадрид. Однако героическое сопротивление испанского народа продолжалось. Победы наполеоновских маршалов над испанскими войсками и их успехи в борьбе против английской армии Веллингтона в Португалии, приведшие к оккупации почти всего Пиренейского полуострова французами, не заставили бесчисленные отряды партизан — герильерос сложить оружие. А это делало иллюзорными все успехи Франции и заставляло Наполеона держать в Испании огромную армию в 300 тыс. солдат [10]. Напрасно, стремясь приобрести поддержку для своего режима, Жозеф издал ряд дополнительных декретов, предусматривавших ликвидацию феодальных порядков в социальной, религиозной и административной областях и направленных на развитие сельского хозяйства и торговли, улучшение системы народного образования и пр. Эти декреты не изменили отношения народа к «навязанному королю» — ставленнику захватчиков, тем более, что в условиях войны большая часть объявленных мер осталась на бумаге. А некоторые из декретов содержали вдобавок статьи, легализовавшие преследование участников освободительной борьбы, конфискацию их имущества.

Все же либеральные маневры Жозефа дали один несомненный эффект. Кортесы в Кадисе — единственном крупном городе, не захваченном наполеоновскими войсками, хотя и находившемся под обстрелом французских пушек, должны были учитывать провозглашение на оккупированных территориях прогрессивные нововведения. Это, бесспорно, было одним из факторов, способствовавших принятию знаменитой конституции 1812 года, которая декларировала принцип народного верховенства. Как отмечал Маркс, эта конституция являлась воспроизведением старинных «фуэрос» (прав и привилегий средневе-

◆

[10] Ф. Сиутат, Война испанского народа за независимость (Очерк военных операций), «Из истории освободительной борьбы испанского народа», М., 1957, стр. 357—405.

ковых городов и сословий), но «понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам современного общества»[11]. Несмотря на сопротивление феодальных и церковных кругов, либеральное крыло кортесов настояло также на провозглашении ликвидации инквизиции, десятины, сеньориальных прав, конфискации собственности монастырей и т. д.

Интересно отметить, что в апреле 1812 года накануне нашествия на Россию, пытаясь укрепить свой тыл и признавая безуспешность попыток сломить сопротивление испанского народа, Наполеон выдвинул необычный план. Он предложил, чтобы Жозеф созвал испанское Национальное собрание, которое могло бы включить также депутатов от кадисских кортесов. Собрание приняло бы конституцию, аналогичную одобренной в Кадисе, после чего последовала бы эвакуация французских войск. Разумеется, этот хитроумный план провалился, хотя Жозеф и настойчиво пытался завязать на его основе переговоры с депутатами кортесов в Кадисе. Борьба продолжалась. Начиная с 1812 года французские войска стали терпеть серьезные поражения. В августе 1812 года французы оставили Мадрид, правда в декабре они снова ненадолго захватили испанскую столицу, но в марте 1813 года Мадрид был окончательно покинут наполеоновскими войсками. К этому времени уже в полной мере стали сказываться последствия разгрома Великой армии в России; изгнание французов из Испании стало вопросом времени.

Крах французского владычества в Испании наступил еще до полного крушения наполеоновской империи. Отпущенный из французского плена Фердинанд в марте 1814 года вернулся в Испанию. Его первым шагом был вероломный отказ от всех своих прежних обещаний. Он отменил конституцию 1812 года, восстановил королевский абсолютизм, реставрировал феодальные порядки и учреждения. Кортесы, избранные на основе конституции 1812 года, были распущены. В стране воцарился режим черной реакции.

Освободительным войнам против Наполеона, как справедливо подчеркивал Маркс, свойственно сочетание духа возрождения и духа реакционности[12]. Носителями

◆

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10, стр. 463.
[12] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10, стр. 436.

прогрессивной тенденции выступали трудящиеся массы, точнее, их передовые слои, более или менее осознававшие экономические и политические интересы народа.

Двоякий характер движений против Наполеона, взрывчатая «якобинская» закваска «национального» принципа, даже если он в данный момент был обращен против ненавистного корсиканского узурпатора, с самого начала беспокоил дальновидных идеологов феодальной реакции. Оценивая борьбу испанского народа против наполеоновского нашествия, Жозеф де Местр с горечью и тревогой писал, что «великая и августейшая нация, привыкшая к монархии, непреодолимой силой обстоятельств организовалась в республику, действуя всегда во имя номинального короля», что в Испании уже существует «настоящий национальный конвент» [13].

Вторую, реакционную тенденцию представляли правительственные монархические круги, которые смогли завладеть руководящими позициями в борьбе против французской оккупации. Иностранные войска, находившиеся на территории стран, поднявшихся на борьбу против Наполеона, активно поддерживали эту реставрационную тенденцию. Такую роль играли в 1813—1814 годах, например, австрийские дивизии в итальянских государствах, армия Веллингтона в Испании, британские и царские войска в Бельгии и Голландии, вооруженные силы государств антифранцузской коалиции на германской территории. Цели правительств и народов, сражавшихся против Наполеона, резко расходились, поскольку речь шла о путях дальнейшего развития их стран. Иностранные войска защищали интересы правительств и там, где они вступали в коренное противоречие с интересами народа. Именно присутствие этих армий создало возможность того послевоенного устройства Европы, который был предписан решениями Венского конгресса и для сохранения основ которого уже в течение немногих последующих лет потребовалась целая цепь контрреволюционных интервенций.

Небезынтересно отметить, что более ловкие и дальновидные представители реакционных правительств, заиг-

◆

[13] А. Н. Шебунин, Европейская контрреволюция в первой половине XIX века, стр. 59.

рывая с народами, пытались замаскировать свои реставрационные притязания и выдвигали на передний план только национальные цели войн против наполеоновского господства, изображали ее даже как борьбу за свободу против военной тирании (такой тактики придерживались, например, русский царь Александр I, английский кабинет, некоторые прусские министры, даже часть французских роялистов). Напротив, более откровенные идеологи реакции, игнорируя освободительный характер войны, изображали ее в виде похода для удушения революции, воплощением которой якобы являлся в это время «корсиканский узурпатор» — Наполеон.

Возвращение маркиза Карабаса

«Из чужбины дальней в замок феодальный едет — трюх-трюх-трюх — на кобылке сивой наш маркиз спесивый, наш отец и друг» — так начинается написанная в 1816 году песня Беранже, в которой он клеймил восторжествовавшую реакцию. Герой этой песни — возвращающийся во Францию тупой и кровожадный маркиз Карабас (его имя взято поэтом из народной сказки) — стал олицетворением эпохи Реставрации. После крушения наполеоновской империи в ряде стран полностью или частично восторжествовала феодально-абсолютистская реакция. Противоречивость исторического процесса заключалась в том, что это было следствием освободительной борьбы народов против захватнической политики Наполеона, поскольку эту борьбу возглавляли феодальные правительства. После победы над французскими завоевателями монархические правительства отказались от широковещательных обещаний, которые они давали своим народам, и встали на путь реставрации феодальных порядков, ликвидированных в годы революционных и наполеоновских войн. Свержение Наполеона привело к прибытию во Францию в обозе союзных войск Бурбонов и роялистов-эмигрантов. Однако восстановление до известной меры дореволюционных порядков во Франции коснулось преимущественно политической области. Изменения же в социальных отношениях и даже в административно-правовой области, произведенные революцией, носили необратимый характер. Сами

Бурбоны, по известному выражению Талейрана, ничего не забывшие и ничему не научившиеся, вынуждены были понять, что здесь они бессильны вернуть прошлое. Это позволило реставрированной монархии Бурбонов отсрочить наступление новой революционной бури, которая все же разразилась в июле 1830 года и навсегда лишила их французского престола.

Решения Венского конгресса, оформившие в сфере международных отношений результаты краха наполеоновского господства и послевоенной перекройки карты Европы, отражали в определенной степени цели не только феодальной, но и буржуазной реакции. Известную прочность приобрели лишь те из постановлений конгресса, которые сохраняли возможность буржуазного развития затронутых ими стран [1].

Созданный на Венском конгрессе Священный союз уже при рождении был по существу блоком монархических правительств против революции и прогрессивных общественных преобразований. Однако это выяснилось до конца далеко не сразу. А на первых порах даже значительная часть либеральных кругов в какой-то мере поддалась на уверения, что новый союз создан для обеспечения мира Европы и даже «прав народов», о чем, в частности, не раз делал заявления Александр I и его приближенные.

Священный союз был образован для борьбы против, как тогда говорили, господствующего «духа времени», против исторической необходимости, которая вела к утверждению «национального принципа», к завоеванию и укреплению национальной независимости, развитию на буржуазной основе национальных государств. Интересно отметить, что свои подлинные намерения организаторы Священного союза маскировали как раз ссылками на способствование этому «духу времени», а поскольку речь шла об Александре I (а позднее об английском правительстве), не раз государственные интересы России побуждали его к заигрыванию с прогрессивными силами.

Священный союз требовал в основу международных отношений положить принцип легитимизма — уважения

◆

[1] Ср. Л. А. Зак, Монархи против народов (дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи), М., 1966, стр. 354.

прав «закоиных» монархов и правительств. Широко использовалась и «теория равновесия сил».

В течение ряда столетий, иачииая еще с эпохи Возрождения, дипломатия европейских держав придерживалась «теории равновесия». Порой эти державы действительно руководствовались ее положениями, а временами лишь использовали ее для обоснования своих действий. Эта теория исходит из необходимости примерного равенства сил главных европейских держав для поддержания «порядка» в международных отношениях. Поэтому ревностные сторонники этой теории (такие, например, как аббат де Прадт и Ф. Генц, писавшие в конце XVIII — начале XIX в.) доказывали, что Европа является «едииым социальным оргаиизмом, который можно смело именовать Европейской республикой». Согласно этой неясной при практическом применении идеи, в случае усиления одной из держав, под которым прежде всего подразумевались расширение территории и увеличение иаселеиия, противостоящая ей держава (или державы) имела «законное право» на компеисацию. Цель поддержания «равновесия сил» сводилась к тому, чтобы не допустить главенства на контииеите одной державы, способной подчинить себе остальные. В случае создания такой ситуации интересом и даже «долгом» других держав, как писал аиглийский политический деятель первой половины XIX века лорд Брум, считалось объедииеиие, чтобы сломить силу страны, притязающей иа гегемонию[2]. «Равновесие сил» объявлялось гарантией мира, статус-кво и иезависимости отдельных стран, образующих «европейскую систему». Поддержанию «равновесия сил» должны были быть подчинеиы усилия дипломатии, формирование прочных или времеиных союзов в зависимости от степени постоянства возникающей угрозы. Эти союзы могли превращаться в воеииые коалиции, если дипломатические методы достижения цели оказывались иедостаточиыми и державы обращались к крайнему средству — войне.

Разумеется, экспаисиоиистская политика главных европейских держав постоянно нарушала достаточно ус-

◆

[2] E. V. Gulick, Europe's Classical Balance of Power, Ithaca (N. Y.), 1955, p. 11 a. o.

ловное равновесие, и требования его поддержания на практике оправдывали борьбу за бесконечную цепь взаимных «компенсаций». В результате «теория равновесия», призванная найти средства для обеспечения мира и государственного суверенитета, превращалась в удобное оправдание захватнических войн и аннексий.

От идеи, что государства вправе требовать компенсацию за территориальное расширение и соответствующее увеличение численности населения соседних стран, был один шаг до утверждения того, что подобных же возмещений следует добиваться в случае, если другие страны ломают устоявшееся соотношение сил вследствие ускоренного внутреннего развития. А этот, редко прямо формулируемый, но всегда подразумеваемый, принцип превращал «теорию равновесия сил» в удобное оправдание любых захватнических притязаний и действий.

Следующим шагом было обоснование с помощью этой же теории «права» на контрреволюционную интервенцию, что и было сделано реакционными идеологами и дипломатией в конце XVIII века. Этих проповедников интервенции ничуть не смущало, что самое «равновесие сил» считалось средством для сохранения государственной независимости, подрываемой иностранным вмешательством. Открытые реакционеры, типа Генца, утверждали, что революция, приводящая к насильственному свержению правительства, сопровождается «разрывом всех социальных связей» и самого «политического существования» государства[3], которое тем самым становится законным объектом интервенции. Однако и лидер английских вигов Генри Брум писал: «В случае, когда происходят неожиданные и большие перемены во внутренней структуре государства, в высшей степени опасные для всех его соседей, те имеют право попытаться путем враждебного вмешательства добиваться восстановления порядка, обеспечивающего их безопасность, или, по крайней мере, уравновесить активной агрессивной деятельностью (by active agression) новую неожиданно возникшую силу». Брум ссылался на пример Франции в 1790 году, «настолько явно угрожавшей безопасности соседних держав, что было бы несущественным рассмот-

[3] F. V. Gentz, Fragments on the Balance of Power, L., 1806, p. 112. Цит. по E. V. Gulick, Europe's Classical Balance of Power, p. 64.

реине обстоятельств, которые породили эту опасность» [4].

«Теория равновесия сил» использовалась европейской дипломатией в самых различных целях. В условиях эпохи Реставрации она применялась наряду с теорией легитимизма для отрицания идеи мирного сосуществования во всех тех случаях, когда это нужно было реакционным правительствам. А когда этого не требовалось, либеральная публицистика в XIX веке рекламировала эту же идею именно как средство для сосуществования. «Подлинное равновесие означает мирное сосуществование (friedliche Nebeneinanderstehen) различных государств»,— писал, например, известный немецкий социолог Блюнчли [5]. Куда более прав был известный эксперт по международному праву Г. Б. Оппенгейм, который писал, что «интервенция была оружием системы равновесия» («die Intervention war die Waffe des Gleichgewichts») [6]. Особенно широко использовалась «теория равновесия» в попытках оправдать подавление национальной освободительной борьбы европейских народов в годы действия Священного союза.

Идеологи Священного союза пытались представить его воплощением принципов мира и международного права.

Веками мысль человека билась над отысканием средства против войны — бича человечества, над созданием утопических в ту пору планов обеспечения постоянного мира [7]. Потребовалось немного времени, чтобы эти планы, если только они приобретали достаточную известность и авторитет, ставились на службу практической политики, иногда преследующей самые реакционные цели, вроде установления светского верховенства папства в средние века, или создания «универсальной» католической монархии в XVI столетии при Карле V и

◆

[4] H. Brougham, Works, L., 1855—1861, v. VIII, pp. 37—38.

[5] «Deutsche Staatswörterbuch» von Bluntschli und Brater. «Gleichgewicht».

[6] H. B. Oppenheim, System des Völkerrechts, Fr./M., 1845, S. 31 f.

[7] Например, F. H. Hinsley, Power and Pursuit of Peace. Theory and Practice of Relations between States, Cambr. (Mass.), 1963, p. 19 f.; «Проблемы войны и мира», под ред. Е. Д. Модржинской, М., 1967.

его преемнике Филиппе II (над этим немало потрудились, в частности, иезуиты).

Еще в эпоху Возрождения крупнейшие мыслители пытались дать объяснение и давно отмеченному народами различию между «оправданными» и «неоправданными» войнами. Наряду с теориями, утверждавшими справедливость лишь оборонительных войн, широкое хождение получило мнение, высказанное Маккиавели в его знаменитом «Принце», о том, что война — законное средство государственной политики.

Объявляя Священный союз гарантией всеобщего мира, его организаторы вместе с тем доказывали «законность» войн против революции, которая, по их словам, «нарушает» мир и порядок. Идеологи феодально-монархической реакции громко провозглашали право на вмешательство. Бональд в работе, опубликованной в 1815 году, всячески восхвалял контрреволюционную интервенцию, которая в конечном счете привела к реставрации Бурбонов. Независимость государства, писал Бональд, является благом до тех пор, пока это государство устраивает свои внутренние дела и отношения с другими странами в соответствии с правилами «религии, морали и политики», понимаемыми, разумеется, в феодально-реакционном смысле. Такая независимость становится злом, если на ней основывается право «все ниспровергать у себя и у своих соседей». В частной жизни никто не усомнится в праве общества помочь соседу, впавшему в безумие, даже если он и не желает принимать эту помощь. Такие же правила должны действовать и в отношениях между государствами. Единственное, в чем можно упрекнуть участников антиреволюционной коалиции против якобинской Франции, — это то, что они, руководствуясь узкими эгоистическими мотивами, слишком поздно пошли в сей «благородный крестовый поход великой христианской семьи».

Идеи Священного союза, его интервенционистские принципы Бональд объявлял соответствующими коренным интересам народов и общественного прогресса. «В Европе водворяется новое народное право, организуется истинно христианская республика; это, в буквальном смысле слова, все христианство соединяется во имя своих общих интересов; и, может быть, лишь те, для кого прогресс человеческого разума проявляется в какой-либо презренной брошюре, не видят в благородном сою-

зе держав самого замечательного события нашего времени» [8].

Фактическим главой европейской реакции стал австрийский канцлер Меттерних. Этот неглубокий, блестящий, легкомысленный и беспутный прожигатель жизни, тщеславный и властолюбивый аристократ оказался как раз тем человеком, в котором нуждалась монархия Габсбургов. Венское правительство, отлично умевшее натравливать нации друг на друга для укрепления своей власти, угнетало и эксплуатировало конгломерат различных народов, подпавших под иго Австрии («наибольшего паразита среди держав» по меткому определению Байрона). Эту политику «разделяй и властвуй» Австрия не раз успешно применяла и на международной арене, пытаясь дипломатической изворотливостью и коварством компенсировать многочисленные военные неудачи и внутреннюю слабость многонациональной, раздираемой внутренними противоречиями страны.

Меттерних был, несомненно, даровитым дипломатом. «Он хорошо лжет», — сказал о нем Наполеон. Князь обладал и большим умением найти общий язык с разнородными силами, составлявшими европейскую реакцию, — от римского папы до русского царя и от английских тори до главарей монархических шаек, терроризировавших мирное испанское население во время революции 1820—1823 годов. Он ухитрялся заставлять эти силы по возможности действовать в интересах австрийской монархии.

Правящие круги Австрии были стороной, наиболее заинтересованной в сохранении статус-кво, установленного трактатами 1815 года. Ведь все силы прогресса, национально-освободительные движения угрожали как привилегиям австрийского дворянства, так и самому существованию лоскутного государства, спаянного лишь военной силой и политической ловкостью правящих кругов. У каждого из главных европейских правительств, несмотря на их реакционный характер, имелись интересы, требовавшие нарушения существовавшего положения вещей. У Англии — ее торговые выгоды, побуждавшие, в частности, к признанию отделившихся испанских коло-

◆

[8] А. Н. Шебунин, Европейская контрреволюция в первой половине XIX века, стр. 132—133.

ний в Новом Свете; у Пруссии — стремление к объединению Германии под своей эгидой; у Франции — попытки восстановить свое положение в Европе, подорванное крушением наполеоновской империи; у России — ее политика в восточном вопросе и т. д. И напротив, осуществление всех или даже некоторых из этих планов и тенденций великих держав противоречили коренным интересам Австрии — будь то расширение прусского влияния в Германии или победоносное восстание при помощи России балканских славян и греков против турецкого ярма, которое неизбежно усилило бы освободительное движение славянских народов, входивших в состав габсбургской монархии.

Интересы европейской реакции в целом наиболее последовательно и до конца отвечали интересам австрийского дворянства, и политика австрийского канцлера Меттерниха стала наиболее полным воплощением европейской реакции.

Выступая одним из столпов этой реакции, Александр I в то же самое время, исходя из интересов правящих кругов России, нередко предпринимал действия, объективно противоречившие его политическим устремлениям и даже вступавшие в конфликт с планами Меттерниха сохранять неизменными абсолютистские порядки во всех итальянских государствах, с намерениями французских ультрароялистов полностью реставрировать старый порядок во Франции и т. д. (Это отмечают даже западноевропейские историки, пытающиеся переложить на одного Александра ответственность за реакционную политику Священного союза, умаляя роль других участников этого союза монархов против революции [9].)

Еще при реставрации во Франции Бурбонов, доставленных в обозе союзных армий, проявилось различие между тактикой Александра I, заигрывавшего с либерально-монархическими кругами, которые, по его мнению, только и могли укрепить трон Людовика XVIII, и Меттерниха, стремившегося восстановить почти в неизменном виде дореволюционный «старый порядок». Ограниченная монархическая конституция — хартия 1814 года, которая была провозглашена Людовиком XVIII, яв-

[9] Например, J. H. Pirenne, La Sainte-Alliance, v. II, Neuchatel, 1949, pp. 389—390.

лялась по своему происхождению прежде всего детищем «либеральных» маневров царя. Однако Меттерниху удалось в самых существенных пунктах изменить ее содержание, окрасив в более реакционные тона. Первоначально Александр I стремился даже придать внешне известный либеральный оттенок самому Священному союзу, изображая его братским единением монархов и народов ради взаимного блага и осуществления христианских идеалов. Под влиянием Меттерниха в окончательном тексте исчезли всякие следы этой либеральной фразеологии, особенно рассуждений о возможности изменения существовавших порядков. Взамен этого был провозглашен союз монархов во имя усиления их «отеческого» попечения о подданных, которое прежде всего подразумевало защиту их от всяких «разрушительных» идей[10]. В первые годы после наполеоновских войн «либерализм» Александра I был не только позой, но и попыткой одновременно укрепить с помощью отдельных реформ реставрированные монархические режимы и усилить влияние царя на политику этих государств. Преследование этой последней цели и определяло видимую непоследовательность царя.

Различные русские дипломаты и личные посланцы Александра I советовали в Германии монархам Баварии, Вюртемберга и Бадена ввести конституции. В «либеральном» духе действовал и посол Александра I в Париже Поццо ди Борго, а также русские представители в Италии. Напротив, в Испании царский посол граф Д. Татищев отнюдь не пытался предостерегать Фердинанда VII против реакционных неистовств его правительства и придворной камарильи.

Эти колебания санкт-петербургского кабинета отражали также противоречие между реакционными целями легитимизма и интересами русского государства даже в том их понимании, которое было свойственно в то время правящим классам царской России.

◆

[10] Например, W. Phillips, Confederation of Europe. A Study of the European Alliance, 1813—1823, L., 1913, pp. 7—9, 20—40, 148 f.; W. Schwarz, Die Heilige Allianz. Tragik eines europäischen Friedensbundes, Stuttgart, 1935, SS. 30—42, 48—61, 86—99; H. Schmalz, Versuche einer gesamteuropäischen Organisation, 1813—1820. Mit besonderer Berücksichtigung der Troppauer Interventionspolitik, Aarau, 1940, SS. 16—18.

В 1818—1819 годах революционное брожение в ряде европейских стран приняло широкие масштабы. Тревога реакционных идеологов достигла крайних пределов. Жозеф де Местр писал, что надвигается новая якобинская революция. Бональд был еще более напуган: «Приближается конец общества, если не конец света». Он считал, что конституционная хартия 1814 года — «порождение безумия и тьмы». Жена царского министра Нессельроде, прожившая год в Париже и выражавшая настроения французских ультрароялистов, не находила слов для осуждения короля за то, что он оставлял у власти правительство, считавшее необходимым сохранять хартию. Людовик XVIII, писала разгневанная графиня, «это наиболее презренный человек нашего века», «это старый бульдог, эгоист, обжора и брюзга», «это — первый якобинец.., он кончит с красным колпаком на голове».

Ф. Генц — в эти годы рупор Меттерниха — писал от имени австрийского правительства в ноябре 1818 года, что все без исключения страны переживают лихорадочное состояние. «Это борьба, это война не на жизнь, а на смерть между старыми и новыми принципами, между старым и новым общественным порядком. Благодаря роковому и почти неизбежному стечению обстоятельств реакция 1813 года, которая приостановила, но не покончила с революционным движением во Франции, пробудила его в других государствах. Все слои находятся в брожении, всем властям угрожает потеря равновесия; самые прочные учреждения потрясены в своих основаниях, подобно зданиям города, подвергнувшегося первым толчкам землетрясения, которое через мгновение все разрушит. Если в этом ужасающем кризисе главные монархи Европы не будут объединены общностью принципов и намерений.., мы все будем снесены в течение очень немногих лет»[1].

В начале 1820 года вспыхнула революция в Испании, за ней последовали революции в Неаполе и Пьемонте.

◆

[1] «Mémoires, documens et écrits divers laissés par le prince de Metternich», t. III, P., 1880, pp. 174—175.

Оии иашли большой отзвук по всей Европе. Пушкин, вспомииая об этом времени, писал:

«Давно лн ветхая Европа свирепела?
Надеждой иовою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал.
За Пиренеями давно ль судьбой иарода
Уж правила свобода,
И самовластие лишь Север укрывал?»

Особое зиачеиие приобрело в этих условиях демократическое движеиие в Аиглии. Большинство его участников составляли фабричные пролетарии и рабочие капиталистической домашией промышленности. Английские демократы резко выступали против Священиого союза — «союза деспотов»[2]. На митингах они решительио протестовали против поддержки с помощью английских штыков в коитииентальиой Европе абсолютистских порядков, «противиых духу британской конституции»[3]. Более того, выдвигались требования помощи иародам в борьбе против тираиов, создания свободиой Европы после свержеиия деспотического ига монархов Священного союза[4].

Аиглийские демократы выступали в защиту иародов Латииской Америки, боровшихся за иезависимость, позднее — испаиской революции 1820 года. В свою очередь, эти освободительные движения, по призианию такого осведомлеиного современника, как Р. Пиль (будущий премьер-министр), являлись серьезиым стимулом для усилеиия массового демократического движения в самой Аиглии[5]. Все это иакладывало серьезный отпечаток иа политику британского кабинета.

В реакциоиюм лагере, в феодально-монархических кругах Европы известие об испанской революции было воспринято как подтверждение самых пессимистических предсказаний. В докладе, составлеиим министерством иностраниых дел для Александра I 30 марта 1820 г., отмечалось, что все правительства видят опасиость революциоиного брожеиия в обоих полушариях, что это брожение является «следствием заговора, который люди, обу-

◆

[2] «The Black Dwarf», Sept. 24, 1817; Sept. 2, 1818; Sept. 16, 1818.
[3] «The Manchester Political Register», Jan. 18, 1817 (митинг в Престоне в декабре 1816 г.) и др.
[4] «Sherwin's Weekly Political Register», Oct. 17, 1818.
[5] «The Correspondence of the Late Right Honourable J. W. Croker», v. I, L., 1884, p. 170.

ченные в школе французской революции, тайно организуют для осуществления обширных и преступных намерений». К их числу относится желание уничтожить монархический образ правления, основанный на принципах морали и религии, и создать новый, базирующийся «на духе демократии и на системе так называемого национального представительства». Подрыв авторитета правительств в последнее время «неизменно вызывал стремление низших классов потребовать активного участия в законодательстве и общественном управлении». В докладе подчеркивалось, что иллюзии, вызванные военной победой в 1815 году, рассеялись: не удалось «прекратить ни революцию, ни распространение революционных воззрений»[6]. В этой связи царское правительство пыталось расширительно толковать договоры 1815 года, указывая, что они налагают на державы обязательства вести борьбу не только с революцией во Франции, но и вообще с революцией в любом месте[7]. Однако такая интерпретация не соответствовала интересам Англии и Австрии.

После победы революции в Мадриде первый призыв к вмешательству раздался из Португалии, которая находилась в конфликте с Испанией из-за южноамериканских проблем и хотела добиться гарантий своих интересов со стороны Священного союза. Этот призыв нашел благожелательный отклик в Берлине и особенно в Петербурге. Александр I высказался за интервенцию. Вместе с тем, продолжая свою прежнюю линию, он считал целесообразным, чтобы Фердинанд VII принял какое-то подобие французской хартии 1814 года, что, по мысли царя, примирило бы испанского короля и его подданных. Идея интервенции была одобрительно встречена в Париже, где правительство реставрации увидело в ней благоприятную возможность оказания помощи испанским Бурбонам, восстановления «традиционного» французского влияния в Испании, французского престижа в Европе и авторитета режима реставрации в самой Франции.

Однако большинство из этих целей противоречило британским интересам. Кроме того, торийский кабинет не считал возможным открыто одобрять идею интервенции, так как демократическое движение в самой Англии

◆

[6] АВПР, ф. Канц., д 2992, лл. 3—6.
[7] Там же, лл. 375—376.

резко осуждало Священный союз[8]. Еще в 1819 году Каслри разъяснил Меттерниху, что хотя британское правительство «всегда радо видеть уничтожение зародышей зла, оно не имеет возможности открыто выразить свое одобрение»[9]. Меттерних в этой связи грустно заметил: «В жизни людей, как и государств, существуют эпохи, когда слова являются делами, а молчание равнозначно манифестации»[10].

Выступив против французских планов, Лондон получил, как и следовало ожидать, полную поддержку Меттерниха, который в равной мере опасался и односторонней французской акции и коллективных действий держав, которые привели бы, по его мнению, к усилению влияния царской России.

Следует учесть и другую сторону проблемы. Возможность революции считалась особенно реальной в странах Западной Европы, географически отдаленных от России. После ухода русских войск из Франции участие царской армии в контрреволюционных интервенциях представлялось маловероятным прежде всего потому, что другие участники Священного союза непременно вначале использовали бы полностью все свои огромные военные ресурсы и только в том случае, если бы их оказалось недостаточно, обратились за помощью в Петербург. В этих условиях требование Александра I коллективных действий держав было по существу не призывом к интервенции (ни Меттерних, ни другие участники Священного союза не нуждались, чтобы их убеждали в желательности вооруженного вмешательства), а скорее попыткой царя контролировать деятельность контрреволюционной коалиции. И напротив, мнимые порой выступления Англии или даже Австрии против интервенции были лишь оппозицией к невыгодным для других держав «коллективистским» предложениям Александра I.

В этой обстановке британский министр Каслри в апреле 1820 года подготовил меморандум, в составлении которого, вероятно, участвовал и Джордж Каннинг, ставший позднее руководителем Форин офиса. Меморандум,

◆

[8] Автор подробно рассматривает эту проблему в монографии «Демократическое движение в Англии, 1816—1820», М., 1957.

[9] H. Nicolson, The Congress of Vienna, L., 1946, p. 268.

[10] W. Schwarz, Die Heilige Allianz. Tragik einer europäischen Friedensbundes, S. 168.

предназначавшийся вначале для английского кабинета, был потом по его решению с небольшими изменениями направлен иностранным дворам как изложение точки зрения Лондона. В британском меморандуме разъяснялось, что интервенция имеет оправдание лишь в случае, когда для других держав существует прямая и непосредственная опасность со стороны государства, в котором произошла революция. Много раз буржуазные историки пытались доказать, что в меморандуме Каслри провозглашался, пусть в осторожной форме, принцип невмешательства. На деле же он заключал нечто совершенно противоположное: формулу, дававшую предлог Англии участвовать в выгодных для нее интервенциях и накладывать вето на те случаи вмешательства, которые противоречили ее интересам. Ведь британский кабинет по существу оставлял за собой «право» решать, когда существует, а когда отсутствует «прямая и непосредственная опасность», оправдывающая вооруженное вторжение. Более того, Каслри не возражал против расширения первоначальных задач союза великих держав, созданного в 1815 году, то есть шел навстречу предложению использовать союз как руководящий орган интервенции, но только лишь в случае, если возникнет эта «опасность» (точнее говоря, если Англия будет считать ее существующей) [11].

К достижению такого положения вели и пространные рассуждения о том, что интервенция «всегда является исключительно (the greatest possible) деликатным вопросом в моральном и политическом отношении», что его непрактично было бы решать на основе заранее установленных абстрактных принципов, особенно предусматривающих механическое коллективное вмешательство держав, не говоря уже о том, что западные правительства связаны волей парламентов и общественным мнением и т. д. [12]

В чем заключался подлинный смысл рассуждений Каслри, вскоре было продемонстрировано английской политикой в отношении неаполитанской революции, вспыхнувшей в начале июля 1820 года. Меморандум был написан в апреле, когда речь шла об интервенции против

◆

[11] C. K. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh 1815—1822. Britain and the European Alliance, L., 1925, pp. 238—239.
[12] Ibid., pp. 239—240.

испаиской революции, которую в Лоидоие считали несвоевремеииой и даже в тот момент противоречившей — во всяком случае в виде коллективной акции великих держав — важиым британским иитересам. Именно этим и определялись философствования Каслри на тему, что испаицы ие любят вообще иностраицев, особеиио французов (главную массу интервенционистских войск мог предоставить только Париж), что иноземное вмешательство усилит крайнюю партию за счет умеренных и тому подобное. Поскольку дело шло о Неаполе, реакция Каслри, как мы убедимся ииже, оказалась совершеиио иной.

„Первый европеец"

Новейшая буржуазиая историография рисует Меттерниха «первым европейцем», радетелем интересов старого коитинента и предтечей авторов планов «объедииения Европы». На деле меттерниховские заботы об Европе были просто формой отстаиваиия интересов Австрии в борьбе против революции. Особенно ярко это проявилось, когда развернулись революционые события в Испании и итальянских государствах, столь обеспокоившие «первого европейца».

Аиализируя обстановку еще накануне получения известий о победе революции в Испании, Меттерних в письме к австрийскому послу в Петербурге Лебцелтериу 19 марта 1820 г. выражал серьезную тревогу [1]. В письме от 25 апреля Меттерних указывал, что начавшиеся революционные выступления на Пиренейском полуострове окажут большое влияиие на Францию и Италию. Если революционный ураган прорвется и в Германию, то, по миению Меттерниха, погибнут основы цивилизации. Вместе с тем до поры до времени канцлер занял позицию настороженного выжидания, которую прикрывал риторикой иасчет того, что своей мудростью и осмотрительиостью «монархи главных государств Европы вписывают теперь самые прекрасиые страницы в историю» [2]. Вместе с тем, учитывая отдаленность Испании и опасаясь роста вли-

◆

[1] АВПР, ф. Канц., д. 241, лл. 149–150.
[2] Там же, лл. 205—207, 210.

яния царя в случае проведеиия активиой политики подавлеиия нспаиской революции, Меттерних предпочитал следовать лииии, намечеииой Каслрн. С изворотливостью угря этот присяжиый идеолог интервенции вдруг заговорил о нецелесообразности чужеземного вмешательства. В пнсьме к Лебцелтерну от 24 мая 1820 г., сравинвая создавшееся положенне с ситуацией 1789 года, Меттериих писал: «Европа иаходится иа вулкаие». Вместе с тем канцлер не только повторял, что Испаиию иельзя «верiуть к спокойствию» с помощью иностраниого вмешательства, но даже дошел до разъяснеиия иецелесообразностн ннтервенцин вообще. Он так прямо н заявлял: «Я счнтаю, что могу ограиичиться обращеиием к историн всех стран н всех революций, дабы оттуда почерпиуть убежденне, что *действия иностраицев никогда ии прностанавлнвали, ии упорядочнвалн результаты революции»*[3]. Меттерних подчеркнвал в эти дин, что союз четырех держав, осиоваиный иа строго сформулированных договорах, не имеет иикакого отношення к испанскнм делам. В частиом порядке Меттериих даже уверял, что царское предложеиие обсудить положенне в Испаннн — просто ловкий маневр «либерала», русского министра иностраииых дел Каподистрия, пытавшегося, выдвнгая заведомо непрнемлемые предложеиия, убедить царя в неэффективностн Священиого союза.

В то же время канцлер постарался успоконть и Александра I (который, с точкн зрення Меттерннха, обиаружнл отрадные прнзнаки отказа от прежиих «лнберальных» увлечеиий), уверяя, что план нитервенцнн против Испаннн натолкнулся бы на непреодолимые трудиости из-за враждебиого отиошения Англни.

В течение нескольких месяцев Меттерннху казалось, что его полнтика, рассчнтаииая на то, чтобы дать испаиской революцнн «выгореть» в пределах собственных граннц, произвела нужный эффект. Однако вспыхнувшая в июле 1820 года революцня в Неаполе ие только разом опрокннула все этн хитроумные расчеты австрнйского канцлера, но н заставнла его круто нзменнть тактику. О близорукости европейской реакцнн свидетельствует хотя бы то, что даже многоопытный Меттерннх, постояи-

◆

[3] АВПР, ф. Канц., д. 241, лл. 249—250.

но поучавший монархов относительно опасности революционного взрыва, оказался совершенно неподготовленным к известиям из Неаполя. В 1819 году Меттерних и император Франц I, совершая своего рода инспекционную поездку по итальянским государствам, посетили Неаполь и дали себя убедить, что на юге Италии царят мир и спокойствие. В этом их пытался уверить австрийский посол в Неаполе князь Яблоновский уже после начала испанской революции, произведшей большое впечатление на южную Италию, в течение нескольких столетий тесно связанную с Испанией и управляемую другой ветвью династии Бурбонов. Яблоновский еще в апреле 1820 года писал, что народ спокоен, а правительство «придерживается твердого и мудрого курса. Народ наслаждается в большей степени реальным благоденствием, чем в любую другую эпоху, и признает добрые намерения короля» [4].

Царский посол в Неаполе Штакельберг прямо подчеркивал полную неожиданность революции для иностранных дипломатов [5].

Известие о неаполитанской революции ошеломило Меттерниха. «Современное общество убедилось в своей предстоящей гибели,— утверждал он.— Ничто ни в моральном, ни в материальном мире не остается спокойным...» В письме к царю Александру I он добавлял: «Требуются карантины и огонь». В меморандуме, адресованном итальянским правительствам, австрийский канцлер писал: «Нужно признать, что если бесконечное совершенствование рода человеческого — пустая мечта, то неправильным было бы распространять этот вывод на бесконечное совершенствование революций и средств, которые ими используются». Глава австрийского правительства доказывал, что утверждение, будто революции являются неизбежным порождением духа времени, — просто выдумка революционеров, которая получила хождение вследствие легковерия толпы. «Триумф одной революции, произведенной и руководимой тайным союзом, — заключал Меттерних, — будет смертным приговором для всех правительств» [6].

◆

[4] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, Austin (Texas), 1962, p. 32.
[5] АВПР, ф. Канц., д. 8316, л. 190.
[6] W. Schwarz, Die Heilige Allianz. Tragik eines europäischen Friedensbundes, SS. 188—189.

Неаполитанская революция имела много сходного с испанской. Существовало немало общего в социально-политических и культурных условиях, государственном строе обеих стран, судьбы которых тесно переплетались на протяжении многих столетий. И в Мадриде, и в Неаполе правили ветви той же королевской династии Бурбонов. В обеих революциях инициативу действий взяли на себя революционные элементы армии. Вместе с тем было и одно важное отличие, которое на первых порах предопределило разное отношение Меттерниха, а вслед за ним, в силу цепной реакции, позицию других держав. В отличие от испанской революции 1820 года неаполитанская в потенции носила с самого начала национально-освободительный характер. Она была направлена на борьбу за свободу и единство Италии.

В отношении Неаполя Меттерних ни на минуту не предполагал проводить линию, которой он столь нравоучительно рекомендовал придерживаться в испанском вопросе, так как дело касалось сохранения австрийской гегемонии на Апеннинском полуострове. Под угрозой оказалось владычество Габсбургов в Северной Италии, которое поддерживалось с помощью штыков и тюрем. Меттерних поспешил объявить, что революция ведет к «якобинизму», анархии, что «кровь потечет потоками», неаполитанцев он именовал народом, находившимся в состоянии полнейшего невежества, «полуварварами».

Однако революция одержала победу с исключительной легкостью. Армия в течение нескольких дней перешла на сторону восставших. Правительство, ставшее у власти в результате революции, состояло из дворян и верхушки буржуазии — конституционных монархистов (в прошлом сторонников Мюрата, наполеоновского маршала, который с 1808 по 1814 г. был королем Неаполя) и не включало в свой состав ни одного революционера-карбонария. Это правительство пыталось занимать крайне примирительную позицию в отношении иностранных держав, отмежевываясь от планов распространения революции на всю Италию, к чему стремились карбонарии. Министр иностранных дел герцог Кампокьяро, пытаясь достигнуть соглашения с Веной, тщательно выплачивал проценты по австрийскому долгу, запретил газету, нападавшую на политику Австрии. Он подчеркивал строгое невмешательство в дела других итальянских государств, даже в отношении папских владений Беневенто и Понтекорво, со

всех сторон окруженных неаполитанской территорией. Компокьяро готов был даже согласиться на вмешательство великих держав для подавления революционных группировок и утверждения «умеренного» правительственного курса. Все было напрасно. 28 августа Меттерних предложил, чтобы великие державы приняли заявление, в котором указывалось: «Восстание в Неаполе создает и влечет за собой угрозу для всех форм правления и тем самым для цивилизации в целом»[7].

Меттерних получал от австрийского поверенного в делах в Неаполе графа де Менца довольно объективные отчеты о положении в стране. Менц считал, что в случае, если не последует иностранное вмешательство, новый режим имеет все шансы укрепиться на длительный срок, поскольку революция была делом народа, а абсолютизм неаполитанских Бурбонов, административный произвол и репрессии вызвали широкое недовольство и убеждение в необходимости конституции. Следует добавить, что царский посол Штакельберг в своих донесениях в августе 1820 года подчеркивал ненависть неаполитанского населения к австрийцам, порождавшую надежды нового правительства с помощью России и Англии предупредить интервенцию Австрии[8].

Получая известия о консолидации нового режима, Меттерних громогласно заявлял, что население Неаполя, ранее пользовавшееся просвещенным отеческим попечением короля, подпало под власть банды преступников, что революция «объявила законом анархию» и ведет терроризованную страну к неизбежной гибели[9]. Средством спасения должен был стать организованный извне контрреволюционный переворот, а в случае его неудачи — вооруженная интервенция. Благо, что для этого существует даже удобный юридический предлог: по секретному австро-неаполитанскому договору от 12 июня 1815 г. Фердинанд I обязался не проводить никаких изменений в образе правления своим королевством, которые были бы несовместимы с... формой управления Ломбардо-Венецианской областью, то есть австрийскими владениями в Италии. Революция представляла собой явное

◆

[7] АВПР, ф. Канц., д. 38, л. 10.
[8] Там же, д. 8317, лл. 193—194, 205.
[9] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, pp. 38—40.

«нарушение» этого договора; она ведь была, по мнению Меттерниха, совершенно «несовместима» с австрийским владычеством в Италии.

Возможности неаполитанской реакции, как выяснилось очень скоро, были столь ограничены, что даже при активной поддержке из-за границы она никак не могла рассчитывать вернуть власть собственными силами. Быстро поняв это, Меттерних сделал ставку на интервенцию. Однако подготовка к ней потребовала немало дипломатической изворотливости австрийского канцлера.

Австрия и думать не могла осуществлять интервенцию, не обеспечив себе крепкие дипломатические тылы. Она стремилась добиться согласия на вмешательство Вены со стороны хотя бы части великих держав и более или менее благожелательного нейтралитета остальных. («Убедить» малые германские и итальянские государства в желательности интервенции не составляло труда.) Ключевое значение имела позиция двух держав — России и Англии.

Собственно говоря, нечего было опасаться принципиальных возражений против интервенции ни от царя, ни от британского кабинета. Вопрос скорее шел о форме, в какой она должна была осуществляться. Меттерних учитывал, что Александр I не упустит возможности выступить в защиту столь выгодного для него «коллективизма». Зная об отрицательном отношении царя к тайным соглашениям, которые подрывали значение общих решений Венского конгресса, оформивших союз четырех держав, Меттерних решил пока не упоминать в переговорах с Петербургом о существовании секретного австро-неаполитанского договора. В переговорах же с Англией он решил прежде всего опираться на этот договор. Канцлеру было отлично известно, что Англия считала выгодным для себя сохранение австрийской гегемонии в Италии и, следовательно, не имела ничего против секретных соглашений Вены с отдельными итальянскими дворами, которые укрепляли бы это преобладание Габсбургов на Апеннинском полуострове. Английское правительство, выступавшее против царских «общих принципов» и коллективных акций, могло одобрить австрийскую интервенцию как особые действия Вены в пределах ее сферы влияния, не являвшиеся поэтому прецедентом для других случаев. После получения согласия России и Австрии Меттерниху было бы уже нетрудно добиться невмеша-

тельства Франции и тем более Пруссии, король которой Фридрих-Вильгельм III и его министры в эти месяцы находились в отчаянном страхе перед революцией в их собственной стране [10]. Осенью 1820 года русская дипломатия констатировала: «Пруссия не имеет мнения, отличного от Австрии» [11].

Быстрее всего Меттерних добился благоприятного ответа от британского правительства, изображавшего себя противником интервенций. Как узнал с удовольствием Меттерних, Каслри, получив известие о революции, воскликнул с негодованием, что она «направлена против безупречного правительства» [12]. Английский министр поспешил заявить, что «вряд ли можно сомневаться в праве ее (Австрии. — *Е. Ч.*) вторгнуться в королевство Неаполь и рассеять войска мятежников» [13]. Британский кабинет сразу же признал право Вены на вооруженную интервенцию, если Меттерних сочтет, что неаполитанская революция угрожает австрийским владениям на Апеннинском полуострове. Английские министры наперебой уверяли австрийского посла Эстергази в сочувствии интервенции. «Пришло время преподать урок», — заявил, например, с прямотой солдафона герцог Веллингтон и добавил, что 80 тыс. солдат достаточно, чтобы обеспечить успех [14]. Эта настойчивость имела, помимо всего прочего, ту причину, что в Лондоне желали односторонней австрийской интервенции, а не коллективного вмешательства, за которым для британского правительства всегда маячила перспектива возрастания влияния Александра I. Каслри стремился поэтому рассматривать неаполитанскую проблему как специальный итальянский, а не общеевропейский вопрос, а Неаполь — как сферу интересов Австрии, а не объект совместных действий союзных держав.

В докладе, составленном русским министерством иностранных дел для Александра I, делался вывод, что Лондон одобрил «все меры, которые Австрия предпримет

◆

[10] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, pp. 45—47.

[11] АВПР, ф. Канц., д. 2992, л. 376.

[12] Ch. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1822. Britain and the European Alliance.

[13] W. Schwarz, Die Heilige Allianz. Tragik eines europäischen Friedensbundes, S. 189.

[14] C. K. Webster, The Foreign Policy of Castlereagh 1812—1822. Britain and the European Alliance, pp. 260—263.

в Италии», и что, по мнению Каслри, в отличие от испанской революции неаполитанская «требует иностранной интервенции» [15].

Стремясь закрепить торийский кабинет на этой «принципиальной» позиции, Меттерних усиленно подчеркивал «особый» характер неаполитанской революции. В письме к князю Эстергази 11 сентября 1820 г. он писал: «Революция в этом королевстве не похожа ни на какую другую. Даже испанская революция имела цель и известные причины. Подрывные действия, которые осуществляет некая секта в Неаполе и которые были поддержаны определенной группой в армии и несколькими честолюбцами, не имели никакой признанной цели, кроме как просто разрушения. Призрак испанской конституции, которую даже ее главные разносчики, по собственному их признанию, не читали до ее провозглашения (это исторический факт), являлся только предлогом...» [16]. В Лондоне эти высказывания Меттерниха воспринимались вполне серьезно и с живой симпатией.

Значительно сложнее, с точки зрения Вены, обстояло дело с Александром I, тем более, что Франция так же, как и царь, стремилась объявить, что неаполитанская революция затрагивает интересы «Европы» в целом, то есть всех великих держав. Однако, если бы удалось договориться с царем, Меттерниху нечего было бы беспокоиться об оппозиции французского правительства Ришелье, желавшего, кроме всего прочего, укрепить престиж режима реставрации, вступая в противоборство с одной из великих держав, входившей в число победительниц в 1815 году.

Однако каким образом можно было договориться с царем, желавшим до известной степени сдерживать и контролировать австрийское преобладание в Италии? Александр дал бы согласие лишь при условии, что будет принята его излюбленная идея «коллективных действий», которая мало устраивала венский кабинет. И главное, она вызвала бы оппозицию Англии, с которой у Меттерниха возникло столь приятное согласие. Иначе говоря, Александр I был готов предоставить Австрии возможность действовать только как «уполномоченному Европы»

◆

[15] АВПР, ф. Канц., д. 2992, лл. 28—29.
[16] Там же, д. 238, л. 27.

и под ее контролем, тогда как торийский кабинет давал эту санкцию лишь в случае, если «Европа» не будет иметь отношения к намеченной карательной экспедиции против Неаполя. Лисьей изворотливости «первого европейца» предстояло выдержать, таким образом, нелегкое испытание. Первоначально он попытался найти какую-либо компромиссную формулу, умерив требования царя и заманив Каслри на конференцию великих держав, призванную принять решение по неаполитанскому вопросу. На этой конференции, медоточиво уверял Меттерних, англичанам можно будет лишь снова поддержать общие принципы 1815 года, которые ни одна из великих держав не ставила под сомнение. А что касается Неаполя, так ведь там предстоит чисто «полицейская акция», которая не является делом коалиции и не должна расстраивать общего согласия великих держав относительно необходимости подавления этого мятежа [17].

Однако британская дипломатия не дала заманить себя в капкан, и Меттерниху пришлось выбирать между Каслри и царем. Не колеблясь особенно, канцлер предпочел царя, без согласия которого все планы интервенции ставились под вопрос. Он надеялся, что оппозиция Лондона будет достаточно вялой, и в самом худшем случае британский кабинет ограничится словесным неодобрением (к тому же призванным более всего успокоить растущее недовольство британского общественного мнения «подчинением» Англии политике континентальных держав). Меттерних решил, что выгоды соглашения с Александром перевешивали даже угрозу открытого разрыва и без того подточенного союза пяти — после включения Франции — держав. А возможность наладить позднее сотрудничество с Англией на антирусской основе, конечно, представится еще не раз!

Выбор Меттерниха в пользу соглашения с царем решил вопрос о созыве конгресса Священного союза. Сначала Вена для успокоения Англии попыталась придать ему менее обязывающий характер встречи двух императоров. Однако, по инициативе Александра, на встречу решил явиться и прусский король Фридрих-Вильгельм III. Французское правительство ранее занимало позицию,

◆

[17] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, pp. 53—54.

близкую к той, на которой стоял царь. Летом 1820 года положение изменилось. Под влиянием внутренних затруднений (особенно после раскрытия бонапартистского заговора против Бурбонов в августе 1820 г.) французский кабинет решил не связывать себя открыто с интервенцией против Неаполя, чему способствовали также традиционное соперничество с Австрией и опасения испортить отношения с Лондоном. В результате Франция, как и Англия, перешла на позицию «наблюдателя». Английские и французские дипломаты были направлены на конгресс без полномочия соглашаться на какие-либо принятые там решения. В своих инструкциях лорду Стюарту во время заседаний конгресса в Троппау Каслри подчеркивал, что Англия предостерегает другие державы от попытки «вывести абстрактное правило, определяющее возможные случаи вмешательства во внутренние дела других государств» [18]. Иначе говоря, каждый «случай» возможной интервенции Англия предпочитала разбирать в отдельности, в зависимости от своих интересов.

А римский престол счел временно полезным для себя объявить о нейтралитете, полагая, что это будет выигрышем с моральной стороны и, что не менее важно, предотвратит наступление неаполитанских войск против слабо защищенных папских владений [19]. Но все это уже не могло существенно повлиять на общий ход переговоров на конгрессе.

Заседания конгресса в Троппау начались 23 октября 1820 г.

Идя на соглашение с Александром I ценой разрыва с Англией, Меттерних при этом надеялся придать царскому «коллективизму» такую форму, которая, вопреки надеждам Петербурга, практически не связывала бы действия Австрии ни в сокрушении революции в Неаполе, ни в создании там правительства по своему вкусу. В меморандуме, представленном при открытии конференции в Троппау, Меттерних постарался доказать, что право на интервенцию не противоречит принципу уважения государственного суверенитета. «1. Ни одно государство, — указывалось в меморандуме, — не имеет права вмеша-

◆

[18] W. A. Phillips, The Confederation of Europe. A Study of the European Alliance, 1813—1823, p. 224.

[19] J. H. Brady, Rome and Neapolitan Revolution of 1820—1821. A Study in Papal Neutrality, N. Y., 1937.

тельства во внутренние дела независимой страны, пока они не оказывают влияния, выходящего за ее границы; 2) в силу этого каждое государство имеет право признавать или не признавать изменения в форме правления другого государства, даже право вмешиваться или не вмешиваться, если указанные изменения угрожают его жизненным интересам и основам существования»[20]. В меморандуме подчеркивалось, что необходимо сохранять в неприкосновенности систему договоров, созданную в 1815 году, иначе говоря, объявлялось для успокоения других держав, что Австрия не имеет намерений расширять территорию своих владений в Италии. Согласно другому «принципу», Австрия наделялась «бесспорным правом на интервенцию», основанным как на порочности, внутренне присущей революции и вызываемой ею угрозе, так и на «обращениях и протестах законного монарха». Еще один принцип относился к методам и целям интервенции. Меттерних различал два метода: негативный — непризнание и моральное осуждение революции, в котором должны были участвовать все великие державы, и позитивный — прямое действие, которое Австрия должна осуществлять в одиночку, но опираясь на поддержку своих партнеров. Единственной целью интервенции объявлялось восстановление абсолютной власти Фердинанда I, для поддержания которой Австрия за счет Неаполя должна будет содержать оккупационные войска («иностранную опекунскую армию», как деликатно именовал ее сановный автор меморандума)[21].

В ответ царский министр иностранных дел Каподистрия 2 ноября представил свой меморандум, в котором объявлялось, во-первых, что каждая революция представляет собой угрозу всем державам и, во-вторых, что она требует поэтому их совместного вмешательства. Если первое положение, как ни хотел Меттерних избавиться от отягощавших его царских «генерализаций», было все же совместимо с австрийскими планами, то второй пункт прямо противоречил намерению Вены единолично расправиться с неаполитанской революцией. Тем более, что

◆

[20] H. W. Schmalz, Versuche einer gesamteuropäischen Organisation, 1813—1820. Mit besonderer Berücksichtigung der Troppauer Interventionspolitik, SS. 70—71.

[21] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, pp. 63—64.

Каподистрия предлагал, чтобы союзные державы, прежде чем начать интервенцию, попытались договориться с Фердинандом относительно будущего устройства его королевства, которое вдобавок мыслилось как утверждение конституционно-монархических начал, подобно тем, которые были зафиксированы во французской хартии 1814 года[22].

Австрийская дипломатия с крайним недовольством встретила меморандум Каподистрия, однако в сложившихся условиях Меттерниху не оставалось другого выбора, как попытаться убедить Александра отказаться по крайней мере от тех положений этого документа, которые были совершенно неприемлемы для организаторов австрийской интервенции. Меттерних спекулировал и на желании Александра I не допустить открытого разрыва с другими участниками Священного союза, а также на том, что план Каподистрия якобы приведет к укреплению духа возмущения в Европе. Князь даже угрожал сепаратными действиями Австрии, если она не найдет «понимания» со стороны других держав в столь жизненно важном для нее вопросе, как неаполитанский. Показывая образцы словесной эквилибристики, Меттерних уверял, что переговоры с Фердинандом I будут представлять собой недопустимое вмешательство во внутренние дела и что интервенция должна иметь исключительно цель восстановления легитимной власти короля. Австрийский канцлер напоминал царю, что ни Австрия, ни Россия не являются конституционными государствами, и поэтому им не пристало рекомендовать другим странам вступать на путь парламентаризма.

Князь, как и ранее, усердно наушничал царю на его министра иностранных дел, именуя его «афинским софистом», «полным безумцем». Меттерниху не раз сопутствовал успех — Александр I давно уже и сам считал опасным прежнее заигрывание с либеральными тенденциями в Европе. Отмечая полезное влияние на императора интимных бесед за стаканом чая, Меттерних писал: «О, если бы этот ароматный напиток мог сделать Каподистрию рассудительным, боже, сколько чаю я бы выписал из Китая!».

◆

[22] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, pp. 65—66.

В конечном счете Меттерних предлагал признать в принципе царские «генерализации» о праве на интервенцию, если Александр I согласится на единоличное австрийское вмешательство.

Договорившись в главном по этим вопросам с царем, Меттерних приступил к обсуждению проблемы будущего государственного устройства Неаполя. Князь считал необходимым положить в основу принцип легитимизма, при этом глава австрийского правительства разъяснял, что любое, пусть самое благое начинание превратится в нетерпимое зло, если оно берет начало от революции. «Благо, проистекающее из ложной основы (а подобное может случиться во время потрясений), — писал Меттерних, — является весьма реальным злом для всего общества... Таким образом, строй, который может быть наиболее благоприятным для процветания неаполитанского королевства, если он явится прямым и непосредственным следствием преступного предприятия группировок, объединившихся для погибели своей страны, должен рассматриваться как огромное зло для Европы»[23]. Поэтому любое государственное устройство, связанное с революцией, будет гибельным примером для других стран и смертным приговором для легитимных правительств. Таким образом, самое важное — не создать хорошую администрацию для Неаполя, а сокрушить революцию, вытравить все ее следы в интересах легитимных правительств всей Европы. На основании этих положений, а также условий Неаполя Меттерних заранее исключал любую форму парламентского правления. Он заявлял, что, поскольку эта форма не соответствует итальянскому характеру и несовместима со спокойствием Европы, Австрия «решила не допускать утверждения такой (конституционной. — *Е. Ч.*) системы ни в одном из государств полуострова»[24]. Меттерних подчеркивал, что именно Австрия должна давать санкцию на форму будущего государственного устройства Неаполя.

Добившись согласия на свои главные домогательства, Меттерних пошел еще дальше, чем царь, в прокламировании «принципов» интервенции. Вместе с тем Меттерних старался уверить британских дипломатов в противопо-

◆

[23] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, p. 76.
[24] Ibid., pp. 77—78.

ложном. Чтобы облегчить положение английского кабинета, подвергавшегося атакам со стороны либеральной оппозиции за капитуляцию перед Священным союзом, Меттерних разъяснял в письме к Эстергази 24 ноября 1820 г., что революция в Европе угрожает «всем тронам, всем конституциям, всем правам и всем свободам»[25].

Надо заметить, что оппозиция Меттерниха «коллективизму» была очень ограниченной. Ведь если, с одной стороны, он таил возможность усиления влияния царской России, чего никак не хотел допускать канцлер, то с другой — заключал в себе дополнительную «гарантию» от распространения революции, предотвратить которую стремилась австрийская политика. Меттерних к тому же, рассчитывая на свою дипломатическую изворотливость, полагал возможным придать этому «коллективизму» такую форму, которая вполне устраивала бы венский двор. По существу многое в меттерниховской оппозиции определялось желанием превратить ее в одну из основ австро-английского сближения на антирусской основе. Однако, когда для подавления неаполитанской революции потребовалось согласие царя, а за него пришлось заплатить дипломатическими уступками, не приемлемыми для Англии, у Меттерниха отпали главные мотивы для противодействия «коллективизму» и он даже решил использовать его до конца в интересах Вены.

Так родился австрийский проект гарантийного пакта против революций, представленный державам на последнем этапе заседаний конгресса в Троппау. В меморандуме, составленном Генцем, предлагалось проводить различие между незаконными и законными революциями (под последними подразумевались значительные конституционные изменения, осуществляемые самой легитимной властью), а также между революциями, оказывающими и не оказывающими воздействие на соседние государства. На этом основании Генц в меморандуме от 28 ноября сформулировал «Принципы интервенции»:

«1. Все революции, совершенные узурпированной властью или в явно незаконных формах и в еще большей степени все революции, начатые и осуществленные преступными средствами, должны уже тем самым, вне зависимости от их характера, течения и результатов, являться объектом оправданной и законной интервенции

[25] АВПР, ф. Канц. д. 238, л. 101.

иностранных государств». Впрочем, и в случае осуществления революции «сверху», то есть законной властью, интервенция может быть вполне оправдана, если эта революция угрожает интересам соседних стран. Наконец, в отношении «нелегальной» революции, показывающей к тому же дурной пример соседним странам, «право интервенции достигает максимальной силы»[26]. Меттерних, таким образом, подумывал о провозглашении «права» на интервенции с целью не допускать реформ, неугодных Священному союзу. Правда, и австрийский канцлер не рискнул прямо выдвигать такой тезис (принятие которого было бы равносильно полному отрицанию государственного суверенитета всех европейских стран), предлагая его лишь как предмет для размышлений. В конечном счете австрийский «Акт о гарантии», который включал все эти принципы интервенции, не был принят главным образом вследствие возражений со стороны России, которую не устраивали многие из включенных в него статей. Вместе с тем Меттерниху удалось отклонить принятие конгрессом решений в отношении испанской и португальской революций, что могло бы окончательно поссорить Вену с Лондоном. Не имея возможности привести «принципиальные» доводы против обсуждения этих вопросов, Меттерних ловко сослался на нецелесообразность подобного обсуждения, поскольку, в отличие от неаполитанского вопроса, восточные державы не в состоянии подкрепить свои решения вооруженной интервенцией.

Державы, подписавшие протоколы конгресса в Троппау, претендовали на то, чтобы говорить от имени Европы. На деле они не могли выступать даже от имени большинства европейских правительств. Между прочим, Меттерних еще ранее, в сентябре 1820 года, оказал давление на Нидерланды, выразившие намерение признать новое правительство Неаполя[26a].

В соответствии с рекомендацией Меттерниха конгресс в Троппау направил приглашение Фердинанду I принять участие в его заседаниях. Это приглашение, переданное 6 декабря королю послами восточных держав и призван-

◆

[26] H. W. Schmalz, Versuche einer gesamteuropäischen Organisation 1813—1820. Mit besonderer Berücksichtigung der Troppauer Interventionspolitik, S. 86.

[26a] АВПР, ф. Канц., д. 238, л. 33.

ное освободить его от контроля революционного народа, было по существу прелюдией к интервенции. Одновременно австрийский повереииый в делах Менц получил секретное извещение, что если революционеры не позволят Фердинанду отбыть на конгресс, Австрия будет считать каждого неаполитанца ответственным за безопасность королевской семьи.

В самом Неаполе развернулась напряженная политическая борьба между умеренными, все еще надеявшимися дальнейшими уступками добиться соглашения со Священным союзом, и радикалами, справедливо считавшими, что никакой компромисс невозможен, что нужно отстаивать конституцию и готовиться к борьбе против угрожавшего иноземного нашествия. В этой обстановке ничтожный трус на троне оказался верным себе. Сначала он, по совету умеренных, предложил парламенту изменить конституцию в резко консервативном духе. Это предложение было решительно отвергнуто под давлением карбонариев. Тогда Фердинанд начал забрасывать парламент посланиями, содержавшими торжественные клятвы верности конституции. На основе этих клятв парламент дал разрешение королю отправиться на конгресс. Разумеется, как только Фердинанд оказался за пределами неаполитанских границ, в Ливорно, он немедленно отрекся от всех данных им обещаний и объявил о восстановлении королевского абсолютизма.

Теперь в Лейбахе, где 11 января 1821 г. возобновились заседания конгресса Священного союза, предстояло лишь договориться о еще оставшихся нерешенными деталях. Фердинанд обратился за помощью к конгрессу, а прибывшего в Лейбах министра иностранных дел Неаполя герцога Галло допустили на заседание лишь для того, чтобы объявить о решимости короля уничтожить конституцию.

Как и следовало ожидать, позиция западных держав не нарушила дипломатическую подготовку интервенции. Франция оказалась даже более склонной к сотрудничеству, чем рассчитывал Меттерних. Что касается Англии, то, хотя Каслри, атакуемый оппозицией, и был вынужден разослать циркулярное письмо всем британским дипломатическим представителям, в котором он отстаивал английский вариант политики интервенции, но дальше этого дело не пошло. А последовавшие дебаты английского парламента, во время которых и торийские и виг-

ские ораторы указывали, что, мол, неплохо было бы, если Фердинанд согласится на введение умеренной конституции, так и остались чистой словесностью.

Меттерних стремился добиться капитуляции неаполитанского правительства без борьбы. По заранее разработанному плану Фердинанд послал в Неаполь своему сыну, ставшему регентом, два письма, составленных Меттернихом. В первом письме, предназначенном для публикации, король для спасения лица заявлял, что он не мог сдержать клятвы, данные парламенту, поскольку союзные правительства твердо решили покончить с революцией и получить нужные гарантии создания стабильного правительства. В этом письме сознательно не упоминалось о намерении Австрии оккупировать Неаполь. Во втором, конфиденциальном, письме Фердинанд писал о предстоящем австрийском вторжении. Об этом же конгресс известил правительства итальянских государств. Конгресс заслушал представителя Фердинанда, кардинала Руффо, сообщившего о планах короля относительно будущей системы управления. Этот документ, также созданный под диктовку Меттерниха, не встретил никаких возражений. Единственным свидетельством былой «либеральной» тактики Александра I оказалась лишь выраженная русской делегацией надежда, что система, обрисованная Руффо, окажется достаточно прочной, чтобы функционировать без иностранной помощи. 25 февраля 1821 г. конгресс завершил свои работы, постановив возобновить рассмотрение итальянского вопроса в сентябре 1822 года.

Еще до этого, 6 февраля, 60 тыс. австрийцев пересекли реку По и двинулись на Неаполь. В прокламации держав, обращенной к неаполитанцам, указывалось, что австрийская армия осуществляет крестовый поход, чтобы защитить «священность всех существующих прав», а Фердинанд в своем обращении к народу потребовал встречать интервентов как «освободителей».

Основная часть неаполитанского населения поддерживала революцию. В отличие от 1799 года, реакционным силам, особенно католическому клиру, не удалось организовать сколько-нибудь массового движения в пользу королевского деспотизма. Однако буржуазные руководители революции не рискнули провести социальные мероприятия, которые облегчили бы положение крестьян и побудили бы их активно выступить в защиту нового

конституционного режима[27]. К тому же с большим запозданием были приняты явно недостаточные меры по организации военного отпора интервентам, что, наряду с огромным превосходством сил у австрийцев, быстро решило исход кампании.

7 марта слабо вооруженные и плохо обученные войска неаполитанского генерала Д. Пепе попытались атаковать австрийскую армию у Риети в папской области, но потерпели полное поражение. Другие генералы, сторонники умеренных, которые вообще выступали против вооруженного сопротивления, сочли пёрвую же неудачу достаточным поводом, чтобы сложить оружие. У неаполитанского рейда угрожающе маячили английская и французская эскадры. 23 марта австрийские войска вошли в Неаполь, где сразу же воцарился режим белого террора.

Декабрист М. А. Фонвизин писал: «Сто тысяч австрийцев вступили в неаполитанские владения, уничтожили все, что им было угодно, и учредили в Неаполе австрийское военное правление. Тут прекращаются всякие размышления, тем более, что от союзников обещано прислать еще двести тысяч войска, буде нужда то востребует. Священный союз возглавил при сем случае новое политическое право: повинуйтесь силе и, хотя оно умолчано в решении конгресса, но дела и происшествия весьма красноречиво это объясняют»[28]. Передовая Россия с негодованием клеймила решение царизма принимать участие в организации интервенции[29]. Байрон предлагал простым добровольцам вступить в революционную армию Неаполя, чтобы «разделить судьбу доблестного народа, защищающего себя от так называемого Священного союза — союза тирании и ханжества»[30].

Торжество Меттерниха, узнавшего о занятии Неаполя, было омрачено ошеломляющей новостью: революция вспыхнула в другом крупном итальянском государстве — Пьемонте, непосредственно у границы австрийских вла-

◆

[27] Д. Берти, Демократы и социалисты в период Риссорджименто, стр. 175—176.

[28] «Декабристы», Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика, М.—Л., 1951, стр. 489.

[29] М. И. Ковальская, Итальянские карбонарии и передовая Россия, «Вопросы истории», 1967 г., № 8, стр. 78—90.

[30] Д. Г. Байрон, Избранные произведения, М., 1953, стр. 445.

дений. Опять революция оказалась совершенно неожиданной. Еще в конце 1820 года австрийский поверенный в делах в Турине барон Бандер доносил в Вену, что в Пьемонте царит спокойствие. Он, как и пьемонтское правительство, совершенно просмотрел подготовку к революционному выступлению, которую вела группа либералов и карбонариев.

Революционерам немало повредила их попытка привлечь на свою сторону принца Карла-Альберта, который слыл либералом и противником австрийского господства в Италии. Карл-Альберт то соглашался участвовать в восстании, то брал назад свое обещание. Встревоженные руководители заговора уже собирались отложить его осуществление, но было уже поздно. В ночь с 9 на 10 марта поднялся гарнизон крепости Александрия, провозгласивший введение «испанской» конституции и создание временного правительства. 12 марта революционные офицеры и солдаты захватили цитадель столицы Пьемонта — Турин. Король Виктор-Эммануил I отрекся от престола в пользу своего брата Карла-Феликса и назначил принца Карла-Альберта регентом королевства. 13 марта была провозглашена «испанская» конституция, однако новоиспеченный регент, предатель по натуре, только и думал, как бы вырваться из-под контроля восставшего народа. Новый король Карл-Феликс сосредоточил в Новаре полки, не примкнувшие к революции, осудил конституцию и предписал Карлу-Альберту покинуть Турин. Тот поспешил выполнить приказ.

14 марта новость о пьемонтской революции достигла Лейбаха, где Меттерних принял решение о новой интервенции. 28 марта Меттерних в письме к герцогу Моденскому писал, что революция в Пьемонте может быть подавлена только с иностранной помощью и что союзные державы имеют право на вмешательство, которое в сложившихся условиях превращается в их долг перед своими народами[31]. В письме к римскому папе 18 апреля Меттерних просил его оказать содействие державам, участвуя в подавлении революционных сект, членами которых состоят и некоторые священники[32]. С согласия своих партнеров канцлер приказал быстро сосредоточить

◆

[31] АВПР, ф. Канц., д. 247, лл. 169, 171.
[32] Там же, лл. 240—241.

в Италии еще одну австрийскую армию. Царь обещал в случае необходимости военную поддержку. Пруссия не возражала против этого плана.

Между тем обстановка в Пьемонте, несмотря на то, что революция распространилась на большую часть территории королевства, вскоре изменилась в пользу реакционных сил. Бегство Карла-Альберта и формирование значительной армии под командованием нового короля обескуражило либералов, надеявшихся на быструю победу и опасавшихся углубления революции. Численность австрийских войск в Ломбардии быстро возрастала и вдобавок вскоре пришла весть о поражении неаполитанцев при Риети. Тогда армия конституционалистов 8 апреля атаковала войска Карла-Феликса при Новаре в надежде, что те перейдут на ее сторону. Эта надежда не оправдалась. Восставшая армия была разбита, а вскоре в Турин и другие города Пьемонта вступили полки Карла-Феликса и прибывшие на помощь дивизии австрийских интервентов. Революция в Пьемонте, руководители которой не сумели и даже опасались поднять на борьбу широкие народные массы, быстро пала под ударами внутренней реакции, опиравшейся на вооруженную мощь Священного союза.

Опыт революционных потрясений в 1820 году побудил Меттерниха значительно усилить контроль австрийских войск над Италией, которые, как разъясняла Вена, были всегда готовы прийти на помощь любому из итальянских монархов в борьбе против его подданных.

На заключительных заседаниях конгресса в Лейбахе Меттерниху удалось достигнуть еще одного важного успеха — он добился от Александра I во имя легитимизма отказа от поддержки греческих повстанцев, воевавших против турецкого ига. Австрийский канцлер таким путем хотел не допустить прежде всего возрастания русского влияния на Балканах. Одновременно Александр I обещал содержать до следующего конгресса 123 тыс. солдат на австрийской границе, как резерв на случай новых интервенционистских предприятий, при которых Австрии могла бы понадобиться помощь царских войск.

12 мая 1821 г. конгресс в Лейбахе завершил свою работу, опубликовав в заключение декларацию о борьбе с революцией. Такой же смысл содержали и циркулярные письма, направленные посольствам стран Священного союза в итальянских государствах. Наиболее категориче-

ски были составлены австрийские инструкции, главным тезисом которых было утверждение права вмешательства со стороны Священного союза во внутренние дела итальянских государств.

Еще в меморандуме, написанном во время заседаний конгресса, Меттерних подробно обосновывал это особое «право». Союзные монархи, разъяснял канцлер, спасли итальянских государей от революции и, следовательно, несут ответственность за тех, кого они спасли. Поскольку итальянские государи не в состоянии сами сопротивляться напору революции, они обязаны своей «свободой» и «независимостью» усилиям союзных держав. Отсюда, по мнению Меттерниха, «возникло переплетение известных взаимных прав и обязательств со стороны освобождающих монархов и государей, которые освобождены ими» [33]. Иначе говоря, из факта вооруженной интервенции Меттерних выводил «право» на постоянное последующее вмешательство. Интересно, что Меттерних не пренебрегал при этом использованием «либеральной» фразеологии насчет «независимости», «освобождения», «свободы», применяя, однако, эти понятия к государям, а не к народам. Более того, право союзных монархов на вмешательство, по теории Меттерниха, призвано было стать основой... полного государственного суверенитета каждой страны. Сохраняя с помощью интервенции свою независимость от гибельного влияния революции в других странах, монархи выступают и гарантами независимости государств, в которых они восстанавливают законную власть.

Для подкрепления своих теоретических упражнений Меттерних в письме к Лебцелтерну от 3 декабря 1821 г. делает еще одно «открытие». Меры, принятые в Лейбахе, были бы ошибочными, если неаполитанская революция являлась следствием внутренних причин. Однако ход событий якобы доказал, что «революция в Неаполе была результатом иностранного влияния» [34].

Осуществляя наблюдение и контроль над «освобожденными» и другими итальянскими государствами, князь прежде всего заботился об укреплении администрации как главной опоры «законной» власти, препятствуя попыткам сколько-нибудь существенных социальных преоб-

◆

[33] P. Schroeder, Metternich's Diplomacy in Its Zenith 1820—1823, pp. 125—126.
[34] АВПР, ф. Канц., д. 249, л. 366.

разований. Однако даже проведение административных реформ наталкивалось нередко на тупое сопротивление «освобожденных» и других монархов, почувствовавших себя в относительной безопасности под охраной австрийских штыков. Чего стоили, например, многолетние уговоры Фердинанда Неаполитанского не разлагать собственную администрацию, передавая ее в руки заведомых ничтожеств, преступников и казнокрадов, доказавших «преданность» престолу. Впрочем, из бюрократических «улучшений», рекомендовавшихся Меттернихом, ничего путного не могло получиться уже хотя бы по одному тому, что чуть ли не три четверти расходов неаполитанского бюджета шли на содержание австрийских оккупационных войск.

Царский посол Штакельберг в начале 1823 года сообщал, что австрийскую армию в 35 тыс. солдат нельзя будет существенно сократить, не поставив под угрозу «спокойствие» в Неаполе[35]. Оккупанты оставались в Неаполе в течение шести лет, вплоть до марта 1827 года. Во многом аналогичным было положение в Пьемонте, где громко жаловались на тяжесть финансового бремени, связанного с оплатой издержек австрийского корпуса. Принимая позу бескорыстного «благодетеля», оскорбленного в своих лучших чувствах, «первый европеец» скорбно восклицал в письме Лебцелтерну от 23 июня 1821 г.: «Если бы великие державы справлялись только о состоянии своих финансов в борьбе против революции в Италии, — эта прекрасная часть Европы стала бы ныне добычей всех ужасов анархии...»[36].

Естественное право и торговля жеребцами

На конгрессе в Лейбахе было принято решение о созыве нового совещания держав по итальянскому вопросу в следующем году. Однако, когда пришло время осуществлять это решение, «порядок» полностью восторжествовал в Неаполе

◆

[35] АВПР, ф. Канц., д. 8345, л. 10.
[36] Там же, д. 249, л. 25.

и Пьемонте. Италия уже, с точки зреиия Свящеиного союза, не подавала более повода для обсуждеиия ее дел иа конгрессе. Взамеи, одиако, иа первый плаи выдвииулся испаиский вопрос.

Надежды европейской реакции иа то, что испаиская революция сама по себе войдет в «умерениое» русло и закончится восстаиовлеиием чуть подиовленного королевского абсолютизма, явио не оправдывались. Усиливалась партия эксальтадос — сторонииков продолжеиия и углублеиия революции. Кроме того, активизировались и крайние роялисты. В мае 1822 года они подияли мятеж в Каталонии и захватили 21 июия крепость Ургель, где образовали регеитство от имени Фердииаида VII, иаходившегося «в плеиу» у революциоиеров. Регеитство опиралось иа тайиую поддержку короля. В июле 1822 года вспыхнул мятеж королевских гвардейцев в самой столице, которые арестовали во дворце министров. Однако подиявшаяся иа борьбу иародная милиция вскоре покончила с этой коитрреволюционной аваитюрой, ие встретившей иикакой поддержки у населеиия. Как показали эти события, внутреиияя реакция по-прежиему имела слабые шаисы собствеииыми силами вернуть себе власть.

Позиция держав в отиошении испаиских событий в общем и целом ие претерпела изменений. Британский кабииет, несмотря иа свою плохо скрываемую, а иногда и вовсе ие скрываемую враждебность конституциоииому правительству в Мадриде, по-прежиему отвергал «европейское» вмешательство как противоречащее аиглийским иитересам. В Лоидоне считали иежелательиым усилеиие роли как Алексаидра I в Европе, так и других контииеитальиых держав в Испаиии. Это могло легко привести к обсуждеиию вопроса о вмешательстве Священного союза в дела испаиских колоиий, которые английская буржуазия стремилась превратить в сферу своего исключительиого влияния. Меттериих должеи был считаться с лииией Аиглии, с которой ему быстро удалось восстаиовить согласие. Британская поддержка была иеобходима Веие для осуществления антирусских плаиов иа Балканах и для «сдерживаиия» Фраиции. Австрия боялась, что Петербург и Париж при решеиии европейских вопросов образуют единый фронт, который ие раз в прошлом путал карты австрийской дипломатии. Вместе с тем, чтобы исключить иевыгодиый ему царский «коллективизм», Меттерних мог рассчитывать на содействие Франции. Ей,

конечно, было нежелательно принимать на своей территории «европейскую» армию, которая должна была оттуда двинуться в Испанию.

В декабре 1821 года во Франции ушло в отставку министерство Ришелье. Его заменило ультрароялистское правительство Виллеля. Министром иностранных дел взамен осторожного Паскье стал сторонник вмешательства виконт Монморанси. Под предлогом защиты от эпидемии тропической лихорадки был установлен «санитарный кордон» на испанской границе. К ней стали стягиваться войска.

Монморанси вначале пытался добиться компромисса между Фердинандом и революционным правительством. Первому предлагали окончательно отказаться от попыток восстановления абсолютизма, второму — от конституции 1812 года в пользу испанского варианта французской хартии. Фердинанд, после того как не удались попытки вооруженного переворота в Мадриде в его пользу, согласился на предложение Парижа, однако не собираясь выполнять свои обещания как французам, так и собственным подданным.

Среди ультрароялистов в Париже постепенно брала верх идея самостоятельной французской интервенции, разумеется, с санкции Священного союза, наподобие австрийских действий в Италии. Изолированные в собственной стране, крайние реакционеры надеялись таким путем укрепить не столько позиции Франции в Европе, сколько позиции Бурбонов во Франции. Французское правительство сформировало специальный наблюдательный корпус на испанской границе, а также не стало мешать снабжению оружием сторонников регентства в Ургеле.

Однако на большее правительство Виллеля идти не рисковало. Ультрароялистская печать резко порицала правительство за слабость и пассивность. Такие газеты, как «Котидьен», «Газетт де Франсе», «Фудр», обращались к Священному союзу с призывом «спасти цивилизацию», подавить революцию и принудить к безмолвию мятежных агитаторов. «Революция, — объявляла «Котидьен», — это открытая война против всех прав общества и частных лиц, это уничтожение всего существующего и в моральной, и в материальной сфере». Более того, газета не только требовала поставить вне закона любую революцию, но и объявить законом, что интервенция должна

ставить целью восстановление полного королевского абсолютизма[1].

Виллель и его министры были вполне солидарны с такими взглядами. Их останавливало другое. Еще свежи были воспоминания об испанской войне Наполеона, показавшей, насколько трудно заранее предусмотреть оборот, который примут события на этом бурном Пиренейском полуострове. Париж с опаской оглядывался и на Лондон, которому не улыбалась перспектива восстановления власти испанских Бурбонов с помощью армии французских Бурбонов. Это тоже будило неприятные воспоминания о «семейном договоре» между парижским и мадридским дворами, на основании которого они в течение ряда десятилетий, предшествовавших французской революции, совместно выступали против Англии и в европейских и в колониальных делах. Правда, пока английское министерство иностранных дел возглавлял Каслри, можно было особо не опасаться действий Лондона. Каслри был очень недоволен предположениями о французском вмешательстве, но, связанный всем своим политическим курсом с Меттернихом и Священным союзом, был далек от того, чтобы решительно воспрепятствовать этим планам. Он собирался отправиться на Веронский конгресс и, прибыв ранее других делегатов, найти общий язык с Меттернихом, что предотвратило бы изоляцию Англии, к которой стремилась царская дипломатия. Меттерних с нетерпением ждал дорогого гостя, но вдруг из Лондона пришло ошеломляющее известие, что утром 12 августа лорд Каслри в неожиданном припадке сумасшествия перерезал себе горло перочинным ножом...

Каслри на посту английского министра иностранных дел сменил Джордж Каннинг, несмотря на то что наиболее реакционная часть тори и сам король Георг IV всячески противились этому назначению.

...На протяжении всего XIX века либеральная публицистика, когда касалась событий этих лет, занималась противопоставлением узкого, сухого и чопорного педанта, рьяного ретрограда Каслри красноречивому, блестящему Каннингу, чутко прислушивавшемуся к духу времени, всегда полному новых замыслов и идей. Новейшие

[1] «Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire en France», v. VII, P., 1862, p. 168.

биографы Каслри, и среди них прежде всего известный английский историк Ч. Уэбстер, попытались, возвеличивая своего героя, доказать, что уже при нем произошла постепенная смена курса внешней политики Англии, приведшая его в столкновение со Священным союзом. Однако эти историки достигли несколько неожиданного для них результата, выясив, что не столько Каслри являлся предшественником либерального поворота Каннинга, сколько тот был продолжателем консервативного курса предыдущих лет. И в этом нет ничего удивительного, если учесть, что при всем различии таланта и политического темперамента и Каслри, и Каннинг были людьми одной партии, выучениками Уильяма Питта-младшего. Каннинг только понял, что интересы английских правящих классов в новых условиях надо защищать более гибкими средствами. Как и его коллеги, он оставался тори, возражавшим против даже частичной реформы парламента, которая привела бы к дележу власти между старыми правящими классами — дворянством и торгово-финансовой аристократией и быстро растущей промышленной буржуазией. Однако именно поэтому он, чтобы умиротворить эту новую силу, полагал необходимым в еще большей степени идти навстречу ее требованиям во внешней политике.

Конечно, лишь в испуганном воображении Меттерниха Каннинг являлся демагогом, «потворствующим революции»[2]. Князь, однако, правильно понял, что Каннинг решил в тех случаях, когда интервенционистская политика Священного союза непосредственно сталкивалась с экономическими и политическими интересами Англии, твердо отстаивать их. Он не останавливался при этом перед нарушением принципов легитимизма и другими идеологическими мотивами, с которыми так считался один из главных столпов европейской реакции — Каслри. Впрочем, эту позицию Каннинг занимал лишь в вопросах, действительно важных для английской буржуазии, нисколько не заботясь о тех реакционных действиях Священного союза, которые не затрагивали британских интересов. А иногда, если это было выгодно, он использовал принцип невмешательства и против национальных

◆

[2] H. Temperley, The Foreign Policy of Canning, 1822—1827. England, the Neo-Holy Alliance and the New World, L., 1925, p. 307 f.

и освободительных движений, защищая право монархов на расправу с непокорными подданными. Случалось и прямо прибегать к интервенции или угрозе интервенции, когда это соответствовало видам английской дипломатии. Словом, умеренно-либеральное фразеологическое прикрытие, которым любил пользоваться Каннинг, по существу означало лишь, что никакие идеологические мотивы в духе легитимизма не отвратят его от проведения своей линии. Он отнюдь не склонен был способствовать национальным и либеральным движениям в Европе или в Западном полушарии.

Как бы то ни было, перемены в руководстве Форин офисом оказали существенное влияние на положение дел осенью 1822 года. Каннинг решил сам не ехать на Веронский конгресс, послав туда герцога Веллингтона. Несколько обескураженные французские крайние роялисты вскоре, однако, пришли к выводу, что приход Каннинга имеет, с их точки зрения, и положительную сторону. Он усиливал изоляцию Англии и побуждал Меттерниха искать более тесных связей с Францией. Вместе с тем Англия, чувствуя свою изолированность, вряд ли могла рисковать пойти далее определенной черты в противодействии французским интервенционистским планам.

Заседания Веронского конгресса начались 20 октября 1822 г. Регентство в Ургеле еще 13 сентября 1822 г. направило монархам просьбу о вооруженной интервенции в Испании [3]. Французская делегация, возглавляемая министром иностранных дел Монморанси, обратилась к другим участникам конгресса с тремя вопросами. Во-первых, последуют ли остальные державы примеру Франции, если она сочтет необходимым разорвать отношения с Мадридом; во-вторых, согласятся ли эти державы в случае войны Франции с Испанией уполномочить французскую сторону действовать от имени Священного союза; в-третьих, какую материальную помощь союзники смогут оказать Франции, если она обратится к ним с такой просьбой. Через десять дней были даны ответы. Александр I обещал всяческую поддержку и даже посылку 150 тыс. солдат для гарантии, как он еще раньше заявлял, прочности трона в самой Франции. Австрия и Пруссия также высказались вполне положительно, укло-

◆

[3] АВПР, ф. Канц., д. 258, л. 114.

нившись, правда, от прямого обещания материальной поддержки (что, впрочем, и не являлось существенным, так как возможность подобного обращения со стороны Франции была крайне маловероятной)[4]. Вместе с тем в секретном меморандуме от 15 ноября 1822 г. Меттерних выразил опасение, как бы столь желательная в принципе интервенция не привела бы к «новому революционному потрясению» в самой Франции, что явилось бы угрозой для всей Европы[5]. (В другом меморандуме Меттерних рекомендовал действовать согласно принципам, установленным в Вероне и направленным на «восстановление порядка в социальной области», что касалось и Германии[6].)

Веллингтон, правда, ответил негативно на французские вопросы, но за этим отрицанием не чувствовалось твердого тона. Напротив, солидарность четырех континентальных держав была закреплена подписанием 19 ноября специального протокола. В нем были перечислены случаи, в которых обещания Австрии, Пруссии и России в отношении Франции приобретут характер обязательства. Это должно было произойти прежде всего при вторжении испанских войск на французскую территорию или при официальном призыве со стороны мадридского правительства к мятежу подданных других держав. Иначе говоря, благословляя Францию на интервенцию, державы, вместе с тем, гарантировали ее от ответной «интервенции» со стороны Испании. Другими случаями, согласно протоколу от 19 ноября, являлось бы свержение с престола испанского короля, намерение отдать под суд его или кого-либо из членов царствующей фамилии, а также посягательство мадридского правительства на существовавший в Испании порядок престолонаследия.

Французская дипломатия добилась всего, чего она хотела. Более того, в отличие от Австрии, выступавшей в Италии по уполномочию Священного союза, Франция сама имела право принять решение, начинать ли интервенцию. Вместе с тем была обеспечена полная поддержка французских действий Священным союзом. Остальные державы сразу же решили разорвать дипломатические

◆

[4] M. Bourquin, Histoire de la Sainte-Alliance, Genève, 1954, p. 341.
[5] АВПР, ф. Канц., д. 258, л. 165.
[6] Там же, д. 264, л. 11.

отиошеиия с Мадридом, ио Виллель и Людовик XVIII все еще ие решались отозвать посла — это было для Фраиции равиозиачио иачалу войны. Эти колебаиия привели даже к отставке Моиморанси, которого, одиако, смеиил еще более решительный сторониик иитервенции, известиый реакциоииый писатель и публицист Шатобриаи.

17 декабря 1822 г. герцог Веллиигтои предложил Фраиции аиглийское посредиичество между иею и Испаиией. 24 декабря фраицузское правительство отклоиило аиглийское предложеиие. В иоте, передаииой Веллингтоиу, указывалось, что фраицузский кабииет усматривает в этом предложеиии иовое свидетельство мириых иастроеиий Великобритаиии, которое может оказать важиые услуги Европе и повлиять иа Мадрид[7]. Словом, в Париже прозрачио иамекнули, что они видят в британских шагах лишь доказательства иейтралитета Аиглии в предстоящем коифликте. Так оио и было иа самом деле, хотя Каииииг еще продолжал маневрировать. Ои отправил лорда Соммерсета в Испаиию, советуя мадридскому правительству измеиить коиституцию в коисервативиую стороиу, ио ои ие гараитировал, что эта мера исключит фраицузскую иитервеицию. Аиглийская дипломатия рассчитывала — или делала вид, что рассчитывает, — иа достижеиие главиых целей иитервеиции без помощи вооружеииого вмешательства. Каииииг писал 21 яиваря 1823 г. Шатобриаиу, что, если ои потребует от Мадрида под угрозой войны измеиеиия коиституции, Аиглия посоветует испаискому правительству прииять это требоваиие, чтобы избежать вооружеииого столкиовеиия с Фраицией[8].

Испаиское правительство открыто протестовало против подготовки иитервеиции. В иоте от 9 яиваря 1823 г., адресоваииой Фраиции, оио указывало, что коиституция 1812 года, одобреииая испаиским иародом, была призиаиа в свое время державами, собравшимися в Вероие, а также самим Фердииаидом VII. Нота подчеркивала, что «иаблюдательиый корпус», сосредоточеииый Фраицией на граиице, ие умеиьшил беспорядки в Испаиии: «Опыт

◆

[7] «Despatches, Correspondance and Memoranda of Field Marshall Arthur Duke of Wellington», v. I. L., 1867, p. 667.

[8] F. R. Chateaubriand, Congrès de Vérone, v. I, P., 1838, p. 450.

продемонстрировал, что существование так называемого санитарного кордона, который позднее получил название наблюдательного корпуса, способствовало, напротив, возбуждению безумных надежд фанатиков, которые подняли знамя мятежа в пограничных провинциях и обнадеживали эти последние в том смысле, что вскоре предстоит вторжение на нашу территорию»[9].

Однако в тот же день, 9 января, когда была отправлена эта нота, Шатобриан поручил французскому послу в Мадриде потребовать свои паспорта. 28 января Людовик XVIII в тронной речи велеречиво объявил, что 100 тыс. солдат под командованием принца крови готовы к походу в Испанию, «чтобы сохранить трон для потомка Генриха IV, спасти это прекрасное королевство от гибели и примирить его с Европой»[10].

Прозвучали лишь немногие голоса представителей оппозиции, указывавших, что интервенция предпринимается против государства, в котором уже три года существует конституция, для ее уничтожения и реставрации абсолютизма. Один из оппозиционных пэров — Дарю предостерегал: «Берегитесь, чтобы этот принцип не обратился когда-либо против вас самих и чтобы другие не применили его к вам»[11]. Правительство настояло на быстром прекращении прений в верхней палате и получило вотум доверия от послушного большинства. Представители оппозиции, которые не успели выступить, напечатали свои возражения в газетах. Особое внимание привлекла, конечно, речь князя Талейрана. Проницательность и дальновидность этого человека, имя которого уже тогда стало синонимом дипломатического искусства, который успел заранее предусмотреть крушение и предать один за другим режимы, сменявшиеся во Франции, были общепризнанными. Тем больший вес приобретали его редко не сбывавшиеся пророчества. И теперь Талейран, которого политическая обстановка и, конечно, личные карьеристские мотивы привели на скамьи оппозиции, прямо раскрыл смысл и опасность интервенции, подготовляемой ультрароялистами. Дело идет, заявил он,

◆

[9] АВПР, ф. Канц., д. 7580, лл. 63—64.

[10] M. de la Fuye, E. A. Babeau, La Sainte-Alliance, 1815—1848, P., 1948, p. 177.

[11] «Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernment parlamentaire en France», v. VII, p. 264.

«только об интересах одной партии, оставшейся верной старинной ненависти, старинным претензиям... Говорят, что испанская конституция полна недостатков. Я сам того же мнения. Однако с каких пор соседние народы стали признавать за собой право требовать от независимого народа улучшения его политических законов? Что сделается при принятии такой теории с независимостью народов?.. Неужели они льстят себя надеждой, что секрет этого нового крестового похода является тайной для народов?»

В палате депутатов, где прения были еще более горячими, точку зрения правительства сформулировал Шатобриан. Он объявил, что лишь те, кто основывает свою точку зрения на гражданском праве, отрицают законность вмешательства. Шатобриан постарался зачислить в сторонники интервенции знаменитого английского философа Бэкона, исследователей международного права Г. Гроция, Пуфендорфа и другие авторитеты прошлых веков, и даже — это неожиданно в устах воинствующего реакционера — защитников теории естественного права. Они ведь должны признавать, что дозволено поднять оружие от имени всего человеческого общества против народа, нарушающего общепризнанные нормы поведения. На вопрос, угрожает ли Испания всему человечеству, Шатобриан сослался на... сокращение торговли жеребцами в Южной Франции! Чтобы побороть взрыв хохота, он должен был поправиться, добавив, что главное, конечно, в «нравственной заразе», в опасности установления связи между испанскими и французскими революционерами. Шатобриан уверял, что Франция своим вмешательством не собирается навязывать Испании какие-либо политические институты. Более того, иезуитской ссылкой на прошлую — наполеоновскую — интервенцию он попытался оправдать новое вмешательство: «Испанцы, вы обязаны Франции своими несчастьями и своей славой. Франция послала к Вам два бича — Бонапарта и революцию. Освободитесь от второго бича, подобно тому, как вы оттолкнули первый бич». Шатобриан доказывал право на вооруженную интервенцию и тем, что «все европейские революционеры неистово вопят о мире». Надо, уверял он, «чтобы Франция во что бы то ни стало вышла из положения, в котором она скорее погибнет, чем от войны». Министр сулил «огромные выгоды» от войны — увеличение престижа Франции, усиление

армии, окончательное примирение бывших генералов и маршалов Наполеона с их роялистскими товарищами по оружию[12]. Позднее Шатобриан со свойственным ему тщеславием открыто заявлял: «Я нисколько не возражаю против того, чтобы считаться главным организатором испанской войны»[13].

Стараясь оправдать контрреволюционную интервенцию, идеологи эпохи Реставрации не раз пытались, подобно Шатобриану, приравнять ее к самым различным действиям в сфере международных отношений, например к признанию государств, возникших в результате освобождения от иноземной зависимости (в частности, латиноамериканских государств). Оправдывая интервенцию, реакционеры, следуя английскому публицисту и философу Э. Бёрку, доказывали, что она не ставит целью остановить движение общества, а, напротив, защищает органическое естественное развитие от попыток «искусственно» ускорить его с помощью революций. Шатобриан разъяснял, что он не против «революционных идей времени», а лишь против «революционных идей отдельных лиц», не «против медлительного заговора эпохи, а против поспешного заговора интересов и систем», что поэтому он выступает за преследование не рода человеческого, а группы заговорщиков[14]. Здесь характерно все — и приравнивание общественного развития к заговору, пусть «медлительному», и тщетные усилия разделить это развитие и силы, которые его порождают и которые им порождаются, и, наконец, столь же безуспешное стремление очистить себя от обвинений в борьбе против интересов человечества, от имени которого тот же Шатобриан ратовал за интервенцию. Все эти хитросплетения являются свидетельством того, что идея исторической обреченности политики интервенции проникала, пусть в искаженной форме, даже в сознание ее наиболее последовательных апологетов.

Накануне французской интервенции Каннинг сделал ряд демонстративных жестов, включая отмену эмбарго на вывоз оружия в Испанию и испанские колонии в Северной Америке. Однако Англия, конечно, не собиралась

◆

[12] F. R. Chateaubriand, Congrès de Vérone, v. I, pp. 311—313.
[13] M. de la Fuye, E. A. Babeau, La Sainte-Alliance 1815—1848, p. 168.
[14] F. R. Chateaubriand, Congrès de Vérone, v. I, p. 362.

воевать, особенно в обстановке, когда она не имела союзников на континенте. В секретном меморандуме, представленном британскому кабинету, Каннинг указывал, что следует взяться за оружие только тогда, если французы атакуют Португалию или сделают попытку помочь Испании восстановить власть в ее колониях в Америке. А король Георг IV не скрывал, что сочувствует интервенции, заботясь о правах испанского короля, и в интимной беседе с австрийским послом сказал, что он против отмены эмбарго. 11 февраля несколько английских министров в беседе с французским дипломатом рекомендовали действовать быстро и гарантировали нейтралитет Англии. Тот же дипломат 14 февраля, встретив лордов Уэстморленди и Гэрроуби, возвращавшихся с заседания кабинета, услышал от них: «Ваши войска уже в Испании? Кто вам мешает?» [15].

В этих условиях угрожающие намеки Каннинга в Париже справедливо расценили лишь как ход в сложной дипломатической игре. К тому же 31 марта английский посол во Франции официально довел до сведения правительства Людовика XVIII, что ему угрожает конфликт с Англией только в случае, если он попытается надолго оккупировать Испанию своими войсками, захватить часть ее колониальных владений или, наконец, нападет на Португалию [16]. Другими словами, Лондон по существу гарантировал свое невмешательство до тех пор, пока французская интервенция будет ограничена ее официальными контрреволюционными целями и не приведет к превращению Испании в фактическую колонию Франции, или даже к формальной аннексии интервентами какой-то части испанской территории и владений в Новом Свете.

Накануне интервенции снова вмешался Меттерних, не терявший надежды поставить под свой контроль французские действия. С этой целью он в феврале 1823 года предложил, чтобы регентом Испании, пока король находится в плену у кортесов, был назначен его дядя — неаполитанский король Фердинанд I, являвшийся в то время австрийской марионеткой. Разумеется, Шатобриан с негодованием отверг этот план и получил здесь

[15] H. Temperley, The Foreign Policy of Canning 1822—1827. England, the Neo-Holy and the New World, pp. 81—82.
[16] M. Bourquin, Histoire de la Sainte-Alliance, p. 356.

полную поддержку России. Александр I при этом заметил, что он не видит основания, почему король, столь дурно управляющий своей страной, должен вдобавок быть сделан регентом другой. Маневр Меттерниха потерпел быстрое крушение.

7 апреля французская армия под командованием племянника короля герцога Ангулемского перешла испанскую границу. Еще за несколько дней до этого герцог Ангулемский издал манифест, в котором убеждал испанцев, что Франция не ведет войны против их родины. «Я перехожу Пиренеи, — говорилось в манифесте, — во главе 100-тысячной французской армии лишь для того, чтобы объединить испанских друзей порядка и закона, чтобы помочь им освободить из плена короля, спасти трон и алтарь, избавить священников от преследований, собственников — от грабежа, весь народ — от господства некоторых честолюбцев, которые именем Свободы ведут Испанию к гибели».

Испанская революция была очень слабо подготовлена к борьбе с интервентами. Хотя правительство, состоявшее из более решительной части буржуазных революционеров, приняло кое-какие меры по усилению обороны, но они были запоздалыми и носили половинчатый характер. Некоторые генералы, явные враги революции, были заменены преданными людьми, но на других важных военных постах оставались предатели, лишь жаждавшие случая перебежать на сторону неприятеля. Однако главной слабостью революции было то, что сменявшие друг друга конституционалисты по существу не осмеливались коснуться оплота феодализма — помещичьего землевладения. Неразрешенность аграрного вопроса превратилась в ахиллесову пяту революции. В 1808—1814 годах крестьянские массы, участвуя в борьбе против наполеоновских войск, надеялись на улучшение своей участи. Их ожидания не оправдались. В 1820—1823 годах испанское крестьянство, не получившее ничего от пришедшей к власти буржуазии, становилось доступным агитации духовенства, призывавшего к борьбе против безбожников — революционеров. Надежды мадридского правительства, что крестьянство снова, как в 1808—1814 годах, поднимется против иноземных захватчиков, не имели поэтому достаточных оснований. Такими же слабыми были и надежды, что во французской армии сильны противники Бурбонов и что она откажется слу-

жить орудием удушения испанской революции, восстановления королевского деспотизма.

Отряд революционных эмигрантов-итальянцев и испанских добровольцев попытался задержать интервентов, двинувшись им навстречу с трехцветными знаменами французской революции и пением Марсельезы. Во французских рядах возникло минутное замешательство, но, подчиняясь окрику своих офицеров, солдаты открыли огонь и колонна волонтеров была рассеяна[17]. Французская армия не встретила серьезного сопротивления. 23 мая войска герцога Ангулемского вступили в Мадрид. Испанские кортесы и правительство перебрались сначала в Севилью, а затем в Кадис, увезя с собой Фердинанда VII.

Началась осада Кадиса с суши и моря, длившаяся несколько месяцев. 30 сентября в город вошли французские войска. Попытка испанских революционеров, и прежде всего легендарного Риего, начать в других районах борьбу против интервентов также не увенчалась успехом. Сравнительно малочисленным революционным отрядам невозможно было устоять против большой оккупационной армии, а широкого народного восстания, на которое все еще надеялись конституционалисты, так и не произошло.

Незадолго до падения Кадиса кортесы отправили Фердинанда VII в лагерь французов. Перед отъездом, по требованию населения Кадиса, король обещал обеспечить личную безопасность и гражданскую свободу всех испанцев. Но чего стоили обещания этого безгранично низкого и трусливого деспота! Первыми его словами, когда он очутился во французском лагере, было злобное заявление: «Если я в чем-либо виноват, то только в том, что в 1814 году не повесил четверти всех испанцев». Был полностью и целиком восстановлен дореволюционный режим, королевский абсолютизм. По сигналу Фердинанда началось массовое избиение всех сторонников конституции, бесконечные аресты, пытки, казни. Чтобы как-то смягчить негодование в Европе, герцог Ангулемский издавал приказы, якобы рассчитанные на то, чтобы умерить злодеяния испанских роялистов. На деле францу-

◆

[17] И. М. Майский, Испания, 1808—1917, Исторический очерк, стр. 161.

зы совершенно не препятствовали развернувшейся вакханалии убийств. Еще годами позднее военные суды, а также «очистительные хунты», общество «Ангел-истребитель» и тому подобные благонамеренные организации самочинно творили суд и расправу над тысячами беззащитных жертв. Власти надолго закрыли университеты, бросили в тюрьмы или заточили в монастыри ученых и писателей. Расстрелами и казнями Фердинанд отвечал на непрекращавшиеся попытки восстаний. Смерть грозила за любое проявление недовольства. «Потомок Генриха IV», как говорили тогда в Испании, имел «сердце тигра и ум мула». В эти годы он полностью еще раз показал всю свою низость и кровожадность. Разгул репрессий вызвал возмущение во многих странах, даже в кругах, враждебных испанской революции.

Разумеется, Шатобриан категорически отрицал ответственность французского правительства за эти злодеяния. «Франция, — объявил он, — желает, чтобы Испания была спокойной и счастливой» [18]. Громко заявляя, что оно выступает за «умеренность», французское правительство по сути дела предоставило кровавой камарилье Фердинанда VII полную свободу рук.

Священный союз, подобно Шатобриану, пытался снять с себя ответственность за кровавые зверства Фердинанда VII. Много месяцев шла дипломатическая переписка по поводу необходимости объявить амнистию. Она была действительно провозглашена в 1824 году, но ничего не изменила в положении дел. Оргия белого террора продолжалась, а французские оккупационные войска, вплоть до 1828 года остававшиеся на испанской территории, гарантировали Фердинанду возможность, не опасаясь народа, продолжать эту бесконечную цепь насилий и убийств.

Интервенционистская политика Священного союза в Испании натолкнулась на значительно бо́льшую оппозицию европейского общественного мнения, чем подавление австрийцами революции в Неаполе и Пьемонте. В России горячо сочувствовали испанским революционерам Пестель, Рылеев и другие декабристы, готовившие восстание против царского самодержавия — оплота Священного союза.

◆

[18] M. de la Fuye, E. A. Babeau, La Sainte-Alliance, 1815—1848, p. 184.

Несмотря на то что испанским революционерам не удалось развернуть широкую народную войну против французской армии, той потребовалось полгода, чтобы окончательно подавить сопротивление войскам оккупантов. Французская армия сражалась за ликвидацию в Испании конституционных порядков, которые, пусть в ограниченных пределах, но должны были быть сохранены во Франции реставрированными Бурбонами. Это давало удобный предлог для либеральных депутатов критиковать политику интервенции, проводившуюся ультрароялистами. «Если война, затеянная вами против независимости Испании, справедлива, то в таком случае справедлива и та война, которую 30 лет тому назад вели против нас иностранцы, — заявил лидер либералов Р. Коллар. — ...И мы напрасно побили австрийцев».

Интервенция противоречила коренным интересам французского народа. Беранже вкладывал в уста французских солдат знаменательные слова:

«Домой вернувшись вскоре,
В те цепи попадем,
Что мы себе на горе
Испании куем»[19].

Каннинг обратил внимание и на те отрицательные последствия, которые политика интервенции будет иметь для французской экономики. Глава Форин Оффиса иронически заметил французскому послу в связи с интервенцией в Испании: «Вам — военная слава, за которой следуют волнения и катастрофы, нам — прозаическое занятие экономической деятельностью и растущее процветание»[20].

В Испании Священный союз еще раз восторжествовал, правда, на этот раз ценой открытого отпадения Англии. Взаимоотношения между этим, по выражению английского историка Г. Темперлея, «новым Священным союзом», возникшим в Вероне, и Великобританией — самой мощной промышленной и морской державой того времени во многом определяли судьбу дальнейших контрреволюционных интервенционистских планов европейской реакции.

◆

[19] Ж. П. Беранже, Сочинения, М., 1950, стр. 253.
[20] M. de la Fuye, E. A. Babeau, La Sainte-Alliance, 1815—1848, p 183.

После подавления испанской революции интервенционистская политика Священного союза достигла вершины своих успехов. И вместе с тем в исторической ретроспективе видно, насколько зыбки были эти успехи вооруженного контрреволюционного вмешательства, опиравшегося на военную мощь всех главных континентальных держав. Ведь целью контрреволюции было по существу предотвращение буржуазного развития Испании и национального объединения Италии, также необходимого для развития капитализма. Но как эти, так и последующие попытки реакции не могли остановить ход истории и помешать возникновению капитализма в этих странах. Насколько эфемерным было это торжество реакции, если вспомнить, что Франция и Австрия, осуществлявшие интервенцию, одна — вскоре, другая — еще через два десятилетия, сами пережили буржуазные революции.

Причина успехов интервенционистской политики в первой половине 20-х годов XIX в. заключалась прежде всего во внутренней слабости революционного лагеря в Испании и Италии. Большое значение имело и бессилие оппозиционного движения в государствах, осуществлявших интервенцию. Вследствие этого Священный союз временно победил в борьбе против тех общественных сил, которые впоследствии неизбежно должны были восторжествовать над защитниками феодально-абсолютистских порядков. Однако, поскольку политика Священного союза противоречила непреодолимым тенденциям общественного развития, это уже тогда привело к столкновению интервенционистских проектов Меттерниха и французских ультрароялистов с планами торговой и колониальной экспансии буржуазии Англии и Соединенных Штатов. Более того, принципы Священного союза, одним из главных столпов которого было русское самодержавие, оказались несовместимыми с государственными интересами России даже в том смысле, в каком их понимали правящие классы и царское правительство. Принципы Священного союза требовали невмешательства России, вопреки ее интересам, в события на Балканах, когда Оттоманская империя пыталась потопить в море крови освободительное восстание греческого народа.

Весной 1821 года началось широкое вооруженное восстание греческого народа против турецкого ига. Один из первых руководителей восстания — А. Ипсиланти, пытаясь заручиться поддержкой Александра I, подчеркивал, что дело идет о спасении христиан от мусульманских преследований и тирании[1].

Султан Махмуд II ответил объявлением «священной войны против неверных», к которым были отнесены все христиане, проживавшие на территории Оттоманской империи. Янычары учинили кровавую расправу над мирным христианским населением Константинополя и других городов, в числе погибших был 80-летний греческий патриарх, которого повесили на воротах. Когда турецкие войска прибыли на восставший остров Хиос, они перебили 25 тыс. человек, 45 тыс. продали в рабство. Тогда, как писал Пушкин, «султан был духом гнева обуян». Разбой, казни, опустошения несли с собой орды Махмуда II, пытавшиеся поставить на колени восставший народ.

Как правильно отмечалось еще в историографии прошлого столетия, Меттерних по существу собирался оказать прямую помощь султану в подавлении греческого восстания[2]. При первых же признаках обострения восточного вопроса барон Лебцелтерн, с тревогой наблюдая за сочувственным отношением русского общества к грекам, писал Меттерниху: «Наше географическое положение, наши политические интересы, требующие сохранения европейских владений Порты, наши пограничные провинции, наши связи с Востоком, — все это безусловно делает для нас это чрезвычайно важным вопросом»[3]. Перечисленные послом австрийские интересы Меттерних сразу же поспешил связать с необходимостью борьбы против революции ради «спасения» Европы.

Россия была самым непосредственным образом заинтересована в успехе греческого восстания. Передовые русские люди с восхищением следили за героической борьбой греческих повстанцев. Более того, давние религиозные

◆

[1] A. Prokesh-Osten, Geschichte des Abfalls der Griechen von Türkischen Reich im Jahre 1821 und des Gründung des hellenischen Königreiches etc, Bd. III, Wien, 1867, S. 61.

[2] Н. Палеолог, А. Сивинис, История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции, под ред. В. Мельницкого, СПб., 1863, р. XII.

[3] ОРФ Ин-та истории АН СССР, фонд «Ж», д. 201, л. 8.

и культурные связи с Грецией и многолетняя вражда с Портой вызывали сочувствие к грекам даже в тех кругах русского дворянского общества, которые поддерживали политику Священного союза. К этому прибавилось еще большее обострение отношений с Портой, препятствия, которые она, вопреки существовавшим договорам, чинила вывозу русского хлеба из черноморских портов [4].

Иностранные дипломаты сообщали, что генералитет русской армии горячо выступал за помощь грекам, тогда как он довольно прохладно относился к идее вооруженной интервенции против революции в Италии [5]. И тем не менее Александр I во время конгрессов в Троппау, Лейбахе и Вероне согласился с Меттернихом, что греческие повстанцы — мятежники, выступающие против своего законного монарха и не заслуживающие поэтому ни малейшей поддержки. Меттерних очень ценил этот свой дипломатический успех. Под флагом легитимизма австрийскому канцлеру как будто удалось полностью парализовать действия России в восточном вопросе.

Даже великий визирь в Константинополе неплохо овладел легитимистской фразеологией Меттерниха, подыскивая благовидные извинения для самых отвратительных злодеяний турецких янычар. Так, в специальной ноте, направленной летом 1821 года петербургскому двору, визирь объяснял необходимостью «подавить мятеж и избавить провинции от революционного зла» даже убийство константинопольского патриарха и многих тысяч греков, проживавших в столице Оттоманской империи. Турецкий сановник уверял, что меры Порты должны встретить всяческое одобрение тех держав, «которые на конгрессе в Лейбахе приступили к укреплению системы всеобщего спокойствия» [6].

Точка зрения Меттерниха была повсеместно усвоена крайними реакционерами. Так, например, французский публицист А. де Жуфруа писал в «Gazette de France» во время конгресса в Лейбахе о «законности» прав турецкого султана на Грецию и что на стороне Махмуда II находятся «справедливость и добропорядочность, зани-

◆

[4] О. Б. Шпаро, Освобождение Греции и Россия, М., 1966, стр. 84—92.

[5] G. Isambert, L'independance grecque et l'Europe, P., 1900, p. 72.

[6] ОРФ Ин-та истории АН СССР, фонд «Ж», д. 172, л. 80.

мающие троны в Европе»[7]. (Это не помешало, впрочем, Бональду разъяснить, что легитимизм — понятие, относящееся только к христианскому обществу и государям.)

Меттерних пытался представить любое выражение сочувствия грекам за свидетельство зараженности революционными настроениями. Узнав о том, что в Баварии несколько ученых призвали к созданию добровольческого Немецкого легиона для помощи грекам и к вступлению в его ряды офицеров и унтер-офицеров, князь предписал австрийскому послу немедленно потребовать от баварского правительства пресечения подобных «мятежных» действий. Заранее отвергая возражения, что такое требование является вмешательством во внутренние дела, канцлер уверял: «Мы рассматриваем интересы наших друзей и соседей как свои собственные, а здесь, кроме того, на карту поставлены интересы всей Германии». Пытаясь запугать баварское правительство, Меттерних добавлял: «Хорошо известно, что враги спокойствия в различных странах пытались, и не без успеха, подорвать дух армии; если им разрешить самим формировать легионы, они, несомненно, смогут коротким путем прийти к цели»[8].

Победа Меттерниха еще более казалась очевидной, когда в мае 1822 года Александр I дал отставку либерально настроенному министру иностранных дел И. Каподистрия, греку по национальности и явному стороннику оказания помощи Россией его соотечественникам. Но даже успех Меттерниха, сумевшего сыграть на усилившихся реакционных устремлениях царя и на желании его укрепить Священный союз для «коллективной» борьбы против революции, оказался достаточно непрочным. (Куда большее влияние на царя оказало не красноречие австрийского канцлера, а сведения о существовании подпольных революционных организаций в России.) К тому же успех этот был достигнут не столько вследствие неоспоримой дипломатической ловкости австрийского канцлера и даже не столько из-за настроений Александра, сколько в результате сложившейся обстановки. В Петербурге не могли не учитывать, что попытки России прийти на помощь грекам и снова поставить на повестку дня

◆

[7] E. Driault, Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours, v. I, «L'insurrection et l'independance», P., 1925, p. 134.
[8] ОРФ Ин-та истории АН СССР, фонд «Ж», д. 204.

восточный вопрос натолкнутся на сопротивление главных европейских держав, особенно Англии, Австрии и Франции. Россия не могла рассчитывать ни на одного союзника, даже на Пруссию. На конгрессе в Троппау прусский министр иностранных дел Бернсторф заметил: «Пруссия желает всего того, чего желает Австрия»[9]. И хотя на деле это совпадение мнений не касалось «всего», слова Бернсторфа вполне отражали позицию Берлина в восточном вопросе.

Все это и определяло сдержанность Александра I, хотя он, словесно объявив о своем полном согласии с легитимистскими доводами Меттерниха, вместе с тем шел на обострение отношений с Турцией. Петербург требовал от Порты религиозной свободы и политической автономии для греческого населения, гарантирования прав русского судоходства и ряда других мер, на которые явно не собирался соглашаться султан. Еще в июне 1821 года русский посол был отозван из Константинополя. Более того, чем дальше, тем явственнее вырисовывалось намерение Александра I добиться от Священного союза такого же мандата на единоличное решение восточного вопроса, какое было получено Австрией в Неаполе и Пьемонте, Францией — в Испании. Это было вполне логично с точки зрения Александра I, который стремился пополнить те дипломатические преимущества, которые приносил ему «коллективизм» Священного союза в западноевропейских делах, применением его к проблемам Оттоманской империи. Это было логично и с точки зрения правящих классов феодально-абсолютистской России, столь же заинтересованных, как и западноевропейская реакция, в поддержании принципов легитимизма, но в то же время стремившихся и к отстаиванию своих прямых материальных интересов, тесно связанных с черноморской торговлей, и политического влияния на Балканах, которое, однако, было никак не совместимо с торжеством легитимизма в этом районе. Как ни старался Александр I поставить знак равенства между австрийской и французской интервенцией и своей активностью в восточном вопросе, между ними не было ничего общего. Там речь шла о реакционной интервенции для удушения революции и национального движения за единство Италии, здесь — о помощи освободительной борьбе греческого народа,

◆

[9] G. Isambert, L'independance grecque et l'Europe, p. 68.

которую Меттерних с полным основанием именовал революцией.

До тех пор пока Александр видел перед собой единую оппозицию своим планам в восточном вопросе со стороны всех остальных великих держав, он должен был волей-неволей соглашаться с меттерниховскими аргументами легитимизма, которые, хотя и грели душу, но ничего не давали для осуществления внешнеполитических целей русского правительства. Положение изменилось с приходом в английское министерство Каннинга. Правда, далеко не сразу. Дело было в том, что, хотя Каннинг и хотел ограничить влияние Священного союза в тех случаях, когда оно противоречило интересам английской буржуазии, британский министр не был склонен действовать подобным образом в восточном вопросе — единственном, где он мог рассчитывать на могущественное содействие русского царя. Сохранение власти Оттоманской империи над Грецией и балканскими славянами при поддержании английского влияния в Константинополе наилучшим образом служило торговым и колониальным интересам Великобритании в Азии. Это было одной из общепризнанных догм британской внешней политики в то время. Она считалась тем более безусловной, что в случае распада Оттоманской империи (а такая перспектива была вполне реальной при новой русско-турецкой войне) русские войска очутились бы в Константинополе. В результате на Балканах образовались бы новые национальные государства, тяготевшие к России в силу экономических связей, этнической, культурной, религиозной общности. Все это грозило коренным образом изменить соотношение сил в Средиземноморье, которое Англия привыкла считать сферой своего преимущественного влияния. Именно поэтому в течение долгих месяцев и после прихода к власти Каннинга английская дипломатия очень холодно относилась к грекам. Если от случая к случаю Англия мягко упрекала султана за излишние жестокости и неуступчивость, то главным образом с целью избежать русско-турецкого конфликта, который мог привести к крушению Оттоманской империи.

Сдвиги в позиции Англии начали обнаруживаться лишь тогда, когда Каннингу — значительно раньше, чем его тугосоображающим коллегам по торийскому кабинету,— стало ясным, что грекам удалось устоять против армии султана. Таким образом, замаячила новая перспек-

тива образования независимой Греции, которая находилась бы целиком под покровительством единственной сочувствовавшей ей великой державы — России. Эти соображения побудили Каннинга к переориентации своего курса в расчете на укрепление английского влияния в Греции. Каннингу тем легче было начать этот поворот, что в Англии, как и в остальных странах Европы, в это время развернулось движение в поддержку Греции — филэллинизм. Достаточно здесь вспомнить героическую роль Байрона, пожертвовавшего жизнью в борьбе за свободу Греции. Было ловко и удобно прятать реальные мотивы британской политики, делая вид, что кабинет уступает давлению общественного мнения и руководствуется гуманными соображениями, пытаясь помочь стране, которой столь многим обязана европейская цивилизация. Вместе с тем теперь в Англии были приложены все старания, чтобы представить греческое восстание как особое явление, нисколько не сходное, как писал один из руководителей английских филэллинов, с «другими народными движениями этого же периода» [10].

24 марта 1823 г. Англия де-факто признала греков воюющей стороной. В начале января 1824 года лондонские банкиры предоставили временному греческому правительству крупные займы (часть этих денег была истрачена на постройку военных кораблей на английских и американских верфях, для найма британских офицеров на греческую службу, оставшаяся часть была прикарманена английскими финансистами и подрядчиками).

К 1824 году выявилась неспособность султана привести к покорности своих греческих подданных. Тогда он решил прибегнуть к помощи своего фактически независимого вассала — египетского паши Мухаммеда-Али, обещая взамен назначить его сына Ибрагима-пашу правителем Мореи (Пелопоннеса). Началась контрреволюционная интервенция хорошо обученной французскими офицерами армии Ибрагима-паши в Греции, которая сопровождалась новыми кровавыми зверствами.

На протяжении всего 1824 года русская дипломатия пыталась добиться какого-то коллективного решения великих держав по греческому вопросу. 9 января 1824 г. ею

◆

[10] E. Blaquiere, Letters from Greece with Remarks on the Treaty of Intervention, L., 1828, pp. XVII—XVIII.

был разослан мемуар, составленный Александром и предусматривавший превращение Греции в три фактически автономных княжества под верховной властью Порты. Каннинг отверг предложение принять участие в конференции, на которой русское правительство предлагало обсудить свой проект. Другие державы — Австрия, Пруссия и Франция, не осмеливаясь ответить прямым «нет», избрали тактику проволочек, рассчитывая, что тем временем победы Ибрагима-паши снимут греческий вопрос с повестки дня европейской дипломатии. Оскорбленный царь решился на меру, фактически равносильную отказу от принципа коллективных действий через посредство Священного союза. В августе 1825 года русские послы в Вене, Париже и Берлине получили предписание прекратить обсуждение восточного вопроса [11]. Этот шаг означал, что Россия решила встать на путь самостоятельных действий. В Европу стали приходить известия о значительных военных приготовлениях на юге России.

В этих условиях Каннинг счел выгодным сделать еще один шаг, вступив в соглашение с Петербургом, которое позволило бы английской дипломатии в известных пределах контролировать действия русской стороны. Супруга царского посла в Лондоне княгиня Д. Х. Ливен (сестра будущего шефа жандармов Бенкендорфа) специально приехала летом 1825 года в Петербург, чтобы сообщить о намечавшемся сдвиге в английской политике. Царь предписал пойти навстречу предложениям Каннинга. Последовавшая через несколько месяцев смерть Александра I в Таганроге и воцарение Николая I лишь ускорили сближение между Лондоном и Петербургом.

Николай I, жестоко расправившийся с восстанием декабристов, стремился укрепить зашатавшийся престиж самодержавия каким-то крупным внешнеполитическим успехом. Логика событий приводила к тому, что реакционнейший царь-вешатель должен был встать на путь поддержки греческих повстанцев. Николай отлично понял, что ему удастся добиться больших уступок от Каннинга, если в Лондоне укрепится убеждение о решимости царя при необходимости действовать единолично, без соглашения с Англией. Петербургский кабинет направил в марте 1826 года ультимативное требование Порте об

◆

[11] О. Б. Шпаро, Освобождение Греции и Россия, стр. 151.

очищении турецкими войсками Дунайских княжеств, возобновлении русского судоходства в проливах и восстановлении ряда прав и вольностей Сербии, отнятых у нее султаном.

4 апреля 1826 г. герцог Веллингтон, прибывший в Петербург на коронацию нового царя, подписал договор, по которому обе стороны обязались добиваться от Порты признания автономии Греции. Договор сохранял за Россией право единоличных действий в случае отказа Турции от выполнения этого требования двух держав. Подписав соглашение, Каннинг по-прежнему стремился к тому, чтобы между Россией и Турцией не произошло вооруженного столкновения и с этой целью оказал сильный нажим на султана, побудив его частично удовлетворить требования Петербурга (Аккерманская конвенция 7 октября 1826 г.). Но это не решало греческого вопроса и сохраняло возможность односторонних действий Николая I, чего так не желали в Лондоне[12]. Впрочем, даже и этот курс Каннинга считался слишком опасным многими руководителями тори и, как выразился впоследствии Веллингтон, проведение его следовало бы приостановить на ранней стадии[13].

Англо-русский договор явился тяжелым ударом для Меттерниха. Австрия, разумеется, отказалась присоединиться к соглашению (так же поступила и Пруссия), но это мало что меняло при установившемся согласии Лондона и Петербурга. Напротив, Франция, несмотря на тесные связи с египетским пашой, после некоторых колебаний решила в декабре 1826 года одобрить англо-русское соглашение. При этом французское правительство, уступая отчасти широко распространенным филэллинистическим настроениям в стране, вместе с Каннингом рассчитывало превратить соглашение в средство «сдерживания» России. 6 июля 1827 г., после многомесячных проволочек, был подписан Тройственный договор, который повторял в основном условия англо-русского соглашения. Орудием, с помощью которого державы собирались принудить Порту принять их требования, стала объединенная эскадра в составе русских, английских и французских кораблей. Инструкции, полученные ее

[12] M. Bourquin, Histoire de la Sainte-Alliance, p. 467.
[13] D. Dakin, British and American Philhellenes during the War of Greek Independence, 1821—1833, Thessaloniki, 1955, p. 171.

командующим лордом Кодригтоном, были достаточно двусмысленны и некоторое время войска Ибрагима-паши могли по-прежнему опустошать многострадальную землю Греции. Однако в конечном счете, благодаря неуступчивости турецких и египетских адмиралов, дело дошло до открытого столкновения. 20 октября 1827 г. в Наваринской бухте турецко-египетский флот был полностью уничтожен союзной эскадрой, в составе которой с особым мастерством и героизмом действовали русские моряки. В ответ султан, уверенный, что Англия и Франция не окажут помощи России, решился на войну. В апреле 1828 года началась русско-турецкая война. Решительные победы над турецкими войсками привели русскую армию к стенам Константинополя. Это обеспечило независимость Греции. Судьбы греческого восстания, как справедливо отмечал Ф. Энгельс, решила «русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы» [14]. Победа греческого восстания была одним из свидетельств крушения политики легитимизма.

Сумерки Священного союза

Ярким проявлением невозможности длительных успехов Священного союза в борьбе против неодолимых развивающихся исторических сил была полная его неудача в попытках «легитимного» разрешения вопроса о восставших испанских колониях в Западном полушарии. Вопрос этот имел длительную предысторию.

Революция, направленная против владычества Испании в Южной и Центральной Америке, назревала еще во второй половине XVIII века, когда там прокатилась волна крупных народных восстаний. Колониальный гнет крайне осложнял дальнейшее развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, противоречил коренным интересам всех классов общества, за исключением верхушки администрации, присланной из метрополии, и католического духовенства. Победа английских колоний в Северной Америке, образовавших независимое госу-

◆

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, стр. 32.

дарство — США, придала населению испанских владений уверенность в достижимости желанной цели — освобождения от испанского гнета.

Большая или меньшая эмансипация американских колоний Испании соответствовала важным политическим и экономическим интересам других держав, особенно Англии[1].

Занятие Испании наполеоновскими войсками в 1808 году послужило толчком для начала революционной войны колонистов за независимость. Уже в первые годы этой войны большая часть территории испанских колоний не признавала власти ни короля Жозефа Бонапарта, ни кадисского правительства, действовавшего именем Фердинанда VII, которого Наполеон держал в плену во Франции. Европейские державы в это время были слишком заняты своими собственными делами (вскоре началось вторжение наполеоновской Великой армии в Россию, изгнание ее оттуда и освободительный поход русских войск в Западную Европу), чтобы особо заниматься проблемами далекой Латинской Америки. Единственным исключением являлась Англия, которая, господствуя на море, расширяла торговлю с освободившимися странами, чему ранее препятствовала запретительная политика испанской администрации.

Весной 1814 года рухнула наполеоновская империя.

Едва вернувшись в Мадрид, Фердинанд VII потребовал от колоний полного повиновения. В манифесте от 20 июля 1814 г., с которым обратился королевский министр Лардисабаль, говорилось, что король простит заблудших, если они «не заставят его из-за своего упрямства прибегнуть к суровости и подчинить их силой оружия». В манифесте без обиняков объявлялось: «Знайте, что независимость — это несбыточная химера и попытка осуществить ее может привести только к вашей собственной гибели»[2]. В феврале 1815 года из Кадиса были отправлены в колонии 11 тыс. солдат карательной армии во главе с генералом Морильо.

Верным союзником испанского короля выступил лишь

◆

[1] Cp. J. Rydjord, Foreign Interest in the Independence of New Spain. An Introduction to the War for Independence, Durham (New Carolina), 1935.

[2] Л. Ю. Слезкин, Россия и война за независимость в Латинской Америке, М., 1964, стр. 87.

римский папа Пий VII. В энциклике, обращенной к латиноамериканскому духовенству, глава католической церкви писал: «...Мы не сомневаемся, что к переворотам в этих странах, столь огорчительным для нашего сердца, вы непрестанно внушаете своей пастве справедливую и твердую ненависть... Мы призываем вас вновь и вновь не жалеть усилий, чтобы выкорчевать и совершенно истребить гибельное сплетение бунтов и мятежей, вызванных врагами в этих странах». Римский первосвященник требовал от католического клира усердно напоминать прихожанам об исключительных добродетелях «нашего любимейшего сына во Христе, Фердинанда, вашего католического короля, для которого превыше всего религия и благополучие его подданных»[3]. Выполняя это указание Ватикана, верхушка католической церкви ревностно сотрудничала с испанскими карателями. Взятых в плен руководителей восставших колонистов нередко судили судом инквизиции. Так, инквизиция вынесла обвинительный приговор народному герою Мексики священнику Идальго, который был после этого казнен испанцами. Та же инквизиция осудила преемника Идальго — Морелоса, объявив его «еретиком и распространителем ереси, гонителем и преследователем церковного начальства, осквернителем церковных таинств, раскольником, развратником и лицемером, неисправимым врагом Христа, поклонником еретиков Гоббса, Гельвеция, Вольтера, Лютера и им подобных прокаженных авторов, материалистов и атеистов, предателем бога, короля и папы». На основе этого вердикта Морелос был расстрелян испанцами.

Воспользовавшись отсутствием внутреннего единства в революционном лагере, боязнью помещиков-креолов народных масс и поэтому их склонностью идти на компромисс с метрополией, испанские генералы сумели добиться временных успехов. Однако уже во второй половине 1816 года наметился новый перелом в борьбе, на этот раз в пользу патриотов, который привел в последующие годы к ряду крупных поражений испанских войск, выявивших непрочность надежд на торжество контрреволюции.

Великие державы, номинально признав права Фердинанда VII на испанские владения в Западном полуша-

◆

[3] И. Лаврецкий, Тень Ватикана над Латинской Америкой, М., 1961, стр. 101.

рии, мало верили в то, что Мадриду удастся восстановить свою власть в заморских владениях. Английское правительство (а его позиция как наиболее сильной морской и торговой державы имела решающее значение) считало даже, что неопределенное положение в испанских колониях имеет свои преимущества. С одной стороны, британский торийский кабинет мог следовать своим легитимистским симпатиям, объединявшим его со Священным союзом. С другой стороны, английские купцы имели возможность вести широкую торговлю с отпавшими испанскими колониями, не опасаясь запретительных мер, с помощью которых Мадрид, защищая свою монополию, веками пытался воспрепятствовать коммерческим связям иностранцев с заморскими владениями Испании. (Вместе с тем, чтобы предотвратить американскую конкуренцию, правительство лорда Ливерпуля всячески старалось помешать признанию восставших колоний Соединенными Штатами.) В годы континентальной блокады, как отмечали в парламенте, Южная Америка фактически получала только британские промышленные изделия и английская буржуазия не желала отказываться от своего исключительного положения на рынках этого континента[4]. Как вспоминала немного позднее газета «Таймс», в Лондоне считали, что, наряду с окончанием континентальной блокады после крушения наполеоновской империи и подписанием мира с США, открытие «портов Южной Америки вследствие конфликта Испании с ее колониями... предоставляло британским промышленникам безграничный и неистощимый рынок»[5].

Не признавая отпавшие колонии, Англия, однако, пыталась добиться от Испании формального согласия на открытие портов ее владений для иностранной торговли[6]. А вигская оппозиция постоянно укоряла торийское правительство за пассивность, проявлявшуюся, по ее мнению, в этом вопросе. Английские купцы жаловались, что им в ряде случаев приходится приостанавливать торговлю с Южной Америкой из опасения конфискации товаров испанцами. На это, например, указывала петиция торговой палаты Бирмингема. (Эта торговля наладилась толь-

◆

[4] «Hansard's Parliamentary Debates», v. 33, p. 1184.
[5] «The Times», Aug. 6, 1819.
[6] W. Kaufmann, British Policy and the Independence of Latin America (1804—1828), New Haven, 1951, p. 107.

ко после поражения испанских войск в 1821 г.[7]). Поэтому Каслри отклонил предложение, выдвигавшееся царским правительством, выступить от имени великих держав посредником между Фердинандом VII и его восставшими подданными в Южной Америке, а также идею «коллективного» посредничества участников Священного союза. Английское правительство соглашалось, и то на словах, лишь на мирное посредничество, которое нисколько не устраивало Мадрид, так как шло вразрез с его интервенционистскими планами, не обеспечивало главного для него — вооруженной помощи других держав для подавления «мятежа» колонистов. Впрочем, и Александр I хотел сохранить лишь престиж легитимизма, некоторые интересы монархической Испании и не пытался решить безнадежную задачу полного восстановления рухнувшего колониального режима. Русское правительство даже считало необходимым проведение там конституционных реформ. Оперируя легитимистской фразеологией, Александр I стремился прежде всего к сохранению своего влияния на Испанию, а также к тому, чтобы с помощью «коллективного» посредничества не допустить бесконтрольных действий Англии в Латинской Америке.

Париж выдвинул было проект создания в Испанской Америке нескольких монархий во главе с испанскими и французскими принцами из дома Бурбонов[7a], но этот химерический план сразу потерпел неудачу, встретив оппозицию России, поскольку он был связан с вмешательством в латиноамериканские дела.

На том дело застряло и при неофициальном обсуждении его на Ахенском конгрессе держав Священного союза в 1818 году, куда Испания не была допущена. После этого в Мадриде с тупым упрямством решили полагаться только на новую карательную армию, которую подготовляли к отправке в колонии и которая должна была свести на нет растущие успехи повстанцев. В феврале 1819 года Испания согласилась на уступку США Флориды, захваченной американскими войсками. Таким путем в Мадриде надеялись побудить США к отказу или оттяжке признания ими независимости колоний.

◆

[7] A. Redford, Manchester Merchants and Foreign Trade, Manchester, 1934, p. 99.

[7a] W. Robertson, France and Latin-American Independence, Baltimore, 1939, pp. 140—146 a. o.

Испанская армия, предназначенная для отправки за океан, не пожелала быть послушным орудием деспотизма. Она стала застрельщиком испанской революции, серьезно изменившей всю обстановку.

Правда, пришедшее к власти правительство умеренных рассчитывало на то, что сумеет уговорить колонии вернуться под власть теперь уже конституционной Испании. Испанские генералы осенью 1820 года заключили перемирие с патриотами. Однако иллюзии скоро рассеялись. Патриоты пошли на этот шаг только лишь потому, что рассчитывали достичь независимости мирным путем. Когда выяснилось, что новое мадридское правительство на это не пойдет, война возобновилась, принимая все более неблагоприятный для испанцев оборот. Вместе с тем теперь вмешательство держав Священного союза в пользу испанских «мятежников», не поладивших с «мятежниками» латиноамериканскими, становилось немыслимым. А английская буржуазия, воспользовавшись успехами патриотов, как раз с этого времени начала расширять свою торговлю с Латинской Америкой до невиданных прежде размеров. Значение ее для Англии столь увеличилось, что вопрос о признании колонистов, добившихся уже решающих военных успехов повсеместно от Мексики до Перу и Чили, снова встал на повестку дня. Причем, чтобы было легче обойти легитимистские препоны, в Лондоне считали полезным предоставить США инициативу в этом деле.

В марте 1822 года США признали независимость бывших испанских колоний в Западном полушарии. В ответ Испания решилась на явно неразумный шаг, совершенно не учитывавший реальную обстановку. 9 мая испанское правительство уведомило в специальном заявлении европейские государства, что она будет считать признание независимости колоний со стороны любого из них как нарушение принятых на себя договорных обязательств. Иными словами, правительство конституционалистов, и без того изолированное и находившееся под дамокловым мечом угрожавшей ему интервенции Священного союза, само шло на новое обострение отношений с другими странами, и прежде всего с Англией, во имя совершенно уже нереальных планов восстановления господства Испании в ее бывших владениях. А ссылки на принципы легитимизма, которыми мадридский кабинет пытался подкрепить свои притязания в глазах Священ-

ного союза, на деле лншь снова ставнли вопрос о «законностн» самого испанского правительства, пришедшего к властн в результате революцнн.

Державы Священного союза ответнли, что они попрежиему хотелн бы видеть колоиии под властью Фердниаида VII, и добавляли, что, сохраняя вериость ндеям легнтнмизма, оии рады вндеть, что испаиское правительство также придерживается столь похвальиых прннципов. Немногне месяцы отделялн посылку этой ноты от разрыва Священным союзом во нмя того же легнтимнзма днпломатическнх отношеинй с Мадрндом н начала открытой вооружеииой ннтервеицнн противь испанской революцнн. Трудио найтн более яркое подтверждеине той истине, что попытки навязать ярмо рабства другим иародам не могут не вестн к гибели свободы в своей страие.

Разумеется, инкакой поддержки от Священного союза конституционное правнтельство Испаннн не получнло, а латнноамерннкаискнй вопрос всерьез стал обсуждаться велнкимн державами уже в связн с плаиами интервенции протнв Испанни. На Веронском конгрессе Священного союза предложеине Веллннгтоиа о признаиин де-факто иезавнсимостн колонний было отвергнуто, но в отношеиии них н не предполагалось предпрниимать каких-либо действнй. Тогда Каннниг, невзирая на легитнмнстские предубеждеиня своих коллег, решил сделать первый шаг к прнзнанию колонний Англней н поставнть тем самым Священный союз перед совершившнмся фактом. В ноябре 1822 года брнтанскнй кабииет прниял решеиие направить в бывшне нспанскне колонии офнциальиых торговых агентов, по существу аиглнйскнх консулов. Как уже отмечалось, не препятствуя вооруженной иитервенцни в Испаиии, Каннинг довел до сведеиня правительства Виллеля, что попытка распростраинть эту фраицузскую акцню иа нспанскне колонии вызывет сопротивлеине Англии. Английская днпломатня учнтывала, что размеры Латннской Амернки, опыт, прнобретениый ее иародами в борьбе за незавнснмость, нсключают возможиость успешной ннтервеицин нз отдалениой Европы. (Так, в частиостн, оценнвалась возможность нападення на Мексику[8]).

◆

[8] «Britain and the Independence of Latin America, 1812—1830», Selected Documents from the Foreign Office Archives. Ed. by C. K. Webster, v. L., 1938, p. 443, a. o. (L. Harvey to G. Canning, Mexico. Jan. 18, 1824.)

Тем не менее планы интервенции были отнюдь не чужды французским ультрароялистам. Впоследствии, 25 марта 1824 г., Шатобриан писал французскому послу в Петербурге Ла Ферроне, что он первым выдвинул перед державами мысль обсудить вопрос о судьбах испанских колоний [9]. Еще до начала интервенции в Испанию орган ультрароялистов «Журналь де деба» 13 декабря 1822 г. напечатал статью, явно исходившую из правительственных сфер, в которой предлагалось направить испанских принцев в Мексику и Перу в сопровождении французской военной эскадры [10]. Этот проект приобрел серьезное значение летом 1823 года, когда выявился успех французской интервенции. Однако он не встретил поддержки ни у Александра I, ни даже у Меттерниха, и вскоре был отставлен как явно нереальный, поскольку осуществление его вызвало бы сопротивление Англии и США.

США, ничего не сделавшие для поддержки борьбы испанских колоний за независимость и даже в своих эгоистических интересах не раз выступавшие пособниками Испании [11], считали для себя невыгодной и опасной интервенцию Священного союза. Американский посол в Париже А. Галлатин в июне 1823 года ясно дал понять, что, по его мнению, США будут силой противодействовать попытке Франции занять испанские колонии или помочь Испании в этом деле и с этой целью будут вынуждены пойти на союз с Великобританией [12].

Осенью 1823 года Каннинг, убедившись, что позиция Франции в отношении судьбы колоний никем не поддерживается, перешел в наступление и добился своего. Парижский кабинет устами французского посла в Англии Полиньяка признал, что считает невозможным восстановить власть Испании над ее бывшими владениями в Америке и не собирается требовать передачи Франции какой-либо из прежних испанских колоний или добиваться

◆

[9] АВПР, ф. Канц., д. 3911, лл. 34—35.
[10] Н. Н. Болховитинов, Доктрина Монро, М., 1959, стр. 167.
[11] Н. Н. Болховитинов, К вопросу о позиции США в войне Латинской Америки за независимость, «Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826)», под ред. Н. М. Лаврова, М., 1964, стр. 203—239.
[12] «Diplomatic Correspondence of the United States concerning the Independence of the Latin-American Nations», Selected and arranged by W. R. Manning, v. II, N. Y., 1925, pp. 1397—1398. (A. Gallatin to John Quincy Adams, June, 24, 1823).

там для себя преимущественного положения. Правительство Франции пошло на этот шаг не только из-за желания не обострять отношений с Англией. Поскольку в сложившихся условиях не было надежды на восстановление власти Испании в колониях, даже ультрароялистское правительство Виллеля при всех его легитимистских устремлениях должно было подумать о целесообразности признания новых государств, столь важного с точки зрения интересов французской торговли. Шатобриан анонимно опубликовал в январе 1824 года в «Журналь де деба» статью, в которой для успокоения Лондона и Вашингтона разъяснял, что, насколько ему известно, никто не собирается нападать на Южную Америку. Вместе с тем, как отмечала американская дипломатия, такие крайние роялистские органы, как «Котидьен», продолжали призывать к вооруженной интервенции.

Прежде чем окончательно отказаться от интервенционистских планов, правительство Виллеля начало новый тур переговоров с другими участниками Священного союза. Полученные ответы были различны, но никто не собирался идти дальше идеи мирного посредничества между Испанией и колониями. А когда Фердинанд VII в ноябре 1823 года запросил державы о таком «посредничестве», которое было бы равносильно приглашению Священного союза отвоевать для Испании отпавшие колонии, он всюду натолкнулся на вежливый, но категорический отказ. Взамен под давлением держав Испания должна была в декабре 1823 года выдвинуть идею обсуждения на специальном конгрессе вопроса о судьбе ее бывших колоний. Каннинг в январе 1824 года решительно отверг этот проект. Ему тем более легко было пойти на этот шаг, что 2 декабря 1823 г. в послании к американскому конгрессу президент Монро сформулировал принципы, известные под более поздним названием «доктрины Монро». В них провозглашалось, что американский континент не должен являться объектом для новой европейской колонизации и любые попытки вмешательства стран Европы в дела американских государств с целью утверждения там своей политической системы и господства будут считаться угрозой для США. Одновременно в послании указывалось, что США не собираются вмешиваться в дела Европы и уже существующих европейских колоний. Хорошо известно, что «доктрина Монро» впоследствии стала знамением американской экспансии. Од-

нако во время своего провозглашения она имела прогрессивное значение, окончательно обрекая на провал, как отмечал К. Маркс, составленные французскими ультрароялистами планы «пересаживания Священного союза по ту сторону Атлантического океана» [13].

Провозглашение «доктрины Монро» находилось в зависимости от занимаемой Англией позиции. Вместе с тем, выдвигая, хотя и в косвенной форме, американские притязания на главенство в Западном полушарии, она вызвала тревогу в Лондоне [14]. Каннинг писал британскому послу в Вашингтоне: «Открыто признаваемые притязания США возглавить конфедерацию всех американских стран и направить эту конфедерацию против Европы (включая Великобританию) не являются притязаниями, которые соответствовали бы нашим интересам и которые мы могли считать терпимыми» [15].

В конце 1824 года глава английского кабинета лорд Ливерпуль с тревогой писал: «Взгляды и политика североамериканцев, по-видимому, направлены главным образом на то, чтобы заменить наше торговое судоходство своим во всех частях мира, и особенно в морях, омывающих Америку». Британский премьер-министр подчеркивал, что, если латиноамериканские страны войдут в «систему», возглавляемую США, это будет «роковым для величия» Англии [16]. Признания независимости испанских колоний, таким образом, помимо всего прочего, требовало и растущее англо-американское соперничество. Недаром Каннинг после того, как это признание последовало, иронически заметил: «Янки будут кричать от восторга, но именно они будут стороной, которая более всего потеряет от нашего решения» [17]. (На деле в Вашингтоне без всякого восторга встретили этот английский ход.)

◆

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 381.

[14] Н. Болховитинов, Доктрина Монро, гл. 3.

[15] «Cambridge History of British Foreign Policy, 1783—1919», v. II, Cambr., 1923, p. 234.

[16] J. F. Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America (1808—1830), Baltimore, 1929, p. 110; Cp. A. P. Whitaker, The United States and the Independence of Latin America, Baltimore, 1941, p. 447 a. o.; W. Kaufmann, British Policy and the Independence of Latin America, (1804—1828), pp. 139, 162 f.; G. Dangerfield, The Era of Good Feelings (1815—1828), N. Y., 1951.

[17] J. F. Rippy, Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America (1808—1830), p. 247.

Еще до признания Англией независимости британских колоний правительства стран Священного союза вели дипломатическую переписку по этому вопросу. Французское правительство и в 1824 году не отказывалось окончательно от планов использования силы против испанских колоний [18]. Последовало запоздалое провозглашение Испанией в феврале 1824 года свободы торговли с колониями. Однако из этой переписки ничего не вышло. Державы Священного союза надеялись различными дипломатическими мерами удержать хотя бы на время Англию от признания независимости бывших испанских колоний. Эти меры имели бы смысл, если бы Испания сохранила какие-либо шансы на то, чтобы собственными силами восстановить свое господство в заморских владениях. Но положение испанских войск к концу 1824 года было совершенно безнадежным. Направлявшиеся время от времени из Испании подкрепления были крайне малочисленны. К тому же из-за неисправности кораблей большая часть этих войск была вынуждена возвратиться назад. Многие испанские солдаты переходили на сторону колонистов. 9 декабря 1824 г. армия вице-короля Перу — последняя, которой располагала Испания в колониях,— потерпела сокрушительное поражение при Аякучо. С военной точки зрения все было кончено. А 31 декабря Каннинг объявил о решении Англии признать независимость новых государств, образовавшихся на территории бывших испанских владений. Четыре континентальные державы — участницы Священного союза выразили лишь свое сожаление. При этом Меттерних, провоцируя Испанию на разрыв с Англией, известил Каннинга, что Австрия с пониманием относится к английским действиям.

После этого речь могла идти только о сугубо второстепенном: когда каждая из держав Священного союза и, наконец, сама Испания сочтут для себя более выгодным перестать игнорировать реальное положение вещей и официально признать новые государства.

Священный союз, сумевший восстановить путем вооруженного вмешательства абсолютную власть Фердинанда VII в Испании, оказался не в состоянии даже приступить к реставрации испанского владычества в ко-

◆

[18] Л. Ю. Слезкин, Россия и война за независимость в Латинской Америке, стр. 308.

лониях. Идея вооруженной интервенции в Латинскую Америку возникала лишь в фантазии Шатобриана и других французских ультрароялистов, опьяненных быстрым продвижением французской армии по испанской земле. Но и в Испании менее чем через десятилетие неотвратимый ход истории перечеркнул результаты этой самой крупной интервенции Священного союза.

Военные действия Испании против ее латиноамериканских владений завершили цепь колониальных войн, являвшихся вместе с тем реакционными интервенциями, которые вели главные колониальные державы в конце XVIII — начале XIX века. Таким образом, эта вереница интервенций в своей совокупности имела объективной целью помешать распаду колониальной системы феодализма и мануфактурного капитализма, созданной в XVI—XVIII веках. Советская специальная литература еще не исследовала этот распад в его целом. Поэтому самое понятие его не фигурирует в исторических исследованиях. Тем не менее очевидно, что за короткий полувековой промежуток (примерно 1775—1825 гг.) политическую независимость завоевали основные колонии европейских держав в Западном полушарии. Большая часть владений, еще находившихся в то время в силу тех или иных причин в колониальной зависимости (Канада, Куба), сумели добиться политической независимости задолго до того, как начался кризис колониальной системы империализма, и завоевание ими государственной самостоятельности может с законным основанием рассматриваться как завершение освободительного процесса конца XVIII — начала XIX века. Конечно, наряду с этим распадом, и особенно после него, происходило формирование колониальной системы промышленного капитализма и позднее — империализма в Азии и Африке, но это уже был совершенно другой процесс, определявшийся иными закономерностями. В рамках истории интервенций важно зафиксировать, что попытки крупнейших держав того времени — Англии, Франции, а также Испании и Португалии — с помощью целого ряда карательных экспедиций удушить освободительные революции в странах Западного полушария окончились полным провалом, что, однако, не исключало стремлений этих держав установить скрытые формы зависимости.

Неудачи в Греции и Латинской Америке означали фактический распад Священного союза. Одним из след-

ствий этого было создание международной обстановки, которая воспрепятствовала сколько-нибудь серьезным попыткам организации в 1830 году интервенции против июльской революции во Франции, свергнувшей Бурбонов, и последовавшей за ней бельгийской революции. Немалое значение имело здесь то обстоятельство, что французская революция, в которой контроль над событиями прочно удерживала буржуазия, не вызвала опасений за Ла-Маншем. Наоборот, она поощрила английскую промышленную буржуазию потребовать (и добиться) в 1832 году в результате парламентской реформы допуска ее к непосредственному управлению страной. Руки Николая I были целиком связаны восстанием в Польше. В таких условиях интервенционистские силы в Вене и Берлине могли проявить себя лишь в удушении революционного движения в малых германских и итальянских государствах.

К 30-м годам XIX в. Священный союз превратился в анахронизм в новой буржуазной Европе. Однако его распадение не побудило правительства великих держав к отказу от самой идеи использования какого-то международного механизма для борьбы против революций. Таким орудием был призван стать «концерт» держав, то есть вырабатываемая на международных конференциях согласованная позиция главных европейских стран в отношении революции. Еще на конференции, созванной в апреле 1831 года для обсуждения вопроса о бельгийской революции, которая привела к отделению Бельгии от Нидерландского королевства, было объявлено (ст. 19 протокола): «Каждая нация обладает особыми правами; но и Европа также имеет свои права. Они проистекают из общественного порядка»[19].

Дороги в Рим

В 1848—1849 годах ураган революций пронесся над большинством стран Западной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Европы. Никогда еще до того времени история не знала такого взрыва революционной борьбы масс в целом ряде государств.

◆

[19] F. H. Hinsley, Power and Pursuit of Peace, pp. 224—225.

Причины одновременного возникновения этих революций — буржуазных и буржуазно-демократических по своему классовому характеру — коренились в относительно равномерном развитии капитализма в различных странах и углублении кризиса феодально-абсолютистского строя, находившегося на последней стадии своего исторического пути. Возникшее в результате резкое обострение классовой и национально-освободительной борьбы было еще более усилено влиянием торгово-промышленного кризиса 1847 года, а также последствиями неурожая в ряде европейских стран. Франция, Пруссия и другие части Германии, многонациональная Австрийская империя, итальянские государства оказались в январе, феврале и марте 1848 года в самом центре революционной бури, сильнейшие отклики на которую возникли повсеместно в Лондоне и Мадриде, в Стокгольме и Бухаресте, Дублине и Кракове, в тысячах городов и сел европейских стран. Вполне понятно, что в эти революционные месяцы и годы внутренняя контрреволюция особенно усиленно стремилась к объединению с самыми различными силами внешней реакции, и это многократно приводило к иностранным вооруженным интервенциям и другим формам иноземного вмешательства.

Несомненно, что успехи европейской революции зависели в огромной степени от ее судеб во Франции и Германии. А там революция, прежде всего вследствие трусости либеральной буржуазии, ее страха перед пролетариатом и готовности к компромиссу с силами старого порядка, стала вскоре терять одну за другой завоеванные позиции.

Особенно ярко это проявилось во Франции, где события развернулись в обратной последовательности по сравнению с тем, как это происходило за полстолетие с небольшим, во время Великой французской революции конца XVIII века. Тогда за господством умеренных конституционалистов последовали приход к власти жирондистов, а затем установление диктатуры якобинцев. Каждая из этих партий опиралась на более передовую и уступала место последней, когда отказывалась идти дальше по пути революционных преобразований. Революция двигалась, употребляя знаменитое выражение К. Маркса, по восходящей линии. Во время революции 1848—1849 годов происходило, напротив, обратное движение, когда власть на каждом этапе переходила ко все более

умеренным, половинчатым, а позднее консервативным силам. Революция двигалась, таким образом, по нисходящей линии [1].

Жирондисты стремились к «экспорту революции», чтобы не допустить движения революции по восходящей линии. «Подталкивание» революции во вне было, по существу, формой ее сдерживания в самой Франции. Буржуазно-республиканские и конституционно-монархические партии в 1848—1849 годах, чтобы ускорить движение революции во Франции по нисходящей линии, встали на путь экспорта контрреволюции. Они душили революцию за рубежом, чтобы надежнее покончить с нею в собственной стране. В 1792 году речь шла о ликвидации монархии, «насаждении» буржуазно-демократического строя, в 1848—1849 годах — о восстановлении абсолютизма, о реставрации старых феодальных порядков. Конечно, это раскрылось не сразу, лишь по мере нисходящего движения революции во Франции. В конституции, принятой 4 ноября 1848 г., когда было сделано уже немало шагов в этом направлении, все еще декларировалось (ст. 5), что Французская республика «уважает независимость других наций и намерена заставить уважать и свою независимость. Она не будет предпринимать никаких агрессивных войн и никогда не употребит своей силы против свободы какого бы то ни было народа». Потребовалось совсем немного времени, чтобы выявилась пустота этих обязательств. Тот, кто намеревался выполнять свои обещания, не имел для этого силы, а тот, кто был достаточно силен, не собирался их выполнять.

Случай для экспорта контрреволюции представился в Италии — да еще какой благоприятный для монархистов разных толков, очутившихся у кормила правления Французской республики.

Как уже отмечалось, революция в Италии началась одновременно со свержением монархии во Франции в феврале 1848 года. На севере Италии она привела к войне между Пьемонтом и Австрией, стремившейся удержать под своей властью Ломбардо-Венецианскую область. Эта война, которая велась туринским правительством либералов очень нерешительно, шла с переменным успехом и в

◆

[1] См. К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 8, стр. 141).

конечном счете окончилась к лету 1849 года восстановлением австрийской власти над Ломбардией, жестоким подавлением народных восстаний в Милане, Генуе, Брешии и других городах. 11 августа 1848 г. восстала Венеция, провозгласившая себя независимой республикой. Одиннадцать месяцев Венеция, преданная сардинской монархией, героически сражалась против осаждавших город австрийцев, пока не была побеждена вследствие огромного перевеса сил неприятеля. Еще ранее была задушена революция в Неаполе и Сицилии, в Тоскане.

Однако, пока на Апеннинском полуострове пылало революционное пламя, взоры всей Италии были обращены к древней столице — к Риму, где народ низвергнул тираническую власть римского папы. Пий IX, несколько месяцев поневоле разыгрывавший конституционного монарха, ждал лишь подходящего времени для расправы с мятежниками и восстановления абсолютизма. В ноябре 1848 года испуганный размахом революции Пий IX бежал в Гаэту и обратился за помощью к католическим державам. Глава церкви требовал силой оружия расправиться с его подданными, создавшими Римскую республику. На призыв обиженного папы поспешила откликнуться Австрия, стремившаяся к полной реставрации всех дореволюционных порядков и границ во всей Италии, а также Испания, неаполитанский король Фердинанд II и даже Сардинская монархия, изображавшая себя защитницей итальянских национальных интересов.

Не осталось глухим к жалобам римского первосвященника и французское правительство, состоявшее из буржуазных республиканцев, незадолго до этого в июне потопивших в крови восстание парижского пролетариата. Генерал Кавеньяк — палач, расправившийся с парижскими рабочими, послал флот к итальянским берегам для защиты папы. Это уже было зародышем французской интервенции, в пользу которой ратовали различные монархисты Франции — легитимисты, представители земельной аристократии (сторонники свергнутой в июле 1830 г. старшей ветви династии Бурбонов) и орлеанисты — защитники интересов финансовой аристократии, выступавшие за возвращение к власти Орлеанского дома, младшей ветви Бурбонов, низложенной в феврале 1848 года.

В декабре 1848 года голосами крестьянства — большинства французского населения — президентом страны

был нзбраи Луи Наполеои Боиапарт, прокладывавший себе путь к троиу. Борьба протнв Рнмской республикн оказалась для Луи Бонапарта весьма выгодной по нескольким соображеииям. Во-первых, она позволяла вырвать ннициатнву нз рук Австрии н укрепить фраицузскне познцни в Италии; во-вторых, давала возможиость в удобный момеит спровоцировать своих протнвников нз лагеря мелкобуржуазных республикаицев иа выступлеиие протнв полнтнки иитервеиции, чтобы разом покончнть с их оппозицней. Ведь здесь власти заранее была обеспечена полиая поддержка французского духовеиства, пользовавшегося большим влияиием иа крестьян. Это выступление можио было бы легко изобразить французскому крестьянству как вызов церкви, главу которой Бонапарт защищал от безбожннков — революционеров. «Бонапарт не нуждался больше в папе, чтобы стать презндеитом крестьяи, ио он нуждался в сохранеиин папской власти для того, чтобы сохраиить за собой крестьяи,— писал Маркс.— Их легковерне сделало его президентом. Вместе с верой оии теряли легковерие, а с папой — веру. Что же касается объеднеииых орлеанистов и легитимистов, господствовавших именем Боиапарта, то ведь, прежде чем восстановить короля, надо было восстаиовить власть, которая освящает королей. И дело ие только в нх роялнзме — ведь без старого Рима, подчниенного светской власти папы, иет папы, без папы нет католицизма, без католицизма иет фраицузской релнгии, а без релнгни, что́ стало бы со старым французским обществом? Ипотека крестьяннна иа иебесиые блага является гараитней для ипотеки буржуа иа крестьяискне землн. Римская революцня была, следовательио, таким же страшным посягательством на собствеииость, иа буржуазиый порядок, как н июньская революция. Восстановлеиное господство буржуазии во Фраицин требовало реставрацин папской власти в Риме.

Наконец, в лице рнмских революциоиеров наносился удар союзникам фраицузских революцноиеров; союз контрреволюциоиных классов в учреждениой Французской республике нашел свое естествеиное дополиенне в союзе Фраицузской республики со Священиым союзом, с Неаполем н Австрией»[2]. Одиако в то же время фран-

◆

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 55—56.

цузская дипломатия стремилась подчеркнуть, что цель интервенции — упредить действия абсолютистских правительств Вены и Неаполя.

В феврале 1849 года в Риме была провозглашена республика. 20 февраля папа обратился к Франции, Испании, Австрии и Неаполю с просьбой о помощи, дабы «освободить государство святого престола от злополучной группы, которая установила там, совершая все виды преступлений, самый свирепый деспотизм».

31 марта Учредительное национальное собрание приняло резолюцию о поддержке исполнительной власти, если та сочтет необходимым предпринять временную оккупацию части Апеннинского полуострова, чтобы «лучше гарантировать неприкосновенность территории Пьемонта и интересы Франции». Иначе говоря, Учредительное собрание пыталось придать французской интервенции видимость антиавстрийской акции и чуть ли не защиты итальянских национальных интересов, отстаиваемых Пьемонтом против Австрии[3].

Во главе специального экспедиционного корпуса был поставлен генерал Удино, сын маршала первой империи. 17 апреля, запрашивая у собрания деньги для экспедиции, глава правительства Одилон Барро заявил, что ее целью будет, «опередив Австрию, учредить в Риме французское влияние, восстановить авторитет святого отца и опросить мнение населения римских владений, которое наши дипломатические представители изображают находящимся под господством партии, не одобряемой и не признанной Францией, и участвовать при соблюдении авторитета папы в создании нового правительства, столь же чуждого нынешним злоупотреблениям, как и слишком ревностной реакции».

Таким образом, если Пий IX призывал покончить с «деспотизмом» восставшего народа, О. Барро разъяснял, что французское правительство считает возможным вмешательство для восстановления власти папы и обещал лишь, что эта реставрация не будет сопровождаться реакционными эксцессами и полным восстановлением дореволюционного порядка. В Париже даже делали вид, что французское правительство стремится лишь к по-

◆

[3] Д. Канделоро, История современной Италии, т. 3, М., 1962, стр. 536.

средничеству между папой и населением Римского государства. Барро отказался ответить на вопрос одного из депутатов, спросившего, «какую позицию займет наша армия, если Римская республика не пожелает возвращения папы?»[4]. Стало ясно, что речь идет о навязывании Пия IX римлянам силой оружия.

Характеризуя смысл действий французского правительства, царский посол Киселев сообщал 18 апреля 1849 г. Нессельроде, что посылкой экспедиции Париж «хоронит революционную политику Франции в отношении других стран»[5]. Что же касается демагогических заявлений, что экспедиция имеет целью предупредить реакционные действия Австрии, то Киселев рекомендовал относиться снисходительно к этой словесности, к которой должны были прибегать «благонамеренные» люди, так как они стремились получить согласие собрания «с помощью прекрасных слов или кривотолков» (par de belles phrases ou par de fausses interpretations)[6]. В следующем донесении Киселев сообщал о приеме у президента 26 апреля, во время которого Бонапарт подчеркнул, что экспедиция Удино ставит целью только восстановление власти папы, что об этом нельзя говорить открыто. Киселев приводит циничное замечание своего собеседника: «Ясно, что республика не может откровенно заявить, что она борется против другой республики, взяв сторону монарха, но именно так обстоит дело...»[7].

В инструкциях, данных министром иностранных дел Друэн де Люисом генералу Удино, датированных 18 апреля, говорилось: «Вам известно, что существованию нынешнего правительства в Риме, которое мы никогда не признавали, угрожает внутренняя реакция и внешняя интервенция. Приближение неизбежного кризиса заставляет нас принять меры как для сохранения нашей доли влияния на полуострове, так и для того, чтобы обеспечить создание в Римском государстве нормального порядка вещей, соответствующего интересам и законным правам населения»[8]. Опять тот же двусмыслен-

◆

[4] « Le Moniteur», 17 avr., 1849.
[5] АВПР, ф. Канц., д. 123, лл. 264—265.
[6] Там же, лл. 272—273.
[7] Там же, лл. 320—321.
[8] «Oudinot de Reggio. L'expédition de Rome, 1849—1850», «La Revue de France», N° 12, 1931, p. 623.

иый язык, при котором иитервеиция предстает чуть ли ие как средство борьбы против иитервенции, а ее реставраторские цели прикрыты фразеологией, вполие могущей означать и согласие иа сохраиеиие строя, возиикшего в результате революции!

14 апреля были погружеиы иа корабли 14 тыс. солдат. Через десять дией французская эскадра приблизилась к Чивита-Веккия, вскоре фраицузы заияли этот порт. При этом полковиик Леблаи, иаправлеииый Удиио в Рим, заявил властям республики, что французские войска послаиы, чтобы воспрепятствовать австрийско-иеаполитаиской иитервеиции и обеспечить посредиичество между Пием IX и жителями Римского государства. Учредительиое собраиие Рима по докладу члеиа правящего триумвирата, революциоиера-демократа Д. Мадзиии, едииодушио отвергло французское посредиичество и решило «отразить силу силой». 30 апреля французские войска подошли к Риму и попытались иеожидаииым штурмом овладеть городом. Защитиики Рима, среди которых иаходился герой итальяиского иарода выдающийся революциоиер Гарибальди, отбили иитервеитов. Триумвират, одиако, решил ие развивать достигиутый успех и ие преследовать отступавший корпус Удиио. Мадзиии еще иадеялся, что Париж измеиит свою политику (тем более, что римляиам одиовремеиио иадо было отражать вторжеиие австрийских и иеаполитаиских войск, захвативших зиачительиую часть территории бывшего папского государства) [9].

Во Франции часть буржуазиых и мелкобуржуазиых республикаицев подвергла критике правительство, которое лицемерио заявляло, что иикто ие приказывал Удиио свергнуть правительство Римской республики. В результате Учредительиое собраиие приияло двусмыслеииую резолюцию, призвавшую правительство «иемедлеиио отдать иеобходимые распоряжеиия, чтобы экспедициоииый корпус более ие отклоиялся от поставлеииой перед иим задачи». Но ведь задача экспедициоииого корпуса была созиательио сформулироваиа столь иеопределеиио, что иа иее возможио было ссылаться для оправдаиия любых действий иитервеитов. А Луи Боиапарт, в специальиом письме поблагодарив Удиио за его действия,

◆

[9] Д. Канделоро, История современной Италии, т. 3, стр. 538—540.

объявил, что затроиута воиская честь французов и что в Италню будут посланы подкреплення. Одновременно, учитывая внутриполнтнческую обстановку во Францин, где предстояли выборы в Законодательное собранне, правительство решнло вынграть время. В Рим был направлен французский днпломат Ф. Лессепс (будущнй строитель Суэцкого канала), который достнг соглашеиня с Мадзини о том, что Франция ие будет вмешнваться во виутреинне дела Рнмского государства и будет защнщать его территорию от нностраиного нашествия. В свою очередь, Рнм обязывался рассматрнвать экспедицнонный корпус Уднно как армию дружественного государства, прнбывшую для оказання помощн в обороне рнмской территорнн. Это соглашение, ответствениым за которое в парижских салоиах считали Уднно, вызвало недовольство моиархнстов и клерикалов. Тем временем состоялнсь выборы во Фраицин, принесшие большииство монархическим партням. После этого Уднно объявнл, что Лессепс, заключнв соглашеине, превыснл свон полномочия.

Лессепс, который сознательно был отправлен в Рим без какнх-лнбо письменных ниструкций (как ему объяснннлн, чтобы не вызывать возражений папы), не подозревал, что его переговоры служили Лун Наполеону и мннистру иностранных дел Друэи де Люнсу только дымовой завесой для обмана фраицузских республнкаицев отиосительно действительиых целей экспедиции. Также для отвода глаз французские днпломаты делалн н представлення папе о желательиостн устаиовления в Риме конституционного режима[10]. Разумеется, нничего из этого ие вышло. Наоборот, папа воспользовался обстановкой, чтобы отказаться дать даже неопределенные обещаиия сохраннть в Рнме констнтуцнонный строй.

В послании, которое Лун Бонапарт иаправил Законодательному собраиию 6 ниюня 1849 г., делалась иовая попытка замаскнровать смысл французской иитервенции. «Предиазначенне Франции,— гласило послаине,— приводнть в возбуждение мнр, когда она приходит в движение, и прекращать волнеине, когда оиа сама возвращается к спокойствию. Поэтому Европа иас делает ответственнымн за свое спокойствие илн за свои волиеиия.

◆

[10] А. Л. Нарочиицкий, Междуиародные отиошения в 1849—1850 годах, «Революции 1848—1849», под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока, т. II, М., 1952, стр. 188—189.

Эта ответственность возлагает на нас большие обязательства и определяет наше положение». После такого обоснования интервенционистской политики в послании повторялись утверждения, что Франция стремилась лишить Австрию предлога для вмешательства. В послании утверждалось, что Римская республика являлась «больше следствием заговора, чем стихийного выступления народа», который еще недавно приветствовал папу; что французская интервенция явится спасением для римлян; что Пий IX, верный самому себе, после возвращения в столицу встанет на путь реформ и т. п. «Мы даже надеялись,— указывалось в послании,— что наш флаг, водруженный без сопротивления в центре Италии, сможет распространить свое покровительство на весь полуостров, ни одна из бед которого не может оставить нас равнодушными»[11]. В послании, а также в печати «партии порядка» выражалось деланное удивление, что римляне встречают французские войска как врагов[12].

Сообщение о том, что французские войска снова двинулись к Риму, вызвало возмущение французской Горы — партии мелкобуржуазных республиканцев, называвших себя так по примеру якобинцев-монтаньяров (монтань — по-французски гора). Лидер Горы — Ледрю-Роллен, выступая в Законодательном собрании 11 июня 1849 г., обвинил правительство в нарушении конституции, запрещавшей покушаться на свободу других народов. Монархическое большинство отвергло предложение Ледрю-Роллена. Тогда Гора, за год до этого санкционировавшая расправу с парижским пролетариатом, решила выйти на улицу. Монархисты, провоцировавшие Гору на этот шаг, могли только радоваться тому, что она попала в расставленную ей западню. Ведь робкие эпигоны якобинизма и не думали о настоящей борьбе, рассчитывая добиться победы лишь уличной демонстрацией. Большинство сторонников Горы, в том числе и депутатов собрания, не последовало за вождями. Демонстрация 13 июня была без сопротивления разогнана войсками. «Если Гора хотела победить в парламен-

◆

[11] «Message du Président de République présentant aux termes de l'article 52 de la constitution l'expose de l'état général des affaires de la République Francaise addressés à l'Assemblée Nationale Législative dans la séance du 6 Juin 1849», P., 1849, pp. 18, 20—21.

[12] «Journal de Débats», 10 juin, 1849.

те,— писал Маркс,— ей не следовало звать к оружию. Если оиа в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламеитски. Если она серьезио думала о мирной демоистрации, было глупо не предвидеть, что демоистрация будет встречена по-военному. Если оиа думала о действительной борьбе, было странио складывать оружие, иеобходимое для борьбы»[13].

Консервативная печать с удовлетворением писала: «Среди причии, которые требуют сломить увереииость и решимость, проявлениые до настоящего времени римскими подстрекателями, следует высоко оценить внезапиое большое изменение в положении Франции и ту новую силу, которую приобрело правительство республики и дело общественного порядка»[14].

В начале июня 1849 года 35-тысячный экспедиционный корпус, состоявший из отборных войск, снова подступил к Риму. Французские войска численио вдвое превышали армию защитников республики. Триумвират ие приял всех нужных мер для подготовки обороны города, на которых настаивал Гарибальди, не были укреплены высоты, имевшие особо важное тактическое значение. Мадзини и другие триумвиры ие рискнули принять и другое предложение Гарибальди оставить город, который невозможно было оборонять небольшими силами против более многочисленных и лучше вооруженных войск, и избрать новое местопребывание для правительства в лучше защищенной местности в Апеннинах. Триумвиры, как, впрочем, и большинство римских революционеров, еще надеялись на помощь демократических сил во Франции. «Французские штыки и пушки представляют лишь менее достойную часть нации: грубую силу,— говорилось в воззвании триумвирата к римскому населению.— Наши штыки, наши пушки представляют идею, святой принцип: каждый из нас защищает свой дом, свою честь, свою родину, Рим, вечный город. Сопротивление и вера! Если французский народ хотя бы в малейшей степени дорожит честью и свободой,— он завершит нашу победу!»[15]. Од-

◆

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 8, стр. 150.

[14] «Journal de Débats», 4 juil 1848. (Любопытно, что в этой же статье выражалось лицемерное сочувствие борьбе Венеции против австрийской интервенции.)

[15] К. Ф. Мизнано, Интервенция европейской контрреволюции и поражение революции в Италии, «Революции 1848—1849», т. II, стр. 57.

иако настоящая оппозиция во Фраиции была побеждеиа еще за год до этого в результате кровавого подавления восстания парижского пролетариата. А шумное, ио в то же время робкое и бессильное выступлеиие Горы было без труда разгромлено моиархической реакцией. Во Франции в то время ие было оргаиизоваииой силы, способиой остановить заиесеииый иад Римской республикой меч вооруженной интервеиции.

13 июня, когда в Париже солдаты разгоияли демоистрацию Горы, французская артиллерия иачала обстрел Рима, продолжавшийся миого дней подряд. 30 июия войска Удиио иачали общую атаку города. Положение оборонявшихся скоро стало безнадежным.

1 июля римское Учредительиое собраиие утвердило коиституцию республики. 3 июля было торжествеиио провозглашено ее вступление в силу, а во второй половине того же дня в Рим ворвались французские войска. 4 тыс. защитников республики во главе с Гарибальди ушли из города. Они надеялись продолжать борьбу. Но отряд Гарибальди скоро со всех сторои был окружеи австрийскими войсками. Гарибальдийцы стремились добраться до Венеции, еще продолжавшей свое героическое сопротивление. Это оказалось иевозможиым, хотя Гарибальди еще раз проявил свой выдающийся воеиный талаит, сочетавшийся у него с мужеством и бесстрашием настоящего революциоиера. Одии за другим гибли гарибальдийцы от вражеских пуль и лишений трудного похода. Из попавших в плеи миогие были казнены мстительными австрийскими властями. Гарибальди и горстке его людей чудом удалось спастись, избежав бесчисленых опасностей.

В самом Риме Удиио сразу же объявил о ликвидации республики и послал Пию IX ключи от города. Мадзиии, более иедели скрывавшийся в Риме, сумел, обмаиув преследователей, бежать за границу. 31 июля власть в Риме перешла в руки трех кардиналов, иазначенных папой, которые начали полиое восстаиовлеиие дореволюциоиных социальных и политических порядков. Французские оккупациоиные войска оставались в Риме более двадцати лет, до 1870 года.

Интервеиты одержали победу и в Германии.

Объединение Германии было исторической необходимостью, одиако оио могло быть осуществлеио и революциоииым путем, сиизу и сверху — вокруг одного из

наиболее сильных германских государств. В 1848—1849 годах силы, выступавшие против любого объединения, и силы, стремившиеся помешать р е в о л ю ц и о н н о м у объединению (Австрия и Пруссия), выступали по существу единым фронтом. Именно реакционные правительства этих двух стран стали не только душителями революционного движения в «своих» странах, но и организаторами вооруженной интервенции против революции в других западно- и южнонемецких государствах, против сторонников создания единой Германии, главной силой, выступавшей за реставрацию старых порядков.

Интервенции против революции в европейских странах были весьма различны по своим целям. Они включали как контрреволюционные интервенции феодально-абсолютистских государств (царская интервенция в Венгрию в 1849 г.) [16], так и буржуазных, даже буржуазно-республиканских стран (французская интервенция против Римской республики в 1849 г.). Широко практиковались интервенции со стороны одних итальянских государств против других (неаполитанская интервенция против Рима), немецких государств друг против друга (прусская интервенция против западных и южногерманских государств в 1849 г.), хотя это вмешательство всегда инспирировалось великими державами. Являлась ли целью интервенции полная или только частичная реставрация дореволюционных порядков, зависело и от того, какое государство осуществляло это вмешательство, и от обстановки, существовавшей в стране, которая становилась жертвой иностранного вмешательства. Характерным для обстановки 1848—1849 годов было то, что интервенция во всех без исключения случаях направлялась против государств, в которых буржуазная революция непосредственно переплеталась с борьбой за национальное освобождение и тем самым сокращались силы реакции, выступавшей не только против прогрессивных социальных преобразований, но и против независимости нации. И напротив, где переплетения не существовало (Франция, отчасти австрийские земли габсбургской монархии, Пруссия), внутренняя контрреволюция не прибегала к помощи извне.

◆

[16] Р. А. А в е р б у х, Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии в 1848—1849, М., 1965.

Может возникнуть вопрос о причинах успеха вооруженных интервенций в 1848—1849 годах, когда революционный кризис принял общеевропейский характер, когда почти все консервативные правительства чувствовали себя непрочно и главные усилия должны были направлять на сохранение своей власти. Почему эти интервенции оказались несравненно более эффективными, чем те, которые вся феодальная Европа в союзе с буржуазно-олигархической Англией организовала против Великой французской революции? Почему в условиях революционной бури интервенция оказалась не менее успешной, чем в 1820—1823 годах, во времена торжества реакции Священного союза, когда все великие державы в той или иной форме выступили против средних и малых стран (Испания, Неаполь, Пьемонт), где происходили революции?

Ответ на этот вопрос может быть только один — успехи интервенции зависели в конечном счете от успехов общеевропейской контрреволюции, а сила этой последней целиком коренилась в соотношении и расстановке классовых сил.

К. Маркс писал в своем известном труде «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год», написанном по свежим следам событий: «За исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел летописи революции с 1848 по 1849 г. носит заглавие: *поражение революции!*» [17]. Этот вывод, относящийся непосредственно к Франции, будет по существу несомненно верным и в общеевропейском масштабе. Главные причины этого поражения заключались в страхе буржуазии перед народными массами, особенно перед своим растущим классовым антагонистом — пролетариатом. Именно этим объяснялось, что буржуазия с самого начала шла на сделку с силами реакции, отказывалась от решительной чистки своей страны от феодализма, в испуге отшатывалась от требования конфискации помещичьих земель и передачи их крестьянству. Эта позиция буржуазии — ее нерешительность, колебания вплоть до прямого предательства революции — определяла поведение ее политических представителей и вождей — либералов и демократов. Правда, самая решительная часть демократов, отра-

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7; стр. 7.

жавшая иастроения, революциоиный пыл и патриотизм иизов, широких слоев трудящихся города и деревии, героически боролась с реакциоииыми силами, подобио итальяицу Гарибальди, веигру Петефи, поляку Домбровскому, ио и оии не смогли разработать и последовательио проводить четкую политическую программу, которая была бы способиа преодолеть предательство буржуазии. Вместе с тем пролетариат, еще иедавио сформировавшийся в класс, ие имел ии своих массовых политических оргаиизаций, ии ясиого классового самосозиаиия, чтобы возглавить, вопреки буржуазии, революциоииое движеиие народиых масс. Ои еще ие был иастолько зрелым, чтобы ликвидировать капиталистический способ производства. Для достижеиия этой цели рабочему классу предстояло пройти длииный путь развития и борьбы.

Революции 1848—1849 годов происходили при своеобразиом соотиошеиии сил между феодальиыми и буржуазиыми государствами, более ие повторявшимся в истории. С одиой стороиы, получал зиачительное развитие капиталистический уклад в феодальиых страиах, которое делало их экоиомическое отставаиие от передовых государств ие иастолько большим, чтобы ие было возможиым достичь — в определеииых коикретиых условиях — воеииого превосходства. С другой стороиы, это развитие капиталистического уклада ие иастолько еще разрушило толщу феодальиых отиошеиий в этих страиах, чтобы в корие подорвать устойчивость абсолютизма и эффективиость его воеииой оргаиизации, ииаче говоря, его способиость к осуществлеиию вооружеииого вмешательства за рубежом. (Примерами могут служить царская иитервеиция в Веигрии, использоваиие габсбургской моиархией войск и ресурсов балкаиских провииций против революции в Веигрии, итальяиских государствах, прусских войск для подавлеиия революции в западиых и южиогермаиских государствах.)

Все революциоииые выступлеиия иародиых масс в 1848—1849 годах закоичились поражеиием. Одиако это ие было поражеиием революции в иаиболее глубоком смысле этого слова. И ие только потому, что, употребляя выражеиие Маркса, в итоге погибали прежде всего пережитки дореволюциоииых традиций, результаты общественных отиошеиий, ие заострившиеся еще до степеии резких классовых противоположиостей, погибали иллюзии, от которых революциоииый лагерь могла освободить

ие победа, а только целый ряд поражений[18]. Кроме того, результаты интервенций были весьма непрочны.

Итальянские государства были в силу ряда причин особо частым объектом контрреволюционных интервенций в XIX веке, ставивших целью помешать объединению Италии. Все эти интервенции достигали непосредственной цели, и все они в конечном счете оканчивались неудачей. «Национальное движение в Италии, начиная с 1820 г.,— отмечал Ф. Энгельс,— выходит из каждого поражения обновленным и все более сильным»[19].

Разделенные острым соперничеством, европейские державы были едины в ненависти к революции, которая теперь для них неразрывно связывалась с грозным «призраком коммунизма». Прусский король Фридрих-Вильгельм IV писал: «Я не позволю, чтобы Австрия — беспокойная, занимающаяся интригами Австрия, подверглась нападению революции, не обнажив моего меча в ее защиту. И это исключительно из любви к Пруссии, из (чувства) самосохранения»[20]. Руководитель английской внешней политики Пальмерстон уверял, что подавление интервентами революционных движений в Польше, Венгрии, Италии необходимо для «политической независимости и свободы Европы»[21].

Однако победившие контрреволюционные силы должны были, уступая непреодолимым потребностям общественного развития, выполнять те задачи, за которые велась борьба народами в 1848—1849 годах. «Могильщики революции 1848 года стали ее душеприказчиками»[22]. Тем более все это относится к революциям, ставившим, наряду с требованиями общедемократических преобразований, своей целью завоевание национальной независимости, объединение страны. Именно эти революции были задушены путем вооруженной интервенции, в подавлении именно их решающая роль принадлежала не внутренней, а внешней контрреволюции.

◆

[18] См. К. Маркс, Классовая борьба во Франции (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 7).
[19] Ф. Энгельс, По и Рейн (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, стр. 261).
[20] F. H. Hinsley, Power an Pursuit of Peace, p. 221.
[21] «The New Cambridge Modern History», v. X, p. 262.
[22] Ф. Энгельс, Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 537).

Пруссия, выступавшая в 1848 году организатором интервенции, имевшей целью воспрепятствовать объединению Германии снизу, революционным путем, возглавила объединение ее сверху «железом и кровью». Душеприказчиками революции в таких случаях обычно выступали внутренние контрреволюционные силы, нередко недавние союзники интервентов, добивавшиеся осуществления тех целей, против которых было направлено иностранное вооруженное вмешательство. Для ликвидации его последствий в союзники порой бралась одна часть недавних интервентов (тоже душеприказчиков революции в своих странах), для того чтобы сломить сопротивление другой их части. Так, в борьбе за объединение Италии «сверху» пьемонтское правительство блокировалось с Наполеоном III против австрийцев (1859 г.), с Бисмарком сперва против Австрии (1866 г.), а позднее против того же Наполеона III, войска которого вплоть до 1870 года стояли в Риме. Аналогично поступал Бисмарк, осуществляя путем войн против Австрии и Франции объединение Германии вокруг Пруссии.

При этом ликвидация последствий одной из интервенций влекла за собой и уничтожение результатов другой. Неудачи, которые потерпела Австрия, тщетно стремясь отстоять результаты своих прежних интервенций — сохранение раздробленности Италии и Германии, привели к тому, что в 1867 году Вена должна была пойти на предоставление Венгрии (на практике — венгерскому дворянству) значительной автономии в рамках двуединой австро-венгерской монархии.

Всего два десятилетия потребовалось, чтобы перечеркнуть результаты вооруженных контрреволюционных интервенций 1848—1849 годов. Однако это нисколько не ослабляет их реакционного характера, не дает оснований преуменьшать тот неисчислимый вред, который они нанесли интересам европейских народов. Конечно, интервенции, как и вся контрреволюция в целом, не могли воспрепятствовать окончательному крушению феодально-абсолютистского строя, дальнейшему развитию капитализма, созданию независимости национальных государств. Но они замедлили этот процесс, привели к тому, что развитие капитализма шло в особенно мучительной форме для трудящихся масс. В течение десятилетий они испытывали двойной гнет — буржуазии и добуржуазных форм эксплуатации; надолго сохранились феодальные

пережитки в политической области (наделенная обширной властью монархия, привилегии дворянства, кастовый офнцерский корпус и т. д.); борьба за нацнональную независимость растянулась на многие годы и потребовала множества дополнительных жертв.

Могильщикн чужнх революций в полной мере несут нсторнческую ответственность за свои преступлення перед народами, даже если им впоследствни волей илн неволей пришлось выступить душеприказчиками революции в собственной стране.

Сожжение Белого дома

Вернемся теперь на полвека назад и покинем на время старую Европу, обратившись к проблемам Нового Света.

После окончання войны за независимость отношения между США н Англией начали превращаться в «обычные» отношення между двумя буржуазными государствами, правящие классы которых преследовали в равной мере экспансионистские целн. Для США отношення с Лондоном составлялн ось внешней политикн, так как только Англия нз интересов собственной захватнической политикн, опираясь на свое морское владычество, финансовое и торговое преобладанне, на Канаду и другие колоннн в Западном полушарии, могла оказать эффективное противодействие амернканской экспансин. А в Соединенных Штатах уже в это время мечтали об установлении гегемонии в Западном полушарии. Одна из известных газет того времени «Нью-Йорк ивнинг пост» писала 28 января 1803 г.: «США имеют право устанавливать будущие судьбы Северной Америки; земля эта — наша».

Конечно, для реализации такой обширной программы у американской буржуазии тогда еще не было ни сил, ни средств.

Надо вместе с тем отметить, что, выступая против американских планов, лондонское правительство шло очень далеко, явно рассчитывая на восстановление в той или иной форме власти Англии над ее прежними владениями. Еще в 1814 году даже левовигская газета, куда более дружественная к США, чем торийская печать, мог-

ла спокойно именовать их «колониями»[1]. Именно поэтому английская политика приобретала черты контрреволюционного интервенционизма. В первые годы после окончания войны американских колонистов за независимость Великобритания не только пренебрежительно третировала новое государство, но и прямо нарушала статьи мирного договора, предусматривавшего очищение английскими войсками ряда пограничных фортов на американо-канадской границе. В 1794 году американо-английские отношения стояли на грани разрыва. Нараставшая военная тревога еще более усилилась, когда английский губернатор Канады лорд Дорчестер официально объявил союзным Англии индейским племенам о скором начале военных действий против США. Английские войска не только не покидали пограничные районы, но и заняли новые посты на американской территории.

В начале XIX века отношения между Англией и США еще более ухудшились вследствие того, что британский флот, осуществляя блокаду континентальной Европы, где господствовал Наполеон, не желал считаться с интересами американской торговли. Дело дошло до столкновений на море и массового захвата американских кораблей англичанами. Конгресс США в 1806 году принял Акт о прекращении ввоза, запрещавший импорт ряда товаров из Англии. Однако эта мера ударила прежде всего по американской внешней торговле, размеры которой сократились в несколько раз. Федералистская партия, среди которой было немало бывших лоялистов (противников отделения колоний во время войны за независимость) и которая отражала интересы купцов, банкиров и судовладельцев, повела решительную борьбу против правительства президента Т. Джефферсона. Наличие федералистской партии являлось для Англии стимулом к проведению твердой политики в отношении США[2].

Из Лондона стали подстрекать федералистов к организации заговора с целью отторгнуть северовосточные штаты (так называемую Новую Англию) от США и возвратить их под власть британской короны. Английский

◆

[1] «Morning Chronicle», Oct. 20, 1814. Цит. по B. Perkins, Castlereagh and Adams. England and the United States, Berkley and Los Angeles, 1964, p. 1.

[2] B. Perkins, Prologue to War, England and the United States. 1805—1812, Berkley and Los Angeles, 1961, p. 436.

посол Мерри, поддерживавший связи с заговорщиками, сообщал в Форин Оффис: «Они, естественно, ждут, что Великобритания окажет им помощь и поддержку, когда наступит решительный момент». Несколько позднее английский дипломат, торжествуя, писал: «Они, кажется, не возражают, чтобы мы в принудительном порядке поставили Соединенные Штаты в такую зависимость от Великобритании, которая нам требуется».

Англо-американские отношения были обострены до предела и вследствие захвата Соединенными Штатами в 1810 году западной части Флориды, который был прелюдией будущих аннексий. В ответ английский поверенный в делах в Вашингтоне Морьер предлагал захватить Новый Орлеан, что лишило бы западные территории выхода к морю и послужило бы, возможно, причиной их отделения от США[3]. В то же время в США снова стали громко раздаваться требования захватить Канаду. Конгрессмен Джонсон, призывавший к изгнанию Англии из Северной Америки и включению английских владений в состав Соединенных Штатов, так обосновал свое предложение: «Воды реки Святого Лаврентия и реки Миссисипи переплетаются в ряде мест и господь бог установил, что эти две реки должны принадлежать одному и тому же народу». Другой конгрессмен Харпер уточнил намерения «господа бога», которые, оказывается, сводились к тому, чтобы расширить границы США «на юге — до Мексиканского залива и на севере — до области вечного холода». Представитель штата Теннеси Грэнди объявил: «Мы должны вышвырнуть британцев с нашего континента»[4].

Английское правительство рассчитывало на активную помощь федералистов и, не без основания, крайне низко расценивало военные силы США. Поэтому, несмотря на то, что основная часть английских войск была занята в войне против наполеоновской Франции, в Лондоне надеялись одержать победу над США без особого труда. В свою очередь, американские политики, учитывая близость надвигавшейся гигантской схватки

◆

[3] J. F. Rippy, Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America, p. 37.

[4] A. K. Weinberg, Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History, Baltimore, 1935, p. 53. Cp. J. W. Pratt, Expansionists of 1812, N. Y., 1925.

между Францией и Россией, которую собирался покорить Наполеон, уверенные в том, что в результате этого война в Европе разгорится с новой силой и поглотит все английские резервы, предвкушали легкие успехи.

Бахвальству американских буржуазных политиков не было предела. «Захват Канады в вашей власти, — заявил один из самых видных политических деятелей США Клей в палате представителей еще в 1810 году. — Я думаю, не будет лишь предположением, если я скажу, что милиция одного штата Кентукки в состоянии положить Монреаль и Верхнюю Канаду к вашим ногам».

Долго подготовлявшаяся англо-американская война началась в июне 1812 года. Генерал Джексон (будущий президент) в приказе по своим войскам писал, что для защиты американской торговли, для создания безопасности против будущей агрессии необходимо «завоевать все британские владения на североамериканском континенте» [5].

Силы сторон были неравными. Англия обладала большим военным потенциалом, сравнительно многочисленной кадровой армией, наиболее могущественным в мире флотом. Армия США была невелика и имела главным образом лишь «опыт» разбойничьих экспедиций против почти безоружных индейцев. Невежество и разложение офицерского корпуса дополнялись подбором рядовых из подонков общества, нередко имевших уголовное прошлое. Вдобавок вторая по влиянию в стране партия федералистов, занимавшая сильные позиции в наиболее развитых в экономическом отношении штатах Новой Англии, явно выжидала удобного случая, чтобы свергнуть правительство и заключить соглашение с англичанами.

Вместе с тем, однако, Англия должна была воевать через океан, имея возможность выделить для войны в Западном полушарии лишь небольшую часть своих вооруженных сил. В Канаде в начале войны вообще не было достаточного количества английских войск. К тому же, даже нанеся поражение противнику в бою, англичане не могли бы с помощью имевшихся в их распоряжении сил думать об оккупации сколько-нибудь значительной части обширной территории США.

◆

[5] Ph. Foner, Moral Education in American Army, N. Y., 1944, p. 26.

Военные действия на суше происходили в основном в районе американо-канадской границы. Неоднократные попытки американских войск предпринять вторжение в Канаду окончились рядом позорных поражений. Немногим лучше были и действия английских генералов, неумелость и нерешительность которых, казалось, соперничали с бездарностью и невежеством американских военных руководителей. В августе 1814 года небольшой английский десант высадился неподалеку от Вашингтона и после того, как американские войска без боя обратились в паническое бегство, занял столицу США. В отместку за сожжение американскими войсками казенных зданий в канадском городе Йорк (Торонто) английский генерал Росс приказал сжечь Белый дом и здание американского конгресса — Капитолий [6]. Британская дипломатия, оправдываясь, разъясняла впоследствии, что англичане «могли бы вести себя и в тысячу раз хуже» [7]. Когда им наскучило столь «образцовое» поведение и, главное, когда они начали опасаться ловушки, английские полки отошли к кораблям, тогда как американские войска продолжали поспешно отступать на запад, боясь преследования со стороны противника, уже вновь погрузившегося на суда.

Другие английские атаки натолкнулись на несколько большее сопротивление и вследствие этого окончились неудачей (в том числе и наибольший по размерам десант в районе Нового Орлеана).

На протяжении всей войны федералисты выступали фактически союзниками Англии. Федералистские губернаторы штатов Новой Англии отказывали предоставлять милицию в распоряжение правительства Медисона. Английские войска снабжались припасами из Новой Англии. Часть федералистов требовала разрыва союза между штатами, то есть ликвидации США, а некоторые даже обсуждали планы вооруженного восстания [8]. Сенат штата Массачусетс в феврале 1814 года официально указал на возможность выхода всей Новой Англии из состава США. Несколько позднее, в октябре, Законо-

◆

[6] H. Adams, The War of 1812, Wash., 1944, p. 228.
[7] B. Wilson, Friendly Relations. A Narrative of Britain's Ministers and Ambassadors to America (1791—1930), L., 1934, p. 96.
[8] D. Perkins, Castlereagh and Adams. England and the United States, p. 32.

дательное собрание штата Массачусетс решило созвать даже специальный съезд представителей штатов Новой Англии, который собрался 15 декабря в столице Коннектикута — Хартфорде. Съезд, правда, не решился на издание декларации о выходе из США, но подготовил ультиматум центральному правительству, который не удалось предъявить только потому, что война окончилась[9].

Насколько незначительными были результаты военных действий, настолько же ожесточенной была газетная война обеих сторон. Американская пресса обличала Англию и призывала в «превентивных целях» к захвату всех английских владений в Западном полушарии. Английская печать, разумеется, не оставалась в долгу. Влиятельная лондонская газета «Морнинг пост» писала 18 января 1814 г., что правительство США «завоевало репутацию наиболее беспринципного и презренного правительства на земле». Газета «Таймс» заявляла: «В Англии не имеется более сильного чувства, чем негодование против американцев». «Таймс» не упоминала о действиях американского правительства без эпитетов «низкий», «гнусный», «ненавистный». 2 июня 1814 г. этот ведущий орган английской печати, говоря о целях войны, указывал: «Наши требования могут быть сведены к одному слову: „сдача"». Так английская пресса готовила возвращение бывших колоний под «отеческое» попечение британской короны.

Однако мирный договор, заключенный в конце 1814 года, по существу восстановил довоенное статус-кво.

После окончания войны английская буржуазия попыталась восстановить свое господствующее положение на американском рынке, которое превращало США в экономическом отношении в колонию Великобритании. В США хлынул поток британских промышленных изделий. Английские купцы, по словам Брума, считали, что нужно «наводнением рынка задушить в колыбели развивающуюся промышленность Соединенных Штатов, созданную войной вопреки естественному ходу вещей»[10]. Бруму вторила вигская «Морнинг кроникл»: «Соединен-

◆

[9] D. Perkins, Castlereagh and Adams. England and the United States, pp. 32, 138—139.

[10] Hansard's Parliamentary Debats, v. 36, 1817, p. 1099.

ные Штаты стали промышленной страной против своей воли, и поток английских товаров, затопляющих рынок, был лучшим средством возврата нам позиций, которыми с точки зрения реальных интересов как Англии, так и Америки мы должны опять овладеть»[11]. Наводнение рынка английскими товарами привело в США к жестокому экономическому кризису, вызвало среди американской буржуазии глухую ненависть к более сильному британскому конкуренту. В экономическом отношении США надолго остались колонией Великобритании, но попытки бывшей метрополии восстановить свою политическую власть над потерянными владениями окончились безрезультатно.

Грехи отцов

В миф об «исключительности» истории США, составными частями которого являются вымыслы об американском «миролюбии» и «антиколониализме», входит и изображение вашингтонского правительства решительным противником интервенции. Разумеется, этот мнимый антиинтервенционизм, проявлявшийся в сотнях случаях вооруженного вмешательства во внутренние дела соседних стран, не помешал США в восемь с половиной раз расширить размеры своей территории, захватить колонии за морем, участвовать во многих колониальных войнах. Длинен список преступлений отцов современного американского капитализма перед народами других стран и континентов.

Однако осознание лживости мифа об «исключительности» американского капитализма не должно заслонять от нас реальные особенности исторического развития США, которые позволяли им практиковать экспансию, не создавая крупной армии. Другими словами, это был колониализм без империи.

Многочисленные случаи американского вмешательства в дела других стран сплошь и рядом преследовали сравнительно ограниченные цели, а в некоторых случаях Вашингтон действительно — а не только в писаниях

◆

[11] «Morning Chronicle», Oct. 21, 1816.

апологетов — сумел удержаться от соблазна вмешательства. Тому было много причии: иедостаточиая еще заинтересоваииость в торговле с той или иной страной, чтобы оиа оправдывала затраты на интервеицию в глазах иаиболее влиятельиых кругов буржуазии, и сложиости военного характера, и опасеиия усилить иедовольство политикой США во всей Латииской Америке, и противодействие крупных европейских держав.

Америкаиский капитализм имел большой опыт хищнической торговли с экоиомически слабыми и зависимыми страиами Азии и Африки, которая была связана с грубым вмешательством во внутреииие дела этих страи. Это проявлялось, иапример, в преступиой «опиумиой торговле», которую вели США иа Дальием Востоке в первой половине XIX века, в проиикиовеиии в Индоиезию, на Филиппииы, в Сиам (Таилаид), иа Ближиий Восток. Америкаиское «присутствие» могло прииимать то форму открытого грабежа и пиратства, то побоища туземцев на острове Суматра (1832—1838 гг.), то насильствеииого «открытия» Японии эскадрой адмирала Перри (1852—1858 гг.), то «защиты» америкаиских граждаи и миссиоиеров, выступавших передовым отрядом экспаисионизма. Предлагая в 1857 году захватить Тайваиь, америкаиский коисул в Шанхае писал, что это необходимо во имя «интересов гумаииости, цивилизации, мореходства и торговли»[1]. Военно-морской флот США участвовал в опиумиых войнах против Китая (1839—1860 гг.). Америкаиские аваитюристы Ф. Уорд и Г. Барджевайи, пользуясь поддержкой америкаиского Государствеииого департамеита и сиабжаемые аигличанами оружием, организовали карательный отряд. Ои был включеи в армию китайского императора, заиятую подавлеиием иародиого восстания тайпииов. Действуя иередко вместе с аиглийской и фраицузской морской пехотой, Уорд захватил 27 китайских городов. В Каочжао, Цниипу и других городах солдаты Уорда устраивали кровавые расправы над плениыми и мириым иаселеиием. Были казиены и замучены десятки тысяч людей. После смерти Уорда, которого америкаиский государствеииый секретарь Сьюард назвал «нашим выдающимся согражданиииом», комаидиром карателей, имеиовавшихся «победоиосиой армией»,

[1] T. Dennett, Americans in Eastern Asia, N. Y., 1922, p. 286.

по рекомендации посла США Берлингейма, был назначен сразу же Барджевайн. Позднее его сменил на этом посту английский майор Гордон. Действия «победоносной армии» в сочетании с прямой англо-французской интервенцией воспрепятствовали захвату тайпинами Шанхая.

В мае 1871 года началось открытое вооруженное вторжение США в Корею. Под прикрытием артиллерийского огня эскадры адмирала Роджерса 10 июня американская морская пехота атаковала крепость на острове Канхва, защищавшую вход в реку Ханган. Однако неожиданно сильное сопротивление корейцев заставило Роджерса отказаться от плана похода на Сеул. «Открытие» Кореи для США было достигнуто под дулами американских орудий позднее, в 1882 году [2]. Еще с конца XVIII века началось американское проникновение на Гавайи, закончившееся превращением архипелага в американское владение.

Столкновение английских и американских планов в отношении латиноамериканских государств побуждало Лондон и Вашингтон с особой бесцеремонностью вмешиваться во внутренние дела этих стран. Особо ярко это проявилось в Мексике.

Министерская чехарда, смены у власти президентов в Мексике были в значительной мере отражением растущей англо-американской борьбы [3].

Американская пресса громко обвиняла Англию в стремлении прибрать к рукам мексиканскую провинцию Техас, на которую претендовали США. Влиятельная газета «Рипабликен» писала, что «люди, знакомые с надменностью и все поглощающей хищностью английского характера», убеждены в намерении Англии захватить Техас.

В Техасе американская экспансия явно была окрашена в цвета контрреволюционной интервенции. Еще в 1806 году вооруженные силы США сделали попытку вторжения в Техас, а впоследствии банды американских авантюристов много раз пытались организовать захват этой богатейшей области. Американские плантаторы со

◆

[2] Истории американского экспансионизма в Азии и Африке посвящено исследование: Н. А. Халфин, А. А. Мурадян, Янки на Востоке в XIX веке, или колониализм без империи, М., 1966.

[3] J. F. Rippy, Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America, p. 96 a. o.

своими рабами насильственно присваивали земли Техаса. В 1835 году в Мексике было отменено рабство, и плантаторы понимали, что для сохранения рабовладения им необходимо отделиться от Мексики. Мексиканский генерал Хозе-Мария Ториель в 1837 году писал: «Земельные спекулянты Техаса стремятся превратить его в рынок живого товара, где продавались бы рабы из южных штатов и привозились другие прямо из Африки, поскольку их невозможно будет доставить из США» [4]. Поборники «свободы» среди руководителей техасских мятежников приходили в волнение от одних только слухов о возможности поселения в Техасе освобожденных невольников-негров и требовали его немедленного официального запрета во имя «мира и процветания рабской собственности» («the peace and tranquility of the slave property») [5]. Хорошо усвоив лицемерный язык американских правящих кругов, плантаторы объявили, что ведут борьбу против «мексиканской тирании», централизаторской политики правительства и, подняв восстание, создали новое государство Техас. Вопрос о включении Техаса в США затянулся из-за того, что северные штаты протестовали против усиления рабовладельческого юга, а также из-за противодействия Англии. Чтобы ускорить аннексию, южане подчеркивали опасность поглощения Техаса англичанами, которые, как они говорили, выступают против рабства, что угрожает его существованию в самих США [6].

В 1846—1848 годах США развязали агрессивную войну против Мексики и, используя неспособность или даже прямое предательство Санта-Анны, захватили, несмотря на героическое сопротивление мексиканских солдат, Мехико и другие крупные города. Оккупация страны сопровождалась массовыми грабежами, насилиями и убийствами мирных жителей [7]. Однако в районах, занятых аме-

◆

[4] «The Mexico Side of the Texan Revolution, 1836», By the Chief Mexican Participants, Dallas, 1928, p. 328. Последующие аннексионистские планы техасцев во время американо-мексиканской войны также целиком были связаны со стремлением распространить границы рабства (W. C. Binkley, The Expansionist Movement in Texas 1836—1850, Berkley (California), 1925, p. 198 f.).

[5] «Official Correspondence of the Texas Revolution 1835—1836», Ed. by W. C. Binkley, N. Y., 1936, pp. 160—161.

[6] J. W. Schmitz, Texan Statecraft, San Antonio, 1941, p. 207.

[7] Например, A. Bill, Rehearsal for Conflict. The War with Mexico, N. Y., 1947, p. 188 a. o.

риканскими войсками, развернулось партизанское движение, поставившее захватчиков в очень трудное положение. Тем не менее среди мексиканских правящих кругов возобладала группировка (это были модерадос, умеренное крыло либеральной партии), настаивавшая на мире любой ценой [8]. В США крайние аннексионисты требовали захвата всей Мексики, что, как объявил президент Полк, якобы необходимо «для обеспечения национальной безопасности США в будущем» [9].

Как это часто случалось, вооруженный конфликт, начавшись как «обычная» грабительская война, по мере своего развития приобрел черты контрреволюционной интервенции. Захватчики, нанеся поражение регулярной армии, наталкивались на сопротивление народа, поднявшегося на борьбу против иноземного вторжения и капитулянтства собственного правительства. Пытаясь скрыть не только захватнический, но и интервенционистский характер действий США, американская буржуазная печать щедро использовала обычные фальшивые доводы, которыми оправдывала иностранное вмешательство. Еще накануне войны «Демократик ревью» писал, что, по общему мнению, «Мексике предназначено стать когда-нибудь в будущем неотъемлемой частью Соединенных Штатов». А уже во время войны, в 1848 году, тот же журнал объявлял, что процесс истребления расы индейцев, проходивший на севере, теперь следует перенести на юг, то есть в Мексику. Не было недостатка и в разъяснениях со стороны политических деятелей, вроде Ф. У. Бирдсэлла, что «необходимо захватить ее (Мексику. — *Е. Ч.*), дабы она не попала в руки других». Однако по мере того, как действия американских войск приобретали характер подавления освободительной борьбы мексиканского народа, в высказываниях печати и политических деятелей стали особо настойчиво звучать и другие ноты. Посол Банкрофт писал в 1848 году, что США из филантропических соображений «спасают от анархии большую часть Мексики». Нью-йоркская газета «Сан» уверяла, что США должны аннексировать Мексику «для спасения народа, угнетаемого тиранами и разбойниками». Газета «Дейли юнион»

◆

[8] Г. Паркс, История Мексики, М., 1949, стр. 201—204.
[9] Н. Потокова, Агрессия США против Мексики, 1846—1848, М., 1962, стр. 130—132.

писала, что американцы стремятся «христианизировать, спасти от анархии и деградации самый невежественный, праздный, порочный и несчастный народ»[10] и т. д. Такое идеологическое обоснование захватов и интервенций и здесь ставило на голову действительное положение вещей.

Президент Полк и его кабинет обсуждали планы аннексий, распространявшиеся фактически на всю мексиканскую территорию[11]. Однако из-за сопротивления мексиканского народа США пришлось отказаться от мысли захватить всю Мексику.

8 февраля 1848 г. в селении Гуадалупе-Идальго был подписан мирный договор, по которому США получили область нижнего течения Рио-Гранде, Новую Мексику и Верхнюю Калифорнию. В 1853 году под американским давлением Мексика была вынуждена продать за ничтожную сумму еще значительную часть своей территории. В целом страна лишилась около 2,5 млн. *кв. км*.

Помимо прямого захвата территории у Испании (Флорида) и Мексики, войска и военно-морской флот США многократно вторгались и организовывали блокаду многих латиноамериканских стран. Еще в 1822 году американский военный корабль «Порпойз» высадил десант на Кубе. В 1824 году морская пехота США действовала в Пуэрто-Рико; в 1831 году американские войска прибыли на Фолклендские острова, принадлежавшие Аргентине; в 1835 году американский десант был высажен в Лиме — столице Перу.

В 1838 году Англия и Франция вмешались в войну аргентинского диктатора Росаса с соседними странами, установив блокаду побережья Аргентины. С 1845 по 1850 год блокаду Аргентины и Уругвая, на территорию которого претендовал Росас, осуществлял англо-французский флот. США предпочли остаться в стороне от этого конфликта, так как все внимание Вашингтона было сосредоточено на назревавшей захватнической войне против Мексики[12]. После окончания этой войны в 50-х го-

◆

[10] A. K. Weinberg, Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in America History, pp. 165, 166, 173 a. o.

[11] J. K. Polk, The Diary of a President, London — New York, 1952, p. 277 f.

[12] H. Peterson, Argentina and the United States, 1810—1960, N. Y, 1964, pp. 123—142.

дах вторжения Соединенных Штатов на территории других стран Западного полушария становятся все более частыми.

В 1853 году военный корабль «Кайен» доставил американские войска в Сан-Хуан дель Норте на территории республики Никарагуа, побережье которой не раз подвергалось позднее артиллерийскому обстрелу. В последующие годы власть в Никарагуа была захвачена ставленником нью-йоркских банкиров, авантюристом из штата Теннесси У. Уокером[13]. В 1852—1853 годах американские корабли «Джем стаун» и «Конгресс» не раз высаживали десанты на территории Аргентины. В 1855 и 1858 годах (а также позднее, в 1868 г.) американские войска вторгались в Монтевидео, столицу Уругвая. В 1859 году вашингтонское правительство послало целую эскадру — 19 кораблей под командой коммодора У. Б. Шабрика для организации интервенции против Парагвая. Накануне гражданской войны в США плантаторы южных штатов и связанные с ними круги крупной буржуазии открыто выдвигали программу широкой экспансии, особенно с целью найти новые территории для рабовладельческого хозяйства. Президент Бьюкенен (1857—1861 гг.) добился своего поста благодаря декларации, в которой, по словам Маркса, «приобретение Кубы, будь то путем покупки или силой оружия, провозглашалось великой задачей национальной политики. Во время его правления Северная Мексика была уже поделена между американскими земельными спекулянтами, которые нетерпеливо ждали сигнала, чтобы наброситься на Чиуауа, Коауилу и Сонору. Непрерывные пиратские экспедиции флибустьеров против государств Центральной Америки подобным же образом направлялись Белым домом в Вашингтоне»[14]. В 1858 году Бьюкенен предложил конгрессу установить «временный» протекторат над Чиуауа и Сонорой[15]. (Конгресс из-за крайнего обострения внутриполитического положения в США отклонил это предложение.)

◆

[13] Ю. А. Зубрицкий, Авантюра Уокера. Из истории агрессии США в Центральной Америке, «Новая и новейшая история», 1968 г., № 1.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 342.

[15] D. A. Graber, Crisis Diplomacy. A History of U. S. Intervention Policies and Practices, Wash., 1959, p. 105.

Уже в 1837 году презндент Джексон, покндая пост презндента, в своем обращеннн к народу уверял, что провнденне нзбрало амернканцев «защнтннкамн свободы, чтобы сохраннть ее для благоденствня человечества» [16]. Южные плантаторы особенно усердно, с прнвычным лнцемернем, распространялнсь на тему, что американская экспансня — это, мол, «веленье божье», «предначертанне судьбы» н долг, повелевающнй распространять демократню по всей земле. Даже в самый канун гражданской войны в США, 16 апреля 1860 г., газета «Чарльстон меркюрн» пнсала, что прннцнпы рабовладельческого Юга могут быть с пользой прнменены не только в Соеднненных Штатах, но н на всем североамернканском контнненте, более того — «объять весь мнр». Конгрессмен Сэмпл не без основання еще в 1844 году заметнл: «Нам предлагают расшнрять террнторию свободы раздвнженнем граннц рабства» [17]. Действительно, в основе амернканской экспанснн этого пернода лежала ннтервенцнонннстская по своей сутн прнчнна — стремленне к распространенню рабства прн помощн оружня, которое плантаторы сумелн сделать прнзнанной целью полнтнкн США. Эта цель накладывала отпечаток н на вооруженные вторження войск США в страны Латннской Амернкн, даже когда Вашннгтон не нмел аннексноннстскнх планов.

За свободу рабовладения

Реакцнонные нсторнкн уверяют, что ннтервенцноннстская полнтнка капнталнстнческнх держав, н в первую очередь Англнн, превратнвшейся к середнне XIX века в «промышленную мастерскую мнра», резко пошла на убыль, после того как власть перешла от арнстократнн в рукн буржуазнн. Согласно этой концепцнн, англнйская буржуазня, нсповедовавшая в тот пернод ндеологню лнбералнзма (фрнтредерства — свободы торговлн), выступала протнв контрреволюцнонного

◆

[16] A. K. Weinberg, Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in America History, p. 107.
[17] Ibid., p. 115.

вмешательства[1]. На деле антиинтервенционизм английских фритредеров носил столь же показной характер, как и их мнимый антиколониализм[2]. Словесное «воздержание» Джона Булля превратилось по существу в ширму, прикрывавшую колониальную политику и интервенционизм. Пожалуй, одним из самых ярких примеров тому были приготовления к вмешательству в гражданскую войну Соединенных Штатов и интервенция против Мексики.

В 1861—1865 годах в США происходила гражданская война между северными «свободными» и южными рабовладельческими штатами. Это была борьба двух социальных систем — системы рабства и системы наемного труда. Народные массы Севера вопреки нерешительности, капитулянтству, а иногда и прямому предательству части северной буржуазии заставили правительство президента Линкольна перейти от борьбы «по конституционному» к революционному методу войны против плантаторов и таким образом добиться победы. В ходе этой войны над американским народом нависла угроза реакционного крестового похода из Европы во имя сохранения и увековечения рабства. Во главе этого похода собирался встать английский капитал, который считал, что настал подходящий момент для восстановления своих утраченных позиций в Северной Америке.

Хотя в прошлом интересы английской буржуазии нередко сталкивались с интересами не только американской буржуазии, но и американских плантаторов, выступавших наиболее ярыми сторонниками территориальной экспансии США в районе Центральной Америки и Вест-Индии, симпатии правящих кругов Англии сразу оказались целиком на стороне Юга. Это определялось прежде всего тем, что победа Юга привела бы к созданию соперничающего с США государства — «Конфедерации Штатов Америки», как называли себя мятежные плантаторы. Подытоживая мнение английских противников Севера, влиятельный лондонский журнал «Спектейтор» писал тогда, что создание взамен США двух или ряда сопер-

◆

[1] Идеолог фритредеров Р. Кобден допускал интервенцию как самое крайнее средство (W. H. Dawson, Richard Cobden and Foreign Policy, L., 1926, pp. 97—98 a. o.)

[2] Автор рассматривает этот вопрос в книге: «Адвокаты колониализма. Неоколониалистская историография», М., 1964.

ничающих между собой государств было бы чрезвычайно полезно для Англии. Эти государства «будут удерживать друг друга от проявления честолюбия; они будут взаимно нейтрализовать свои силы и, если возникнет когда-нибудь у Англии конфликт с одним из них или со многими, простое чувство соперничества заставит антагонистические группы прийти к нам на помощь». Английские правящие круги были уверены также, что в будущем, если не оба государства возникшие взамен США, то по крайней мере Юг — «Конфедерация Штатов Америки» — вернется в экономическом отношении к положению колонии Англии.

Однако мечтавшее о распадении США английское правительство отнюдь не было заинтересовано в затяжке гражданской войны: военные действия, и в особенности организованная северянами морская блокада Юга, препятствовали доставке из южных штатов хлопка, от которого зависела хлопчатобумажная промышленность Англии. Плантаторы были уверены, что «король-хлопок» скоро принудит Англию, а также Францию к военной интервенции в пользу Юга.

Южные рабовладельцы в публичных выступлениях любили уверять, будто они продолжают борьбу за независимость, начатую в 1776 году, выступая против «тирании» Севера. А в своих реальных планах доходили до идеи превратить Юг в английскую колонию[3]. Трудно представить себе всю казуистичность и лицемерие доводов, с помощью которых английская буржуазия, изображавшая себя поборницей борьбы против рабства, пыталась оправдать подготовку интервенции в пользу рабовладельцев. Газета «Таймс» писала: «Северная конфедерация Америки проявляет решимость действовать в узком, исключающем других и антиобщественном духе, тогда как ее южная соперница протягивает руку дружбы всему человечеству, кроме своих невольников. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Север, несмотря на справедливость своего дела и большое негативного характера достоинство отсутствия рабства, отходит на

◆

[3] H. C. Allen, Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations, 1783—1952, L., 1954, p. 460. Ср. также B. Villiers, W. H. Chesson, Anglo-American Relations, 1861—1865, L., 1919.

второй план и теряет симпатии и уважение человечества»[4].

Готовясь к вмешательству в американские дела, английская дипломатия использовала те же методы, которые и она сама и правительство США неоднократно до и после гражданской войны применяли для прикрытия интервенции. Английская пресса стала твердить о «северном нападении» на Юг, о том, что южане составляют «особую нацию», которая защищается от нападения северных «агрессоров». (Это были доводы, разительно напоминавшие те, которые использовали американские империалисты для «оправдания» своей агрессии после второй мировой войны в Корее и Вьетнаме.)

По свидетельству «Таймс», в 1863 году в Англии «все (т. е. все правящие круги. — *Е. Ч.*) ожидали и желали успеха Конфедерации».

Еще до начала военных действий английский министр иностранных дел Россель писал послу Англии в Вашингтоне о своем желании, чтобы Север «подчинился неизбежному» и признал отпадение Юга. Гражданская война началась в апреле 1861 года, а уже через месяц, в мае того же года, Англия официально объявила о своем «нейтралитете», который был равнозначен признанию плантаторов воюющей стороной. Одновременно английское правительство отправило в американские воды крупные силы своего военного флота. Еще до этого английский посол Лайонс в разговоре с государственным секретарем США Сьюардом заметил: «Если Соединенные Штаты решатся приостановить столь важную для Великобритании торговлю с производящими хлопок штатами, то я не ручаюсь за последствия».

В октябре 1861 года Англия, Франция и Испания приняли решение об интервенции в Мексике в пользу клерикального правительства, дружественного южанам. Это решение представляло прямой вызов «доктрине Монро».

8 ноября 1861 г. произошел известный в истории дипломатии эпизод с «Трентом». Южные эмиссары Слайдель и Мэзон были сняты с английского торгового корабля «Трент» представителями американского военного судна «Сан-Джасинто». Лондон ответил угрозой войны.

◆

[4] «Times», March 12, 1861. Cp. E. D. Adams, Great Britain and the American Civil War, v. I, L., 1925, pp. 52—57.

«30 ноября (сегодня), — писал Маркс, — все лондонские газеты, за единственным исключением «Morning Star», поставили альтернативу — либо вашингтонский кабинет дает удовлетворение, либо — *война*» [5]. Один из наиболее влиятельных органов английской печати журнал «Экономист» доказывал, что «настоящее время является, конечно, таким, когда война причинит нам минимум вреда, и это единственный момент в нашей истории, когда она могла бы помочь нам получить неожиданную и частичную компенсацию». Газета «Таймс» заявляла: «Мы обязаны оказывать всяческую моральную помощь нашим соплеменникам (южным рабовладельцам), которые столь мужественно и упорно сражаются за свою свободу против помеси разбойников и притеснителей». Этот английский официоз именовал американского президента Линкольна «достопочтенным шутом», его кабинет — «бандой жулнков и негодяев», а армию северян — «армией, офицеры которой — мошенники-янкн, а рядовые — немецкие воры» [6].

Даже обычный страх за американский рынок потерял свою силу для английских буржуа, так как война и без этого до минимума сократила британский экспорт в США. К тому же Англия могла рассчитывать на большой перевес своего военного флота. В Канаду стали спешно перебрасываться войска из метрополии.

Инцидент с «Трентом» был улажен уступкой со стороны США, однако угроза английской интервенции не только не была ликвидирована, но стала даже еще большей.

Один из видных членов английского правительства, будущий премьер-министр Гладстон, объявил официально, что «не имеется сомнения, что Джефферсон Дэвис (президент рабовладельческого государства. — *Е. Ч.*) и лидеры Юга создали армию, создают флот и что они создают, как кажется, более важное, чем это все, — они создают нацию» [7]. Как разъяснял лидер южан Д. Дэвис, конфедераты являются наследниками войны за независимость, поборниками права народа выбирать угодную ему

◆

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 406.
[6] Цит. по К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 544—545.
[7] D. Jordan, E. J. Pratt, Europe and the American Civil War, Boston, 1931, p. 114.

форму правления[8]. В соответствии с этими «аргументами» Дэвис, ставший президентом южной конфедерации, именовал решение правительства Линкольна подавить мятеж рабовладельцев агрессией и иноземным вторжением[9]. Точно такими же ссылками на войну за независимость и северное вторжение мотивировали в печати и парламенте английские поклонники плантаторов свои призывы к вмешательству Великобритании в гражданскую войну[10]. Английский министр иностранных дел Рассел заявлял, что Юг стремится к независимости, а Север — к созданию из Юга колонии как части своей империи[11].

Английская пресса столь широко воспроизводила демагогию рабовладельцев, будто они сражаются за «свободу», олицетворяемую «правами штатов», что это лицемерие вошло в плоть и кровь британских либералов. Их известный идеолог — историк лорд Актон в 1866 году, уже после окончания гражданской войны, писал главнокомандующему Юга генералу Р. Ли: «Вы сражались в битвах за нашу свободу, наш прогресс и нашу цивилизацию...»[12].

На английских верфях были построены каперские корабли для Юга — «Алабама», «Джорджия», «Флорида» и др., причинившие огромный ущерб северной торговле. Лишь решительное сопротивление интервенции в пользу рабовладельцев английского и французского пролетариата, позиция России, поддержавшей Север и пославшей две военные эскадры с визитом в Нью-Йорк и Сан-Франциско, а также страх за огромные британские капиталовложения в США побудили английскую буржуазию отказаться от вооруженной интервенции.

◆

[8] J. Davis, The Rise and Fall of the Confederate Government, v. I, N. Y., 1881, pp. 561—562. Еще ранее идеолог плантаторов, бывший государственный секретарь США, сравнивал требования ликвидации рабства с попытками фанатиков уничтожить свободу и демократию, возобновить религиозные преследования и т. д. (J. C. Calhoun, The Works, N. Y., 1874, pp. 148, 178 a. o.).

[9] J. Davis, The Rise and Fall of the Confederate Government, v. II, pp. 2, 4, 389, a. o.

[10] Например, «Hansard's Parliamentary Debates», III ser., v. 171, col. 1772.

[11] H. C. Allen Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relation, 1783—1952, p. 479.

[12] E. John, Atlantic Impact 1861, Melbourne, 1952, p. 287.

Правительство США беспокоилось и о том, как бы пресечь возможность непрошенного английского «посредничества», выгодного только для Юга [13]. Подготовкой к такому «мирному» вмешательству занималось специально созданное в Лондоне Общество для достижения прекращения военных действий в Америке [14]. Именно все это и имеют в виду консервативные историки, которые ныне пишут, что Англия «спасла» единство США, в конечном счете не вмешавшись в гражданскую войну между Севером и Югом [15]. В январе 1863 года с посредничеством выступил и Наполеон III, о чем было широко оповещено в официальной печати [16]. Оно было отвергнуто правительством Линкольна. Крестовый поход в защиту американского рабства не состоялся.

„Великая мысль царствования"

Интервенция европейских держав в Мексике, которая еще не оправилась от тяжелой войны 1846—1848 годов, когда американцы захватили большую часть ее территории, стала возможной вследствие гражданской войны в США.

В 1854 году в Мексике вспыхнула революция, которая привела к уничтожению церковного землевладения и некоторых других особо нетерпимых пережитков феодализма в социальной, политической и административной областях. Принятая в 1857 году прогрессивная конституция провозгласила Мексику демократической республикой. Развязанная помещиками и клерикалами, гражданская война закончилась к декабрю 1860 года полным поражением консервативных сил [1]. Власть твердо удерживалась либеральным правительством Хуареса — крупного государственного деятеля и искреннего патриота.

◆

[13] C. F. Adams, Studies Military and Diplomatic, 1775—1865, N. Y., 1911, p. 407.

[14] J. Mc. Master. A History of the People of the United States during Lincoln's Administration, N. Y., 1927, p. 370.

[15] E. John, The Atlantic Impact 1861, pp. 112, 176.

[16] «Le Moniteur», Jan. 28, 1863.

[1] «Очерки новой и новейшей истории Мексики», под ред. М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова, М., 1960, стр. 174 и сл.

Президент Бьюкенен зловеще предсказывал, что США не могут оставить Мексику «во власти анархии и нищеты» [2]. Но вскоре Вашингтону стало не до своей южной соседки.

Зато планы интервенции стали усердно обсуждаться в окружении Наполеона III, куда проникли представители мексиканских консерваторов. К вмешательству подстрекал сводный брат императора, герцог де Морни, скупивший большое количество обесцененных облигаций мексиканских займов, по которым временно была приостановлена выплата процентов. Он рассчитывал таким образом стократно увеличить затраченный капитал. Когда Наполеон стал соглашаться с доводами этого совершенно беззастенчивого авантюриста, министр Руэр быстро нашел подходящую формулу для наименования предполагаемой интервенции: «Великая мысль царствования» (la grande pensée du règne) [3]. К. Маркс тогда по справедливости дал другую характеристику этим планам, называя их «одним из самых чудовищных предприятий, когда-либо занесенных в летописи международной истории» [4].

Однако авторство этих планов принадлежало не только Франции. Не в меньшей степени это была затея британского премьер-министра Пальмерстона, пытавшегося добиться с ее помощью не только возмещения ущерба для английских держателей мексиканских государственных облигаций, но и осуществления далеко идущих экспансионистских замыслов. И хотя на авансцену выдвинулась Франция, и хотя участвовать в интервенции согласилась также Испания, именно Пальмерстону принадлежала инициатива в организации заговора против мексиканского народа, да и других народов Америки. Британский министр лишь считал выгодным предоставить действовать французскому императору, которого он в другом случае назвал как-то «надоедливой посредственностью по имени Наполеон III, в чьем мозгу глупые идеи размножаются как кролики» [5]. Речь пошла, как тогда уже

◆

[2] М. Хиль, Наши добрые соседи, М., 1959, стр. 113.
[3] G. Delamare, L'empire oublié. L'aventure mexicaine, 1861—1867, P., 1935, p. 29.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 375.
[5] B. Harding, Phantom Crown. The Story of Maximilian and Carlota of Mexico, N. Y., 1934, p. 47.

указывал Маркс, «попросту о том, чтобы, образовав новый Священный союз, применить к американским государствам тот же самый принцип, согласно которому Священный союз считал себя призванным вмешиваться во внутренние дела правительств европейских стран»[6].

Новый Священный союз имел существенные отличия по сравнению со своим предшественником. И не только потому, что его основу составляли буржуазные государства — Англия и Франция. Тем не менее цели, которые он преследовал, были еще в большей степени реакционными и реставраторскими, чем те, которые ставили перед собой Меттерних или французские ультрароялисты в 20-е годы. Ведь дело шло не только о навязывании Мексике консервативного правительства, низвергнутого революцией, а о реставрации монархии в стране, где уже несколько десятилетий существовал республиканский строй, о фактическом восстановлении колониального ига, уничтоженного тоже полвека назад в результате многолетней героической войны за независимость. Новый Священный союз предполагал начать действия как раз там, где отступил старый, не решившись на интервенцию в бывшие испанские колонии в Южной и Центральной Америке.

Наконец, надо учитывать, что планы интервенции были связаны с внутриполитическими соображениями правительства Наполеона III. «Великая мысль царствования» заключала в себе, как и все предшествовавшие ей «мысли» такого рода, стремление с помощью внешних авантюр занять армию, дать новую пищу шовинизму во Франции, отвлекая внимание народа от внутренних дел, чтобы укрепить престиж империи и ослабить силы республиканской оппозиции. С помощью интервенции Наполеон стремился также заручиться прочной поддержкой клерикалов, горячо одобрявших вмешательство в пользу мексиканских церковников.

Разумеется, и «великой мысли царствования», и подстрекательским выступлениям пальмерстоновской печати суждено было бы остаться плодами горячечной фантазии, не имевшей отношения к действительности, если бы не одно решающее обстоятельство. В апреле 1861 года в США началась гражданская война и федеральное

◆

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 373—374.

правительство оказалось не в состоянии настоять на уважении европейскими державами «доктрины Монро» даже в Мексике, которую в Вашингтоне рассматривали как безусловную сферу американского влияния.

Планы позорного крестового похода европейской буржуазии во имя увековечения невольничества на юге США превращали южных рабовладельцев из соперников в фактических союзников интервентов в Мексике. Правда, первоначально южные плантаторы строили планы территориальных захватов в Мексике и потому скорее были заинтересованы в продолжении там гражданской войны, чем в интервенции европейских держав, которая могла отнять предлог для вмешательства конфедератов. Однако это было до тех пор, пока Юг надеялся на быстрый успех в собственной гражданской войне против Севера. Когда же эта надежда рассеялась, конфедерация стала считать, и не без основания, что интервенция в Мексику послужит прологом для англо-французского вмешательства в американские дела. Поэтому представитель плантаторов в Париже — Слайдель заявил в июле 1862 года французскому министру иностранных дел, что рабовладельческая конфедерация будет дружественно относиться к французской интервенции, будучи убеждена, что Наполеон III предоставит мексиканцам правительство, соответствующее их желаниям, что Юг устроит любая форма такого правительства [7].

Позднее государственный секретарь конфедерации Бенджамен писал Слайделю о том, что «безопасность» оккупантов и созданного ими режима целиком зависит от успеха плантаторов, которые образуют «барьер» между северными штатами и Мексикой [8].

С точки зрения правового и идеологического обоснования и оправдания интервенционистской политики любопытно отметить, что Слайдель сопровождал согласие южан на утверждение «мексиканской империи» выражением уверенности, что Наполеон III действует, руководствуясь желаниями мексиканского народа. Это находилось в полном соответствии с обычными утверждения-

◆

[7] F. Z. Owsley, King Cotton Diplomacy. Foreign Relations of the Confederate States of America, Ch. 1931, p. 341.
[8] J. M. Callahan, American Foreign Policy in Mexican Relations, N. Y., 1932, p. 298.

ми плантаторов, что их сепаратизм — это защита «свободы» и прав штатов.

Впрочем, эти оправдания интервенции пришли несколько позднее, когда она стала фактом. А пока бонапартистские газеты во Франции и пальмерстоновские газеты в Англии пытались оглушить читателей нагромождением других фальшивых предлогов, подходивших к парижскому и лондонскому меридиану. Так, «Морнинг пост» писала, что Мексика не является организованным государством, а представляет собой просто разбойничье гнездо. Напротив, «Таймс», выступая тогда главным рупором Пальмерстона, договорилась даже до того, что дело касается не меркантильных интересов держателей мексиканских бумаг, что Англия, как покровительница либеральных сил, должна... укрепить решимость правительства Хуареса рассеять разбойничьи шайки клерикалов.

Главной целью интервентов, и прежде всего Наполеона III, было не удовлетворение претензий иностранных кредиторов Мексики, а колониальное закабаление страны, эксплуатация ее огромных естественных богатств, о чем открыто писала бонапартистская печать. Разумеется, цели каждого из участников интервенции находились в явном противоречии одна с другой. Так, надежды Испании снова завладеть самой богатой из своих прежних колоний никак не согласовывались с наполеоновскими планами превращения Мексики фактически во французский протекторат.

Тем не менее объединенные пока общей задачей свержения правительства Хуареса Англия, Франция и Испания 31 октября 1861 г. подписали в Лондоне конвенцию о координации своих совместных действий, необходимых для защиты подданных этих стран от «произвольного и оскорбительного поведения властей Мексиканской республики». Конвенция предусматривала посылку эскадр для занятия различных укрепленных мест на побережье Мексики, создание трехсторонней комиссии для распределения денежных сумм, которые будут взысканы с Мексики. Наконец, предусматривалось, что державы обратятся к правительству США с предложением участвовать в интервенции, но начнут действовать еще до получения ответа и даже в случае отказа Вашингтона (который, конечно, не вызывал сомнений). Хотя в первой статье конвенции формально говорилось лишь о за-

нятии мексиканских портов, там одновременно речь шла о «защите подданных», которую, как признавала тогда же «Таймс» и как официально разъяснило впоследствии правительство Наполеона III, нельзя было осуществить без оккупации всей территории Мексики. Особенно нарочито двусмысленно была сформулирована вторая статья конвенции: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются, употребляя меры принуждения, предусмотренные в этом соглашении, не искать для себя никаких территориальных приобретений и никаких особых преимуществ, а также не оказывать на внутренние дела Мексики никакого влияния, могущего нанести ущерб праву мексиканской нации выбрать и свободно конституировать форму своего правления»[9]. Декларируя, на первый взгляд, свое «невмешательство» во внутренние дела Мексики, эта статья вместе с тем явно была направлена на изменение в результате вмешательства держав правительства и государственного строя Мексики под предлогом, будто ранее ее народ еще не имел случая избрать угодную ему форму политического устройства.

Дипломатическая подготовка интервенции была в основном завершена, и вскоре начались военные операции. Первой выступила Испания, которая располагала войсками на Кубе и могла обойтись поэтому без доставки воинских контингентов из метрополии. 8 декабря 1861 г. испанские войска высадились в порту Веракрус, не встретив сопротивления мексиканцев. Это было вызвано прежде всего стремлением правительства Хуареса, все еще не терявшего надежды на мирный исход конфликта с европейскими державами, оттянуть начало военных действий. Кроме того, не имея боевых кораблей, мексиканское правительство считало нецелесообразным сражаться на побережье, где интервенты могли использовать свои военно-морские силы. Однако местное население по распоряжению правительства уничтожало или увозило в глубь страны из занятых интервентами районов все запасы продовольствия. Менее чем через месяц, 6—8 января 1862 г., в Веракрус были доставлены французские и английские войска. В это время наиболее многочисленным был испанский контингент — 6200 солдат,

◆

[9] Цит. по А. Б. Беленький, Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867), М., 1959, стр. 46.

французский насчитывал 2600, преимущественно алжирских стрелков (зуавов), английский — 800 человек.

Первоначальные планы союзников были рассчитаны на то, что уже самая их высадка вызовет восстание клерикальной партии и всех противников Хуареса, приведет к свержению правительства. На деле столь желательного для интервентов выступления не произошло. Никакого благоприятного впечатления не произвел и манифест, с которым 10 января 1862 г. командование интервентов обратилось к населению и в котором говорилось, что они намерены лишь добиться урегулирования вопросов о долгах, а в остальном желают лишь помочь «возрождению» мексиканского народа, созданию прочного и длительного государственного порядка.

Оставаться же долго в нездоровом для европейцев климате Веракруса было опасно. Интервенты сразу же попали в сложное положение, которое заранее предсказывал К. Маркс. Заклеймив пальмерстоновские планы, Маркс отметил, что они поражают «безрассудством цели и непригодностью применяемых средств»[10]. Интервентам пришлось перестраиваться на ходу.

После манифеста представители союзных держав направили коллективную ноту Хуаресу, которая сопровождалась отдельными ультиматумами каждого из трех правительств. Во французском ультиматуме, например, требовалось согласие Мексики на оккупацию ее портов и иностранный контроль над ее таможнями, доходы от которых должны были идти на удовлетворение претензий европейских кредиторов. Правительство Хуареса не пошло на капитуляцию и отвергло требования, выполнение которых было равносильно отказу от национальной независимости.

Снова возник вопрос, что делать дальше. Войска интервентов, которых уже коснулась эпидемия желтой лихорадки, не имели ни достаточно боевых припасов, ни средств передвижения для широкого наступления. В результате представители трех правительств должны были, скрепя сердце, согласиться на переговоры с Хуаресом. 19 февраля 1862 г. в деревне Ла-Соледад, близ Веракруса, было подписано предварительное соглашение, в котором указывалось, что, по разъяснению мексиканского

◆

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 15, стр. 375.

правительства, оно не нуждается в иностранной помощи и готово вместе с тем рассмотреть все претензии союзников, вытекавшие из ранее заключенных договоров. На время этих переговоров союзные войска должны были занимать три города (Кордова, Орисаба и Теукан). Это компромиссное соглашение было выгодным для мексиканского правительства, давало ему выигрыш времени, весьма важный для подготовки к войне.

Лондонский и мадридский кабинеты утвердили Ла-Соледадское соглашение, но Наполеон III отверг его и отказался вообще от каких-либо переговоров с Хуаресом. Начались трения между союзниками. Англия и Испания неожиданно обнаружили, что Франция поощряла мексиканских клерикалов и нарушала тем самым Лондонскую конвенцию. Разумеется, это было лишь отговоркой. В Лондоне были отлично осведомлены и ранее о далеко идущих планах Наполеона. Просто Пальмерстон убедился, что интервенция оказалась слишком трудной и рискованной. Вдобавок, начиная вторжение в Мексику, британское правительство рассматривало его как шаг к вмешательству в гражданскую войну в США, а от этого приходилось, по крайней мере временно, отказаться из-за решительного сопротивления со стороны английского пролетариата.

В конце апреля 1862 года английские и испанские войска покинули Мексику. Вместе с тем в Лондоне ничего не имели против продолжения интервенции одними французскими силами, считая, что Наполеон III по существу будет действовать в британских интересах. Вдобавок мексиканская авантюра обостряла отношения Франции с США, что также было выгодно английскому кабинету. Пальмерстоновская пресса поспешила заверить французского императора, что Англия с живейшей симпатией относится к планам, выработанным в Париже относительно будущих судеб Мексики.

В самой Франции оппозиция к мексиканской экспедиции — очень слабая — в прессе и в законодательном корпусе, преимущественно со стороны буржуазных республиканцев и орлеанистов, возникла, лишь когда Англия и Испания уклонились от дальнейшего участия в интервенции. Высказывались довольно робкие намеки на опасность вмешательства, встречавшего «ревность» со стороны США, поглощенных гражданской войной. Чтобы рассеять опасения внутри страны и за рубежом, офи-

циальная и официозная печать продолжала уверять, что Франция по-прежнему не собирается вмешиваться во внутренние дела Мексики. Так, правительственная газета «Монитер» писала, что «сильная партия в Мексике склонна ликвидировать республиканский строй, который оказался столь роковым для страны, и учредить конституционную монархию во главе с иностранным принцем. Тем не менее союзники не должны стремиться сами осуществлять любой такой проект, так как это породит мысль о завоевании, которая не может не ранить национальное самосознание»[11].

Оппозиция, не возражая против официально объявленной задачи экспедиции — защиты интересов французских подданных, осуждала более широкие цели интервенции, которые формально отрицало, но в действительности преследовало правительство Наполеона III. Желая объяснить, почему Франция продолжает интервенцию, от которой отказались ее союзники, бонапартистская печать писала, что Франция никогда не отступала назад, начав предприятие в защиту справедливости цивилизации и высших интересов европейской торговли. Как разъясняла 19 мая 1862 года газета «Конституционель», «Франция осуществляет не завоевание, а освобождение народа»[12]. Позднее, когда отрицаемые политические цели экспедиции стали фактом, бонапартистские газеты начали писать, что Франция защищает «национальный» принцип, подобно тому как она это якобы делала в Италии в 1859—1860 годах, воюя против австрийцев, что французы спасают мексиканцев от «гнусной тирании» и т. п.

Это лицемерие разоблачала даже нерешительная буржуазная оппозиция. «Тан» в мае 1862 года отмечала, что действия французских генералов разительно напоминают поведение герцога Брауншвейгского в 1792 году, а политика мексиканских консерваторов — позицию французских Бурбонов, вернувшихся во Францию в 1814 году в обозе интервентов и также обещавших народу освобождение от императорской тирании Наполеона I (разящее сравнение в условиях Второй империи!). А респуб-

◆

[11] «Le Moniteur», 1 fév. 1862.
[12] Цит. по F. E. Lally, French Opposition to the Mexican Policy of the Second Empire, Baltimore, 1931, p. 43.

ликански настроенный историк Эдгар Кииe предрекал войскам Наполеона III в Мексике ту же участь, которая постигла армию Наполеона I в Испании.

Наполеон III решил создать в Мексике мариоиеточную империю, целиком зависимую от Фраиции. По поручению Наполеона агенты мексиканских клерикалов предложили корону австрийскому эрцгерцогу Максимилиану Габсбургу, брату императора Франца-Иосифа. Выбор пал на Максимилиана, как иа члена династии, царствовавшей в страие, которая не имела отношения к интервенции и не могла вызвать опасеиий ии в Лоидоне, ни в Мадриде. Кроме того, жена Максимилиаиа, бельгийская принцесса Шарлотта, была родственницей английского королевского дома. В апреле 1862 года французы создали марионеточное правительство, возглавляемое одним из лидеров клерикалов Альмонте, которое было сразу же признано Парижем. Однако оно не получило никакой поддержки населения, большинство которого открыто выражало ненависть к оккупантам.

16 апреля Фраиция официально объявила войну правительству Хуареса. Французский командующий геиерал Лорансез, в распоряжении которого было шесть с половиной тысяч солдат, попытался добиться решающего успеха путем быстрого иаступления. Он учитывал, что мексиканская армия была недисциплинированна и не имела сколько-нибудь сносного оружия. Но французский генерал не учел мужества и патриотизма мексиканских воиов. 5 мая 1862 г. французский экспедициоиный корпус атаковал Пуэбле — город иа полпути к мексиканской столице, ио был отброшен с тяжелыми потерями. Поражение интервентов разом разоблачило выдумки о непопулярности правительства Хуареса и о том, будто мексиканцы ждут не дождутся французских освободителей. Наполеон III впервые понял, что для покорения Мексики нужна большая армия. В июле 1862 года на место Лорансеза был иазначен генерал Форей. Транспорты стали иепрерывно доставлять в Мексику все новые контингенты французских войск. Форей распустил в сентябре 1862 года «правительство» Альмоите, которое снискало столь единодушную ненависть населения, что могло лишь компрометировать оккупаитов, и стал готовиться к большой войие. В марте 1863 года более чем 30-тысячная французская армия окружила Пуэбле. Два месяца продолжалась кровопролитиая осада. 17 мая фраицузы

вступили в совершенно разрушенный город. Наполеон III, обычно столь скрытный, откровенно демонстрировал свою радость по случаю победы, пришедшей после многих месяцев опасений [12а]. Взяв реванш за поражение, французы двинулись к Мехико. Наиболее боеспособные части мексиканской армии к этому времени были уже обескровлены в непрерывных боях с несравненно лучше вооруженным и организованным врагом. 31 мая 1863 г. правительство Хуареса оставило Мехико, который был занят французскими войсками.

После взятия мексиканской столицы во французских политических кругах были убеждены, что вскоре можно будет отозвать экспедиционный корпус и заняться эксплуатацией естественных богатств Мексики (в частности, рудников Соноры) и взиманием таможенных пошлин для покрытия уже затраченных 300 млн. франков [12б]. Пока же французские войска двинулись на север, преследуя отступающие отряды мексиканцев. Бонапартистская печать изображала дело таким образом, будто в стране только несколько вооруженных банд еще сопротивляется французам [13]. В речи, произнесенной перед депутатами, собравшимися на законодательную сессию 1863—1864 годов, Наполеон объявил, что непредвиденное сопротивление мексиканцев уже преодолено храбростью французских солдат и что якобы население Мексики встречает их как освободителей. В ответ на усилившуюся критику экспедиции в Мексику (и одновременных колониальных авантюр на Дальнем Востоке) Наполеон III призывал: «Сохраним же веру в наши заморские предприятия; начатые для отмщения за нашу честь, они оканчиваются торжеством наших интересов» [14].

В этих условиях Форей, не мешкая, с солдафонской бесцеремонностью назначил хунту из отъявленных реакционеров. Та, в свою очередь, избрала членов ассамблеи нотаблей, которая 10 июля объявила, что Мексика провозглашается наследственной монархией и престол предлагается герцогу Максимилиану. К Максимилиану была отправлена делегация с просьбой занять мексиканский

◆

[12а] АВПР, ф. Канц., д. 118, л. 657.
[12б] Там же, д. 119, лл. 150—151.
[13] «Le Moniteur», 17 août 1863.
[14] «Session Legislative de 1863—1864. Discours des Sa Majesté l'Emperor», P., 1863.

престол, но австрийский эрцгерцог приличия ради потребовал, чтобы это приглашение было подтверждено народным плебисцитом. Организация такого «народного волеизъявления» не представляла трудностей для генерала (позднее маршала) Базена, сменившего в октябре 1863 года Форея на посту командующего французским корпусом. К этому времени оккупанты заняли большую часть территории Мексики, хотя их власть распространялась только на города. Разумеется, «плебисцит» был чистейшей комедией. «Голосование» проводилось в обстановке запугивания и угроз под дулами французских ружей, смутьянов немедля бросали в тюрьму. Избирательные бюллетени подсчитывались французскими офицерами. Поэтому никого не удивило, когда было объявлено, что подавляющее большинство (6,4 млн. из 8,6 млн. мексиканцев) высказалось за Максимилиана.

В апреле 1864 года Максимилиан согласился принять мексиканскую корону. Одновременно он подписал договор с Наполеоном III, который определял длительное пребывание в Мексике оккупационных войск, содержание которых возлагалось на мексиканский народ, и выплату огромных сумм Франции и французским подданным в возмещение их, большей частью мнимых, убытков. Французские войска должны были гарантировать трон нового императора от мексиканских республиканцев и от опасности американского вторжения[15]. 14 июня Максимилиан торжественно прибыл в Мехико.

Власть марионеточного императора распространялась лишь на территорию, занятую французами, а власть оккупантов редко где простиралась далее крупных городов и прилегавшей к ним округи. Вся остальная часть страны не только не подчинялась Максимилиану, но и все более активно поднималась на партизанскую войну против завоевателей. Зверства оккупантов, бесконечные реквизиции, расстрелы заложников, сожжение деревень и селений, заподозренных в связи с республиканцами, только усиливали жгучую ненависть к врагу. Партизанская война приобретала всенародный характер.

10 апреля 1865 г. была опубликована конституция, декретировавшая превращение Мексики в наследственную и абсолютную монархию. Министры несли ответст-

[15] АВПР, ф. Канц., д. 119, л. 154.

венность только «перед законом», иначе говоря, — перед императором. Страна делилась по французскому образцу на 50 департаментов и 8 военных округов, возглавлявшихся префектами, назначаемыми Максимилианом.

Вся политика Максимилиана представляла собой судорожные метания в попытках создать сколько-нибудь массовую опору марионеточной империи. Ради этой цели он выбирал своих министров чаще не из консерваторов, а из правых либералов (до лета 1866 г.), которые в наиболее трудный для республики период войны изменнически перешли на сторону неприятеля. Этой же цели служили учреждение различных орденов и их щедрая раздача чиновникам и другим сколько-нибудь влиятельным лицам, соглашавшимся сотрудничать с оккупантами, широковещательная «августейшая» филантропия, которая должна была доказать любовь императорской четы к простому народу, заигрывание с вождями индейских племен, демонстративно объявлявшаяся амнистия и даже свобода печати (разумеется, оставшиеся мертвой буквой).

При отъезде в Мексику Максимилиан получил благословение римского папы, ожидавшего, что ставленник оккупантов — «католический монарх» отменит все меры, направленные против церковного землевладения и политического влияния духовенства. Теперь пришло время для уплаты по векселю. Папский нунций монсеньор Меглия представил Максимилиану список требований Ватикана: «1. Отмена всех законов о реформе; 2. Утверждение католической веры при запрете всех других вероисповеданий как основной принцип мексиканской империи; 3. Полная свобода для духовенства в осуществлении его церковных обязанностей; 4. Восстановление монастырей и церковных орденов; 5. Подчинение всех частных и государственных школ контролю церкви; 6. Отмена всех ограничительных мер, введенных для установления зависимости церкви от государства» [16].

Однако Максимилиан не рискнул выполнить эти требования, особенно об отмене национализации церковных земель. Он не посмел еще сильнее ожесточать против себя их новых владельцев, что сделало бы совсем безна-

◆

[16] B. Harding, Phantom Crown. The Story of Maximilian and Carlota of Mexico, p. 155.

дежными любые попытки создать внутреннюю опору для империи. Впрочем, все либеральные жесты Максимилиана мало что меняли, когда население Мексики испытывало на себе постоянные варварские экзекуции, реквизиции со стороны французов, грабеж и насилия марионеточных войск, когда императорское правительство вводило все новые и новые разорительные налоги, чтобы обеспечить выплату долгов иностранцам и выпутаться из хронического финансового кризиса. Действительное значение имел изданный еще в июне 1863 года генералом Фореем декрет о военно-полевых судах, согласно которому приговаривались к смерти все пленные партизаны. 3 октября 1865 г. Максимилиан, после совещания с Базеном, издал «черный закон» (так он был сразу же назван в народе). Этот закон обрекал на казнь всякого уличенного в том, что он участвовал в вооруженной борьбе против империи. Смертные приговоры военно-полевых судов не подлежали обжалованию и приводились в исполнение не позднее, чем через сутки после их вынесения. Тем самым, как разъяснял Базен своим генералам, на основании этого закона можно было не брать пленных, истребляя их на месте. Около 20 тыс. патриотов пало жертвой военно-полевых судов, в их числе были видные республиканские деятели и генералы.

Террор не сломил сопротивления республиканцев и не принес победы французским оккупантам. Не помог он и Максимилиану создать способную сражаться армию. Мобилизованные солдаты разбегались или переходили на сторону партизан; лишь несколько тысяч человек, навербованных консерваторами, а также австрийских и бельгийских наемников сохраняли какую-то боеспособность. Впрочем, и их боевой дух сильно упал, особенно если учесть, что, по свидетельству прусского посланника, солдаты иностранных полков представляли собой вечно пьяный сброд, а офицеры были удалены из австрийской армии за непригодностью. Максимилиан надеялся в 1866 году довести численность наемников до 20 тыс., но из этого ничего не вышло. Охотников, готовых погнаться за легкой добычей в Мексике, становилось все меньше, как только выяснилось, что добыча не оказалась «легкой». К тому же казна Максимилиана опустела, и содержание наемников взяло на себя французское командование, сократившее им жалованье. Солдаты ненавидели приставленных к ним французских офицеров.

Режим Максимилиана — это было ясно уже всем — держался исключительно на штыках оккупантов. Даже руководители европейских наемников с самого начала поняли, что сразу после эвакуации французских войск мексиканская империя «с треском рухнет» вне зависимости даже от позиции США [17].

Правда, не сумев приобрести базы внутри страны, «мексиканская империя» добилась официального признания со стороны всех великих европейских держав и ряда других стран. Но это был иллюзорный успех, поскольку он не касался главного. США даже в разгар гражданской войны категорически отказывались признавать правительство Максимилиана. 3 марта 1862 г. государственный секретарь США Сьюард отметил в письме к американским дипломатам, что правительство Максимилиана «немедленно падет, если его не будут поддерживать его европейские союзники». Напротив, сохранение империи превратилось бы «практически в начало постоянной политики вооруженной интервенции монархической Европы». Однако американская политика в отношении Мексики в этот период была противоречивой. Если радикальные республиканцы выступали против французской интервенции, как угрозы для США, то другие элементы в той же республиканской партии видели в создании марионеточной «мексиканской империи» препятствие для американской экспансии. США признавали правительство Хуареса. Президент Линкольн в 1861 году назначил послом в Мексику Т. Корвина, в свое время резко заклеймившего в сенате агрессивную войну США против мексиканского народа [18]. Вместе с тем Сьюард тогда же поручил Корвину предложить Хуаресу, что США возьмут на себя уплату мексиканских долгов с последующим возмещением Мексикой этих сумм с процентами. Взамен американцам в качестве залога должны были быть переданы рудники в ряде мексиканских штатов. Если Мексика за шесть лет окажется неспособной возместить Вашингтону уплаченные за нее деньги, эти рудники перешли бы в собственность США. Хуарес отверг такие кабальные условия. В последующем амери-

◆

[17] R. Dartios D'Huart, Maximilien d'Autriche. Empereur du Mexique, Bruxelles (s. d.), p. 126 e. a.

[18] J. Monaghan, Diplomat in Carpet Slippers. Abraham Lincoln, Indianapolis — New York, 1945, p. 64.

канское правительство, не признавая Максимилиана, тем не менее избегало столкновения с Францией. Вашингтон наложил эмбарго на вывоз оружия из США, отчего страдала, естественно, не «мексиканская империя», щедро снабжаемая из Франции, а войска Хуареса.

Однако по мере того, как приближалась победа над Югом, тон США становился более решительным. В предвыборной платформе правящей республиканской партии, принятой в 1864 году, указывалось, что попытки любой европейской державы ликвидировать республиканскую форму правления в любой американской стране будут рассматриваться американским народом «как угроза миру и независимости его собственной страны»; особенно это относится к попыткам утверждения «монархических правительств, поддерживаемых иностранными войсками близ Соединенных Штатов» [19].

Просчеты Наполеона III в Мексике были тесно связаны с просчетами в отношении гражданской войны в США. Еще в марте 1865 года французский император считал, что Вашингтон будет и впредь целиком занят борьбой с южными штатами. А французский министр Друэн де Люис 25 марта поручил французскому послу в США передать Сьюарду, что американская интервенция в пользу Хуареса приведет к войне с Францией [20]. Эти угрозы были не очень весомы. В Вашингтоне отлично понимали, что Наполеон III при сложившейся обстановке в Европе и думать не мог серьезно о войне против США.

В апреле 1865 года гражданская война в США закончилась полным торжеством Севера [21]. В распоряжении федерального правительства была многочисленная ар-

◆

[19] J. M. Callahan, American Foreign Policy in Mexican Relations, pp. 297—298.

[20] Например, E. Schmit, Geschichte der Regierung des Kaisers Maximilian I und der französischen Intervention in Mexico, 1861—1867, Bd. II, Wien und Leipzig, 1903, SS. 55—56.

[21] Кавалерийская бригада южан под командой генерала Д. Шелби после поражения конфедерации перешла мексиканскую границу. Шелби предполагал установить свою власть над всей Северной Мексикой. Конфедераты решили взять сторону Максимилиана. Бригада Шелби прибыла в Мехико. Однако Максимилиан не осмелился принять их на службу, что было бы прямым вызовом США, и бригада была распущена. (E. A. Davis, Fallen Guidon. The Forgotten Saga of General Jo Shelby's Confederate Command, Santa Fe, 1962, p. 67 f., p. 155 f.)

мия, имевшая опыт четырехлетней войны большого масштаба. Теперь Вашингтон мог отказаться от нейтралитета, значительно более выгодного для французских оккупантов, чем для правительства Хуареса, которого США придерживались в предшествующий период. Это диктовали прежде всего экспансионистские интересы американской буржуазии, не собиравшейся терпеть французское господство в соседней Мексике. Вашингтонская дипломатия заговорила угрожающим языком, требуя вывода французских войск. В своем послании конгрессу от 4 декабря 1865 г. сменивший убитого Авраама Линкольна президент Э. Джонсон недвусмысленно дал понять, что французская оккупация является вызовом для США. Наполеон III, особенно учитывая быстро обострявшуюся обстановку в Европе, разумеется, не мог и думать о безнадежной войне против США за сохранение «мексиканской империи». Он попробовал выторговать в обмен на обещание вывести французские войска признание Соединенными Штатами правительства Максимилиана. Это была безнадежная игра, так как «мексиканская империя» все равно не могла существовать без поддержки французских войск, а США не было никакого смысла идти на уступки, когда они и без того имели все шансы добиться своего. 6 декабря 1865 г. Сьюард потребовал безоговорочного увода французского экспедиционного корпуса. США отменили эмбарго на вывоз оружия в Мексику, устроили правительству Хуареса ряд займов, разрешили вербовку добровольцев, сосредоточили войска на мексиканской границе, где даже возникли стычки с отрядами армии Максимилиана [22].

11 декабря 1865 г. сенат США затребовал информацию «о варварском декрете так называемого императора Мексики от 3 октября» («черном законе»). Палата представителей приняла резолюцию, уполномочившую ее комиссию по иностранным делам выяснить, «какие меры и средства могут потребоваться со стороны США, чтобы восстановить для мексиканского народа право свободного и нестесняемого выбора угодной ему формы правительства». Показная «забота» о мексиканцах была одним из приемов дополнительного давления на Наполео-

◆

[22] J. M. Callahan, American Foreign Policy in Mexican Relations, pp. 316—317.

на III. Сьюард после этого официально уведомил Париж, что продолжение французской интервенции ставит под угрозу политику США, направленную на поддержание мира с Францией. Намек был более чем прозрачным. Французские попытки затянуть отвод войск вызвали в ноябре 1866 года новые, еще более резкие угрозы Сьюарда. Предупреждая возможные — хотя и крайне маловероятные — действия Австрии в пользу брата Франца-Иосифа, Сьюард в специальной ноте указывал, что французское вмешательство, ранее сопровождавшееся уверениями, что оно не преследует политических целей, «теперь определенно имеет характер европейской интервенции для свержения существующего республиканского правительства и утверждения взамен его с помощью вооруженной силы европейского императорского военного деспотизма»[23].

Все эти действия имели под собой скрытую экспансионистскую подкладку, о которой писала и американская печать. Влиятельная газета «Нью-Йорк геральд» еще в марте 1865 года предлагала овладеть Мексикой «в интересах самого же мексиканского народа». Президент Хуарес отлично отдавал себе отчет в своекорыстном характере американской помощи, указывая, что США оказывают ее ради своих интересов и выгоды[24]. Однако мексиканская дипломатия успешно сумела использовать противоречия между крупными капиталистическими державами. В апреле 1866 года Наполеон был вынужден согласиться на постепенный вывод своих войск к ноябрю следующего года, тем более, что они продолжали нести большие потери в безуспешной борьбе с мексиканскими партизанами. В самой Франции также нарастало недовольство позорной мексиканской авантюрой, требовавшей все новых жертв людьми и поглощавшей огромные средства. Французские демократы и левые республиканцы обличали интервенцию как преступление не только против мексиканского, но и против французского народа. В своем обращении к мексиканцам великий французский писатель В. Гюго писал: «Против вас

◆

[23] US 39th Congress, Ist, Session, House Doc. No 93, pp. 46—47. Цит. по H. Commager, Documents of American History, 3 ed. N. Y., 1945, p. 426.

[24] А. Б. Беленький, Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867), стр. 129—130.

воюет не Франция, а империя!». Он говорил о том, что считает себя союзником мексиканского народа в борьбе против интервентов. Недаром Хуарес приказал перевести и распространить по всей Мексике страстную антибонапартистскую книгу Гюго «Наполеон маленький».

Теперь, когда выявился крах интервенции, критические настроения охватили широкие круги буржуазии. Несколько позднее, выражая эти настроения, «Journal des économistes» писал: «Франция совершенно бесполезно пожертвовала своими солдатами и своими миллионами»[25]. Вся оппозиционная печать громко обвиняла правительство за организацию мексиканской авантюры, нанесшей большой ущерб французским государственным интересам[26]. К началу 1866 года возмущение мексиканской авантюрой приняло во Франции столь широкие размеры, что известный журналист Жирарден в беседе с британским дипломатом высказался о возможном свержении с престола Наполеона III[27]. Ссылками на «обязательства» в Мексике, а также в Риме (экспедиционный корпус для поддержания власти папы) и Алжире французская дипломатия объясняла Вене свой отказ прийти на помощь Австрии в ее конфликте с Пруссией[28]. Как с удовлетворением отмечал прусский военный атташе Лое, это были не только предлоги — мексиканская кампания серьезно истощала французские военные ресурсы. Правы те историки, а в их числе находятся и весьма благожелательно настроенные к Наполеону III, которые подчеркивают, что химерическое мексиканское предприятие позволило рассеять «мираж» сильной и процветающей Второй империи[29].

В ноябре 1866 года Сьюард снова в вызывающей форме потребовал от Франции прекратить оттяжки с началом возвращения домой экспедиционного корпуса. В январе 1867 года маршалу Базену было предписано начать немедленную эвакуацию французских войск. В последние

◆

[25] Цит. по Э. А. Желубовская, Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции, М., 1956, стр. 113.

[26] F. E. Lally, French Opposition to the Mexican Policy of the Second Empire, pp. 145—146 a. o.

[27] E. A. Pottinger, Napoleon and the German Crisis, 1865—1866, Cambr. (Mass.), 1966, p. 64.

[28] Ibid., p. 167.

[29] Ch. Schefer, Le Grande pensée de Napoléon III. Les origines de l'expédition du Mexique (1858—1862), P., 1939, p. 266.

месяцы своего пребывания в Мексике французский главнокомандующий занимался усердной распродажей всем, готовым платить наличными, не только награбленного имущества, но даже казенного оружия и снаряжения. Мародерство главы оккупантов послужило, видимо, для него неплохой подготовкой к измене родине позднее, во время франко-прусской войны. Базен пытался в последний момент договориться и с самим Хуаресом, предлагая сдать ему все крепости, находившиеся в руках оккупационных войск, если тот пообещает выплатить долги французским кредиторам. Как утверждал впоследствии Порфирио Диас (в 1867 г. республиканский генерал, а позднее — диктатор Мексики), в переговорах с ним Базен выражал готовность передать в руки законного правительства также Максимилиана и его приближенных. Переговоры не привели ни к каким результатам.

Покидая Мехико, Базен 3 февраля 1867 г. обратился с воззванием к населению страны. «Все наши усилия,— уверял в нем маршал,— были направлены на утверждение внутреннего спокойствия. Будьте уверены в том, и я заявляю вам в момент отъезда, что наша миссия не имела другой цели и что никогда целью Франции не было навязывание вам какого бы то ни было правительства, противоречащего вашим желаниям» [30].

В середине марта 1867 года французские войска были выведены из Мексики. Эмиссары Наполеона III уже давно рекомендовали Максимилиану отречься от престола. Однако тот, подстрекаемый своими консервативными приверженцами, продолжал цепляться за призрачную мексиканскую корону. Ведь еще недавно он мечтал о подчинении всей Центральной и Южной Америки, собирался женить своего младшего брата Людвига на бразильской принцессе и образовать из независимых латиноамериканских государств провинции огромной Габсбурской державы. Максимилиан не хотел примириться с крахом всех этих несбыточных планов.

Империя не просуществовала и двух месяцев после эвакуации французских войск. Повсеместно народ прогонял максимилиановских чиновников и восстанавливал республиканскую администрацию. Максимилиан и остат-

[30] E. Lefêvre, Documents officiels recueillis dans la secrétairerie privée de Maximilien. Histoire de l'intervention française au Mexique, t. 2, Bruxelles et Londres, 1869, p. 378.

ки его армии были окружены республиканскими войсками в Керетаро. 15 мая 1867 г. он был взят в плен. За узурпацию власти, бесчисленные злодеяния, которые от его нмени и с его полного согласия творили французские оккупанты н марионеточные войска, Максимилиан был приговорен военным судом к смертной казни. Тщетно пытались спасти своего близкого родственника многие царствовавшие монархи. 19 июля 1867 г. Максимилиан и двое соучастников его преступлений — генералы Мирамон н Мехиа — были расстреляны в городе Керетаро.

Еще ранее республиканскне войска установили контроль над всей страной, и 15 июля президент Хуарес вернулся в столицу, покинутую им четыре года назад.

Русский посол Будберг беседовал с Наполеоном III вскоре после получення нзвестия о казни Максимнлиана. По мнению французского императора, сообщал посол, все дело заключалось в том, что австрийский эрцгерцог не послушался добрых советов Наполеона. Максимилнан поэтому не сумел наладить отношения с либеральной партией, что н прнвело его к гибели [31]. Вероятно, и сам, крайне удрученный и обеспокоенный, Наполеон III не очень верил в свои объяснения.

Интервенция в Мексике обладала рядом черт, не встречавшихся в предшествовавшей истории контрреволюционного вмешательства. Во-первых, это была интервенция Англии и Франции — стран, где уже окончательно утвердился промышленный капитализм; роль полуфеодальной Испании, стоявшей накануне новой волны буржуазно-демократическнх преобразований, была сравнительно второстепенной. Во-вторых, это была интервенция против страны, уже давно завоевавшей политическую независимость, которую формально никто не оспаривал. В-третьих, речь шла о борьбе против революции в стране, удаленной от стран-интервентов и не могущей оказать на них «вредного», с точки зрения правящих верхов, революционизирующего влияния. Даже по критериям Каслрн и Меттерниха, революция в Мексике не могла представлять угрозу для Англии или Франции. Таким образом, это была интервенция, в которой прежде доминировавшие контрреволюционные и охранительные мотивы нграли сравнительно второстепенную роль. Подобно

[31] АВПР, ф. Канц., д. 133, л. 48.

тому, как эти мотивы прикрывались благовидной либеральной фразеологией, они, в свою очередь, маскировали планы колониальной экспансии. Интервенция в Мексике была направлена против буржуазно-демократической революции, которая переплеталась с освободительной национальной борьбой только в результате иноземного вторжения.

Обращает на себя внимание, что английская буржуазия, привыкшая воевать чужими руками, использовала для этой цели существование во Франции бонапартистской диктатуры. А Наполеон III потому с такой охотой пошел на интервенцию, что добивался осуществления не только экспансионистских стремлений французской буржуазии, но и достижения своей особой цели — укрепления режима Второй империи. Кроме того, противодействие интервенции со стороны буржуазии США, несмотря на то что она переживала годы революционной борьбы с рабовладельческим Югом, определялось прежде всего соперничеством со странами-интервентами и планами собственной экспансии. Наконец, интервенция в Мексике являлась очевидной авантюрой — такой она была уже в глазах современников. Она оказалась бессильной изменить ход общественного развития в Мексике. Вместе с тем предпринятая для укрепления бонапартистского режима, она на деле привела к его дальнейшей моральной дискредитации, и в этом смысле, безусловно, способствовала последней «волне» буржуазных революций во Франции, приведшей к низвержению Второй империи.

Бессонная ночь Бисмарка

В 1871 году в Париже впервые в истории было создано правительство рабочего класса. Этому предшествовали события, глубоко затронувшие жизненно важные интересы французского народа. Франко-прусская война привела к ряду поражений армии Наполеона III. 2 сентября 1870 г. главные ее силы во главе с императором сдались в плен при Седане. Революция в Париже смела прогнивший режим Второй империи. Однако власть оказалась в руках правительства Национальной обороны, состоявшего из представителей крупной буржуазии. Это правительство, прозванное в на-

роде правительством национальной измены, опасаясь революционного пролетариата, предало интересы Франции и пошло на капитуляцию перед врагом, уже осадившим Париж. 26 февраля 1871 г. был подписан прелиминарный мирный договор. По условиям этого договора, Франция соглашалась на отторжение Эльзаса и Лотарингии, на уплату огромной контрибуции в 5 млрд. франков, до окончательного внесения которой немецкие войска оставались на занятой ими части Франции, продолжая оккупировать форты на востоке и северо-востоке Парижа.

На спасение страны поднялся трудовой народ Парижа, выступление которого было поддержано в Марселе и некоторых других городах. В марте 1871 года власть в столице перешла в руки Парижской Коммуны — правительства диктатуры пролетариата. Бежавшее в Версаль буржуазное правительство Тьера начало лихорадочно концентрировать все силы контрреволюции для борьбы против парижских коммунаров.

При получении первых известий о событиях в Париже часть немецкой буржуазной печати была склонна считать их выгодными для Германии. Гражданская война во Франции, по мнению немецких газет, делала еще более отдаленной и сомнительной возможность реванша со стороны побежденного противника. Однако вскоре страх перед властью рабочего класса заглушил все другие соображения. По признанию Бисмарка, Парижская Коммуна причинила ему первую бессонную ночь. Германское правительство официально заявило о своем невмешательстве во внутренние дела Франции. Но Бисмарк с самого начала рассматривал свое заявление лишь как прикрытие для помощи «силам порядка» в борьбе против «анархии», то есть Парижской Коммуны. Позиция Бисмарка получила одобрение царя Александра II[1]. Все это, разумеется, не исключало того, что в обмен на помощь многоопытный «железный канцлер» собирался извлечь максимальные выгоды для Германской империи.

Первым важным нарушением принципа невмешательства было согласие — уже 24 марта 1871 г. — германского правительства на резкое увеличение численно-

◆

[1] G. Bourgin, Une Entente franco-allemande, «International Review of Social History», v. I, pt. 1, 1956, p. 42.

сти версальских войск под Парижем с 40 тыс. до 80 тыс. человек, вопреки положениям мирного договора. Единственным условием ставилось немедленное начало ими наступательных действий против Парижа. Это согласие канцлера было оформлено 28 марта специальной конвенцией, заключенной в Руане между представителями версальского правительства и германскими уполномоченными. Более того, в начале апреля Бисмарк дал согласие на новое возрастание численности версальских войск под Парижем еще на 20 тыс. человек.

Однако этим не ограничивалась германская помощь правительству Тьера. В апреле развернулась репатриация французских военнопленных из Германии. К концу этого месяца число вернувшихся, по свидетельству самого Тьера, достигло 40 тыс. человек. Большинство из них было хорошо обученными солдатами, сразу же пополнившими ряды версальской армии. Мотивируя свои действия, правительство Бисмарка открыто заявило в германском рейхстаге о своей заинтересованности в том, чтобы облегчить правительству Тьера «осуществление стоящих перед ним задач» [2]. Одновременно в своем заявлении канцлер дал ясно понять, что, если будут непосредственно затронуты интересы Германии, немецкие войска смогут вмешаться в ход событий. Иначе говоря, германская вооруженная интервенция оставлялась в качестве резервного средства на случай, если Тьер окажется не в состоянии справиться с революционным Парижем. Германское командование разработало и конкретные планы участия в захвате французской столицы, используя, в частности, фактор неожиданности (правительство Коммуны рассчитывало, пусть на шаткий и формальный, немецкий нейтралитет). Немецкое командование рассматривало и план голодной блокады Парижа. Выдвинувший эту «гуманную» идею, главнокомандующий третьей германской армией кронпринц Альберт Саксонский писал 18 апреля начальнику главного штаба фельдмаршалу Мольтке: «Нельзя отрицать, что вся эта история, если она затянется, грозит всей Европе серьез-

◆

[2] А. И. Молок, Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года, М., 1939, стр. 27—28; его же, Германская интервенция против Парижской Коммуны, «Парижская Коммуна 1871 года», под ред. Э. А. Желубовской, А. З. Манфреда, А. И. Молока, Ф. В. Потемкина, т. II, М., 1961, стр. 269—289.

нейшими опасностями и что необходимо скорее положить ей конец»[3]. В занятых немцами городах оккупанты жестоко подавляли рабочие волнения.

Правительство Тьера, хотя стремилось по возможности расправиться с Парижем собственными силами, видело в прусской армии союзника, к которому всегда можно будет обратиться в случае необходимости. А французская буржуазия — и это ярко отразила современная печать — прямо видела в полумиллионной германской армии гаранта незыблемости капиталистического строя и залог скорой победы над парижскими рабочими. Недаром некоторые французские лавочники в Бордо стали уже вывешивать в окнах своих магазинов портреты германского императора Вильгельма I.

Проходившие в апреле и мае 1871 года переговоры о заключении окончательного мирного договора с Германией, который был подписан во Франкфурте-на-Майне, являлись вместе с тем переговорами о германской интервенции — замаскированной (пока этого было достаточно) и открытой, вооруженной, если Версалю не удастся иным путем удушить Коммуну. Одновременно с мирным договором было заключено тайное соглашение о германской интервенции, которое предусматривало пропуск версальских войск через немецкие линии для удара в тыл коммунарам, предъявление Германией ультимативного требования о разоружении парижской крепостной стены для облегчения действий солдат Тьера, прекращении подвоза продовольствия в Париж. Необходимые детали были согласованы 11 мая 1871 г. в местечке Суази (близ Сен-Дени) при встрече начальника штаба версальской армии генерала Бореля с начальником штаба третьей германской армии генералом фон Шлотгеймом[4].

Вместе с тем, подготовляя это предательство, Бисмарк сохранял установленные еще раньше неофициальные контакты с Коммуной. Это делалось для оказания дополнительного нажима на правительство Тьера и ратификации версальским Национальным собранием Франкфуртского мирного договора.

◆

[3] А. И. Молок, Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 года, стр. 34.
[4] Там же, стр. 95—97.

В последние дни Коммуны германская интервенция в пользу версальцев проявлялась в самых различных формах. В ночь с 22 на 23 мая прусские гвардейские части навели мост, по которому версальцы ворвались в Париж. Немецкое командование подвергло город беспощадной блокаде. Оккупанты занимались шпионажем в пользу версальцев.

После захвата столицы версальцами немецкие войска задержали и выдали палачам Тьера тысячи коммунаров, пытавшихся покинуть Париж через районы, занятые германской армией.

Используя страх правящих классов перед Коммуной, Бисмарк стремился восстановить против Франции все главные европейские державы, особенно царскую Россию и Австрию, для утверждения германской гегемонии на континенте[5]. Это было не эпизодическим моментом в дипломатических маневрах германского канцлера, а политической линией, настойчиво проводившейся им (и при этом далеко не безуспешно) в течение целого ряда лет.

В написанном К. Марксом воззвании Генерального совета Международного товарищества рабочих (I Интернационала) германская интервенция была заклеймлена как небывалое нарушение международного права. «Между Пруссией и Коммуной не было войны, — писал Маркс. — Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала, как подлый убийца, потому что не подвергалась при этом никакой опасности...»[6]

Сознательные германские рабочие, их руководитель Август Бебель, соратник Маркса и Энгельса, разоблачали в социал-демократических газетах и с трибуны германского рейхстага интервенционистские действия Бисмарка.

Это поведение германских рабочих было ярким проявлением пролетарского интернационализма, являющегося верным оружием рабочего класса в борьбе против реакции и контрреволюционных интервенций.

◆

[5] А. С. Ерусалимский, Бисмарк. Дипломатия и милитаризм, М., 1968, стр. 92—93.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 17, стр. 365.

Эпоха империализма означала наступление реакции по всем линиям. Интервенционизм превратился в постоянно используемое средство империалистической политики. В мире торжествовали законы джунглей.

Англо-бурская и американо-испанская войны, являвшиеся главными историческими вехами новой империалистической эпохи [1], включали в себя различные интервенционистские элементы. В англо-бурской войне, наряду с попытками Англии подавить стремление бурского населения к независимости, ясно проступает и другая линия — намерение как английских, так и бурских колонизаторов использовать против соперника освободительную борьбу коренных южноафриканцев [2]. Интересно отметить, что бурские историки до сих пор изображают эту войну как «битву за свободу». В свою очередь, буржуазные английские исследователи, вроде У. Макмиллан, рисуют ее в виде «крестового похода» англичан за освобождение негров от ига буров, вторым изданием гражданской войны 1861—1865 годов в США [3].

Первая русская революция 1905—1907 годов нанесла сильнейший удар по империализму. Завершился длительный период устойчивости капиталистической системы, период, когда уже закончились буржуазные революции на Западе и не созрели еще революционные движения на Востоке. Десятилетие между началом русской революции и первой мировой войной было временем непрерывного революционного процесса, охватившего впервые в истории большинство человечества. Массовое антиимпериалистическое движение в национальном масштабе, возникшее на Востоке под влиянием русской революции, создавало мощного союзника пролетариата в лице угнетенных народов колоний и зависимых стран. Влияние

◆

[1] См. В. И. Ленин, Полиое собраиие сочииеиий, т. 30, стр. 164.

[2] Ср. И. А. Никитиина, Положеиие кореииого иаселеиия южиоафрикаиских колоиий Аиглии и Бурских республик в коице 90-х годов XIX в. и его борьба против колоииализма, «Учеиые записки Московского государствеииого педагогического ииститута им. В. И. Леиииа», № 220, М., 1964, стр. 425—465.

[3] W. M. Macmillan, The Road to Self-Rule. A Study in Colonial Evolution, L., 1959, p. 136.

русской революции ускорило политическое самоопределение рабочего класса угнетенных стран Востока, усилило его роль в антиимпериалистической борьбе.

Сила ударов по мировой капиталистической системе, которые нанесли первые выступления народов Азии и Африки, поднявших знамя восстания против империализма, были тем более грозными, что они совпали с подъемом национально-освободительного и демократического движения в самой Европе и, главное, подъемом борьбы пролетариата, даже в Англии, которая долго слыла образцом «социального мира». Миллионные политические стачки потрясали одну за другой страны капитализма. Революционизирующее влияние событий в России сказывалось с особой силой в наиболее слабых звеньях цепи империализма, что подрывало устойчивость всей капиталистической системы в целом.

В 1906—1911 годах происходит революция в Иране, в 1908 году — в Турции, высшей точки достигает освободительное движение в Индии, Египте, Индонезии. В следующем году развертываются революционные события в Испании, в 1910 году — буржуазная революция в Португалии и Мексике, происходят уличные сражения между рабочими и полицией в Берлине. Через год начинается революция в Китае, усиливаются мощные стачечные бои в США, Англии, Италии, Германии и других странах, которые увенчиваются революционным подъемом в самом слабом звене империалистической цепи — в царской России. При всем разнообразии причин, породивших каждое из этих движений, их размах был в огромной степени усилен непосредственным влиянием русской революции и вызванным ею обострением противоречий мирового империализма. Наступил период революционных бурь на Востоке и их «обратного отражения» в Европе, период вызревания общего кризиса капитализма.

Со времени первой русской революции начался новый этап в развитии мирового рабочего движения. Никогда еще мир не видел такого грандиозного стачечного движения, как в России в 1905 году. Русский пролетариат, восстав против царизма, указал путь рабочим всех стран. Он обогатил народные массы опытом новых форм, приемов, средств революционной борьбы в империалистическую эпоху. Октябрьская всероссийская стачка и московское восстание означали всемирно-исторический прогресс в классовой борьбе пролетариата.

Русская революция вдохнула в пролетариат веру в свои силы. Об этом говорили демонстрации и митинги солидарности с русской революцией в Праге и Вене, Берлине и Риме. Даже газета английских оппортунистов «Лейбор лидер» писала, что русская революция открыла новый период мировой истории [4].

После русской революции 1905—1907 годов, ослабившей царизм, центр всемирной реакции в еще большей мере, чем прежде, переместился в главные страны империализма. Факты показали, что самодержавие самостоятельно, без помощи европейского капитала, уже не могло справиться даже с народными массами, с пролетариатом самой России. Настоящие жандармы Европы и всего мира, располагавшие силами и средствами, сидели теперь в Берлине и Париже, Лондоне и Вашингтоне. Удушить русскую революцию, чтобы не допустить пролетарских революций на Западе и освобождения народов Востока, — такова была цель европейской и американской буржуазии. Даже после поражения революции английский консервативный публицист Л. Вильсон с тревогой писал: «В 1905 году наступил великий апогей пролетарского движения, когда русский народ сыграл первую сцену в пятом акте драмы европейского восстания» [5]. Уже в самом начале революции в России германские правящие круги, включая самого кайзера, восприняли ее как серьезную угрозу для своей власти [6]. Аналогичными были и настроения в Вене.

Контрреволюционную позицию занимали не только консервативные дворянско-помещичьи круги, магнаты банков и промышленности, но и вся буржуазия в целом, почувствовавшая, что борьба русских рабочих и крестьян таит огромную угрозу для всего строя капитализма. В дни всероссийской октябрьской стачки и московского восстания капиталистическая печать в один голос требовала тесного объединения усилий царского правительства и русской буржуазии, чтобы остановить успехи русских социалистов [7]. Известный английский либеральный публицист Стед призывал к подавлению «анархии» в

◆

[4] «Labour Leader», Jan. 5, 1906.

[5] L. Wilson, The Menace of Socialism, L., 1909, p. 215.

[6] Кайзер на это прямо намекал в письмах царю («Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894—1914», М., 1928, стр. 95 и др.).

[7] «Temps», Dec. 25, 26, 1905; «Times», Dec. 16, 1905.

России с помощью коллективной интервенции держав наподобие того, как это было сделано в отношении Китая [8]. Стед требовал посылки английского флота к Кронштадту и Петербургу [9]. Об этом открыто поговаривали в парламенте [10].

Летом 1905 года в Балтийском море начали сосредоточиваться германские военно-морские силы, а Лондон в июле просил у турецкого правительства разрешения пропустить два английских крейсера через Дарданеллы в Черное море якобы для защиты «британских подданных». Осенью кайзер Вильгельм II послал в распоряжение Николая II военные корабли, которые могли быть использованы формально для перевозки корреспонденции, а в действительности были готовы вывезти царскую семью из Петербурга в случае победы там вооруженного восстания. На границе с Россией были стянуты несколько немецких и австрийских корпусов, готовых начать вооруженную интервенцию. В Балтийское море были направлены английские, французские и американские корабли, которые по первому сигналу должны были отбыть в Россию. (Они были отозваны после подавления московского восстания) [11]. Вместе с тем в английской печати начал обсуждаться вопрос, нельзя ли воспользоваться назревшей гражданской войной в России для аннексии русской территории [12]. В борьбе против революции дружно объединились папа Пий X, проклинавший русских революционеров [13], и кровавый султан Абдул-Гамид, готовившийся помогать царскому командованию в подавлении восстания на «Потемкине», прусские юнкера, передвигавшие на восток дивизии интервенционистской армии, и французские радикалы, организовавшие заем правительству Николая II.

◆

[8] «Times», Nov. 20, 1905.
[9] «Торгово-промышленная газета», 30 октября (12 ноября) 1905 г.
[10] «Hansard's Parliamentary Debates, 1905», 4th Ser., v. 148, col. 773.
[11] «Times», Nov. 17, Dec. 26, 1905; «Новое время», 9(22) декабря 1905 г.
[12] «Nineteenth Centry and After», July 1905, pp. 7—12 a. o. Позднее эти размышления сопровождались тревогой, как бы эти аннексии не были осуществлены в процессе интервенции, прежде всего Германией (например, Fortnightly Review», Dec. 1905, p. 971 f.).
[13] «Oservatore Romane», Dec. 12, 1905. Цит. по «The Times», Dec. 13, 1905 (ср. также Э. Винтер, Папство и царизм, М., 1964, стр. 442—443).

Хотя планы вооруженной поддержки западными державами царизма против русской революции не получили осуществления, в формах помощи, которая была оказана самодержавию, проявились некоторые типичные черты интервенционистской политики империализма. Во-первых, это были интервенционистские планы держав, принадлежавших к двум враждебным лагерям. Во-вторых, направленные против буржуазной революции, они были заострены прежде всего против массового рабочего и крестьянского движения. В-третьих, интервенционистские намерения порождались не только желанием сохранить царизм как оплот реакции, но и помешать революционизирующему влиянию событий в России на рабочее движение в странах, готовивших интервенцию, и на народы стран, порабощенных империализмом. И наконец, вывоз капитала — характерная черта экономической экспансии в империалистическую эпоху — являлся во время революции формой интервенции в пользу царизма.

В различных сочетаниях эти черты интервенционистской политики прослеживаются и в борьбе империализма против народно-освободительного движения в Азии.

Иран был одной из тех азиатских стран, на которой с особой силой сказалось влияние первой русской революции. Иранский шах Мозаффар-эд-Дин вынужден был в августе 1906 года согласиться на созыв меджлиса (парламента). Однако высокий имущественный ценз лишал избирательных прав трудящиеся массы; кроме того, меджлису были предоставлены лишь функции совещательного органа. Тем не менее нарастание революционных настроений в стране привело к тому, что даже буржуазно-помещичий меджлис принял 7 октября 1907 г. дополнение к основному закону, являвшееся фактически конституцией, которая предусматривала разделение властей и провозглашала ряд основных демократических свобод. В условиях подъема народной борьбы в стране зародилось рабочее и профсоюзное движение. Вступивший в начале 1907 года на престол новый шах Мухаммед-Али стал активно готовить контрреволюционный переворот.

В августе 1907 года было заключено англо-русское соглашение, которое по существу оформило создание Антанты — империалистического блока Англии, Франции и царской России, противостоявшего Германии и ее союзнице — Австро-Венгрии. Одной из главных задач

соглашения между давнишними соперниками — буржуазной Англией и царизмом — было не допустить проникновения германских империалистов в Иран и другие страны Среднего Востока. Территория Ирана была поделена на область преимущественного влияния царизма (север страны) и английскую зону (южные провинции). Центральные районы считались нейтральной сферой, где могли действовать и Англия, и царская Россия.

Другой столь же важной целью английского империализма и царского самодержавия было объединение усилий для борьбы против революций в Азии. «В настоящее время, — писала газета «Таймс», — наше соглашение с Россией в Азии и согласие, которое его сопровождало, предохраняет и ее, и нас от грозных опасностей в Персии и на Ближнем Востоке»[14]. Английские империалисты, кроме всего прочего, пытались создать из Ирана заслон против влияния русской революции на Индию. В этой связи английские власти с тревогой наблюдали за любыми контактами между индийскими и иранскими революционными и конституционалистскими элементами, в частности за распространением в Иране присылаемых из Индии антиимпериалистических изданий[15]. Вместе с тем английский министр иностранных дел Э. Грей уверял иранское правительство, что соглашение 1907 года якобы утверждает стремление Англии и царской России поддерживать целостность и независимость Ирана, не вмешиваться в его внутренние дела, за исключением случаев защиты жизни и имущества подданных этих держав[16].

Английское правительство было не чуждо мысли использовать в своих целях конституционалистские силы в Иране для укрепления своего влияния в центральной части страны, а также на севере, который формально признавался сферой влияния царизма. На юге же английская дипломатия и разведка прямо поддерживали силы феодальной реакции. В целом, вопреки всем декларациям о сочувствии «либеральным реформам» в Иране, как и других странах Востока, не входивших в состав Британской империи, на деле лондонский кабинет выступал

◆

[14] «Times», July 28, 1908.

[15] Например, «Correspondence Respecting the Affairs of Persia», Cmd. No 1, 1909, p. 21 (обзор за февраль 1907 года).

[16] E. G. Browne, The Persian Revolution of 1905—1909, Cambr., 1910, p. 191.

злейшим врагом любого движения вперед в этих странах. Это было вызвано не только тем, что оно препятствовало экспансионистским планам Англии, но и тем, что подобный пример неизбежно должен был усиливать борьбу против иноземного гнета в английских колониях и протекторатах. «Трудно поверить, — писал один английский либеральный журнал, — чтобы в течение многих лет бюрократически управляемые Индия и Египет могли бы сохраняться рядом со свободной Турцией, парламентарной Персией и конституционным Китаем» [17]. Сопровождая свою политику жестоких репрессий в отношении революционного движения в Индии и Египте отдельными ограниченными реформами, совершенно не затрагивавшими основ колониального режима, английский империализм прилагал все усилия к тому, чтобы «рядом» с его владениями в Азии и Африке не оказалось бы стран, в которых одержала победу буржуазно-демократическая революция.

23 июня 1908 г. шах произвел в Тегеране контрреволюционный переворот, началась кровавая расправа над сторонниками меджлиса. Царское правительство — открыто, британский либеральный кабинет — под маской заботы о конституции поддержали этот переворот. Английская буржуазная печать пыталась доказать законность действий Мухаммеда-Али и уверяла, что для сторонников конституции «наиболее разумным курсом было бы сотрудничество с шахом» [18].

Центром революции стал теперь север страны — районы Южного Азербайджана. Попытки шаха подавить движение в северных районах окончились полной неудачей, революционная борьба снова начала распространяться на весь Иран. Во многих городах и провинциях были свергнуты власти, поставленные шахом. Это послужило сигналом к широкой интервенции империалистических держав. Уже с лета 1908 года английские войска высадились во многих пунктах на берегах Персидского залива. Осенью 1908 и весной 1909 года английские интервенты подавили революционное движение в Бушире, Ширазе и других городах и районах Южного Ирана. Одновременно царские войска заняли Тавриз (апрель

◆

[17] «Nation», Sept. 12, 1908.
[18] «Times», Aug. 11, 1908.

1909 г.) и остальные центры революции на севере. Уже с осени 1907 года часть Южного Азербайджана была оккупирована турками.

Однако в центре Ирана положение сложилось неблагоприятно для правительства шаха. Тегеран был окружен отрядами революционеров и сепаратистски настроенными бахтиарскими племенами, которых втайне подстрекали англичане. Дело в том, что к этому времени в Лондоне сочли, что Мухаммед-Али подпал под слишком сильное влияние царской дипломатии, и весьма благоприятно относились к возможности его замены на престоле лицом, более устраивавшим англичан. В июле 1909 года Тегеран перешел в руки революционных войск и бахтиарских племен. Мухаммед-Али был низложен, на трон возвели его четырнадцатилетнего сына. Новое правительство, состоявшее из представителей помещиков и крупной торговой буржуазии, восстановило конституцию и даже несколько снизило имущественный ценз при выборах в меджлис. Однако и после этого пролетариат и крестьянство оставались лишенными избирательных прав. Правительство, раздиравшееся борьбой между английскими и царскими агентами, оказалось единым лишь в одном — в придании все более реакционного крена своей политике. В апреле 1910 года по подстрекательству империалистических держав оно учинило кровавую расправу с азербайджанскими революционными отрядами. Интервенты в северных и южных районах вооружали реакционные банды, которые убивали революционеров и восстанавливали старые порядки. В 1910 году английские войска оккупировали и часть «нейтральной» центральной зоны Ирана.

Что касается юга, то англичане, продолжавшие твердить о том, что они заботятся о сохранении независимости Ирана, распоряжались там, как в собственной колонии. Дело мало менялось от того, что оккупационные войска в Ширазе именовались «чрезвычайной консульской стражей», в другом районе — особой частью для преследования «пиратов», в третьем — таможенной охраной и т. п. Существовала и хорошо разработанная система предлогов, позволявшая англичанам в любой момент занять угодный им район на юге Ирана. Такими предлогами могли быть волнения племен, действия «бандитов», порой инспирированные британскими разведчиками, грабежи на торговых путях и т. п. Выбрав предлог,

Лондон указывал в очередной ноте, что ему придется самому осуществлять элементарные функции власти на юге Ирана и покрывать свои расходы конфискацией таможенных сборов [19]. Каждая из таких экспедиций сопровождалась нравоучительными рассуждениями, что, поскольку Иран не способен навести порядок в своих южных провинциях, «найдется кто-то другой, кто вскоре решит эту задачу» [20]. Так, например, «Таймс», считавшая нужным время от времени журить правительство за отсутствие должной энергии, писала: «Мы позволяем связывать себе руки, как только дело начинает идти о какой-либо действительно эффективной британской акции, пустыми притязаниями на «суверенные права» Персии» [21].

Аналогично во многом поступала царская администрация в северной части страны. Английская дипломатия не упускала случая указывать, что, мол, Великобритания больше «уважает» суверенитет Ирана, чем царская Россия. Правда, в порыве откровенности те же либеральные издания добавляли: «В Персии мы являемся партнерами, объединенными притязаниями, которые только по имени отличаются от кондоминимума, или совместного протектората» [22]. Несмотря на серьезные трения, оба участника кондоминимума совместно противодействовали проникновению германского капитала, попыткам американского дельца Моргана Шустера распоряжаться финансами страны. В конце 1911 года войска интервентов подавили новые вспышки революционного движения на севере и юге Ирана и санкционировали контрреволюционный переворот в Тегеране, приведший к роспуску меджлиса, ликвидации еще оставшихся демократических свобод, убийству многих тысяч иранских революционеров и патриотов.

Временное торжество интервентов и внутренней реакции было во многом следствием слабости немногочисленного иранского пролетариата, который, особенно в центральных районах страны, не мог сыграть руководящей роли в революции. В результате сохранившейся

◆

[19] Например, «The Nation», Oct. 29, 1910.
[20] «Times», July 14, 1911.
[21] «Times», July 12, 1911.
[22] «Nation», Apr. 23, 1910.

феодальной раздробленности и племенного сепаратизма силы революции распылялись. Восстания крестьянства в различных районах вспыхивали в разное время, реакционные элементы укреплялись. Надо, наконец, учитывать крайне неблагоприятную для иранской революции международную обстановку. Поражение первой русской революции позволило английским империалистам найти в самодержавии нужного им союзника в осуществлении интервенции, которая привела к длительной оккупации большей части Ирана и усилению его полуколониальной зависимости от империалистических держав.

Наряду с иранской революцией одним из проявлений пробуждения Азии была и младотурецкая революция 1908—1909 годов, которая привела к ограничению власти султана, но не решила стоявших перед ней антифеодальных и антиимпериалистических задач. Это была буржуазная революция, вызвавшая лишь ограниченные, верхушечные преобразования. В. И. Ленин приводил младотурецкий переворот и почти одновременно происшедшее свержение монархии в Португалии в качестве примера буржуазных, но не народных революций, «ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают» [23].

Империалистические державы после недолгого выжидания пришли к выводу, что революция в Турции ни в чем существенном не изменяет полуколониального положения этой страны и, следовательно, не угрожает их интересам. Выдвинутая было Италией, готовившейся к захвату африканских владений Турции, идея коллективной интервенции не встретила поддержки [24]. Англия, Германия, царская Россия постарались наладить связи с новыми турецкими правителями, которые оказались крайне податливыми к империалистическому давлению и подачкам.

Одним из центров массового антифеодального и антиимпериалистического движения стал в начале XX века Китай.

◆

[23] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 39.
[24] А. Ф. Миллер, Младотурецкая революция, «Первая русская революция и международное рабочее движение», ч. II, 1956, М., стр. 340.

В 1898—1900 годах в Северном Китае развернулось крестьянское восстание против иностранных империалистов, получившее название ихэтуань. Тайные братства провинции Шаньдун организовали повстанческие отряды, подступившие в июне 1900 года к Пекину и осадившие иностранный квартал, где были расположены посольства империалистических государств. Правительница Китая, императрица Цыси, под давлением восставших объявила войну иностранным державам. В ответ была организована вооруженная интервенция восьми держав (Германия, Англия, США, Япония, Франция, Италия, Австро-Венгрия и Россия). Подготовка ее происходила в условиях острой борьбы между державами, заранее делившими будущую добычу. Великобритания пыталась поручить подавление восстания своей союзнице — Японии, надеясь таким путем расширить сферу английского влияния, включавшую Южный Китай, и на северные провинции. Этот английский план вызвал резкую оппозицию Германии и России. Царское правительство, оккупируя Маньчжурию, уклонилось от руководящей роли в походе на Пекин, предоставив ее Германии.

60-тысячная армия интервентов под командованием германского фельдмаршала Вальдерзее 4 августа 1900 г. заняла китайскую столицу. Интервенция сопровождалась дикими насилиями захватчиков над мирным населением, в которых германская военщина, казалось, соревновалась с английской, а американская — с японской. Правительство Цыси капитулировало и приняло все условия, продиктованные интервентами, включая уплату огромной контрибуции (около 150 млн. ф. ст.), гарантированной передачей под контроль держав всех финансов империи. Иностранцы получили право размещать свои войска на пути от Пекина до морских портов, обязывали китайское правительство жестоко преследовать любое выступление против иностранцев и т. д. Эти условия еще более закабаляли Китай, ставший полуколонией империалистических государств.

Огромное воздействие на передовые круги Китая оказала первая русская революция. Западные наблюдатели отмечали быстрое распространение антиимпериалистических настроений: «Все поведение народа, — писала «Таймс», — претерпело заметное изменение»[25]. В конце

[25] «Times», Febr. 12, 1906.

декабря 1905 г., во время московского вооруженного восстания, в Шанхае вспыхнуло массовое антиимпериалистическое движение, распространившееся на иностранный сеттльмент. Немедля последовала высадка английских, японских и итальянских войск, к Шанхаю двинулась из Манилы германская эскадра, прибыли крейсер «Балтимора» и другие военные корабли США, были вооружены все иностранцы, жившие в городе. 18 декабря началась всеобщая стачка, сопровождавшаяся уличными манифестациями. Полиция расстреливала демонстрантов. Английская газета, издававшаяся в Шанхае, угрожала: «События во время боксерских беспорядков (так именовали восстание 1900 года. — *Е. Ч.*) покажутся детской игрой по сравнению с местью, которая обрушится на всех в Шанхае и его окрестностях. Будут уничтожены и виновные и невинные... Придется обратиться к истории древности, чтобы найти что-либо подобное» [26]. Через несколько дней эта же газета писала, что продолжение агитации против иностранцев «будет означать ликвидацию независимости Китая на вечные времена» [27].

В последующие годы борьба империалистических держав за раздел Китая на сферы влияния еще более обострилась. Настойчиво наступая на позиции конкурентов, американский империализм пытался захватить контроль над экономикой Китая, проникнуть в Маньчжурию. Борьбу против империалистов возглавляла либеральная буржуазия. Массовая борьба переросла в октябре 1911 года в революцию, свергнувшую маньчжурскую династию и провозгласившую республику. Напряженная дипломатическая обстановка (в Европе дело едва не дошло до войны между Антантой и Тройственным союзом) связывала руки империалистическим государствам. А. А. Поливанов после заседания русского кабинета министров 21 октября записал в дневнике, что в «китайской смуте» все державы заняли выжидательную позицию, но «Япония, видимо, что-то задумала» [28]. Как вскоре выяснилось, японское правительство попыталось добиться согласия Англии и России на свою единолич-

◆

[26] «Celestial Empire», Dec. 23, 1905.
[27] «Celestial Empire», Dec. 30, 1905.
[28] А. А. Поливанов, Из дневников и воспоминаний на должности военного министра и его помощника, 1907—1916, т. I, М., 1924, стр. 107.

ную интервенцию в пользу маньчжурской династии, в частности путем оккупации Тяньцзиия или Пекииа[29]. Однако, натолкиувшись на отказ Петербурга и Лондоиа, японское правительство предпочло сделать вид, что такие планы выдвигались лишь отдельными горячими головами. Япоиия предложила коллективное «посредиичество» держав между революциоииыми силами и сторонииками маньчжуров с целью сохранеиия моиархии, ие уточняя, следует ли прибегиуть к прииудительиым мерам в случае отклоиеиия такой акции враждующими сторонами.

Отказ Англии прииять этот проект был вызван тем, что Япония, имевшая большую армию на Дальием Востоке, сыграла бы решающую роль в интервеиции и резко усилила свои позиции в Китае.

В китайские воды стягивались со всех сторон военные корабли империалистических держав[30]. Английская печать, запугивая революциоииый лагерь, утверждала, что интервеиция иеизбежиа, если стороиы отвергнут добрые услуги держав и не вступят иа путь медлеииых, постепеиных реформ[31]. Попытки коллективиого посредничества все же были сделаиы, ио не увенчались успехом. Считая дело маньчжуров безиадежным, Аиглия, США и Фраиция сделали ставку иа коитрреволюциоииого либерала Юаиь Ши-кая, который решил, что для предотвращения дальнейшего углубления революции придется пожертвовать монархией. В Китае была установлеиа воениая диктатура Юань Ши-кая, начавшего гражданскую войну против демократических сил страны, призиаиным вождем которых был Суиь Ят-сен. Империалистические державы, используя «право» иа содержаиие своих войск в Китае, увеличивали военные коитингенты в Шанхае, Кантоне, Нанкине и других городах, разумеется под обычиым предлогом защиты жизни и имущества иностранцев. В аиглийской и япоиской прессе снова и сиова дебатировалась тема интервеиции[32]. Иностранные державы предоставили в иачале 1913 года огромный заем

[29] «Междуиародиые отиошеиия в эпоху империализма», серия вторая, т. XVIII, ч. II, М., 1938, стр. 293, 297, 301—305, 352.
[30] «Times», Oct. 20, 1911.
[31] «Times», Dec. 25, 1911.
[32] «Times», Jan. 5, March 5, 1912.

Юань Ши-каю, позволившей ему одержать победу в гражданской войне [33]. Различные формы помощи главных капиталистических держав реакционным силам Китая в целом привели к тому, что китайская революция 1911—1912 годов, свергнув монархию, не ликвидировала позиций феодализма и не освободила страну от империалистического гнета.

В начале империалистической эпохи заметно некоторое усиление эффективности контрреволюционных интервенций. Конечно, оно было сугубо временным и продолжалось недолго (примерно полтора десятилетия), а позднее круто сменилось прямо противоположной тенденцией, так как результаты этих интервенций были в короткие исторические сроки перечеркнуты ходом общественного развития. Тем не менее интервенция в те годы имела большие успехи, и для этого были серьезные причины.

Прежде всего в этот период еще только начался подрыв устойчивости мировой капиталистической системы, в течение ряда десятилетий развивавшейся относительно «мирно». Немалое значение имело также то, что интервенция направлялась, как правило, против революций в экономически отсталых странах, зависимых от империализма, народные массы которых еще только пробуждались к сознательной политической жизни и борьбе. Малочисленность молодого пролетариата этих стран не позволяла ему сыграть руководящую и цементирующую роль в революционном лагере, что усиливало влияние временных попутчиков революции из помещичьих и крупнобуржуазных кругов, племенных вождей и т. п., легко переходивших на сторону реакции и иноземных интервентов.

Надо учитывать также особенности развития международного рабочего движения в этот период. Руководство II Интернационала рассматривало революции в странах Востока как «обычные» буржуазные революции (а порой и просто как реакционные мятежи против европейской цивилизации). Откровенные оппортунисты типа голландского социал-демократа Ван Коля прямо оправ-

[33] Л. В. Симановская, Пробуждение Китая и революция 1911 года, «Первая русская революция 1905—1907 годов и международное революционное движение», ч. II, М., 1956, стр. 403.

дывали колониальную политику[34]. Таким образом, в этот период еще не существовало возможности объединения в международном масштабе усилий рабочего движения в капиталистических странах и революционной борьбы угнетенных народов против общего врага — империализма. Кроме того, тесное смыкание интервенционистской политики и колониальной экспансии определило поддержку действий, направленных на удушение революции, со стороны всех основных слоев правящих классов в империалистических государствах. Поскольку революции происходили в экономически отсталых странах, которые не могли рассчитывать на большую помощь извне, сказывалось военно-техническое превосходство империалистов.

В целом в XIX—XX веках отчетливо проявилась тенденция к уменьшению пригодности вооруженных сил капиталистических государств для целей интервенции. Армии феодально-абсолютистских стран, комплектовавшиеся в основном путем рекрутского набора из темных крепостных крестьян либо же состоявшие в значительной части из иностранных наемников, были сравнительно малочувствительны к революционному влиянию. Однако победы войск революционной и позднее наполеоновской Франции над этими армиями привели к серьезным сдвигам в социальном составе солдатской массы. В результате постепенного перехода к системе всеобщей воинской повинности в некоторых странах ряды армии пополнились менее надежными для интервентов кадрами. Это коренное изменение социального состава европейских армий привело к созданию новой военной системы, полностью разработанной Наполеоном и остававшейся без особых перемен вплоть до второй половины XIX века. Массовые армии эпохи промышленного капитализма значительно больше, чем военные формирования предшествующей эпохи, оказались подверженными влиянию передового общественного мнения и значительно менее пригодными для того, чтобы стать слепым орудием интервенции. Вместе с тем состояние военной техники в первой половине XIX века не давало наиболее передо-

◆

[34] В. М. Турок, Колониальная политика Второго Интернационала накануне империалистической войны 1914—1918 годов, «Проблемы востоковедения», 1959 г., № 3; «История Второго Интернационала», под ред. Л. И. Зубока и др., т. II, М., 1966.

вым в экономическом отношении державам решающего преимущества над странами, находившимися на среднем уровне развития. Кроме того, военная система не могла применяться в течение длительного срока в бедной и слабонаселенной стране, так как она не имела возможности обеспечить снабжение армии (примером служит неудача Наполеона I в Испании) [35].

Однако во второй половине XIX века произошли коренные изменения в военной технике, которая являлась сложным продуктом крупной промышленности. Центрами производства основных видов современного вооружения стали по существу только державы Европы, США и позднее Япония. Новейшие виды вооружения, обладавшие невиданной прежде разрушительной силой, оказались в монопольном владении этих стран. В результате серьезно возросло военно-техническое преимущество наиболее развитых капиталистических держав, выступавших организаторами интервенции, над остальными странами. Это преимущество продолжало возрастать в первые десятилетия эпохи империализма и могло быть в условиях интервенции отчасти уравновешено или сведено на нет лишь значительно большей, чем прежде, силой и размахом народного отпора иноземному реакционному вторжению.

Следует отметить, что обычно вооруженная интервенция в больших масштабах осуществлялась в страну, входившую в преимущественную сферу влияния одной империалистической державы или государств, объединенных в одни военно-политический блок (интервенция Англии и царской России в Иране). Правда, имелся пример и коллективной интервенции империалистов в Китае в 1900 году. Подготовка вооруженной интервенции против центральной революции этой эпохи — первой русской революции 1905—1907 годов — велась параллельно различными империалистическими державами, но на практике свелась к другим формам вмешательства в пользу царизма.

Одним из главных центров интервенционистской политики стали США.

◆

[35] См. Ф. Энгельс, Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 году (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, стр. 506).

Быстрое развитие американского капитализма в последней трети XIX века привело к новому взлету экспансионистских настроений, одним из проявлений которых была панамериканская пропаганда. По существу она призвана была обосновать притязания США на владычество в странах Латинской Америки. США в эти десятилетия продолжали политику вооруженных вторжений на территорию латиноамериканских государств.

На формы и цели американского вмешательства влияло то обстоятельство, что возмущения и перевороты в Латинской Америке не носили такого характера, чтобы они были способны вызвать тревогу в США. Не являясь широкими революционными движениями, они, как правило, становились объектом интервенции Вашингтона, поскольку такое вмешательство соответствовало интересам американской торговли с данной страной и препятствовало укреплению позиции Англии и отчасти других европейских государств. Эти державы успели обогнать США в приобретении выгодных концессий, предоставлении кабальных займов, тогда как американская буржуазия в тот период преимущественно ограничивала свою активность областью торговли. Именно поэтому США порой было выгодно поощрять латиноамериканских политиков, выступавших против подчинения национальной экономики иностранному капиталу. Это нисколько не меняло характера американского вмешательства, направленного в конечном счете на установление гегемонии США в Западном полушарии.

За полстолетия, с 1854 по 1903 год, войска США совершили не менее 50 вторжений в страны Латинской Америки. Жертвой неоднократно становилась Мексика, что создало в 1878 году даже угрозу войны [1], а также Колумбия, которой тогда принадлежал Панамский перешеек — место предполагавшегося строительства канала между Атлантическим и Тихим океанами. В 1890 году США высадили войска в Буэнос-Айресе, столице Арген-

◆

[1] R. D. Gregg, The Influence of Border Troubles on Relations between the United States and Mexico, 1876—1910, Baltimore, 1937, p. 81.

тины. В следующем году Вашингтон направил военный корабль «Балтимора» к берегам Чили. Этому предшествовала активная поддержка американской дипломатией либерального президента Бальмаседы, боровшегося против засилья английского и немецкого капитала. В 1891 году реакционеры, опираясь на поддержку Англии и Германии, подняли восстание. Гражданская война к сентябрю окончилась победой противников Бальмаседы. Особенно активно в пользу президента ратовал американский посол П. Игэн, извлекавший серьезные материальные выгоды из своих связей с главой государства. Однако смысл действий Вашингтона лежал глубже — Бальмаседа находился во враждебных отношениях с крупными английскими капиталистами, занятыми добычей селитры, и поэтому сохранение его у власти привело бы к подрыву британского влияния, что соответствовало целям американской политики[2]. Отношения между Игэном и новым правительством были натянуты до крайности. Американское посольство превратилось в убежище для видных сторонников свергнутого президента. Чилийские власти утверждали, что посольство стало центром заговоров.

16 октября 1891 г. «Балтимора», до этого эвакуировавший значительное число сторонников Бальмаседы в Перу, появился в гавани Вальпараисо. Отпущенная на берег команда вскоре спровоцировала столкновение с местным населением. Один американский моряк был при этом убит, пятеро получили ранения, около сорока были арестованы местной полицией. Командир корабля капитан Шли по инструкции из Вашингтона произвел тщательное расследование инцидента. Вся вина была, разумеется, возложена на власти Вальпараисо. Алармисты в Вашингтоне требовали сурового наказания Чили, не подчинившейся окрику «дяди Сэма». 8 декабря 1891 г. в послании к конгрессу президент Гаррисон изложил версию событий в Чили, основанную лишь на утверждениях Шли и Игэна. Возникла серьезная угроза войны. В Лондоне и Берлине, куда обратились за поддержкой чилийские дипломаты, от них отделались мало что значившими вежливыми обещаниями. 21 января

◆

[2] «Очерки истории Чили», под ред. Н. М. Лаврова, М., 1967, стр. 174 и сл., 188—196.

1892 г. государственный секретарь США Блейн предъявил Чили ультиматум. 25 января Гаррисон направил новое послание конгрессу, явно направленное на подготовку к войне. Чилийское правительство должно было отступить перед угрозами из Вашингтона[3]. После новых попыток поднять восстание в 1892 и 1893 годах, предпринятых противниками чилийского правительства, их руководители снова укрылись в здании американского посольства[4].

В связи с американской интервенцией в политических кругах Чили приобрела популярность идея союза латиноамериканских республик, который должен был защищать их суверенитет от покушений Соединенных Штатов и, кроме того, являться эффективной заменой панамериканизма, пропагандировавшегося из Вашингтона.

Вслед за Чили объектом американской интервенции стала Бразилия. Осенью 1893 года в Бразилии началась гражданская война между центральным правительством генерала Ф. Пейшоту (носившим характер военной диктатуры) и сепаратистами штата Рио-Гранди-ду-Сул, которых поддержал военно-морской флот и к которым примкнули многие члены парламента, в том числе и открытые реакционеры, сторонники реставрации низвергнутой незадолго до этого монархии. Восставший флот под командованием адмирала Х. Мелло установил блокаду бразильской столицы Рио-де-Жанейро. Американский посол Т. С. Томпсон приказал американскому военному кораблю «Чарлстон», если понадобится, силой преодолевая блокаду, обеспечить выгрузку на берег товаров, доставлявшихся из США. В течение последующих месяцев американцы — иногда в сотрудничестве с европейскими державами — по существу установили свой контроль над ходом военных действий, то запрещая, то снимая запрещение на бомбардировку Рио-де-Жанейро. В одном случае дело дошло до артиллерийской перестрелки между «Детройтом» — кораблем из эскадры американского адмирала Бинхема, и крейсером, входившим в состав восставшего флота. В марте 1894 года Пей-

◆

[3] F. B. Pike, Chile and the United States, 1880—1962, Notre Dame (Indiana), 1963, pp. 66—81.

[4] W. R. Sherman, The Diplomatic and Commercial Relations of the United States and Chile, 1820—1914, Boston, 1926, p. 165.

шоту одержал победу благодаря поддержке со стороны США, которая по существу воспрепятствовала восставшим заиять столицу Бразилии [5].

В самой «доктрине Монро» с самого начала заключался интервенционистский элемент, поскольку США односторонним актом принимали на себя решение вопроса о том, какие действия европейских держав «угрожают» безопасности Западного полушария. Вдобавок было бы неправильно считать, что США принципиально выступали против европейского вмешательства. Дело лишь шло о таких интервенциях, которые вели к территориальным аннексиям в Западном полушарии либо которые в США считали противоречащими их интересам. Именно поэтому на протяжении XIX века США не реагировали на неоднократные случаи европейского вмешательства — блокаду англо-французским флотом Аргентины (1845—1850 гг.), испанскими военными кораблями побережья Чили и Перу и т. д.

Однако если интервенционистский элемент находился на заднем плане в момент провозглашения «доктрины Монро», то он приобрел решающее значение в действиях Вашингтона, стремившегося не допускать ее нарушения, а позднее при использовании этой доктрины для оправдания американской экспансии. Вмешавшись в 1895 году в спор между Великобританией и Венесуэлой по поводу границ между этой латиноамериканской республикой и английской колонией Гвианой, государственный секретарь Олни заявил: «В настоящее время США фактически пользуются суверенными правами на этом континенте, и желание их является законом во всех случаях, когда они находят необходимым вмешаться». Президент Т. Рузвельт (1900—1908 гг.) дал свою интерпретацию «доктрины Монро» как права на интервенцию США. В годы правления президента Вильсона (1914—1920 гг.) государственный секретарь Лансинг заявил, что для защиты «доктрины Монро» США «должны вмешиваться и оказывать помощь в создании стабильных и честных правительств»[6]. (Что являлось критерием «честности» и «стабильности» в глазах Ва-

◆

[5] L. F. Hill, Diplomatic Relations between the United States and Brazil Durham, 1932, pp. 273—281.

[6] D. A. Graber, Crisis Diplomacy. A History of U. S. Intervention Policies and Practices, pp. 26, 27, 103.

шингтона, после вышеизложенного не нуждается в разъяснении.)

Часто дипломатическая и идеологическая подготовка контрреволюционного вмешательства включает и попытку держать в тайне интервенционистские цели. Наряду с интервенциями, прямо преследующими цели реставрации, имелись случаи превентивного вмешательства порой на основании какого-то постороннего предлога или какой-либо дополнительной причины, которая внешне выглядела как единственный мотив вооруженного вторжения. Именно такой характер носили многие интервенции США в Западном полушарии. Под стандартным предлогом защиты американских граждан США в течение многих десятилетий практиковали высадку морской пехоты в самых различных районах земного шара. Так, в 1860 году американские военные корабли были посланы к берегам португальской колонии Западная Африка, в 1882 году американские десантники маршировали по улицам Александрии. Это только немногие примеры из богатой «практики» американского флота и морской пехоты.

В годы китайской революции (с 1911 по 1914 г.) американские войска совершали в среднем около полутора десятков высадок десантов на территории Китая в год. С этого времени и до 1932 года не было ни одного года, когда американская пехота не топтала бы землю Китая[7].

Доходное откровение

На формы американского интервенционизма наложили яркий отпечаток особенности колониальной политики США. Ориентируясь в течение длительного времени на колониализм без империи (и, следовательно, без крупных административных и военных расходов), США, как правило, не сопровождали вторжения в латиноамериканские страны территориальными захватами. В этих условиях формальные предлоги для таких вторжений, вроде финансовых претензий, «за-

[7] D. A. Graber, Crisis Diplomacy. A History of U. S. Intervention Policies and Practices, p. 331.

щиты граждан», которыми другие государства прикрывали и экспансию, и контрреволюционную интервенцию, могли казаться США не поводами, а подлинными причинами действий. Так же, как при отсутствии территориальных захватов, ускользали от внимания другие экспансионистские последствия американских вторжений (финансовое закабаление, неравноправные торговые договоры, грабительские концессии, «узаконенные» нарушения государственного суверенитета латиноамериканских стран и т. п.), оказывались слабо замеченными интервенционистские аспекты и результаты агрессивной политики США. Так обстояло дело, впрочем, преимущественно в доимпериалистическую эпоху.

Первые войны эпохи империализма — англо-бурская и американо-испанская — вместе с тем отразили типичные черты его интервенционистской политики. В условиях окончания раздела мира и перехода к его переделу чрезвычайно характерной была трансформация американской политики, начавшейся с «освобождения» испанских колоний и быстро превратившейся в вооруженную интервенцию против действительно освободительной борьбы народов, отстаивавших свою независимость от новых захватчиков.

Американский империализм подготовил и развязал войну против Испании, как одно из звеньев своей широкой программы экспансии в Латинской Америке и Азии [1].

Потеряв в начале XIX века почти все колонии в Западном полушарии, Испания сохранила под своей властью Кубу. Богатые рабовладельцы-креолы не только в это время, но и в последующие десятилетия оставались верными Испании, которая гарантировала их владение невольниками-неграми. Во второй половине века колониальный гнет стал нетерпимым бременем для населения Кубы. Десятилетняя война за независимость (1868—1878 гг.) закончилась неудачей, так как крупные собственнические классы, опасаясь за свое имущество, предпочли договориться с колониальными властями. Во время войны повстанцы отменили рабство, и в 1886 году эту

◆

[1] Ср. А. Л. Нарочницкий, Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895, М., 1956; А. А. Фурсенко, Борьба за раздел Китая и американская доктрина «открытых дверей, 1895—1900», М., 1956; Г. П. Куропятник, Захват Гавайских островов США, М., 1958, и др.

меру должна была подтвердить испанская администрация. Но и после этого развитие капитализма сковывалось колониальным режимом. В 1895—1898 годах на Кубе происходила национально-революционная война. Ее вдохновителем была революционная партия, возглавляемая героем кубинского народа Хосе Марти, героически погибшим в борьбе. Кровавый террор и зверства испанских колонизаторов уже не могли надолго отсрочить победу повстанцев. Как раз в этот момент и началось открытое вмешательство США, об опасности которого заранее предупреждал кубинцев Хосе Марти.

США еще с начала XIX века строили планы захвата Кубы. В конце 1822 года и в 1823 году, когда вашингтонский кабинет в очередной раз обсуждал вопрос о захвате Кубы, государственный секретарь Джон Квинси Адамс разъяснил, что попытка такого рода неизбежно вызовет вооруженное противодействие Великобритании и в конечном итоге может привести только к оккупации острова англичанами [2]. Приходилось ждать. Тем не менее вплоть до гражданской войны 1861—1865 годов в США занятие Кубы было одним из главных пунктов аннексионистской программы, проповедовавшейся южными рабовладельцами. В последующие десятилетия в экономику Кубы, особенно в сахарную промышленность, стал в крупных размерах проникать американский капитал, что привело к растущей заинтересованности крупной буржуазии США в установлении контроля над островом [3]. А в конце XIX века изменилась и международная обстановка. Озабоченная обострением противоречий с европейскими державами, Англия стала искать сближения с США и уже не собиралась мешать осуществлению американских планов захвата Кубы.

После начала революционной освободительной войны на Кубе правящие круги США повели в отношении повстанцев коварную дипломатическую игру. Буржуазная печать США проливала крокодиловы слезы по поводу злодеяний испанских карателей на острове, а таможенные власти смотрели сквозь пальцы на нарушение закона о нейтралитете американскими дельцами, доставлявши-

◆

[2] J. F. Rippy, Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America (1808—1830), pp. 80—81.

[3] Л. Слезкин, Испано-американская война, М., 1956, стр. 35—36; его же, История Кубинской республики, М., 1966, стр. 16—18.

ми кубинцам оружие и военное снаряжение. Эта тактика была призвана демонстрировать кубинцам симпатии, которые будто бы питало вашингтонское правительство к их освободительной борьбе, а также обеспечить поддержку американской политики широкими демократическими кругами в самих США.

Вместе с тем государственный департамент менее всего желал победы восставших, и еще в 1895 году — как это явствует из опубликованной официальной дипломатической переписки — рекомендовал Испании попытаться железной рукой подавить восстание. «Испания, — заявил государственный секретарь Олни в ноте испанскому посланнику де Лома 4 апреля 1898 г., — мудро решила сделать свою борьбу с теперешним восстанием короткой, ожесточенной и решительной»[4]. Подобными заверениями США не только стремились усыпить подозрительность мадридского кабинета (что им в большой мере и удалось сделать). Такие декларации являлись отражением того факта, что США вовсе не были заинтересованы в окончательном крушении колониального режима на Кубе, которое лишило бы их предлога для войны с Испанией и захвата острова. Вашингтон стремился лишь к истощению как повстанцев, так и испанских войск, что облегчило бы ему достижение его агрессивных планов. Эта вероломная политика с еще большей настойчивостью стала проводиться после того, как президента от демократической партии Кливленда в марте 1897 году сменил в Белом доме республиканец Мак-Кинли, тесно связанный с нефтяным трестом «Стандард ойл» и другими крупными монополиями. В начале 1898 года, взяв курс на обострение отношений с Испанией, правительство Мак-Кинли направило в Гавану броненосец «Мэн» — то ли для «защиты» американских граждан, то ли просто с «дружеским визитом». Провокационные цели этого «дружеского» посещения уже явствуют из одного того, что оно было предпринято без согласия испанских властей. «Мэн» прибыл в кубинскую столицу 25 января. Не желая доводить дело до открытого разрыва и вместе с тем опасаясь потери престижа, испанское правительство

◆

[4] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States» (далее: «Foreign Relations»), 1897, pp. 540—542; Л. С. Владимиров, Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 года, М., 1957, стр. 34—35.

объявило о посылке в США с ответным визитом крейсера «Бискайя». Между тем американская пресса усилила антииспанскую кампанию. Поводом послужило частное письмо испанского посланника, попавшее в руки американцев, в котором содержалась резкая критика президента Мак-Кинли. Посланник был немедленно отозван, но кампания в печати усилилась, а американская дипломатия проводила последний зондаж с целью окончательно убедиться в том, что ни одна из крупных европейских держав не окажет поддержки Испании.

15 февраля 1898 г. Гавану потряс оглушительный взрыв. Взлетел на воздух «Мэн», в результате катастрофы погибло 266 американских моряков. Газеты США немедленно объявили, что броненосец был взорван испанской торпедой и даже опубликовали фальшивые фотографии, чтобы подкрепить эту версию. Буржуазная печать громко призывала к интервенции на Кубу. Аннексионисты бросили клич: «Помни о „Мэне"», — требуя немедленного начала военных действий. Под аккомпанемент этой пропаганды США направили в Гавану комиссию для расследования причин гибели военного корабля, не только не испросив на это согласие испанских властей, но и отклонив в резкой форме их предложение совместно выяснить обстоятельства, приведшие к взрыву на «Мэне». 9 марта конгресс спешно вотировал 50 млн. долл. на усиление военных приготовлений.

Доклад американской комиссии основывался главным образом на свидетельстве оставшихся в живых матросов и офицеров броненосца и не содержал никаких доказательств того, что судно стало жертвой испанской торпеды. Тем не менее в конце марта и начале апреля в посланиях к конгрессу Мак-Кинли объявил, что корабль был разрушен подводной миной. А в ноте, одновременно направленной в Мадрид, американское правительство прямо возложило ответственность за взрыв на Испанию.

Имеются серьезные основания подозревать, что взрыв «Мэна» был организован американскими кругами, заинтересованными в развязывании войны. В пользу этого предположения говорит не столько вывод испанской комиссии расследования, что взрыв произошел от внутренней причины (эту комиссию, конечно, нельзя считать беспристрастной), сколько поведение самих американских властей. Капитан «Мэна» распорядился взорвать остатки броненосца, сделав невозможным дополнительное объек-

тивное расследование. Когда же через 13 лет — в это время вопрос о «Мэне» не имел уже прежнего значения — корпус броненосца был поднят на поверхность, даже некоторые американскне эксперты стали склоняться к мысли, что «Мэн» затонул вследствие взрыва снарядов, находившихся на борту. После этого морские власти поспешили затопить остатки корабля в более глубоком месте, уничтожив тем самым окончательно все оставшнеся улики [5].

Правительство Мак-Кинли форсировало развязывание войны, опасаясь, что победы армии кубинских революционеров скоро отнимут у США повод для интервенции. Маневры американской дипломатин сводились теперь — в апреле 1898 года — к тому, чтобы предъявлять Мадрнду требования, якобы продиктованные заботой об интересах Кубы, и в то же время не допустить, чтобы Испания удовлетворила эти требования и отняла бы у США желанный предлог к войне. Тем временем одновременные попытки Испании добнться коллективного демарша европейских держав в ее пользу формально привели к соответствующнм представлениям в Вашингтоне. Однако по сути дела они только лишний раз убедили Мак-Кинли, что ни одна из великих держав не склонна идти на что-либо большее, кроме платоннческих пожеланий вашингтонскому кабинету проявить «чувства гуманности н умеренности». Фактически окончательный текст коллектнвной ноты был заранее согласован британским послом в Вашингтоне с... американским государственным секретарем и президентом Мак-Кинли [6]. Президент ответил, что правительство «США ценит гуманный и беспристрастный характер ноты, врученной от именн упомянутых держав, и со своей стороны уверено, что такое же понимание встретят его собственные серьезные и бескорыстные уснлия выполнить свой долг гуманности путем ликвидации положения, бесконечное сохраненне которого стало непереносимым» [7].

11 апреля Мак-Кинли направил послание конгрессу, в котором указывал, что интервенция является «особым

◆

[5] Л. С. Владимиров, Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 года, стр. 95—96.
[6] R. G. Neale, Great Britain and the United States Expansion 1898—1900, Michigan State University Press, 1966, p. 15.
[7] «Foreign Relations», 1898, p. 741.

долгом» США в отношении Кубы, расположенной у американских границ. «Право» на вмешательство, по мнению президента, вытекало также из ущерба, который понесла торговля США, равно как и собственность американцев, из-за военных действий на Кубе[8]. В то же время Мак-Кинли объявил, что отказывается признавать созданное повстанцами правительство Кубинской республики. Предложение сената в пользу такого признания не вошло в текст резолюции, принятой 19 апреля 1898 г. конгрессом и одобренной президентом. В ней указывалось на то, что США стремятся лишь обеспечить свободу и независимость Кубы и не имеют намерения осуществлять суверенитет, юрисдикцию или контроль над островом, кроме как в интересах умиротворения. Многозначительное умолчание в резолюции о правительстве, созданном революционным народом Кубы, показывало, что подлинные намерения США не имели ничего общего с их широковещательными декларациями, которые объективно были рассчитаны лишь на дезориентацию общественного мнения в США и за границей и на обеспечение помощи кубинских повстанцев для быстрой победы над Испанией.

Испания отказалась подчиниться резолюции. 21 апреля 1898 г. посланник США в Мадриде потребовал свои паспорта, а немногим более чем через месяц американский флот блокировал в кубинском порту Сант-Яго уступавшую ему по силе испанскую эскадру адмирала Сервера. Началась высадка экспедиционного корпуса, который, впрочем, не сумел добиться каких-либо заметных успехов и пострадал от эпидемии лихорадки значительно больше, чем от действий неприятеля. Американцы зависели от помощи кубинских повстанцев. 3 июля адмирал Сервер сделал попытку вырваться из Сант-Яго, но его эскадра после часового боя была полностью уничтожена более мощными американскими кораблями. После этого 14 июля испанский гарнизон Сант-Яго должен был прекратить сопротивление. Командующий американским экспедиционным корпусом генерал Шафтер, приняв капитуляцию испанцев, запретил кубинским отрядам, сыгравшим большую роль в падении Сант-Яго, вступить в город. В дальнейшем американские войска не предпри-

◆

[8] «Foreign Relations», 1898, pp. 757—758.

нимали серьезных операций против испанцев, пассивно ожидая окончания войны и накапливая силы для установления своего контроля над Кубой (в июле — августе 1898 г. американцы, не встретив серьезного сопротивления, оккупировали остров Пуэрто-Рико).

12 августа было подписано перемирие с Испанией, по которому, в частности, та отказалась от всяких притязаний на суверенитет над Кубой. Этот отказ был закреплен в мирном договоре, заключенном между США и Испанией 10 декабря 1898 г. в Париже.

В парижском договоре обходился полным молчанием вопрос о дальнейшей судьбе Кубы, главные города которой были заняты американскими войсками. О сопротивлении кубинского народа оккупантам ярко свидетельствовал и тот факт, что американские власти не могли найти послушных местных чиновников и были вынуждены создать чисто военную администрацию [9]. Власть оккупантов была непрочной до тех пор, пока существовала национально-освободительная армия Кубы, накопившая большой опыт борьбы против колонизаторов. Целью американской политики стало добиться роспуска революционной армии. На первых порах предложение распустить армию встретило решительный протест со стороны ее командующего — генерала Гомеса. Однако в конце концов Гомес дал себя убедить специальному посланцу американского президента Портеру, обещавшему, что США вскоре эвакуируют свои войска с острова. Роспуск армии лишал кубинцев единственной организованной силы, стоявшей на пути оккупантов, и делал невозможным создание республики, независимой от американского империализма. Расформирование армии, отчасти являвшееся следствием усталости от многолетней борьбы, иллюзий в отношении американских намерений, было вместе с тем результатом давления со стороны имущих классов, особенно помещиков, ориентировавшихся на США. Еще ранее проамерикански настроенный Эстрадо Пальма, возглавлявший в то время Кубинскую революционную партию, объявил об ее ликвидации под предлогом достижения цели, ради которой она была создана [10]. После ра-

◆

[9] D. A. Graber, The Development of the Law of Belligerent Occupation, 1863—1914. A. Historical Survey, N. Y., 1949, p. 273.
[10] Л. Ю. Слезкин, История Кубинской республики, стр. 21.

зоружения кубинской армии и роспуска органов власти, созданных в ходе освободительной борьбы, на острове был установлен американский оккупационный режим. Американцы пытались привлечь на свою сторону влиятельных кубинских политиков, используя все формы подкупа и обещаний. Тем не менее американские империалисты учитывали, что сохранение на долгое время иностранной военной администрации в стране, имевшей богатые традиции борьбы против колониального гнета, вызвало бы новый подъем освободительного движения, не говоря уже о том, что это осложнило бы всю латиноамериканскую политику США.

Вашингтонское правительство предпочло согласиться на создание формально самостоятельной Кубинской республики, опутанной цепями экономической зависимости от американского монополистического капитала и неравноправными политическими договорами с Соединенными Штатами.

Учредительный конгресс, созванный в ноябре 1900 года, занялся разработкой конституции Кубы. А тем временем американский конгресс принял известную «поправку Платта» (формальное добавление к бюджетным ассигнованиям на американскую армию), которая позднее была одобрена президентом. Центральное значение имела ст. 3 «поправки Платта», наделявшая США правом интервенции «для сохранения независимости Кубы и поддержания правительства, способного защитить жизнь, собственность и личную свободу». Кроме того, Куба обязывалась предоставить США в аренду земли для военных баз, не заключать договоров с иностранными державами, способных ущемить независимость Кубы (в американском ее понимании!), узаконить все мероприятия, осуществленные оккупационными властями. Фразеологическое оформление этих интервенционистских требований отражало обычное лицемерие американской буржуазии, прикрывавшей свои хищнические устремления мнимой заботой о свободе и процветании других народов. Газета «Вашингтон пост» еще 14 января 1900 г. опубликовала характерную статью «Будем честными», в которой призывала отбросить в сторону фарисейскую болтовню о том, будто США хотят облагодетельствовать народы захваченных стран. По мнению газеты, нужно без излишней потери времени прямо «объявить, что мы хладнокровно захватили эти владения и что мы намерены ис-

пользовать их в своих собственных интересах и для собственной выгоды» [11].

США ультимативно потребовали включения «поправки Платта» в конституцию Кубы, как предварительного условия для эвакуации американских войск. Глава оккупационной адмиииистрации — геиерал Вуд, добившийся принятия «поправки Платта» кубинским Учредительным собранием, писал, что она «не оставила Кубе никакой независимости... Остров абсолютно в наших руках» [12].

Высадки американских войск на Кубе производились при каждом удобном случае. В 1912 году государственный департамент открыто заявил, что США «не собираются предварительно консультироваться с кубинским правительством, если возникает кризис, требующий временной высадки где-либо десанта для защиты жизни и собственности в соответствии с общими принципами междуиародной практики» [13].

Народу Кубы предстояло еще выдержать десятилетия суровой борьбы, чтобы ликвидировать последствия американской «помощи», являвшейся и интервенцией против кубинской революции и империалистической войной с целью приобретения колоний и сфер влияния для монополистического капитала США.

Столь же губительные последствия имело и американское «освобождение» для Филиппин. В 1896 году на Филиппинах, захваченных испанцами в XVI веке, развериулась освободительная революция против испанского господства. Восстание было начато народными массами, но руководство движением было захвачено буржуазией и либеральными помещиками, не останавливавшимися даже перед убийством подлинно иародных вождей революции. Филиппинский пролетариат еще только формировался в класс и не мог сыграть самостоятельной или, тем более, руководящей роли в революции. Буржуазия и примкнувшая к ней часть помещиков страшились социальных требований народных масс, особенно решения аграрного вопроса, имевшего главное значение для крестьянства — подавляющего большинства населения Филиппин.

◆

[11] Цит. по R. F. Pettigrew, The Course of Empire. An Official Record, N. Y., 1920, pp. 338—339.
[12] Л. Ю. Слезкин, История Кубинской республики, стр. 46.
[13] «Foreign Relations», 1912, pp. 246—254.

Американское правительство, развязывая империалистическую войну против Испании, решило использовать в своих целях филиппинское освободительное движение, которое как раз в это время переживало большие трудности. Глава повстанческого республиканского правительства Агинальдо, выразитель интересов либерально-буржуазных и помещичьих кругов, вопреки настояниям сторонников борьбы до победного конца, в ноябре 1897 года пошел на соглашение с испанскими властями, обещавшими проведение широких реформ, опубликовал призыв к прекращению военных действий и удалился в изгнание. В это время к Агинальдо и обратились различные эмиссары вашингтонского кабинета (в первую очередь американский консул в Сингапуре С. Пратт), обещая поддержать его сторонников и гарантируя независимость Филиппин[14]. В мае 1898 года Агинальдо на американском военном корабле вернулся на родину и возглавил вновь созданное революционное правительство. Восстание против испанцев, не прекращавшееся и в предшествовавшие месяцы, запылало с новой силой. Испанские войска оказались запертыми в Маниле, которая была окружена поднявшимся на борьбу народом. На море война была без труда выиграна американцами. Еще 2 мая стоявшие в манильской бухте устарелые испанские суда, командование которых к тому же не удосужилось подготовить их к бою, были взорваны или подожжены снарядами, выпущенными с американских кораблей. Однако на суше всю тяжесть борьбы вынесли филиппинские повстанцы.

12 июня в Кавите была торжественно провозглашена независимость Филиппин. Весь остров Лусон, за исключением Манилы, оказался в руках восставших. Американские части начали прибывать на Филиппины позднее — первый транспорт с войсками бросил якорь 30 июня 1898 г. Американский генерал Андерсон вступил в переговоры с Агинальдо о совместных действиях против испанцев. Американские представители в разных формах давали понять руководителям Филиппинской республики, что цель США заключается только в том, чтобы отстоять независимость Филиппин и добиться окончательного из-

◆

[14] А. А. Губер, Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, 2-е изд., М., 1961, стр. 141—143.

гнания испанских войск. Эта позиция определялась отнюдь не колебаниями правительства президента Мак-Кинли, явно решившегося на аннексию Филиппинского архипелага, а тактическими соображениями, прежде всего желанием максимально использовать силы повстанческой армии до окончания войны против Испании, а также стремлением временно ослабить оппозицию многочисленных противников аннексии в самих США, особенно накануне предстоявших выборов в конгресс.

Приняв участие в осаде повстанцами Манилы, американцы завязали неофициальные переговоры с испанским капитан-генералом. Было достигнуто соглашение, что город будет сдан им после атаки, которая должна была продемонстрировать, что Манила пала лишь после ожесточенной борьбы. 13 августа американские войска начали штурм, а на следующий день был подписан акт о капитуляции испанцев. Американский главнокомандующий генерал Меррит в ультимативной форме потребовал от филиппинцев, чтобы они не участвовали в занятии собственной столицы, падение которой было в основном подготовлено операциями повстанческой армии. Эта мера вызвала резкий протест правительства республики. Вашингтон еще не хотел немедленного разрыва, отодвигая его на более поздний срок. Поэтому воззвание, опубликованное американским командованием после оккупации Манилы и доводившее до сведения филиппинцев о создании временной военной администрации, подчеркивало, что США ставят своей целью защиту жизни, свободы, религии и имущества населения. В воззвании ни одним словом не упоминалось об американских планах захвата архипелага. Одновременно Манила и другие порты Филиппин были открыты для торговли со всеми странами. Эта мера, а также участие в снабжении быстро возраставшей американской армии дали значительные выгоды для местного купечества, привлекая его на сторону оккупантов.

В конце августа командующим американскими войсками был назначен генерал Отис, ярый аннексионист. 8 сентября он предъявил ультиматум Агинальдо, требуя в недельный срок вывести филиппинские войска из пригородов столицы, где те находились со времени осады, и угрожая в противном случае открытием военных действий. Агинальдо капитулировал, постаравшись в то же время скрыть это от своих сторонников. Тем не менее на

основной части территории Филиппин власть находилась в руках повстанцев, которые постепенно ликвидировали сопротивление изолированных испанских гарнизонов.

В сентябре 1898 года начались мирные переговоры между США и Испанией, даже в составе американской делегации имелись сторонники ограничения американских притязаний на Филиппинах только Манилой и ее окрестностями. Однако тут на президента Мак-Кинли нашло озарение свыше. «Я каждый вечер до самой полуночи расхаживал по Белому дому, — излагал он потом обстоятельства, при которых произошло откровение, — и не стыжусь признаться вам, джентльмены, что я не раз опускался на колени и молил всемогущего бога о просветлении и руководстве. Сам не знаю как, но в одну ночь мне пришли в голову следующие мысли:

1. Мы не можем возвратить Филиппинские острова Испании — это было бы трусливым и бесчестным для нас поступком.

2. Мы не можем передать Филиппины Франции или Германии, нашим торговым соперникам на Востоке — это была бы плохая и невыгодная для нас экономическая политика.

3. Мы не можем предоставить филиппинцев самим себе, ибо они не подготовлены для самоуправления, и самостоятельность Филиппин привела бы вскоре к такой анархии и таким злоупотреблениям, которые были бы хуже испанской войны.

4. Для нас не остается ничего иного, как взять все Филиппинские острова, воспитать, поднять и цивилизовать филиппинцев и привить им христианские идеалы, ибо они наши собратья по человечеству, за которых также умер Христос.

После этого я лег в постель и спал крепким сном». После таких откровений империалистическая пресса могла вполне писать о «руке божьей» в том, что США «морально обязаны стать азиатской державой»[15].

Вслед за президентским «сном в осеннюю ночь» маски были сброшены. По ст. 3 Парижского мирного договора с Испанией (10 декабря 1898 г.) Филиппины были переданы США. Протест представителя Филиппин, тщетно добивавшегося, чтобы его выслушали участники мир-

◆

[15] J. W. Pratt, Expansionists of 1898, Baltimore, 1936, p. 298.

ной конференции, был оставлен без внимания. В Манилу продолжали прибывать все новые американские транспорты с войсками и снаряжением. Генерал Отис был назначен военным губернатором.

Филиппинское население с негодованием встретило требование признать верховную власть США. А американских войск на архипелаге все еще было недостаточно для разгрома филиппинских повстанцев. Поэтому Отис, чтобы выиграть время, вступил в переговоры с правительством Агинальдо. Они окончились неудачей. 21 января во временной столице Филиппин — Малолосе было торжественно провозглашено вступление в силу конституции и избрание Агинальдо президентом республики.

4 февраля 1899 г. американцы начали военные действия, объявив, будто они подверглись нападению филиппинских отрядов. Мак-Кинли использовал эту ложь, чтобы добиться от сената, где было немало противников политики президента, ратификации договора с Испанией, правда большинством всего в три голоса.

Начало открытой вооруженной борьбы послужило сигналом для дифференциации среди буржуазных, помещичьих и бюрократических элементов Филиппин, значительная часть которых, изменив делу национальной независимости, предпочла компромисс с американским империализмом. Вместе с тем в республиканском лагере возросло влияние революционных мелкобуржуазных элементов.

В течение нескольких месяцев успехи американцев, если не считать занятия Малолоса, были минимальны. Американским войскам удалось установить контроль лишь над областью, непосредственно прилегавшей к Маниле, и несколькими пунктами вне этого района. Наращивая свои вооруженные силы на Филиппинах, США принимали все меры к расколу революционного лагеря, пытались с помощью отдельных уступок добиться соглашения с правым буржуазным крылом, готовым отказаться от борьбы за независимость при условии наделения Филиппин более или менее широкой автономией. Эта позиция умеренных определялась не только трудностями борьбы против многочисленной армии оккупантов, но и остротой классовых противоречий в различных провинциях страны, страхом либеральной буржуазии и помещиков перед крестьянским движением. Дело дошло до острых столкновений в гражданском и военном руководстве

республики. 5 июля по приказу Агинальдо, еще до этого уволившего в отставку кабинет Мабини — сторонника бескомпромиссной борьбы, был убит руководитель левого крыла в армии генерал Луна, арестован ряд офицеров и разоружены «ненадежные» воинские части. Однако переговоры, которые умеренное крыло начало с американцами, скоро выявили, что США не были склонны идти на сколько-нибудь существенные уступки. Не соглашаясь на полную капитуляцию, умеренные были вынуждены продолжить борьбу, временно прерванную перемирием.

В октябре 1898 года, сосредоточив 50-тысячную армию в районе Манилы, американское командование начало широкие наступательные операции, в которых принял участие и военный флот. Силы оказались неравными; со второй половины ноября республиканская армия должна была отказаться от ведения регулярных сражений и перейти к партизанским методам ведения войны. В марте 1901 года с помощью вероломства американский генерал Фенстон сумел обнаружить место, где скрывался Агинальдо, и захватить в плен филиппинского президента. Впрочем, в плену Агинальдо уже через месяц подписал присягу на верность США и призвал филиппинцев поверить в добрые намерения и «щедрость» США. Революционные силы Филиппин никогда не простили Агинальдо этого изменнического шага.

Американский империализм, добиваясь покорения Филиппин, прибегал к политике «кнута и пряника». Правительство США уверяло, что стремится «завоевать доверие и признательность местных жителей» [16], а войска в мае 1899 года получили приказ усмирить филиппинских повстанцев, даже если бы их пришлось истребить всех до единого [17]. Выполняя это распоряжение, американские генералы требовали от своих подчиненных расстреливать пленных, убивать всех филиппинцев старше 10 лет. Американцы во многих местах буквально повторяли террористические действия испанских колониальных властей, которых ранее с таким пафосом клеймили в США. Марк Твен с иронией и гневом писал тогда, что, видимо, «существуют две Америки, и одна из них помогает пленнику освободиться, а другая Америка отнимает у бывшего

◆

[16] H. A. Hopkins, Mashine-Gun Diplomacy, N. Y., 1928, p. 165.
[17] Л. С. Владимиров, Дипломатия США в период американо-испанской войны 1898 года, стр. 242.

пленника завоеванную свободу, ввязывается в спор с ним и затем убивает его, чтобы завладеть принадлежащей ему землей»[18]. К осени 1900 года на Филиппинах находилось свыше 69 тыс. американских солдат, что составляло по численности две трети всей армии США[19].

Наряду с истребительной войной против народа американские власти усердно пытались привлечь на свою сторону умеренных, чтобы расширить свою узкую опору, ранее состоявшую только из наиболее реакционных слоев помещиков и крупной буржуазии. В значительной мере им это удалось. Умеренных привлекали в колониальную администрацию. В декабре 1900 года лидеры умеренных вместе с открыто проамериканскими политиками создали федеральную партию, пользовавшуюся покровительством властей. Партия настаивала на прекращении вооруженной борьбы, призывала к предоставлению Филиппинам известной автономии, а впоследствии превращению в американский штат. После поимки Агинальдо сдались многие видные руководители партизанского движения.

Однако партизанская борьба продолжалась еще в течение долгого времени, по крайней мере, до середины 1902 года.

Успех интервенции США против филиппинской революции определялся не только соотношением военных сил и ресурсов, но и использованием американскими империалистами прямого предательства или капитулянтства как консервативных высших слоев филиппинского общества, так и умеренных буржуазно-либеральных элементов, входивших в национальный лагерь. Вместе с тем героическая борьба трудящихся масс вынудила американский империализм смягчить колониальный режим не только, чтобы обеспечить себе поддержку буржуазно-помещичьих кругов, но и временно ослабить острое народное недовольство.

Филиппины стали колонией, а также плацдармом для дальнейшей колониальной экспансии США в Тихоокеанском бассейне, для интервенции против революционного движения в странах Азии.

◆

[18] Марк Твен, Рассказы и памфлеты, М., 1949, стр. 117.
[19] W. T. Sexton, Soldiers in the Sun. An Adventure in Imperialism, Harrisburg, 1939, p. 238.

Метаморфозы большой дубинки

Из всех многочисленных интервенций США в Западном полушарии наиболее частые случаи американского вмешательства приходятся на Мексику, страны Центральной Америки и Карибского бассейна. Это было связано со стратегическим значением этих стран для Вашингтона, планами территориальных захватов, сосредоточением здесь в первые десятилетия XX века огромных зарубежных инвестиций американского капитала.

Вооруженное вмешательство США нередко имело прямую цель покончить с восстаниями, которые могли нанести ущерб американским интересам. Такого рода открыто контрреволюционные интервенции проводились до первой мировой войны против Мексики, Никарагуа, Гаити и Сан-Доминго. Другие интервенции формально не преследовали контрреволюционные цели, но по существу имели именно это назначение, подрывая независимость государств, которые становились жертвами вмешательства. Такие интервенции проводились по стратегическим соображениям (Панама и др.), для обеспечения уплаты долгов американским кредиторам (Гаити, Сан-Доминго), для «защиты» американских граждан. Многие из этих интервенций предпринимались по формальной просьбе правительств, состоявших из американских ставленников[1].

В годы правления Т. Рузвельта и Тафта, объявивших, что США призваны выполнять роль «полицейского Западного полушария», была выдвинута доктрина «превентивного вмешательства», имевшего целью не допустить «состояния анархии» на Кубе и в других странах, расположенных в бассейне Карибского моря[2]. В письме к государственному секретарю Руту в мае 1904 года и в ежегодном послании конгрессу 6 декабря того же года Т. Рузвельт провозгласил свою доктрину интервенционизма. В послании конгрессу говорилось: «Любая страна, народ которой хорошо ведет себя, может рассчитывать на нашу сердечную дружбу. Если нация демонстрирует, что она знает, как решать достойно и с разумной

◆

[1] Л. И. Зубок, Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, М.—Л., 1948, стр. 84.
[2] Там же, стр. 88.

эффективностью социальные и политические вопросы, если она поддерживает порядок и выполняет свои обязательства, ей можно не опасаться вмешательства США. Хронические преступления или бессилие, которые влекут за собой общее ослабление нитей, связывающих цивилизованное общество, может в Америке или в других частях мира, в конечном счете, потребовать интервенции какой-либо цивилизованной страны. В Западном полушарии приверженность, которую испытывают США к «доктрине Монро», может заставить их, хотя и неохотно, в вопиющих случаях подобных преступлений к осуществлению международной полицейской власти»[3].

В этой декларации, которую в США быстро окрестили рузвельтовским выводом из «доктрины Монро», заранее оправдывалась любая реакционная интервенция, поскольку Вашингтону ничего не стоило объявить каждую неугодную ему революцию «преступлением», «ослаблением нитей, связывающих цивилизованное общество», неумением «достойно» решать социальные и политические проблемы и т. п. Этот «вывод» предоставлял полную свободу рук для интервенции, для обеспечения экономических интересов американских монополий, для реализации любых внешнеполитических планов.

Открыто агрессивная интерпретация «доктрины Монро» вызвала сильное возмущение в Латинской Америке. Так, президент Мексики В. Карранса официально заявил в 1919 году, что «Мексика не признавала и не признает «доктрины Монро».., так как она направлена против суверенитета и независимости Мексики и ставит другие американские нации под насильственный протекторат»[4]. Пытаясь сгладить неблагоприятный для США резонанс, который получило провозглашение права «большой дубинки», президент Вильсон постоянно уверял, что США заинтересованы лишь в процветании Латинской Америки и не собираются покушаться на суверенитет ее народов и стран[5]. Однако одновременно правительство Вильсона широко прибегало к другим оправданиям интервенции.

◆

[3] J. W. Pratt, America's Colonial Experiment, Gloucester (Mass.), 1964, p. 125.

[4] Цит. по «Международное право и Латинская Америка», под ред. С. А. Гонионского, М., 1962, стр. 42.

[5] F. S. Dunn, The Diplomatic Protection of Americans in Mexico, N. Y., 1933, pp. 316—317.

Как уже отмечалось, при столкновении со своими европейскими соперниками США в ряде случаев было выгодно поддерживать в латиноамериканских странах буржуазно-либеральные элементы против консервативно-монархических клерикальных сил. Это обстоятельство было очень кстати для американской буржуазии, стремившейся облекать свою экспансию в «либеральные» и «гуманные» одеяния.

Именно в этой обстановке и возникло стремление Вашингтона использовать те же «обоснования» и при устранении любых латиноамериканских правительств, неугодных США. Так родилась доктрина непризнания Вашингтоном правительств, пришедших к власти «незаконным», то есть неконституционным путем. Формально она была направлена прежде всего против организаторов многочисленных пронунсиаменто. Но только формально, ибо в большинстве случаев руководители таких переворотов умели быстро находить общий язык с государственным департаментом и, вдобавок, научились инсценировать мнимые «свободные» выборы, которыми вполне удовлетворялось, когда ему было это выгодно, вашингтонское правительство. В действительности непризнание ожидало только неугодных США организаторов пронунсиаменто. Но главное даже не это. Под понятие «революционных» изменений в равной мере подводились и военные путчи, и народные восстания. Теория Вильсона отрицала за латиноамериканцами право на революцию, на свержение реакционных, антинародных клик, порой державшихся у власти лишь при поддержке американского империализма. Отрицание «права на революцию» в странах Карибского бассейна и провозглашение «права» США на вооруженную интервенцию, непризнание и эмбарго были повторены в речи американского государственного секретаря Юза, произнесенной 30 ноября 1923 г. в Филадельфии[6].

Эта теория, получившая название «доктрины старшего брата», несмотря на отдельные оговорки (вроде того, что временное и частичное вмешательство не является интервенцией), являлась прямым обоснованием империалистического «экспорта» реакции.

[6] Л. И. Зубок, Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна, стр. 95, 110.

Президент Вильсон разъяснил, что, поскольку страны Латинской Америки не способны сами установить конституционное правление, моральный долг США оказать им поддержку в этом направлении. На практике это был еще один предлог для империалистической интервенции. Все эти доктрины и теории исходили из мнимого права США на полное главенство в Западном полушарии.

Из пятидесяти вторжений, предпринятых американскими вооруженными силами с 1854 по 1903 год против стран Латинской Америки, 14 приходилось на территорию Колумбии, точнее принадлежавшего ей Панамского перешейка. Это было связано с проектом прорытия канала между Тихим и Атлантическим океанами через перешеек, который серьезно обсуждался еще с конца 30-х годов XIX в. В 1846 году был подписан договор между США и Новой Гранадой (Колумбией). По договору американские граждане на территории Новой Гранады получали торговые права и привилегии, которыми пользовались жители этой страны. В обмен США гарантировали нейтралитет Панамского перешейка и сохранение суверенных прав Новой Гранады в этом важном районе. По договору между США и Англией (так называемый договор Клейтона-Булвера), заключенному в 1850 году, гарантировался нейтралитет будущего канала. Обе стороны соглашались не оккупировать и не подчинять другим путем территорию Центральной Америки. В 1850 году было начато и в январе 1855 года закончено строительство американской железной дороги через Панамский перешеек. Нарушая условия договора, США еще в 1852 году перевезли через перешеек свои войска. 15 апреля 1856 г. в порту Колон возникло столкновение между американскими путешественниками и местным населением. Виновниками этого инцидента явно были американцы, что официально подтвердили консулы европейских стран. В столкновении два панамца и 15 американцев были убиты, около 30 человек получили ранения. В сентябре 1856 года американские корабли «Индепендес» и «Сент-Мэри» высадили десант в Панаме, который, однако, вскоре должен был по требованию правительства Новой Гранады убраться восвояси [7].

◆

[7] С. А. Гонионский, История Панамской «революции», М., 1958, стр. 18—19.

Необходимость охраны американской железной дороги стала обычным предлогом для вмешательства США в дела Новой Гранады (с 1863 г. — Колумбии). Переговоры о прорытии канала долго не приводили к результатам. В 1879 году была создана Всеобщая компания по строительству межокеанского канала, в которой преобладал французский капитал. Приступив с согласия Колумбии к строительству, компания, однако, обанкротилась в 1889 году, выполнив лишь незначительную часть необходимых работ. В конце XIX века США решили взять в свои руки строительство канала. Вашингтон добился фактического устранения английской оппозиции американским планам. В январе 1903 года после длительных переговоров и сильного дипломатического нажима со стороны США был заключен так называемый договор Хея-Эррана. За 10 млн. долл. и ежегодную уплату 250 тыс. долл. США получали в полное распоряжение зону будущего канала. Договор вызвал сильное возмущение в Колумбии. 12 августа колумбийский сенат отказался ратифицировать это соглашение, явно противоречившее национальным интересам.

Тогда в Вашингтоне решили обойтись без согласия Боготы. А средством для этого стала подготовка американскими агентами «революции» на территории Панамского перешейка и его отделения от Колумбии. Американские шпионы — капитан Томас Хэмфри и лейтенант Грейсон Марфи, агенты, действовавшие под видом железнодорожных специалистов, резидент американской разведки капитан Бирс — вот кто стоял за спиной панамских «революционеров». Первоначально их и было-то всего четверо — крупный помещик Аранго и его трое сыновей, поддерживавшие тесный контакт с Бирсом. Вскоре группа «патриотов» расширилась за счет включения в нее врача Панамской железной дороги и старого американского агента Мануэля Амадора Герреро. Постепенно штаб готовившегося заговора пополнился еще несколькими такими же радетелями интересов панамского народа. Едва ли не на каждого из них приходилось по одному американскому офицеру или дипломату. Бирс, успевший съездить в Вашингтон, 4 августа вернулся в Панаму и дал сигнал начать действовать. После того как договор Хея-Эррана был отвергнут Колумбией, заговорщики ускорили свои приготовления. Руководство задуманной авантюрой Т. Рузвельт поручил В. Н. Кромвелю, дирек-

тору Панамской железной дороги, ставленнику банкиров Уолл-стрита. Одним из деятельных американских агентов был француз Бюно-Варилья. Предательскую позицию потворства заговорщикам заняли колумбийский губернатор Обальдия и начальник гарнизона Панамы генерал Уэртас.

20 октября Амадор, заранее назначенный в Вашингтоне президентом, отбыл из США на американском корабле в Панаму. Во второй половине октября у берегов Панамы стали концентрироваться военно-морские силы США. 2 ноября 1903 г. в Колоне бросил якорь американский крейсер «Нэшвил», за ним следом двигалась эскадра адмирала Гласса. Когда утром 3 ноября в Колон прибыл пароход «Картахена» с колумбийскими войсками, выяснилось, что их никак нельзя перевести по железной дороге из-за отсутствия вагонов, которые действительно заранее были угнаны американцами далеко от порта. Американские железнодорожные власти обещали вскоре доставить подвижной состав, а пока уговорили колумбийских генералов, командовавших войсками, проследовать в Панаму в специальном вагоне... 3 ноября в 3 часа 40 минут государственный департамент запросил по телеграфу американского вице-консула в Панаме Эрмана: «Сообщают о восстании на перешейке. Быстро и подробно информируйте департамент». Эрман сразу ответил: «Пока еще восстание не произошло. Сообщают, что произойдет вечером. Положение критическое». «Проницательность» вице-консула подтвердилась менее чем через час. Уэртас приказал арестовать прибывшего в Панаму колумбийского генерала Тобара, а Амадор распорядился задержать Обальдию, который был заранее уведомлен об этой необходимой комедии. Хунта американских агентов провозгласила образование правительства Панамы. Высадившиеся в Колоне с «Картахены» колумбийские войска не смогли отправиться в Панаму, так как американцы отказались перевозить их по железной дороге. Под дулами пушек крейсера «Нэшвил» командовавший этими войсками полковник Торрес решил вернуться в Колумбию (на решение полковника повлияла и полученная им взятка в 8 тыс. долл.).

4 ноября Панама была провозглашена независимой республикой, а на следующий день президентом ее стал, в полном соответствии с вашингтонскими инструкциями, Мануэль Амадор Герреро. В США открыто писали, что

«революцию» совершили 7 заговорщиков и 4 американских офицера. Утром 6 ноября, через 65 часов после начала «революции», Панамская республика была признана США. А менее чем через две недели, 18 ноября, был подписан договор между США и Панамой, по которому Вашингтон гарантировал «независимость» новой республики и получил взамен «навечно» зону канала. США заставили Панаму официально декретировать право Вашингтона на интервенцию для «поддержания общественного порядка» и других целей [8]. Так, мнимая «революция» в Панаме предоставила США неограниченное «право» вмешательства.

Схожие черты имела и интервенция США в Сан-Доминго. Ей предшествовало финансовое закабаление страны американскими монополиями. 4 февраля 1905 г. был подписан протокол, согласно которому США установили полный контроль над таможнями в республике (при этом сама Сан-Доминго получала лишь 45% сборов, остальные шли на уплату государственных долгов, главным образом иностранным капиталистам). Вашингтон твердо дал понять, что, если понадобится, будет силой поддерживать правительство Моралеса, пошедшее навстречу американским притязаниям. В сентябре 1905 года Т. Рузвельт писал морскому министру: «Что касается вопроса о Сан-Доминго, предложите адмиралу Бредфорду помешать любой революции». Американская дипломатия и разведка в последующие годы способствовали устранению любых неугодных им правителей республики. Пытавшийся добиться некоторой самостоятельности доминиканский президент Касерес был убит. В 1912 году Тафт направил к берегам Сан-Доминго корабль с морской пехотой, которая должна была начать высадку, если временное правительство республики не удовлетворит ультимативное требование Вашингтона уйти в отставку. К власти снова пришли американские ставленники, для «наблюдения» за выборами Вашингтон назначал специальных комиссаров.

В 1916 году в Сан-Доминго вспыхнуло народное восстание, для ликвидации которого президент Вильсон послал морскую пехоту, получившую приказ подавлять вся-

◆

[8] Например, J. L. Mecham, A Survey of United States — Latin American Relations, Boston, 1965, p. 313.

кое сопротивление, не останавливаясь перед расстрелом мирных жителей. Власть и управление страной перешли в руки американской военной администрации. Приказ № 12, изданный оккупантами, гласил: «В настоящее время и впредь до особого уведомления в республике Сан-Доминго не будут проводиться выборы» [9]. Морская пехота и авиация занялись кровавым подавлением партизанского движения, начавшегося в стране. Американский капитан У. Ф. Меркел осуществлял политику «контртеррора» с таким усердием, что для успокоения населения его пришлось временно посадить под арест. Более 600 доминиканских партизан были осуждены по приговору американских военно-полевых судов. В ряде районов «умиротворение» не закончилось ранее 1921 года [10]. Власть в стране целиком находилась в руках американской военной администрации. В годы военной диктатуры американские плантаторы и лесные компании захватили миллионы акров земли. Оккупация острова продолжалась до 1924 года, причем сменившее американские военные власти правительство президента Орасио Васкеза подтвердило все проведенные ими законы и постановления. Созданная оккупантами «национальная полицейская гвардия» оставалась реальной силой в стране, а в 1930 году ее командующий — полковник Р. Трухильо при активном участии американской дипломатии сверг Васкеза и установил свою личную диктатуру. На протяжении последующих трех десятилетий Сан-Доминго оказалась под властью кровожадного тирана, верно служившего своим американским покровителям.

Аналогичный характер носили последствия интервенции США в республике Гаити. Во второй половине XIX — начале XX века американские военные корабли не менее двух десятков раз появлялись у берегов Гаити, вмешиваясь во внутреннюю борьбу в этой стране [11]. Экономические и стратегические цели тесно переплетались в «долларовой дипломатии» и «политике большой дубинки». В качестве предлога для интервенции было избрано

[9] M. M. Knight, The American in Santo-Domingo, N. Y., 1928, p. 87.
[10] S. Rodman, Quisqueya. A History of Dominican Republic, Seattle, 1964, pp. 123—124.
[11] A. C. Millspaugh, Haiti under American Control, 1915—1930, Boston, 1931, p. 25.

требованне другнх стран (Франции, Германии) предоставить нм контроль над таможнями Гаитн. 2 июля 1914 г. государственный департамент обратился к Гаити с такнм же требованием. Президент Замора, отвергший это покушение на суверенитет страны, был вскоре свергнут. Его преемник Теодор в этом вопросе также не согласился уступить домогательствам США. Тогда Вашингтон без всякого предупреждения высадил отряд морской пехоты в Порт-о-Пренсе, которая захватила помещение национального банка Гаити, золотой запас страны (500 тыс. долл.) был отослан в нью-йоркский национальный банк. Эта гангстерская акция должна была принудить правительство Гаити передать в американские руки взимание таможенных сборов.

28 июля 1915 г., воспользовавшись как предлогом междоусобицей в Гаити, американская морская пехота под командой адмирала Капертона опять высадилась в Порт-о-Пренсе и оккупировала крупные города страны. Был подыскан кандндат в президенты — председатель сената Дартигенава, обязавшийся выполнить американские приказы. Он был «избран» главой государства 12 августа (здание Законодательного собрания находилось под охраной американской морской пехоты) [12]. Впрочем, не дожидаясь исхода «выборов», американскне власти самн взяли в свои руки взимание таможенных пошлин. К сентябрю 1915 года американские войска заняли всю территорию Гаити.

Угрожая постоянной оккупацией, США навязали Гаити кабальный договор, устанавливавший полный американский контроль над ее экономикой, финансами и политнческой жизнью. Оккупационные власти США, осуществляя постройку стратегических железных дорог, применяли систему принудительного труда, сопровождавшуюся самым бесчеловечным обращением с рабочими. Осенью 1918 года на острове вспыхнуло восстание 5 тыс. какосов (солдат) во главе с Шарлеманом Перальтом. Только к лету 1920 года американская морская пехота смогла «справиться с положением», потопив в крови восстанне. Погибло около 3500 гаитян. Шарлеман Перальт был убит. В стране были созданы концентрационные лаге-

◆

[12] L. L. Montague, Haiti and the United States, 1714—1938, p. 214.

ря, введена суровая цензура печати. Оккупанты и их приспешники убивали партизан без суда и следствия. Созданный в США официальный комитет расследования положения в Гаити во главе с конгрессменом М. Маккормиком, осудив применение принудительного труда, тут же выразил свое «восхищение тем, как американцы выполнили свою опасную и деликатную миссию», и высказался за сохранение военно-оккупационного режима.

В 1922 году Дартигенаву сменил на посту президента Л. Борно, который воздерживался даже от формальных протестов против беззастенчивого хозяйничанья оккупантов, на что прежде рисковало идти время от времени правительство Гаити. Морская пехота покинула Гаити только к августу 1934 года, оставив власть в руках американских ставленников. Следует добавить, что за все 111 лет со времени образования республики Гаити в 1804 году и до начала американской интервенции в 1915 году там не было отмечено ни одного случая убийства или ранения американских граждан или захвата американской собственности, для защиты которых якобы было предпринято вторжение морской пехоты. А тысячи и тысячи гаитян погибли от рук интервентов. Оккупационный режим создал условия для утверждения в Гаити кровавой диктатуры, целиком зависящей от правительства США.

Столь же губительные последствия имела и американская интервенция против Никарагуа, которой нам придется коснуться в другой связи. Но главным объектом американской экспансии в Западном полушарии в этот период стала Мексика.

В овечьей шкуре

В ночь с 8 на 9 марта 1916 г. в американском городке Колумбус, расположенном неподалеку от мексиканской границы, царило сонное спокойствие. Конечно, там, за рубежом, в Мексике, по-прежнему уже который год бушевала гражданская война и отзвуки грозной бури докатывались и до пограничных американских районов, где предприимчивые бизнесмены не прекращали свою, временами контрабандную, а порой и явную, но всегда прибыльную торговлю оружием. Ходили слухи, что неуловимый партизанский командир Вилья

не раз грозил отомстить ненавистным янки («гринго», как их презрительно называли в Мексике) за сотрудничество, теперь уже открытое, с его врагами.

Было около четырех часов утра, когда дежурный офицер местного гарнизона лейтенант Д. Кастлмен неожиданно услышал выстрел и треск разбитого оконного стекла. Он открыл дверь караульного помещения и столкнулся с вооруженным мексиканцем, вскинувшим ружье. Американец, державший в руках пистолет, успел выстрелить первым... Но дежурный офицер был едва ли не единственным из местного гарнизона, который не был застигнут врасплох. Остальные проснулись, когда на улицах города раздавались громкие крики всадников: «Вива Вилья!». На них были характерные мексиканские костюмы. Большая часть американских солдат и офицеров попыталась скрыться, некоторые бежали в одном нижнем белье. Через час после начала рейда трубачи отряда Вилья дали сигнал к отступлению. Партизаны стали быстро уходить через границу... Майор Томкинс, который во время рейда забился в самый дальний угол своего дома, собрал три десятка кавалеристов и начал преследование. Впрочем оно велось так, чтобы обеспечить бравому майору похвалы реакционных газет, а не для того, чтобы поймать грозного партизана. Люди Томкинса повернули назад, заметив вдали пыль, поднятую отступавшим отрядом Вилья. Однако и когда рассеялась пыль, далеко не все оказалось ясным в истории знаменитого рейда Вилья на Колумбус. Но чтобы разобраться в этом, нам придется вернуться далеко назад...

За полвека до этого рейда из Мексики были изгнаны французские интервенты. В течение нескольких лет страной управлял президент Хуарес. После его смерти власть захватил генерал Порфирио Диас, для которого его прошлое участника войны против интервентов служило лишь маской для достижения глубоко реакционных целей. На протяжении четырех десятилетий в Мексике царила диктатура Диаса, конституция была превращена в клочок бумаги, страна стала раем для крупных помещиков и дельцов, для иностранных капиталистов, наживавшихся на грабеже естественных богатств страны, на эксплуатации миллионов безземельных и малоземельных крестьян.

В ноябре 1910 года началась мексиканская революция, рухнула диктатура Диаса. Главой правительства

стал лидер либеральной буржуазии Ф. Мадеро; его поддержали отряды крестьян-партизан, одним из признанных руководителей которых стал Ф. Вилья. Возглавив правительство, Мадеро сразу же попытался отделаться от своих крестьянских союзников. В феврале 1913 года во время очередного мятежа, который возглавил давнишний приспешник свергнутого диктатора Уэрта, временно пошедший на службу к либеральному правительству, Мадеро был убит. В Мексике установилась диктатура Уэрты. Это вызвало новый бурный подъем крестьянского движения, вождями которого стали Вилья на севере и Сапата — на юге Мексики. И снова национальная буржуазия и ее новый лидер В. Карранса использовали крестьянские массы для свержения ставленника помещиков — Уэрты, а когда летом 1914 года эта цель была достигнута, повернули фронт против своих союзников. Даже левое крыло мексиканской буржуазии боялось покуситься на собственность помещиков, отвергло раздел латифундий между крестьянами. На этот раз дело дошло до гражданской войны между войсками Каррансы и армиями Сапаты и Вилья, охватившей значительную часть территории Мексики. Буржуазия воспользовалась слабостью мексиканского пролетариата, вдобавок дезориентированного его анархо-синдикалистскими вождями, которые пошли на сотрудничество с Каррансой против Вилья и Сапаты. Отсутствие союза рабочего класса и крестьянства дало возможность буржуазному правительству Каррансы постепенно добиться перевеса в войне. Крестьянские армии должны были оставить столицу, которую они заняли в ноябре 1914 года. Потерпев несколько крупных поражений, Вилья, однако, по-прежнему оставался грозной силой в северных районах Мексики. Даже после занятия крупных городов войсками каррансистов, он, опираясь на свою огромную популярность в народе, продолжал партизанскую войну.

Северный сосед внимательно следил за всеми перипетиями этой борьбы. В Вашингтоне спокойно, или даже с известным удовлетворением, встретили весть о свержении Порфирио Диаса, так как там считали, что он придерживается английской ориентации. Правда, правительство Мадеро, несмотря на всю свою умеренность, «разочаровало» американских империалистов. Защищая интересы национальной буржуазии, Мадеро попытался обложить налогами американские нефтяные компании,

бесконтрольно хозяйничавшие в Мексике. Прямой ставленник рокфеллеровской компании «Стандард ойл» американский посол Генри Лейн Вильсон стал вдохновителем и организатором контрреволюционного мятежа генерала Уэрты и убийства Мадеро, происшедшего в феврале 1913 года. Улицы Мехико были завалены телами убитых во время кровавых боев, которые закончились установлением диктатуры Уэрты. Мистер Вильсон мог быть доволен. На протяжении последующих месяцев американский дипломат в своих донесениях расхваливал до небес палача Уэрту и настаивал на немедленном признании его правительства Соединенными Штатами[1]. Однако однофамилец посла новый президент США Вудро Вильсон не спешил следовать этим рекомендациям. Вместо этого он в июле принял отставку слишком активного дипломата.

Дело заключалось в том, что профессиональный предатель Уэрта сегодня предлагал свои услуги США, а завтра — Англии или кайзеровской Германии. Английский нефтепромышленник Пирсон (получивший титул лорда Каудрей) участвовал в подготовке переворота Уэрты и оказался в числе его приближенных. За Каудреем стояли влиятельные финансовые круги Англии, британское адмиралтейство, зарившееся на мексиканскую нефть. Вскоре выяснилась шаткость положения правительства Уэрты в результате быстрого нарастания новой революционной войны. Правда, США, используя затасканный предлог защиты американских граждан, угрожали вторжением на территорию, которая находилась под контролем Каррансы и Вилья, но, встретив решительный отпор с их стороны, отступили. Более того, американское правительство даже делало вид, что поддерживает конституционалиста Каррансу против диктатора Уэрты и тем самым способствует утверждению в Мексике демократии. В свою очередь, Уэрта пытался использовать эти маневры Вашингтона, чтобы, играя на ненависти мексиканского народа к американскому империализму, изобразить себя защитником национальных интересов, а своих врагов — прислужниками США. Американская дипломатия сумела сторговаться с Англией и добиться,

◆

[1] C. C. Clendenen, The United States and Pancho Villa: A Study in Unconventional Diplomacy, Ithaca, N. Y., 1961, p. 35.

чтобы она в обмен на соответствующие уступки прекратила свою поддержку Уэрты. Тот, стремясь удержаться у власти, попытался найти опору в Берлине и Токио. Из Японии начали поступать значительные партии оружия. Однако прекращение поддержки Англии скоро сделало положение Уэрты безнадежным. Его финансы истощились.

В американском правительстве боролись два течения. Одно (включая государственного секретаря Брайана) предполагало достигнуть целей, действуя руками врагов Уэрты. Другое течение, связанное с теми группировками крупного капитала, которые были непосредственно заинтересованы в экономической эксплуатации Мексики, выступало за открытую интервенцию, требовало даже аннексии всей или части мексиканской территории. Президент Вильсон после некоторого колебания поддержал второе течение. В мексиканских водах стали концентрироваться военно-морские силы США. 9 апреля 1914 г. американцы спровоцировали инцидент, послуживший предлогом для начала интервенции. Семь моряков с американского крейсера «Дельфин» без всякого разрешения местных властей высадились в порту Тампико, осажденном каррансистами. Американцы были арестованы как лица, без пропуска проникшие в город, находившийся на военном положении, но уже через полтора часа освобождены по приказу генерала Сарагоса, командовавшего гарнизоном города. Американский адмирал Майо попытался максимально раздуть инцидент и потребовал, чтобы Сарагоса не только принес официальное извинение, но произвел артиллерийский салют флагу США. Уэрта, опасаясь, что открытая капитуляция окончательно подорвет его престиж, выразил готовность выполнить лишь первое из этих требований. Потом он сделал еще одну уступку, согласившись на салют, если американские военные корабли произведут ответный салют. Однако Брайан, примкнувший к интервенционистам, и президент Вильсон целиком одобрили провокационное поведение Майо и ответили решительным отказом на предложение Уэрты. 20 апреля Вильсон объявил в конгрессе о «тяжелом оскорблении», которое нанесено США и которое делает необходимым вооруженное вмешательство. Обе палаты конгресса огромным большинством одобрили интервенционистские планы правительства.

21 апреля 1914 г. американская морская пехота нача-

ла высадку в порту Веракрус. Уэрта демонстративно принял позу защитника национальных интересов Мексики и даже всей Латинской Америки против империализма янки. Это была, разумеется, чистейшая демагогия. Уэртовские генералы, опасаясь революционного народа, не могли скрыть своих капитулянтских настроений. Войска Уэрты бежали из Веракруса. Однако население города, следуя примеру, поданному курсантами военно-морского училища, героически защищали город от вторгшихся в него подразделений американских морских пехотинцев. Сражение за Веракрус длилось почти неделю.

Вильсон поспешил представить американское вторжение как заботу о торжестве демократии в Мексике, как стремление свергнуть Уэрту, с тем чтобы народ сам избрал собственное правительство. «Мои симпатии, — фарисейски провозглашал Вильсон, — на стороне страждущих 85 процентов населения этой республики, которое борется за свободу»[2]. Вашингтонское правительство доказывало, что не ведет никакой войны против Мексики.

Одной из целей, которых Вашингтон надеялся достичь этими лживыми декларациями, было дезориентировать конституционалистов, попытаться убедить их в том, что американская интервенция в Мексике направлена против Уэрты. Карранса и его сторонники сразу же разгадали маневр Вильсона и резко осудили американское нападение. В ответ на послание Вильсона Карранса заявил: «Вторжение в нашу территорию.., нарушающее права, которые определяют наше существование как свободного, независимого и суверенного общества, может втянуть нас в неравную войну.., чего мы до сих пор стремились избежать»[3]. Один из наиболее влиятельных сторонников Каррансы генерал Альваро Обрегон (будущий президент Мексики) предлагал даже помириться с Уэртой и немедленно объявить войну США. Тем не менее вильсоновская демагогия на время обманула политически неопытных крестьянских вождей Сапату и особенно Вилья, который даже обещал не препятствовать действиям американцев. Считая своим непримиримым врагом Уэрту, они поддались на удочку демагогических обещаний Вильсона.

◆

[2] М. Альперович, Б. Руденко, Мексиканская революция 1910—1917 годов и политика США, М., 1958, стр. 200.
[3] «Foreign Relations», 1914, pp. 483—484.

Всячески пытаясь развить этот успех, установить неофициальные контакты с Вилья, вашингтонский кабинет вместе с тем ясно отдавал себе отчет в хрупкости такого противоестественного союза. Вильсон и его министры отлично понимали, что логика классовой борьбы неизбежно должна была побудить крестьянских вождей расстаться с иллюзиями в отношении американской политики. Летом 1914 года режим Уэрты рухнул под ударами революционных сил, несмотря на то что американская дипломатия в последний момент попыталась добиться создания «коалиционного» правительства из сторонников диктатора и Каррансы.

22 августа 1914 г. Карранса в Мехико провозгласил себя главой государства. После падения Уэрты США лишились предлога для продолжения интервенции. Очутившись перед лицом революционного народа, единодушно требовавшего эвакуации американских войск, Вильсон должен был уступить. Со своей стороны Карранса, стараясь укрепить свое положение и выражая настроения национальной буржуазии, настаивал на безотлагательном прекращении интервенции. 23 ноября 1914 г. американская морская пехота погрузилась на корабли, покинувшие Веракрус, как писал русский посол Бахметьев, «после семимесячной, по-видимому, совершенно бесцельной и бесполезной стоянки»[4]. Казалось, что американская интервенция прекратилась, однако в действительности окончился лишь ее первый этап.

Как уже отмечалось выше, в Мексике началась гражданская война между армией Каррансы и войсками крестьянских вождей Сапаты и Вилья. При этом, несмотря на то что правительство Каррансы во внешней политике следовало антиимпериалистическому курсу, Вильсон предпочитал его руководителям крестьянского движения, представлявшего, как считали в Вашингтоне, угрозу для буржуазной собственности. Вместе с тем, чтобы оказывать давление на правительство Каррансы, Вашингтон продолжал поддерживать и связи с Вилья. Еще во время эвакуации морской пехоты из Веракруса влиятельные круги высказывали надежду, что в следующий раз американские войска наведут все-таки «порядок» в Мексике. В 1915 году в США снова стали раздаваться голоса

[4] АВПР, ф. Канц., д. 105, л. 131.

в пользу иитервенции. Так, сеиатор А. Фолл в иачале этого года потребовал создания 500-тысячной армии для ликвидации «анархии» в Мексике. За вмешательство выступала католическая церковь США во главе с кардииалом Гиббоисом, надеясь с помощью американских штыков поправить дела мексикаиских клерикалов. По свидетельству самого Вильсона, «влиятельные круги» стремились вызвать интервенцию в Мексику[5]. Не следует упрощать дело, считая, что американские правящие круги были едины при разработке иитервенциоиистских планов. Вильсои должен был учитывать широкую оппозицию интервенционизму среди части его приверженцев и что с лозунгами открытого вмешательства в мексиканские дела выступали его противники из республиканской партии.

Латииоамерикаиские страиы — Аргентина, Чили и Бразилия — еще в июне 1914 года предлагали свое посредничество между США и Мексикой, что крайне болезнеиио воспринималось в Вашиигтоне как подрыв его притязаний на гегемонию в Западном полушарии[6]. 2 июня 1915 г. Вильсон опубликовал официальную декларацию, в которой требовал от враждующих партий в Мексике достигнуть соглашения. В противном случае, угрожающе добавлял президеит, США будут принуждеиы сами отыскать средства, которые позволили бы Мексике спасти себя[7]. Это вмешательство вашингтонского правительства было отвергнуто и Каррансой, и Вилья, ио оно служило лишь дипломатическим прикрытием приготовлений к новой вооружеиной интервенции.

В октябре 1915 года, когда выясиился воеиный перевес армии Каррансы, он был признан де-факто Вашингтоиом. Это решение Вильсона было ловким шагом. Многие аитиинтервеиционистские круги (включая даже известного радикального публициста Линкольна Стеффенса) ошибочио считали противников Карраисы, в том числе Вилья, вольиыми или невольиыми орудиями американ-

◆

[5] М. Альперович, Б. Рудеико, Мексикаиская революция 1910—1917 годов и политика США, стр. 246. На протяжеиии многих последующих лет крайие правые политики в США упрекали Белый дом в том, что он ие солидаризируется открыто с клерикальио-помещичьими элементами и тем самым поощряет «социализм» в Мексике (иапример, F. McCullagh, Red Mexico, N. Y., 1928, p. 21).

[6] АВПР, ф. Каиц., д. 309, лл. 6—7.

[7] «Foreign Relations», 1915, pp. 694—695.

ских монополий, надеявшихся, разжигая гражданскую войну на территории южной соседки США, урвать часть мексиканской земли. Благожелательную позицию в отношении Каррансы заняло и руководство Американской федерации труда.

Разумеется, признание де-факто правительства Каррансы круто изменило к худшему отношение Вилья к США. Крестьянский вождь давно уже расстался со своими иллюзиями в отношении политики Вильсона. Теснимый со всех сторон наступавшими войсками Каррансы, Вилья теперь уже не сдерживал ненависть своих солдат к «гринго». 10 января 1916 г. около станции Исабель отряд Вилья остановил поезд и расстрелял ехавших на нем американцев-золотопромышленников. В интервенционистских кругах США это было сочтено желанным предлогом для вооруженного вмешательства. Бывший президент США Т. Рузвельт обрушился на правительство Вильсона за его нерешительность и потребовал, чтобы США выполнили их «долг» в Мексике[8]. В сенат и палату представителей были внесены резолюции, призывавшие к немедленной вооруженной интервенции. Вильсон потребовал от Каррансы денежной компенсации в размере 1280 тыс. долл. Карранса заплатить отказался, но объявил Вилья вне закона. Партизанский командир, опасаясь предательства, никогда не становился спиной к собеседнику, ночевал один в поле[9]. А в ночь на 9 марта последовал рейд его отряда на американскую территорию.

Многие американские либералы считали, что налетом на Колумбус Вилья создавал предлог для интервенции США. Конечно, подозрения в отношении Вилья оказались построенными на песке, и теперь уже об этом никто не спорит. Это, однако, не исключает того, что он стал жертвой ловко задуманной провокации, что его подстрекали к налету американские правящие круги, изыскивавшие благовидное основание для нового вооруженного вторжения на мексиканскую землю[10]. Член палаты представителей социалист М. Лондон писал, что Вилья

[8] C. Clendenen, The United States and Pancho Villa: A Study in Unconventional Diplomacy, N. Y., 1961, p. 231.
[9] И. Лаврецкий, Панчо Вилья, М., 1962, стр. 180—181.
[10] Ср. «Очерки новой и новейшей истории Мексики, 1810—1945», под ред. М. Альперовича и Н. М. Лаврова, стр. 293.

стал «игрушкой тех кругов, которые стараются втянуть США в войну против Мексики. Нельзя отрицать, что существуют мощные силы, которых ничто не устраивает, кроме аннексии мексиканской территории». Многие вопросы так и остались без ответа. Почему в самый разгар налета солдаты Вилья лихорадочно пытались обнаружить местонахождение некоего Сэма Ревеля, местного купца, как будто бы ничем не выделявшегося среди других состоятельных жителей Колумбуса? А не странно ли выглядят действия Джорджа Л. Сиза, вездесущего корреспондента Ассошиэйтед Пресс, который прибыл в Колумбус незадолго до налета и пытался (всего за несколько часов до того как в город ворвались всадники Вилья) обеспечить для себя услуги местного телеграфиста? Почему, наконец, если нападение было совершенно неожиданным, отряд Вилья потерял 215 человек убитыми, а американцы лишь 9 человек? Таких вопросов можно было бы задать немало...

Ответом правительства США было вооруженное вторжение на территорию Мексики, которое официально именовалось «карательной экспедицией» против Вилья. Отражая эту лицемерную политику, один американский дипломат уверял, будто цель интервенции против Мексики — «стрельбой привести людей к независимости» («shooting men into self-government») [11]. Объяснения Вильсона были рассчитаны на то, чтобы успокоить противников интервенции в самих США и добиться фактического нейтралитета Каррансы. В заявлении, переданном правительству Каррансы, военное министерство США уверяло, что предпринятые военные операции не будут «посягательством в какой-либо степени на суверенитет Мексики и не перерастут в интервенцию» [12]. Чтобы придать вес утверждению, будто вторжение не является интервенцией, а лишь преследованием Вилья, 17 марта была принята соответствующая резолюция конгрессом США [13].

В «погоню» за отрядом Вилья, состоявшим из 300 бойцов, была двинута армия в 12 тыс. солдат под командованием генерала Першинга, имевшая в своем распоряжении артиллерию и даже военные самолеты. Однако

◆

[11] P. T. Moon, Imperialism and World Politics, N. Y., 1947, p. 74.
[12] «Foreign Relations», 1916, p. 489.
[13] Ibid., pp 491—492.

американские войска столкнулись в Мексике не только с отрядом Вилья, но и отпором со стороны всего населения. Продвижение корпуса Першинга на юг сопровождалось народной ненавистью. Буржуазное правительство Каррансы, продолжая борьбу против крестьянского движения, все же резко осудило американских интервентов. Надежды Вашингтона на то, что Карранса более или менее охотно даст согласие на экспедицию против Вилья, оказались построенными на песке. Правда, Карранса согласился на переговоры, которые начались 29 апреля в городе Эль-Пасо, неподалеку от границы. Но на переговорах мексиканские представители решительно потребовали отвода американских войск. США выражали готовность начать эвакуацию после того, как будут достигнуты цели «карательной экспедиции» и в случае, если не произойдет новых пограничных инцидентов. А тут, кстати, пришла весть о нападении мексиканцев на американские пограничные городки Бонильяс и Глен-Спрингс.

Переговоры в Эль-Пасо не принесли результатов и были прерваны. Правительство Каррансы заявило, что в случае, если корпус Першинга не покинет мексиканскую территорию, начнется война. Войска Каррансы стали концентрироваться около железных дорог, связывавших далеко продвинувшиеся американские полки с Соединенными Штатами. После того как повторные обращения правительства Каррансы к США оказались безрезультатными, оно решило прибегнуть к решительным действиям. 16 июня Першинг получил извещение от мексиканского генерала Хасинто Б. Тревино, что ему приказано силой воспрепятствовать дальнейшему продвижению американских войск в любом направлении, кроме как к границе. 21 июня гарнизон селения Каррисаля разбил приблизившийся американский отряд и взял в плен несколько солдат. В ответ США предъявили ультиматум Каррансе, требуя освобождения пленных. Карранса решил по возможности избегать открытого разрыва, и 28 июня пленные были возвращены американским военным властям. Со своей стороны Вилья в обращениях к населению указывал, что его целью является создание правительства, способного бороться с интервентами.

Положение корпуса Першинга, на которого со всех сторон наседали мексиканские войска, стало очень тревожным. США мобилизовали и сосредоточили на границах Мексики более чем 100-тысячную армию, но расши-

рять интервенцию, которая могла потребовать огромных усилий и ресурсов, правительство Вильсона не рискнуло. Першинг получил приказ приостановить военные операции.

В сентябре 1916 года возобновились американо-мексиканские переговоры. Государственный департамент попытался связать вывод войск с вопросом о гарантии интересов американских капиталистов и признанием «прав» США на новую интервенцию для охраны жизни и имущества своих граждан. Переговоры не раз находились на грани срыва. Американская делегация недвусмысленно пригрозила войной. 24 ноября было подписано соглашение об эвакуации американских войск, как только их командование сочтет ее осуществимой. Правительство Каррансы отказалось ратифицировать это соглашение, дававшее США формальное право под различными предлогами затягивать эвакуацию. Переговоры снова зашли в тупик. Тем не менее Вильсон должен был в конечном счете пойти на прекращение интервенции, которая уже обошлась более чем в 130 млн. долл. и грозила превратиться в войну против миллионов мексиканцев, решивших любой ценой отстаивать свою национальную независимость. Были и другие причины, побудившие правительство Вильсона поторопиться.

В марте 1915 года на пассажирский пароход, отправлявшийся в Нью-Йорк из Осло, столицы нейтральной Норвегии, сел некий Эмиль Гаше, гражданин также придерживавшейся нейтралитета Швейцарии. Время было военное, британский морской флот осуществлял строгую блокаду Германии. Но бумаги швейцарского коммерсанта, следовавшего в Америку по торговым делам, были в полном порядке и не вызвали никаких подозрений у английских офицеров, производивших досмотр нейтральных кораблей. Им не пришло в голову, что под маской швейцарского дельца скрывался немецкий разведчик капитан Ринтелен, который благополучно доставил в германское посольство новый, особо секретный шифр.

Ринтелен сумел создать, используя помощь немецких эмигрантов, разветвленную разведывательную сеть. Главной задачей, поставленной перед Ринтеленом, было помешать доставке странам Антанты закупленного ими американского оружия и боеприпасов. В трюмы десятков кораблей, груженных военным снаряжением, диверсанты закладывали «сигары» — свинцовые трубки, наполненные

взрывчатой смесью. В июле 1916 года немецкие агенты взорвали в нью-йоркском порту склады, в которых хранились 2 млн. фунтов пороха, пристань, откуда грузились транспорты с военными материалами.

Однако еще более важным для немецкой разведки было воспрепятствовать или оттянуть вступление США в войну против Германии. И тут германская дипломатия попыталась использовать в своих интересах возмущение, которое вызывала у мексиканского народа интервенционистская политика США. В Берлине считали, что правительство Каррансы не удастся привлечь к осуществлению немецких планов. Вследствие этого немцы решили попытаться возвратить к власти генерала Уэрту. Незадолго до своей поездки в США Ринтелен встретился в Барселоне со свергнутым диктатором и предложил ему содействие в возвращении на пост президента Мексики. В обмен Уэрта должен был вступить в войну с Соединенными Штатами.

В Нью-Йорке Ринтелен и прибывший почти одновременно с ним Уэрта возобновили установленные контакты. Немцы щедро финансировали Уэрту, были истрачены миллионы долларов на закупку оружия и его доставку к мексиканской границе, посылку агентов в Мексику, чтобы вовлечь в заговор солдат и офицеров из войск Каррансы и Вилья. Немецкий военный атташе фон Папен и военно-морской атташе Бой-Эд неоднократно совершали поездки в пограничные штаты, инструктируя германских консулов и разведчиков. Не менее лихорадочную активность развила и германская дипломатия, и агентура в самой Мексике.

Летом 1915 года Уэрта попытался перейти границу Мексики, но был арестован американскими полицейскими и посажен за решетку. Правда, вскоре Уэрта вышел на свободу, но кончил он плохо — за ним внимательно следили его многочисленные враги. Однажды у себя дома Уэрта почувствовал себя плохо, начались острые рези в желудке. Приближенные бывшего диктатора обрадовались, когда оказавшийся поблизости незнакомец отрекомендовался врачом и предложил свои услуги, чтобы экстренно сделать операцию. Операция была произведена, «хирург», улучив минуту, исчез, а прибывший настоящий врач смог только констатировать наступившую смерть. Кем был неизвестный, так и осталось тайной.

Хотя заговор Уэрты не привел к успеху, группа его

сторонников выдвинула так называемый «план Сан-Диего». Это была ловкая спекуляция на ненависти мексиканцев к американским захватчикам. Согласно этому плану, Мексика должна была начать войну против США, вернуть территорию штатов Техас, Нью-Мексико, Аризона, Калифорния, Невада и других, потерянную в первой половине XIX века, и даже истребить значительную часть проживавшего там американского населения. При всей химеричности и провокационности этого плана, сыгравшего на руку американской пропаганде, он, вероятнее всего, исходил от Германии. Надо учитывать, что в Берлине крайне низко оценивали военные возможности США, не содержавших тогда массовой постоянной армии. Эта оценка, как показал опыт первой мировой войны, была ошибочной. Однако значительно более реальными были расчеты Германии на то, что американская интервенция, натолкнувшись на сопротивление всей Мексики, серьезно снизит возможность США активно вмешаться в войну в Европе. Германская пресса с удовлетворением писала о том, что США все прочнее «увязают» в Мексике. Ходили упорные слухи, что немецкие агенты пытались наладить связь с Вилья. Во всяком случае после неудачи с Уэртой они старались различными путями повлиять на Каррансу, подталкивая его к конфликту с США.

Знаменитая в дипломатических летописях «телеграмма Циммермана» была в свете всего этого не просто мало понятной глупостью, а продолжением настойчиво проводимого курса. Вкратце история этой телеграммы сводилась к следующему. Германский министр иностранных дел Циммерман поручил немецкому посланнику в Мексике обратиться к Каррансе с предложением вступить в войну против США и побудить Японию изменить Антанте, перейдя на сторону держав Тройственного союза. При этом предложение было послано телеграфом, хотя, разумеется, в зашифрованном виде.

Еще задолго до этого Ринтелен узнал через своих американских друзей, что английская разведка похитила секретный германский шифр. Ринтелен поспешил сообщить об этом военно-морскому атташе Бой-Эду. Однако тот отказался поверить неприятному известию — ведь шифр хранился в личном сейфе атташе! Вскоре Ринтелена отозвали в Германию. По дороге швейцарский коммерсант Э. Гаше, возвращавшийся из США на родину,

снова предъявил свои бумаги английским офицерам, но на этот раз с иным результатом: он был арестован и вскоре должен был назвать свое настоящее имя. После этого Германии пришлось отозвать также Бой-Эда и фон Папена, которого США объявили «персоной нон грата». В соответствии с международным правом Англия согласилась пропустить Папена в Германию. Немецкий дипломат-диверсант не догадался лишь запастись пропуском на провоз своих чемоданов... Воспользовавшись недогадливостью Папена, английские власти конфисковали его багаж, среди которого находилась чековая книжка. На ее корешках значились фамилии тех лиц, которым выдавались деньги, и указывалось, за что производилась выплата. Теперь Англия обладала и германским шифром и списком немецкой агентуры в США.

Берлин не внял предостережениям Ринтелена и продолжал пользоваться прежним шифром. Стоит ли удивляться, что телеграмма Циммермана была немедленно расшифрована в Лондоне и показана английскому послу У. Х. Пейджу. Первоначально Вильсон и его министры не поверили в ее подлинность. Телеграмма, однако, шла через Вашингтон. Немецкий посол в США Бернсторф протелеграфировал ее текст посланнику в Мексике фон Экхарту. На почте в Вашингтоне сохранилась копия этого документа. Английские эксперты в присутствии американского посла расшифровали этот текст, пересланный в Лондон, а вскоре передали американскому правительству и ряд других инструкций из Берлина, развивавших и уточнявших депешу министра. Сомнений больше быть не могло! Американское правительство использовало эту телеграмму для подготовки общественного мнения к вступлению США в войну.

В такой обстановке продолжение американской интервенции в Мексике, по убеждению Вильсона, сыграло бы лишь на руку Германии. «Я не желаю,— заявил президент,— чтобы энергия и силы Америки были разделены, так как нам понадобятся все имеющиеся у нас резервы, чтобы побить Германию» [14].

2 января 1917 г. началась эвакуация американских

◆

[14] J. P. Tumulty, Woodrow Wilson as I Know Him, N. Y., 1921, p. 159. Мексиканская дипломатия, судя по всему, умело сыграла на страхе Вильсона, что правительство Каррансы пойдет на союз с Германией (М. Хиль, Наши добрые соседи, М., 1959, стр. 225).

войск из Мексики. 5 февраля последние части интервентов покинули мексиканскую землю.

Таким образом, германское вмешательство, направленное на разжигание войны между Мексикой и США, неожиданно способствовало тому, что Вашингтон временно отказался от продолжения интервенции. Этот отказ был продиктован общими экспансионистскими планами американского империализма, который, вступая в войну на стороне Антанты, выдвинул притязания на мировую гегемонию.

Империалисты и Октябрь

В октябре 1917 года в России победила социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества. Ответом империализма была попытка подавить революцию путем вооруженного нашествия.

Антисоветская интервенция Антанты была общим предприятием империалистических держав — участников этого военного блока. Главная роль в контрреволюционной войне против Советской России принадлежала США, Франции, Англии и Японии, каждая из которых, наряду с объединяющей их всех целью — ликвидацией Советской республики — преследовала и свои особые империалистические цели. Организаторами интервенции выступали американский президент Вильсон, английский военный министр У. Черчилль, глава французского правительства Ж. Клемансо.

История антисоветской интервенции неоднократно излагалась в советской литературе[1]. Поэтому достаточно напомнить лишь некоторые важнейшие факты. Империалисты Антанты прилагали серьезные усилия, чтобы помешать победе Великой Октябрьской социалистической революции. В частности, они поддерживали заговор Корнилова и даже строили планы переброски через Сибирь американских и японских войск формально для борьбы с

[1] Общие обзоры содержатся, например, в таких трудах, как «Всемирная история», т. VIII, М., 1961; «История дипломатии», т. III, 2-е изд., М., 1965 и др.

немцами, в действительности же и для помощи русской реакции [2].

Антанта с крайней враждебностью встретила известие о победе пролетарской революции в России. Первоначально она рассчитывала, что Керенский с помощью генералов-монархистов свергнет власть большевиков. Когда эти надежды рассеялись, в ноябре 1917 года конференция стран Антанты в Париже по существу решила сделать ставку на верхушку казачества, чехословацкий корпус и буржуазных националистов на Украине и Кавказе.

В конце 1917 года по инициативе Лондона было произведено размежевание сфер влияния: Англия взяла себе главную роль на Кавказе, Франция — на Украине. Интервенты, особенно США, оказывали большую помощь Каледину. В марте — апреле 1918 года Антанта перешла к открытой интервенции, высадив первые воинские части в Мурманске и Владивостоке. Это была подготовка к широкому военному вторжению, которое началось летом 1918 года. Одновременно в конце мая вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, а 2 июля 1918 г. Верховный совет Антанты принял решение об интервенции в Сибири. Большие средства были предоставлены в распоряжение белогвардейского подполья, надеявшегося в летние месяцы одним ударом в центре свергнуть Советскую Россию.

Большевистской партии пришлось как раз в это время выдержать упорную борьбу против авантюристической теории «подталкивания революции» в других странах, которую проповедовали левые коммунисты и Троцкий и которая объективно вела к вовлечению молодой Советской республики в неравную войну с вооруженным до зубов германским империализмом [3]. В. И. Ленин гово-

◆

[2] См. А. В. Игнатьев, А. Е. Иоффе, Международная обстановка накануне Октября, «Вопросы истории», 1962 г., № 11; В. С. Васюков, Предыстория интервенции, М., 1968. О роли США см. А. В. Березкин, Октябрьская революция и США, М., 1967, гл. 3.

[3] Я. Г. Темкин, Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1919 гг.), М., 1957; А. О. Чубарьян, Брестский мир, М., 1964; К. И. Варламов, Н. А. Сламихин, Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых коммунистов», М., 1964; «Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма», под ред. К. И. Варламова и К. В. Гусева, М., 1966, стр. 194—219.

рил, что такую теорию могут поддерживать либо безумцы, либо провокаторы[4]. «...Интересы международной революции требуют,— указывал Ленин,— чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам»[5]. Весной 1921 года сразу же после окончания периода антисоветской интервенции В. И. Ленин подчеркивал: «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе»[6].

Антимарксистская идея насильственного «осчастливливания» других народов еще с конца XIX века выдвигалась «левыми» оппортунистами типа Г. Эрве, ссылавшегося между прочим на пример жирондистов[7], а в годы первой мировой войны призывавшего к участию до победного конца в империалистической бойне якобы во имя всемирной революции[8]. Германские «ультралевые» Лауфенберг и Вольфгейм, которые основали «коммунистическую рабочую партию Германии» (КАПД), в 1919 году призывали ради «революционной войны» против Антанты к занятию Польши и прибалтийских стран[9]. «Каписты» позднее утверждали, что осуждение В. И. Лениным и Коммунистическим Интернационалом линии на «подталкивание революции» означало якобы отречение от коммунизма и «реставрацию капитализма» в Советской стране[10]. Эти клеветнические обвинения повторяли и повторяют по сей день ультралевые оппортунисты всех мастей.

Но вернемся к событиям 1918 года. Благодаря мудрой ленинской дипломатии молодой Советской республике весной 1918 года удалось избежать открытой войны с

◆

[4] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 457.
[5] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 403.
[6] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 341.
[7] G. Hervé, L'internationalisme, P., 1910, p. 22 f., 178.
[8] G. Hervé, La Patrie en danger, P., 1915, p. 24.
[9] H. Laufenberg, F. Wolffheim, Revolutinärer Volkskrieg oder kontrevolutionärer Bürgerkrieg, 1919, SS. 1, 9, 14—16.
[10] «Programm und Organisations-Statut der Kommunistischen Arbeiter-Partei Deutschlands», B., 1924, SS. 12—13, 18—20, 23—31 (ср., например, изданную «капистами» пропагандистскую книгу, направленную против германской компартии, «Die KPD in eigenen Spiegel. Aus der Geschichte der KPD und der 3. Internationale», B., 1926, SS. IV, 85—89 u. a.).

кайзеровской Германией. Однако немецкие империалисты, захватившие Украину, Белоруссию, Прибалтику, Крым, создали там марионеточные правительства и администрацию, пытаясь прочно закрепиться на оккупированных территориях[11]. Объективно действия немецких и антантовских империалистов велись лишь в одном направлении — удушения социалистической революции в России.

Ставка Антанты на тайные контрреволюционные заговоры определялась сразу несколькими причинами. Прежде всего такие заговоры оказались особо удобным оружием в борьбе против только что возникшей Советской республики, которой еще предстояло в отчаянно трудных условиях создать эффективный государственный аппарат. Империалисты надеялись свергнуть Советскую власть, используя многочисленных врагов нового строя, которых правительство диктатуры пролетариата вынуждено было на первых порах привлекать в качестве военных и других специалистов для организации армии и администрации. Это был расчет на использование тех преимуществ представителей свергнутых классов, которые им давали образование и многолетний опыт в различных сферах государственного управления. Вместе с тем, в случае успеха таких заговоров исчезала или уменьшалась надобность для интервентов в вооружении и снабжении белых армий, которые должны были навязать советскому народу волю внешней и внутренней контрреволюции. Тем самым могли быть сокращены и размеры тех интервенционистских войск, с помощью которых Антанта пыталась осуществить свержение Советской власти. А это было чрезвычайно важным для империалистических государств Антанты не только до ноября 1918 года, когда продолжалась смертельная схватка с Германией и ее союзниками, но и позднее, особенно из-за бурного нарастания международной пролетарской солидарности, усиления движения «Руки прочь от Советской России!». Уже после победы над Германией и имея более чем годичный опыт интервенции, президент Вильсон заявил 16 января 1919 г. на заседании Антанты, что американские и английские солдаты не будут драться против большевиков, «так как они опасаются, что их усилия при-

◆

[11] О. Ф. Соловьев, Великий Октябрь и его противники, М., 1968.

вели бы к реставрации старого строя»[12]. Ставка империалистов на заговоры была в известном смысле молчаливым признанием той поддержки, которую трудящиеся массы России оказывали большевистской партии и Советской власти, быстрого роста симпатий к ней со стороны международного рабочего класса.

На практике все заговоры, направленные на свержение Советского правительства, потерпели неудачу, а успешные для Антанты местные мятежи лишь способствовали расширению масштабов иностранной интервенции. В результате заговорщическая деятельность антантовской агентуры являлась одной из форм широкой вооруженной интервенции, «похода 14 государств» против молодой Республики Советов.

Антанта участвовала в подготовке и финансировании всех значительных антисоветских заговоров (за исключением тех, которые были подготовлены германским блоком на Украине и Кавказе). Рука антантовской дипломатии и разведки видна в организации выступления Каледина и Дутова, чехословацкого мятежа, контрреволюционных восстаний на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Баку, в Астрахани. За этим последовала открытая интервенция во Владивостоке, в Мурманске и Архангельске, на юге Украины, на Кавказе. Внешний натиск сопровождался стремлением обеспечить его успех с помощью восстаний в тылу советских войск. Не прекращались попытки путем заговоров установить контроль над Петроградом и Москвой, поразить сердце и мозг революции. Наибольшую опасность представляли вооруженные выступления левых эсеров в Москве, мятежи в Ярославле и других городах, которые поднял контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы», возглавляемый Б. Савинковым, заговор Б. Локкарта и других антантовских дипломатов. Контрреволюционным заговорщикам не раз казалось, что они почти у цели. Бывали часы, когда — например, 6 июля во время левоэсеровского мятежа — над революцией нависала смертельная угроза. Благодаря гению Ленина, непоколебимой решимости российского пролетариата планы интервентов и русской реакции были сорваны.

[12] S. P. Tillman, Anglo-American Relations on the Paris Peace Conference of 1919, Princeton, 1961, p. 137.

В первый год существования Советской России интервенция была предпринята двумя воюющими между собой блоками империалистических держав. Характерно, что германский блок продолжал интервенцию и после заключения весной 1918 года Брестского мира. Со своей стороны Антанта маскировала свою интервенцию лживыми (после осени 1918 г. отброшенными в сторону) утверждениями, будто вооруженное вторжение на территорию Советской России преследует лишь борьбу с Германией. Это идеологическое прикрытие использовалось империалистами Антанты разом в нескольких целях: во-первых, для успокоения общественного мнения в собственных странах, с тем чтобы воспрепятствовать подъему борьбы мирового пролетариата в защиту Советской республики; во-вторых, для обмана народов России относительно действительных намерений империалистов и изображения их союзника — внутренней контрреволюции в качестве «национальной силы»; в-третьих, для того чтобы скрыть от собственных союзников по военному блоку (являвшихся одновременно империалистическими соперниками) свои планы, включавшие, наряду со свержением Советской власти, территориальные аннексии и даже полное расчленение России.

Чрезвычайно показательно также, что, развертывая интервенцию против первой победоносной пролетарской революции, империализм был вынужден в своей пропаганде, если не прятать, то отодвигать на задний план свою главную цель — капиталистическую реставрацию.

Так, правительство США объявило 5 июля 1918 г., что целью интервенции в Сибири является «защита чехословаков от немцев и поддержка попыток создания самоуправления и самообороны, при которых сами русские, возможно, будут согласны принять помощь». Как не без сарказма добавляет Черчилль, было даже сообщено о готовности США направить отряд Молодежной христианской ассоциации, чтобы обеспечить моральное обучение и руководство русским народом[1]. Британские дипломаты — Локкарт и другие были оставлены в Москве, чтобы создать впечатление, что антисоветские интервенты ведут

◆

[1] W. S. Churchill, The Aftermath, N. Y., 1929, p. 88.

войну с Германией, а не против Советского правительства[2].

После поражения Германии, даже по признанию У. Черчилля, «отпали все доводы, приведшие к интервенции»[3]. Тогда империалисты Антанты стали оправдывать ее ссылками на стремление заменить в России «диктатуру» «демократией». На самом деле задачей империалистической интервенции была ликвидация диктатуры пролетариата — подлинной демократии для трудящихся, то есть подавляющего большинства народа, и замена ее даже не буржуазной демократией, являющейся одной из форм диктатуры капитала, а открыто террористическим реакционным режимом. Антантовская пропаганда постоянно пыталась изображать интервенцию как оборону от мнимого «экспорта революции» большевиками. При этом полностью замалчивалось, что Советское правительство и в эти тяжелые годы оставалось верным принципам сосуществования государств с различным социальным строем.

Эти принципы нашли воплощение в ленинском Декрете о мире, который был принят сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Республика Советов с первых дней своего существования пыталась наладить нормальные отношения с иностранными государствами. Уже после начала открытой вооруженной интервенции Советское правительство многократно обращалось с мирными предложениями — 5 августа 1918 г. к американскому представителю Пулю, 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону, 3 ноября, 7 ноября, 23 декабря 1918 г., 12 и 17 января, 4 февраля, 12 марта, 7 мая 1919 г. — ко всем правительствам стран Антанты[4]. Все эти предложения страны Антанты оставляли без внимания или отвергали. Правда, чтобы обмануть общественное мнение, империалистические государства предложили созвать на Принцевых островах конференцию, на которую должны были быть приглашены, наряду с советскими делегатами, представители различных белогвар-

◆

[2] R. H. Ulman, Intervention and the War. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921, Princeton, 1961, pp. 285—286.

[3] W. S. Churchill, The Aftermath, p. 165.

[4] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 366. О ленинской политике мира см. С. Ю. Выгодский, В. И. Ленин — руководитель внешней политики Советского государства, Л., 1960.

дейских властей. Империалисты рассчитывали на отказ Советского правительства, чтобы изобразить его врагом мира. Однако Советская Россия сорвала маску с мнимых миротворцев. Она выразила согласие на переговоры и заявила о готовности пойти на ряд уступок. После этого правительства Антанты поспешили похоронить проект конференции на Принцевых островах.

Иностранная интервенция сопровождалась повсеместно разгулом белого террора. Всюду от Каспия до берегов Северного Ледовитого океана, от Волги до Владивостока контрреволюционные интервенты, одетые в американские, английские, французские, немецкие, японские или другие мундиры, сжигали города и села, производили массовые расстрелы мирного населения, сгоняли десятки тысяч людей в лагеря смерти. Не сотрется память о черных злодеяниях интервентов, о героической борьбе советских людей против контрреволюционного иноземного нашествия.

К середине 1918 года щедрая помощь, которую оказывали империалисты внутренней контрреволюции, принесла свои плоды. Кольцо фронтов опоясало молодую Республику Советов. Три четверти Советской страны находилось в руках интервентов и белогвардейцев. Северный Кавказ оказался под властью белогвардейской «добровольческой армии», созданной генералами Корниловым, Алексеевым и Деникиным при активной поддержке Антанты. Интервенты и белогвардейцы заняли Сибирь, значительную часть Поволжья, в Казани был захвачен золотой запас страны. Однако Красная Армия сумела остановить натиск белых: Казань, Симбирск, Самара были осенью 1918 года очищены от врага. В январе 1919 года на северном фронте красные войска нанесли тяжелое поражение американским интервентам под Шенкурском.

В ноябре 1918 года первая мировая война закончилась полным поражением Германии и ее союзников. В Германии произошла революция, распалась лоскутная австро-венгерская монархия. Могучее народное движение вымело германских оккупантов и их ставленников с Украины и из Прибалтики.

Но империалисты Антанты поспешили заполнить «бреши», образовавшиеся в цепи фронтов, опоясывавших Советскую Россию. Уже через три дня после подписания перемирия с Германией военный кабинет Англии принял решение о расширении интервенции в Сибири и на юге

России. В конце ноября 1918 года на конференции премьер-министров Англии, Франции и Италии было решено оказать широкую помощь белогвардейцам в южных районах России. В декабре 1918 года антантовская интервенция приобрела невиданный размах[5].

Борьбе против Советской России уделялось большое внимание и на Парижской конференции, на которой был подписан договор между Антантой и побежденной Германией и ее союзниками[6]. К открытию конференции главное командование представило доклад «О необходимости интервенции союзников в России», где указывалось, что Антанта «должна вызвать перерождение России путем свержения Советской власти»[7]. Ликвидация большевистского режима объявлялась «жизненной необходимостью» для Антанты и определялись области России, которые предназначались как сфера действий для каждой из главных союзных империалистических держав. США и Англия составили подробные планы расчленения России и насаждения правительств, зависимых от империалистических государств[8].

В 1918 году президент Вильсон опубликовал свои известные «Четырнадцать пунктов» мира. Задуманные как реклама мнимого миролюбия США, «Четырнадцать пунктов» вместе с тем в замаскированном виде содержали экспансионистскую программу американского империализма. В официальном комментарии к «Четырнадцати пунктам», составленном в октябре 1918 года по поручению Вильсона полковником Хаузом, уже более открыто, хотя тоже под флером лицемерных фраз о демократии и самоопределении, содержались планы расчленения Советской России и превращения ее в колонию империалистических держав. В «Великороссии и Сибири», после того как от них будут отделены все другие области

◆

[5] Например, Ф. Д. Волков, Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924 гг.), М., 1954, стр. 53 и др.

[6] Б. Е. Штейн, Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.), М., 1949.

[7] «История внешней политики СССР», под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова, ч. I, М., 1966, стр. 95—96.

[8] Там же, стр. 97—98; В. Г. Трухановский, Новейшая история Англии, М., 1963, стр. 21; А. Е. Кунина, Крах американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 годах, 2-е изд., 1954, стр. 93—129.

бывшей России, предписывалось создать «достаточно представительное» (читай: белогвардейское) правительство. В качестве практической политики в комментариях Хауза рекомендовалось признание временных белых правительств и оказание им помощи, рассматривать вопрос о Кавказе «как часть проблемы Турецкой империи» (потерпевшей поражение и оккупированной войсками Антанты). Среднюю Азию предлагалось передать одной из держав Антанты «для управления на основе протектората»[9]. В свете этих замыслов особый смысл приобретали слова Черчилля: «Было бы ошибкой предполагать, что весь этот год (1919-й. — *Е. Ч.*) мы сражались в битвах в пользу русских врагов большевизма. Наоборот, они вели сражения в наших интересах»[10].

Антанта постаралась немедля заменить Германию в качестве интервента на Украине. Англо-французский флот высадил десант в Одессе, Севастополе и ряде других черноморских портов. В феврале 1919 года на юге России была сосредоточена 130-тысячная армия интервентов, основную часть которой составляли французские войска. Однако предпринятое ими наступление на севере против Красной Армии окончилось полной неудачей. Войска интервентов охватили революционные настроения. Восстание матросов французской эскадры убедило командование интервентов, что солдаты выходят из повиновения. «Французские войска были сами заражены коммунистической пропагандой и практически весь флот поднял восстание... Хорошо закаленное оружие, которое почти безотказно служило во всех битвах Армагеддона, ныне неожиданно сломалось в руках, которые обратили его против новой цели. Мятеж во французском флоте был подавлен и его главари давно в тюрьме, но шок, испытанный в Париже, привел к быстрому окончанию всего рискованного предприятия»[11].

В апреле 1919 года интервенционистская армия покинула территорию Украины и Крыма. Однако это означало лишь изменение плана борьбы против Советской России. На севере и в Сибири интервенция продолжалась.

◆

[9] «Архив полковника Хауза», т. IV, М., 1944, стр. 152—153. Ср. также А. Е. Кунина, Крах американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 годах, стр. 95 и сл.
[10] W. S. Churchill, The Aftermath, p. 270.
[11] Ibid., p. 169.

Благодаря вмешательству Антанты весной и летом 1919 года была свергнута Советская власть в Эстонии, Латвии и Литве. Вместе с тем главная ставка теперь была сделана на сформированные с помощью интервентов белогвардейские армии Деникина на юге России и Колчака — в Сибири. На Кавказе власть была захвачена армянскими дашнаками, грузинскими меньшевиками, азербайджанскими муссаватистами, получавшими большую помощь от англо-американских интервентов. В Средней Азии действовали английские интервенционистские войска [12].

В марте 1919 года колчаковская армия перешла в наступление, она рвалась к Волге для последующего соединения с войсками Деникина. Во второй половине апреля Красная Армия сумела создать перелом и начала безостановочно гнать колчаковцев на восток. К концу 1919 года армия Колчака — основная сила первого похода Антанты — потерпела полный разгром.

Летом 1919 года началось наступление Деникина. Его войска захватили Кубань, Дон, Крым. Через левобережную Украину в октябре 1919 года деникинская армия прорвалась в центральные области России и подходила к Туле. Юденич, еще летом пытавшийся достигнуть Петрограда, начал новое наступление на город.

В ноябре 1918 года через Финляндию в Советскую Россию пробрался английский разведчик Поль Дюкс. За несколько месяцев он сменил два десятка имен и фамилий — «Афиренко», «Семашко», «Маркович», «Пиотровский» и многие другие, выдавая себя то за серба, то за украинца, то за русского — сотрудника ВЧК [13]. Одной из личин Дюкса была маска социалиста, сочувствовавшего революции. Шпион сумел убедить в этом отдельных сотрудников советских учреждений. Представитель Интелидженс сервис установил связи с московским и петроградским руководством белогвардейской подпольной организации «Национальный центр». Поддерживавший тайные связи с белыми генералами, он стал получать щед-

◆

[12] Например, А. Х. Бабаходжаев, Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917—1920 годах, Ташкент, 1955, стр. 74 и сл.

[13] P. Dukes, The Story of «St 25», Adventure and Romance in the Secret Intelligence Service in Red Russia, L., 1938, pp. 40, 48—49, 71 a.o.

рые финансовые субсидии и вместе с тем превратился в одно из орудий антантовской интервенции. «Национальный центр» являлся преемником германофильского «Правого центра», созданного кадетами. Обличавшие большевиков за подписание тяжкого Брестского мира, политические представители российской буржуазии летом 1918 года вели переговоры с германским посольством в Москве о занятии кайзеровскими войсками Центральной России и создании «дружественного» оккупантам контрреволюционного правительства. Одновременно «Правый центр» имел связи с представителями Антанты и получал субсидию от французского правительства. В «Правом центре» возникали разногласия, и антантофильская группировка в мае—июне 1918 года создала «Национальный центр». Это объединение примкнуло к образованному в апреле 1919 года «Тактическому центру» — блоку антисоветских группировок, в который входили также «Союз возрождения России» (часть «народных» социалистов, правых эсеров, меньшевиков-оборонцев, кадетов) и «Союз общественных деятелей» (кадеты) [14].

В июне 1919 года началось наступление армии Юденича, получившей снаряжение и оружие от англичан из Эстонии, на революционный Петроград. Это послужило сигналом для белогвардейского подполья. 12 июня вспыхнул мятеж гарнизона форта «Красная горка», спровоцированный командирами, среди которых были агенты «Национального центра». Мятеж перекинулся на форт «Белая лошадь». Захваченные контрреволюционерами форты начали обстрел Кронштадта, чтобы принудить его к сдаче белым. Однако расчеты белогвардейцев не оправдались. Кронштадт устоял, а мятеж к утру 16 июня был полностью ликвидирован.

Петроградская ВЧК в это время еще не располагала сведениями о существовании «Национального центра», однако не сомневалась, что в городе имеется большое количество белогвардейских элементов, готовых взяться за оружие при приближении армии Юденича. Пятнадцать тысяч петроградских рабочих, мобилизованных партией, провели массовые обыски в буржуазных квартирах,

◆

[14] Д. Л. Голинков, Разгром очагов внутренней контрреволюции в Советской России, «Вопросы истории», 1967 г., № 12, стр. 141—143.

а также в помещениях дипломатических миссий враждебных стран. Было изъято 6626 винтовок, большое количество другого оружия и боеприпасов. Были арестованы сотни скрывавшихся в Петрограде белогвардейцев, разоблачены несколько предателей из числа военных специалистов. Это был тяжелый удар по заговорщикам. Но добраться до самого «Национального центра» не удалось. Помог случай, который оказался возможным благодаря революционной бдительности трудящихся.

Красноармейский патруль застрелил офицера А. Никитенко, пытавшегося пробраться через линию фронта на территорию, занятую белыми. Труп убитого подвергли тщательному обыску. В результате была обнаружена записка белому генералу Родзянко, подписанная неким «ВИК». В ней согласовывался пароль. Его должны были знать белогвардейские агенты, занимавшие посты в Красной Армии и советских органах власти, чтобы их признали наступавшие части армии Юденича. Кем, однако, был «ВИК» выяснить вначале не удалось. В июле были задержаны двое военнослужащих А. Самойлов и Н. Боровой-Федотов, которые собирались перебежать к белым. У предателей были обнаружены данные о дислокации частей Красной Армии и сведения о тайных контрреволюционных организациях в Петрограде, руководимых «Национальным центром». Чекисты выяснили, что письмо, которое собирались доставить неприятелю изменники, было передано им В. И. Штейнигером, петроградским капиталистом и членом кадетской партии. Штейнигер был арестован, в его квартире были обнаружены неопровержимые доказательства шпионской деятельности, в том числе и пишущая машинка, на которой было напечатано разведывательное донесение, перехваченное сотрудниками ВЧК. Арестованный белогвардейский шпион дал важные показания о деятельности петроградского отделения «Национального центра». За квартирой Штейнигера было установлено постоянное наблюдение и таким образом удалось задержать явившихся туда генерала М. Махова и других важных участников «Национального центра». Тем не менее, поскольку арестованные всячески скрывали многие связи, к августу удалось обезвредить только небольшую часть подпольной белой организации. В частности, нетронутым оставалось московское отделение «Национального центра». Сведения о нем были получены из совершенно другого источника. Опять помог счастли-

вый случай, бывший результатом настойчивой борьбы против происков врага.

В далеком селе Вахрушево Слободского уезда Вятской губернии при проверке милицией документов был задержан неизвестный, при обыске у которого были обнаружены большая сумма денег и два револьвера. Арестованный сначала назвался Карасенко и утверждал, что деньги принадлежат одному киевскому купцу, которому он обещал переправить их в Москву. Однако доставленный в вятскую ВЧК, незнакомец признался, что он — сын помещика Н. П. Крашенникова, является колчаковским разведчиком и должен передать деньги лицу, которое встретит его на вокзале в Москве и назовет условленный пароль. Казалось более чем вероятным, что и после своего признания колчаковец скрывает многое из того, что ему было известно о белогвардейском подполье в Москве. Когда Крашенникова доставили в Москву, он попытался отправить из места заключения две записки. Они были перехвачены и послужили ключом к раскрытию заговорщиков. В одной из записок Крашенников запрашивал, «арестованы ли Н. Н. Щ. и другие, кого я знаю». На допросе Крашенников, которому предъявили его записки, вынужден был назвать имя и фамилию лица, обозначенного инициалами. Им оказался богатый домовладелец, кадет Н. Н. Щепкин, один из руководителей московского отделения «Национального центра». «Другими», о которых упоминалось в записке, были содержавшие конспиративную квартиру супруги Алферовы. А. Д. Алферов работал директором школы. Постоянные визиты каких-то неизвестных лиц вызвали подозрения у одной учительницы, сообщившей о них в ВЧК. Поэтому за Алферовыми еще раньше было установлено наблюдение. При обыске у Щепкина во дворе, в дровах, были изъяты шпионские донесения, содержавшие чрезвычайно важные сведения о планах командования Красной Армии, и тайная переписка со штабом Деникина. Материалы о дислокации войск Красной Армии, обнаруженные у Щепкина, вполне правильно отражали расположение воинских частей и, следовательно, могли исходить только от лиц, занимавших достаточно ответственные посты в советских военных учреждениях.

ВЧК приступила к ликвидации, как теперь стало очевидным, разветвленной белогвардейской организации, готовившей восстание ко времени ожидавшегося приближе-

ния деникинской армии к Москве. Притягательным пунктом для заговорщиков, как и следовало ожидать, оказалась квартира Щепкина. Оставленная там засада арестовала не только появлявшихся один за другим различных деятелей московского отделения «Национального центра», но и прибывавших в Москву тайных деникинских курьеров. Особое значение имел арест офицера Мартынова, одного из членов так называемого штаба «Добровольческой армии Московского района». Впрочем, об этой военной организации ВЧК узнала и из другого источника. В конце августа на прием к Ф. Э. Дзержинскому попросился неизвестный. Это был врач военной школы, член тайной белогвардейской организации. Убедившись в несправедливости целей заговорщиков, он сообщил все, что ему было известно о них, в частности об одном из руководителей организации, полковнике Миллере, работавшем начальником окружной артиллерийской школы. 19 сентября ВЧК арестовала весь штаб «Добровольческой армии Московского района», разоружила курсантов и преподавателей нескольких военных школ, среди которых было много участников белогвардейского подполья.

Во главе петроградской организации стояли адмиралы Развозов и Бахирев и другие бывшие офицеры и генералы царской армии, привлеченные в качестве военных специалистов на советскую службу. Главную роль в подготовке восстания играл английский шпион, полковник В. Г. Люндквист. Он состоял начальником штаба 7-й Красной Армии, оборонявшей Петроград от развернувших в октябре 1919 года второе наступление войск Юденича. Английский шпион Блейр, пробравшийся в органы интендантства, в критический момент сорвал снабжение красных войск бензином, заслал в вагонах на фронт вместо автомобилей антикварную мебель и т. д.[15] Военный отдел заговорщиков имел подробный план восстания, были организованы специальные отряды, которым поручалось захватить Смольный, городской телеграф и другие важные объекты. У белогвардейцев был заранее готов список правительства, которое должно было встать у власти после победы мятежа и вступления войск Юденича в Петроград.

◆

[15] D. Blair, C. H. Dand, Russian Hazard, L., 1937, pp. 236—239, 241.

Планы контрреволюционеров и интервентов снова были сорваны ВЧК, арестовавшей всех основных главарей белогвардейского центра. При этом выяснилось, что заговорщики, не имея никакой прочной базы в Петрограде, рассчитывали на поддержку нескольких сот уголовников и бандитов, с которыми был связан П. Дюкс[16]. (Шпиону удалось бежать за границу и он стал консультантом английского министра иностранных дел Керзона «по русскому вопросу».)

25 ноября 1919 г. в «Известиях» было опубликовано сообщение ВЧК о разгроме «Национального центра». Как отмечалось в этом сообщении, «вся деятельность заговорщиков протекала под бдительным наблюдением агентов Антанты, главным образом английских и французских, которые руководили всем делом шпионажа, финансировали заговор и держали в своих руках все нити его».

Войска Юденича были разгромлены и отброшены от Петрограда. Заговорщический «Национальный центр», щедро субсидировавшийся Антантой и сам превратившийся в составную часть ее похода против Советской России, к началу 1920 года был полностью ликвидирован. Вслед за ним был раскрыт и прекратил существование «Тактический центр».

Летом 1919 года В. И. Ленин и большевистская партия призвали народ сосредоточить все силы на борьбе против Деникина. В боях под Воронежом Первая конная армия разгромила ударные кавалерийские корпуса белой армии. Это послужило сигналом для перехода Красной Армии в контрнаступление по всему фронту, которое продолжалось вплоть до того, пока деникинские войска не были сброшены в Черное море. Еще ранее, как уже было сказано, банды Юденича были обращены в бегство и отступили на территорию Эстонии. Второй поход Антанты закончился таким же провалом, как и первый. В январе 1920 года Англия, Франция и Италия вынуждены были объявить о прекращении установленной ими блокады России.

Но Антанта еще отнюдь не отказалась от мысли вооруженным путем свергнуть Советскую власть. Харак-

◆

[16] Г. Д. Львов, Разгром антисоветского «Национального центра» в 1919 году, «Вопросы истории», 1965 г., № 10.

теризуя смену стратегических замыслов организаторов интервенции, В. И. Ленин указывал: «Первая попытка победить нас своими войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма»[17]. После пятимесячной передышки, отвоеванной Советской страной, начался третий поход Антанты. Одной из главных сил этого похода стали белопольские войска Пилсудского, которые в мае 1920 года начали вторжение на Украину и захватили Киев.

В переговорах с Антантой белополяки еще ранее обсуждали планы занятия Москвы[18]. Антанта щедро удовлетворяла все просьбы Варшавы о снабжении оружием, заранее благословила захват Украины и других советских земель. Но даже антантовская пресса после краха Колчака и Деникина скептически оценивала осуществимость планов похода войск Пилсудского на Москву[19]. Наряду с вовлечением в войну панской Польши Антанте удалось перевооружить остатки деникинских войск, засевших в Крыму, и бросить их под командой генерала Врангеля в новое наступление с целью захвата юга Украины и Донбасса и, главное, отвлечения крупных сил Красной Армии с польского фронта. Всеми действиями Врангеля управляли представители империалистических государств Антанты, прежде всего Франции, Англии и США. Интервенты делали теперь ставку на крайне хозяйственное истощение Советской страны после многолетней войны и огромных разрушений, на голод и усталость. Но и эта карта империалистов оказалась битой.

5 июня 1920 г. Первая конная армия, переброшенная на запад, прорвала фронт белополяков и лавиной двинулась вперед. Значительная часть вражеских войск была уничтожена или взята в плен. В августе советские войска уже стояли под стенами Львова и Варшавы. Белополяков спасло лишь то, что наступление Красной Армии происходило без достаточного закрепления занятых позиций.

◆

[17] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 326.
[18] W. S. Churchill, The Aftermath, p. 262.
[19] Ф. Зуев, Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919—1920 гг.), М., 1954, стр. 99 и сл., 124—125.

Опираясь на огромную помощь Антанты, войска Пилсудского поэтому смогли организовать прорыв фронта и заставить Красную Армию отступить. Однако при всем этом попытки Антанты, снова угрожавшей в августе Советской России возобновлением вооруженной интервенции, побудить Польшу к продолжению войны не увенчались успехом. Для этого у панского правительства не оказалось сил. В октябре 1920 года в Риге был подписан мирный договор между Советской Россией и Польшей, установивший более выгодную для Республики Советов границу, чем та, которая существовала до нападения армии Пилсудского. (Однако Западная Украина и Западная Белоруссия остались в составе Польши.) Еще летом 1920 года Красная Армия отбила наступление врангелевцев и к концу октября загнала их снова в Крым. В третью годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, в ночь с 7 на 8 ноября 1920 г., Красная армия штурмом взяла Перекоп. Крым был очищен от белогвардейских войск, которые были увезены на кораблях интервентов за границу. В 1920 и в начале 1921 года в результате вооруженного восстания были свергнуты буржуазно-националистические правительства в Азербайджане, Армении и Грузии — ставленники Антанты. Весь Кавказ был освобожден от интервентов и белогвардейцев.

Хотя период интервенции закончился, до полного изгнания империалистических захватчиков с советской земли прошло еще два года — только в конце 1922 года японские оккупанты были выброшены с территории Советского Дальнего Востока.

Несмотря на огромное экономическое и военное превосходство стран-интервентов и использование ими больших сил внутренней контрреволюции, империалисты потерпели полный провал в попытке уничтожить первое в мире государство диктатуры пролетариата. Союз российского рабочего класса и крестьянства оказался непобедимым союзом против капиталистов[20]. Победа советского народа над интервентами и белогвардейцами показала, какие неиссякаемые силы породила социалистическая революция, как неодолим новый передовой общественный строй. Большую помощь советскому наро-

◆

[20] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 300.

ду оказала поддержка трудящихся всего мира, организовавших массовое движение «Руки прочь от Советской России!», которое не раз ломало планы расширения интервенции. «Поражение объединенных сил мирового империализма и полный разгром внутренней контрреволюции имели огромное значение не только для судеб нашей страны, но и для освободительной борьбы трудящихся других стран. Страна Советов — надежда и опора трудящихся всего мира — устояла и победила. Социализм выиграл первую решающую битву против сил капиталистического мира. „Мы устояли против всех", — с законной гордостью говорил В. И. Ленин»[21].

Крах антисоветской интервенции представлял собой переломный пункт и в истории иноземного контрреволюционного вмешательства, делая его все более опасным и бесперспективным для империалистических сил.

Вражеское кольцо

Великая Октябрьская социалистическая революция нашла широкий отклик в Финляндии. В соответствии с принципом самоопределения Советское правительство 31 декабря 1917 г. признало независимость Финляндии. Обострение классовых противоречий, эгоизм правящих классов, их безразличие к голоду, к бедствиям народных масс, попытки финской буржуазии установить военную диктатуру встретили решительный отпор рабочего класса Финляндии. 27 января 1918 г. пролетарская Красная гвардия установила контроль над столицей страны Гельсингфорсом. Было создано революционное правительство — Совет народных уполномоченных, в состав которого вошли руководители левого крыла рабочего движения. Власть нового правительства была признана в промышленных городах юга. Буржуазия, сохранив власть на севере страны, попыталась организовать наступление на юг сколоченных ею отрядов под командой бывшего царского генерала Маннергейма. Вскоре выяснилось бессилие контрреволюции собствен-

◆

[21] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», Тезисы ЦК КПСС, М., 1967, стр. 11.

ными силами вернуть власть. Финская буржуазия лживо изображала свою войну против рабочих как «защиту» независимости Финляндии. Белофинское правительство заявило: «Война в Финляндии является борьбой между армией финляндских подданных и частями русских войск, включающих местных мятежников, и не является гражданской войной»[1]. Так писалось о 75-тысячной Красной гвардии, состоявшей из рабочих и бедных крестьян.

Мнимая поборница независимости — буржуазия, не колеблясь, решила по существу отдать страну под власть германского империализма.

Подготовляя интервенцию против Финляндии, германские правящие круги ставили задачей не только удушение революции в этой стране, но и превращение ее в вассальное государство. Интервенция в Финляндии должна была служить подготовкой к «уничтожению» Советской России, которое в Берлине должны были откладывать из-за войны против Антанты. Это была и борьба против распространения революционной волны на саму Германию и ее союзников.

3 апреля 1918 г. в Финляндию высадились германские войска. После этого война для рабочих и торпарей приобрела также национально-освободительный характер. Обладая огромным превосходством в силах, интервенты ударили в спину Красной гвардии. Сломив героическое сопротивление рабочих и батраков, немецкие войска захватили Гельсингфорс. 29 апреля интервенты овладели последним оплотом рабочей революции — Выборгом. Финская буржуазия отметила победу контрреволюции кровавой оргией мести. В такой небольшой стране, как Финляндия, десятки тысяч людей были казнены и погибли от пыток, голода и лишений в тюрьмах и концентрационных лагерях. Нескольким тысячам красных бойцов удалось перейти на советскую территорию.

В ходе революции руководившие ею левые социал-демократы, проведя многие важные социальные преобразования, вместе с тем допустили серьезные ошибки. Они не сумели привлечь на сторону рабочего класса среднее крестьянство. Сыграла свою роль и контрреволюционная позиция, занятая правыми социал-демократами. Однако

◆

[1] В. М. Холодковский, Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция, М., 1967, стр. 169.

главной причиной поражения революции была германская интервенция. «Вмешательство войск кайзеровской Германии в гражданскую войну в Финляндии предрешило ее исход в пользу белых»[2]. Антанта ничего не имела против германской интервенции. Черчилль писал впоследствии, что кайзеровские войска прибыли как «спасители»[3].

Немецкие оккупанты при содействии финской буржуазии навязали Финляндии монархию. 9 октября 1918 г. германский принц Фридрих-Карл Гессенский был избран королем Финляндии. Военное поражение Германии, повлекшее за собой вывод оккупационных войск, привело к ликвидации монархии. Германское влияние было быстро замещено антантовским. Финляндия стала буржуазной республикой, в которой сурово подавлялось рабочее движение.

Империалисты Антанты не считали выгодным для себя выступать против буржуазно-демократических революций, которые привели к свержению монархий в Германии и Австро-Венгрии и распаду державы Габсбургов. С точки зрения Антанты, это лишь закрепляло ее военную победу. Однако позиция правящих кругов Англии, Франции и США круто менялась во всех тех случаях, когда в побежденных странах начинался процесс перерастания буржуазных революций в социалистические. Угроза антантовской интервенции нависала над всеми революционными выступлениями рабочего класса в Европе в 1918—1920 годах. Она являлась как бы постоянной второй линией обороны реакции. Обещанием поддержки Антанта поощряла местную контрреволюцию к подавлению трудящихся масс повсюду — в Австрии и Чехословакии, во время январских боев 1919 года в Берлине и в апреле того же года во время существования Баварской советской республики.

Империалисты Англии, Франции, США в условиях острой послевоенной нехватки продовольствия угрожали голодной блокадой странам, где развертывались революционные выступления. Антанта, широко использовав то обстоятельство, что революции происходили в странах, побежденных в мировой войне, объявляла революцион-

◆

[2] «50 лет гражданской войны», Заявление ЦК КПФ, «Правда», 28 января 1968 г.

[3] W. S. Churchill, The Aftermath, p. 93.

ные правительства нарушающими условия перемирия и тем самым получала удобный предлог для интервенции.

21 марта 1919 г. в Будапеште и провинции власть мирным путем перешла в руки Советского правительства — Временного правительственного совета. Венгрия была провозглашена Советской республикой. Новая власть национализировала промышленность, транспорт, банки, провела ряд важных мероприятий, улучшавших материальное положение трудящихся масс. Советское правительство конфисковало помещичьи земли, однако не распределило их среди крестьянской бедноты, а превратило в имущество производственных кооперативов, фактически — в собственность государства. Тем самым крестьянство не получило непосредственной экономической выгоды от ликвидации помещичьего землевладения, и это стало источником слабости революции. Не менее отрицательное влияние оказывал и другой фактор — соглашательские тенденции центристских элементов венгерской социал-демократии, объединившихся с коммунистами и входивших вместе с ними в Советское правительство.

Все это было учтено Антантой, которая при первых же известиях о провозглашении Советской власти в Венгрии начала подготовку к военной интервенции. Страна сразу же была зажата в кольцо экономической блокады. Одновременно Верховный совет Антанты направил своего представителя генерала Смэтса с требованием удалить коммунистов из правительства. Этот ультиматум Антанты был отклонен, тогда 16 апреля в наступление были брошены войска боярской Румынии и Чехословакии, которым удалось глубоко вклиниться на венгерскую территорию.

Под грохот артиллерии интервентов в Будапешт прибыла новая американская миссия, настаивавшая на удалении из состава правительства руководителей коммунистической партии Б. Куна и Т. Самуэли. Советская Венгрия снова отвергла требование Антанты. Венгерская Красная армия, в которую влились десятки тысяч рабочих, перешла в контрнаступление и оттеснила войска интервентов, вступив в пределы Словакии. Наступление венгерских частей велось по плану, согласованному с Москвой, и ставило целью соединение с войсками Советской России. Тогда правительства Антанты, за месяц до этого санкционировавшие контрреволюционное вторжение в Венгрию, поспешили объявить, что она нарушает

условия перемирия. В нотах от 8 и 13 июня 1919 г. антантовские империалисты устами Клемансо потребовали, чтобы венгерская Красная армия в течение четырех дней покинула чехословацкую территорию. При этом давалось обещание эвакуировать румынские войска, оккупировавшие часть Венгрии. Как вскоре выяснилось, это обещание было лишь обманным маневром с целью внести раскол в ряды защитников Советской Венгерской республики. После некоторых колебаний большинство руководства венгерских коммунистов склонилось к принятию ультиматума Клемансо, надеясь отсрочить вооруженный конфликт с главными империалистическими державами. Однако после отвода венгерских войск Антанта не только не выполнила обещания об очищении румынскими войсками территории Венгрии, но и немедленно выдвинула новое требование. На этот раз речь шла о демобилизации Красной армии, иначе говоря, о разоружении революции перед лицом наседавших на нее со всех сторон врагов. В ответ 20 июля венгерская Красная армия начала наступление против румынских войск на реке Тисса. В первые дни венгры имели успех, но раскрытие предателями врагу военных планов помогло румынскому командованию организовать контрудар. Эта неудача активизировала действия правых социал-демократов и центристов, которые либо прямо осуждали диктатуру пролетариата, либо считали безнадежной борьбу против Антанты. Социал-демократы, входившие в состав венгерской дипломатической миссии, которая 24 июля 1919 г. была послана в Вену, договорились с представителями Антанты о ликвидации Советской власти. Используя большинство голосов в правительстве, социал-демократы 1 августа 1919 г. добились решения об его отставке и передаче власти представителям профсоюзов, которые должны были достичь соглашения с Антантой. Как и следовало ожидать, новое правительство, созданное после уничтожения Советской республики, оказалось лишь кратким переходом к кровавой фашистской диктатуре Хорти.

Угроза интервенции Антанты сохранялась на протяжении всего времени послевоенного кризиса в Европе (1918—1923 гг.). Европейская буржуазия использовала это как козырь в борьбе против революционного движения пролетариата.

В начале 1923 года французские войска оккупировали Рур — один из главных центров революционных выступ-

лений германского пролетариата. Французское командоваиие сразу же встало иа стороиу рурской буржуазии, помогая ей душить рабочие волнеиия. 26 мая заместитель бургомистра Дюссельдорфа Люттербек, обратившись к фраицузским властям с просьбой оказать помощь в подавлеиии «черни», сослался иа исторический прецедеит— поведение германских войск в отношеиии парижских коммуиаров в 1871 году. «Я должеи иапомиить,— писал Люттербек, — что в те времеиа, при восстаиии Коммуны, германское верховное командование шло иавстречу французским властям с целью дружиого подавления восстаиия. Того же требую и я в данном случае, во избежание в дальиейшем всяких опасиых осложнеиий» [4].

В целом интервенция являлась одиой из важных причии, позволивших капиталу отбить революционный иатиск пролетариата иа буржуазный строй в европейских странах после первой мировой войны.

Костлявая рука голода

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, разгром иитервеитов и белогвардейцев, успехи Советской страиы в мириом строительстве оказали огромиое революционизирующее влияние на мировой пролетариат, на народы, угнетеиные империализмом. Вместе с тем иельзя забывать, что в 20-е годы социализму еще предстояло доказать свое превосходство в экоиомическом соревиовании с капитализмом. Это соревиоваиие иачалось в предельио иевыгодиых условиях для социализма, поскольку буржуазиый строй был свергиут лишь в одной страие, экоиомически отсталой по сравиеиию с развитыми капиталистическими государствами и к тому же разореииой войиой и иитервенцией. Огромиые преимущества плаиовой социалистической системы хозяйства ие могли еще тогда проявиться на практике. Социализму еще предстояло продемонстрировать притягательиую силу примера, связаииого с экономическими успехами, которые способствовали глубочайшему

◆

[4] С. Д. Мстиславский, Классовая война в Германии, М., 1924, стр. 156—157.

моральному поражению капитализма. Буржуазная пропаганда широко использовала тогда эти обстоятельства, пытаясь очернить социализм, что оказывало свое влияние на отсталую часть трудящихся и особенно на мелкобуржуазные слои. Таким путем буржуазия не только вела борьбу против рабочего движения у себя дома, но и готовила тыл для будущей антисоветской войны. Сохранявшееся большое военно-техническое превосходство капиталистических государств над Советской страной не только стимулировало разработку планов нападения на СССР, но сохраняло империализму возможности для широкого вооруженного «экспорта контрреволюции». Именно поэтому героический труд советского народа, создававший экономическое и военное могущество Советской страны, явился важнейшим вкладом в дело борьбы против контрреволюционных интервенций, сужал возможности империалистического «экспорта реакции».

Захватнические устремления империалистических государств в отношении Советской страны всегда были связаны с планами свержения Советской власти, без которого немыслимо было осуществление этих агрессивных планов империалистов. Планы захвата советских земель вынашивали и правительства панской Польши и боярской Румынии, но они выступали лишь как орудия империалистических держав, так как не обладали силами для свержения советского строя. Поэтому любая антисоветская война неизбежно должна была носить характер контрреволюционной интервенции.

На протяжении двух десятилетий — от окончания гражданской войны и до гитлеровского нападения — Советскому Союзу благодаря его действенной политике мира удавалось воспрепятствовать осуществлению замыслов организаторов новой антисоветской войны. Опираясь на быстро возраставшую мощь страны, на сочувствие и поддержку со стороны международного пролетариата и трудящихся масс, советская дипломатия расстраивала один за другим планы интервенции. Ей удавалось активно содействовать тому, чтобы в политике капиталистических стран брала верх линия на мирное сосуществование. Это достигалось в упорной борьбе со все новыми происками агрессивных интервенционистских кругов мирового империализма.

Осенью 1921 года, спекулируя на голоде в Поволжье, используя вопрос о продовольственной помощи, Франция

пыталась добиться капитуляции Советского правительства. Одновременно французская дипломатия приступила к подготовке новой антисоветской интервенции силами Польши и Румынии. Остатки врангелевских войск были стянуты в Балканские страны. Английский министр иностранных дел Керзон направил Советскому правительству ноту, обвинявшую его в ведении антибританской пропаганды. Белофинские отряды, вооруженные правительством Финляндии, вторглись в Карелию. На территорию Советской России проникали банды из Польши и Румынии. Тогда же, в начале ноября 1921 года, в Средней Азии старый империалистический агент, бывший турецкий министр Энвер прибыл в Бухару и принял командование отрядами басмачей. Энвер, называя себя «наместником Магомета» и требуя изгнания из Средней Азии всех европейцев, намеревался отторгнуть Туркестан от Советской России. Известный кайзеровский генерал Людендорф предложил сотрудничество Германии, Англии и США для создания «добровольческой» германской армии, которая должна была свергнуть Советскую власть. Хотя план Людендорфа не встретил сочувствия в Париже, правая французская печать угрожала, что аналогичные проекты могут быть использованы в будущем. Франция попыталась координировать свои антисоветские замыслы с Японией, которая как раз в октябре 1921 года расширила масштабы интервенции на Дальнем Востоке. (В ноябре японские войска и белогвардейцы начали широкое наступление в Восточной Сибири вдоль железной дороги). Дипломатические угрозы и маневры, забрасывание из-за рубежа банд, военные операции на Дальнем Востоке были звеньями одной цепи — подготовки новой интервенции для свержения советского строя[1].

В мае 1923 года очередную провокацию против Советского Союза взяло на себя английское консервативное правительство, что нашло отражение в пресловутом «ультиматуме Керзона». Английская реакционная печать развернула антисоветскую кампанию, упрекая даже Керзона в нерешительности и мягкотелости. «Мы можем заверить лорда Керзона,— писала влиятельная торийская

[1] Н. Рубинштейн, Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922 гг.), М., 1948, стр. 143—151.

газета,— что интересы партии, которым он, по его мнению, служит, оказываются под серьезной угрозой вследствие той нерешительной политики, которая проводится в отношении большевиков»[2].

Советское правительство отвергло попытки империалистического вмешательства во внутренние дела СССР. Оно указало в своей ноте правительству Великобритании, что Советский Союз не допустит покушения на свою независимость и что это следует учесть тем кругам Антанты, которые «несогласны иметь дело с другими странами на началах действительного равенства сторон»[3].

Ультиматумы и убийства

Весной 1927 года английские консерваторы снова выступили застрельщиками антисоветской кампании, объявив о разрыве дипломатических отношений с СССР. Как указывалось в резолюции XV съезда ВКП(б), «под руководством консервативного лондонского кабинета реакционные элементы международной буржуазии начали подготовлять почву для вооруженного нападения на СССР...»[1]. Английский империализм, следуя своей традиционной политике, попытался втравить в конфликт с Советским Союзом ряд континентальных европейских государств. Эти попытки не привели к успеху. Британской дипломатии не удалось использовать напряженность в отношениях между СССР и Польшей. Берлин также уклонился в тот момент от участия в антисоветском фронте, рассчитывая, что в создавшейся обстановке советские заказы, размещенные в Англии, будут переданы Германии. 24 мая 1927 г. при встрече с Чичериным французский министр иностранных дел Бриан заявил, что Франция не присоединится к антисоветской акции английского кабинета[2].

Французский совет министров 17 сентября решил, что

◆

[2] «Morning Post», Apr. 25, 1923.
[3] «Документы внешней политики», т. 6, М., 1962, стр. 295.
[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, М., 1954, стр. 363.
[2] «Документы внешней политики СССР», т. 10, М., 1965, стр. 231.

нет оснований для разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом [3].

Прекращение английскими консерваторами дипломатических отношений с СССР, что должно было послужить прологом к интервенции, вместо изоляции СССР привело скорее к изоляции английских тори во всем, что касалось их планов антисоветской войны. Ллойд Джордж заявил тогда: «Двадцать три или двадцать четыре европейские нации по примеру Англии подписали договор с Россией, но ни одна из них не последовала за Англией, когда мы порвали с Москвой». (Англо-советские отношения были восстановлены в 1929 г.)

Предлогом для антисоветских действий служили обычно провокации английской разведки и полиции, подделанные «советские» документы, которыми оперировал Керзон в 1923 году, фальшивое «письмо Коминтерна», состряпанное в 1924 году, налет на англо-советское акционерное общество «Аркос» в мае 1927 года. Английская разведка готовила террористические акты против руководителей Красной Армии [4]. Летом 1927 года ОГПУ была арестована группа террористов — бывших колчаковских офицеров, которой руководил заведующий консульским отделом английского посольства в Москве. Диверсанты намеревались произвести взрыв в Кремле или в Большом театре во время одного из торжественных собраний или съездов. 7 июня был взорван партийный клуб в Ленинграде [5]. Подготовке интервенции служили также террористические акты против советских дипломатов. Как раз во время «ультиматума Керзона» белогвардеец Конради убил в Швейцарии советского дипломата, видного деятеля большевистской партии В. В. Воровского. В ноябре 1923 года швейцарский суд оправдал убийцу и его сообщника, признав похвальным их желание «мстить большевикам». В феврале 1926 года белогвардейцы убили в Латвии одного советского дипкурьера Нетте и тяжело ранили другого — Махмасталя. 7 июня 1927 г. английский агент, белогвардеец Коверда, на главном вокзале Вар-

◆

[3] Ю. В. Борисов, Советско-французские отношения (1924—1945 гг.), М., 1964, стр. 79.
[4] «Известия», 18 октября 1927 г.
[5] С. И. Цыбов, Н. Ф. Чистяков, Фронт тайной войны, М., 1965, стр. 26; В. Минаев, Тайное становится явным, М., 1960, стр. 50—51.

шавы убил советского полпреда в Польше П. Л. Войкова. В сентябре 1927 года белогвардеец Трайкович пробрался в здание советского полпредства и пытался застрелить поверенного в делах. Другой белогвардейский террорист Войцеховский совершил покушение на советского торгпреда в Польше. По наущению английских империалистов китайские милитаристы в апреле 1927 года организовали налеты на советское посольство в Пекине, установили настоящую осаду консульства в Шанхае[6].

Летом 1929 года китайские милитаристы, подстрекаемые иностранными империалистами, попытались спровоцировать конфликт с СССР. 27 мая подверглись разгрому советские консульства в Харбине и других городах. За этим последовали аресты советских граждан. 16 августа 1929 г. гоминдановское правительство разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом, усилило провокации против советских работников, служивших на Квантунской железной дороге, организовало серьезные пограничные инциденты. Красная Армия разгромила войска китайских милитаристов и находившиеся у них на службе белогвардейские банды в районе Далайнор и Хайлар в Маньчжурии.

После этого в декабре 1929 года Китай должен был согласиться на ликвидацию конфликта и восстановление прежнего положения на КВЖД, нарушенного антисоветскими провокациями.

Однако положение на советских дальневосточных границах оставалось напряженным. Оно еще более обострилось после захвата Маньчжурии милитаристской Японией.

Плацдармами для вооруженного нападения на Советский Союз могли стать и Маньчжурия, и западные пограничные с СССР государства, которые были превращены империалистическими державами в антибольшевистский «санитарный кордон».

Планы контрреволюционной интервенции строились с расчетом на помощь обломков свергнутых эксплуататорских классов и особенно еще сохранившегося в стране последнего и самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества.

◆

[6] Ф. Д. Волков, Англо-советские отношения, 1924—1929 годы, М., 1958, стр. 283—288.

Оптимизм господина Дана

Руководство партий II Интернационала постоянно старалось приуменьшать опасность вооруженной интервенции империалистов против СССР. Это вытекало как из апологетического изображения реформистами тенденций развития мирового капитализма, так и из стремления найти обоснование постоянному отказу социал-демократических лидеров от поддержки проводившихся коммунистическими партиями кампаний в защиту Советского Союза. Даже летом 1927 года, после разрыва англо-советских отношений, социал-демократическая пресса, например «Форвертс», не соглашалась с утверждениями, что капитализм стремится напасть на Советский Союз. «Это объективно неверно», — писал этот главный орган германской социал-демократии [1]. Дальше всех в этом отношении заходили русские меньшевики. «Конечно, ни один человек, и большевики в том числе, — писал Ф. Дан в меньшевистском эмигрантском журнале «Социалистический вестник», — не верит, чтобы, разрывая дипломатические отношения с Россией, Англия имела в виду объявление ей войны в более или менее близком будущем для повторения вооруженной интервенции 18—19-х годов» [2].

Для опровержения утверждения Дана можно привести сколько угодно свидетельств, что в буржуазном лагере всерьез верили в такую возможность. Одна из ведущих американских газет в эти дни так писала о настроениях в Вашингтоне: «Многие видные наблюдатели считают серьезной угрозу войны» [3].

Реальная возможность антисоветской интервенции создавалась фактом глубокого раскола рабочего движения с 1914 года, приведшего к крайнему обострению отношений и борьбе между революционным и реформистским течениями. Пацифизм социал-демократических руководителей, их словесные осуждения милитаризма и войны лишались действенности и реального позитивного значения, будучи привязанными к воинствующему антисоветскому курсу. Ослепленные антикоммунизмом, пра-

◆

[1] «Vorwärts», 2 Juni, 1927.
[2] Цит. по «Правда», 19 июня 1927 г.
[3] «New York Herald Tribune», June 19, 1927.

вые лидеры социал-демократии, одни сознательно, другие бессознательно, активно или пассивно, лили воду на мельницу планов антисоветской интервенции[4].

Эта поддержка интервенционизма объективно велась сразу по нескольким линиям. Начать хотя бы с того, что, выступая с требованиями возвращения к власти империалистических ставленников — грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и им подобных, социал-демократическая печать по сути дела ратовала за расчленение Советского Союза. Такая забота о «самоопределении» советских республик порой сопровождалась требованиями, якобы во имя мира и интернационализма, установления «международного режима» (т. е. контроля буржуазных государств) над нефтяными районами Кавказа[5].

Вместе с тем правое руководство социал-демократии, пытаясь дискредитировать борьбу Советской страны за мир, выдвигала фальшивые обвинения против СССР и Коммунистического Интернационала в подготовке «революционной войны» и «экспорта революции», что якобы наряду с происками империалистов создавало угрозу мирового конфликта[6].

Реформистские «опровержения» военной опасности имели тем меньший вес, что сами лидеры II Интернационала вносили немалую лепту в идеологическую подготовку интервенции. Этот антисоветский курс еще более усилился в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. Берлинская сессия исполкома реформистского «Социалистического рабочего интернационала» в мае 1930 года приняла провокационный манифест к советским рабочим. Сессия объявила коммунизм «контрреволюцией», которую необходимо свергнуть насильственным путем[7]. Даже буржуазная печать не без иронии отмечала, что манифест требовал «слишком многого» от русских рабочих, призывая их для «спасения революции» объединиться с руководителями социал-демократических

◆

[4] Еще в годы антнсоветской ннтервенции Антанты руководнтелн международной социал-демократнн выступалн за вмешательство нмперналнстнческнх государств в пользу грузннского меньшевистского правнтельства (С. А. Могилевский, Восстановление II Интернационала в 1919—1923 годах, Л., 1963, стр. 111—113).

[5] «Vorwärts», 3 Juli, 1929.

[6] «Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale in Marseille 22, bis 27, Aug. 1925, S 363.

[7] «Vorwärts», 14. Mai 1930.

партий, многие из которых заиимали реакционную, даже профашистскую позицию [8] (добавим — и позицию открытого поощрения интервенциоиизма). Коммунистическая печать с полным основанием заклеймила этот манифест, являвшийся прямым поощрением интервенционистских планов империализма [9]. Признаииый теоретик правых социал-демократов К. Каутский призывал к вооружеииому восстанию против «ада» большевизма [10]. Даже секретарь Социалистического Рабочего Интернационала Ф. Адлер, правда со множеством оговорок, упрекал Каутского, что он является сторонииком антисоветской интервеиции [11]. Социал-демократия активио поддерживала планы «пан-Европы», имевшие явно аитисоветскую, интервенционистскую подоплеку. Руководство Социалистического Рабочего Интернациоиала встало иа сторону гоминдаиовских реакциоиеров, которые по подстрекательству империалистов спровоцировали летом 1929 года коифликт на советско-китайской граиице. Заседавшее в июле 1929 года в Цюрихе Бюро Исполкома приняло резолюцию, в которой этот иаскок империалистов на Советскую страну изображался как «столкиовение между русской и китайской революциями» [12]. А социал-демократическая печать при этом обвиняла СССР в «разжигаиии войны». В 1932 году Социалистический Рабочий Интериациоиал формальио выступил против угрозы иападеиия япоиских милитаристов на Советский Союз.

Одиако влиятельные лидеры Социалистического Рабочего Иитернациоиала были против осуждения в таком плаие даже заведомого агрессора, каким являлся японский империализм. Всегда подчеркивавшие свою привержеииость пацифизму, они в даиином случае заявили, что пролетариату иет дела до возможного япоио-советского коифликта, поскольку там может произойти ие коитрреволюционная интервенция, а «обычиая» войиа между двумя державами. Один из руководителей французской социалистической партии — Бракке, иапример, заявил, что Япоиия предполагает вести войну не с социализмом, а с

◆

[8] «Manchester Guardian», May 15, 1930.
[9] «Rote Fahne» (Berlin), Mai 15, 1930.
[10] Цит. по «XI пленум ИККИ. Стенографический отчет», вып. II, М.—Л., 1931, стр. 32.
[11] «Kampf», Jan. 1933, S. 59 u. a.
[12] «Internationale Information», N° 29, 3 Aug. 1929, pp. 311—312.

Россией, все равно — была бы она царской или советской [13].

Руководители ведущих социал-демократических партий, прежде всего английских лейбористов и французских социалистов, оказались соучастниками «политики невмешательства», прикрывавшей германо-итальянскую интервенцию в Испанию. По мере успехов фашистских агрессоров в руководстве социалистических партий ряда малых стран (Скандинавские государства, Бельгия, Голландия, Швейцария) стали преобладать «изоляционистские» настроения — уклонение даже от оценки разбойничьих действий гитлеровцев и их союзников.

Поддержка политики антикоммунизма не только привела к фактическому бездействию или даже объективно к потворствованию социалистическими партиями фашистской агрессии, но и к победе буржуазно-националистических тенденций над интернационалистскими принципами и тем самым к распаду Социалистического Интернационала после начала второй мировой войны.

Но вернемся к концу 20-х годов, к вопросу, насколько была реальной угроза интервенции в тот период.

В заявлениях руководителей Коммунистической партии и Советского правительства в печати в 20-е годы, например, при разоблачении антисоветской интервенционистской направленности Локарнского пакта (1925 г.) [14], и в частности в месяцы после разрыва англо-советских отношений, указывалось, что Англия не располагала сухопутной армией, способной самостоятельно вести агрессивную войну против СССР. Об этом прямо заявило после разрыва, 26 мая 1927 г., Министерство иностранных дел СССР [15]. Но это отнюдь не исключало возможности образования под руководством английских консерваторов антисоветского фронта. В советской прессе приводились свидетельства того, что английская разведка рассчитывала подготовить «партизанскую базу» на Украине, которой могли бы прийти на помощь интервенты. Английские дипломаты, инструктируя своих белогвардейских агентов, разъясняли им, что необходима подготовка к интервенции путем экономического нажима на Советский Союз, подрыва его финансов, организации

◆

[13] «Правда», 18 августа 1932 г.
[14] В. М. Турок, Локарно, М.—Л., 1949, стр. 226.
[15] «Документы внешней политики СССР», т. 10, стр. 240—241.

действий, направленных на потерю престижа Советской страны за рубежом и в глазах трудящихся масс внутри страны и т. п.[16]

Коммунистический Интернационал вел неустанную работу по разоблачению организаторов антисоветской интервенции, а также деятельности правых руководителей социал-демократии, потворствовавших этим планам. Как говорил на VI конгрессе Коминтерна Э. Тельман, центральной задачей коммунистических партий стала борьба с угрозой новой мировой войны против СССР[17]. На XI, XII и XIII пленумах Исполкома ИККИ приводились конкретные факты подготовки нападения империалистов на Советский Союз и намечалась программа борьбы трудящихся масс против планировавшейся империалистами новой антисоветской интервенции[18].

Далеко не всякая, даже вполне реальная, возможность в истории превращается в действительность. И нередко возникает соблазн списать со счетов эти неосуществившиеся возможности, особенно, когда выгодно их забыть или отнести к области неосновательных опасений и химерических проектов.

Буржуазная печать постоянно упрекала Коминтерн и отдельные коммунистические партии в том, что они «преувеличивают» опасность новой антисоветской интервенции. (Позднее это же обвинение многократно повторялось и поныне повторяется в трудах буржуазных историков.) Но ведь надо учитывать, что тогда нельзя было знать точные планы генеральных штабов. Главное, однако, заключается в том, что при непрекращавшейся кампании ненависти и клеветы против Советского Союза любой повод мог быть использован для начала интервенции, даже если этот повод и сроки интервенции и не были заранее спланированы. Нельзя забывать, что те политики, которые заправляли делами в пограничных с Советским Союзом государствах «санитарного кордона», были всерьез убеждены в могуществе своих вооруженных сил, якобы гарантирующих легкую победу над Красной Армией. Они считали, что военно-техническое пре-

◆

[16] «Правда», 9 июня 1927 г.

[17] «Стенографический отчет VI конгресса Коммунистического Интернационала», вып. I, М, 1929, стр. 17.

[18] Например, «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», вып. III, М., 1933, стр. 174.

восходство империализма обеспечит быстрый крах «большевистского колосса на глиняных ногах». В исторической ретроспективе очевидна близорукость — чтобы не сказать тупость — этих расчетов, но ведь аналогичными выкладками руководствовался и Гитлер, предпринимая вероломное нападение на Советский Союз.

В истории было немало случаев готовившейся интервенции, которые не осуществлялись вследствие изменения внутриполитических условий или международной обстановки, срывались из-за сопротивления народных масс. Тем не менее эти неосуществленные интервенции оказывали иногда очень серьезное воздействие на ход исторического процесса, усложняя революционное развитие страны, которая могла стать объектом иноземного вмешательства. Подготовка к нему накладывала отпечаток и на государство, которое планировало такую интервенцию.

Выстрел Горгулова

Планы интервенции существовали, и их никак нельзя было отнести к несбыточным мечтаниям наиболее оголтелых, потерявших голову реакционеров или главарей российской контрреволюционной эмиграции, стремившихся сохранить свое положение, позволяющее по-прежнему командовать своими подчиненными и выпрашивать подачки у крупных капиталистов и правителей различных европейских стран. Вопрос об антисоветской войне в то время никогда не исключался из сферы практической политики, к обсуждению его постоянно возвращались дипломатические ведомства, интервенцию не переставали готовить генеральные штабы и разведки капиталистических государств. А эмиграции отводилось большое место в этих интервенционистских планах.

Эмиграция всячески стремилась помешать дипломатическому признанию Советской России европейскими государствами [1].

Съезд российских контрреволюционных партий и ор-

[1] Например, H. E. Volkman, Die russische Emigration in Deutschland, 1919—1929, Würzburg, 1966, SS. 87 f., 107 f.

ганизаций объявил себя органом, правомочным выступать от имени всех эмигрантов. П. Б. Струве говорил, что целью конгресса является создание единого союза, возглавляемого единым вождем, которым, как тут же разъяснил бывший донской атаман генерал Краснов, будет не кто иной, как великий князь Николай Николаевич. Об этом же говорили черносотенец Марков, небезызвестный Алексинский и другие представители эмигрантской верхушки. В своем обращении к российскому населению конгресс призывал свергнуть «власть сатаны», под которой подразумевался советский строй.

Из этой попытки объединения всех контрреволюционных сил ничего не вышло, но их борьба против Советского Союза от этого не стала менее ожесточенной. Конечно, с годами многие белогвардейские вожаки теряли надежды, ударялись в религиозное изуверство, в спиритизм. Генерал Краснов состряпал более трех десятков фантастических романов, в которых ненавистная для него Советская власть гибнет от военной интервенции. Вооруженное вторжение осуществляют белогвардейцы, изобретшие в этих романах газовые стены длиной в десятки километров, невидимые самолеты и даже радио, которое разом заглушает все большевистские станции и спешит поведать миру о долгожданной победе над коммунизмом. Некий В. Шелехов издавал в Париже журнал «Царский опричник», где, рекомендуя возвращение к нравам Ивана Грозного, ублажал своих читателей описанием пыток, которым будут подвергать победившие белые пленных большевиков. Это были кровавые мечты.

Однако многочисленные белогвардейские организации, часть из которых открыто проповедовала террор, продолжали действовать. Они сохраняли тогда еще социальную опору внутри СССР. После окончания гражданской войны за границей оказались крупные соединения разгромленных белогвардейских армий. В 1924 году бежавшие за рубеж войска Врангеля получили наименование «Российский общевоинский союз». Содержать многочисленную эмигрантскую армию все годы до начала интервенции не желало и не могло пойти на это ни одно из буржуазных правительств, покровительствовавших российской контрреволюции. Но и распылять совсем эти «осколки разбитого вдребезги» было не расчет. В правящих кругах ряда европейских столиц существовало твердое убеждение, что в обозримом будущем остат-

ки белогвардейских войск окажутся очень полезными в составе интервенционистской армии, которая будет брошена против Страны Советов. К тому же белый генералитет отлично понимал, что он представляет ценность для иностранных правительств только из-за наличия под его командой десятков тысяч солдат, которых можно было снова превратить в готовое пушечное мясо. Бывшие рядовые, нашедшие себе гражданскую работу в чужих странах, не только не стоили ни копейки своим командирам, но, наоборот, пополняли регулярными взносами кассу «Российского общевоинского союза».

Крестьянин, взятый по мобилизации в армию Деникина, Врангеля или Юденича, казак, которого вместе с другими станичниками угрозами и посулами завлекли в белые полки, да и прапорщик из вчерашних студентов и гимназистов, порой выходец из семьи мелкого служащего или чиновника, — все они имели мало общего с верхами контрреволюционной эмиграции, испытывавшими злобную классовую ненависть к советскому строю. «Российский общевоинский союз» имел целью сохранить рядовую массу бывшей белой армии в антисоветском стане как готовые кадры для будущей интервенции. А вырваться отставным нижним чинам из цепких рук бывшего начальства было нелегко. Не говоря уже о том, что это часто на практике означало разрыв с друзьями и земляками, потерю контактов с русской средой. Без одобрения начальства обычно нельзя было получить ни права на проживание в стране, куда забрасывала солдата эмигрантская судьба, ни сносной работы. Так, «Российский общевоинский союз» был не только штабом эмигрантской армии — армии со своей «военной академией» и даже «высшими полицейскими курсами», слушатели которых обучались борьбе с «уличными беспорядками»; он был самой армией с полками и дивизиями, способной к быстрой мобилизации. «Российский общевоинский союз» насчитывал 40 тыс. человек во Франции, 9 тыс. — в Польше, 4 тыс. — в Югославии, 3 тыс. — в Чехословакии, 1 тыс. — в Румынии и т. д.

Обострение внутриполитического положения в европейских странах и международной обстановки в годы мирового экономического кризиса усилило внимание реакционных правящих кругов к этой эмигрантской армии, численность которой была, по некоторым сведениям, доведена до 200 тыс. человек. (В нее загоняли и молодежь.)

Весной 1930 года, совершив поездку по странам Центральной Европы и Балканам, главарь «Российского общевоинского союза» генерал Миллер открыто заявил: «Учитывая благоприятное международное положение, наши военные организации делаются все более и более способными скрестить оружие с советской армией. Мы готовы начать войну. Одна из великих держав, которая особенно стремится к осуществлению контрреволюции в России, обещала снабдить нас деньгами... Мы будем сражаться бок о бок с другими армиями»[2]. Это отнюдь не было только пустой похвальбой белого генерала.

К интервенции постоянно призывала эмигрантская пресса. В Париже особенно усердно этим занималась газета «Возрождение», издававшаяся А. О. Гукасовым, в прошлом одним из крупных бакинских нефтепромышленников, успевшим еще до революции переправить свои капиталы за границу. Он умел поставить на место своих наемников, подчеркивая, что кормит их, издавая газету, приносящую крупные убытки. Л. Любимов в своих мемуарах «На чужбине» рассказывает, как Гукасов кричал редактору «Возрождения»:

— Да поймите же, что я каждый день трачу на вашу братию столько же, сколько на свою любовницу. Да, да на свою любовницу! Шутка ли сказать! Кажется, имею право на уважение!

И редактор «Возрождения» Семенов, сменивший на этом посту Струве, устанавливал связи с французскими фашистами и с японцами, с гитлеровцами и польскими пилсудчиками, со всеми, кто делал ставку на новый крестовый поход против большевизма. Изо дня в день газета требовала интервенции. Так, 7 июля 1930 г. она напечатала статью В. Рябушинского, призывавшую к войне буржуазные страны Европы против Советского Союза, обещая западным капиталистам огромные прибыли от эксплуатации его естественных богатств. В статье утверждалось, что такая война покончит с мировым экономическим кризисом и безработицей, вызовет процветание и что «аморально» отказываться далее от интервенции. Генерал Миллер в начале января 1931 года сообщил, что он может немедля поставить сто тысяч

◆

[2] H. Franklin-Marquet, Ceux qui ont tué Doumer. La vérité sur l'affaire Gorgoulow, P., 1932, p. 37.

обученных солдат и офицеров в качестве белогвардейского контингента интервенционистской армии[3]. 31 января 1931 г. «Возрождение» объявило, что международная интервенция более возможна, чем когда-либо прежде. 23 апреля 1931 г. газета разъяснила, что неизбежна война против большевиков, в которой огромная роль будет отведена эмигрантским войскам и т. д. О близости интервенции писал и Мережковский. «Новая война вот-вот должна вспыхнуть, — уверял он в журнале «La Russie et le monde slave» от 7 февраля 1931 г., — и весь мир должен принять в ней участие».

Эмигрантские газеты объявляли преступлением любые попытки улучшить отношения европейских государств с большевистской Россией. Их доводы с удовольствием подхватывала реакционная печать во Франции и в других капиталистических странах.

Белогвардейцы пытались устроить покушение на японских дипломатов в Москве, чтобы подтолкнуть Японию, осуществлявшую широкие захваты в Северном Китае и в Маньчжурии, к нападению на Советский Союз. Нити заговора тянулись к польскому и французскому генеральным штабам. Белогвардейский журнал «Набат» 12 февраля 1932 г. писал: «Нужно начать делать то, что надо было делать 14 лет тому назад, — начать священную войну против дьявола. Мы должны начать не только священную войну, но также дьявольскую резню».

5 марта в два часа дня на оживленном углу Леонтьевского переулка и улицы Герцена раздались выстрелы. Советник германского посольства фон Твардовский был ранен в шею и кисть руки. Покушавшийся был задержан. Им оказался участник белогвардейской террористической группы И. Штерн. Он намеревался убить германского посла фон Дирксена[4]. Как и во время левоэсеровской провокации в июле 1918 года (убийство Мирбаха), террористы надеялись добиться разрыва отношений между Германией и Советским Союзом, что считалось важным шагом в подготовке интервенции. Вся белогвардейская печать восхваляла террористов. Керенский в своем журнале «Дни» (№ 153 от 20 марта 1932 г.) прямо угрожал

◆

[3] «Sunday Referee», Jan. 4, 1931; W. T. Goode, Is Intervention in Russia a Myth? An Excurcion into Recent Political History, L., 1931, pp. 115—116.

[4] «Правда», 6 и 8 марта 1932 г.

тем на Западе, кто являлся сторонником поддержания мирных отношений с Советской страной: «Пусть те, кому следует, хорошо услышат его (выстрел Штерна. — *Е. Ч.*), пока еще не поздно». В следующем (154-м) номере этого журнала бывший премьер доказывал, что теперь имеются более чем когда-либо прежде основания для индивидуального террора. «Выстрел Штерна, — писала 2 мая 1932 г. газета «Возрождение», — услышан, и он будет повторен... Выстрел Штерна не конец, а только начало». Еще ранее, 20 апреля 1932 г., та же газета разъясняла, какие планы связывали эмигранты и европейская реакция с террором: «Выстрел Штерна указывает, что нужна только детонация, чтобы произошел взрыв. Необходимо, чтобы этот взрыв произошел, он может произойти от неудачной для большевиков войны». Белогвардейская печать призывала к новым террористическим актам. При этом белая рижская газета «Сегодня», раскрывая намерения провокаторов, писала 13 апреля 1932 г.: «Для нас во всех отношениях выгоднее «переменить мишень» и бить в иностранцев».

...6 мая 1932 г. при открытии книжной выставки был убит президент Французской республики Думер. В него стрелял, как вскоре выяснилось, русский эмигрант Павел Горгулов. В полицейском участке ослепленный злобой и тщеславием убийца выкрикивал бессвязные слова, сводившиеся к тому, что он глава русских фашистов и своим поступком он протестовал против связей Франции с большевиками. Однако такое толкование событий вовсе не устраивало собравшихся на совещание правых французских политиков — премьер-министра Андре Тардье, министра юстиции Поля Рейно, префекта парижской полиции Кьяппа и др. Они решили превратить Горгулова в «агента Коминтерна». Убийца, было заявлено в официальном коммюнике, пытался создать в Праге «всероссийскую народную партию необольшевистского характера». Так изображалась в коммюнике горстка из нескольких фашистских молодчиков, сколоченная Горгуловым и с пеной у рта призывавшая к «уничтожению» Советского Союза. За «необольшевистскую эмблему» правая печать пыталась выдать рисунок на обложке брошюры Горгулова: две косы около верхушки ели и человеческий череп. При этом умалчивалось, что вся брошюра, содержавшая программу «Всероссийской народно-крестьянской партии „зеленых“», заполнена злобными

призывами: «Перебейте всех коммунистов!» и т. п. Чудовищная ложь официального правительственного сообщеиия была тем более очевидиой, что арестованный убийца открыто заявлял: «Я покушался иа Думера, чтобы бороться против Советов», «Я поклонник Гитлера и Муссолини». Стараясь как-то связать концы с концами, в правительствеиных кругах намекали, что «агеит Коминтериа» Горгулов просто заметает следы.

Исполком Коммунистического Итериациоиала в специальном заявлении 7 мая 1932 г. разоблачил эти измышлеиия французской и международной реакции. «Не говоря уже о том, что Горгулов является злейшим врагом коммуиизма, что явствует из его брошюры и из его показаиий, — указывалось в этом заявлении, — всему миру известио, что Коммуиистический Интернациоиал, являясь междуиародиой массовой организацией рабочего класса, в соответствии со своей программой всегда самым решительным образом отвергал и отвергает индивидуальиые террористические покушения»[5].

Горгулов, рассчитывая на сочувствие фраицузских реакционных кругов, нагло объявил: «Я хотел вызвать конфликт между Францией и Россией». Это вовсе не было лишь планом одиого Горгулова или даже только российской коитрреволюциоиной эмиграции. Лживое коммюиике кабинета Тардье служило неопровержимым доказательством того, что ои строил такие же планы. Конечио, иепосредственно целью Тардье с помощью антисоветской кампаиии было обеспечить избирательную победу правых — убийство Думера «случайно» произошло всего за иесколько дней до парламеитских выборов. Намерения фраицузской реакции шли дальше. Как справедливо указывалось в передовой статье газеты «Правда», «Тардье хотел историческим подлогом добиться большиииства и стать во главе правительства войны»[6]. Недаром еще свежи были воспоминания о выстреле в Сараево — убийстве австрийского наследника престола Фраица-Фердинанда, послужившем предлогом для развязывания мировой войны 1914—1918 годов.

Вскоре выяснилось подлинное лицо убийцы президента. Белогвардеец Горгулов, сражавшийся против Крас-

◆

[5] «Правда», 8 мая 1932 г.
[6] «Правда», 29 июля 1932 г.

ной Армии во время гражданской войны, был членом тайной террористической организации Савинкова и намеревался организовать покушение на В. И. Ленина. Бежав за границу, Горгулов вступил в личный контакт с Савинковым и, поселившись в Праге, усердно вербовал эмигрантов в террористические банды. В 1930 году Горгулов организовал из нескольких таких же, как он, озлобленных неудачников и убийц фашистскую «Всероссийскую народно-крестьянскую партию „зеленых"». Тогда же с помощью покровителей Горгулов перебрался во Францию, где занялся сколачиванием новых террористических групп, завязал связи с японскими дипломатами. Издававшаяся в Берлине белогвардейская газета «Руль» 24 апреля 1930 г. опубликовала статью, которая восхваляла Горгулова и называла его «русским Муссолини». 20 декабря 1931 г. лидер «зеленых наци» Горгулов оповещал на страницах «Возрождения» о наступлении «ужасающих событий» (французская полиция была полностью осведомлена о действиях белогвардейских террористов, включая группу Горгулова, среди которых были ее платные агенты)[7]. Ложью оказались утверждения, будто Горгулов был «одиночкой», не связанным с верхами российской эмиграции.

Все эти и другие аналогичные сведения постепенно всплыли наружу во время следствия, а пока правая пресса писала о «большевистском заговоре» против Франции. Поль Рейно призывал к «священному союзу» всех французов против коммунистической опасности. Бывший французский президент Мильеран заявил в интервью, опубликованном 8 мая в газете «Энтрасижан»: «Сведения, полученные мною частным путем, дают мне основания совершенно категорически утверждать, что убийца Думера состоит в официальных большевистских организациях... В свете этого трагического эпизода все французы чувствуют более чем когда-либо, что при том серьезном положении, в котором находится страна, совершенно необходимо избавиться от занятия второстепенными и ничтожными делами, дабы посвятить себя заботам о национальных интересах и создать фронт борьбы против элементов насилия и беспорядка».

◆

[7] H. Franklin-Marquet, Ceux qui ont tué Doumer. La vérité sur l'affaire Gorgoulow, p. 83.

Л. Любимов, работавший тогда в «Возрождении», передает в своих мемуарах, как он ринулся в квартиру Мильерана в надежде ознакомиться с материалами, которыми тот располагал: — Ах, как я рад вашему посещению, — встретил Мильеран гостя. — Скажите же мне скорей, кто такой этот Горгулов?

— Я как раз к вам пришел, господин президент, чтобы узнать об этом. Судя по вашему заявлению, вам известно, что Горгулов — агент Коминтерна. Нам хотелось бы услышать от вас об этом подробнее.

Мильеран развел руками.

— Я никогда не делал таких заявлений, — пояснил он, сильно разочарованный. — Опять газеты все перепутали! Я просто повторил сообщение министерства внутренних дел.

(Впоследствии Мильеран должен был и публично признать это во время суда над Горгуловым) [8].

А свистопляска в реакционной печати тем временем не ослабевала. «Пари-Миди» 13 мая 1932 г. уверяла, будто имеются неопровержимые доказательства, что «Горгулов состоит в русской большевистской партии». «Ами дю Пепль» сообщала: «Официально установлено, что убийца — коммунистический агент на службе Советов». Другие издания писали о «гигантском заговоре против Франции». Потоки подобных измышлений низвергались на читателей со страниц десятков крупнейших буржуазных газет.

Непосредственно перед выборами правительство Тардье обрушило на избирателей новую ложь. 8 мая агентство Гавас сообщило: «Согласно официальному коммюнике, Горгулов, приехав в Россию в 1927 году, работал в Майкопском округе на Кубани в отделе здравоохранения под фамилией Чулкова. В это время он был членом коммунистической ячейки. Затем он вернулся в Чехословакию, где предъявил властям свой членский билет коммунистической партии. Он оставался в Праге до 1930 года, пытаясь основать народно-крестьянскую всероссийскую партию» [9]. (Когда сведения о том, что Горгулов имел советский паспорт в 1927 г., оказались полностью опровергнутыми, было разъяснено, что произошла «не-

◆

[8] «Правда», 29 июля 1932 г.
[9] «Правда», 10 мая 1932 г.

точность», — речь шла о польских документах, выданных террористу)[10].

В этом сообщении все являлось заведомым вымыслом, кроме последнего утверждения, что Горгулов жил в Праге. Реакционная польская печать начала писать, что Горгулов был якобы связан с видным деятелем большевистской партии, советским полпредом в Варшаве Антоновым-Овсеенко. Румынские монархисты громко утверждали, что преступник был «по поручению Советов в Румынии», а потом вполголоса, на всякий случай, сами опровергли свою провокационную выдумку. Английская газета «Дейли скетч» передавала, что убийца подвизался в Индии и Америке. «Последнее морское восстание в Чили является отчасти результатом его деятельности»[11].

Однако снова подтвердилась справедливость пословицы, что у лжи короткие ноги. В ходе следствия стали всплывать подлинные факты. Однако это происходило вовсе не благодаря, а вопреки стараниям властей, производивших следствие. Они пытались спасти официальную версию от полного крушения. Следователь Фужери, допрашивавший убийцу, оказался... домовладельцем, сдававшим помещение для эмигрантских террористических организаций[12]. Понятно, что этот судебный чиновник проявлял исключительное отсутствие любознательности, когда дело заходило о белогвардейских связях Горгулова и его высоких покровителях.

Более того, были вытащены на свет лжесвидетели, показавшие, что обвиняемый лишь присвоил имя Горгулова, якобы убитого еще во время гражданской войны. Один из этих «свидетелей» Астахов уверял, что «13 марта 1918 г. в девять часов вечера с помощью электрического фонаря» он видел труп Горгулова, а что убийца, как ему доподлинно известно, «чекист Золотарев»[13]. У Золотарева, правда, по разъяснению Астахова, были шрамы на руке, а у Горгулова их не было. Вдобавок, к смущению провокаторов, был обнаружен во Франции подлинный брат мнимого «чекиста» Золотарева. Рухнула одна ложь — появилась другая. Царский полковник Слипатов самозаб-

◆

[10] «Правда», 15 мая 1932 г.
[11] «Правда», 11, 20, 28 мая 1932 г.
[12] H. Franklin-Marquet, Ceux qui ont tué Doumer. La vérité sur l'affaire Gorgoulow, p. 86.
[13] Ibid., p. 90.

венно врал, что Горгулов работал в 1921 году в Тифлисе, в 1924 году носил фамилию Чулаки. Уже на самом суде еще один лжесвидетель Лазарев уверял, что Горгулов — это чекист «Монгол», который его допрашивал в 1920 году. Все эти вымыслы разоблачили в письме в «Правду» жители станции Лабинской (место рождения Горгулова), хорошо знавшие этого белогвардейского изувера и убийцу. Преступника признала по фотографии жившая в Лабинской мать Горгулова [14].

Все лживые вымыслы о Горгулове — «красном агенте» рассыпались, как карточный домик. К тому же выборы во Франции закончились внушительной победой левых партий. Тардье ушел в отставку, а новый кабинет не считал нужным продолжать провокационную игру своего предшественника.

Однако реакция не дремала. Она теперь старалась спрятать концы в воду, объявить Горгулова одиночкой, скрыть свое соучастие в преступлении. Это было тем более необходимо правым, что становились известными факты, говорившие о том, что парижская полиция, возможно, вообще не хотела предотвратить убийство президента. Жена писателя Клода Фарера (между прочим активно поддерживавшего эмигрантов) еще до прибытия Думера обратила внимание полицейского комиссара Гишара на подозрительного человека, явившегося за час до приезда президента. Это был Горгулов, который, между прочим, за день до открытия выставки тщательно изучил все помещение. Однако Гишар не принял никаких мер предосторожности [15]. В гневной статье «Я обвиняю» Анри Барбюс писал: «Я в особенности обвиняю правительство Тардье в том, что оно ответственно за убийство, совершенное белогвардейцем Горгуловым, находившимся в связи с парижской полицией» [16]. Именно подлинную политическую подоплеку убийства и пытался скрыть суд, где делались попытки доказать, что Горгулов действовал без сообщников.

Приговоренный к смерти убийца до самой последней

◆

[14] «Правда», 22, 23, 27, 28 мая 1932 г.

[15] «Правда», 13 мая 1932 г. Французские политики в эти дни с недоумением жаловались «на плохую охрану полицией Елисейского дворца» (Э. Эррио, Между двумя войнами, 1914—1936, М., 1958, стр. 356—357).

[16] «L'Humanite», 12 июля 1932 г. Цит. по «Правда», 20 июля 1932 г.

минуты кричал, что стремился спасти Европу от большевизма. Это был маньяк, но чем отличались от него многие столпы контрреволюционной эмиграции, которую поощряли влиятельные круги капиталистических стран, делавшие ставку на новую интервенцию?

А то, что этим планам не суждено было реализоваться, зависело вовсе не от империалистической реакции, а от быстрого роста мощи Советского Союза, от контрударов искусной советской дипломатии, последовательно боровшейся за мир. Немалая заслуга принадлежит здесь также советской и зарубежной коммунистической печати, неустанно разоблачавшей козни организаторов новой антисоветской интервенции.

...Однажды два ничем внешне не примечательных человека, в которых опытный взгляд мог различить парижских репортеров, свернули с богатых Елисейских полей на узкую улицу Колизей, остановились у дома №29 и, поднявшись на второй этаж, позвонили. Дверь слегка приоткрылась.

— Не могли бы мы видеть его превосходительство русского генерала Миллера? — спросил с чуть заметным волнением один из пришедших.

Последовал вежливый ответ на хорошем французском языке:

— Его превосходительство генерал Миллер выехал из Парижа на пятнадцать дней.

Посмотрев на захлопнувшуюся дверь, журналисты спустились было вниз, но потом снова решительно поднялись по лестнице на второй этаж.

Снова звонок в дверь и разговор с секретарем.

— Кто заменяет генерала Миллера в его отсутствие?

— Генерал Шатилов. По какому делу господа желают видеть генерала? Интервью для нескольких газет? Генерал Шатилов сейчас занят, придется немного подождать.

Обоих журналистов проводят в приемную, где несколько седеющих мужчин с заметной военной выправкой разбирают какие-то бумаги. На столах лежат последние номера советских газет, среди них «Красная Звезда», «Вестник воздушного флота». И вот, наконец, журналисты в служебном кабинете начальника первого отдела «Российского общевоинского союза» П. Н. Шатилова, едва ли не самого главного лица в этом штабе белогвардейщины, может быть, даже более влиятельного, чем бесцветный Миллер.

Журналисты спрашивают, правда ли, что союз является эмигрантской монархической армией, расквартированной в разных странах и объединенной общим штабом и руководством? После случая с Горгуловым и других скандальных разоблачений приходится быть осторожным. Генерал с нагловатой иронической улыбкой замечает:

— Не знаю, нуждаются ли даже подобные слухи в опровержении. Это чепуха, распространяемая большевиками через «Юманите».

Мог ли генерал догадаться, что его ложь, рассчитанная на полную неосведомленность французских журналистов, появится в печати вместе с воспроизведением документов, исходивших от «Российского общевоинского союза», где он черным по белому именовался «императорской армией». А пока что генерал вежливо позирует перед объективом фотоаппарата, наведенного на него одним из корреспондентов. Пройдет немного времени и иллюстрированный этими фотографиями появится репортаж Михаила Кольцова. Это именно он со своим французским коллегой посетил штаб-квартиру военно-монархической контрреволюции. «Смертельно раненый зверь убежал далеко, — писал Кольцов. — Он забился в узкую нору и медленно здесь издыхает. Издыхает, но не издох. Он лежит здесь слабый, но еще тысячу раз более хищный и разъяренный, призывая других зверей вместе ринуться на старые поля его добычи. Если интервенции не будет, зверь так и околеет здесь, в изгнании. Но при большой стае хищников он найдет в себе силы быть самым кровожадным и свирепым...» [17].

Менее девяти месяцев отделяют выстрел Горгулова от прихода Гитлера к власти в Германии, после чего в Берлин переместится главный центр всех планов антисоветской интервенции. Эти проекты войны против Советского Союза (как было отлично известно уже тогда и как это подтверждено теперь сотнями неопровержимых документальных свидетельств) гитлеровцы связывали с установлением их господства в Европе, отторжением от Франции Эльзаса и Лотарингии и низведения ее до положения второстепенной державы — сателлита мощной германской империи.

Долгое время французские правые партии свои анти-

[17] М. Кольцов, В норе у зверя, М., 1934, стр. 22.

советские акции пытались прикрыть ссылками на «сотрудничество» Москвы с Берлином. Теперь, распростившись с такими заявлениями, они встали на путь потворства гитлеровской агрессии. Первоначально правые надеялись направить германо-фашистскую экспансию на Восток — против все того же ненавистного Советского Союза, а закончили они тем, что предали собственную страну, предпочитая Народному фронту фашистскую оккупацию, превратились в «могильщиков Франции». Интервенционисты 1931—1932 годов стали коллаборационистами 1941—1942 годов. Эта бесславная эволюция французских реакционных группировок наглядно иллюстрирует, что интервенционизм и предательство собственных национальных интересов вырастали на той же социальной почве, имели одни и те же классовые корни [18].

Когда спящий проснулся

После победы Великой Октябрьской социалистической революции национально-освободительное движение превратилось в союзника рабочего класса в борьбе против монополистической буржуазии, в один из мощных революционных потоков, подрывающих устои мирового империализма. Именно поэтому карательные экспедиции и колониальные войны, с помощью которых империалисты пытались задушить национально-освободительное движение, приобрели характерные черты реакционной интервенции. Следует добавить, что в контрреволюционных походах империалисты в союзе с внутренней реакцией с особой яростью обрушивались на революционное рабочее движение, на коммунистов как последовательных борцов против колониального гнета.

Активную интервенционистскую политику продолжали империалисты США, особенно в странах Центральной Америки. Это можно проиллюстрировать на примере Никарагуа. Еще в 1907 году отношения Зелайя, диктатора Никарагуа, с Соединенными Штатами заметно испорти-

◆

[18] Об этом переходе французских реакционеров от шовинизма к «мюнхенству» и капитулянтству см., в частности, C. A. Micaud, The French Right and the Nazi Germany. A Study of Public Opinion, N. Y., 1964.

лись, поскольку ои попытался ограничить американское хозяйиичанье в страие[1]. Вскоре против диктатора вспыхиуло восстание, инспирируемое и финансируемое США. 1 декабря государственный секретарь США П. Нокс объявил повереиному в делах Никарагуа в Вашиигтоие о разрыве дипломатических отношений. «Правительство США, — объявил Нокс,— убеждено, что революция более соответствует идеалам и воле большинства народа Никарагуа, чем правительство президента Зелайя»[2]. (Следует добавить, что американский консул сообщил о предстоящей «революции» за два дня до ее начала и что Нокс был одним из главиых владельцев акций американской гориорудной компании, иедовольной экоиомической политикой Зелайя[3]). Зелайя вынужден был бежать из страны, ие удержались у власти и его преемники.

В 1909 году мятежиики во главе с X. Эстрада и генералом Э. Чоморро заияли столицу — город Манагуа. Эстрада был избран президентом и позднее признан правительством США. Поскольку его прислужничество перед Вашиигтоном вызвало резкие протесты в Никарагуа, он разогиал парламент и провел иовые выборы. Однако оппозиция ие ослабла, тогда Эстрада был удален в отставку, а его место занял вице-президент А. Диас, в прошлом служивший клерком Американской горной корпорации в Блюмфилде. По просьбе Диаса под трафаретным предлогом защиты граждаи США и даже всех местных жителей 4 августа 1912 г. в Манагуа были доставлеиы первые части морской пехоты[4], за которыми вскоре последовали другие соединения американских войск. Никарагуа получила иа кабальных условиях американские займы; финансы и вся экономика республики подпали под коитроль США. В этих условиях Вашингтон счел возможиым 4 августа 1925 г. отозвать морскую пехоту. Это ие мешало американской дипломатии активно вмешиваться в партийную междоусобицу в Никарагуа, отстраняя неугодиых президентов и передавая власть своим каидидатам. В ноябре 1926 года президентом Никарагуа сиова стал А. Ди-

◆

[1] J. J. Cox, Nicaragua and the United States, 1909—1927, Boston, 1927, p. 707.
[2] J. J. Cox, Nicaragua and the United States, 1909—1927, p. 810. См. также «Foreign Relations», 1911, pp. 652—654.
[3] R. de Nogales, The Looting of Nicaragua, N. Y., 1928, p. 40.
[4] «Forelgn Relations», 1912, pp. 1032, 1039, 1051—1052 a. o.

ас, вскоре же признанный государственным департаментом. В самом Накарагуа против консерватора Диаса возникло новое движение, которое возглавили лидер либеральной партии Сакаса и генерал Монкада. Ответ Вашингтона не заставил себя ждать. 23 декабря 1926 г. американские войска высадились в Пуэрто-Кабасас, в устье Рио-Гранде, объявив о создании «нейтральных» зон между борющимися сторонами. Численность американской морской пехоты в Никарагуа достигла в феврале 1927 года 5 тыс. человек. Пытаясь изображать из себя «посредников», стремящихся прекратить гражданскую войну, американские интервенты по существу помогали своему ставленнику, войска которого они широко снабжали оружием. В послании президента Кулиджа конгрессу 10 января 1927 г. утверждалось, что американское правительство должно воспрепятствовать тому, чтобы под влиянием других иностранных держав (имелась в виду прежде всего Мексика) в Никарагуа воцарилась бы анархия. Кулидж объявил, что США решили принять меры для сохранения и защиты жизней, собственности и интересов своих граждан и самого американского правительства. «В этом отношении,— заявил президент,— я предлагаю следовать по пути моих предшественников»[5]. Вместе с тем в Вашингтоне объявили, что даже в случае победы либералов их правительство не будет признано США[6].

Интервенция вызвала широкую волну протестов особенно в странах Латинской Америки. Усилилась оппозиция политике вмешательства и в самих США.

Между тем к весне 1927 года гражданская война явно заканчивалась в пользу либералов, войска которых подступили к Манагуа. 17 апреля в столицу Никарагуа прибыл специальный представитель президента Кулиджа, бывший военный министр Г. Стимсон. Он предложил, чтобы обе стороны сдали оружие «на хранение» американцам, либералы были включены в правительство Диаса и в 1928 году под наблюдением США состоялись новые выборы. Сакаса выразил согласие принять все американские условия, кроме оставления на посту президента Диа-

◆

[5] «Foreign Relations», 1927, v. III, p. 298. Дебаты по поводу послания Кулиджа см. «Condition in Nicaragua and Mexico. Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. Sixty-Ninth Congress. 2nd Session, etc.», Wash., 1927, p. 10.

[6] «Foreign Relations», v. III, 1927, p. 305.

са, который стал объектом жгучей ненависти со стороны населения Никарагуа. Тогда 4 мая 1927 г. Стимсон раскрыл карты, угрожающе заявив, что США настаивают на сохранении Диаса и что американские войска получили приказ принимать оружие у тех, кто сдаст его добровольно, и насильно разоружить тех, кто отказывается выполнить его требование [7]. После этого ультиматума Стимсона генерал Монкада — беспринципный политикан, примкнувший к либералам и к народной борьбе против Диаса из личных карьеристских мотивов, 6 мая предательски капитулировал, приняв американские требования. Монкада, вся жизнь которого была сплошной цепью измены, получил по 10 долларов за винтовку и обещание поста президента республики [8]. «Гражданская война в Никарагуа явно окончена», — торжествующе телеграфировал 12 мая Стимсон в Вашингтон [9].

Сакаса и группа его сторонников эмигрировали в Коста-Рику. Выражая настроения широких масс народа, другой либеральный генерал Аугусто Сесара Сандино начал партизанскую войну против американских интервентов и Диаса. Американский посланник в Никарагуа объявил, что Сандино якобы «проповедует коммунизм» [10]. Государственный секретарь США злобно называл Сандино «бандитом». В июле 1927 года янки начали наступление против партизан. Сандино был объявлен вне закона. Против повстанцев действовала кроме пехоты и американская авиация. По данным военно-морского министерства США, за год — с 30 июня 1927 г. по 30 июня 1928 г. — морская пехота участвовала в 85 боях против бойцов Сандино [11]. На все предложения о капитуляции Сандино неизменно отвечал, что он готов прекратить военные действия только в случае отзыва морских пехотинцев из Никарагуа [12]. Героическая борьба повстанцев вызвала горячее сочувствие в Латинской Америке. Значительно расширились выступления против интервенции и в самих

◆

[7] «Foreign Relations», v. III, 1927, p. 337.
[8] Х. Кампос Понсе, Янки и Сандино, М., 1965, стр. 47.
[9] «Foreign Relations», v. III, 1927, p. 346.
[10] Ibid., p. 441.
[11] С. Гонионский, Сандино, М., 1965, стр. 64.
[12] L. Cummins, Quijote on a Burro. Sandino and the Marines. A Study in the Formulation of Foreign Policy, Mexico, 1958, pp. 66, 76.

Соединенных Штатах[13]. Во время президентских выборов в США некоторые республиканцы типа сенатора Фесса пытались открыто восхвалять «новые образцы космополитической филантропии», как они называли интервенционизм. Кандидат республиканцев Гувер, избранный президентом, одобрял политику вмешательства[14]. После прихода в Белый дом Гувер и новый государственный секретарь Стимсон по-прежнему выдвигали клеветническую версию, что США ведут борьбу против «бандитов».

В Никарагуа выборы были произведены под дулами американских винтовок. «Избран» был предатель Монкада. Новый президент занялся сколачиванием «национальной гвардии» под командой американцев и тесно связанных с ними реакционных офицеров. Вскоре «национальную гвардию» возглавил генерал Сомоса, племянник президента Монкады.

Партизаны Сандино продолжали героически сражаться вплоть до января 1933 года, когда американская морская пехота снова покинула пределы Никарагуа, а президентом был избран либеральный лидер Сакаса. Новый президент достиг соглашения с Сандино, подписанного 2 февраля 1933 г. Партизаны, которым были обещаны амнистия и наделение землей, начали сдавать оружие. Однако часть из них оставалась вооруженной, ссылаясь на то, что в стране по-прежнему действует «национальная гвардия», созданная интервентами. В январе 1934 года Сандино и два его помощника, явившиеся в президентский дворец для переговоров с Сакасой, были вероломно убиты гвардейцами Сомосы. Хотя Сакаса протестовал против этого убийства, реальная власть по существу уже находилась в руках руководства «национальной гвардии». В мае 1936 года Сомоса произвел военный переворот, после чего был «избран» президентом и установил личную диктатуру. На целые десятилетия Никарагуа попала под власть кровавого тирана типа кубинского диктатора Мачадо, доминиканского деспота Трухильо и им подобных кровавых ставленников американского монополистического капитала.

От США не отставали другие империалистические

◆

[13] L. Cummins, Quijote on a Burro. Sandino and the Marines. A Study in the Formulation of Foreign Policy, pp. 118 f., 143 f.
[14] Ibid., pp. 130, 138.

державы. Период общего кризиса капиталистической системы — это время почти непрерывных колониальных войн. Упомянем хотя бы некоторые из них — войну империалистов Антанты против национально-освободительного движения в Турции в 1919—1922 годах; подавление восстаний японскими милитаристами в Корее в 1919 году; английскими колонизаторами — в Индии (расстрел в Амритсаре в 1919 г. и др.); интервенцию против китайской революции в 1925—1927 годах; удушение национально-освободительных восстаний на Яве и Суматре в 1926 году; колониальную войну французских империалистов в Марокко в 1925 году; жестокие репрессии против народного движения в Сирии; английские карательные экспедиции в Индии и Бирме в 1930—1932 годах; японскую агрессию против Китая начиная с 1931 года; агрессию Италии против Эфиопии и Албании в 1935—1939 годах; захват японцами Филиппин, Индонезии, Бирмы и других стран в годы второй мировой войны; наконец, многочисленные колониальные войны второй половины 40—60-х годов нашего века, которые особо отчетливо носили характер контрреволюционной интервенции и о которых речь пойдет дальше.

На протяжении всего периода китайской революции 1925—1927 годов империалисты оказывали прямую военную поддержку реакционным генералам, посылая им вооружение и военных советников. В городах, где находились иностранные сеттльменты и войска, империалисты неоднократно подавляли революционые выступления масс. Так, 30 мая 1925 г. англо-американская полиция открыла огонь по жителям Шанхая. В этот крупнейший порт Китая прибыла американская морская пехота, морской флот империалистических государств блокировал китайское побережье.

В марте 1927 года началась новая, на этот раз открытая вооруженная интервенция Англии и США против китайской революции. Английские и американские военные корабли подвергли жестокой бомбардировке Нанкин, были убиты и ранены сотни мирных жителей. США и Англия готовились к посылке в Китай большой карательной армии. Крупные соединения американских сухопутных и военно-морских сил были сконцентрированы на Филиппинах. В 1925—1927 годах американские интервенты спровоцировали не менее 37 столкновений с китайскими войсками под предлогом защиты собственности и жиз-

ни граждан США [15]. По существу правящие круги США и Англии предъявили китайской национальной буржуазии ультиматум, требуя расправы с коммунистами и отказа от продолжения антифеодальной и антиимпериалистической революции. Весной 1927 года империалистам удалось обеспечить контрреволюционный поворот в политике Гоминдана, который обрушил свирепые репрессии против рабочего и крестьянского движения. По Китаю прокатилась волна жестокого антикоммунистического террора.

Крайняя непопулярность реакционной интервенции заставляла ее организаторов искать все новые ее обоснования и оправдания. Одним из обычных приемов были ссылки на договоры, ранее заключенные с контрреволюционным правительством, на национальные интересы, которым якобы угрожала революция в других странах. Интервенция объявлялась «самообороной», «полицейской акцией», «посредничеством». Столь же часто ее оправдывали ссылками на необходимость «защиты подданных». Юридический советник государственного департамента Кларк составил в 1912 году специальный меморандум о «Праве защиты своих граждан в других странах путем высадки войск». Кларк пришел к выводу, что, «по видимому, ни одна страна не посылала чаще, чем правительство США, свои вооруженные силы для временной оккупации портовых городов с целью обеспечить достаточную безопасность и защиту своим гражданам и их собственности»[16].

На заседании сенатского подкомитета по иностранным делам в феврале 1925 года Э. Х. Грюнинг заявил: «Наши морские пехотинцы захватили и удерживали в течение последних девяти лет ранее независимую республику Гаити в интересах «Нейшнл сити бэнк».

Наши морские пехотинцы захватили и удерживали в течение последних восьми лет ранее независимую республику Сан-Доминго в интересах крупных банкирских фирм...»[17].

Американский генерал Смэдли Батлер писал в 30-е го-

◆

[15] D. A. Graber, Crisis Diplomacy, p. 331.
[16] J. R. Clark, The Right to Protect Citizens in Foreign Countries by Landing Forces, Wash., 1934, p. 33.
[17] J. A. H. Hopkins, M. Alexander, Mashine-Gun Diplomacy, p. 73.

ды: «Я провел 33 года во флоте, в течение всего этого периода большую часть своего времени я был лишь высококвалифицированной рабочей силой для крупного капитала, для Уолл-стрита и банкиров. Короче говоря, я был рэкетиром для капиталистов. Я помогал расчищать в Никарагуа путь для международного банкирского дома «Браун бразерс» в 1909—1912 годах. Я помогал в Доминиканской Республике американским сахарным компаниям в 1916 году. В Китае в 1927 году я следил за тем, чтобы фирма «Стандард ойл» могла спокойно вершить свои дела» [18].

Разбою колонизаторов и интервентов объективно способствовала позиция, которую занимал в колониальном вопросе Социалистический Рабочий Интернационал, следовавший худшим традициям крайних оппортунистов довоенного II Интернационала. Марсельский конгресс Социалистического Интернационала уклонился от осуждения или тем более реальной борьбы против происходивших тогда колониальных войн и империалистических интервенций против народов Азии и Африки. Английские, французские, бельгийские социал-демократические лидеры в качестве министров и губернаторов колоний прямо руководили империалистической интервенцией против народов Китая, Индонезии, Ирака и других стран. Вместе с тем, когда Исполком Социалистического Рабочего Интернационала и реформистский Амстердамский интернационал профсоюзов решались на критику наиболее вопиющих актов империалистического разбоя, например интервенции против китайской революции [19], социалистические вожди немедленно старались использовать это для своей кампании против помощи, которую оказывал Советский Союз национально-освободительному движению [20]. Даже центристски настроенные руководители типа Отто Бауэра решительно отвергали предложение Коммунистического Интернационала о едином фронте в национально-колониальном вопросе [21]. Долго подготовлявшаяся и принятая в 1928 году на Брюссельском конгрессе Социалистического Интернационала программа рекомендовала лишь предоставление колониям права на самоопределе-

◆

[18] Д. Сельдес, Тысяча американцев, М., 1948, стр. 245.
[19] «Vorwärts», 18 Apr., 1927.
[20] «Vorwärts», 19. Febr., 1927.
[21] «Arbeiter-Zeitung», 17. Sept., 1927.

ние в отдаленном будущем, когда они «достаточно» продвинутся в своем развитии[22] (об этом же говорили и сами империалисты). Буржуазная печать реалистически оценила «поворот» реформистов к Востоку как попытку оспаривать у Коминтерна «духовное руководство в этом вопросе всемирного значения»[23].

Не мудрено, что программа и политика Социалистического Рабочего Интернационала объективно не препятствовали, а поощряли хозяйничанье колонизаторов в их владениях и империалистические интервенции против народов колониальных и зависимых стран.

Юнкерсы над Испанией

В годы вступления мировой капиталистической системы в период ее общего кризиса интервенционизм носил преимущественно антисоциалистический характер (интервенция против молодой Страны Советов, удушение рабочей революции в Финляндии, Советской республики в Венгрии и т. д.). Оружие контрреволюционной интервенции обращалось против общедемократических движений там, где они подрывали колониальную систему.

Положение изменилось в 30-е годы, особенно после установления гитлеровской диктатуры в Германии. Чудовищное порождение империализма — фашизм чрезвычайно усилил и довел до крайней степени все интервенционистские тенденции, присущие загнивающему капиталистическому строю. Гитлер публично объявил о своем отрицании права народов на ликвидацию капитализма, на социалистическую революцию, отождествляя их с мнимой советской «экспансией». Выступая на съезде нацистской партии 13 сентября 1937 г., фашистский фюрер заявил: «Мы рассматриваем любую попытку распространения большевизма в Европе как кардинальное нарушение европейского равновесия»[1].

◆

[22] «Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale», Bd. II, Abt. IX, Brüssel, II Aug. 1928, SS. 3—24.
[23] «Frankfurter Zeitung», 18. Juni, 1928.
[1] M. Merkes, Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieg, 1926—1939, Bonn, 1961, S. 25.

Каждый из многочисленных агрессивных актов фашистских держав имел характерные признаки контрреволюционной интервенции. Он приводил к установлению на захваченной территории более реакционного строя, чем тот, который существовал до агрессии, сопровождался подавлением борьбы народных масс за восстановление утраченной свободы, демократии и национальной независимости. Это была контрреволюционная интервенция, принимавшая форму геноцида, сопровождавшаяся истреблением миллионов людей в газовых камерах, попытками порабощения всего человечества. Вся отравленная мешанина различных реакционных взглядов, составлявшая фашистскую идеологию — расизм, геополитика, теории «жизненного пространства», «естественных границ» и т. д., была приспособлена для оправдания контрреволюционного насилия как над собственным, так и особенно над другими народами, для обоснования агрессивных войн и интервенции[2]. Фашизм открыто возвел интервенционизм против Советского Союза и международного коммунистического движения в число основных принципов своей внешней политики. Одним из проявлений этого был подписанный 25 ноября 1936 г. гитлеровской Германией и милитаристской Японией «антикоминтерновский пакт». 6 ноября 1937 г. к пакту присоединилась фашистская Италия. По второй статье пакта обе стороны соглашались принимать меры против тех, «кто внутри или вне страны, прямо или косвенно, действует в пользу Коммунистического Интернационала».

Однако, утверждая свое право на вмешательство в дела других стран для подавления коммунистического движения, осуществляя дипломатическую и военно-политическую подготовку к антисоветской интервенции, фашистские государства преследовали и другие цели. «Антикоминтерновский пакт» был призван, как отмечала тогда мировая печать, создать также предлог для захватнических действий фашистских агрессоров против любой облюбованной ими жертвы, служить оправданием интервенции, нацеленной против демократии и независимости всех стран и народов.

Империалистическая экспансия и контрреволюцион-

[2] А. А. Галкин, Германский фашизм, М., 1967, гл. 5.

ная интервенция были неразрывно слиты в разбойничьей политике гитлеровской Германии. При этом использование страха европейской буржуазии перед коммунизмом составляло не менее важное орудие гитлеровской агрессии и кровавого «нового порядка», чем авиация Геринга, бронированные полчища вермахта, эсэсовские дивизии и гестаповские лагеря смерти. Сопротивление правящих классов буржуазных стран фашистской агрессии было слабым, поскольку она являлась вместе с тем контрреволюционной интервенцией. Фашистская дипломатия использовала до конца политику «умиротворения» агрессора, проводившуюся правящими кругами США, Англии и Франции, прямое предательство национальных интересов реакционными буржуазно-помещичьими кликами многих европейских государств. На том же основывались подрывные действия фашистской агентуры, гитлеровский тотальный шпионаж. С особой отчетливостью это проявилось в Испании, ставшей жертвой вооруженной интервенции германского и итальянского фашизма.

Подготовка к фашистскому мятежу в Испании являлась одновременно и приготовлениями германо-итальянской интервенции. Еще в 1934 году Муссолини лично обещал делегатам испанских монархистов 20 тыс. винтовок и 200 пулеметов. Оружие из Германии поступало к наиболее реакционному крылу монархистов — карлистам весной 1936 года. Генерал Санхурхо — первоначально намечавшийся главой мятежников — жил в Португалии и при полном содействии португальских властей переправлял оружие на испанскую территорию. Санхурхо погиб в начале мятежа в авиационной катастрофе. В его бумагах нашли проект договора между Испанией, Германией и Италией, который должен был быть подписан после победы мятежников [3]. Место Санхурхо как руководителя мятежников занял Франко.

Мятежники с самого начала рассчитывали не только на помощь фашистских держав, но и на неофициальное содействие влиятельных кругов Англии и США. Во время последних приготовлений к мятежу американский полковник, являвшийся главой «Телефон компани», предоставил частные линии этой компании в распоряжение

◆

[3] Ж. Табуи, Двадцать лет дипломатической борьбы, М., 1960, стр. 348.

мадридских заговорщиков для переговоров с генералами Франко и Мола. Когда начался мятеж в городе Алхесирасе, глава восставших реакционеров генерал Кинделан обратился к военным властям расположенной неподалеку английской крепости Гибралтар с просьбой предоставить ему корабли. Британское командование охотно взяло на себя заботу нанять для мятежников не прошедшие портовую регистрацию суда в португальских гаванях. Неменьшее значение имела и другая любезность английских властей, разрешивших Кинделану использовать телеграфные линии Гибралтара для секретных переговоров с мятежниками в испанском Марокко, а позднее — с Римом и Берлином. (Этот характерный факт сохранялся в строгой тайне и всплыл наружу лишь в 1960 году во время одного интервью, данного Кинделаном [4].)

Когда по сигналу радиостанции в Сеуте (Испанское Марокко) 18 июля 1936 г. реакционеры подняли мятеж по всей Испании, они предполагали одержать быструю победу. На их стороне находилось более четырех пятых всей армии, большое число лиц, занимавших важные государственные посты. Большие надежды возлагали они на фактор внезапности. Этот расчет не оправдался. По всей Испании развернулись жестокие бои восставшей армии и отрядов фашистов против народа, который поднялся на защиту республики. Главные города и большая часть территории страны благодаря героизму масс остались в руках республиканцев. Матросы военного флота сорвали план офицеров передать корабли мятежникам. Флот сохранил верность республике и установил блокаду Испанского Марокко, откуда на помощь мятежникам должны были прибыть отборные дивизии. Без этих войск фашисты должны были потерпеть полное поражение.

27 июля по приказу Гитлера, действовавшего по совету начальника абвера (разведки) адмирала Канариса [5], в Марокко стали прибывать германские тяжелые бомбардировщики «Юнкерсы» и транспортные самолеты, начавшие перевозку марокканских войск и Иностранного легиона на юг Испании. Было переброшено 15 тыс. сол-

◆

[4] G. Jackson, The Spanish Republic and the Civil War, 1931—1939, Princeton, 1965, p. 248.

[5] И. Колвин, Двойная игра, М., 1960, стр. 76—85.

дат во главе с Франко[6]. Вскоре к немецким присоединились итальянские самолеты. Авиация интервентов начала бомбардировку кораблей испанского флота.

Испанские фашисты получали всестороннюю помощь от Португалии, которая, кроме того, превратилась в транзитный пункт для переправки германских и итальянских военных материалов, а также специалистов на территорию, занятую мятежниками. Несомненно, что лиссабонский диктатор Салазар, при всех его симпатиях к мятежникам, никогда бы не пошел на столь откровенное вмешательство в гражданскую войну в Испании, не будучи твердо уверенным, что его действия не вызовут недовольства Англии, от которой Португалия по-прежнему сильно зависела в экономическом и политическом отношении.

30 июля 1936 г. во французских колониях Алжире и Марокко совершили вынужденную посадку итальянские военные самолеты «Савойя-Маркетти», принимавшие участие в боях в Испании. Доказательство фашистской интервенции было налицо — если вообще еще нужны были такие доказательства.

Англии и Франции в этот период не требовалось особых усилий, чтобы пресечь вторжение фашистских держав в Испанию: ни Германия, ни Италия еще не были готовы к большой войне. Они отступили бы при первом же серьезном шаге против интервенции, исходившем из Лондона и Парижа, которые, вдобавок, господствуя на море, фактически могли контролировать германские и итальянские коммуникации с Испанией. (Опасение, что Англия и Франция решатся на такой шаг, побуждало даже часть гитлеровских главарей выступать против расширения масштабов германского вмешательства.)

Предпринимая интервенцию в Испании, Гитлер и Муссолини помимо контрреволюционного вмешательства во внутренние дела Испании, насаждения там фашистского режима преследовали и другие цели. Фашистские диктаторы стремились превратить Испанию в своего вассала, прибрать к рукам ее сырьевые ресурсы, превратить испанскую территорию в плацдарм для захвата Гибралтара, удара с тыла против Франции и нарушения комму-

◆

[6] M. Einhorn, Die ökonomischen Hintergründe der faschistischen deutschen Intervention in Spanien, 1936—1939, B., 1962, SS. 90—91.

никаций западных держав с их колониями в будущей мировой войне.

Однако английское консервативное правительство Болдуина с самого начала не только отказалось от всяких попыток помешать действиям фашистских держав, но и побудило французское правительство Блюма, состоявшее из социалистов и радикал-социалистов, также занять позицию бездействия. Это очень устраивало интервентов. Поставки небольшого количества французских самолетов республиканцам в конце июля были прекращены в начале августа 1936 года. Взамен Франция — по соглашению с Англией — предложила внешне благовидную политику невмешательства в гражданскую войну, запрещавшую всякий ввоз на испанскую территорию иностранного оружия и военных материалов. Это соглашение одобрили 26 европейских государств. Советский Союз, присоединившийся к нему, с первых же дней требовал строгого соблюдения соглашения. Напротив, фашистские державы, давая обязательство о невмешательстве, рассматривали его лишь как дымовую завесу для расширения интервенции. Подписанием соглашения Берлин и Рим стремились прежде всего не допустить, чтобы во Франции одержали верх сторонники активной поддержки республиканской Испании. Правительство США наложило эмбарго на вывоз оружия в Испанию, целиком выгодное мятежникам. Для оправдания этого шага в Вашингтоне ссылались на закон о нейтралитете, хотя он не предусматривал запрещение продажи оружия законному правительству в случае гражданской войны. Вместе с тем крупнейшие американские монополии — «Стандард ойл» и др. щедро снабжали мятежников в кредит нефтью, в которой те остро нуждались, поскольку не могли получить ее от Германии или Италии [7].

Комитет в Лондоне, созданный для контроля за соблюдением соглашения о невмешательстве, стал удобной ширмой для интервентов.

7 октября Советское правительство потребовало, чтобы Комитет по невмешательству послал наблюдателей в португальские порты, через которые проходило снабжение мятежников. Председатель Комитета лорд Плимут в

◆

[7] Е. П. Прицкер, Подвиг Испанской республики, 1936—1939, М., 1962, стр. 116.

ответ объявил, что не имеется доказательств участия Португалии в интервенции. Правительство Салазара также ответило голословными отрицаниями и вымыслами, будто Советский Союз подготовил «коммунистическую революцию» в Испании. 23 октября Советское правительство объявило, что оно не может считать себя далее связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из других участников этого соглашения [8].

В ноябре 1936 года фашистское наступление на Мадрид потерпело неудачу, натолкнувшись на героическое сопротивление народных масс столицы, которое возглавили коммунисты [9]. Большую пòмощь оказали защитникам Мадрида группы советских летчиков и танкистов. Чтобы сломить сопротивление республиканцев, Гитлер и Муссолини приняли решение усилить интервенцию. Фашистские державы 18 ноября 1936 г. официально признали правительство Франко и приняли решение направить в Испанию крупные силы регулярных итальянских и германских войск. Хотя Франко занимал уже около половины испанской территории, он, вследствие враждебности народа к фашистам, не мог в нужных ему размерах пополнять ряды армии мятежников.

Чтобы оправдать свои действия, фашистские страны распространяли версию, будто их интервенция — ответ на «вмешательство красных». Это была заведомая ложь, полностью опровергавшаяся общеизвестными фактами [10].

Лондон и Париж продолжали разыгрывать комедию невмешательства. Это, впрочем, не помешало Болдуину 2 января 1937 г. заключить с Муссолини «джентльменское соглашение», предоставлявшее Италии, вопреки прежним договорам, право иметь равный с Англией флот в Средиземном море. В отношении Испании итальянскому фашизму фактически предоставлялась полная свобода действий — Муссолини лишь обещал не сохранять свои войска в Испании после победы Франко и не нарушать целостности испанской территории. Франция стремилась достичь аналогичного соглашения с Гитлером.

◆

[8] «Известия», 24 октября 1936 г.

[9] К. Л. Майданик, Испанский пролетариат в национально-революционной войне 1936—1937 годов, М., 1960, стр. 186—191.

[10] Л. Лонго (Галло), Интернациональные бригады в Испании, М., 1960, стр. 262—263.

Лондон и Париж воспрепятствовали и тому, чтобы Лига наций осудила фашистских интервентов.

После того как Германия и Италия перебросили в Испанию значительные воинские контингенты (около 50 тыс. человек), достаточные, по их мнению, для обеспечения победы франкистов, фашистские державы объявили о своем согласии запретить посылку добровольцев. Это согласие было использовано английским и французским правительствами как предлог для продолжения преступной политики «невмешательства во вмешательство». Интервенты и мятежники захватили Малагу, учинив кровавую бойню над населением города, и начали новое наступление на Мадрид. Однако оно закончилось крупным поражением итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой. Для спасения своего пошатнувшегося престижа Муссолини направил спешно новые дивизии в Испанию.

Комитет по невмешательству продолжал свою работу по прикрытию фашистской интервенции. Введенный с 20 апреля 1937 г. «контроль» предусматривал, что на всех судах, направлявшихся в Испанию, должны были находиться наблюдатели Комитета. Осуществление этого контроля в Средиземном море было поручено военному флоту Германии и Италии, которые, кроме того, могли по-прежнему беспрепятственно перебрасывать свои войска в Испанию на самолетах. В новом наступлении фашистов на Басконию участвовало уже 100 тыс. итальянских солдат. Германские и итальянские самолеты непрерывно бомбардировали города и селения басков. 26 апреля 1937 г. авиация Геринга целиком разрушила город Гернику, убив более двух тысяч жителей. Гибель Герники стала символом фашистского варварства и вместе с тем приговором преступной политики невмешательства.

20 мая 1937 г. два республиканских самолета совершали разведывательный полет над Балеарскими островами, занятыми фашистами и интервентами. По ним был открыт огонь с военного судна, которым оказался германский линкор «Дейчланд». Отвечая на обстрел, летчики сбросили бомбы, попавшие в фашистский корабль. Объявив, что германский флот якобы подвергся нападению, когда он выполнял функции контроля над соглашением о невмешательстве (это была откровенная и тогда же разоблаченная ложь), Гитлер приказал бомбардировать с моря мирный город Альмерию. Сотни детей и женщин по-

гибли под развалинами домов. Это не помешало, впрочем, французскому послу в Берлине Франсуа Понсе заявить, что бомбардировка Альмерии «носила крайне умеренный характер»[11].

Германия и Италия объявили 31 мая 1937 г., в день обстрела Альмерии, о выходе из Комитета по невмешательству. Чтобы их вернуть туда, английские и французские умиротворители фашистских интервентов обещали, что испанское правительство будет лишено права самообороны против действий германских и итальянских кораблей. 12 июня Германия и Италия вернулись в Комитет, но уже 21 июня снова покинули его, сославшись на то, что якобы германский крейсер «Лейпциг» был атакован какой-то «красной» подводной лодкой. Португалия потребовала отзыва наблюдателей Комитета, хотя они состояли из английских дипломатов, очевидно больше всего стремившихся не замечать ничего, что противоречило бы курсу лондонского кабинета.

Несмотря на явный крах политики невмешательства, новый британский премьер-министр Невиль Чемберлен решил продолжать разыгрывать этот трагический фарс в расчете на скорую победу Франко (фашистские войска в июне — августе 1937 г. заняли всю Басконию). Отдельные жесты Лондона и Парижа, имевшие целью убедить общественность, что они настаивают на подлинном проведении принципа невмешательства, нисколько не вводили в заблуждение фашистских диктаторов. 4 июля 1937 г. Риббентроп, занимавший пост германского посла в Лондоне, писал: «Не следует ожидать никаких серьезных осложнений общей европейской ситуации из-за нынешней напряженности в политике невмешательства... Мы можем полагаться на это как на совершенно безусловный фактор и принимать без всяких помех наши будущие решения»[12]. Гитлеровские дипломаты с самого начала заседаний Комитета по невмешательству отлично сообразили, что он нужен английскому и французскому правительствам только для того, чтобы отвечать на критику левых кругов, а не как орудие действительного пресечения фашистской интервенции. Интересно, что среди «умиротво-

[11] Д. П. Прицкер, Подвиг Испанской республики, стр. 275.
[12] K. W. Watkins, The Effect of the Spanish Civil War on British Political Opinion, L., 1963, p. 82.

рителей» в Англии имелись даже защитники версии об «обороннтельном» характере действнй фашнстских агрессоров н ннтервентов. Днпломатия Гнтлера, Муссолнни и Франко, еслн н стремнлась отчастн скрыть размеры фашнстской ннтервенции, то не для того, чтобы ослабнть «сопротивленне» правнтельства Чемберлена н его французскнх еднномышленнников, а лншь с целью ослабнть растущую протнв них оппозицию н помочь нм удержаться у властн.

Германня н Италия ставнли условием своего возвращення в Комнтет по невмешательству предоставление Франко права воюющей стороны. Правнтельство Чемберлена было готово пойтн на удовлетворенне этого очередного требовання ннтервентов, а чтобы ослабнть возмущенне общественного мнения, сознательно распускало заведомо ложные слухн, будто Франко готов отказаться от услуг германских н итальянских «добровольцев». В действнтельностн наделение Франко правами воюющей стороны было равносильно наделению нмн ннтервентов, в частностн, правом установлення морской блокады республнканской террнторнн. Прннятие подобного предложения прнвело бы к полной нзоляцнн Испанской республнкн от любых внешннх источннков снабження, тогда как Франко беспрепятственно получал бы оружне н боеприпасы от фашнстских держав. Советское правительство отвергло германо-нтальянское требованне, поддержанное Лондоном н Парнжем, как полностью противоречащее международному праву.

Не добнвшнсь своего в Комнтете по невмешательству, Германня н Италня пыталнсь явочным порядком установнть блокаду Испанской республнкн. Фашистскне пнраты захватывалн нлн торпедировалн суда. Хотя вследствие решнтельной познцнн Советского Союза удалось добнться международного соглашення о борьбе с пнратством, нападення фашнстов на нспанскне н нейтральные суда не прекращалнсь прн молчалнвом попустнтельстве Англии н Францнн. Снабженне республнканской Испаннн стало крайне сложным делом, а фашнстская ннтервенцня в конце 1937 — первой половнне 1939 года прнобретала все более крупные масштабы. Это сопровождалось одновременным уснлением полнтнкн умнротворення. Англнйское н французское правнтельства смнрнлнсь с захватом Гнтлером в феврале 1938 года Австрнн. 16 апреля было подписано в Рнме англо-нтальянское соглашение, официаль-

но подтверждавшее признание Лондоном захвата Италией Эфиопии и содержавшее ряд других уступок дуче. В обмен Италия выражала согласие на «пропорциональный» вывод добровольцев (на стороне республики сражалось во много раз меньше волонтеров, чем германо-итальянских войск на стороне Франко) и их эвакуацию после окончания войны.

А пока что в те же дни, когда было заключено это соглашение, итальянские войска, опиравшиеся на огромное превосходство своей авиации, прорвались к побережью Средиземного моря, разрезав республиканскую территорию на две части — северную (Каталонию) и центрально-южную, включавшую Мадрид, который продолжал сражаться против врагов. Положение Испанской республики стало исключительно тяжелым. Тем не менее героизм и самоотверженность республиканских войск, в первых рядах которых сражались полки и дивизии, руководимые коммунистами, позволяли им сдерживать атаки фашистов и временами предпринимать успешные контрнаступления (борьба за Теруэль в декабре 1937 — феврале 1938 г., сражение на реке Эбро в июле — ноябре 1938 г.). В Испанской республике проводились широкие социальные преобразования, включая наделение крестьян помещичьими землями, национализацию крупных предприятий, установление рабочего контроля на фабриках и заводах. В огромной степени вырос авторитет коммунистической партии, игравшей ведущую роль в борьбе с фашизмом. Была создана новая народная армия, закалившаяся в ожесточенных сражениях гражданской войны.

Внутреннее укрепление Испанской республики, превращение ее в народную республику без крупных капиталистов и помещиков вызвали ярость мировой реакции. Во второй половине 1938 года политика поощрения фашистской агрессии, проводившаяся Англией, Францией и США, достигла кульминации. В результате мюнхенского сговора английский кабинет Чемберлена и французское правительство Даладье выдали Гитлеру Чехословакию. Эта «мюнхенская» политика одобрялась и поощрялась правящими кругами США. В течение всей второй половины 1938 года Чемберлен и Даладье продолжали возню вокруг плана вывода добровольцев. Франко «соглашался» на отъезд добровольцев в случае признания за ним права воюющей стороны, но отвергал установление сколь-

ко-нибудь реального контроля над этой эвакуацией. Кроме того, фашистский «каудильо» по-прежнему настаивал, чтобы Испанию покидали равные по численности контингенты. На стороне республики насчитывалось в это время 12 тыс. волонтеров, тогда как численность германских и итальянских войск в Испании превышала эту цифру в 15 или 20 раз.

Осенью республика в одностороннем порядке приняла решение об отзыве добровольцев. Испанскую землю покинули солдаты интернациональных бригад, советские летчики и танкисты, самоотверженно сражавшиеся с фашизмом. Республика рассчитывала, что правящие круги Англии, Франции и США в условиях, когда на стороне Франко продолжала участвовать в войне большая армия интервентов, разрешат испанскому правительству закупить за границей жизненно необходимое оружие. Однако «мюнхенцы» в ответ решили еще туже затянуть петлю блокады, усилив особенно контроль на франко-испанской границе — на единственном пути, по которому теперь могло проникать вооружение к республиканцам. В Испанию не была пропущена большая партия советских самолетов, танков и артиллерийских орудий, которая позволила бы республиканским войскам изменить обстановку на Каталонском фронте[13]. Республике отказывали даже в праве закупить противогазы. Более того, усиливая блокаду, правящие круги Англии и Франции рассчитывали активизировать пораженчески настроенные элементы среди руководителей буржуазно-либеральных партий, социалистов и анархистов, запугивая их «коммунистической угрозой». Английские и французские «мюнхенцы» использовали внутренние слабости антифашистского лагеря, отсутствие полного единства в республиканской армии, на многие командные посты которой были назначены в результате настояний правых социалистов и анархистов весьма сомнительные лица, нередко заведомые капитулянты.

В конце 1938 года наступил новый этап в англо-французском «невмешательстве» — этап активного соучастия в удушении Испанской республики. Доставлять советское оружие республиканцам в это время уже можно было только через Францию. Этим не замедлили воспользо-

◆

[13] Х. Гарсия, Испания XX века, М., 1967, стр. 262 и сл.

ваться «мюнхенцы»[14]. Франкистские войска благодаря притоку германо-итальянского вооружения приобрели огромное превосходство в технике. У них уже было в 15—20 раз больше самолетов, в 20—30 раз — артиллерийских орудий, в 30 раз — танков[15]. (Недаром Гитлер позднее говорил итальянскому министру иностранных дел Чиано: «Без помощи от обеих держав теперь не было бы никакого Франко»[16].) В то же время во Франции находились предназначенные для Испанской республики и уже оплаченные ею 600 самолетов, 500 артиллерийских орудий, 10 тыс. пулеметов, которые могли изменить ход войны. Министр иностранных дел Альварес дель Вайо просил Францию пропустить в Испанию хотя бы часть вооружения, закупленного в Советском Союзе и в других странах, хотя бы 150 тыс. винтовок и 3 тыс. пулеметов. Эта просьба была направлена в Париж уже в начале января 1939 года, когда вооруженные до зубов франкистские войска начали наступление на Каталонию, а находившаяся там республиканская армия имела всего 37 тыс. винтовок на 220 тыс. солдат. Однако «мюнхенцы» в Париже отвергли просьбу испанского республиканского правительства даже в эти трагические дни, когда войска интервентов и франкистов продвигались к французской границе. 26 января 1939 г. дивизии итальянских интервентов и войска Франко заняли Барселону. К границе потянулись бесконечные колонны беженцев, спасавшихся от террора. Их, так же как и солдат республиканской армии, ожидали на французской территории концлагеря или выдача на суд и расправу франкистам.

Наступление франкистов еще более активизировало деятельность английских и французских организаторов «невмешательства». После позорного мюнхенского сговора с Гитлером правительства Чемберлена и Даладье приступили к подготовке «испанского Мюнхена». Одновременно Англия заключила сделку с Муссолини. Франция поспешила также повести тайные переговоры с итальянским диктатором. Вместе с тем правительство Чемберлена помогло франкистам овладеть важной и хорошо

◆

[14] «Испанский народ в борьбе против фашизма (1936—1939 гг.)», под ред. И. М. Майского и др., М., 1960, стр. 37.
[15] Alvarez del Vayo, Freedom's Battle, N. Y., 1940, p. 277.
[16] M. Merkes, Die deutsche Politik gegenüber dem spanischen Bürgerkrieg, 1936—1939, S. 170.

укреплеииой воеиио-морской базой иа острове Менорка. 8 февраля 1939 г. около Маона (столицы острова) бросил якорь английский крейсер «Девоишир», иа борту которого находился франкистский эмиссар граф де Сан Луис. Капитан «Девоишира» пригласил на борт крейсера для переговоров коменданта Менорки адмирала Убиету, примиреические иастроеиия которого не были секретом для аиглийской разведки. Сан Луис и аиглийский дипломат Коуэи потребовали немедлениой капитуляции острова. На следующий деиь, 9 января, «для убедительности» остров подвергся нескольким ожесточенным иалетам фраикистской авиации. В кампаиию запугивания и угроз активио включился и командир «Девоншира». Убиета не выдержал давления и отдал приказ прекратить сопротивлеиие. После этого, завершая предательство, капитаи крейсера отказался эвакуировать, и тем самым спасти тысячи республиканцев, обрекая их на муки и гибель от рук франкистских палачей. На борт «Девоншира» были взяты лишь лица, указаииые в списке, который составил Убиета. По свидетельству Чемберлена, английские действия получили полиую поддержку правительства Даладье[17].

В те же дии завершалась подготовка к признанию фраикистского режима Лондоиом и Парижем. Целесообразиость этого призиания обосиовывалась ссылками иа то, что таким образом можио будет помешать превращению Франко в вассала фашистских держав-иитервентов. Более того, Чемберлеи издевательски разъясиял, что обязательства, которые приняла Великобритаиия, проводя политику невмешательства, сводились к отказу от признания фраикистов воюющей стороиой, а не от признания их закоииым правительством! 27 февраля 1939 г. Англия и Фраиция призиали правительство Фраико...

Возможности сопротивлеиия республиканцев были далеко не исчерпаны. Под властью правительства республики оставалась территория с иаселением более чем в 9 млн. человек, крупиые города и порты, включая Мадрид, Валеисию и Картахену. Армия превышала 700 тыс. человек, воеиио-морской флот был большим, чем у франкистов, новые военные заводы как раз в это время начали производить самолеты, таики, тяжелые артиллерийские

[17] Д. П. Прицкер, Подвиг Испанской республики, стр. 338—340.

орудия. Во многих странах нарастала оппозиция против фашистской агрессии и потворства ей со стороны мюнхенцев — это могло привести к существенному изменению международной обстановки в пользу Испанской республики. Именно поэтому организаторы политики «невмешательства» поспешили встать на путь прямого вмешательства в испанские дела, открытого удушения республики. Главная роль была здесь отведена британской дипломатии и разведке.

Англо-французские умиротворители добились того, что на другой день после признания ими Франко президент Испанской республики либерал Асанья, находившийся во Франции, объявил о своей отставке. Это должно было лишить республиканский кабинет Негрина, переехавший после падения Каталонии в центральную зону, его статуса законного правительства. В тот же самый день, 28 февраля, Чемберлен заявил в парламенте, что кабинет Негрина более нельзя считать испанским правительством.

2 марта капитулянты, к которым примкнули тайные агенты Франко, подняли мятеж в Картахене, где стоял республиканский флот. Мятеж был быстро подавлен правительственными войсками. Однако еще до этого изменник адмирал Буиса, командовавший флотом республики, объявил матросам, что город в руках фашистов и что корабли следует немедленно увести во французский порт Бизерту. Обманутые матросы выполнили приказ. Когда радио Картахены передало сообщение о подавлении мятежа и призыв к флоту вернуться в гавань, предатель адмирал попросту скрыл полученные известия от моряков. Корабли ушли в Бизерту, откуда через некоторое время французские власти их услужливо передали Франко.

...5 марта героический Мадрид, в течение двух с половиной лет отбивавший атаки мятежников и интервентов, выглядел как обычно. Правда, внимательный наблюдатель вечером мог заметить происходившее передвижение воинских частей. Вероятно, шла какая-то перегруппировка войск для укрепления обороны столицы, уже привыкшей к положению фронтового города. Лишь немногие посвященные знали, зачем была спешно снята с фронта и переброшена в Мадрид семидесятая бригада, состоявшая из анархистов и входившая в состав IV корпуса подполковника Сиприано Мера.

В полночь мадридская радиостанция неожиданно пре-

кратила передачу последиих известнй. Здаине радиостанцнн было заиято анархнстскнми частямн, перед микрофоном выступил командующий армней центра Сехисмундо Касадо. Говорнлн, что полковннк Касадо очутился в антнфашистском стане только потому, что к началу франкистского мятежа оказался на террнторнн, где сохраннлась власть правнтельства республнкн. Ловкнй интрнган, он устаиовил тесные связи с главарямн аиархнстов. Это было известно и способствовало прежде всего его военной карьере. Менее нзвестиы былн его такне же тесные, и до снх пор не выясненные до конца, контакты с лондоискимн н парижскими умиротворителямн фашистскнх агрессоров. Недаром Чемберлен еще 28 февраля заявил в парламенте, что в военных н правительственных кругах республиканской Испанин нмеются сторонннкн прекращения воеииых действнй. В свою очередь, Касадо, обратнвшись с речью к населеиию цеитральной зоны, сослался на заявлеине Чемберлена. В печати приводнлнсь сведеиия, что Касадо действовал по прямому подстрекательству со стороны аиглийского консула в Мадрнде[18]. Еще за иеделю до переворота, 27 февраля, парижская газета «Пти парнзьен» сообщнла, что в Мадриде будет образовано иовое правительство, включающее правого соцналнста Хулнана Бестейро — ярого антнкоммуннста н пораженца. И действительио, в своей речн Касадо объявил о сформнровании Национальной хунты обороны — «времениого правнтельства республнкн», где военным миннстром (советииком) стал он сам, а Бестейро — мннистром ниостранных дел. Номииальным презндентом хунты был назначеи геиерал Миаха, популяриый в народе за его участие в обороие Мадрнда в 1936 году, но затем не принимавший участня в войне.

Правительство Негрина ие воспользовалось тем, что к мятежу примкнуло лншь сравнительно иезиачнтельиое чнсло воиских соедниенний, что пораженческие иастроеиня части офицеров нз числа аиархнстов н правых социалнстов ие разделялись солдатской массой. 6 марта Негрни покииул страну, эмигрировав во Фраицню. Мадрндская хуита, завершнв предательство, сняла с фроита ряд частей, которымн командовали аиархнсты. После шестидневиых ожесточениых боев войска хунты подавнли со-

◆

[18] Д. П. Прицкер, Подвиг Испанской республики, стр. 418.

протнвление коммунистов, героическн боровшнхся против военного переворота. Вскоре иаступила развязка. Предательская хунта до последией минуты уверяла иаселенне, что оиа ие прекратит борьбы с фашистами. Бестейро по мадрндскому радио обещал добиться почетного мнра[19]. На деле же предатели подготовили капитуляцию, оголив Мадридский фронт, и 28 марта официальио объявили о сдаче столицы фашнстам. К 29 марта фраикнстские войска без сопротивлеиия оккупнровали всю территорню, находившуюся под властью республики. Франкистская сводка торжествующе объявила: «Войиа закончилась!». В этот же деиь франкистское правительство было прнзиаио США. Испаиия лежала в развалинах. Страна потеряла миллиои человек убнтыми. Десятки тысяч республиканцев просили взять их иа аиглийскне и французские кораблн, стоявшие в испаиских гаванях, чтобы спастнсь от фашистской расправы. Умиротворнтели предпочлн вывезтн из Испаиии только свою агеитуру — руководителей предательской хуиты.

После 32 месяцев борьбы Испаиская республика пала вследствие огромного перевеса объедниившихся протнв иее снл международной реакции, в результате прямой интервеицин двух фашистских держав — Германин н Италии и содействия этой интервеиции со стороиы Англин, Фраиции и США. Все «великие» империалнстнческне державы в той нлн иной форме участвовалн в «крестовом походе» против испанской демократин. Им удалось навязать Испаиии фашнстскую диктатуру вопрекн воле н желаииям огромиого большинства нспаиского иарода. Однако героическая иацноиальиая испаиская эпопея сопротивлеиия фашистским мятежникам и германо-нтальяиским войскам показала, какие снлы таятся в народной борьбе против империалистической иитервеицни.

Политика «невмешательства», проводившаяся Англией и Фраицней,— это особая страиица в длииной истории коитрреволюциоииых ннтервеиций. Прежде всего, коиечио, «иевмешательство», представлявшее собой часть политики умнротворения агрессоров, было лишь орудием для прикрытня германо-итальянской нитервеицин, для обеспечеиия иаибольшнх шаисов иа ее успех. Закониое

◆

[19] G. Jackson, The Spanish Republic and the Civil War, 1931—1939, p. 475.

республиканское правительство было лишено даже обычных прав воюющей стороны на закупку оружия за наличный расчет за рубежом. По существу «невмешательство» было политикой блокады республиканской Испании всеми империалистическими государствами. А в конце концов политика «невмешательства» стала завесой для прямого соучастия английских и французских империалистов в интервенции против Испанской республики. Далее заслуживает внимания, что такое нараставшее содействие германо-итальянской интервенции было по существу политикой стран с буржуазно-демократическим строем (Англия, Франция, США), направленной на ликвидацию общедемократических свобод в Испании и навязывание ей фашистского режима.

Не менее показательным было противоречие между политикой «невмешательства» и национальными интересами Франции и Англии. Более того, «невмешательство» явно укрепляло опаснейших империалистических соперников английской, французской и американской буржуазии, противоречия между которыми были настолько остры, что через два-три года привели к открытому вооруженному конфликту, к началу второй мировой войны.

Политику «невмешательства» в конечном счете питала слепая ненависть империалистов к социализму, близорукие расчеты на то, что, выдав Испанию и ряд других европейских государств фашистским захватчикам, удастся направить их агрессию против Советского Союза.

Адмирал Канарис и маршал Петэн

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, немало говорилось о «пятой колонне» — агентуре агрессоров, ставившей задачей подорвать изнутри сопротивление народов Европы и других континентов фашистским захватчикам. Много писалось о гитлеровском «тотальном шпионаже», о десятках тысяч агентов, которые занимались подрывной деятельностью и ждали лишь сигнала, чтобы в момент фашистского нападения вонзить кинжал в спину народу, поднявшемуся на защиту своей страны. Самый факт существования этой агентуры, вербовавшейся особенно усердно из представителей немецких колоний в различных странах, не вызы-

вал сомнений. Примеры Испании и особенно Австрии и Чехословакии, где нацистская «пятая колонна» была крайне многочисленной, стояли у всех перед глазами. А последующий «молниеносный» захват гитлеровским вермахтом многих европейских стран еще более укрепил это убеждение. Однако данные, которые имелись тогда о деятельности «пятой колонны», были отрывочными и, как показали последующие исследования, далеко не всегда достоверными.

После второй мировой войны началась переоценка роли, сыгранной военной и политической «пятой колонной», которая усилилась после выхода книги Л. де Йонга, посвященной этой теме[1]. Рецензируя эту книгу, английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн», писал 26 мая 1956 г., что «военная пятая колонна немцев существовала только в нашем воображении». На деле де Йонг ничего подобного не утверждает. Просто он отвергает многие вымыслы, приписывавшие «пятой колонне» то, что она не совершала, и выступает против утверждений, согласно которым якобы подавляющее большинство немецкого населения в чужих странах являлось нацистскими агентами. Вместе с тем в книге де Йонга приведены многочисленные факты подрывной деятельности «пятой колонны» в Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Франции, Югославии и других странах. «Несмотря на все преувеличения и отдельные неточности, имевшиеся в тех представлениях, которые сложились о немецкой политической пятой колонне в 1933—1939 годах, в своей основе представления эти не являлись ошибочными,— пишет де Йонг.— Во многих отношениях действительность оказалась даже хуже тех предположений, которые люди осмеливались делать перед второй мировой войной»[2]. Следует, наконец, учесть, что де Йонг ограничивается рассмотрением лишь тех отрядов «пятой колонны», которые состояли из немцев, бывших на службе гитлеровского абвера, или в рядах заграничной организации нацистской партии. Но к ним с полным основанием можно прибавить также английский «Союз фашистов» О. Мосли, французских кагуляров и

◆

[1] L. de Jong, The German Fifth Column in the Second World War, Chi., 1956 (русск. пер. Л. де Йонг, Немецкая пятая колонна во второй мировой войне, М., 1958).

[2] Л. де Йонг, Немецкая пятая колонна во второй мировой войне, стр. 433.

«Огненные кресты», голландских нацистов Муссерта, бельгийских рексистов, словацкую «гвардию Глинки» и тому подобные организации, существовавшие практически во всех буржуазных странах Европы, а также в США и многих латиноамериканских государствах.

Однако почти повсеместно наибольшая роль в подрыве изнутри сопротивления фашистской агрессии принадлежала даже не этой «пятой колонне» в широком смысле слова, а реакционным правящим кругам, вставшим на путь капитуляции из-за страха перед собственным народом и из-за стремления путем уступок фашистским захватчикам подтолкнуть их к нападению на Советский Союз. И именно эти силы помешали ликвидации фашистской «пятой колонны» накануне войны. Не агенты адмирала Канариса, а маршал Петэн и его единомышленники выдали Францию гитлеровцам.

Еще в 1938 году было установлено, что французские фашисты-кагуляры подготовляли мятеж, были обнаружены крупные тайные склады оружия, было доказано существование террористической организации, совершавшей убийства и провокации. Следы вели в Берлин и Рим. Не менее ясным было, что фашистских убийц финансировали «Банк Лазар», магнаты металлургической промышленности[3]. Расследование деятельности кагуляров оказалось на деле дымовой завесой для заговорщиков. Главарей вообще не привлекли к ответственности, а 34 кагуляра, первоначально арестованные, были выпущены на свободу. Не тронули почти никого и из разоблаченных участников шпионской организации, которая была создана гитлеровским эмиссаром О. Абецом, а самого его выслали в Германию. А в числе участников этой организации были генеральный секретарь общества «Франция — Германия» де Бринон, один из важных гитлеровских агентов, действовавших во Франции после ее капитуляции в 1940 году и казненный в 1947 году за измену родине[4]. Кагуляры оказались верными слугами германских оккупантов[5].

Особенностью мюнхенской политики было то, что, предавая другие страны фашистским державам как плату

◆

[3] F. Fontenay, La Cagoule contre la France, P., 1938, p. 160.
[4] Л. П. Лавров, История одной капитуляции (Как Франция была выдана Гитлеру), М., 1964, стр. 51—52.
[5] J. R. Tournoux, L'histoire secrète, P., 1962, pp. 127 f., 204 f.

за агрессию против СССР, реакционная буржуазия делала и следующий шаг, выдавая им, в конечном счете, и собственную страну. Именно таков был путь «мюнхенцев» во Франции и других странах. Недавние шовинисты и апологеты империалистических захватов, вроде французской реакционной организации «Аксьон франсез», при этом принимали обличие пацифистов и противников войны — разумеется, только войны против фашизма[6]. Кагуляры призывали к «единству» в борьбе не против надвигавшейся внешней угрозы, а против «марксизма»[7]. Этот призыв к капитуляции перед агрессорами, как показали события лета 1940 года, вполне разделялся наиболее влиятельной частью правящих кругов Франции. Одни кагуляры и «Огненные кресты» при всем своем желании были бы бессильны выдать Францию гитлеровцам, если бы на тот же путь не встало правительство Даладье и сменившее его правительство Рейно. Последнее добровольно уступило место маршалу Петэну — покровителю «Огненных крестов» и других фашистских организаций, тесно связанному с германским фашизмом[8], а также Пьеру Лавалю — стороннику сговора с Гитлером даже ценой превращения Франции в вассала «Третьей империи». Не менее характерно, что пораженцы в правящих кругах уже 16 мая, в разгар гитлеровского наступления, подготовляя капитуляцию, распускали лживые слухи о «коммунистическом восстании» в армии[9].

Даже консервативный историк Земан отмечал: «Главной целью национал-социалистической пропаганды было создать антикоммунистический психоз в Европе»[10]. «Оправдывая» фашистскую интервенцию в пользу Франко, печать Геббельса уверяла, что Советский Союз каким-то образом «вторгся» в Испанию[11]. Перед мюнхенским сговором и захватом Чехословакии Геббельс объявил, что «Прага является организационным центром большевист-

◆

[6] E. R. Tannenbaum, Action Française. The Hard Reactionaries in Twentieth Century France, N. Y., 1962, p. 225.

[7] R. J. Sokcy, The Nature of Fascism in France, «Journal of Contemporary History», v. I, № 1, 1966, p. 35.

[8] Г. М. Ратиани, Конец Третьей республики во Франции, М., 1964, стр. 73 и сл.

[9] В. П. Смирнов, «Странная война» и поражение Франции (сентябрь 1939 г.— июнь 1940 г.), М., 1963, стр. 319.

[10] Z. A. B. Zeman, Nazi Propaganda, L., 1965, p. 94.

[11] Ibid., p. 95.

ских заговоров против Европы»[12] и т. п. Разжигание антикоммунизма было главным оружием для идеологической, политической и дипломатической подготовки гитлеровской агрессии.

Столь же показательно, что для обеспечения себе поддержки со стороны реакционной буржуазии гитлеровские оккупанты неизменно изображали всю свою политику, в частности попытки раздавить движение Сопротивления, как «спасение» Европы от коммунизма. Гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп, отчитывая главу вишистского режима во Франции Петэна, напоминал ему в письме от 29 ноября 1943 г.: «Ныне единственным гарантом от революции и большевистского хаоса в целях поддержания спокойствия и порядка во Франции и тем самым безопасности народа является германская армия»[13]. Подобные аргументы были столь действенными для французских коллаборационистов, что они жаловались лишь на то, что Гитлер недостаточно охотно принимает их услуги. Один из вишистов говорил гитлеровскому послу Абецу: «Дайте нам возможность помочь вам выиграть войну»[14]. Нельзя допустить, писала коллаборационистская печать, «чтобы немецкий солдат один обеспечивал защиту Европы»[15].

Таким образом, именно главные силы внутренней реакции (а не только прямая гитлеровская агентура) сделали возможным успех фашистской агрессии, являвшейся по своему социальному смыслу вооруженной контрреволюционной интервенцией. Объективно ту же роль выполняли «мюнхенские» круги в США и Англии, и не их «вина» в том, что подобная политика не обернулась такой же национальной трагедией для этих стран, как для большинства буржуазных государств Европы.

Деятельность «мюнхенцев» была не только неразрывно связана с агрессивной интервенционистской политикой фашизма, направленной против собственной страны, но и с участием в захватнических действиях против дру-

◆

[12] E. K. Bramsted, Goebbels and National Socialist Propaganda, 1925—1945, Michigan, 1965, p. 173.

[13] L. Noguères, Le véritable procès du maréchal Petain, P., 1955, p. 584.

[14] O. Abetz, Histoire d'une politique franco-allemande, 1930—1950. Mémoires d'un ambassadeur, P., 1953, p. 229.

[15] «L'Appel», 5 fév. 1942. Цит. по M. Cotta, La collaboration, 1940—1944, P., 1964, p. 157.

гих государств. Достаточно напомнить роль коллаборационистских кругов буржуазии европейских стран в гитлеровской агрессии против Советского Союза. Однако интервенционистские тенденции были свойственны и политике той части правящих кругов США и Англии, которые вопреки «мюнхенцам» пошли во время войны на создание антигитлеровской коалиции.

Эсэсовское „освобождение России“

Вторая мировая война, возникшая как результат непримиримых империалистических противоречий, происходила в условиях глубокого кризиса мировой капиталистической системы, быстрого возрастания экономического и военного потенциала Советского Союза. Империалистам не удалось создать единого фронта против страны социализма, и война приняла первоначально форму вооруженного конфликта между двумя группировками капиталистических держав. Хотя оба столкнувшиеся блока преследовали империалистические цели, на характер войны с самого начала оказало влияние то, что одна из группировок состояла из фашистских держав во главе с нацистской Германией и стремилась к лишению национальной независимости всех остальных народов, к истреблению десятков миллионов людей, к превращению подавляющего большинства человечества в бесправных рабов новоявленной «господствующей расы». С самого начала война носила национально-освободительный характер для стран, ставших жертвой фашистской агрессии. Вместе с тем разбойничьи захваты, осуществлявшиеся фашистами, носили явственный характер контрреволюционной интервенции и сопровождались уничтожением национальной независимости оккупированных стран, превращением их в колонии или бесправных вассалов нацистской Германии с марионеточными правительствами, с ликвидацией в этих странах всех демократических институтов, стремлением удушить с помощью безудержного террора рабочее движение.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. В гитлеровских военных целях оказались слитыми воедино разбойничьи, грабительские намерения, планы реставрации капитализма и

планы геноцида. Нападение гитлеровских орд было контрреволюционным нашествием ударных сил мирового империализма, пытавшихся задушить единственное тогда в мире социалистическое государство.

В борьбе против общего врага возникла мощная антифашистская коалиция СССР, США и Англии. После гитлеровского нападения на СССР освободительные тенденции, заложенные в характере второй мировой войны, получили преобладающее значение. Победы Советской Армии вдохнули бодрость и силы в народы оккупированных стран, поднимая их на борьбу за независимость, свободу и демократию. Уже в 1942 году в 17 странах развернулась народная партизанская борьба против фашистских захватчиков.

...Еще в первом меморандуме гитлеровского министра по делам Востока А. Розенберга были сформулированы две главные цели германской политики после «уничтожения» коммунизма. Во-первых, ликвидация России как государства и обеспечение условий для сохранения ее в виде германской колонии; во-вторых, экономическая эксплуатация Германией русских ресурсов. В план входило расчленение России. Из территорий союзных республик, поскольку они не включались в состав рейха (а в него должны были войти все территории западнее Смоленска, Ленинградская область и т. д.), должны были быть созданы государственные образования с колониальным статусом. Им предполагалось передать большую часть районов, населенных русскими. Оставшиеся области России должны были составить «имперский комиссариат Московию» с немецкой администрацией.

Начальник управления колонизации министерства восточных областей, возглавлявшегося Розенбергом, писал: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только, если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической, точки зрения и если в соответствии с этим будет проводиться политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ»[1].

◆

[1] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—

Другие гитлеровские специалисты предлагали полное уничтожение русского народа. Самое слово «Россия», указывал Розенберг, должно быть объявлено запретным, остатки русского населения следует вытеснить из Европы, а позднее германская граница должна была быть распространена на двести-триста километров восточнее Урала и иметь «мобильный» характер. Гитлер особо разъяснил в октябре 1941 года, что немцы не имеют никаких обязательств в отношении народов Восточной Европы. Розенберг, комментируя указание фюрера, подчеркнул, что немецкие хозяева не давали «обязательства» кормить русское население, что «русские должны приготовиться к очень суровым годам». Политикой «имперского комиссариата Московия» будет «всепроникающая беспощадность». Розенберг даже подыскал подходящего главу «имперского комиссариата»— эсэсовца Зигфрида Каше, который по независящим от него обстоятельствам так и не занял предназначенного для него кресла. Но, прозябая на посту посланника при марионеточном правительстве Хорватии, этот тупой палач даже в 1944 году продолжал надеяться на свой «перевод» в Москву. А Розенберг даже в октябре 1944 года, когда Советская Армия уже громила гитлеровцев на германской территории, все еще обсуждал с Гитлером вопросы выселения русских из Европы.

Гитлер отдал приказ о передаче под власть рейхсмаршала Геринга всей экономики оккупированных областей для их беспощадной эксплуатации в интересах Германии. В мае 1942 года «плановый отдел» СС под руководством профессора Конрада Мейер-Хетлинга представил Гиммлеру так называемый «генеральный план для Востока». Он предусматривал заселение «восточных областей» рейха германскими поселенцами из бывших солдат, низведение славянского населения до положения рабов, не имеющих права владения землей и капиталом, создание системы крепостей, с помощью которых можно было бы легко подавлять любое восстание «туземцев». А глава эсэсовского ведомства «Расы и расселения» Отто Гофманн в ноябре 1942 года писал: «Более чем когда-либо ранее я убежден, что Восток принадлежит СС». Герман-

◆

1945», т. II, М., 1961, стр. 345; «Преступные цели — преступные средства». Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.), М., 1963, стр. 72.

ские ведомства спорили о том, следует ли переселить все украинское население за Волгу или оставить в качестве батраков немецким помещикам. Уже летом 1942 года огромные участки земли на Украине и в Белоруссии были официально переданы СС, их управляющим в июле был назначен Освальд Поль, шеф концентрационных лагерей. Эсэсовцы уже приступили к массовому сгону украинского населения с земли. Осуществлению их плана помешало только быстро последовавшее изгнание оккупантов.

12 января 1943 г. в разгар Сталинградского сражения Гитлер был вынужден издать приказ о приостановке разработки планов послевоенного устройства и сосредоточении всех усилий на тотальном ведении войны.

В период временных успехов фашистов фюрером и его сподручными были отданы предписания о полном уничтожении Москвы и Ленинграда, о массовом истреблении советского мирного населения и военнопленных. При отступлении гитлеровцы применяли варварскую тактику «выжженной земли». Нацистские изверги истребили многие миллионы советских граждан, совершили злодеяния, невиданные во всей истории человечества. Это не помешало их попыткам использовать в борьбе против Советской Армии и партизан гнусную кучку предателей, изображавших из себя радетелей интересов русского народа и других народов Советского Союза, объявлявших Гитлера «освободителем» Европы от коммунизма.

Еще в январе 1934 года берлинская организация украинских буржуазных националистов (ОУН) была включена в штат гестапо на правах особого отдела, были сформированы военизированные части националистов, приравненные к отрядам штурмовиков. После захвата гитлеровцами Польши в Кракове был сформирован «Повстанческий штаб» украинских националистов, являвшийся ответвлением германского абвера. В 1940 году в Кракове был образован двухтысячный отряд «сечевых стрельцов», в Варшаве — «украинский легион», в Люкенвальде — батальон «украинских сечевиков».

Гитлеровцы рассчитывали использовать отряды эстонских, латышских, литовских буржуазных националистов. Одновременно к борьбе против Советской Армии были подготовлены банды диверсантов, входившие в батальон «Бранденбург-800». Однако и заброшенные еще до начала войны в Советский Союз, и начавшие действовать после 22 июня 1941 г. группы агентов, по национальности

принадлежавшие к коренному населению, имели ограниченный успех даже в месяцы быстрого продвижения фашистских войск. Потом для гитлеровской разведки началась цепь неудач, несмотря на то, что многочисленные школы и курсы подготовляли начиная с 1942 года около 10 тыс. шпионов и диверсантов в год. Подавляющее большинство их было своевременно обнаружено и обезврежено. Гитлеровская «тайная война» против Советского Союза потерпела явный провал[2].

Германские специалисты по «психологической войне» и представители абвера — Г. Оберлендер, впоследствии крупный правительственный деятель в Бонне, гитлеровский дипломат О. Брейтигам и балтийский немец Гроте еще в январе 1942 года рекомендовали заняться поисками «русского Квислинга». Тем самым, писал Гроте, можно будет опровергать обвинение, что немцы стремятся завоевать Советский Союз с целью его порабощения. Аналогичные же планы обсуждались в непосредственном окружении фюрера. Гитлеровцы учитывали при этом безнадежность попытки представить в виде «русских патриотов», сражавшихся против большевиков, кого-либо из монархистов или других контрреволюционных эмигрантов, которые были ненавистны советскому народу. Для этой цели гитлеровцы решили использовать военнопленных, которых удастся склонить к измене родине. «Обработкой» военнопленных в германских лагерях рядом с гестаповскими камерами пыток занимались контрреволюционная эмигрантская организация «НТС» («Народно-трудовой союз»), превратившаяся в агентуру Гиммлера, и руководимые ее главарями подсобные организации вроде «Русской нацистской партии»[3]. Однако Гитлер долгое время запрещал организацию даже марионеточного «русского комитета», делая ставку на ничем не прикрытое закабаление и физическое истребление населения на оккупированных территориях.

Среди завербованных гитлеровцами предателей был генерал Власов, взятый в плен в июле 1942 года. Писатель И. Эренбург, встречавшийся в марте 1942 года с Власовым, писал о причинах его измены. Попав в плен,

◆

[2] «Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны», «Вопросы истории», 1965 г., № 5, стр. 20—39.
[3] A. Dallin, German Rule in Russia, 1941—1945. A Study of Occupation Policies, L., 1957, p. 526.

Власов, не имевший убеждений, честолюбивый, понимал, что его военная карьера окончена. «Если победит Советский Союз, его в лучшем случае разжалуют. Значит, остается одно: принять предложение немцев и сделать все, чтобы Германия победила. Тогда он будет главнокомандующим или военным министром обкорнанной России под покровительством победившего Гитлера». Разумеется, Власов никогда никому так не говорил; он заявлял по радио, что давно возненавидел советский строй, что он жаждет «освободить Россию от большевиков».

С помощью таких же, как и он, предателей — Малышкина, Жиленкова и др. изменник занялся сколачиванием предательской клики, которая могла бы осуществлять задания своих фашистских хозяев. Однако в гитлеровских правящих кругах существовали различные мнения по поводу целесообразности «власовской акции», как ее называли в официальных документах. Гитлер считал вообще недопустимым давать оружие в руки славян, тем более, разумеется, русских, даже доказавших свою преданность фашистскому рейху. Пока что Власовым занялись молодчики из министерства пропаганды и абвера, написавшие от его имени — и с полного его согласия — листовку. Она, понятно, призывала заключить «почетный мир» с Германией, но, к глубокому разочарованию гитлеровцев, не произвела никакого впечатления.

После этого Гроте и его достойные коллеги решили изменить тактику, сделать ее более тонкой. Вместо прежних призывов к дезертирству, прямо разоблачавших Власова как агента гитлеровцев, была разработана целая программа из 13 пунктов, включавшая прекращение войны и увеличение выпуска товаров широкого потребления. Гитлеровские палачи обещали даже «социальную справедливость и свободу от эксплуатации». 27 декабря 1942 г. последовал составленный в этом же духе «смоленский манифест». Он был сочинен Гроте и подписан Власовым и компанией, проживавшими тогда на Викторияштрассе в Берлине. 12 января 1943 г. А. Розенберг согласился поддержать «власовскую акцию» под условием, что она ограничится только областью пропаганды и не будет относиться к населению оккупированных территорий. 16 января 1943 г. Розенберг обратился к Гитлеру с предложением создать «русский антибольшевистский центр» наряду с другими аналогичными «национальными» центрами.

8 февраля 1943 г., через несколько дией после разгрома фашистских войск под Сталииградом, Розеиберг при встрече с фюрером получил согласие иа создаиие псевдорусского «иациоиальиого цеитра» и образоваиие из числа измеииикав «Русской освободительиой армии». Розеиберг уверял, что «власть большевизма» может быть побеждеиа только с помощью привлечеиия на стороиу фашистов какой-то части местиого иаселеиия. В иацистских кругах, где еще иедавио официальио писалось о иеобходимости превратить русский иарод в «сельскохозяйствеииый иивеитарь» иемецких господ, заговорили о иеобходимости как-то обмаиуть этот иарод, скрыв от иего свои истиииые иамереиия. Как писал 12 февраля 1943 г. одии из ближайших сподручиых Розеиберга — Г. Лейбраидт, следует «иачать» с объявлеиия, «что все иароды Советского Союза являются равиоправиыми партиерами европейской семьи иародов». Отдельиые части, состоявшие из предателей родииы и числеииостью ие больше батальоиа каждая и рассеяииые среди германских соедииеиий, стали теперь имеиоваться «Русской освободительиой армией» («РОА»).

Власову разрешили появиться в иескольких оккупироваииых городах — Смолеиске, Могилеве и др. Власов, под диктовку Гроте, разъясиял, что выступает за «почетиый мир» с гитлеровской Германиeй. Как отмечалось в германском отчете, предатель уверял, что «ои ие желает возрождеиия старого (царского) режима, каким его могут представлять иекоторые эмигранты; ои отвергает капитализм точио так же, как ои отвергает большевизм». Более того, гитлеровский иаемиик даже клялся, что ои, мол, против колоииальиого закабалеиия России, критиковал «ошибки» германской политики... Недаром Розеиберг в это время считал «власовский экспериметт» важиым только в пропагаидистской области! Одиако действия Власова имели и другую подоплеку. Связаииый теперь общей веревкой с гитлеровцами, ои с ужасом видел, как терпит крушеиие фашистский поход иа Восток, что являлось преддверием к полиому краху «тысячелетиего рейха». Озабочеииый спасеиием собствеииой шкуры, измеииик умолял гитлеровцев проявлять большую гибкость, которая позволила бы власовцам добиться хоть какого-то успеха в попытках обмаиуть советских людей. Ложь рекой потекла со страииц издававшихся в Берлиие власовских газет: «Заря» — для граждаиского иаселеиия и

«Доброволец» — для «РОА». Конечно, как отмечали германские источники, власовская пропаганда не оказала влияния на подавляющее большинство советских военнопленных, кроме численно небольшой группы, которую угрозами, голодом, побоями и обещаниями принудили к измене родине и вступлению во власовские части.

Однако и эти части, из состава которых вербовались каратели и палачи, солдаты «команд уничтожения», вызывали подозрения Гиммлера, который считал, что санкция на расширение деятельности власовцев была проявлением недозволенной автономии Розенберга и командования вермахта. 4 марта 1943 г. рейхсфюрер СС направил заместителю Гитлера по руководству нацистской партией Борману меморандум. «Пожалуйста, извести фюрера, — писал Гиммлер, — что, согласно имеющейся у меня информации, вермахт создал и предает широкой гласности «Русский комитет» и армию освобождения. Это явно противоречит недавним директивам фюрера». Особенно взбесила противников «власовской акции» речь изменника в Гатчине, где он, зарвавшись, объявил, что надеется принимать в качестве гостей германских офицеров в «освобожденном» Ленинграде. Как смел, бушевали в эсэсовских кругах, этот «используемый для пропаганды» Власов заявлять нечто подобное и вдобавок в отношении города, который фюрер предписал стереть с лица земли! Началось расследование и бурю удалось несколько успокоить разъяснениями Гелена (будущего шефа разведки ФРГ), что «комитет» Власова представляет ценность для немецкого шпионажа.

8 июня 1943 г. Гитлер на заседании с Кейтелем и начальником генерального штаба Цейцлером дал указание рассматривать «власовскую акцию» как чисто пропагандистское мероприятие, запретил использование «комитета» для вербовки добровольцев и особо указал, если это еще требовалось, чтобы ни одно германское ведомство «не принимало всерьез» обещания, которые распространялись немцами от имени предателей. Генерал Иодль разделял опасения фюрера, что власовцы, изменив один раз, могут с таким же успехом предать «Третью империю», чтобы найти новых покровителей, например в Англии и США. Однако одновременно Гитлер и Геббельс давали указание принять все возможные меры для расширения пропаганды, обращенной к народам Советского Союза.

Геббельс первым среди фашистских главарей сообра-

зил, что бесконечное повторение антибольшевистских лозунгов и заклинаний не дает желаемого для фашистов результата. Уже через месяц после нападения на Советский Союз министр пропаганды создал секретную радиостанцию для передач на русском языке. Во главе ее был поставлен предатель Торглер, изгнанный в свое время за измену из рядов германской компартии. Задачей станции было повторять троцкистские измышления и доказывать, что Советское правительство является «рабом капиталистов и продало социалистическую родину плутократам» [4]. (За эту бессмысленную клевету и впоследствии не раз ухватятся «ультралевые» ренегаты рабочего движения.) После сталинградского разгрома, в марте 1943 года, Геббельс собственноручно сочинил обращение «Ко всем народам» Восточной Европы. В нем, расписывая достижения фюрера в борьбе против коммунизма и западной плутократии, Геббельс, как обычно, обещал очень многое, поскольку ни одно из этих обещаний и не предполагалось выполнить. А предлагал Геббельс включиться в борьбу против большевизма за «свободу индивидуума, свободу религии и совести,уничтожение принудительного труда, за собственность и свободное крестьянство на собственной земле, за ваши собственные жилища и свободу труда, за социальную справедливость и право всех трудящихся получать справедливую зарплату за свой труд, за счастливое будущее детей, за право на продвижение в обществе и образование вне зависимости от происхождения, за защиту государством больных и инвалидов, за ваше право на соответствующее материальное обеспечение...».

Впрочем, даже Геббельс не рискнул опубликовать это обращение к (по официальной фашистской терминологии) «славянским недочеловекам», миллионы и миллионы которых были казнены по приказу Гитлера и его преступной шайки. Геббельс и в дальнейшем размышлял о том, что неплохо бы научиться «вести войну только против большевизма, но не против русского народа», и сам понимал бессмысленность этих мечтаний. После решения Гитлера относительно власовского «комитета» шеф нацистской пропаганды окончательно отбросил мысль о публикации своей прокламации. 10 октября 1943 г. все «восточные части» — Гитлер опасался, что насильственно

◆

[4] Z. A. B. Zeman, Nazi Propaganda, p. 167.

завербованные в них военнопленные перебегут к партизанам,— были распущены, а соединения, состоявшие из «проверенных» убийц, переброшены во Францию, Бельгию, Голландию, Италию, на Балканы для использования против партизан. «Пусть будут счастливы, что они выбрались (с Востока)», — заметил генерал Цейцлер.

В 1944 году Гиммлер, который ранее настороженно относился к «власовской акции», в условиях быстро надвигающегося крушения рейха круто изменил позицию и согласился принять Власова и его сподручных (визиту помешал генеральский заговор 20 июля). Был дан сигнал спешно организовывать «русское освободительное движение». Другим покровителем изменника стал Кальтенбруннер и глава эсэсовской разведки Шеленберг. А окружавшие Власова немецкие советники и подобные ему проходимцы даже изобрели «благовидный» предлог для расчленения Советского Союза — все его части будут включены в «объединенную Европу». Дополнительно для духовной обработки «славянской души» рейхсфюрер СС счел подходящим учение секты «Свидетелей Иеговы», благо они выступают против насилия, курения и алкоголя — все это необходимо усвоить будущим германским батракам. В июле 1944 года Кальтенбруннер получил приказ подыскать подходящих сектантов в концлагерях. 3 августа в речи перед крупными чиновниками нацистской партии и СС Гиммлер обещал, что Германия скоро снова продвинется «на многие тысячи километров» в глубь России, захватит все территории до Урала.

Именно с такими, уже не находящимися ни в каком соответствии с действительностью мыслями Гиммлер и принял 16 сентября Власова, с которым несколько часов обсуждал планы борьбы против большевиков. Главным пунктом была вербовка советских людей, загнанных на гитлеровскую каторгу,— «восточных рабочих» в войска Власова (сначала две дивизии). Гиммлер заявил присутствовавшему на совещании эсэсовцу Далькену, что Власов произвел на него наилучшее впечатление. 29 октября 1944 г. гитлеровские газеты сообщили, что между Гиммлером и Власовым достигнуто «полнейшее согласие» по вопросам «использования всех сил русского народа в борьбе за освобождение его родины от большевизма». Изменник старался изо всех сил...

В середине ноября 1944 года в Праге с большой помпой гитлеровцами было провозглашено создание Коми-

тета освобождения народов России — КОНР во главе с Власовым. 15 ноября Гиммлер прислал телеграмму Власову, выражая пожелание «полного успеха в интересах общего дела». Этот отвратительный фарс гитлеровцы и власовцы разыгрывали, уже косясь одним глазом на американскую и английскую реакцию — не пригодится ли новым хозяевам этот эсэсовский «комитет». Германские ведомства долго согласовывали и визировали манифест КОНР. Видя силу сокрушительных ударов советских войск, эсэсовские авторы манифеста почти не упоминали о нацистской Германии, а настаивали на защите «тех прав, которые были завоеваны в народной революции в 1917 году».

Одновременно на всякий случай батальоны украинских и других буржуазных националистов не были даже формально включены в войска Власова. Вместе с тем продолжавший витать в мире своих кровожадных фантазий Гитлер приказал сохранить восточное министерство Розенберга. А Гиммлер по-прежнему (в 1945 г.) разъяснял, что будущее власовское «государство» он создаст, конечно, в Сибири.

Спасая свою шкуру, власовцы пытались, каждый в отдельности, завязать связи с западными разведками. В берлинский пригород Далем, где разместилась штаб-квартира изменников, наведывались дипломаты посольства генерала Франко, представитель папского нунция... Лихорадочные попытки сменить хозяев шли полным ходом.

В феврале 1945 года Советская Армия приблизилась к столице рейха. Власов и его свора бежали в Судетскую область, где гаулейтер Конрад Генлейн хотел было пинком ноги выбросить уже бесполезных лакеев. Его приказ был в последнюю минуту отменен Гиммлером.

Вскоре наступил конец. Не будем останавливаться на судьбе этих фашистских наемников, большинство из которых не избежало справедливого возмездия. Власов, Жиленков, Малышкин, Трухин, Буняченко и другие изменники летом 1946 года предстали перед советским военным судом, приговорившим их к смертной казни за измену родине и кровавые преступления перед народом [5].

◆

[5] «Правда», 2 августа 1946 г.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны советского народа и вместе с тем всей второй мировой войны после разгрома гитлеровцев под Сталинградом привел к огромному подъему партизанского движения. Только в Европе численность партизанских отрядов, соединений и армий достигала миллиона бойцов. Военная машина гитлеровской Германии и ее сателлитов, подорванная в своих основах сокрушительными ударами советских войск на Восточном фронте, оказалась не в состоянии справиться с партизанами и помешать последующей победе народно-демократических революций в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Японский милитаризм, захвативший территорию многих азиатских стран, также предпринимал отчаянные, но безуспешные попытки подавить сопротивление народов Индокитая, Кореи, Китая, Филиппин, Индонезии, Малайи, Бирмы. Капитуляция Японии после вступления в войну против нее СССР и разгрома советскими вооруженными силами Квантунской армии в Маньчжурии подвела черту под попытками японских интервентов удушить освободительное движение стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Однако, говоря о кровавых жандармских функциях, которые осуществляли фашистские оккупанты, нельзя забывать и о планах контрреволюционной интервенции, вынашиваемых реакционными кругами западных держав, входивших в антифашистскую коалицию.

В первый период войны до поражения Франции летом 1940 года западные державы вели прямую подготовку к антисоветской интервенции. Во время вооруженного конфликта между Финляндией и СССР зимой 1939/40 года Англия и Франция направили белофинам значительное количество оружия и боеприпасов. Так, французское правительство передало 175 самолетов, 496 орудий, 5 тыс. пулеметов и другое вооружение. Правящие круги Лондона и Парижа приступили к формированию экспедиционного корпуса, который должен был принять участие в борьбе против советских войск. На Ближнем Востоке были сосредоточены крупные силы французской и английской авиации для бомбардировки нефтепромыслов Баку. В воображении французских генералов такая

операция должна была не только ослабить экономическую мощь Советского Союза, но даже привести «к краху советского строя»[1]. Генерал Жоно, помощник французского главнокомандующего на Ближнем Востоке генерала Вейгана, заявил министру авиации Лоран-Эйнаку: «Мне не хватает авиации. Дайте мне ее, ибо война решится на Кавказе, а не на Западном фронте... Мы не будем драться на Западе, мы будем воевать на Кавказе»[2].

Эта подготовка антисоветской интервенции была одной из причин поражения Франции и того критического положения, в котором летом 1940 года оказалась Англия перед лицом фашистского блицкрига.

Известно, что после гитлеровского нападения на Советский Союз реакционные круги рассчитывали на быструю победу Гитлера и, что особенно нужно подчеркнуть, «мюнхенские» элементы открыто радовались этому, по их мнению, близкому торжеству нацизма. Г. Фиш 22 сентября 1941 г. заявлял в палате представителей американского конгресса: «Если мы победим немцев и итальянцев в Европе, это означает только одно — возрождение коммунистов. Это означает коммунизм в Европе, в Германии, Франции и Италии»[3]. Его коллега Рич из Пенсильвании 9 октября откровенничал: «Я больше боюсь коммунистов в Америке, чем того, что Гитлер когда-либо дойдет до наших границ»[4]. На следующий день Кокс из Джорджии доказывал, что Советский Союз «является угрозой всему миру»[5]. Сенатор Най 7 ноября 1941 г., когда фашистские орды вплотную подошли к Москве, рекламировал книгу К. Билса, в которой разъяснялось, что Гитлеру будет не до Западного полушария, так как он «окажется занятым ролью полицейского во всей завоеванной Европе»[6]. Многократно высказывая надежду на то, что Германия и Советский Союз истощат друг дру-

[1] W. L. Langer, S. E. Gleason, The Challenge to Isolation, 1937—1940, N. Y., 1954, pp. 389—390.

[2] А. М. Некрич, Внешняя политика Англии, 1939—1941 годы, М., 1963, стр. 185.

[3] «Congressional Record», 77th Congress, I Sess., v. 87, part 7, p. 7509.

[4] Ibid., p. 7798.

[5] Ibid., p. 7827.

[6] Ibid., p. 8619.

га [7], конгрессмены уже видели «разгром» СССР. А один из них — Уильямс говорил об СССР, что «такой страны вообще не существует» [8].

На страницах ведущих буржуазных газет и журналов США обсуждались возможности раздела Советской страны. Летом 1941 года разъяснялось, что «спасти красных (как писала «Нью-Йорк пост» 27 июня) от предстоящего им разгрома в самом близком будущем может только чудо, подобное библейским чудесам». А осенью того же года обсуждались не менее близорукие планы расчленения Советского Союза [9].

Это были настроения и замыслы, противоречившие жизненным интересам американского и английского народов, которым угрожала фашистская агрессия.

Рассчитывая на обескровливание Советского Союза в единоборстве с фашистской Германией, Лондон и Вашингтон в нарушение своих союзнических обязательств бесконечно откладывали открытие второго фронта, вели тайные сепаратные переговоры с гитлеровскими главарями. Второй фронт возник лишь летом 1944 года, когда исход войны был уже предрешен и стало очевидным, что Советский Союз способен в борьбе один на один полностью разгромить фашистскую Германию и освободить порабощенные ею народы Европы. Подобная перспектива менее всего устраивала англо-американских реакционеров, поскольку она, в частности, опрокидывала их планы реставрации в европейских государствах после изгнания немецких оккупантов довоенных консервативных режимов. Именно к этим кругам обращался Геббельс, когда 23 февраля 1945 г. в журнале «Das Reich» писал, что в случае победы Советов под властью большевизма окажется Восточная и Центральная Европа. «Над этой огромной, если учесть и Советский Союз, территорией — добавлял Геббельс,— опустился бы железный занавес». Пройдет год и 5 марта 1946 г. слова Геббельса о «железном занавесе» будут повторены в фултонской речи У. Черчилля.

◆

[7] «Congressional Record», 77th Congress I Sess., v. 87, part 7, pp. 7778, 7787, 7790, 7796— 7797. (Выступления О'Коннора из Монтаны, Робинзона из Кентукки, Бэрдика из Северной Дакоты, Дондеро из Мичигана и т. д.).

[8] Ibid., p. 7702.

[9] Например, «Foreign Affairs», Oct., 1941, p. 25 f.

Во время войны правительства Англии и США стремились не допустить победы демократических сил в Европе. Этой цели служили и враждебные действия Вашингтона и Лондона в отношении демократических организаций антифашистского движения Сопротивления. С согласия англо-американских реакционных кругов, польское эмигрантское правительство пыталось из Лондона разжечь борьбу между подчиненной ему Армией крайовой и партизанскими силами, руководимыми коммунистами и другими левыми партиями. В августе 1944 года с благословения американской и английской реакции эмигрантское правительство спровоцировало варшавское восстание, рассчитывая, во-первых, утвердить в случае удачи свою власть в польской столице накануне ее освобождения Советской Армией и, во-вторых, лживо обвинить СССР и демократические силы Польши в том, что они якобы не оказали достаточной помощи Варшаве [10]. Даже в буржуазной литературе часто повторяется формула, что с военной точки зрения варшавское восстание было антинемецким, а в политическом отношении — антисоветским [11]. Эта преступная провокация привела к огромному числу жертв и дала гитлеровцам удобный повод для варварского разрушения польской столицы.

В Югославии англо-американская реакция одобрила сотрудничество четников Михайловича — отрядов, подчинявшихся приказам эмигрантского королевского правительства, с гитлеровскими оккупантами для борьбы против партизан. Интервенционистские устремления во многом определяли и неосуществившийся «балканский план» Черчилля (серьезно обсуждавшийся в 1942—1943 годах правительствами США и Англии проект высадки их войск на Балканах вместо Франции), чтобы после разгрома гитлеровцев Советской Армией подчинить себе страны Юго-Восточной и Центральной Европы. Союзная военная администрация в оккупированных американо-английскими войсками районах Италии заняла скрыто враждебную позицию в отношении партизан, которые сражались с гитлеровцами, захватившими север-

◆

[10] «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны», М., 1962, стр. 86—88.

[11] H. Krannhals, Der Warschauer Aufstand, 1944, Fr./M., 1962, S. 173.

ную и центральную часть страны. Во Франции американо-английские военные власти настояли на разоружении армии, созданной антифашистским движением Сопротивления, в котором руководящая роль принадлежала рабочему классу и коммунистической партии. Аналогичные явления отмечались и в других европейских странах, куда приходили американо-английские войска. В одной из них — Греции — дело дошло до прямой вооруженной интервенции английского империализма в пользу местной реакции.

В мае 1941 года Греция была захвачена гитлеровской Германией. Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ), включавший коммунистическую партию и другие прогрессивные организации, создал партизанскую армию, развернувшую борьбу против оккупантов. Эта национально-освободительная армия Греции (ЭЛАС) превратилась в крупную военную силу (140 тыс. человек осенью 1944 г.), далеко превосходившую по значению буржуазные организации Сопротивления (ЭДЭС, ЭККА).

Первоначально английское правительство установило сотрудничество с ЭЛАС, способствовавшее ведению военных операций против держав оси в Средиземноморском бассейне. Англичане надеялись при этом постепенно поставить ЭЛАС под свой контроль. Когда же это не удалось, английская разведка попыталась подорвать ЭЛАС изнутри [12]. Английским агентам вместе с гитлеровскими оккупантами в конце 1943 — начале 1944 года удалось спровоцировать гражданскую войну между ЭЛАС и ЭДЭС, но это не смогло помешать росту влияния ЭЛАС. Еще в апреле 1944 года на освобожденной территории были проведены выборы, в которых участвовало 1,8 млн. человек. Был избран Национальный совет — высший законодательный орган страны.

В октябре 1944 года в Греции высадились английские войска, с которыми прибыло в страну эмигрантское правительство. На основе так называемого Ливанского соглашения (май 1944 г.) четверть министерских портфелей в нем была предоставлена ЭАМ. К моменту, когда англичане появились на греческой территории, Советская Ар-

[12] «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны», стр. 430.

мия разгромила главные гитлеровские силы на Балканах, а Греция была освобождена силами ЭЛАС. Англичане, стремясь передать власть реакции и реставрировать монархию, немедленно потребовали разоружения национально-освободительной армии Греции. 1 декабря 1944 г. министры — члены ЭАМ подали в отставку. 3 декабря полмиллиона жителей Афин вышли на демонстрацию, протестуя против действий английского командования. Полиция по указке британского командования открыла огонь по демонстрантам. В результате в греческой столице начались 33-дневные бои между ЭЛАС и английскими войсками. Британский командующий генерал Скоби телеграфировал своему начальству: «В Афинах объявлена всеобщая стачка. Все электростанции и коммунальные службы прекратили работу. Если не будет восстановлен полный порядок, положение правительства станет критическим» [13]. Черчилль приказал генералу Скоби действовать «без колебаний, так, как если вы были бы в завоеванном городе, в котором нарастает... бунт». Английские власти фактически штурмом брали Афины, обходя улицы, где жила греческая буржуазия, и завоевывая квартал за кварталом районы, населенные беднотой [14]. Знаменитый писатель Г. Д. Уэллс, выражая возмущение широких кругов английского народа, писал тогда: «Интервенция Черчилля в Греции опозорила нашу нацию» [15].

В конце концов руководители греческой компартии и ЭАМ совершили ошибку, подписав 12 февраля 1945 г. Варкизское соглашение, которое по существу предоставило английским военным властям свободу действий в Греции. Они воспользовались этим для роспуска ЭЛАС и вооружения реакционных банд, в состав которых входили предатели, сотрудничавшие с гитлеровцами.

Английское вмешательство преследовало цели, далеко выходившие за пределы Греции. Член британского военного кабинета Э. Бевин тогда же, в 1944 году, на съезде лейбористской партии раскрыл причины британской интервенции. «Великобритания не может отказаться от своих позиций в Средиземном море». Став после войны

◆

[13] «Hansard's Parliamentary Debats», 5 ser., v. 407, col. 404.
[14] В. Г. Трухановский, Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945), М., 1965, стр. 512—513.
[15] Г. Д. Кирьякидис, Греция во второй мировой войне, М., 1967, стр. 337.

министром иностранных дел в лейбористском правительстве Эттли, Бевин продолжал этот интервенционистский курс. Его заместитель Макнейл 9 января 1946 г. объявил: «Великобритания не может потерять Грецию, потому что вместе с ней она потеряет Италию и Турцию» [16].

В Греции был развязан кровавый террор, подготовивший фальсифицированные выборы («выборы Бевина») и реставрацию монархии. Страна снова стала ареной гражданской войны, в которую на стороне реакции активно вмешались США, провозгласившие в 1947 году экспансионистскую «доктрину Трумэна».

Козыри „американского века"

После второй мировой войны в США велась громкая пропаганда, требующая утверждения американской мировой гегемонии. «XX век — век Америки» — этот агрессивный лозунг получил широкое распространение в политических кругах Вашингтона. Президент Трумэн в послании конгрессу 19 декабря 1945 г. указывал, что на США якобы возложено «бремя постоянной ответственности за руководство миром».

После второй мировой войны от капитализма отпал целый ряд государств Европы и Азии, в которых победили народно-демократические и социалистические революции. Советский Союз и государства складывавшейся социалистической системы являлись непреодолимым препятствием на пути планов утверждения мировой гегемонии США. Им противостоял и быстрый рост рабочего движения в развитых капиталистических странах и нарастание освободительной борьбы угнетенных империализмом народов. Поэтому американская программа завоевания мирового превосходства с самого начала была пронизана тенденциями контрреволюционного интервенционизма.

Присутствие Советской Армии в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, освобожденных ею от гитлеровских захватчиков, являлось гарантией от вооруженного

◆

[16] Д. Шеерие, А. Марэи, Демократия или фашизм в Греции, М., 1947, стр. 103.

«экспорта контрреволюции». Важной особенностью революционного процесса в этих странах была его поддержка теми социальными слоями, которые образовали вместе с рабочим классом антифашистский национальный фронт, боровшийся за переход от народно-демократического к социалистическому этапу революции. В этих условиях тайная империалистическая агентура не имела возможности спровоцировать гражданскую войну. Она встала на единственный оставшийся у нее путь контрреволюционного вмешательства — организации тайных заговоров. В них вовлекались как ушедшие в подполье фашистские элементы, так и правые лидеры буржуазно-либеральных, социал-демократических и крестьянских партий, которые, вопреки настроениям массы рядовых членов этих организаций, стремились воспрепятствовать развитию по пути социализма. Все эти заговоры потерпели полную неудачу (разоблачение связей Миколайчика с реакционным подпольем в Польше в январе 1947 г., ликвидация шпионской заговорщической деятельности руководителей национал-либеральной и национал-царанистской партий Братиану и Маниу в Румынии летом 1947 г., разгром контрреволюционной группы Н. Петкова в Болгарии в первой половине 1947 г., раскрытие весной 1947 г. антиреспубликанского заговора правого лидера «партии мелких сельских хозяев», премьер-министра Ференца Надя в Венгрии и т. д.).

Путем всесторонней помощи гоминдановскому правительству и прямой вооруженной интервенции США пытались помешать победе народно-демократической революции в Китае. После поражения Японии, оккупировавшей большую часть Китая, в китайских портах Тяньцзине, Циндао и др. было высажено свыше 100 тыс. солдат американской морской пехоты. Американские авиадесантные части были переброшены по воздуху в Пекин, Шанхай, Нанкин, заняли десятки городов и главные железнодорожные магистрали с целью не допустить продвижение на юг Народно-освободительной армии Китая. В 1946 году гоминдан развязал гражданскую войну в Китае. США щедро финансировали правительство Чан Кай-ши, передав ему вооружение и другое имущество на сумму, превышавшую 6 млрд. долл. Американские войска во время гражданской войны (1946—1949 гг.) более сорока раз вторгались на территорию, контролировавшуюся Народно-освободительной армией Китая. Однако американская

нитервеиция не спасла насквозь прогнившнй гомнндановский режим.

Борьба против рабочего н иационально-освободительиого движения, «предупреждеиие» революции, попыткн «экспорта реакцни» в страны иародиой демократии красиой нитью проходят через важнейшие внешнеполитнческие акты и коицепции правительства США. Достаточио вспомиить «доктрину Трумэиа» (1947 г.), предусматривавшую удушеиие борьбы греческого народа за демократию и иаправлеииую против освободительиой борьбы иародов Ближиего Востока; «плаи Маршалла», ставивший задачу путем экономической помощи обеспечить преобладаиие США в Европе и укрепнть позиции западиоевропейской реакции в борьбе против демократических сил. (Недаром во время обсуждеиня Североатлантнческого договора в амернканском коигрессе сенаторы Р. Тафт и Р. Флаидерс предлагали распростраинть «доктриину Моиро» на Западиую Европу, а сенатор Мелои — даже на весь мир![1])

Интервеициоиизм лежит в основе атомиой днпломатии, доктрииы «сдерживаиня коммуинзма» н доктрнны «отбрасываиия коммуиизма», «политнки с позицнн снлы», «балаисироваиия на граии войны» — всего набора виешиеполитических теорий и пропагандистских лозунгов, которыми прикрывалась агрессивная нмперналистнческая политика США, особенио в годы «холодиой войны».

Самые откровеино ннтервеициоиистскне действня правнтельство США иеизмеиио обосновывало ссылками на иеобходимость «защиты свободы» от коммуиистов. Так, морской мииистр Д. Форрестол (вскоре ои был повышен в чиие, став миинстром обороиы и сошел с ума, вообразив, что советские таикн ворвались в Вашннгтон), еще иаходясь в здравом уме, так рнсовал роль американского воеиного флота в Средиземиом море: «Эти корабли и морская авиацня служат весьма реальным н осязаемым символом иадежды для угиетеиных народов н прндают снлу нашей дипломатнн»[2].

4 апреля 1949 г. в Вашингтоие был подписан Североатлантнческий пакт, создавшнй военный союз, в который вошли США, Англия, Франция, Каиада и ряд другнх го-

◆

[1] А. Леонтьев, Империализм доллара в Западной Европе, М., 1949, стр. 116.
[2] D. A. Graber, Crisis Diplomacy, p. 291.

сударств Западиой, Севериой и Южной Европы. Впоследствии к пакту присоедиииласъ ФРГ, постепеиио ставшая, иаряду с США, главиым участником этого агрессивиого блока.

Организацию Североатлаитического пакта (НАТО) в печати сразу же иачали иазывать «Священиым союзом XX века». Одиако Североатлаитический договор имел и более иепосредствеииого предшествеииика, которым был «аитикоминтериовский пакт», заключеииый фашистскими агрессорами иакаиуие второй мировой войны.

Как справедливо подчеркивалось в заявлеиии Министерства иностраииых дел СССР, сделаииом в 1949 году, с помощью Североатлаитического пакта правящие круги США и Англии стремились забрать «в свои руки вожжи в отиошеиии как можио большего количества государств, лишив их возможиости проведения самостоятельной иациоиальиой виешией и виутреиией политики и использовав эти государства в качестве подсобиого средства в осуществлеиии своих агрессивиых плаиов, иаправленных иа устаиовление англо-американского мирового господства»[3]. Североатлантический пакт, по мысли его организаторов, должеи был стать орудием реставрации буржуазиого строя в страиах иародиой демократии и, в коиечиом счете, в Советском Союзе, обеспечить восстаиовление капитализма как едииственной всеохватывающей мировой социальиой системы. Наряду с планами глобальиой коитрреволюции заправилы НАТО ставили целью создать механизм реакционной интервеиции во виутреииие дела западиоевропейских страи, в случае победы там подлиино демократических сил. Статья 4 Североатлаитического договора гласит: «Договаривающиеся стороиы будут коисультироваться между собой всякий раз, когда, по миеиию любой из иих, территориальная целостиость, политическая иезависимость или безопасность любой из сторои будет поставлена под угрозу». Сознательно тумаииая формулировка иасчет иекоей «угрозы» «территориальиой целостиости» (включая колоииальную империю!), «политической иезависимости или безопасиости» создавала «право» иа интервенцию для подавлеиия революциониого движеиия или иациоиальио-освободи-

◆

[3] «Заявлеине Министерства ниостранных дел Союза ССР о Североатлантическом пакте», М., 1949, стр. 15.

тельной борьбы народов колоний, принадлежавших странам — участницам НАТО. Констатация наличия такой угрозы ставилась в зависимость не от позиции правительства заинтересованной страны, а от мнения «любого» государства, подписавшего Североатлантический пакт, иными словами, по существу от мнения США. Этот пакт, следовательно, узаконивал интервенцию не только по приглашению правительства страны, подвергавшейся внешней или внутренней «угрозе», но и вопреки воле и желанию этого правительства. Дин Ачесон заявил в марте 1949 года, что если внутреннее восстание будет считаться результатом «подстрекательства извне», оно будет основанием для принятия мер в соответствии с договором. Английский лорд-канцлер Джоуит, выступая 1 марта 1951 г. в верхней палате парламента и говоря о позиции британского кабинета, так расшифровал интервенционистский смысл Североатлантического пакта: «Слишком часто гражданские войны могут служить делу мировой революции... Правительство не даст обмануть себя тем фактом, что агрессия приняла форму гражданской войны»[4]. На протяжении всего времени существования НАТО его руководящие органы не упускали из поля зрения эти интервенционистские цели. После того как в апреле 1967 года в Греции был произведен военно-фашистский переворот, спланированный при участии штаб-квартиры НАТО и американской разведки, в печать проникли сведения, что аналогичные планы готовы и для других стран — участниц Североатлантического пакта, в частности для Италии[5].

НАТО с самого начала являлся и союзом колонизаторов, стремившихся подавить национально-освободительную борьбу угнетенных народов.

Распад колониальной системы, который реакционные идеологи любят рисовать как добровольную «самоликвидацию» колониализма, на деле сопровождался отчаянными попытками империалистических государств сохранить свои владения. Это привело к целому ряду колониальных войн, причем некоторые из них затянулись на долгие годы. Все эти колониальные войны носили явственный характер контрреволюционных интервенций, имея целью

◆

[4] Цит. по Р. Палм Датт, Кризис Британии и Британской империи, М., 1954, стр. 333.
[5] «Правда», 3 февраля 1968 г.

подавление национально-освободительного движения, нередко установившего свой контроль над частью или всей территорией бывшей колонии.

Этот характер внешнего контрреволюционного вмешательства подчеркивался благодаря тому, что ряд колониальных войн происходил в странах, которые в предшествовавшие годы были заняты японскими империалистами, вытеснившими вооруженным путем англичан, американцев, французов, голландцев из многих колоний в Азии. После капитуляции Японии угнетенные народы, внесшие свой вклад в дело разгрома японского милитаризма, приступили к созданию собственной государственности. Бывшие европейские и американские колонизаторы старались повернуть назад колесо истории с помощью вооруженного вторжения, ликвидировать результаты революционной борьбы народов и восстановить старые колониальные порядки. Кроме того, особенностью многих из этих колониальных войн было то, что в ряде случаев главной силой интервенции выступали не бывшие метрополии, а стоящие за их спиной более сильные державы (США и Великобритания). Необходимость такого сотрудничества колонизаторов диктовалась возросшей мощью национально-освободительного движения и, главное, резким изменением в соотношении сил на мировой арене в пользу социалистического, демократического лагеря, резко ограничивавшим возможности «экспорта контрреволюции».

Буржуазные идеологи уверяют, будто борьба за сохранение и укрепление национальной независимости противоречит тенденциям исторического развития в современную эпоху, делающим народы все более зависимыми друг от друга [6]. Эти теоретики сознательно игнорируют тот факт, что завоевание и сохранение завоеванной национальной независимости мешает не экономическим связям, а приданию им насильственного характера, односторонне выгодного для империалистических государств [7]. Характерно, что требование отказа от «национальной ограниченности» взято девизом политики ФРГ, насквозь пронизанной шовинизмом, реваншистскими пла-

◆

[6] H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History, N. Y., 1955, p. 90.

[7] Критику этих теорий см. К. Н. Брутенц, Против идеологии современного капитализма, М., 1961, гл. III; Е. Д. Модржинская, Идеология современного колониализма, М., 1961, гл. I.

нами перекройки граиац и реставрации капитализма в европейских соцналистических странах. Борьба иародов за национальиую иезависимость, даже их сопротивление фашнстской агрессии в 30 и 40-е годы, объявляется многимн буржуазными историками и социологамн главиой причнной «международиой анархни» и мировых войи. Вместе с тем США, являвшнеся главиой снлой, которая препятствовала крушеиию колониальной снстемы, распростраияли для обмаиа народов легеиду об американском аитиколониализме. Д. Ф. Даллес заявлял, что Соедииеииые Штаты — «первая колония в иовое время, завоевавшая независимость, и поэтому оии питают естественную симпатию к каждому, кто следует иашему примеру» [8].

Английские капнталисты пытались удержать под своим коитролем заиятые ими в ходе второй мировой войиы итальянские, а также фраицузские колонин, подавляя освободительиую борьбу иародов. Только в 1946 году, когда Советский Союз поставнл вопрос о пребыванин англнйских и французских войск в Сирии н Ливане, оии были выведеиы с территорнн этих государств. Эвакуацня аиглийскнх войск с Блнжнего н Средиего Востока растяиулась иа долгне годы — колоиизаторы уходили из Палестииы и Ирана, Египта н Иорданин и другнх арабских страи под непрекращавшимся иапором национально-освободительного движения. Точно так же англичаие должиы были признать иезависимость Иидии, Бирмы, Цейлоиа, а позднее еще многнх своих колоннй. Однако, отступая, колониализм ие раз пытался переходить в коитратаку.

Одной нз первых жертв контрреволюционной иитервенции стала Индонезия. Вооруженная борьба иидоиезийского народа протнв япоискнх захватчиков завершнлась провозглашеннем 17 августа 1945 г. Республнки Индонезнн. Но уже в октябре 1945 года в Индонезии были высажены английские, а вслед за ними голландские войска, которые захватили главные города республики. Успехи интервентов были очень иепрочными. Колоинзаторы встретили решительиый отпор со стороны народиых масс. Голландские правящне круги вскоре должны былн убедиться в своей иеспособиости иавязать индонезийско-

◆

[8] «Department of State Bulletin», June 21, 1954, p. 936.

му народу старый колонналььный режим. В ноябре 1946 года было заключено Лингаджатское соглашение между Голландией н Индонезнйской республикой. Оно носнло компромиссный характер. Власть республикн признавалась лишь на частн индонезийской территории, в остальных районах были созданы марнонеточные государства. Они вместе с республнкой образовали федерацню «Соедннненные штаты Индонезни», завиcнмые от голландских колоннзаторов. Не ограничнваясь этим, голландскне войска в июле 1947 года снова напалн на Индонезийскую республнку. По новому соглашению, подписанному на борту амернканского крейсера «Ренвил», от республики были дополнительно отторгнуты многие экономически важные районы. Однако ни агрессивные действия, ни днпломатнческие маневры голландцев не ослабили народного сопротивлення. Тогда голландскне империалисты и стоявшне за нх спиной США сконцентрировали свои силы на том, чтобы побудить правые элементы Индонезии к открытому выступлению протнв рабочего класса, главной силы, которая стояла на пути захватчиков. Внутренняя реакцня спровоцировала в сентябре 1948 года вооруженные столкновення в Мадиуне, после которых началнсь кровавые репрессни протнв коммуннстической партин, профсоюзов и других демократических организаций. Более 25 тыс. человек, включая руководителей компартнн, пали жертвой этой расправы, которая подорвала возможность республики сопротивляться новым агрессивным актам голландцев. Войска колонизаторов захватили республиканскую столицу Джокьякарту, арестовали членов правнтельства (в том чнсле Хатта и других реакцнонных деятелей, которые еще недавно по указке имперналистов развязали после событий в Маднуне кровавый антирабочий террор). В этнх труднейшнх условиях нндонезийскнй народ проявил непреклонную волю к сопротнвлению захватчикам. Несколько месяцев военных действий не принесли голландцам ожидавшихся результатов.

Протнв голландских агрессоров нарастало возмущение во многих странах Азни н Африки. Совет Безопасностн ООН 28 января 1949 г. потребовал от Голландии, чтобы она вывела свон войска из Джокьякарты н освободнла арестованных государственных деятелей Индонезнн. Даже буржуазные авторы вынуждены признать ту роль, которую сыграл Советский Союз в пресечении голланд-

ской интервенции, в частности потребовав решительных действий Организации Объединенных Наций [9].

Голландские империалисты были вынуждены опять пойти на переговоры. В августе 1949 года была созвана новая конференция. 2 ноября было подписано соглашение, которое, однако, по-прежнему серьезно ограничивало экономическую и политическую независимость Индонезии. «Соединенные штаты Индонезии», состоявшие из 16 «самостоятельных» государств, одним из которых являлась Индонезийская республика, должны были вступить в «вечный» союз с Голландией, сохранявшей право контроля над вооруженными силами и внешней политикой нового государства. Голландия опутала его также, на основе специальной конвенции, цепями экономической и финансовой кабалы.

Голландская интервенция хотя и не привела к прямому восстановлению старого колониального режима, но создала положение, во многом напоминавшее прежние порядки. Однако Голландии все же пришлось пойти на формальное признание независимости Индонезии, что сыграло немалую роль в дальнейшей борьбе индонезийского народа за достижение действительной самостоятельности. В этом смысле соглашение 1949 года было компромиссом, который, как надеялись голландцы, послужит к увековечению своего господства, но который, в конечном счете, был использован индонезийцами, добивавшимися низвержения подновленного колониального ига.

Даже опутанная обязательствами по соглашению 1949 года Индонезийская республика вызывала опасения и ненависть империалистов. На место прежней открытой интервенции пришли разбойничьи нападения на территорию республики агентуры колонизаторов (налет банды во главе с голландским капитаном Вестерлингом на город Бандунг, захват другими отрядами под командованием голландских офицеров города Макассара и тому подобные действия, которые привели к гибели значительного числа мирных жителей и большим экономическим потерям) [10].

◆

[9] G. T. Kahin, Nationalism and Revolution in Indonesia, Ithaca, 1952, p. 344.
[10] А. К. Лаврентьев, Тайная война против Индонезии, М., 1960, стр. 18—20.

Попытки голландских колонизаторов действовать по старинному принципу «разделяй и властвуй» вскоре потерпели неудачу, столкнувшись с решимостью народных масс Индонезии добиться объединения родины. Широкое движение за создание унитарной республики привело в 1950 году к ликвидации штатов. Правительство национальной партии, возглавляемое Али Састроамиджойо (лидером партии был президент Сукарно), которое пришло к власти в июне 1953 года, повело борьбу за независимость. Сопротивление колонизаторов было сломлено. 10 августа 1954 г. в Гааге было заключено соглашение о ликвидации голландско-индонезийского союза. Но и после этого Индонезии, вступившей на путь самостоятельного развития, предстояло решить еще многие сложные проблемы для обеспечения подлинной независимости. Ей пришлось не раз сталкиваться с подрывной деятельностью американских империалистов, приобретавшей характер скрытой интервенции. Примером могут служить организованные и финансировавшиеся американской разведкой военные мятежи сепаратистов на Суматре, происходившие в конце 1956, в 1957 и 1958 годах. Среди мятежников действовали иностранные «добровольцы», завербованные агентами ЦРУ чанкайшисты и американские летчики, совершавшие налеты на Индонезию с американской базы Кларк Филд на Филиппинах [11].

Рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия Индонезии сыграли большую роль в том, что были сорваны империалистические планы расчленения страны. Несмотря на помощь империалистов, мятежи окончились полным провалом. Однако этим далеко не были исчерпаны попытки внешних империалистических сил заставить Индонезию отойти от независимого политического курса.

Наряду с Индонезией ареной жестокой колониальной войны стала и расположенная в том же районе Малайя. Территория Малайи была освобождена народной антияпонской армией. По инициативе коммунистов были созданы новые органы власти — военные советы. К моменту своего прибытия в Малайю английские войска застали страну покончившей с японской оккупацией и создавшей свою независимую государственность. В этих условиях

[11] А. К. Лаврентьев, Тайная война против Индонезии, стр. 42—48, 62—74.

английская военная администрация, сделавшая попытку распустить народную армию, должна была отступить. В Малайе происходил бурный подъем рабочего движения, руководимого Коммунистической партией. Летом 1948 года английские империалисты, пытаясь спасти основы колониального режима, начали войну против малайского народа. Колонизаторы загнали в подполье компартию, распустили профсоюзы, начались массовые аресты и высылки из страны демократических деятелей. В марте 1949 года был повешен председатель Всемалайской федерации профсоюзов Ганапати.

Сначала эту колониальную войну лейбористское правительство именовало «полицейской акцией» против «террористов». В этой «полицейской акции» участвовали танки и бомбардировочная авиация. Через два года, 25 мая 1950 г., лондонская газета «Таймс» в редакционной статье должна была констатировать: «Восстание надо признать тем, чем оно является на самом деле, то есть настоящей войной». Можно лишь добавить, что для английских империалистов это была контрреволюционная война против народа, отстаивавшего независимость.

Стопятидесятитысячная английская армия творила зверскую расправу с мирным населением, пытаясь подавить партизанское движение. Десятки тысяч людей были брошены в лагеря, арестованы, замучены и расстреляны карателями. Летом 1950 года британские власти приняли закон, устанавливавший смертную казнь за любое участие в движении «против военных действий», в которых участвует английское правительство[12]. Официально сообщалось, что между апрелем 1950 года и мартом 1952 года не менее 423 тыс. малайских крестьян и рабочих вместе с их семьями (примерно одиннадцатая часть страны) были изгнаны из своих домов и посажены в так называемые «переселенческие лагеря», окруженные колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток[13].

Колониальная война в Малайе, бушевавшая в течение нескольких лет, не подавила стремления народа к незави-

◆

[12] И. М. Лемин, Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны, М., 1951, стр. 261. Ср. В. С. Рудиев, Очерки новейшей истории Малайи, М., 1959.

[13] Общая численность английских и «туземных» карателей достигала 350 тыс. («E. O. Ballance. Malaya. The Communist Ynsurgent War, 1948—1960», L., 1966, p. 164).

симости и заставила, в конечном счете, английских колонизаторов пойти на уступки.

В известной мере сходным оказалось развитие событий на Филиппинах, где вернувшиеся после капитуляции Японии американские власти стремились восстановить свое господство. Они поспешили воспользоваться услугами предателей филиппинского народа, сотрудничавших с японскими захватчиками [14]. Правда, учитывая масштабы народного движения, США в июле 1946 года согласились на предоставление Филиппинам независимости. Вместе с тем, вступив в союз с внутренней реакцией — помещиками и компрадорами, опутав Филиппины рядом неравноправных договоров, по которым, в частности, в стране сохранялись американские военные базы и контроль над филиппинской армией, США обеспечили себе командные экономические и политические позиции в своей бывшей колонии. Американский империализм подтолкнул филиппинскую реакцию на репрессии против Коммунистической партии и рабочего класса. Пытаясь расправиться с ветеранами антияпонской освободительной армии на острове Лусон, филиппинские реакционеры развязали гражданскую войну. Эта растянувшаяся на много лет война проходила при помощи американских империалистов.

Колониальные войны крупного масштаба велись западными империалистами и в странах, где их господство не было ликвидировано в ходе второй мировой войны. Примером может служить Кения.

Пытаясь подавить национально-освободительное движение в Кении, английские колониальные власти создали вымысел о тайном террористическом обществе «Мау-Мау». Эта выдумка была разоблачена лидером «Союза африканцев Кении» на судебном процессе, происходившем в 1953 году. Как было впоследствии установлено, свидетели, подтверждавшие существование «Мау-Мау», давали ложные показания, состряпанные для них в полиции [15].

Легенду о «Мау-Мау» английские власти использовали как предлог для введения чрезвычайного положения в

◆

[14] Э. Х. Абайя, Предательство на Филиппинах, М., 1948, стр. 219 и сл.

[15] А. М. Хазанов, Освободительная борьба народов Восточной Африки после второй мировой войны, М., 1962, стр. 126—130.

Кении, массовых арестов и преследования всех противников колониального режима, удушения политических организаций и органов печати, неугодных колонизаторам. Однако империалисты просчитались. Террор не сломил борцов против колониального ига. Народ Кении поднялся на справедливую освободительную борьбу. Английское правительство перебросило в Кению крупные вооруженные силы, пыталось огнем и мечом подавить сопротивление своему господству. Началась кровавая колониальная война. Восставшие восприняли название, которое им дали британские власти, и стали именовать себя «Мау-Мау». Колонизаторы сеяли ветер и пожали бурю. В Кении возникло действительно массовое партизанское движение за свободу и независимость страны.

Британские колонизаторы всячески расписывали зверства «Мау-Мау», якобы проводившуюся партизанами политику истребления белых поселенцев. Однако даже буржуазный историк Ф. Мейджелэнн, апологет колонизаторов, повторявший выдумки английской администрации, вынужден признать: «Несмотря на то что главное внимание уделялось в печати отдельным случаям нападения на европейцев.., правдой является, что за первые 14 месяцев действия закона о чрезвычайном положении 16 европейцев было убито и пятеро ранено»[16]. Насчитывалось также 11 убитых и 17 раненых членов азиатской общины. Кроме того, в ходе партизанской войны было убито и ранено около тысячи африканцев, пособников колониальной власти, большинство из которых прямо или косвенно участвовало в кровавых расправах, чинившихся карательными войсками. Это происходило в месяцы, когда английские колониальные власти по существу проводили политику геноцида — физического уничтожения африканского населения Кении. Даже по официальным данным, в первые месяцы после объявления чрезвычайного положения англичане ежемесячно казнили около 500 человек. Каратели широко применяли бомбардировки мирных селений, сгон десятков тысяч людей в концлагеря, сожжение хижин, в которых запирали стариков, женщин и детей[17]. О злодеяниях колониальных

◆

[16] F. Majdalany, State of Emergency. The Full Story of Mau-Mau, Boston, 1963, p. 189.

[17] А. М. Хазанов, Освободительная борьба народов Восточной Африки после второй мировой войны, стр. 131—133.

войск и полиции дает представление, например, одно из писем представителей племени Кикуйю, напечатанное 12 декабря 1953 г. в газете «Дейли уоркер». В этом письме рассказывалось, что колонизаторы пытают мужчин, насилуют женщин, сжигают заживо детей. В концлагерях полицейские выжигали у узников сигаретами барабанные перепонки, заключенных подвешивали за руки и избивали полосами, вырезанными из старых автомобильных шин. К концу 1953 года было арестовано 156 469 человек, из них 64 тыс. преданы суду[18]. Десятки тысяч трудящихся столицы Кении Найроби в 1953 и 1954 годах были арестованы во время полицейских облав и заключены в концентрационные лагеря. Это, как писал один колониалистски настроенный историк, «сохранило мир Найроби»[19] очень ненадолго. Английское правительство, развязав истребительную войну в Кении, ставило цель превратить эту страну во вторую Южную Африку, в заповедник колониализма и расизма. Эти планы были сорваны национально-освободительным движением народа Кении.

Распад французской колониальной империи после второй мировой войны также сопровождался отчаянными попытками империалистов вооруженным путем сохранить свою власть и привилегии. В 1947—1948 годах французские власти на Мадагаскаре начали кровавую колониальную войну, чтобы подавить национально-освободительную борьбу мальгашского народа. В результате войны погибло свыше 100 тыс. мальгашей. Более 20 тыс. коммунистов, членов демократического движения за мальгашское возрождение, профсоюзных активистов были брошены в тюрьмы[20]. Героическая освободительная война мальгашей в то время окончилась неудачей благодаря огромному превосходству военных сил колонизаторов. Но борьба продолжалась и в 1960 году. Париж, стремясь сохранить командные экономические позиции французских монополий на острове, пошел на уступки. Мадагаскар был провозглашен независимой республикой, но на острове оставались французские военные ба-

◆

[18] F. Majdalany, State of Emergency. The Full Story of Mau-Mau, pp. 188—189.
[19] F. D. Hislop, The Story of Kenya, L., 1961, p. 78.
[20] «Новейшая история Африки», под ред. С. Р. Смирнова и др., М., 1964, стр. 462.

зы, а власть оказалась в руках консервативных элементов.

Еще больший размах приобрели колониальные войны, с помощью которых французский империализм стремился подавить революцию во Вьетнаме и Алжире.

Падение Макартура

Оказывая всестороннюю помощь западноевропейским державам в попытках сохранить устои рушившейся колониальной системы, американский империализм рассматривал эти преступные войны как подготовку к схватке с мировым социализмом. В конце 40-х годов правящие круги США сочли себя достаточно подготовленными для начала актов прямой агрессии против стран, отпавших от капиталистической системы. Объектом интервенции была избрана Корея.

В августе 1945 года корейский народ был освобожден Советской Армией от японского империалистического ига. К 1 января 1949 г. советские войска были выведены из страны. В Корее произошла народно-демократическая революция. Корейское население приняло решение провозгласить страну народной республикой. Однако после капитуляции Японии часть Кореи — на юге от 38-й параллели — была занята войсками США. Американская оккупация с самого начала приобрела характер контрреволюционного вмешательства. Американские оккупанты разогнали органы народной власти, которые были образованы населением Южной Кореи, и навязали в качестве марионеточного правителя Ли Сын Мана — ярого реакционера, прожившего большую часть жизни в США. В Южной Корее был установлен военно-террористический режим. С августа 1945 до середины декабря 1949 года были расстреляны и погибли в застенках и концлагерях 159 тыс. корейских патриотов. В тюрьмах побывало за этот же срок не менее полумиллиона человек — гигантская цифра, если учесть численность южнокорейского населения. Это не смогло помешать развертыванию в Южной Корее широкой партизанской борьбы против оккупантов.

Янки опирались на самые реакционные круги — помещиков, компрадорскую буржуазию, офицеров и чиновни-

ков лисынмановской администрации. Американские оккупанты ограбили Южную Корею и превратили ее в плацдарм против стран социализма. Южнокорейская территория была покрыта сетью американских военных аэродромов, постоянно увеличивалась численность марионеточных войск, во главе которых находились корейцы — бывшие офицеры японской армии[1]. Начиная с 1949 года в печать стали просачиваться высказывания американских дипломатов и военных, вроде посла в Южной Корее Муччо и главы военной миссии генерала Робертса, о необходимости форсировать подготовку «похода на Север» — против Корейской Народно-Демократической Республики. Об этом же многократно заявляли Ли Сын Ман и его министр обороны, явно рассчитывавшие на молниеносную войну. С января 1949 года по апрель 1950 года было совершено 1274 нападения на пограничные районы Северной Кореи.

Ранним утром 25 июня 1950 г. 10 лисынмановских дивизий, сосредоточенных у 38-й параллели, вторглись на территорию КНДР. Руками своих южнокорейских наемников США развязали новую агрессивную войну.

Корея была далеко не случайно избрана американским империализмом в качестве плацдарма новой контрреволюционной интервенции. Именно отсюда США надеялись начать восстановление своих позиций в Азии, катастрофически подорванных революцией в Китае, укрепление развалившейся колониальной системы империализма. Неменьшее значение имело и то обстоятельство, что Вашингтон надеялся добиться своих непосредственных целей, используя прежде всего марионеточную армию, заставляя «азиатов воевать против азиатов». Кроме того, поскольку Соединенные Штаты, опираясь тогда на послушное большинство своих сателлитов, привлекли Организацию Объединенных Наций к наблюдению за формированием лисынмановского правительства, в Белом доме рассчитывали прикрыть интервенцию флагом ООН[2].

Народная армия КНДР отбила нападение с юга и перешла в контрнаступление. Население Южной Кореи

[1] R. Leckie, Conflict. The History of the Korean War, 1950—1953, N. Y., 1962, p. 39.

[2] «Международные отношения после второй мировой войны», под ред. Н. Н. Иноземцева, М., 1963, стр. 412.

восторженно встречало воинов народной армии, массами добровольно вступало в ее ряды. Отступление южнокорейских частей местами переходило в паническое бегство.

Убедившись в том, что события развиваются совсем не так, как это предполагали США, президент Трумэн 27 июня 1950 г. в 12 часов дня приказал командующему американскими войсками в Японии генералу Д. Макартуру начать вооруженную интервенцию. Одновременно президент США заявил, что американский флот получил приказ силой воспрепятствовать освобождению китайского острова Тайвань, на котором укрылась бежавшая из континентального Китая гоминдановская клика. Еще 25 июня собрался Совет Безопасности ООН. Заседание его происходило в отсутствие представителя Советского Союза — постоянного члена Совета (делегат СССР не участвовал тогда в работе Совета Безопасности в знак протеста против отказа предоставить КНР место, занятое чанкайшистами) и носило незаконный характер. Тем не менее «американское большинство» Совета одобрило резолюцию, внесенную США, а вечером 27 июня, то есть задним числом, уже после решения Трумэна об интервенции, рекомендовало членам ООН оказывать помощь Ли Сын Ману. Еще через 10 дней интервенты получили право именоваться войсками ООН, а их командующим был назначен Макартур. Таким образом, попирая Устав Организации Объединенных Наций, США прикрыли свое контрреволюционное вмешательство «санкцией» ООН.

Подавляющую часть интервенционистских войск составляли американские дивизии, кроме этого, в войне участвовала английская пехотная бригада и военные корабли, а также турецкие части. Участие еще 12 стран было в основном символическим, а большинство членов Организации Объединенных Наций уклонилось от посылки войск в Корею.

Между тем Народная армия КНДР заняла столицу страны Сеул, разгромив лисынмановские войска, оттеснила их к Пусану на юго-востоке Корейского полуострова, освободив более 95% территории и 97% населения. Собственно гражданская война закончилась полной победой Народной армии. Эта победа была достигнута несмотря на то, что лисынмановцы получали широкую американскую поддержку и что авиация США подвергала варварским бомбардировкам города и селения Северной Кореи,

многие из которых были разрушены до основания. Теперь, однако, интервенты взяли на себя главную роль в войне. Американское командование подготовило свой удар, сконцентрировав для этой цели крупные силы флота и авиации. 15 сентября 1950 г. под прикрытием 300 военных судов и 500 самолетов был высажен 40-тысячный десант в районе Инчона. Ценой больших потерь интервенты ворвались в Сеул, после чего Народная армия должна была отступить к 38-й параллели. 20 сентября государственный секретарь Ачесон объявил, что целью США является «объединение» Кореи под властью Ли Сын Мана, иначе говоря, ликвидация Корейской Народно-Демократической Республики. 1 октября американские интервенты и лисынмановцы перешли 38-ю параллель, потом заняли Пхеньян и приблизились к рекам Ялуцзян и Тумыньцзян на границе с КНР.

На оккупированной территории интервенты творили чудовищные злодеяния, включая пытки военнопленных и мирных жителей, изнасилование женщин, сжигание целых семей в их домах. Во время кратковременного пребывания в Пхеньяне американцы взорвали промышленные предприятия, общественные здания и коммунальные учреждения. В городе были созданы террористические организации, в том числе комитет по уничтожению коммунистов.

24 ноября 1950 г., сосредоточив 7 американских, 7 лисынмановских дивизий, а также английские, австралийские и турецкие части, генерал Макартур начал «генеральное» наступление, которое должно было принести долгожданную победу. Однако наступление интервентов захлебнулось в первый же день. 25 ноября корейская Народная армия прорвала фронт американских войск и, быстро развивая успех, 7 декабря освободила Пхеньян, а 4 января 1951 г. — Сеул. Выступая 30 ноября, Трумэн угрожал использовать атомное оружие, но не рискнул осуществить свою угрозу, как этого требовал генерал Макартур, считавший, что настало время исправить американские «ошибки» (недостаточные размеры интервенции, приведшие к победе китайской революции) [3]. Его активно поддерживали крайние реакционеры внутри страны, обвинявшие всех противников

[3] G. Douglas MacArthur, Reminiscences, N. Y., 1964, p. 390.

расширения агрессивной войны в том, что они являются коммунистическими агентами[4]. (Поклонники Макартура распространяют лживую легенду о «войне, которую ему не разрешили выиграть»[5].) Макартур был смещен Трумэном с поста командующего войсками интервентов.

Американский империализм отступил перед риском войны со всеми социалистическими странами. К тому же возможность такого конфликта настолько встревожила союзников США, что это поставило под вопрос дальнейшую руководящую роль Америки[6]. В большинстве стран, участвовавших в агрессивной войне против Кореи, смещение Макартура было встречено со вздохом облегчения[7]. И поныне американские крайне правые круги оплакивают это первое американское отступление после второй мировой войны[8].

Вместе с тем США отвергали все предложения о мирном урегулировании конфликта, пытаясь поставить корейский народ на колени путем массовых бомбардировок городов и сел. Американские и лисынмановские войска неоднократно пытались переходить в наступление, но им удавалось ценой больших потерь продвигаться лишь на несколько десятков километров, с тем чтобы нередко вновь быть отброшенными на исходные позиции.

Летом 1951 года правительство США должно было дать согласие на переговоры о мире, однако избрало тактику маневров и проволочек, снова и снова пытаясь добиться военной победы. Война приобретала все более затяжной характер. Напрасно США добивались, прибегая к послушной «машине голосования», одобрения своих действий Организацией Объединенных Наций. По всему миру нарастала волна осуждения американской интервенции. На президентских выборах в США в ноябре 1952 года победил кандидат республиканской партии

◆

[4] E. Lathan, The Communist Controversy in Washington. From the New Deal to Maccarty, Cambr. (Mass.), 1966, p. 393 a. o.

[5] F. Hunt, The Untold Story of Douglas MacArthur, N. Y., 1964, p. 403 f.

[6] J. W. Spanier, The Truman — MacArthur Controversy and the Korean War, Cambr. (Mass.), 1959, p. 206.

[7] C. Phillips, The Truman Presidency. The History of a Triumphant Succession, N. Y., 1966, p. 345.

[8] Cp. J. Burnham, Suicide of the West. An Essay on the Meaning and Destiny of Liberalism, N. Y., 1964, p. 267.

генерал Д. Эйзенхауэр, который обещал добиться перемирия в Корее. В пользу перемирия по инициативе Советского Союза и других социалистических стран высказалась Организация Объединенных Наций. США стала грозить дипломатическая изоляция. Соглашение о перемирии было подписано 27 июля 1953 г. Оно предусматривало прекращение военных действий впредь до окончательного урегулирования конфликта.

Интервенция американского империализма в Корее, прикрытая флагом ООН, пришла к закономерному провалу. Заключение перемирия было свидетельством могущества социалистических стран, победой их миролюбивой внешней политики. Оно показало, что решительное пресечение попыток вооруженного «экспорта контрреволюции», являясь важным вкладом в дело сохранения мира, способствовало тому, что агрессивные действия империалистов не переросли в пожар новой мировой войны.

Большая игра ЦРУ

10 октября 1951 г. конгресс США одобрил беспрецедентный закон «О взаимном обеспечении безопасности», возводивший подрывную деятельность и подготовку интервенции в ранг официальной государственной политики. Одна из статей этого закона предусматривала ежегодное ассигнование 100 млн. долл. для создания специальных военных соединений реакционных эмигрантов из СССР и других социалистических стран, действия которых должны были «способствовать проведению политики Соединенных Штатов»[1].

При попытках проведения в жизнь своих планов «отбрасывания коммунизма» правящие круги США спекулировали на трудностях социалистического строительства в странах народной демократии и на допускавшихся ошибках в государственном и партийном руководстве. Коммунистические партии вскрывали эти ошибки и пре-

[1] «United States Statutes at Larges 1951», v. 65, Wash., 1952, pp. 374—375. Цит. по Н. Н. Яковлев, Новейшая история США, 1917—1960 годы, стр. 547.

одолевали их последствия. Тактика империалистической агентуры в этих условиях сводилась ко всяческому раздуванию недостатков, чтобы таким путем скомпрометировать в глазах отсталых слоев народа основы социалистического общественного строя.

Летом 1953 года американская и западногерманская агентура спровоцировала контрреволюционные выступления в Берлине, окончившиеся полным провалом для их организаторов. Опираясь на контрреволюционную эмиграцию, США попытались вмешаться осенью 1956 года во внутреннюю политическую жизнь Польши, также потерпев полную неудачу.

Однако главные усилия американская разведка сосредоточила на провоцировании контрреволюционного мятежа в Венгрии. Империалисты воспользовались тем, что в Венгрии двадцать пять лет существовал фашистский режим, оставивший тяжелое наследие, что венгерская реакция сумела сохранить влияние на некоторые слои населения. Империалистические разведки учитывали и особенности послевоенного развития Венгрии. «Победа социалистической революции мирным путем, — отмечал впоследствии Янош Кадар, — дала венгерской буржуазии то преимущество, что, хотя экономическая основа ее власти и была ликвидирована в результате экспроприации, она все же сохранила в значительной мере свои кадры и свою активную политическую роль. Этому способствовало и то, что вследствие особого характера развития мы не сломали сразу после 1945 года буржуазный государственный аппарат, за исключением жандармерии и армии, а лишь постепенно видоизменяли его. Таким образом, буржуазия в течение долгого времени в значительной мере смогла даже сохранить свое влияние на государственную администрацию и решение экономических и культурных проблем» [2].

Активизация реакционных сил в Венгрии стала возможной в результате глубокого кризиса, который назревал «в партии, среди рабочего класса и по всей стране» [3]. Это было следствием серьезных ошибок, допущенных тогдашним догматическим руководством Венгерской

◆

[2] Я. Кадар, Избранные статьи и речи (1957—1960 гг.), М., 1960, стр. 52.

[3] Я. Кадар, Избранные статьи и речи (май 1960 г.— апрель 1964 г.), М., 1964, стр. 336.

партии трудящихся и предательской линии ревизионистской группы Имре Надя, скатившейся к сотрудничеству с контрреволюционными элементами. Как показал впоследствии судебный процесс над Имре Надем, тот еще в декабре 1955 года организовал заговор для захвата власти. Участники заговора имели сторонников, занимавших важные посты в армии и в управлении полиции венгерской столицы. Имре Надь через третьих лиц поддерживал связи с империалистическими разведками, в частности с английским военным атташе Каули. Планы мятежа были разработаны ЦРУ и пересланы для исполнения в Венгрию.

23 октября мирная демонстрация студентов в результате провокации со стороны контрреволюционеров переросла в вооруженное столкновение. Имре Надь, находившийся во главе правительства, принял меры, равнозначные полной капитуляции перед контрреволюционерами, которые, воспользовавшись общим смятением, дезориентацией рабочего класса, взяли в свои руки руководство вооруженным мятежом. После ухода из Будапешта, по просьбе Имре Надя, советских войск в городе воцарился белый террор. Бывшие хортистские офицеры, жандармы, чиновники, члены распущенных фашистских организаций, католические церковники, фабриканты и помещики, лишившиеся своей собственности в ходе революции, кулаки, авантюристы всех мастей, а также выпущенные из тюрем 9 тыс. убийц, воров и других уголовных преступников — вот кто составлял наиболее активную часть участников мятежа. Так, например, в области Ханду-Бихар в «революционные комитеты», созданные мятежниками, входило 112 кулаков, 67 бывших жандармов, 44 хортистских офицера, 39 священников, 3 бывших помещика и т. д.[4] Они ставили целью реставрировать капитализм, установить в стране кровавый режим фашистского типа.

Как признал позднее 12 октября А. Даллес, в то время руководитель ЦРУ, ему было заранее известно о начале мятежа в Венгрии[5], который империалистическая пропаганда пыталась изобразить как стихийное антикоммунистическое восстание. Роль американских правящих кругов, однако, отнюдь не ограничивалась лишь систе-

◆

[4] «Очерки новой и новейшей истории Венгрии», под ред. А. И. Пушкаша и др., М., 1963, стр. 369.

[5] «О событиях в Венгрии. Факты и документы», М., 1957, стр. 71.

матическим подстрекательством (посредством передач радиостанции «Свободная Европа», запуска воздушных шаров с клеветническими листовками на территорию Венгрии и т. п.) и идеологической подготовкой мятежа. Руководитель Американского института психологического ведения войны и член национального комитета «Свободной Европы» Джексон заявил, что США не нуждаются «ни в какой правде, а только в подрывной деятельности. Нам нужна поддержка всех головорезов и гангстеров, которых мы можем завербовать» [6].

Еще в первые годы после войны Западная Германия была превращена в центр сосредоточения эмигрантских сил. Под крылышком американских и английских оккупационных властей были по существу воссозданы бежавшие на Запад части венгерской фашистской армии. Во главе их стоял фашистский генерал Кишбарнаки Фаркаш, бывший начальник контрразведки генерал Андраш Зако и др. В состав американской армии были включены специальные венгерские подразделения из членов фашистской организации «Скрещенные стрелы» и других реакционных группировок. На западногерманской территории были обучены и подготовлены особые венгерские соединения численностью в 11 тыс. человек [7].

Еще с середины 1955 года увеличилось число посланий правящих кругов США к венгерскому народу с призывом к свержению народно-демократического правительства. 16 апреля 1956 г. палата представителей американского конгресса приняла резолюцию, прямо призывавшую к так называемому «освобождению» стран народной демократии.

Наряду с «психологической войной» развертывалась подготовка к широким диверсионным действиям и неофициальной интервенции.

Сразу же после начала мятежа президент Эйзенхауэр, принимая главарей реакционной организации американских венгров, обещал им полную поддержку США [8]. Еще до начала событий по странному «совпадению» из-за океана в Австрию спешно прибыли Ференц Надь, бывший премьер-министр Венгрии и организатор анти-

◆

[6] «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 83.
[7] В. Минаев, Тайное становится явным, М., 1960, стр. 210—211, 214.
[8] «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях», М., 1957, вып. III, стр. 69.

республиканского заговора в 1947 году, руководитель военного отдела Национального комитета венгров в США, капитан хортистской армии Тибор Экхардт и другие лидеры реакционной эмиграции.

Как сообщал известный американский журналист Джо Пирсон, в это время в Париже была проведена встреча почти всех главарей реакционной эмиграции, бежавших из стран народной демократии. На этом совещании присутствовал и американский представитель — майор Э. Джексон. В числе участников совещания фигурировал и Совет пяти венгерских генералов — высший военный орган венгерских эмигрантских организаций. (К нему был близок и эрцгерцог Иожеф Габсбург, а «воззвания» этого совета публиковались в неонацистском журнале «Национ Эуропа»[9].) По имеющимся сведениям, Э. Джексон обещал предоставить венгерским контрреволюционерам все необходимое, включая грузовики и самолеты, для доставки в Венгрию людей и оружия. Свои обещания американцы выполнили. Из Западной Германии через Австрию в Венгрию были переброшены отряды фашистского отребья, снабженные американским оружием. В первые же дни контрреволюционного мятежа с аэродрома около Графенвера (в Баварии) ночью стартовали самолеты без опознавательных знаков, перебрасывавшие людей и вооружение в Венгрию. В Будапеште тайно побывал и бывший шеф американской разведки Доновен, который вел там переговоры и давал инструкции мятежникам. Активную роль в переброске подкреплений и оружия контрреволюционерам сыграла и западногерманская разведка, возглавляемая Геленом, а также английская Интеллидженс сервис[10]. Немногочисленные австрийские пограничники не могли, даже если бы это входило в их намерения, контролировать массовые перевозки через границу с Венгрией[11]. По некоторым данным, в Венгрию было заброшено 60 тыс. хортистов. 2 ноября из Австрии прибыло 30 самолетов, а 3 ноября еще 70 самолетов с боеприпасами. Этими же рейсами прибыли и организаторы мятежа. Оружие вкла-

◆

[9] «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях», вып. II, стр. 121—122.

[10] В. Минаев, Тайное становится явным, стр. 215—216.

[11] Е. Прицкер, Венгерский репортаж, М., 1957, стр. 25.

дывалось даже в посылки с медикаментами, которые направлялись «Красным крестом» из западных стран [12]. Американские радиостанции непрерывно передавали инструкции, подбадривали мятежников.

Венгерский народ нашел в себе силы даже в этих трудных условиях для отпора контрреволюции. Помощь Советской Армии привела к быстрому краху мятежа.

Планы открытой вооруженной интервенции в пользу контрреволюции не были осуществлены. Президент Эйзенхауэр был недоволен тем, что Англия и Франция были «отвлечены» Суэцким каналом, а Иден язвительно отмечал «медлительность» США в принятии решений по «венгерскому вопросу» [13]. 4 ноября 1956 г. президент обдумывал вопрос о прямой вооруженной помощи мятежникам. Однако отсутствие морских портов и территорий, которые союзные государства были бы готовы предоставить для такой американской акции, занятость Франции и Англии суэцкой авантюрой, невозможность использования западногерманских и итальянских войск через территорию Югославии, Чехословакии или нейтральной Австрии, осознание, что подобные действия чреваты опасностью вовлечения США в глобальный конфликт, — все это привело к тому, что в Белом доме поняли нереальность планов военного вмешательства [14]. Однако, как отметил ближайший помощник Эйзенхауэра, министр сельского хозяйства Бенсон, «где не предпринимаются действия, нужно использовать слова» [15]. Бенсон призывал к усилению американским империализмом в связи с венгерскими событиями «психологической войны» против социалистических стран. Настойчивые попытки США превратить Организацию Объединенных Наций в орудие вмешательства во внутренние дела Венгрии потерпели неудачу вследствие твердой позиции социалистических государств, а также нараставшей оппозиции американским действиям со стороны неприсоединившихся стран [16].

◆

[12] «О событиях в Венгрии. Факты и документы», стр. 76—77, 255.
[13] A. E. Eden, Memoirs. Full Circle, Cambr., 1960, p. 609.
[14] D. D. Eisenhower, The White House Years. Waging Peace, 1956—1961, N. Y., 1965, pp. 89—90.
[15] E. T. Benson, Cross Fire. The Eight Years with Eisenhower, N. Y., 1962, pp. 339—340.
[16] A. F. Vali, Rift and Revolt in Hungary, Cambr. (Mass.), 1961, p. 487.

26 июля 1956 г. правительство Египта объявило о национализации Суэцкого канала. Сообщение об этом сразу же превратнлось в новость международного значення, вызвавшую лихорадочную дипломатическую активность в западных столицах. Она далеко выходнла за рамки очеиь важного вопроса о судьбе судоходства по такой важной транспортной артерии, какой являлся канал. Дипломатия западных держав, подготовляя свое коитрнаступление, предполагала восстаиовить пошатиувшиеся позиции империализма в арабском мире, предотвратить приближавшийся полный развал колониальиой системы.

За четыре года до этого в Египте произошла революция, свергиувшая прогнивший монархический режим и поставившая страну на рельсы независимого развития. Аиглийские войска должиы были покииуть зоиу Суэцкого каиала, где их присутствие являлось постояииой угрозой для Египта. Вопрос о статусе канала, оставшийся в наследство от колоииальиого прошлого Египта, не был разрешеи.

Суэцкий каиал был прорыт на территории Егнпта. Он стоил жизни 120 тыс. египетских крестьяи, согнанных для его строительства. Однако уже вскоре после окончания работ египетское правительство лишилось своей доли акций Компании Суэцкого канала. Контрольиым пакетом завладели англичане, а потом фииансовые претензии иностранных капиталистов к египетскому хедиву и освободительиое движеиие народа против иноземных ростовщиков дали Аиглин в 1882 году предлог для вооруженного вторжения и оккупации Египта [1].

После того как Египет стал независимой страной, естественно, встал вопрос о восстановлении его во владении каиалом, о ликвидации «государства в государстве», каким являлась Компания Суэцкого канала. Следует добавить, что огромные прибыли, которые в течеиие стольких десятилетий получала Компания Суэцкого канала, во много раз перекрыли затраты на его сооружение.

◆

[1] «Суэцкий канал. Факты и документы, Сборник статей», пер. с арабск., М., 1959, стр. 29—86.

В годы перед национализацией Суэцкий канал приносил ежегодную прибыль в 100 млн. долл. Это были средства, которые позволили бы заметно ускорить экономическое развитие Египта, долго тормозившееся колонизаторами.

Продиктованное задачами укрепления государственной независимости и интересами развития национальной экономики решение египетского правительства было совершенно оправданным как с международно-правовой, так и моральной точки зрения. Компания Суэцкого канала являлась юридически египетской компанией, действовавшей на египетской территории. Национализацию этой Компании в правовом отношении можно сравнить с национализацией отдельных отраслей промышленности, проводившейся в пятилетие после второй мировой войны в ряде западных стран, включая Англию и Францию. Стоит добавить, что египетское правительство не возражало против выплаты возмещения иностранным владельцам акций Компании Суэцкого канала. Национализация не вносила никаких изменений и помех в нормальное функционирование этого важного водного пути.

При первых же известиях о национализации Компании Суэцкого канала английский консервативный кабинет Идена и французское правительство, возглавляемое социалистом Ги Молле, разразились неприкрытыми угрозами в адрес Египта. Государственный секретарь США Д. Ф. Даллес объявил, что национализация представляет «серьезный удар по международному доверию» [2]. 2 августа правительства США, Англии и Франции объявили о созыве международной конференции в Лондоне для обсуждения шагов, которые будут предприняты для обеспечения «свободы и безопасности канала» [3]. Проводя подготовку к этой конференции, Даллес назвал национализацию «гневным актом мщения против мнимых несправедливостей» и угрожающе добавил, что США сохраняют полную свободу действий [4].

16 августа открылась продолжавшаяся неделю международная конференция в Лондоне, на которой обсуждался вопрос о канале. Организаторы конференции фабриковали список приглашенных таким образом, чтобы

[2] «The Suez Canal Problem July 26 — September 22, 1956». Department of State Publication 6392, Wash., 1956, p. 34.
[3] Ibid., p. 35.
[4] Ibid., pp. 40—41.

большинство участников составляли страны, которые шли в фарватере англо-американской политики. В выступлениях западных делегатов отрицалось неоспоримое право Египта на канал. Так, министр иностранных дел Франции Пино пытался доказать, что национализировать можно только те отрасли промышленности и транспорта, которые имеют лишь значение для самой страны и не затрагивают собственности иностранных граждан и интересы других государств[5]. Путем подобного крючкотворства западные дипломаты пытались создать дело против египетского правительства, оспаривать его суверенные права и подвести юридическую базу под готовившуюся интервенцию. С этой же целью предпринимались такие дипломатические маневры, как направление «посреднических миссий» в Каир, создание Ассоциации пользователей Суэцкого канала для переговоров с египетским правительством и обсуждение вопроса о канале в Совете Безопасности.

Одновременно с этим не прекращалась кампания запугивания Египта, подстрекательства иностранных лоцманов и других служащих Компании Суэцкого канала к прекращению работы в тщетной попытке нарушить нормальное судоходство, проведение мероприятий, рассчитанных на подрыв египетской экономики. В цепи этих враждебных действий центральное место вскоре заняли угрозы применения силы и концентрация английских и французских войск на Кипре. Как выяснилось впоследствии, дипломатические шаги западных правительств, выдвижение явно неприемлемых для Каира предложений служили империалистам лишь формой политической подготовки интервенции и выигрыша времени, необходимого для сосредоточения вооруженных сил, которые должны были осуществить вторжение в Египет. Такая отсрочка была нужна также для ускоренной военной мобилизации армии Израиля, получившей большие партии французского оружия. 29 октября на израильские аэродромы прибыли две эскадрильи французских военных самолетов. К этому моменту все детали были согласованы правительствами Лондона, Парижа и Тель-Авива, крупные соединения английского и французского флота, войска на Кипре приведены в состоянии полной боевой го-

◆

[5] «The Suez Canal Problem July 26 — September 22, 1956». Department of State Publication 6392, p. 87.

товности. Через несколько часов начались заранее спланированные события, которые получили в секретных документах интервентов кодовое название «операция мушкетер».

В ночь с 29 на 30 октября 1956 г. израильская армия, поддержанная французскими самолетами, вторглась на территорию Египта и, используя фактор внезапности нападения, стала быстро продвигаться по Синайской пустыне к Суэцкому каналу. Реакционные правящие круги Израиля, строившие широкие захватнические планы, выполняли, однако, лишь роль, которая была им отведена по сценарию, написанному в столицах главных империалистических держав. Израильская агрессия с чисто военной стороны преследовала задачу заманить основные силы египетской армии в Синай, с тем чтобы англо-французские войска, заняв Суэцкий канал, отрезали ее от основной части египетской территории. В результате египетские силы, пойманные в ловушку, были бы обречены на поражение. Египет лишился бы средств для отражения агрессии.

Однако израильское нападение имело и другую, политическую цель — создать предлог для вмешательства. Утром 30 октября спешно прилетевшие в Лондон Ги Молле и Пино совместно с Иденом договорились об ультиматуме, который днем того же дня был предъявлен как Египту, так и Израилю. Разыгрывая свои роли в империалистическом заговоре, его главные организаторы приняли позу миротворцев, заинтересованных в немедленном прекращении военных действий. Направленный формально обеим сторонам, участвовавшим в конфликте, англо-французский ультиматум был по существу предъявлен только Египту. Смешно же было считать ультиматумом Тель-Авиву предложение отвести его войска на 10 миль от канала, находившегося далеко за границами Израиля. Напротив, от Египта ультиматум требовал не только отвода египетских вооруженных сил на 10 миль от канала, но и согласия на занятие англо-французскими войсками городов Суэц, Исмаилия и Порт-Саид. Иначе говоря, лондонские и парижские «миротворцы» беспристрастно требовали и от своих сообщников в Тель-Авиве, и от Египта согласия на оккупацию Суэцкого канала, принадлежавшего только Египту и никому другому. Трудно было найти пример большего политического лицемерия.

Израиль, как и следовало ожидать, с готовностью выполнил «требования» своих империалистических покровителей. Египетское правительство решительно отклонило требование о капитуляции. После истечения 12-часового срока ультиматума англо-французские войска начали военные действия. В течение 5 дней англо-французская бомбардировочная авиация осыпала градом бомб египетские города и аэродромы. Ранним утром 5 ноября в районе Порт-Саида был выброшен авиационный десант. Через сутки к нему присоединились пехотные части, высаженные с военных кораблей и транспортов. Однако неожиданно для себя интервенты натолкнулись в районе канала на сопротивление главных сил египетской армии, которые рука об руку с населением Порт-Саида и других близлежащих египетских городов сорвали план «молниеносной войны», разработанный генеральными штабами в Лондоне и Париже. Особенно ожесточенный характер носили бои в Порт-Саиде, жители которого продолжали неравную и героическую борьбу и после того, как их наполовину разрушенный город был занят англо-французскими захватчиками.

Террор английских, французских и израильских оккупантов лишь усиливал борьбу египтян за независимость. Агрессоры оказались перед перспективой затяжной войны против народа, не желавшего встать на колени.

Интервенция вызвала бурное движение солидарности с Египтом во всем арабском мире, которое заставило занять антиимпериалистическую позицию даже реакционные правительства, тесно связанные с западными колонизаторами. Сирия, Саудовская Аравия, даже Иордания, на территории которой сохранились английские военные базы, и Ирак, входивший тогда в проимпериалистический Багдадский пакт, разорвали дипломатические отношения с Англией и Францией и запретили поставку им нефти. Движение в поддержку Египта послужило мощным толчком для расширения антиимпериалистической борьбы арабских народов. Оно ускорило последующий взрыв революции в Ираке, порвавшем с Багдадским пактом, расторжение Иорданией неравноправного договора с Англией, усилило выступления против колониализма и его наследия в Сирии и Алжире, на юге Аравии и в Судане, в Йемене и Ливии, во всех арабских странах, в Индии, Индонезии и многих других государствах Азии и Африки. Серьезная оппозиция нарастала

и в самих государствах-интервентах — Франции и Англии[6].

Советский Союз оказывал большую помощь Египту, в частности путем передачи ему необходимого вооружения и продовольствия. 4 и 29 октября были заключены соглашения о поставке Советским Союзом Египту 400 тыс. *т* пшеницы. Серьезную поддержку получил Египет и от других социалистических стран[7].

Однако интервенты решили идти напролом. Они воспрепятствовали принятию Советом Безопасности резолюции, которая помешала бы осуществлению их империалистических планов. 1 ноября 1956 г. по настоянию ряда делегаций была созвана Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН.

Представители держав, участвовавших в тройственной агрессии, прибегали к различным дипломатическим и юридическим увертках, к лицемерным политическим декларациям, чтобы отрицать очевидный факт этой агрессии и тем более наличия у них интервенционистских планов. Так, например, английский делегат П. Диксон уверял Ассамблею, что целью «англо-французского вмешательства» является лишь «охрана Суэцкого канала и восстановление мирного положения на Среднем Востоке». Черпая доводы из идеологического арсенала неоколониализма, Диксон пытался убедить собрание, что Великобритания якобы сама создала независимые государства Ближнего и Среднего Востока (в действительности образовавшиеся в результате упорной борьбы арабов против империализма, прежде всего английского и французского) и что поэтому Лондон никак не может покушаться на революционные завоевания стран этого района. «Действия, предпринятые Францией и Соединенным королевством, — доказывал британский дипломат, — не являются агрессией... Наши действия ни в коей мере не направлены против суверенитета Египта, а тем более против его территориальной целостности. Не по нашей вине полицейская акция, которую мы были вынуждены предпринять, проводится на египетской территории»[8].

◆

[6] Например, И. И. Жигалов, Прогрессивные силы Англии в борьбе за разоружение и мир, М., 1965.
[7] «Суэцкий вопрос и империалистическая агрессия против Египта», под ред. И. Ленина, М., 1957, стр. 82.
[8] «Организация Объединенных Наций. Первая чрезвычайная специальная сессия 1—10 ноября 1956 г.», Нью-Йорк, 1956, стр. 9.

Эти лицемерные уверения не произвели ожидаемого впечатления.

Подавляющим большинством голосов сессия призвала к прекращению интервенции и выводу иностранных войск с египетской территории. Однако Англия и Франция 5 ноября объявили о том, что они не намерены выполнять решения Генеральной Ассамблеи. Вместе с тем США, на словах критиковавшие тройственную агрессию, приложили все усилия, чтобы не допустить принятия Ассамблеей действенных мер для пресечения интервенции против Египта.

В этих условиях Советский Союз решительно выступил на стороне Египта. Советское правительство указало, что война на Ближнем Востоке может перекинуться на другие страны и перерасти в третью мировую войну. «Мы полны решимости, — говорилось в послании Советского правительства, направленном правительству Англии, — применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке» [9]. Аналогичные ноты были посланы правительствам Франции и Израиля. Белый дом, делавший вид, что не одобряет тройственную агрессию, тем не менее сразу же попытался ослабить впечатление от советских предупреждений, объявив, что вступление любых «новых» войск на территорию Ближнего Востока вызовет энергичные контрмеры со стороны США [10].

Голос правительства Советского Союза оказал отрезвляющее влияние на агрессоров. Обстановка, создавшаяся после получения послания Советского правительства, сделала безнадежным положение интервентов. Об этом сообщил главе британского кабинета не кто иной, как сам президент Эйзенхауэр. Около часа дня 6 ноября Иден позвонил по телефону в Париж Ги Молле и заявил о необходимости согласиться на прекращение огня. Французский премьер взволнованно предложил отсрочить решение на несколько часов, чтобы интервенционистские войска успели ворваться в Суэц. Иден ответил: «Меня загнали в угол! Я не могу упорствовать. Я покинут всеми. Мой преданный сотрудник Наттинг подал в

◆

[9] «Правда», 6 ноября 1956 г.

[10] D. D. Eisenhower, The White House Years. Waging Peace, 1956—1961, p. 90.

отставку с поста государственного министра. Я не могу даже полагаться на единство в рядах консерваторов. Архиепископ Кентерберийский, церковь, нефтепромышленники — все против меня. Содружеству угрожает развал. Неру говорит, что он порвет связи (с Англией. — *Е. Ч.*). Канада, Австралия уже не поддерживают нашу политику. Я не могу быть могильщиком британской короны...». На все просьбы Ги Молле об отсрочке Иден твердил: «Ни минуты больше» [11].

Англия, Франция и Израиль были вынуждены отказаться от продолжения развязанной ими агрессивной войны и согласиться на прекращение огня. Тройственная агрессия окончилась полным крахом.

Пытаясь взять хотя бы отчасти реванш за свое поражение, западные державы стремились использовать результаты своей другой интервенции — спровоцированного ими контрреволюционного мятежа в Венгрии, который совсем не случайно совпал по времени с империалистической агрессией на Ближнем Востоке. Однако мятеж в Венгрии потерпел столь же полный провал, как и суэцкая авантюра империалистов.

США решили воспользоваться поражением, которое потерпели Англия и Франция, для того чтобы утвердить свои позиции на Ближнем Востоке. 9 марта 1957 г. американский конгресс одобрил так называемую «доктрину Эйзенхауэра», предоставлявшую президенту право по собственному усмотрению направлять на Ближний Восток вооруженные силы для заполнения якобы образовавшегося «вакуума» в этом районе. Разумеется, эта новая интервенционистская доктрина была изображена как стремление США, в соответствии с важными национальными интересами и заботой о всеобщем мире, обеспечивать «сохранение независимости и территориальной целостности стран Ближнего Востока» [12]. Когда же Советское правительство предложило, чтобы все великие державы объявили об уважении суверенитета стран Ближнего Востока и отказались бы от сохранения своих военных баз в этом районе, Белый дом поспешил ответить отказом. С характерным для нее фарисейством дипломатия США старалась придать стремлению сохранить

◆

[11] H. Finer, Dulles over Suez. The Theory and Practice of His Diplomacy, Chi., 1964, pp. 429—430.

[12] «Department of State Bulletin», March 25, 1957, p. 481.

свободу рук для новых интервенций видимость заботы о соблюдении принципа невмешательства. «Вследствие уважения, которое они питают к принципу невмешательства в дела других стран, — говорилось в заявлении государственного департамента, — Соединенные Штаты не склонны участвовать в попытке великих держав, как это предлагает СССР, претендовать на принятие решения по вопросам, имеющим жизненно важное значение для народов Ближнего Востока» [13].

Уже летом — осенью 1957 года Вашингтон подготовил интервенцию против Сирии, которая встала на путь прогрессивных социальных реформ. Планы вмешательства были сорваны предупреждением Советского правительства, что оно не останется безучастным к попыткам развязывания империалистической агрессии против Сирийской Республики.

Следующей попыткой империалистов предотвратить крушение своих позиций в арабском мире была подготовка интервенции против революции в Ираке, свергшей монархию и приведшей к разрыву страны с Багдадским пактом.

Революция в Ираке явилась чувствительным ударом для империалистов. «Это была страна, — писал президент Эйзенхауэр, — на которую мы серьезно рассчитывали как на бастион стабильности и прогресса в том районе... Мы опасались самого худшего. Мрачный оборот событий мог, если бы не последовал сильный ответный шаг с нашей стороны, привести к полной ликвидации западного влияния на Ближнем Востоке» [14].

15 июля 1958 г. американская морская пехота высадилась в Ливане, а через два дня в Иорданию были доставлены английские войска. Но замыслы империалистов, намеревавшихся вторгнуться на территорию молодой Иракской Республики, снова оказались сорванными, натолкнувшись на решительное противодействие Советского Союза. Осенью 1958 года империалисты должны были вывести свои войска из Иордании и Ливана. Оружие интервенции снова не помогло в условиях резкого возрастания на международной арене антиимпериалистических демократических сил, возглавляемых СССР.

◆

[13] «Department of State Bulletin», Apr. 1, 1957, p. 523.
[14] D. D. Eisenhower, The White House Years. Waging Peace, 1956—1961, p. 269.

После второй мировой войны во Франции широко обсуждался проект предоставления независимости или политической автономии Алжиру. Как только коммунисты были в мае 1947 года удалены из состава правительства, господствующие классы Франции попытались по-своему решить судьбу Алжира, который был объявлен «группой департаментов», подчинявшихся власти французского генерал-губернатора. В Алжире усилились полицейские репрессии, преследование демократических партий и организаций, алжирцев мобилизовывали в войска, которые вели колониальную войну во Вьетнаме.

В начале 50-х годов в Алжире сложилась революционная ситуация. 1 ноября 1954 г. началась алжирская революция, принявшая форму национально-освободительной войны против французских колонизаторов. Восстание было поднято в горах Орес, на юго-востоке Алжира и в районе Константины. Первоначально колониальная администрация, располагавшая крупными вооруженными силами, надеялась быстро справиться с отрядами «террористов». Французская авиация сбрасывала листовки над горным массивом Орес, в которых говорилось: «Скоро страшное возмездие обрушится на головы мятежников, после чего вновь воцарится французский мир»[1]. Но восстание за короткий срок распространилось на большую часть территории Алжира.

Руководивший борьбой Фронт национального освобождения создал крупные партизанские соединения — Армию национального освобождения (АНО). Главную массу бойцов АНО составляли рабочие и крестьяне, командование находилось в руках революционных интеллигентов. К 1958 году АНО насчитывала более 130 тыс. человек. Против АНО была брошена армия французских колонизаторов, численность которой к концу 50-х годов достигла 800 тыс. человек и которая была оснащена самым современным оружием, произведенным во Франции и других странах НАТО. Война французских колонизаторов превратилась фактически в реакционную

◆

[1] Ю. Потемкин, Алжирский народ в борьбе за независимость, М., 1962, стр. 20.

интервенцию всего агрессивного Североатлантического блока во главе с США против революции в Алжире.

Действия колониальных войск сопровождались невиданными жестокостями, пытками и казнями многих тысяч патриотов и приобрели характер массового истребления алжирского народа. (В ходе войны погибло полтора миллиона человек при общей численности населения в 9 млн.) В стране свирепствовали вооруженные банды богатых французских поселенцев, пытавшихся огнем и мечом отстоять свои владения и «право» на эксплуатацию коренного населения. В городах и селениях зверствовал Иностранный легион, в котором состояло немалое число бывших гитлеровцев. Значительная часть офицеров карательной армии не скрывала своих фашистских взглядов и настроений. Один из таких офицеров откровенно заявлял: «Я расист и убийца... Я считал, что достаточно уничтожить десять-пятнадцать процентов зачинщиков и без устали занимался этим делом» [2]. Реакционно настроенное офицерство мечтало «навести порядок» и во Франции, чтобы заглушить все усиливавшееся там движение против алжирской войны. Это движение вовлекло в свои ряды и многих французских солдат, отказывавшихся проливать кровь ради удушения революции в Алжире.

Весной 1958 года выявившаяся бесперспективность алжирской войны, усиление антивоенного движения во Франции, международная поддержка борьбы алжирцев за независимость, в частности резкое неоднократное осуждение действий колонизаторов, прозвучавшее с трибуны Организации Объединенных Наций в выступлениях делегатов Советского Союза и других социалистических государств, африканских и азиатских стран — все это заставило французское правительство Пфлимлена, пусть с оговорками, поставить вопрос о переговорах с восставшими. Увидев в этом угрозу для себя, ультраколониалистские круги спровоцировали антиправительственный мятеж в Алжире, к фабрикации которого, судя по многим данным, приложило руку и Центральное разведывательное управление США. Во главе заговорщиков стал командующий французскими войсками в Алжире генерал Салан, установивший военную диктатуру.

◆

[2] Ж. Руа, Алжирская война, М., 1961, стр. 100.

Капитулировав перед мятежниками, кабинет Пфлимлена ушел в отставку, освободив место для правительства генерала де Голля. На смену Четвертой республики пришла Пятая с ее режимом личной власти. Первоначально правительство де Голля продолжало войну, хотя невозможность победы становилась все более очевидной.

В сентябре 1958 года в Каире Национальный совет алжирской революции провозгласил создание независимой Алжирской республики и образовал Временное правительство, которое было признано де-юре или де-факто Советским Союзом и другими социалистическими странами, многими независимыми государствами Азии и Африки. Армия национального освобождения получила первоклассное советское оружие. Убедившись в том, что даже крайнее усиление военных действивий не приносит ожидаемых результатов, правительство Пятой республики также встало на путь маневров. Этот путь был подсказан крупнейшими монополиями, которые предпочитали в создавшихся условиях ориентироваться на неоколониалистские формы эксплуатации естественных богатств и населения Алжира.

Однако подобный курс вызвал яростное сопротивление французских «ультра» в самой метрополии и особенно в Алжире, где в их руках находились вся армия и администрация. В январе 1960 года алжирские «ультра» подняли мятеж против де Голля. Хотя правительство не рискнуло принять действенные меры против заговорщиков, мятеж был быстро подавлен благодаря волне народного негодования, охватившего Францию. 1 февраля была проведена антифашистская забастовка, в которой приняло участие 13 млн. человек.

В июне 1960 года начались первые франко-алжирские переговоры. Однако французская сторона по существу настаивала на полной капитуляции. Никакого соглашения не было достигнуто. В январе 1961 года французские правящие круги, пытаясь создать впечатление о народной поддержке своей политики, провели референдум, в котором были сознательно соединены два противоположных вопроса: «Хотите ли вы, чтобы Алжиру было предоставлено право на самоопределение и чтобы он был наделен временной организацией управления, дарованной генералом де Голлем?». Референдум не усилил позиций французского правительства. Алжирский народ бойкотировал выборы, отвергая проект «временного» режима.

Весной 1961 года французское правительство было вынуждено возобновить переговоры с Фронтом национального освобождения.

«Ультра», создавшие в начале 1961 года тайную вооруженную организацию «ОАС», еще раз попытались сорвать переговоры. Для этой цели 22 апреля 1961 г. был организован новый «генеральский» мятеж в Алжире. Его возглавили Салан и другие генералы-«оасовцы». Однако мятеж снова натолкнулся на мощный отпор со стороны французского народа. Хотя под командой мятежников находилась основная часть французской армии, они после первых успехов потеряли контроль над ней и потерпели через три дня полное поражение. После длительных, не раз прерывавшихся переговоров во французском городе Эвиане 18 марта 1962 г. было подписано соглашение о проведении референдума в Алжире о будущих судьбах страны. Поскольку исход референдума был заранее предрешен, это означало фактическое согласие Франции на независимость Алжира. Более чем семимесячные переговоры в Эвиане, положившие конец семилетней войне, были крупнейшей победой алжирского народа. Эвианские соглашения содержали немало статей, открывавших лазейки для неоколониалистских методов эксплуатации Алжира, но народ, завоевавший самостоятельность в трудной борьбе, сумел найти пути для укрепления достигнутой национальной независимости и государственного суверенитета.

Агрессивные и интервенционистские действия империализма облегчались позицией, занятой правым руководством социалистических партий западноевропейских стран в колониальном вопросе после второй мировой войны. Она была открыто враждебной национально-освободительной борьбе угнетенных народов. Достаточно напомнить колониальную политику третьего лейбористского правительства (1945—1951 гг.). Вынужденное пойти на предоставление независимости Индии, Бирме и Цейлону и стремясь сохранить при этом неоколониалистские формы эксплуатации этих стран, лейбористский кабинет Эттли одновременно вел колониальные войны в Малайе и Кении, организовал расстрелы рабочих демонстраций в Гане (март 1948 г.), Нигерии (ноябрь 1949 г.) и т. д., участвовал совместно с голландскими колонизаторами в интервенции против Индонезии, помогал французским колонизаторам в организации нападения на Вьетнам.

Французские правосоциалистические лидеры входили в коалиционные правительства, которые вели многолетние войны против вьетнамской и алжирской революции, участвовали в тройственной империалистической агрессии против Египта в 1956 году. Руководители голландских правых социалистов содействовали организации интервенции против Индонезии, бельгийской социалистической партии — интервенции против Конго. Таким образом, верхушка ряда ведущих социал-демократических партий участвовала или даже руководила интервенциями, ставившими цель предотвратить распад колониальной системы [3]. Подобная политика вызывала недовольство и сопротивление рядовой массы социалистов, которые находили частичное отражение в выступлениях левого крыла социал-демократических партий.

Полковник банановой империи

Свою жандармскую роль в Западном полушарии США с особой бесцеремонностью пытались осуществлять в годы «холодной войны».

В 1950 году на выборах президента в Гватемале победил кандидат демократических партий X. Арбенс. Правительство Арбенса встало на путь прогрессивных преобразований антифеодального и антиимпериалистического характера. Прислушившись к требованию масс, Арбенс принял решение об аграрной реформе, отвечавшей интересам крестьянства, и об экспроприации части земель американской монополии «Юнайтед фрут компани», являвшейся в Гватемале, как и в других центральноамериканских республиках, «государством в государстве». Было несколько ограничено засилье американских корпораций, контролировавших транспорт и выработку электроэнергии в стране. Прогрессивные реформы вызвали широкий положительный отклик в народе, пробудили к активной политической жизни значительные слои трудящихся. На выборах в Национальное собрание, состояв-

◆

[3] Например, «Социал-реформизм и колониальный вопрос» (Позиции правых социалистов в связи с распадом колониальной системы), М., 1961.

шихся в январе 1953 года, Демократический избирательный фронт, в который, наряду с другими политическими силами, входила Гватемальская партия труда (так незадолго до этого была переименована коммунистическая партия Гватемалы), получил 51 место из 57.

Ответом американского империализма была интенсивная дипломатическая подготовка к интервенции, которую в Вашингтоне было решено провести под трафаретным лозунгом борьбы против «интервенции международного коммунизма» в Западном полушарии. На X Межамериканской конференции в Каракасе, спешно созванной по настоянию государственного департамента, США удалось протащить антикоммунистическую резолюцию, хотя она вызвала возражения делегаций ряда стран, включая Мексику и Аргентину. Резолюция послужила для США благовидным прикрытием при организации циничного нападения на Гватемалу. Использовав территорию Гондураса, правительство которого послушно следовало указаниям из Вашингтона, по приказу своего шефа А. Даллеса, ЦРУ подготовило и снарядило вооруженные банды контрреволюционных эмигрантов. 17 июня 1954 г. эти банды во главе со ставленником «Юнайтед фрут» полковником Кастильо Армасом перешли границу Гондураса с Гватемалой и начали продвижение к столице страны. Одновременно были высажены морской и воздушный десант. Города и села Гватемалы, не имевшей авиации, подвергались жестокой бомбардировке с воздуха. Уже в это время интервенты применяли напалм против мирного населения. Как писал бывший гватемальский президент Аревало, господин секретарь Фостер Даллес прибег к услугам своего брата Аллена Даллеса и мощной группировки североамериканских финансистов, связанных с «Юнайтед фрут компани» и прочими монополиями Соединенных Штатов[1].

Маневрируя с помощью делегаций стран, находившихся в зависимости от США, американская дипломатия сорвала принятие Советом Безопасности Организации Объединенных Наций каких-либо эффективных решений, направленных против открытой агрессии, жертвой которой стала Гватемала.

◆

[1] С. А. Гонионский, Латинская Америка и США, 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений, М., 1960, стр. 309

Одновременно ЦРУ готовило внутренний переворот в Гватемале. Именно этот заговор, а не медленно продвигавшиеся отряды Армаса, сыграл решающую роль[2]. Американской агентуре удалось воспользоваться нерешительностью и унынием, охватившими значительную часть мелкобуржуазных политиков, не веривших в возможность эффективного сопротивления интервенции США. 28 июня, поддавшись этим настроениям, президент Арбенс подал в отставку, власть перешла в руки Армаса, отменившего аграрную реформу и возвратившего «Юнайтед фрут компани» конфискованные у нее земли. Как обычно, победа контрреволюции ознаменовалась разгулом белого террора. Интервенция в Гватемале внешне завершилась успехом, но она привела к дальнейшему росту оппозиции политике США в латиноамериканских странах, к подъему антиимпериалистического движения.

Всего 72 часа...

31 декабря 1958 г. с аэродрома в Гаване взлетел самолет, увозивший кубинского диктатора Батисту. Ставленник местной реакции и американского капитала в новогоднюю ночь по-воровски бежал от народного гнева, прихватив с собой большую сумму казенных денег.

Этому предшествовали годы жестоких расправ со всеми противниками диктатуры и карательных экспедиций против борцов за свободу. Партизанское движение, развернувшееся в стране с конца 1956 года, постепенно набирало силы. Батиста стал посылать в Вашингтон отчаянные призывы о помощи. Они не остались без ответа. Американская военная миссия руководила разработкой планов борьбы против повстанцев. Армия диктатора получала все новые партии оружия американского производства. Самолеты Батисты, действуя против партизан, заправлялись горючим и снабжались бомбами в Гуантанамо — военно-морской базе США, расположенной на кубинской территории. Тем не менее начатое Батистой

[2] M. Rosenthal, Guatemala. The Story of an Emergent Latin-American Democracy, N. Y., 1962, pp. 254—255.

25 мая 1958 г. «генеральное» наступление против плохо вооруженных партизан провалилось. Постепенно контроль над страной ускользал из рук диктатора, войска которого вынуждены были бежать из сельских районов, пытаясь удержаться хотя бы в главных городах. В этих условиях американские «ультра» начали кампанию, требуя вооруженной интервенции в пользу Батисты. В конце июля 1958 года американская морская пехота вступила на территорию Кубы под предлогом охраны водонапорной башни, которая использовалась для снабжения военной базы в Гуантанамо[1]. Эта провокация, явно направленная на то, чтобы создать удобный предлог для прямого вооруженного вмешательства, не удалась и дала результаты, обратные тем, на которые рассчитывали в Вашингтоне. Широкое возмущение всего кубинского народа привело к еще большей изоляции режима Батисты и заставило даже этого американского лакея делать вид, что он не имеет отношения к военной акции Пентагона. США должны были убрать свои войска, все еще рассчитывая, что Батисте удастся справиться с повстанческой армией. Эти надежды рухнули в конце 1958 года.

После бегства диктатора американские империалисты попытались в последний момент сохранить старый режим. 1 января командующий войсками Батисты Эуолхио Кантильо совершил военный переворот и, отмежевавшись таким путем от своего прежнего хозяина, попытался сразу вступить в переговоры с вождями партизан о «компромиссе». Революционные руководители повстанческого движения отказались разговаривать с хунтой Кантильо, просуществовавшей менее чем двадцать четыре часа, и со сменившей ее хунтой во главе с полковником Баркином. 2 января 1959 г. партизанская армия заняла Гавану.

Победа революции на Кубе была встречена с тревогой в правящих кругах Вашингтона, опасавшихся, кроме всего прочего, того «дурного» примера, который она подавала угнетенным народам Латинской Америки. По мере углубления революции, проведения широких социальных преобразований росла ненависть империалистов США к «свободной территории Америки», как стали име-

[1] Л. Ю. Слезкин, История Кубинской республики, стр. 340.

новать героический остров. Проведение аграрной реформы на Кубе, ликвидировавшей помещичье землевладение, послужило сигналом для усиления подрывной деятельности ЦРУ против кубинского народа.

Центральное разведывательное управление развернуло подготовку террористических банд из числа кубинских контрреволюционеров, представителей верхушки эксплуататорских классов, как правило, сподручных Батисты, запятнавших себя тяжкими преступлениями против своего народа. Эти банды переправлялись на Кубу для совершения убийств, диверсий, саботажа, распространения панических слухов. С американских аэродромов стартовали самолеты, сбрасывавшие бомбы на кубинскую территорию. Так, во время налета на Гавану 21 октября 1959 г. было убито двое и получили ранения 47 человек. Неоднократно вспыхивали мятежи, подготовленные при участии американской агентуры, но все они в зародыше подавлялись революционной армией.

США пытались задушить Кубинскую республику с помощью экономической блокады. Империалисты стремились использовать ориентированность экономики острова на американский рынок, куда, в частности, шла большая часть сахара — главной статьи кубинского экспорта. Американские судовладельческие компании прекратили доставку нефти на Кубу. В октябре 1960 года Белый дом запретил вывоз на остров промышленных изделий. Еще ранее, в сентябре, США объявили также о прекращении американской экономической «помощи» странам, продолжавшим торговать с Кубой или оказывать ей какое-либо содействие.

На помощь революционной Кубе пришел Советский Союз, а также другие социалистические страны, сорвавшие американскую блокаду. Куба не отступила перед империалистическим нажимом. В августе 1960 года начал действовать закон о национализации американских предприятий с выплатой возмещения владельцам. Куба даже в условиях непрекращавшихся агрессивных действий Вашингтона готова была решить вопрос об американской собственности на основе компромисса, что свидетельствовало о миролюбии революционного правительства и его желании предотвратить дальнейшее обострение отношений с Соединенными Штатами. Напротив, правительство Эйзенхауэра все более нагнетало напряженность.

Совершая в феврале и марте 1960 года поездку по странам Латинской Америки, Эйзенхауэр выдвинул тезис, ставший программой кубинских контрреволюционеров и интервенционистских элементов в Вашингтоне. Согласно лицемерному разъяснению американского президента, США выступали якобы не против самой кубинской революции, а лишь против «измены», которую совершили в отношении к ней руководители правительства Кубы. Под «изменой» подразумевалось углубление революции, проведение таких широких социальных преобразований, как аграрная реформа и национализация части промышленности, предоставление народным массам подлинной возможности участвовать в управлении государством. Обвинения, выдвинутые Эйзенхауэром, являлись особенно ханжескими и фарисейскими в устах главы правительства империалистической державы, десятилетиями насаждавшей на Кубе диктаторские порядки, вроде режимов Мачадо и Батисты.

Продолжая идеологическую подготовку к интервенции, США на совещании министров иностранных дел американских государств в Сан-Хозе (Коста-Рика) в августе 1960 года обвиняли Кубу в «агрессии» против них и попытках насильственно навязать революцию странам Западного полушария. Начиная с октября 1960 года производилась концентрация американской морской пехоты и военных кораблей в Гуантанамо, якобы для защиты от мифического кубинского нападения. 2 декабря президент США официально предоставил 1 млн. долл. в распоряжение кубинских эмигрантов. Действительные ассигнования во много раз превышали эту сумму. В штате Флорида, в государствах Центральной Америки ЦРУ и Пентагон вели лихорадочную подготовку отрядов кубинских наемников. Они должны были быть выброшены на остров и образовать «контрправительство», которое обратилось бы за помощью к США. 2 января 1961 г. США объявили о разрыве дипломатических отношений с Кубой. В марте 1961 года в Белом доме Эйзенхауэра сменил Кеннеди, но это не отразилось на уже полностью подготовленных планах интервенции против Острова свободы. 3 апреля государственный департамент опубликовал брошюру, в которой призывал кубинских контрреволюционеров к восстанию, обещая помощь США.

В этих интервенционистских планах нашла яркое отражение не только близорукость, свойственная тем или

иным американским политическим и военным руководителям, но и присущая всем им классовая слепота. Располагая подробиыми сводками, ежедиевно доставлявшимися ЦРУ, Белый дом и Пентагои оказались бессильными трезво оцеиить смысл происходивших иа Кубе социальных процессов, меряли события мерками прошлого. Вашингтоиским политикам все еще казалось возможным с помощью иескольких тысяч иаемииков вновь иадеть на кубинский народ цепи империалистического угиетеиия. Однако то, что оказалось возможным в Гватемале в 1954 году, было заранее обречено иа неудачу на Кубе в 1961 году.

12 апреля президеит США объявил, что США не иападут на Кубу. А на рассвете 15 апреля америкаиские тяжелые бомбардировщики, базировавшиеся на аэродромах в Никарагуа, совершили налет иа Гаваиу и два других кубииских города, результатом которого были жертвы среди граждаиского иаселения.

На заседаиии Политического комитета ООН, занявшегося по требованию кубинского и советского делегатов обсуждением вопроса о пиратском акте, американский представитель Стивенсои отрицал всякое участие США в налете и повторил успокоительиое заявление Белого дома, что США не намереиы нападать иа Кубу. Не успели отзвучать завереиия Стивеисона, как в ночь иа 17 апреля 1961 г. америкаиские военные корабли, траиспорты и самолеты начали высадку десаита, состоявшего из кубинских наемников, иа юге провииции Лас-Вильяс, в двух райоиах бухты Кочиифс — Плайя-Ларга и Плайя-Хирон. Используя америкаиские таики «Шерман», коитрреволюциоиные отряды атаковали береговую охрану и благодаря огромиому числейиому превосходству развериули наступлеиие в глубь кубииской территории. Одиако их продвижение вперед вскоре было задержано отрядами местного иародного ополчеиия. Когда же в бой вступили спешно переброшеииые к месту высадки части Повстаической армии, иаступил коренной перелом. Героически сражавшиеся кубинские летчики потопили вражеский траиспортиый корабль «Хаустои», иа котором находился батальои иаемников, сбили в бою 6 вражеских самолетов, прикрывавших высадку подкреплеиий. Напрасно «Голос Америки» и другие американские радиостаиции круглые сутки передавали измышления об успехах десанта, о распространеиии боев

чуть ли не иа всю террнторию Кубы, о восстаиии против революцноиного правительства. Развериув контрнаступлегне, Повстанческая армня разгромнла высадившиеся отряды иаймитов американского империалнзма. 19 апреля в 17 часов 30 мниут вечера штурмом был захвачен последний пункт сопротивлення иаемннков Плайя-Хирон. С момеита начала американской интервенцнн прошло всего 72 часа...

Весть об нмпериалистическом нападенни на Кубу вызвала волнеине во всем мире. Напрасио американская делегацня в ООН пыталась представить нитервенцию как «внутреннний коифлнкт», США были изобличеиы перед всем мнром как агрессор, хотя, действуя через зависнмые от иего делегации, государствеииый департамент сумел не допустить прямого осуждеиия Оргаинзацией Объедниеииых Нацнй интервенционистских действнй вашнигтоиского правительства. Урон, нанесеиный американскому престнжу, был чрезвычайио велик. Советское правительство в заявлении, сделанном в Совете Безопасиости, и в специальиом послании, направлеииом Белому дому, дало ясно понять, что оно оставляет за собой право оказать иеобходимую помощь Кубе для отражеиня нмпериалистической агрессии.

Американский нмпериализм должеи был отступнть. Конечно, это отнюдь ие озиачало отказа его от осуществлеиия иовой попытки интервеиции при первом удобиом случае. США старалнсь превратить в орудие своей полнтнки вмешательства Оргаиизацию американскнх государств. Оказывая нажнм на латнноамерииканскне страиы, играя на страхе реакционных сил перед революцией, США добивалнсь от этнх страи разрыва дипломатическнх отношений с Кубой. 22 октября 1962 г. амернкаиские империалисты под аккомпанемент криков «об угрозе для США» вследствие превращеиня Кубы в «советскую стратегнческую базу» объявнли об установленин военио-морской блокады острова. Былн сделаны все приготовлеиня для высадкн 100-тысячиой американской армни на Кубе. Из-за агрессивных действнй Вашингтоиа мир был подведен к грани ядерного конфлнкта. Благодаря твердой н вместе с тем гибкой политнке Советского Союза удалось предотвратнть иовую войиу. Презндеит Кеннеди заверил, что США отменят воеиио-морскую блокаду и ие совершат вооружеииой интервеицни протнв Кубы. Учитывая это, Советское правнтельство согласнлось вы-

вести с острова ракеты и бомбардировщики, размещенные там в целях обороны по просьбе кубинского правительства. Советский Союз и другие социалистические страны впоследствии неоднократно давали понять, что в случае новой империалистической агрессии Куба не останется одна, что она может рассчитывать на их всестороннюю помощь в защите своей свободы и независимости.

Требуются гориллы

В годы «холодной войны» апологеты империализма, выступавшие с теориями «политики с позиции силы», «сдерживания и отбрасывания коммунизма», «массированного (ядерного) возмездия», объявляли народно-демократические революции и освободительные движения происками Советского Союза[1]. Однако наиболее дальновидные буржуазные идеологи перестали считать, что национально-освободительные движения возникали под влиянием «Москвы» или «международного коммунизма». Угроза для Запада, откровенно писал известный американский специалист по международным отношениям Г. Моргентау, заключается не в мифической советской агрессии, а «в революционном пожаре, распространяющемся на большую часть Азии, Африки, Восточной Европы и Латинской Америки»[2]. После подобных признаний особо близорукими выглядят рецепты «спасения» от этого пожара, изобретенные империалистическими стратегами. Главным из этих рецептов оказалась «локальная война» — новое название контрреволюционной интервенции против малых стран.

На протяжении всего периода «холодной войны» — с середины 40-х годов до середины 50-х годов — США делали откровенную ставку на диктаторов. В конце 50-х годов под напором массового движения в Латинской Америке эта политика вступила в полосу острого кризиса. В 1956 году был свергнут диктаторский режим в Перу, в 1957 году — Колумбии, в 1958 году — Венесуэле, в

◆

[1] F. Gross, The Seizure of Political Power in a Century of Revolution, N. Y., 1958, p. 296.
[2] H. Morgenthau, Politics in the 20th Century, v. III, The Restoration of American Politics, Chi., 1962, p. 132.

1960 году — Сальвадоре, в 1961 году — Доминиканской Республике. От власти были устраиеиы такие американские ставлеиники, как Перес Хименес, Одриа и др. Сильный удар по американской политике иаиесла победа кубинской революции. В этих условиях американский империализм попытался провозгласить «политику доброго соседства», которую он проводил в 30-е годы. Наряду с отказом от интервеиции латииоамериканским страиам была обещаиа широкая помощь (20 млрд. долл. за десятилетие), прокламированиая в марте 1961 года президеитом Д. Кеннеди в программе «Союз ради прогресса». Одиако попытка с помощью иового «либерального подхода» предотвратить иарастаиие борьбы иародов латиноамерикаиских стран за социальиое раскрепощение и ликвидацию империалистического гиета оказалась иесостоятельиой. Уже в первые годы своего существования «Союз ради прогресса» ие оправдал иадежд, возлагавшихся на иего в Вашиигтоие. Даже в первые месяцы после провозглашеиия этого либеральиого курса последовала американская иитервеиция против Кубы. Вскоре после убийства Кеииеди, в декабре 1963 года, руководство «Союзом ради прогресса» было возложеио на помощника государствеииого секретаря Т. Манна. В 1964 году произошел дальиейший сдвиг вправо в латииоамерикаиской политике США, которую печать окрестила «доктриной Маниа». Целью политики Вашиигтоиа было прямо объявлено создаиие благоприятиых условий для вложений американского частного капитала, получеиие гараитий от национализации. Одновремеиио было разъясиеио, что США не будут делать прежнего, проводившегося в пропагандистских целях, различия между диктаторскими и демократическими режимами, а, иапротив, сиова будут стремиться опираться иа «горилл», как иазывают в Латииской Америке реакциоииую воеищину — организаторов проиуисиамеито. Такие военные перевороты с согласия или по прямому иаущеиию Вашингтоиа были произведеиы в ряде латиноамерикаиских страи — в 1962 году в Аргентиие и Перу, в 1963 году — в Гватемале, Гоидурасе, Домииикаиской Республике, Эквадоре, в 1964 году — в Бразилии, где было свергнуто буржуазно-реформистское правительство президента Ж. Гуларта, и в Боливии, в 1966 году — сиова в Аргентине, в 1968 году — в Перу и Паиаме. Следствием «доктрины Маииа» было то, что займы, предусмотренные «Союзом ради

прогресса» (а также военная помощь), достались этим диктаторским режимам.

Пентагон стал открыто вмешиваться в гражданскую войну, вспыхивавшую в различных латиноамериканских странах. Военные советники США принимали активное участие в операциях против партизан в Колумбии, Гватемале и других государствах. Военные миссии США в странах Центральной Америки сформировали специальные карательные («противопартизанские») войска.

Стремясь придать видимость законности своей интервенционистской политике, вашингтонское правительство провозгласило так называемую «доктрину Джонсона», согласно которой США («американские страны», как было объявлено в декларации президента) не могут допустить и не допустят создания в Западном полушарии еще одного коммунистического правительства. В резолюции палаты представителей американского конгресса, принятой 20 сентября 1965 г., провозглашалось, что «одна или несколько высоких договаривающихся сторон — участниц Межамериканского договора о взаимной помощи — могут, осуществляя индивидуальную или коллективную самооборону и в соответствии с вышеупомянутыми декларациями и принципами, принять меры вплоть до вооруженного вмешательства для противодействия интервенции, контролю или колонизации в любой форме со стороны подрывных сил, то есть международного коммунизма и его агентов в Западном полушарии».

Эта резолюция, попирающая основные принципы устава ООН, представляет собой открытое заявление о «праве» США на предотвращение любого неугодного им изменения в социально-политических условиях латиноамериканских стран, которое американское правительство вольно объявить «происками международного коммунизма».

«Доктрина Джонсона» и резолюция палаты представителей американского конгресса явились официальной декларацией правящих кругов США о том, что они не признают права народов на независимость и самоопределение. Это было объявлением войны национально-освободительному и демократическому движению не только в Западном полушарии, но и во всем мире. Обращают на себя внимание и характерные формы, которые приобрел возврат правящих кругов США к открытому интервенционизму. Конечно, и в годы политики «доброго

соседства», и в медовый месяц «Союза ради прогресса» Вашингтон не прекращал в различных формах дипломатического и экономического вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, организации заговоров, приводивших к власти американских ставленников, предпринимал вооруженные интервенции руками наемников против Гватемалы, Коста-Рики, Кубы. Однако при всем этом США, сознавая, насколько их действия противостояли правосознанию человечества во второй половине XX века, старались отрицать или преуменьшить свое участие в этих интервенционистских акциях, доказать, будто политика «большой дубинки» ушла в прошлое.

Возвращаясь теперь к этой политике, Вашингтон попытался облечь ее лишь в новые одеяния, прикрыть лицемерными разглагольствованиями, будто реальная американская интервенция направлена против мифической «интервенции» международного коммунизма, представить свое вмешательство в виде «коллективной обороны» стран Западного полушария, не исключающей и индивидуальные действия.

Для новейшего американского интервенционизма характерно то, что главной его целью, в отличие от прошлого, является не защита экономических позиций отдельных американских монополий, а прямо и непосредственно контрреволюционные цели — воспрепятствование широким социальным и политическим преобразованиям, за которые борются народные массы в Латинской Америке.

Следует отметить, что оголтелый интервенционизм, провозглашенный в Вашингтоне, сразу же натолкнулся на бурю возмущения народных масс в латиноамериканских странах. Он вызвал настороженное или даже враждебное отношение со стороны значительной части правящих кругов этих стран. Так, после принятия резолюции американской палатой представителей конгресс Колумбии одобрил контррезолюцию, в которой говорится: «Мы выражаем удивление резолюцией палаты представителей конгресса США, которая представляет собой возвращение к недоброй памяти временам империализма янки, против которого боролись латиноамериканские страны... Мы отвергаем возврат к политике «большой дубинки» и торжественно подтверждаем нашу верность принципу невмешательства во внутренние дела госу-

дарств». Палата депутатов Перу отметила, что резолюция, одобреииая палатой представителей конгресса США, «иаправлеиа на то, чтобы возвести право на одиостороииюю, предприиимаемую без коисультации вооружеииую иитервеицию в прииципе межамерикаиской политики». Мииистр иностраниых дел Мексики сеиатор Маиуэль Тельо указал: «Позиция Мексики относительио прииципа иевмешательства иеизмеииа. Мы ие прииимаем иидивидуальиой иитервеиции»[3].

Одиа из особеииостей иовейшего американского иитервеициоиизма — стремлеиие придать ему «коллективиый характер». Это связаио ие только с измеиением соотиошеиия сил в мире, усложияющим одиостороииее американское вмешательство, ио и с иадеждой ослабить сопротивлеиие ему, придав видимость общих действий всех американских стран. Однако вместе с тем США твердо стремятся сохраиить за собой комаидиые функции в осуществлеиии иитервеициоиистской политики, отводя латииоамериканским диктаторам роль исполиителей приказаиий и поставщиков пушечиого мяса для Пеитагоиа[4].

Отказавшись в 30-е годы от «права» иа иитервеицию против революций в других страиах Западиого полушария, Вашиигтои, таким образом, сделал теперь якобы только исключеиие для социалистических революций, удушеиие которых он попытался «узакоиить» «доктрииой Джоисоиа» и другими аналогичными декларациями. Одиако иа практике иитервеициоиизм США обращеи против всякого аитиимпериалистического движеиия, против любых выступлеиий, подрывающих власть американских ставлеиников. Одним из тщательио замалчиваемых, ио очевидиых следствий «доктриIIы Маииа» и «доктриIIы Джоисоиа», провозглашающих борьбу с «международиым коммуиизмом», явилось враждебиое отиошение Вашиигтоиа даже к буржуазио-либеральиым правительствам и партиям в латиноамериканских странах (Чили, Эквадоре, Боливии, Сальвадоре и др.). Особеиио ярко проявилось это во время американской вооружениой иитервеиции против Доминикаиской Республики.

◆

[3] Цит. по «Проблемы мира и социализма», 1965 г., № 11, стр. 6.
[4] В. Г. Корионов, Некоторые вопросы политической стратегии и тактики империализма США в Латинской Америке, «Новая и новейшая история», 1966 г., № 3, стр. 37—46.

Вакансия благодетеля отечества

30 мая 1961 г. по пустынному шоссе, которое вело из столицы Доминиканской Республики, мчался американский «Шевроле» новейшей марки. В нем удобно расположился Рафаэль Леонидас Трухильо, престарелый диктатор Республики, отправлявшийся в загородное имение, где жила его любовница — двадцатилетняя Мона Санчес. Неожиданно на дороге выросли фигуры семерых людей. Раздались выстрелы, раненый шофер остановил машину. Диктатор отстреливался, но упал, пронзенный многими пулями. Так закончил жизнь тиран, в течение трех десятилетий правивший в Сан-Доминго. Награбив огромные земельные богатства, превратившись во владельца сахарных заводов, торговых фирм, которые получили монопольные права (состояние диктатора оценивалось разными авторами в 1—1,5 млрд. долл.), Трухильо опирался на самые реакционные слои доминиканского общества — крупных латифундистов, купцов-компрадоров. Он пользовался полной благосклонностью американских монополий.

В стране подавлялась малейшая оппозиция. Тысячи людей были замучены после изощренных варварских пыток в застенках Трухильо, общее число его жертв исчисляется во много десятков тысяч человек. Тщеславный деспот приказал присвоить ему звание «генералиссимуса», «благодетеля отечества», наградить всеми старыми и специально изобретенными для него орденами («Орден Трухильо», «Орден благодетеля республики», «Орден генералиссимуса» и т. п.), переименовать Сан-Доминго в Сьюдад-Трухильо и назвать в его честь четыре провинции (Трухильо, Бенефекатор, Либертадор, Сан-Рафаэль), доминиканские военные корабли и крепости, улицы и горные вершины, усеять всю страну своими статуями... Трухильо запретил все партии, кроме своей собственной, профсоюзы превратились в полицейские организации. Диктатор уничтожал не только политических противников, но и людей, которых считал своими торговыми конкурентами, а то и просто несговорчивых мужей или отцов, не желавших отдавать своих жен и дочерей в наложницы сластолюбивому «благодетелю отечества».

Вся эта оргия, обосновывавшаяся необходимостью защиты «свободы от козней коммунистов», десятилетия-

ми длилась на фоне ужасающей нищеты трудящихся масс[1].

Долгое время правящие круги США восхваляли кровавого тирана как величайшего «демократического лидера», а сенатор Эллендер даже высказал пожелание, «чтобы в каждой латиноамериканской стране был свой Трухильо»[2]. Поворот произошел в 1960 году, когда в Вашингтоне решили избавиться от ставшего одиозным деспота и принятием санкции против Доминиканской Республики создать благовидный предлог для действий против Кубы.

В августе на VI консультативном совещании министров иностранных дел стран — членов Организации американских государств госдепартамент поддержал предложение Венесуэлы, обвинявшей Трухильо во вмешательстве в ее внутренние дела, порвать отношения с Сан-Доминго. США отозвали посла, но сохранили свои консульства в Доминиканской Республике. Позднее были приняты, правда очень непоследовательные, меры по ограничению торговли с Сан-Доминго.

В Доминиканской Республике складывалась революционная ситуация. Войска и полиция диктатора подавили несколько попыток восстания и переворота. В очередном заговоре участвовало уже ближайшее окружение Трухильо, понявшее, что его устранение — единственная возможность предотвратить революционный взрыв. Заговорщики находились в тесном контакте с агентами Центрального разведывательного управления, среди которых особую активность проявляли консул США Г. Дирборн и сотрудник консульства Д. Барфилд. Адъютант Трухильо сообщил время, когда Трухильо собирается отправиться в загородное имение, причем без обычно сопровождавших его охранников. По дороге диктатора настигли пули заговорщиков...

После убийства Трухильо власть на несколько месяцев перешла к его сыну, правившему руками президента Хоакина Балагера, подставной фигуры, которую посадил на этот пост диктатор незадолго до своей гибели. Трухильо-младший творил дикие расправы с участниками заговора против его отца, за исключением тех, кото-

◆

[1] Е. В. Ананова, Доминиканская трагедия, «Новая и новейшая история», 1965 г., № 4, стр. 34—52.
[2] Там же, стр. 49.

рых приказала не трогать американская разведка. Одиако в этих условиях США ие решились объявить, что в Домиииканской Республике уже восторжествовала «демократия». Напротив, с целью придаиия виешией благопристойиости домиииканскому режиму американская дипломатия (особую активиость проявил вице-коисул Хилл) оргаиизовала в ноябре 1961 года государствеииый переворот. Его руководитель геиерал Р. Эчеваррия удалил родствеииков Трухильо из страиы, хотя сохраиил в качестве президеита мариоиетку Балагера. Тем самым был создаи повод для отмеиы саикции и призиаиия домиииканского режима Вашингтоиом. На протяжеиии последующих месяцев политика Эчеваррия и Балагера вызвала сильиую оппозицию даже в буржуазиых кругах.

В коице декабря 1962 года в Домиииканской Республике состоялись выборы. Буриое стачечиое движеиие заставило Эчеваррия и Балагера уйти в отставку. 27 февраля 1962 г. к власти пришло правительство буржуазиого либерала Хуаиа Боша, иа первых порах одобрительио встречеиное в Вашиигтоне. Его рассматривали как проамерикаиски иастроениого деятеля буржуазиого «цеитра», иа который стремился опереться в своей латииоамериканской политике президеит Д. Кеииеди. Одиако, в отличие от других политиков буржуазио-либеральиого толка, Бош оказался человеком, иамеревавшимся выполиить свои предвыбориые обещаиия. Ои провел меры, ограиичивавшие бесконтрольиое хозяйиичаиье иекоторых американских моиополий, в частиости расторгнул иеравиоправиый договор, заключеииый его предшествеиииками с трестом «Стаидард ойл оф Нью-Джерси». В апреле 1963 года была прииятa иовая демократическая конституция страны, которая запрещала создаиие крупиых земельиых латифундий и легализовала все политические партии страиы Еще большее раздражеиие в Вашиигтоие вызвало иежелаиие Боша участвовать в аитикубинской кампаиии, проводившейся США.

Американская дипломатия и ЦРУ активизировали круги, иедовольиые слишком «левым» курсом президеита, в том числе реакциониую военщииу, верхи католической церкви и даже часть буржуазиых группировок, поддерживавших Боша во время выборов. Американская печать стала писать о миимом «коммуиистическом проиикиовеиии» в правительство Домиииканской Республики. 25 сеитября 1963 г. правительство Боша было сверг-

нуто в результате нового военного переворота. Этот переворот организовал военный министр В. Э. Виньяс Роман, которого Бош должен был включить в состав своего кабинета по требованию государственного департамента.

К власти пришла фашистская хунта, состоявшая из военных руководителей и представителей реакционных политических организаций, которая отменила демократическую конституцию, объявила вне закона левые партии, произвела массовые аресты. Президент Кеннеди не счел возможным признать хунту законным правительством Доминиканской Республики. Однако после убийства в Далласе Белый дом уже 14 декабря установил дипломатические отношения с этим правительством, растоптавшим демократию в этой стране. А когда демократически настроенные офицеры 25 апреля 1965 г. подняли восстание, требуя возвращения к конституции 1963 года, американский империализм взялся за выполнение своих жандармских функций. Конституционалисты, раздав оружие народу, разбили войска хунты на улицах столицы, заняли крепость Осама и готовились к штурму последней цитадели реакционеров — базы Сан-Исидро. Новое конституционное правительство, которое было образовано парламентом, избранным в декабре 1962 года, приступило к своим обязанностям и быстро установило контроль над территорией страны.

28 апреля, когда стало ясно, что повстанцы одержали победу над реакционной военщиной, возглавляемой генералом Вессином, Белый дом отдал приказ о вооруженной интервенции против Доминиканской Республики. Предлоги были стандартными — «защита жизни американских граждан», защита Доминиканской Республики от вмешательства извне, а также, вдобавок, интересов прогресса, демократии и социальной справедливости[3].

Американский флот начал высадку крупных соединений морской пехоты на территории Республики. Вашингтон мотивировал свои действия заведомо несостоятельными ссылками на отсутствие в Доминиканской Республике правительства и на именно тогда провозглашенную

[3] «Public Papers of the Presidents of the United States», Lyndon B. Johnson, Containing the Public Messages, Speeches and Statements of the President, 1965 (in two books), Book I, Wash., 1966, pp. 461, 465.

интервенционистскую «доктрину Джонсона». В ночь на 6 мая государственному департаменту с помощью сильного нажима на своих партнеров по ОАГ удалось протащить резолюцию, одобрявшую действия США. Высадившись на острове для подавления демократического движения, американские интервенты пытались обмануть общественное мнение, изображая себя посредниками между конституционалистами и войсками хунты (старый, знакомый маневр!). «Но войска США, — пишет один американский исследователь, — находились, понятно, под явным впечатлением, что вооруженные силы хунты — их друзья, а восставшие — их враги-коммунисты»[4].

Переговоры о перемирии и прекращении огня, разоружение конституционалистов, расправы реакционной полиции с демонстрантами — таковы были этапы политики интервентов. Республике было навязано правительство того же Балагера. Вместе с тем правая военщина, возглавляемая Вессином, сохранила свои вооруженные силы, представляя собой дополнительное средство давления Вашингтона на это правительство. Только обеспечив себе подобные «гарантии», США начали постепенную эвакуацию морской пехоты. Однако и после ее официального завершения американская интервенция отнюдь не закончилась. «Присутствие» США в Доминиканской Республике сохранилось в полной мере. Страна по-прежнему находилась под контролем Вашингтона. В Доминиканской Республике, формально восстановившей независимость своих действий, остались многочисленные американские военные и гражданские советники, то замаскированно, то открыто осуществляющие реальную власть в Доминиканской Республике. Хуан Бош писал в 1967 году: «Я начну думать о том, что мы можем двигаться вперед, только в тот день, когда увижу, как американские военные советники и «специалисты», во множестве заполнившие нашу несчастную страну, отправляются восвояси»[5].

Борьба с последствиями империалистической интервенции США, с американским засильем остается первостепенной задачей доминиканского народа в его стремлении к национальному и социальному раскрепощению.

◆

[4] D. Kurzman, Santo Domingo: Revolt of the Damned, N. Y.. 1965, p. 241.

[5] Цит. по «Правда», 20 февраля 1968 г.

Вьетнам стал объектом наибольшей по масштабам контрреволюционной интервенции в послевоенный период, продолжавшейся более двух десятилетий.

В годы второй мировой войны народы Индокитая, оккупированного японскими войсками, вели под руководством Коммунистической партии упорную борьбу против захватчиков. Была создана Национально-освободительная армия, в стране развернулось партизанское движение. В августе 1945 года началось всеобщее вооруженное восстание. 19 августа Национально-освободительная армия вступила в Ханой, 25 августа — в Сайгон. Августовская революция победила по всей стране. Временное революционное правительство, состоящее из представителей демократических партий и возглавляемое вождем вьетнамского народа Хо Ши Мином, провозгласило образование Демократической Республики Вьетнам.

Совершенная народными массами под руководством рабочего класса, августовская революция носила национально-освободительный, антиимпериалистический характер. По своему содержанию это была народно-демократическая революция, открывавшая для вьетнамского народа путь к социализму.

Однако нормальное развитие революции было прервано вторжением французских колонизаторов, которые, пользуясь поддержкой английских империалистов, через три недели после образования ДРВ напали на нее и захватили южную часть страны. Пытаясь положить конец кровопролитию, правительство ДРВ 6 марта 1946 г. подписало в Ханое соглашение с Францией. По этому соглашению, Франция признавала республику свободным государством, а ДРВ соглашалась на 5 лет принять 15-тысячную французскую армию. Мирная передышка, достигнутая этим соглашением, была непродолжительной. Менее чем через месяц после подписания соглашение было нарушено французскими империалистами. В сентябре 1946 года конференция представителей Франции и Вьетнама в Фонтенбло также, вследствие нажима колониалистских кругов, не дала результатов.

Стремясь к сохранению мира, президент Хо Ши Мин подписал с французским правительством временное со-

глашение, условия которого включали прекращение военных действий и разрешение путем переговоров всех спорных вопросов. Однако французские империалисты снова нарушили подписанный ими договор. Сконцентрировав крупные вооруженные силы, французские оккупанты начали широкие военные действия на юге Вьетнама и снова спровоцировали столкновения на севере страны. Генерал Морльер заявил о необходимости превращения порта Хайфон во французскую концессию. Французские войска в Ханое в декабре 1946 года стали проводить массовые репрессии против населения, убийства мирных жителей. Французы потребовали передачи под их контроль административных зданий республики и предъявили ультиматум, содержавший требование разоружения вьетнамской армии [1]. Вьетнамский народ дошел до крайнего предела уступок в стремлении сохранить мир. Теперь ему не оставалось другого выхода, как защищать свою свободу с оружием в руках. Как указывал Хо Ши Мин, «целью войны сопротивления являлось отстоять и развить завоевания революции, то есть мир, единство, независимость и демократию» [2].

По призыву Хо Ши Мина вьетнамский народ поднялся на освободительную войну. В первый период войны (до 1949 г.) французы обладали огромным перевесом сил. Французская армия располагала самым современным оружием, в том числе полученным от США, большим количеством авиации, танков и тяжелой артиллерии. Вьетнамцы испытывали острый недостаток даже легкого стрелкового оружия, не имели опыта ведения современной войны. Тем не менее героическая решимость народа, защищавшего революционные завоевания, стала непреодолимым препятствием на пути колонизаторов. В Ханое и других городах французам приходилось брать с боем каждую улицу, каждый дом. Захватив разрушенные крупные города, французский экспедиционный корпус оказался бессильным подчинить страну. Кровавые зверства интервентов лишь разжигали пламя партизанской войны против захватчиков.

Уже первый, особенно тяжелый год борьбы выявил крах планов «молниеносной» войны против вьетнамского

◆

[1] «Демократическая Республика Вьетнам», М., 1963, стр. 22.
[2] Хо Ши Мин, Избранные статьи и речи, М., 1959, стр. 497.

народа. К концу 1948 года французские войска потерпели поражение на всех фронтах. Колонизаторы оказались прочно изолированными в захваченных ими опорных пунктах. Созданный ими марионеточный режим во главе с «императором» Бао Даем, завсегдатаем наиболее фешенебельных западноевропейских притонов, не пользовался никакой народной поддержкой. «В то же время,— указывал президент Хо Ши Мин,— провалились также политические маневры колонизаторов и империалистов, как попытка «воевать против вьетнамцев руками самих вьетнамцев и питать войну войной», фарс о «независимости» и «демократии» империалистических прислужников, при помощи которых хотели сбить с пути наш народ, комедия с «аграрной реформой» империалистического пошиба...» [3].

В самой Франции неудачи «грязной войны» против вьетнамского народа вызвали многократные министерские кризисы, непрерывные смены в командовании экспедиционного корпуса. Широкие масштабы приняло во Франции движение против вьетнамской войны, руководимое Французской коммунистической партией. Вьетнамский народ, поднявшись на освободительную войну против колонизаторов, неизменно стремился к дружбе с французским народом. В «Письме Правительству, Национальному собранию и народу Франции», написанном в январе 1947 года в самое тяжелое время для молодой Республики Вьетнам, президент Хо Ши Мин указывал: «Вьетнамский народ не ведет борьбы против Франции и французского народа. В отношении французского народа вьетнамский народ хранит чувства дружбы, доверия и уважения» [4].

С 1949 года наступил второй этап освободительной войны. Вьетнамская народная армия закалилась в боях, накопила значительный военный опыт. Она опиралась на самоотверженную поддержку всего вьетнамского народа. В результате победы китайской революции была ликвидирована чанкайшистская угроза с севера. Народная армия в 1950 году после упорных боев заняла французские укрепления на вьетнамо-китайской границе, после чего была установлена прямая связь республики

◆

[3] Хо Ши Мин, Избранные статьи и речи, стр. 607.
[4] Там же, стр. 226.

с социалистическими странами. В феврале 1951 года была создана Партия трудящихся Вьетнама, съезд которой наметил дальнейшие цели вьетнамской революции, подчеркнув первоочередность задачи изгнания колонизаторов и интервентов. В это же время французские интервенты стали получать активную поддержку со стороны американского империализма. Совет организации Североатлантического пакта принял резолюцию, объявившую, что французская война в Индокитае является важной для защиты Западной Европы и всего «свободного» мира, а потому «заслуживает постоянной поддержки со стороны правительств — членов НАТО» [5].

Но, несмотря на американскую помощь, французский экспедиционный корпус потерпел крупные неудачи под Хоа-Бинем (февраль 1952 г.) и в зоне Тай-Бак (октябрь 1952 г.). Эти неудачи колонизаторов умножились в 1953 году, когда крупные наступательные операции французских войск снова не дали никаких результатов. Изменилась и международная обстановка — американские интервенты должны были пойти на подписание перемирия в Корее. Еще выше поднялась волна международной солидарности с вьетнамским народом. Одновременно во Вьетнаме произошло дальнейшее укрепление революционного лагеря и народной власти. В ноябре 1953 года Национальное собрание издало закон об аграрной реформе [6]. Сочетание антиимпериалистической революции с антифеодальной позволило усилить мобилизацию масс на борьбу против оккупантов.

В конце 1953 года французский генерал Наварр сделал последнюю попытку круто повернуть ход войны в пользу интервентов, уничтожив основную часть народной армии. 20 ноября французские парашютисты захватили Дьен-бьен-фу, который должен был стать базой для большого наступления. В Дьен-бьен-фу были доставлены крупные контингенты войск и большое количество техники. Планы французского командования еще раз потерпели провал. Войска интервентов в районе Дьен-бьен-фу вскоре были взяты в кольцо частями Народной армии. Напрасно интервенты доставляли по воздуху все новые подкрепления попавшему в окружение гарнизону.

◆

[5] V. Bator, Vietnam. A Diplomatic Tragedy. The Origin of the United States Involvement, N. Y., 1965, p. 13.

[6] «Демократическая Республика Вьетнам», стр. 28.

После семидиевного штурма 7 мая Дьеи-бьен-фу был заият вьетиамскими войсками. Целая армия интервентов во главе с геиералом Кастри была взята в плен. С 1946 по 1954 год французскне войска потеряли 92 тыс. человек убитыми, 114 тыс. были раиеиы, 28 тыс. оказались в плену.

Советскнй Союз, проводивший последовательную борьбу за прекращение войиы против вьетиамского народа, в феврале 1954 года на совещанни мнинистров нностраииых дел четырех держав — СССР, Фраицин, Англии и США выступил с новой мнриой инициативой. 8 мая 1954 г. в Женеве открылось междуиародиое совещание, ставившее целью положить коиец вьетиамской войие. Несмотря на упориый саботаж колоннзаторов, в коиечном счете во Фраицнн победилн сторонинки окоичания бесперспективиой войны. На смеиу правительству Ланьеля-Бндо, в котором тои задавали крайние колоиналисты, прншел кабинет Меидес-Франса. 20 июля 1954 г. было достнгиуто соглашеине о прекращеиии военных действнй и политическом урегулироваиии вьетиамской проблемы. Был положеи коиец восьмилетией войие, с помощью которой империализм тщетно пытался задушить вьетнамскую революцию и реставрировать старый колоииальиый режим. Тем самым Жеиевское совещаине зафнкснровало историческую победу, достигиутую вьетиамским народом над колонизаторами и ннтервеитами. Соглашенне предусматривало отвод французских войск на юг, вьетнамской Народной армии — на север от 17-й параллели. Севериая часть Вьетиама была полностью освобождеиа от захватчиков. 17-я параллель, как указывалось в ст. 6 заключительиой декларацнн Женевской конфереицни, должиа была стать лишь временной демаркациоииой линией, а отнюдь ие полнтической или террнториальиой граннцей. Коиференцня подтвердила едииство и нераздельиость Вьетнама. Решенне коифереицин предусматрнвало проведеиие в течеиие двух лет свободиых выборов на всей территории Вьетнама под контролем Междуиародной комиссин н эвакуацию французских войск из Индокнтая.

Одиако Женевскне решеиия ие были в этой частн претвореиы в жнзнь. Французское правительство сорвало подготовку к выборам н создало на территорни Южиого Вьетиама новый марнонеточный режнм. Это было сделано по прямому требованию Вашнитгтоиа, вступившего в иовый этап своей нитервенции во Вьетнаме. К этому вре-

мени США уже в течение нескольких лет принимали активное участие в интервенции. Еще 27 июня 1950 г. Трумэн объявил о посылке в Индокитай американской военной миссии, к которой вскоре же присоединились советники, помогавшие французам осваивать оружие, полученное из США. Еще большее значение имело то, что из года в год финансирование колониальной войны в Индокитае все более становилось делом американского казначейства. В 1954 году Вашингтон оплачивал две трети военных расходов. До 30 июня 1954 г. США затратили на войну во Вьетнаме 4,2 млрд. долл.[7] Согласно старой пословице, кто оплачивает музыкантов, тот заказывает музыку, Вашингтон добивался преобладающего права определять стратегию и политическую линию французских властей в Индокитае. Целью американской интервенции наряду с подавлением вьетнамской революции было вытеснение французского влияния и превращения Индокитая в фактическую колонию США.

В первой половине 1954 года, когда выявился крах французской интервенции, в Вашингтоне сразу же был поставлен вопрос о направлении во Вьетнам американских войск. Об этом, в частности, прямо говорилось в заявлении, сделанном вице-президентом Никсоном. Государственный секретарь США Даллес отправился в Лондон, чтобы убедить премьер-министра Черчилля и министра иностранных дел Идена в необходимости совместной американо-английской интервенции. Эйзенхауэр даже выдвинул фальшивую параллель... с мюнхенским соглашением 1938 года, утверждая, что отказ от вмешательства был бы «умиротворением» Северного Вьетнама! От имени французского правительства Ж. Бидо обсуждал с Даллесом возможность применения в Индокитае американского атомного оружия. Характерно, что тогдашний сенатор от штата Техас Линдон Джонсон критиковал республиканскую администрацию генерала Эйзенхауэра за то, что она не принимает мер для продолжения французской интервенции, «нанося этим самый тяжелый урон американской внешней политике за всю ее историю»[8].

Пентагон уже успел отправить во Вьетнам новую значительную группу военных специалистов для руководст-

◆

[7] Н. Н. Молчанов, Четвертая республика, М., 1963, стр. 351.

[8] «Правда», 22 января 1968 г.

ва стронтельством аэродромов и военно-морских баз, необходнмых для развертываиня американской интервенции. Прнход во Фраиции к власти кругов, которые поиялн бесперспектнвность вьетнамской войны, иа время спутал карты вашиигтоискнх стратегов. Тем ие менее правнтельство США приложнло все усилня для срыва Жеиевской коифереиции. Только опасаясь полиой изоляцин, США в последиий момент присоединнлись к решениям этой коифереицнн (добившись взамеи согласия Англии н Фраицнн на участне в сколачнваемом под эгндой США агрессивном блоке в Юго-Восточиой Азни) [9]. Сделав, одиако, этот выиуждеиный шаг, американский имперналнзм сразу же попытался превратнть решеиня Жеиевского совещаиня в клочок бумаги нли даже прикрытне свонх дальиейших ннтервеицноиистских действнй. В Южиом Вьетнаме власть перешла от Бао Дая к амернканскому агенту Нго Диинь Дьему [10], которого в США объявилн героем «свободиого мира» н руками которого сталн проводнть интенснвную подготовку к возобиовлеиню военных действий.

Правнтельство Дьема объявнло, что его целью является «освобождение» Севериого Вьетиама. Однако у этого амернканского ставлеииика не хватало собственных сил даже для того, чтобы прностаиовить быстрый рост освободнтельиого двнжеиня в Южиом Вьетнаме, особенно партнзанской борьбы, прнобретавшей все более широкне размеры. В 1961 году стало очевндиым, что режнм Дьема безнадежно проигрывает борьбу против партизан. Пытаясь спасти положеиие, амернкаицы сделали ставку на кореиную реорганнзацию марнонеточных войск. В конце 1961 года было прннято решенне направнть в Южный Вьетиам целую армню американскнх воеиных советннков числеиностью в 17 тыс. человек. В июле 1962 года американскнй мниистр Макиамара торжествующе объявил о сииженнн эффективностн действнй партнзаи [11]. Тем не менее ход событий не претерпел измеиеннй. Террнтория, коитролнруемая марнонеточнымн властями, неизмеино сокращалась, солдаты н офнцеры сайгонского режнма

◆

[9] «Международные отношения после второй мировой войны», под ред. Н. Н. Иноземцева, стр. 506.

[10] J. Buttinger, A Vietnam. A Dragon Embattled, v. II, 1967, p. 892.

[11] W. W. Kaufmann, The McNamara Strategy, N. Y., 1964, p. 266.

(нередко после того, как они сводили счеты с американскими советниками, приставленными к их части) переходили на сторону партизан.

Тогда вашингтонский кабинет решил убрать героя «свободного мира». Инспирированный американской разведкой, военный переворот 1 ноября привел к свержению и убийству Дьема. Власть перешла в руки военной хунты. Однако это не только не привело к перелому в ходе военных действий, но даже не обеспечило видимости политической стабилизации в самом Сайгоне, где один военный путч следовал за другим, обнажая грызню продажных марионеток за власть и право греть руки на растущей американской «помощи».

На президентских выборах 1964 года вопрос о Вьетнаме занял одно из центральных мест. Кандидат республиканцев — Голдуотер призывал к максимальному расширению масштабов интервенции и даже говорил о применении ядерного оружия для достижения победы. Кандидат демократов Линдон Джонсон занял осторожную позицию во вьетнамском вопросе, возражая против посылки новых войск на помощь сайгонскому правительству и против предложения начать бомбардировки территории Демократической Республики Вьетнам. Несомненно, что это было причиной внушительной победы Джонсона на выборах.

Однако еще раньше правительство Джонсона заверило сайгонского премьера в своем намерении предпринять дальнейшую эскалацию войны и начать бомбардировки Северного Вьетнама. В отличие от предвыборных обещаний, это обязательство было строго выполнено. Поводом для расширения интервенции была избрана провокация, организованная американскими властями. Американские военные корабли под южновьетнамским флагом начиная с 31 июля 1965 г. подвергали обстрелу территории ДРВ. 2 августа в Вашингтоне было объявлено, что якобы северовьетнамские торпедные катера атаковали крейсер «Мэддокс», через день, 4 августа, последовали новые сообщения о нападении на крейсеры «Мэддокс» и «С. Торнер Джой» в открытом море. Много позднее, через два с половиной года, выяснилось (это было, впрочем, ясным для всех добросовестных наблюдателей уже летом 1965 г.), что версия о северовьетнамском нападении на американские крейсеры являлась ложной от начала до конца и служила предлогом для расширения масштабов

интервенции и распространения ее на территорию ДРВ. В феврале 1968 года министр обороны США Макнамара в беседе с журналистами признал, что американские эсминцы вторглись в территориальные воды ДРВ. А председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт после заседания комиссии, посвященной расследованию этого вопроса, заявил, что северовьетнамские катера не совершали в августе 1964 года в Тонкинском заливе никакого нападения на американские эсминцы[12]. Государственный департамент, по позднейшему признанию помощника государственного секретаря Банди, заранее подготовил проект резолюции, предложенной для одобрения конгрессу. Эта «резолюция по Тонкинскому заливу», внесенная после сообщения о мнимом нападении на американские военные корабли, давала полномочия президенту Джонсону широко использовать во Вьетнаме вооруженные силы США. Конгресс одобрил резолюцию 7 августа, но войска были подготовлены к действию за многие недели до ее принятия, а еще 4 августа американская авиация начала пиратские налеты на северовьетнамскую территорию. Это было выполнением принятого в декабре 1964 года решения путем интенсивных воздушных налетов попытаться поставить на колени героический вьетнамский народ.

Под аккомпанемент лживых разглагольствований, что США ведут войну только против «металла и бетона», ограничиваясь налетами на военные объекты Северного Вьетнама, воздушные силы США начали с февраля 1965 года массированные бомбардировки густонаселенных городов и районов республики. Американцы сбрасывали шариковые и другие бомбы, рассчитанные на поражение максимального количества людей. Цель была очевидной — терроризировать вьетнамский народ и таким путем принудить его к капитуляции.

Несмотря на постоянное увеличение количества самолетов, участвовавших в воздушных налетах, с каждым месяцем становилось яснее, что новая варварская эскалация войны ни на шаг не приблизила Пентагон к победе. Неизменно возрастало лишь число американских самолетов, сбитых бойцами противовоздушной обороны и летчиками вьетнамской Народной армии. К концу

◆

[12] «Известия», 22 февраля 1968 г.

1967 года более двух с половиной тысяч самолетов было сбито в воздухе над территорией ДРВ, не считая тех, которые были уничтожены на земле южновьетнамскими партизанами.

Уже первые месяцы пиратского воздушного наступления против ДРВ выявили его неудачу. Более того, они нисколько не отвратили катастрофу, к которой весной 1965 года быстро приближалась марионеточная армия (факт этот был в ноябре 1966 г. признан американским министром обороны Макнамарой). Тогда в Вашингтоне пошли на новое расширение рамок войны. Началась массовая переброска американских сухопутных войск во Вьетнам. В мае 1965 года там находились 34 тыс. американских солдат и офицеров, к ноябрю того же года — 165 тыс., к концу 1967 года их было уже 500 тыс. человек. США предписали своим южнокорейским марионеткам направить во Вьетнам около 50 тыс. солдат, свыше 10 тыс. человек прибыло из Австралии, а также было прислано Новой Зеландией, Филиппинами и другими зависимыми от США государствами. Однако подавляющее большинство стран, входящих в агрессивные военные блоки, сколоченные американским империализмом, уклонилось от участия в интервенции.

Военные расходы США достигли колоссальной цифры в 35 млрд. долл. в год. Пытаясь подавить растущую оппозицию вьетнамской войне внутри США, правительство Джонсона много раз объявляло о том, что американские войска находятся на верном пути к близкой победе. Эти заявления оказывались очередным блефом в той мере, в которой они не были следствием самообмана и военных просчетов Пентагона, в калькуляции которого никак не учитывалась непреклонная воля вьетнамского народа освободить свою Родину от интервентов.

Стратегия американского империализма в Азии строилась в надежде на помощь, которую оказывала действиям США раскольническая политика группы Мао Цзэ-дуна. Маоисты отказались от сотрудничества с социалистическими странами в оказании помощи борющемуся вьетнамскому народу. Однако, несмотря на серьезные трудности, возникшие в результате позиции китайских руководителей, Советский Союз и другие государства социалистического содружества оказывали растущую экономическую и военную помощь Демократической Республике Вьетнам. Советские ракеты и

зенитные орудия, самолеты МИГ в руках вьетнамских воинов стали грозным оружием, наводившим страх на интервентов.

Постоянно нарастала политическая и дипломатическая изоляция США, действия которых во Вьетнаме осуждались народами всего мира, в том числе и большой частью американского народа. Это побуждало правительство Джонсона к маневрам. Каждая эскалация агрессии сопровождалась очередным мирным наступлением. Американские правящие круги неоднократно объявляли, что они согласны прекратить бомбардировки ДРВ в обмен на отказ патриотов Южного Вьетнама от борьбы с интервентами и их ставленниками. Позднее отказ от бомбардировок предлагался взамен обязательства Ханоя начать переговоры с США. Однако Вашингтон тут же менял свои условия, как только появлялась возможность достижения соглашения о начале мирных переговоров, выдвигая все новые и новые лицемерные оговорки. Обманывая себя и других надеждами на победу, американские политические и военные руководители просмотрели дальнейшее укрепление патриотических сил Южного Вьетнама.

Созданный в декабре 1960 года Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама включил в свой состав все подлинно национальные силы. В 1962 году на первом съезде НФО была принята программа, выразившая мысли и чаяния народа Южного Вьетнама. Избранное на I съезде руководство бессменно в течение шести лет возглавляло борьбу народных масс против интервентов и марионеточного правительства. Эта сплоченность особенно отчетливо видна при сопоставлении с военными путчами в Сайгоне, где только за 19 месяцев (с конца 1963 до лета 1965 г.) произошло 13 переворотов и 9 смен руководства, отражавшие глубокий кризис ненавистного народу марионеточного режима. Последующая «стабильность» правительства Тхиеу и Ки опиралась исключительно на американские штыки.

В августе 1967 года НФО, объединивший в своих рядах более 20 политических партий и массовых организаций, опубликовал новую программу фронта. В ней нашли отражение интересы всех слоев населения Южного Вьетнама, выступающего против империалистической интервенции — рабочего класса, крестьянства, национальной буржуазии и др. Программа определяет задачи борьбы народа для нанесения поражения американским за-

хватчикам и свержения продажного сайгонского правительства. НФО установил контроль над большей частью территории Южного Вьетнама, его организации активно действуют в подполье и в районах, занятых врагом. Армия освобождения, созданная в феврале 1961 года, накопила большой военный опыт и насчитывает в своих рядах сотни тысяч воинов, доказавших свое беззаветное мужество в борьбе за дело народа. Совместно с Армией освобождения действуют народное ополчение и партизанские отряды, не дающие врагу ни одного дня покоя даже на временно захваченной части вьетнамской земли.

О том, насколько изменилась обстановка для империалистических агрессоров в Азии, наглядно говорит простое сравнение. Американские интервенционистские войска во Вьетнаме, не считая более чем полумиллиона солдат марионеточных дивизий и частей, присланных сателлитами, далеко превосходят по численности и вооружению ту часть японской армии, которая в годы второй мировой войны за короткий срок захватила всю Юго-Восточную Азию. В ходе войны американские и марионеточные войска понесли большие потери. За «сухой сезон» и «сезон дождей» в 1965—1966 годах Армия освобождения и партизаны вывели из строя 76 тыс., а в 1966—1967 годах — уже свыше 153 тыс. вражеских солдат и офицеров [13].

В ночь с 29 на 30 января 1968 г. части Армии освобождения и партизаны развернули неожиданное наступление на все важнейшие южновьетнамские города и базы интервентов. Сражения развернулись в Сайгоне, Дананге, Гуэ и десятках других центров. Столица Южного Вьетнама — Сайгон много месяцев являлась ареной ожесточенных боев. Новые потери интервентов сопровождались столь же большой потерей престижа. Наступление Армии освобождения разом опрокинуло карточный домик иллюзий и оптимистических заявлений, с помощью которых Пентагон пытался ввести в заблуждение общественное мнение в США. Многократные обещания «переломить спинной хребет Вьетконгу» (как именуют в США патриотические силы Южного Вьетнама), заверения относительно быстро прогрессирующего «умиротворения» страны

[13] «Правда», 20 декабря 1967 г.

оказались такой же выдумкой, как и победные реляции, которые должны были свидетельствовать об успехах воздушной войны против Демократической Республики Вьетнам. Бессилие и неизбежность поражения интервентов стали особенно очевидными. Вслед за уходом с поста Макнамары в марте 1968 года было объявлено об отставке командующего американскими войсками генерала Уэстмерленда. В апреле 1968 года президент Джонсон объявил, что отдал приказ прекратить налеты на северную часть территории ДРВ. 31 октября 1968 г. Джонсон был вынужден положить конец бомбардировкам ДРВ.

Широкое возмущение вьетнамской войной во всем мире дополнилось нараставшим антивоенным движением в самих США. Даже буржуазные либералы стали громко говорить о губительном влиянии войны в Индокитае на американское общество, об угрозе нового маккартизма, подобного тому, который возник в корейской войне[14].

Маски неоинтервенционизма

Для империализма характерно создание новых форм зависимости, в которую попадают юридически сохраняющие полностью или частично самостоятельность, но экономически слаборазвитые страны. Как подчеркивал В. И. Ленин, финансовый капитал и соответствующая ему международная политика «создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»[1]. Наряду с колониями империалисты господствовали в протекторатах, подмандатных территориях, подвергали полуколониальной эксплуатации десятки формально независимых государств[2]. В условиях распада коло-

◆

[14] A. M. Schlesinger, The Bitter Heritage. Vietnam and American Democracy, 1941—1966, L., 1967, p. 56 f.

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 383.

[2] Например, С. Тюльпанов, Колониальная система империалистов и ее распад, М., 1958, стр. 10 и сл.

иальной системы империалисты стремятся применять новые, еще более изощренные и скрытые формы зависимости. Неоколониализм проявляется в попытках втягивания развивающихся стран в замкнутые военные группировки, в навязывании кабальных условий экономической помощи, в попытках «коллективного колониализма», нередко с использованием в качестве прикрытия различных международных организаций, в которых преобладает влияние империалистических сил, и т. д. Стремление к опутыванию цепями такой скрытой зависимости нередко, особенно в последние десятилетия, было одним из мотивов для контрреволюционных интервенций. Достаточно, например, вспомнить интервенции, которые сопровождали судороги старого колониализма (вроде неодиократного вооруженного вмешательства Бельгии в Конго после 1960 г. и др.).

Неправильно было бы совсем не видеть различия между интервенцией в строго формальном смысле слова, то есть вторжением на чужую территорию, и контрреволюционными действиями империалистов в «своих» колониях. Однако это юридическое различие; подчеркивая открытое противоречие реакционной интервенции общепризнанным нормам международного права, нисколько не узаконивает разбоя колонизаторов, пытавшихся огнем и мечом подавить освободительную борьбу угнетенных народов, не может заслонить одинакового классового смысла и исторического места контрреволюционной интервенции и колониальных войн в современную эпоху.

Всемирные требования о ликвидации позорной колониальной системы, зафиксированные и в решениях Организации Объединенных Наций, еще более подчеркивают противоречие колониальных войн воле народов и совести человечества. Тем более открыто преступный характер носит контрреволюционная интервенция против стран, самостоятельность которых была признана даже самими интервентами. Эта интервенция откровенно попирает общепризнанное право независимого государства самому решать свои внутренние дела. Это право в торжественной форме зафиксировано в принятой в 1965 году ООН по настоянию миролюбивых стран Декларации о невмешательстве во внутренние дела, об ограждении их независимости и суверенитета. В декларации объявляются незаконными не только открытая вооруженная интервенция, но и другие формы вмешательства, которые ставят

под угрозу существование государства, избранный им путь политического и социально-экономического развития. Вместе с тем современное международное право прямо распространяет принцип запрета агрессии и вооруженной интервенции на отношения между государствами и народами, осуществляющими свое право на самоопределение. На основе этого XXII сессия Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, осудившую колониальную войну Португалии против Анголы и других подвластных ей территорий [3].

Военно-политические блоки, сколоченные американским империализмом, — НАТО, СЕАТО и др., целиком поставлены на службу интервенционистским целям. Они ставят своей задачей и борьбу против мирового социализма, национально-освободительного и революционного движения в странах, входящих в эти империалистические военные группировки. Во второй половине 60-х годов США подписали двусторонние и многосторонние военные договоры с 40 странами. По разъяснению государственного департамента, обязательство США оказывать вооруженную «помощь» является индивидуальным и не требует коллективного решения участников данного военного союза [4]. Иными словами, США, по официальному толкованию Вашингтона, присвоили на основании этих договоров «право» вмешиваться по собственному произволу в дела любой страны под не раз испытанными предлогами борьбы против «агрессии» или «внутренней подрывной деятельности» коммунистов.

Наряду с открытой вооруженной интервенцией американский империализм повсеместно продолжает свою политику скрытого вмешательства, включая организацию контрреволюционных заговоров и переворотов, финансирование деятельности реакционных партий, внедрение американской агентуры на важные государственные посты и т. п. Примерами такой подрывной деятельности пестрит история государств Западной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки.

Начиная с 50-х годов произошли многочисленные контрреволюционные государственные перевороты, к большинству которых приложили руку империалисты

◆

[3] «Правда», 8 февраля 1968 г.
[4] «Известия», 28 августа 1967 г.

США. 17 ноября 1958 г. был произведен военный переворот в Судане, установивший военную диктатуру генерала Аббуда; в сентябре 1960 года — переворт в Конго (Леопольдвиль); 18 июля 1962 г.—в Сирии; 30 марта 1963 г.— в Гватемале; 11 июля — в Эквадоре; 25 сентября — в Доминиканской Республике; 3 октября — в Гондурасе; 31 марта — 2 апреля 1964 г. — в Бразилии; 4 ноября — в Боливии; в 1965 году — захват власти военными в Индонезии; 28 июня 1966 г. — переворот в Аргентине; в апреле 1967 года — в Греции и т. д. Приведенный список легко пополнить. Только в Латинской Америке с 1958 по 1968 год произошло 14 реакционных переворотов, которые поддерживали или прямо инспирировали США. В результате этих переворотов, как правило, к власти приходили военно-диктаторские и фашистские правительства. Некоторые из них вскоре терпели крушение в результате борьбы народных масс, другие удерживались дольше и продолжают сохраняться и поныне. Многочисленность этих переворотов и невиданная прежде степень участия в них внешних империалистических сил, то есть прежде всего США, показывают, что в интервенционистской политике Вашингтона окончательно взял верх курс на поощрение открыто антидемократических, профашистских и фашистских сил, реакционной военщины, феодалов и т. п.

Американский империализм пытается прибегать и к попыткам осуществления интервенции чужими руками. Ярким примером может служить предпринятое под покровительством Вашингтона в июне 1967 года нападение Израиля на арабские страны. Одной из важнейших целей израильской агрессии были интервенционистские планы — свержение прогрессивных режимов в Объединенной Арабской Республике и в Сирии, причем как раз эти контрреволюционные планы империализма, призванные восстановить позиции колонизаторов на Ближнем Востоке, потерпели явный провал.

В десятилетие после второй мировой войны американский империализм надеялся добиться своей цели — мировой гегемонии путем подготовки тотальной войны против Советского Союза. Однако быстрое изменение соотношения сил в мире в пользу социализма заставило даже многих наиболее реакционных политиков увидеть несбыточность планов «отбрасывания коммунизма», безумие политики «с позиции силы», «балансирования на грани войны». Советская ядерная мощь, способная сок-

рушить любого агрессора, делает смертельно опасной для империализма любую попытку лобовой атаки против социалистических стран. Именно поэтому на смену им пришла политика маневров, «наведения мостов», направленная на расшатывание единства социалистических стран и подрыв их изнутри, в частности, методами психологической войны. Одновременно американский империализм строит планы изменения в свою пользу невыгодного для него соотношения сил, которое было усугублено полным крушением колониальной системы и вступлением десятков молодых государств Азии и Африки на путь независимого развития. В этой связи и появилась доктрина локальных войн, ставящая задачей по частям удушить национально-освободительную борьбу, свергнуть прогрессивные режимы в странах Азии, Африки и Латинской Америки, восстановить в неоколониалистских формах господство империализма в этих странах. С помощью локальных войн, являющихся по своему характеру контрреволюционными интервенциями, вашингтонские стратеги надеются решить задачи мирового масштаба — восстановление в новой форме власти империализма над «третьим миром» и политическое окружение социалистических стран.

Интервенционистские мотивы лежат в основе внешней политики правящих кругов ФРГ. Интервенционизм взят на вооружение правящими кругами Западной Германии как вследствие их ненависти к прогрессивным и подлинно социалистическим силам в Европе, так и потому, что он рассматривается как орудие для осуществления боннских планов насильственной перекройки европейских границ, включающей «поглощение» социалистической ГДР и отторжение территории Чехословакии, Польши и Советского Союза (не говоря уже о неоставленных притязаниях и на земли западноевропейских стран).

Таким образом, боннский реваншизм и интервенционизм по существу являются двумя сторонами одного и того же агрессивного внешнеполитического курса, который уже почти в течение двух десятилетий проводит правительство ФРГ со времени образования западногерманского государства. Эта политика отмечена такими характерными чертами, как «непризнание» ГДР, попытки заставить все буржуазные страны придерживаться пресловутой «доктрины Хальштейна», декларирующей мнимое право правительства ФРГ выступать от имени всей

Германии, отказ объявить недействительным с самого начала «мюнхенское соглашение» 1938 года, иначе говоря, повторение гитлеровского требования о «возврате» Судетской области, постоянная кампания против границы по Одеру и Нейсе, другими словами, сохранение притязаний на западные области Польши и т. д. Не менее ярко проявился интервенционистский курс Бонна в организации провокаций и диверсий против ГДР и других социалистических стран (например, провоцирование реакционного мятежа в Берлине летом 1953 г., участие в подготовке выступления венгерской контрреволюции осенью 1956 г. и т. п.).

Многократные провалы, которые терпела эта интервенционистская линия, побудили правящие круги ФРГ, особенно после создания правительства «большой коалиции» в составе партий христианских демократов и социал-демократов, широковещательно объявить о новой «восточной политике» ФРГ. Смысл этой политики сводится к изменению тактики при сохранении прежних стратегических и политических целей. По-прежнему отказываясь от признания неоспоримого факта существования двух германских государств и послевоенных границ, правящие круги ФРГ надеются проникнуть в социалистические страны и подорвать их изнутри с помощью обходных маневров, используя экономические средства и методы психологической войны. Западногерманские реваншисты лелеют тщетную надежду «изолировать» ГДР, побудить восточноевропейские страны ослабить поддержку своего союзника — социалистического германского государства.

Реваншистским и интервенционистским планам подчинена политика Бонна и во всех других важнейших международных вопросах. ФРГ пытается целиком поставить на службу этим планам агрессивный Североатлантический союз, стремится захватить ключевые позиции в военной организации НАТО, саботирует достижение соглашения о нераспространении ядерного оружия и любыми путями домогается получения доступа к атомным арсеналам. Стремясь укрепить ось Бонн — Вашингтон, западногерманские реваншисты оказывают поддержку контрреволюционным интервенциям американского империализма и его сателлитов в Азии, Африке и Латинской Америке. Боннский неоколониализм таит в себе серьезные опасности для экономической и политической независимости молодых развивающихся стран.

Политика реванша и интервенционизма сопровождается растущей милитаризацией ФРГ, раздуванием шовинистических настроений, на волне которой, начиная особенно с 1966 года, стала быстро расти неонацистская национал-демократическая партия, протаскиванием «чрезвычайных законов», фактически ликвидирующих западногерманскую конституцию. В ФРГ открыто издаются законы, предусматривающие распространение западногерманской юрисдикции на всю территорию бывшего фашистского рейха в границах 1937 года, на многие территории европейских государств, временно находившихся под властью гитлеровских захватчиков.

В свое время разгром советским народом контрреволюционной интервенции Антанты привел к тому, что наряду с силами в буржуазном мире, упорствовавшими в стремлении начать новую вооруженную борьбу против социализма, сформировалось среди буржуазии влиятельное течение, которое осуждало этот авантюристический курс, содержащий грозные опасности для самого империализма. Аналогичный процесс происходил и после второй мировой войны, когда в буржуазном лагере по мере усиления мировой социалистической системы обострялась борьба сторонников и противников политики интервенции — «отбрасывания коммунизма» путем реставрации капитализма в странах народной демократии.

В современных условиях вооруженная интервенция даже против малого государства чревата серьезнейшим риском для империалистов. Опыт Вьетнама, где небольшой народ в течение многих лет героически отстаивает свою Родину от посягательств самой мощной страны империалистического лагеря, нанося удар за ударом по интервентам, говорит о том, во что может обойтись любая «локальная» война агрессорам. Кроме того, локальная война превращается в настоящую большую войну по размерам военных расходов. Обогащая определенную часть буржуазии, предприятия которой работают на войну, она становится невыгодной для владельцев тех отраслей производства (включая и монополии), которые заняты выпуском товаров для гражданского потребления. Это неизбежно усиливает размежевание в буржуазных кругах в отношении к политике контрреволюционного вмешательства. Еще большее влияние оказывает здесь и давление со стороны трудящихся — решительных противников несправедливых войн и интервенций.

Современное правосознание определяет любую агрессию как преступлеиие против человечества. Тем более преступный характер носит агрессия, которая является вместе с тем контрреволюционной иитервенцией. Подавление свободы иародов, попытки удушения вооружеиным путем демократии и социализма противоречат жизненным иитересам человеческого общества. Недаром В. И. Ленин определил войиу пролетариата против коитрреволюции как «единственно законную, единственно справедливую, едииственио свящеииую, — в ие поповском, а в человеческом смысле слова свящеиную войну угиетеиних против угиетателей за их свержеиие, за освобождение трудящихся от всякого гнета» [5].

Глубокая враждебиость империализма иитересам человечества проявляется и в том, что он является постояиным источником контрреволюциоиных войн. «Империализм не зиает ииых отношеиий между государствами, кроме отношений господства и подчинения, угнетения слабого сильиым, — говорится в Программе КПСС. — Междуиародиые отиошения ои строит иа диктате и угрозах, иасилии и произволе. Агрессивные войиы рассматриваются им как естествениое средство решения международиых вопросов» [6]. Считая войиу привычным инструмеитом для достижения своих целей, империализм по самой своей природе склонеи к употреблеиию вооружениых методов для иавязываиия контрреволюции другим иародам и страиам.

В совремеииых условиях роста сил социализма на междуиародной арене рабочий класс во главе со своим передовым отрядом — коммуиистическими партиями имеет возможность в ряде капиталистических государств обуздать и пресечь интервенционистские тенденции правящих классов. Силы мира и социализма ныне настолько велики, что способиы своими едиными действиями предотвратить любые попытки империалистической интервеиции, иавсегда исключить коитрреволюциоииое вмешательство из жизни общества.

◆

[5] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 192.
[6] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1967, стр. 56.

Опыт истории

(вместо заключения)

I

Интервенционистские тенденции заложены в самой природе эксплуататорского строя. Они порождаются страхом господствующих классов перед «опасным» влиянием революции в других странах на народные массы в собственной стране. Кроме того, эти тенденции вытекают и из стремления эксплуататорских классов к расширению «своей» территории и увеличению трудящегося населения как объекта эксплуатации, поскольку интервенция почти всегда связана с аннексионистскими и колониалистскими планами. До победы Великой Октябрьской социалистической революции не существовало государства, постоянно выступавшего против интервенционизма. Это не исключает, разумеется, того, что антиинтервенционистские начала, в силу стечения различных внутри- или внешнеполитических факторов, время от времени проявлялись в политике различных государств. Однако они носили спорадический характер, более или менее быстро уступали место противоположным интервенционистским тенденциям, органически присущим эксплуататорскому государству.

Интервенция, будучи необходимостью, так как связана с природой эксплуататорского строя, вместе с тем является в известном смысле случайностью и для страны-интервента и для страны — жертвы интервенции. Для государства-интервента она случайна потому, что становится возможной в результате определенных особенностей внутриполитической обстановки, а также случайных (с точки зрения внутренних закономерностей развития этого государства) внешних условий, международной обстановки. Для страны — жертвы интервенции иностранное втор-

жение случайно, поскольку не предопределено заранее и, таким образом, не может считаться внешней необходимостью, а также потому, что оно не вытекает из внутреннего развития этой страны.

Диалектика исторического развития проявляется в порождении внешних сил, пытающихся воспрепятствовать неумолимым закономерностям этого развития. В этом отношении реакционное безумие, заранее обреченный бунт против законов истории, какими являются контрреволюционные интервенции, нельзя считать случайностью. Такой случайностью в известном отношении может быть лишь каждая отдельная интервенция, но не все интервенции данной исторической эпохи в целом.

Интервенции крайне неравномерно представлены в различные эпохи и периоды, что определяется изменением соотношения классовых сил в международном масштабе.

Буржуазные ученые нередко приходят к выводу, что склонность к интервенции определяется не классовыми, а национальными факторами[1].

Буржуазная наука не желает видеть, что национальные противоречия, являясь вторичным фактором, даже непосредственно играли в истории интервенции несравненно меньшую роль, чем столкновение классовых интересов, классовая борьба, перенесенная за пределы данной страны.

Важно отличать глубокие классовые предпосылки интервенции от тех непосредственных политических и экономических причин, которые ее вызывают, а эти последние — от тех предлогов, которые используются для ее развязывания, и от ее дипломатического, правового и идеологического обоснования и оправдания.

Следует учитывать, что ближайшие причины интервенции лежат в структуре международных отношений данного периода. Та или иная система сложившихся международных отношений может способствовать или, наоборот, препятствовать проявлению и развитию интервенционистских тенденций. Так, их несомненно стимулирует выдвижение державы, претендующей на континентальную или мировую гегемонию. Напротив, острое со-

◆

[1] W. W. Kulski, International Politics in a Revolutionary Age, N. Y., 1964, p. 30.

перничество нескольких великих держав в определенных условиях, хотя далеко не всегда, сковывало интервенционистские устремления.

Идеологические причины имели различный удельный вес в тех или иных интервенциях. Они могли определять и решение начать интервенцию, и ее непосредственные цели (например, во время испанской интервенции в Нидерландах в XVI веке, интервенции против Великой французской революции, антисоветской интервенции Антанты и т. д.) или, напротив, служить более или менее важным обоснованием вторжения, предпринимавшегося, например, в аннексионистских целях.

Хотя объективные предпосылки интервенции имеют решающее значение, важную роль играет субъективный фактор. Выбор между вооруженной и другими формами вмешательства в немалой степени зависит от психологии правящих классов государства-интервента [2].

II

Большую роль в истории интервенции сыграли абсолютные монархии. В период, когда абсолютизм выполнял еще прогрессивную роль как центр притяжения всех классов, страдавших от феодальной раздробленности, он выступал как сила, способствовавшая складыванию нации и отражению попыток иностранных государств уничтожить национальную независимость и единство страны. Когда прогрессивная роль абсолютизма оставалась позади и он становился препятствием для дальнейшего буржуазного развития, положение менялось. Абсолютные монархи становились на международной арене главными носителями интервенционистской политики. Однако эта политика в конечном счете превращалась в орудие не укрепления, а дискредитации и еще более ускоренного разложения феодально-абсолютистских монархий (достаточно напомнить историю Священного союза). Но далеко не всегда носителями контрреволюционной интервенционистской политики выступали эксплуататорские классы, олицетворявшие уходивший в прошлое социальный строй. В эпоху подъема и утверж-

◆

[2] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 328.

дения капитализма четко проявила себя и другая тенденция. Буржуазия, вставшая у власти, выступала против буржуазных революций в других странах.

Иногда дело касалось старых привилегированных фракций буржуазии — финансистов, купцов, судовладельцев, которые тысячами нитей были связаны со старым феодальным порядком, с его торговыми и колониальными монополиями и интересы которых задевал промышленный переворот, создание крупной капиталистической промышленности. Именно эти фракции буржуазии, обычно в союзе с дворянской аристократией, выступали застрельщиками контрреволюционных интервенций против буржуазных революций в других странах и тем более освободительных движений в своих и чужих колониях. Однако и промышленная буржуазия, внутри страны боровшаяся «против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности»[3], нередко объединялась с ними для организации интервенции. Это было вызвано целым рядом важных исторических причин, действия которых проявлялись и в период домонополистического капитализма, и в империалистическую эпоху.

Первая из них заключалась в том, что промышленники разделяли с другими фракциями победившей буржуазии страх перед народом, опасение, что последовательная ликвидация феодальной собственности поставит под угрозу и частную собственность вообще, что зарубежный пример («якобинский дух» в конце XVIII в. и т. д.) может оказать «дурное» влияние на трудящиеся массы внутри страны (особенно в десятилетия промышленного переворота, приводившего к разорению и неслыханным бедствиям сотен тысяч и миллионов крестьян и ремесленников). Второй немаловажной причиной было то, что интервенция против «чужой» буржуазной революции становилась, кроме всего прочего, формой борьбы против промышленной буржуазии других стран. И наконец, третья причина — это то, что контрреволюционная интервенция могла являться формой колониальной экспансии или вообще захватнической политики (а также подавления восстаний в колониях), которую в разной степени, активно или пас-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, стр. 433.

сивно, поддерживали все слои крупной и средней буржуазии.

Однако те же причины нередко вызывали столкновения интересов буржуазии данной страны с интересами правящих классов других государств — участников контрреволюционных коалиций, а также между различными фракциями буржуазии.

Сложность и противоречивость причин, побуждавших различные буржуазные слои выступать в одних случаях за интервенцию, в других — против нее, накладывали отпечаток и на ее цели. Отдельные классы и группы, образовывавшие интервенционистский лагерь, были заинтересованы в разной степени восстановления дореволюционных порядков. Одни стремились к полной социальной и политической реставрации, другие — к частичной реставрации старых общественных и политических порядков, третьи — лишь к частичной реставрации в социальной и политической областях или даже только к возвращению на одну из пройденных ступеней революции. Разумеется, даже в случае победы интервентов осуществление этих стремлений зависело от целей других участников контрреволюционного похода, от силы и намерений внутренней реакции, наконец, от характера совершенных преобразований, часть из которых (например, конфискация и распродажа дворянских земель в годы французской революции) носила практически необратимый характер.

Интервенция, руководимая феодально-абсолютистскими силами, против буржуазных революций — это одна из форм борьбы старых господствующих классов против победы нового общественного строя. Более сложно объяснить причину буржуазной интервенции против буржуазных революций. Эта причина заключалась прежде всего в том, что их осуществляла послереволюционная, то есть контрреволюционная, буржуазия. Кроме того, буржуазии (и тем более консервативной буржуазии) было выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении и в чужой стране происходили посредством реформ, а не путем революции[4]. Характерно, что почти всегда буржуазные интервенции были направлены против буржуазно-демократических революций, на ход которых явственный от-

[4] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 38.

печаток накладывал революционный напор снизу, со стороны трудящихся масс. Особенно эта тенденция проявилась в эпоху империализма в отношении буржуазных революций, победа которых, говоря словами В. И. Ленина, была невозможна как победа буржуазии [5].

Нередко буржуазная интервенция была связана и с нежеланием установления господства буржуазии в другой стране, так как это могло усилить ее как соперника (английская буржуазия и французская революция конца XVIII в.) или воспрепятствовать экономическому закабалению этой страны (интервенция в Мексике в 1862—1867 гг.). Однако в этом последнем случае с особой силой проявлялась историческая бесперспективность целей интервенции. Буржуазия государства, осуществлявшего вмешательство, действуя в экономической области, сама оказывалась вынужденной объективно содействовать (пусть уродливому и однобокому) капиталистическому развитию страны, то есть как раз тому, чему стремилась воспрепятствовать интервенция. Эта бесперспективность проявлялась несмотря на то, что такие интервенции мобилизовывали против буржуазных революций ресурсы экономически наиболее развитых стран, в которых была сосредоточена крупная капиталистическая промышленность.

Следует отметить, что наряду с указанными главными вариантами существовало много «смешанных» случаев. Так, например, английское вмешательство в дела Португалии в XIX веке, формально не раз ставившее целью поддержку буржуазных либералов против абсолютистов, на деле не способствовало, а мешало развитию капитализма в этой стране, усиливая ее полуколониальную зависимость от Великобритании.

Интервенция могла предприниматься против страны, находившейся на более низкой, одинаковой или более высокой стадии общественного развития, чем государство-интервент. Такая «пестрота» отчасти объясняется тем, что коалиция интервентов нередко включала государства разного классового типа (например, буржуазная Англия и феодальные государства континентальной Европы в борьбе против Великой французской революции) [6].

◆

[5] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 44.
[6] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 368.

В таких случаях обычно более развитые государства коалиции вовлекали в интервенцию с помощью экономических и политических мер менее развитые государства. Только при интервенциях против социалистических революций все страны-интервенты находятся на более низкой ступени общественного развития.

Само собой разумеется, экономические и военно-технические ресурсы у государства-интервента (или у коалиции таких государств), как правило, должны были быть большими, чем у страны — жертвы интервенции, иначе исключалась бы самая возможность внешнего вмешательства. Общеизвестно, что растущая мощь социалистических стран обрекает на неудачу попытки насильственной реставрации капитализма с помощью внешней интервенции.

Интересы однотипных эксплуататорских классов в странах, осуществляющих интервенцию, и странах, являющихся ее жертвами, могут совпадать либо полностью или частично. Несовпадение объясняется как различным уровнем развития этих классов, так и конкурентной борьбой между ними. Напротив, интересы всех трудящихся и эксплуатируемых классов всегда совпадают и всегда находятся, прямо или косвенно, в непримиримом противоречии с интервенцией и преследуемыми ею целями.

Все сказанное выше подводит к мысли о необходимости различать, во-первых, социальный тип интервенции, определяемый ее объективным классовым смыслом (феодальный — если речь идет о реставрации феодализма, капиталистический, когда целью является восстановление капитализма), во-вторых, социальную форму интервенции, определяемую ее движущими силами. Очевидно, что социальный тип интервенции может совпадать или не совпадать с ее формой.

Существуют, следовательно, различные формы одного типа вмешательства (буржуазная и феодальная форма феодального типа интервенции, например, против революционной Франции в конце XVIII в.). Однако, как правило, определенная форма тяготеет к определенному типу.

Интервенция — всегда дело рук господствующего класса, держащего в руках государственную власть. Но он может осуществлять ее в союзе с другими собственническими классами, в котором, однако, сохраняется его гегемония.

При этом следует различать интервенции, осуществляемые по прямой воле господствующего класса, и интервенции, возникающие в результате относительной самостоятельности государственной надстройки и даже преследующей собственные цели группировки, стоящей у власти. В последних случаях особенно часто интервенции приобретают явно авантюристическую окраску (Наполеон III и интервенция в Мексике).

Социальное содержание интервенции зависит от ряда факторов: расстановки классовых сил внутри государства-интервента и в стране — жертве интервенции, и, наконец, от международной обстановки.

В масштабах всей эксплуататорской формации надо различать интервенции, организуемые силами старого строя и силами, порожденными развитием самой новой формации. При этом и в том, и в другом случае целью интервенции может быть и предотвращение смены старой формации новой в стране — жертве интервенции, и воспрепятствование определенному способу этой смены, и попытки не допустить дальнейшего развития новой формации. Иначе говоря, связь между движущими силами и целями интервенции сложна и определяется многими факторами.

Наконец, движущие силы интервенции могут не совпадать или чаще — не вполне совпадать с теми классовыми силами, в пользу которых она объективно осуществляется. История знает немало случаев, когда плоды интервенции, организованной феодалами против буржуазной революции, пожинались буржуазией государства-интервента.

Переплетение интервенций с колониальной экспансией, с колониальными войнами и экспедициями увеличивало число мотивов, которые порождали контрреволюционное вмешательство.

III

Как и для революции, против которой обращено иноземное вмешательство, коренным вопросом интервенции обычно является захват власти. Это правило, правда, не означает, что в задачу внешней контрреволюции обязательно входит возвращение власти свергнутому классу или сохранение власти в руках старого пра-

вящего класса, которому угрожает революция. Речь может идти и о перемещении власти от одной к другой фракции того же класса. Руководители интервенции редко признают, что вопрос касается власти. Очень часто формальной целью становится как раз ликвидация каких-то определенных действий или институтов новой власти, изменение формы правления. Интервенты при этом широко используют и то обстоятельство, что в ходе революций нередко затемняется вопрос о том, где настоящая власть; происходит расхождение между формальной и действительной властью [7].

Следует различать интервенции, преследующие реставраторские цели формационного и стадиального характера. В первом случае речь идет о попытке вернуть общество к уже пройденному им формационному типу (реставрация феодализма при победе капитализма или реставрация капитализма при победе социализма). Наряду с этим существуют интервенции, ставящие целью возвратить общество к прошедшей стадии развития (мануфактурный и промышленный капитализм). По сути дела все эти интервенции направлены на то, чтобы ликвидировать достигнутое относительное соответствие производственных отношений характеру производительных сил. Интервенции этого вида преследуют наиболее бесперспективные цели, обычно неосуществимые вообще или на сколько-нибудь длительное время.

Другой вид интервенции нацелен против революций, приведших лишь к недавнему захвату власти революционными силами, не вызвавших изменения социального строя, или против революции, еще только угрожавшей захватом власти. И в этом случае интервенция может носить формационный или стадиальный характер, иначе говоря, ставить задачей воспрепятствовать переходу общества от одной формации к другой или от одной стадии к другой данной формации.

Буржуазный уклад складывается внутри феодального строя крайне неравномерно в разных странах. Поэтому законом следует считать длительное сосуществование феодальных государств и государств, в которых развитие капиталистического уклада привело к коренным изменениям в экономике, общественных отношениях, идеологии,

◆

[7] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 14.

что, однако, находило лишь косвенное отражение в политическом строе. Столь же безусловной закономерностью является сосуществование буржуазных и феодальных стран, не вызывающее особых проблем прежде всего вследствие того, что они — лишь разные типы эксплуататорского государства.

История не знает примера интервенций, направленных непосредственно против господства буржуазного способа производства. Это связано отчасти с тем, что буржуазный уклад постепенно вызревает в недрах феодального общества. Еще большее значение имеет внутренняя связь феодального и буржуазного строя, основанных на эксплуатации и объединяемых, несмотря на разделяющие их противоречия, в конкретной действительности длительным существованием многих «промежуточных» производственных форм.

Целью вооруженных интервенций было воспрепятствовать переходу политической власти в руки буржуазии, а точнее, революционным формам этого перехода. По сути дела, интервенция, как таковая, очень редко бывает направлена против прочно утвердившейся власти буржуазии. «Когда дело сделано, — отмечал В. И. Ленин, — тогда и реакционеры становятся на почву завоеваний революции»[8]. Это происходит не только из-за признания неизбежного, но и вследствие изменения характера самой буржуазной власти, сразу же проявляющей свою консервативную сущность, которая сближает новый правящий класс с силами реакции. Целью интервенции является буржуазная *революция*, движущими силами которой всегда выступают народные массы (вместе с буржуазией, или, напротив, преодолевая ее половинчатость и прямое предательство). Иначе говоря, это — плебейские способы ликвидации феодализма и последовательного решения задач буржуазного переворота.

Утверждение же власти пролетариата отнюдь не приводит к прекращению попыток ее свержения путем вооруженной интервенции, которые продолжаются обычно до тех пор, пока империалистическая реакция располагает для этого сколько-нибудь реальными возможностями.

Интервенции могут быть направлены на сохранение

◆

[8] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 30.

системы классово однотипных государств (феодальные интервенции против буржуазных революций) либо, наоборот, на то, чтобы воспрепятствовать или замедлить создание системы однотипных государств (буржуазные интервенции против буржуазных революций).

Однако было бы неверным считать, что задачей интервенции всегда является более или менее полная реставрация старых социальных и политических порядков. Уже одна ориентация на частичную реставрацию предполагает на деле совмещение «восстановленных» элементов с новыми, которое создает по существу общественную и политическую структуру, отличную от всего того, что имелось в прошлом. Таковыми по крайней мере могут быть объективные результаты интервенции в отличие от субъективных намерений ее организаторов. И в этом отличии также проявляется неодолимость прогрессивного развития общества, ломающего все препятствия на своем пути.

Целью интервенции иногда является решение в пользу одного из возможных направлений развития. Примером могут служить попытки помешать американскому пути развития капитализма в сельском хозяйстве (превращению крестьянина в фермера), утверждению буржуазной республики или способствовать, наоборот, победе прусского пути, означавшего: «крепостник-помещик становится юнкером. На десятилетие укреплена помещичья власть в государстве. Монархия. „Обшитый парламентскими формами военный деспотизм" вместо демократии. Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении»[9].

Задачи интервенции иногда ограничиваются даже борьбой против революционного характера осуществления неизбежных социально-экономических преобразований. «Буржуазии, — писал В. И. Ленин, — выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к „почтенным" учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как

◆

[9] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 227.

можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья...» [10]. Аналогичная заинтересованность существует и у буржуазии соседних государств, которые в той или иной степени могли быть затронуты влиянием страны, где происходила революция.

Не следует понимать под реакционной интервенцией только попытку вооруженного подавления революции в другой стране или в странах. Сплошь и рядом интервенция была направлена против прогрессивного политического строя, уже утвердившегося в данной стране, или была обращена против отдельных прогрессивных преобразований (например, конфискация собственности иностранных капиталистов и пр.), неравнозначных революции. Такая интервенция ставила целью передачу власти той фракции буржуазии, которая экономически более тесно связана с империализмом, с тем чтобы обеспечить «подходящий климат» для вложений капитала и т. п. Такие сравнительно «ограниченные» цели характерны для большинства случаев вмешательства, относящихся ко второй половине XIX — началу XX века. Контрреволюционная интервенция, таким образом, является лишь одной, хотя и главной, разновидностью реакционных интервенций.

Интервенция может быть заострена не только против внутренних (для страны — жертвы интервенции), но и против международных последствий революции либо против тех и других. В конечном счете, внутренние последствия интересуют интервентов лишь постольку, поскольку они имеют международное влияние. Эти внутренние последствия приобретают вполне самостоятельное значение для интервентов, если они одновременно преследуют колониалистские (и вообще захватнические) цели.

Различая объективные цели интервенции от субъективных целей ее участников, нельзя смешивать ни те, ни другие с политическими формами, в которых осуществлялось иностранное вмешательство. История здесь знает по крайней мере следующие варианты: 1) попытка свержения и в случае удачи свержение революционного правительства; 2) создание реакционного (иногда чисто марионеточного) правительства на территории, контроли-

◆

[10] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 38.

руемой интервентами, при сохранении цели свержения революционного правительства или раздела страны между враждующими лагерями; 3) помощь реакционному правительству, которому угрожает революция, в его попытках сохранить власть. Поскольку на практике интервенция часто связывается с аннексионизмом и колониализмом, наряду с указанными выше формами, существуют и другие (расчленение территории страны — жертвы интервенции, установление над ней протектората, превращение в колонию и т. д.).

Многочисленные случаи американского вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских и азиатских стран (а к середине XX в. их насчитывалось более 1400 без «официально» объявлявшихся войн[11]) были очень различны по тому, каковы были его непосредственные цели, против каких врагов и в интересах каких друзей (наряду с собственными интересами) предпринималось это вмешательство. Если интервенция в пользу реакционных сил всегда имела реакционный характер, то и вмешательство империалистов в пользу либеральных элементов, в конечном счете, никогда не имело прогрессивного значения для развития страны — жертвы интервенции.

Результатом такого чужеземного вмешательства было дальнейшее усиление влияния иностранного капитала, равносильное подрыву государственного суверенитета и возможности независимого национального развития. Вмешательство капиталистических держав (особенно в империалистическую эпоху), вне зависимости от его непосредственных целей, объективно всегда имело реакционную, контрреволюционную основу, будучи в конечном счете направленным против освободительного движения трудящихся масс. Для XX века типично, что империалистические интервенции, даже формально преследовавшие ограниченные цели, приобретали отчетливо выраженный характер контрреволюционного вмешательства. Это было связано как с умножением форм экономического закабаления, которые принесла эпоха империализма и которые утверждались нередко с помощью интервенции, так и с несравненно большим размахом освободительной борьбы рабочего класса и крестьянства, против которой неизмен-

◆

[11] «United States News and World Report», Dec. 17, 1954, p. 24.

но обращалось острне ннostранного вооруженного вмешательства.

Имперналнстнческие протнворечня налагали свой отпечаток на отношеине разлнчных держав к контрреволюцнониым ннтервенциям, создавалн нередко нллюзню аитнинтервенцнонннстского курса некоторых из этнх держав, по крайией мере по отношеиню к вмешательству во виутренние дела определеиной страиы илн определенного района. Разумеется, огранннченность н своекорыстиый характер этого миимого антннннтервенциоиизма обнаруживается прн первых же серьезных изменениях в снстеме межимперналнстнческих протнворечнй.

Все сказанное выше позволяет по достонству оценнть иовейшне апологетические попыткн реакцнониых нсторнков н соцнологов проводить разлнчне между «обороннтельными» н «иаступательиымн» ннтервенциямн нмпернaлистов н отиоснть к первым даже антисоветскне походы Аитаиты, ие говоря уже об английском вооруженном вмешательстве в Греции в 1944 году н другнх аналогнчных действнях западных держав после второй мнровой войны [12].

IV

Контрреволюцноиная интервенцня всегда является насилнем, она никогда не носит мирного характера. Напротнв, оиа может лишь воспрепятствовать мирному теченню революцнн [13]. История зиает немало примеров, когда нностраиная ннтервенцня была не вмешательством в гражданскую войну, а средством ее провоцнрования. Имелнсь, впрочем, н прнмеры, когда ннтервеиты стремнлнсь обойтнсь без такого опасного средства, еслн нм удавалось относнтельно быстро восстановнть у властн внутреннюю контрреволюцню.

Интервенцня возннкала, как правнло, прн налнчнн по крайией мере следующнх условнй: 1) прн заннтересованности правящнх классов потенцнального государства-ннтервеита в снлу внутрнполнтнческнх нлн внешиеполнти-

◆

[12] M. Wight, Power Politics, «The Theory and Practice of International Relations», Ed by W. C. Olson and F. A. Sonderman, Englewoods Cliffs (New Jersey), 1966, p. 87.

[13] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочннений, т. 38, стр. 358.

ческих причин в подавлении революции в другой стране; 2) при отсутствии внутриполитической оппозиции, способной воспрепятствовать планам интервенции; 3) при серьезном перевесе в силах, которыми могло располагать правительство государства-интервента, над силами революции (все равно вследствие какой причины — наличия больших людских и материально-технических ресурсов, более эффективного их использования и т. п.); 4) при такой международной обстановке, которая не ликвидировала бы имеющийся у интервентов перевес сил (из-за необходимости отвлечения части их против других противников, из-за помощи, которую могут получить силы революции извне, и т. д.). Разумеется, все условия или некоторые из них могли полностью или частично меняться в ходе интервенции, что подрывало ее шансы на успех или обрекало на неудачу. Конечно, столь же часто первоначальный перевес сил интервентов сводился на нет мобилизацией сил революции.

Мощь интервенции всегда зависит от суммы двух слагаемых — собственных сил интервентов и возможностей, которыми располагает внутренняя контрреволюция, объединяющаяся со своими иностранными союзниками. В свою очередь, успешная борьба против интервенции определяется также двумя факторами — силой революционного лагеря и международной обстановкой.

В марксистской исторической литературе высказывалась интересная мысль, что на фоне тенденции к внешней экспансии, свойственной всем эксплуататорским государствам, в каждую эпоху возникал тот или другой основной центр международной реакции и агрессии, претендовавший на европейскую и мировую гегемонию[14]. Например, таким центром был габсбургско-католический лагерь в XVI — начале XVII века, французский абсолютизм Людовика XIV — во второй половине XVII века, гитлеровская Германия — в 1933—1945 годах, американский империализм — после второй мировой войны. В эпохи, когда происходили крупные революции, этот основной очаг агрессии неизменно становился главным источником интервенционизма.

◆

[14] Б. Ф. Поршнев, Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны, «Вопросы истории», 1960 г., № 10, стр. 75.

Осуществление планов мировой гегемонии неизбежно наталкивалось на сопротивление передовых общественных сил эпохи и терпело крушение прежде всего вследствие этого сопротивления. Вместе с тем эти планы вступали в противоречие и с интересами господствующих классов во всех странах — соперниках государства, претендовавшего на всемирное владычество.

Соотношение удельного веса внутреннего и внешнего факторов сопротивления интервенции оказалось в разных случаях и в разные эпохи весьма различным. Важно лишь подчеркнуть взаимосвязь этих факторов. Закономерностью современной эпохи является могучий рост сил, которые противодействуют империалистическому «экспорту контрреволюции». Она вместе с тем порождает такую структуру революционного лагеря, возглавляемого рабочим классом, которая способствует максимальному усилению внутренних возможностей организации отпора интервентам.

Доля участия внешней и внутренней контрреволюции в борьбе с революцией далеко не всегда и не вполне отражалась соотношением вооруженных сил интервентов и местной реакции, принимавших участие в военных действиях. Это вызывалось тем, что роль внешней контрреволюции определялась также степенью ее участия в поставке вооружения, финансировании войны и т. д.

Нередко военное вмешательство осуществлялось «чужими руками», что особенно характерно для интервенционистской политики ряда крупных империалистических государств (это было связано с отсутствием крупных постоянных армий в Англии и США до второй мировой войны, с попытками избежать усиления внутренней и внешней оппозиции к политике вооруженной интервенции и пр.). Часто доля участия внешней контрреволюции настолько превышает долю участия внутренней, что количество переходит в качество и, по сути дела, возникает один из вариантов интервенции «чужими руками». В этом случае силы внутренней контрреволюции превращаются в наемную армию, находящуюся под полным контролем интервентов, вне зависимости от удельного веса их собственных войск, используемых в такой войне. Так, сайгонский режим был марионеткой Вашингтона и в первый период интервенции США во Вьетнаме до конца 1964 года, когда американцы формально играли лишь роль советников при войсках этого режима, и тем более в после-

дующие годы, когда американские дивизии стали главной боевой силой, пытающейся огнем и мечом подавить сопротивление патриотической, народно-освободительной армии.

Различие классовой природы внешней и внутренней контрреволюции обычно не служило сколько-нибудь серьезным препятствием для их сотрудничества. Более того, такое различие часто даже способствовало превращению внутренней реакции в простое орудие интервентов. Это легко понять. Ведь буржуазия страны, в отношении которой осуществлялась интервенция, за исключением компрадорских слоев, почти неизбежно сталкивалась с возрастающей конкуренцией буржуазии государства-интервента. Напротив, феодалы часто не только не страдали от этой конкуренции, а даже выигрывали в экономическом отношении (сознательная консервация империализмом феодальных и полуфеодальных отношений в колониях и зависимых странах; выгоды, получавшиеся помещичьим хозяйством от превращения страны в аграрный придаток крупных капиталистических держав, сохранение власти племенных вождей и т. п.).

Национальная измена — закон поведения эксплуататорских классов, когда революция угрожает их собственности. Было бы неправильным считать, что буржуазия шла на национальное предательство только в борьбе против социалистических революций. Она не раз предавала буржуазные революции, нередко открывая при этом путь иноземной интервенции. В. И. Ленин писал в 1918 году, что, «когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах»[15]. Как подчеркивал В. И. Ленин, история учит, что «господствующие классы всегда жертвовали всем, решительно всем: религией, свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционного движения угнетенных классов»[16].

◆

[15] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 10.
[16] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 302—303.

Было бы, одиако, ошибкой счнтать, что все силы, выступающие против правительства с коитрреволюцноиных позиций, обязательно должны поддерживать реакциоиную иитервеицию. Во-первых, целн такой иитервенции могут ие совпадать с кореиными нитересами определенных классовых слоев, заиимающих контрреволюционную познцию. Буржуазиая коитрреволюция, осуществившая переворот 9 термидора, продолжала борьбу против интервеиции феодальио-абсолютистских государств во главе с буржуазией Аиглнн.

Более того, коитрреволюцноиная иитервеицня, обычно связанная с покушениями иа политнческую н экоиомическую независнмость, а также территориальиую целостность страиы — жертвы вмешательства, приводит иередко к серьезиой перегруппировке классовых снл. Разумеется, успехи или иеудачи контрреволюциоииого вторжеиия (или его шаисы на победу) вызывают перебежки в лагерь интервеитов нли нз этого лагеря неустойчивых н колеблющихся элемеитов, не говоря уже о политических группировках и отдельиых карьеристски настроеиных деятелях, преследующнх свои личные цели. Этим «тушинским перелетам» способствует или препятствует позиция, занимаемая интервентамн в отношеини такого рода соцнальиых слоев, партий н лиц.

Значительно важиее тот раскол, который иередко возиикает даже среди реакциоиых сил, одобряющнх целн иитервеицни в отношенни самого иностраниого вмешательства, поскольку поддержка его оказывается, как правило, равиозиачиой иациоиальиой измеие. Эта лниия размежеваиия иередко разделяет ие только классы, составляющие реакциоиный лагерь, ио и группировки виутрн каждого нз этих классов. Такое внутрнклассовое размежевание обычио имеет более илн меиее глубокие социальные корни (компрадорские н иекомпрадорские слон буржуазии в колоииальиых и зависимых страиах), а также причииы вторичного характера (иациоиальиые, региоиальиые, релнгиозиые н другие протнворечия, исторические традиции и т. д.). Конечио, среди этих общественных снл следует четко различать две категории: первая — социальные группы, которые поддерживали иитервеицию, руководствуясь своимн классовымн интересами (различиые эксплуататорские классы); вторая категория — это те, которые оказывалн помощь интервеитам, в о п р е к и своим коренным классовым интересам (речь идет в пер-

вую очередь о части эксплуатируемых классов, которая шла за эксплуататорами) [17].

Такая позиция могла быть следствием прямого политического, экономического, идеологического принуждения со стороны старых господствующих классов. Не меньшую роль иередко играли противоречия с классами, составлявшими революциоииый лагерь, иллюзориая надежда иа то, что интервенция разрешит эти противоречия в интересах тех, кто оказался иа ее стороне.

В течеиие длительного времеии типичным было положеиие, когда интервенцию (все равно буржуазную или феодальиую по своим движущим силам) против буржуазиой революции поддерживали лишь класс феодалов и те социальиые группы, прежде всего крестьяие, иа которые ои в силу ряда причин (отказа буржуазии от ликвидации помещичьего землевладения, засилья духовенства, поддерживавшего старый порядок, и др.) по-прежнему оказывал решающее идеологическое воздействие.

Вместе с тем уже в период ранних буржуазиых революций определенные слои крупной «старой» буржуазии (откупщики, финаисисты, владельцы привилегированных придворных маиуфактур, акционеры моиопольных колониальных компаиий и т. п.) не только скоро оказывались в лагере реакции, ио и активно поддерживали интервентов. Во Фраиции в коице XVIII века такую позицию заиимала значительиая часть фельянов. Отдельные слои буржуазии, ранее участвовавшие в борьбе против старого строя, но поздиее отброшеииые в реакциоиный лагерь движением революции по восходящей линии, также вступали в соглашение с иитервеитами (большая часть жирондистов).

Как подчеркивал В. И. Ленин, во Франции «после 1793 г. родилась и стала неуклонно расти коитрреволюциониая либеральная буржуазия» [18]. В ходе революций XIX века она ие раз становилась более или менее скрытым пособником иитервенции. Это был путь от предательства революции к иациональному предательству, на который уже становилась буржуазия в период, когда буржуазиые революции стали совершаться рабочим классом и который оиа прошла до коица в борьбе против пролетарских революций.

◆

[17] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 143.
[18] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 281.

Буржуазия ряда европейскнх стран была более нли менее едииой, поскольку речь шла о поддержке иностраиной интервеиции против революционных выступлеиий пролетарната в последней трети XIX — начале XX века — против Парижской коммуны, Октябрьской революции, революций в Фниляндии, Венгрии в 1918—1919 годах. (Интервеиции против социалистических стран встречали активную поддержку и со стороны кулачества [19].) Иным оказалось положенне во время народно-демократических и социалистических революций в конце 40-х годов XX в., когда значительные слои буржуазни заняли патриотическую позицию, выступая против интервенции или угрозы иностранного вмешательства. Немалую роль сыграло здесь то, что эти революции непосредственно возникали в ходе и в результате общенациональной, освободительной борьбы против фашистских захватчиков. Другой причиной было резкое изменение в соотношении сил на международной арене. Третьим важнейшим фактором были процессы, происходившие в эпоху империализма внутри самой буржуазии (растущие противоречия между монополиями и немонополистическими кругами, между финансовым капиталом небольшой группы империалистических держав и буржуазией других стран).

Национальная буржуазия в колониальных и зависимых странах вследствие двойственности своего характера в определенных условиях входила в революционный, антиимпериалистический лагерь, а в других условиях, по мере нарастания классовых противоречий внутри страны, проявляла склонность к соглашению с внутренней реакцией (феодалами, компрадорами и пр.) и с империализмом, что приводило и к поддержке иностранной интервенции. Однако исторический опыт показывает, что в последнем случае часто происходит размежевание среди самой национальной буржуазии, часть которой сохраняет союз с антиимпериалистическими силами.

Особого внимания заслуживает заметно проступающая тенденция к сужению «социальной базы» внешней контрреволюции в интервенциях против данного типа революции. Первоначально несколько расширяясь, когда на смену интервенциям против буржуазных революций пришли интервенции против пролетарских революций, эта

◆

[19] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 39.

база снова резко сужается в современную эпоху. Одной из особенностей социалистических революций на втором и третьем этапе общего кризиса капитализма было, как известно, то, что социальные слои, шедшие вместе с пролетариатом на общедемократическом этапе революции, поддержали переход к социализму.

Реакционная интервенция разоблачает антинациональный характер ее союзника — внутренней контрреволюции. Борьба против интервентов приобретает характер отечественной войны[20]. В этих условиях сотрудничество с интервентами вскрывает лицемерный характер обычной спекуляции реакционных партий на патриотическом чувстве, их попыток доказать, будто революция подрывает международный авторитет страны, ставит под угрозу целостность ее территории. В результате интервенции патриотизм обращается с особой силой против внутренней и внешней реакции.

Иностранная интервенция приводит к известной консолидации сил внутренней контрреволюции, к переходу на ее сторону части колеблющихся социальных и политических группировок. Но вместе с тем, иностранное вмешательство вызывает новое расслоение в реакционном лагере, способствует отходу от него тех элементов, узкоклассовый эгоизм которых не подавил окончательно патриотические чувства и которых останавливает перспектива соучастия в национальной измене, в возможном расчленении страны. Аналогичные процессы характерны для контрреволюционной эмиграции.

Контрреволюционная эмиграция, как правило, являлась силой, подталкивавшей осуществление интервенционистских проектов. При этом такая эмиграция, обычно рассчитывая, что ей удастся использовать интервентов в качестве исполнителей своих планов, на деле сама превращается в орудие планов других держав и завоевывает более или менее самостоятельное положение скорее в виде исключения и то после окончания интервенции (французские и испанские Бурбоны в эпоху Реставрации).

Сама природа интервенции, в особенности если она направлена против общенародной революции (даже бур-

◆

[20] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 406, 420; т. 36, стр. 82.

жуазно-демократической по своему классовому содержанию), создает противоречие между политической стратегией и тактикой. Если «разумность» тактики отражает политическую и военную опытность контрреволюции, то «неразумность» стратегии вызывается нереальностью преследуемой политической цели.

Факт интервенции свидетельствует отнюдь не о силе реакции, а, наоборот, о начавшемся и более или менее далеко зашедшем подрыве ее могущества. В отношении интервенций, ставивших целью реставрацию старых общественных порядков, это особенно очевидно. Ведь, во-первых, интервенции такого рода свидетельствовали о том, что был нарушен обычный, действовавший веками механизм, при котором сохранение существующего строя обеспечивалось силами господствующего класса каждой данной страны без помощи извне, без того, чтобы сопротивление реакции из национального сделалось интернациональным[21]. Во-вторых, самая возможность интервенции нередко определялась не соотношением экономических, технических, людских ресурсов, а сугубо преходящими преимуществами реакции, вызванными недостаточной мобилизацией и организацией революционных сил в период, когда революция еще только учится защищаться[22]. Иногда, правда, эти недостатки были связаны не только с нехваткой времени и опыта, а и с нежеланием буржуазии в эпоху буржуазных революций проводить меры, которые обеспечили бы мобилизацию всех потенциальных революционных сил. Но и в таком случае сила интервенции — лишь отражение слабости революции.

Нередко возможность интервенции возникала в результате того, что реакционным державам удавалось временно сгладить существовавшие между ними противоречия и создать единый фронт, тогда как в действиях буржуазных революционеров проявлялись свойственная им национальная ограниченность и национальный эгоизм. И здесь сила интервенции определялась лишь внутренними слабостями революционного лагеря.

Далее надо учитывать, что феодальная интервенция против буржуазных революций, как правило, невозмож-

◆

[21] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 133.
[22] Там же, стр. 122—123.

на без использоваиия ресурсов капиталистического уклада. Еще более сказывается это при буржуазиых интервенциях против буржуазных революций. А это не может ие способствовать иарастанию внутреииих противоречий в странах, осуществляющих иитервенцию. Поэтому оргаинзаторы иитервенцин, обычио ставившне одиой из задач воспрепятствовать росту революциоиных сил в собствеиной страие, ие замедляли, а ускорялн складываиие в ией революциоииой ситуации.

Слабость иитервенции заключалась н в крайней иедолговечности ее результатов, а также в том, что ее успехн уиичтожались дальиейшим развитием революциоиного процесса ие только в страие — объекте вмешательства, ио и в ряде другнх страи, приводящим к сдвигам в существовавшей системе государства. Такие сдвиги вызывались и другими факторамн, прежде всего неравиомерностью экоиомического развнтня, виовь и виовь нарушавшей соотиошеиие сил, сложнвшееся в предшествовавший период.

Наряду с прямой вооружеииой интервеицией реакция широко практнкует различиые формы косвениого вмешательства. «Непрямая» интервеицня в отдельиых случаях указывала иа слабость революциоииых сил, которые могли быть подавлены без ниоземной воеииой помощи. Однако преобладание этих «непрямых» форм вмешательства чаще свидетельствовало о слабостн интервеицни, о том, что внешияя реакция из-за ситуации у себя в страие и междуиародной обстаиовки не рнсковала иа открытое вооружениое вмешательство.

Слабость интервенцни ярко проявлялась также в выиуждеином ограничеини (с самого иачала или поздиее) цели вмешательства.

Можио, иесомиеино, отметить теидеицию к ослаблеиию возможиостей иитервеиции по мере развнтия даииой социальио-экоиомнческой формации. Такое длительиое и прочиое влияиие, которое оказала частичиая победа интервеиции Испаиии против нидерлаидской революции (при пораженин этой интервеиции в целом), а имению сохраиение под властью испаиских, а поздиее австрийских Габсбургов иа целые два столетия южных Нидерлаидов, даже отдалеино ие имела ии одиа нз нитервенцнй в эпоху промышлеииого капитализма. Еще более ярко эта теидеиция проступает в иитервеициях против пролетарских революций.

Имеется и другая тенденция — к возрастанию внутренних препятствий для осуществления интервенции по мере развития буржуазного общества (сначала для интервенций против буржуазных революций, а позднее против революций пролетарских). Это связано отчасти с тем, что различные группировки внутри правящего класса оказывались далеко не в одинаковой степени заинтересованными в интервенции. Главное, однако, в том, что более развитые формы политического господства буржуазии создают и большие возможности ее антагонисту — пролетариату для организации отпора реакционной политике правящих классов[23]. Противодействующим фактором являлось все более частое переплетение контрреволюционных тенденций с колониальной экспансией, которую поддерживала подкупленная империализмом верхушка рабочего класса.

Уменьшение или возрастание возможностей сопротивления интервенционизму были непосредственно связаны с противоречивостью политического развития буржуазных стран в эпоху империализма. Наступление реакции по всей линии, начавшееся с первых же лет империалистической эпохи, все большее сосредоточение реальной власти в руках монополий, развертывание кризиса буржуазной демократии и парламентаризма составляли основную сторону этого развития. Однако имелась и вторая, неглавная сторона — некоторое расширение политической демократии (иногда чисто формальное, остававшееся на бумаге, а иногда имевшее реальный смысл), прогрессивные реформы, которые удавалось народным массам, прежде всего пролетариату, вырывать у правящих классов, попытки буржуазии противопоставить социальные реформы социальной революции («ллойд-джорджизм» в Англии, «прогрессивная эра» — реформизм Т. Рузвельта, Тафта, Вильсона в США, радикалы у власти во Франции и т. д.). Пролетариат отчасти мог использовать в своих целях реформы, проводившиеся буржуазией для ослабления рабочего движения. Примером может служить использование фарисейского «пацифизма» американского президента Вильсона. Этот «пацифизм» служил для обмана народов и для ослабления сопротивления трудящихся масс в самих США экспансионистской политике

[23] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 386—387.

правительства. Однако противникам Вильсона — социалистам и мелкобуржуазным радикалам-популистам, не раз удавалось ловить хозяина Белого дома на противоречии между словами и делами, и, чтобы придать внешнее правдоподобие своим пацифистским декларациям, президенту приходилось маневрировать, отказываться следовать линии крайних интервенционистов. Эти возможности использования против монополий и их политики тех реформ, на которые буржуазия соглашалась ради сохранения своего господства, многократно умножались после второй мировой войны и продолжают увеличиваться. Вместе с тем было бы неправильным не видеть и тенденцию противоположного характера — «поглощения» монополиями, превращения ими в орудие своего господства или низведения до уровня пустых деклараций тех мероприятий, которые были вырваны у капитала нажимом со стороны народных масс, давлением демократических сил. К числу таких мероприятий относится, например, частичная национализация промышленности во Франции и Италии после второй мировой войны. Такое же «поглощение» претерпели и принципы внешней политики, зафиксированные в конституции французской Четвертой республики (октябрь 1946 г.), в частности отказ от завоевательных войн. Этот отказ не помешал французской реакции вести многолетние колониальные войны против вьетнамского и алжирского народов.

V

Конечно, далеко не всегда в теории и на практике можно четко отделить контрреволюционную интервенцию от различных мер финансового, экономического, дипломатического и идеологического давления. Во всех этих случаях внешняя контрреволюция нарушала суверенитет другого государства, принуждала его действовать вопреки собственным интересам, осуществляла вмешательство в проблемы, которые обычно относятся к области внутренней юрисдикции данной страны. Порой даже «обычные» дипломатические меры, например отказ империалистических государств (каждого в отдельности или коллективно) от признания, предложение посредничества и т. п., по существу носят скрыто интервенционистский характер, так как за ними маячит угроза

военного вмешательства. Столь же часто оказывается размытой грань между замаскированными формами вмешательства (экономическая блокада, засылка банд на территорию другой страны и поставка оружия для внутренней реакции или запрет покупки оружия для революционеров, забрасывание агентов для организации заговоров и т. д.) и открытой вооруженной интервенцией.

Буржуазные правительства обычно стремятся играть на этой нечеткости понятия «интервенция». Таким образом, они стараются отрицать, что их действия носят интервенционистский характер. Недаром Талейран язвительно заметил, что невмешательство — это «дипломатическое и загадочное слово, обозначающее почти то же самое, что и вмешательство» («un mot diplomatique et enigmatique, qui signifie à peu près la même chose qu'intervention»).

Тесная взаимосвязь интервенционизма со всей внешней политикой главных капиталистических держав в эпоху империализма особенно ясно прослеживается при попытке разграничить различные виды и ступени контрреволюционного вмешательства.

Трудно или невозможно провести четкие грани между обычной линией политики империалистических стран в отношении других стран, являющихся в какой-то мере объектом их планов экономической и политической экспансии (захват ключевых позиций в народном хозяйстве, различные формы давления на влиятельных государственных, политических, военных деятелей, подкуп прессы, действия разведки и т. п.), и подготовкой интервенции. Отличие сводится к тому, что во втором случае эти действия сознательно связываются с планами вмешательства, перерастают в интервенцию сначала «мирными» средствами, а позднее путем прямого вооруженного вторжения.

Вместе с тем было бы ошибочным не видеть различия между неинтервенционистскими формами империалистической политики и «мирной» интервенцией и тем более между ними и вооруженным «экспортом контрреволюции». Такое игнорирование существующих здесь различий, в частности, помешало бы увидеть борьбу сторонников и противников открыто интервенционистского курса в отношении определенной страны среди капиталистических государств, а также среди господствующих классов каждой из этих держав в отдельности.

Невооруженная и вооруженная формы интервенции часто переходят одна в другую. Как указывал В. И. Ленин, «буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод „либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»[24]. Эти два метода, как подчеркивал В. И. Ленин, возникают не случайно, а вследствие коренной противоречивости собственного положения буржуазии[25]. С известными изменениями эта глубокая ленинская характеристика применима и к политике империалистической буржуазии в отношении революционного рабочего и демократического движения в других странах. Переход от политики открытой интервенции, от «большой дубинки» к прикрытому вмешательству в духе «политики доброго соседа», «Союза ради прогресса», с тем чтобы вернуться опять к вооруженным вторжениям, пусть под вывеской «коллективного» интервенционизма — эти колебания в политике США в отношении латиноамериканских стран типичны для империалистической буржуазии в XX веке.

На способы осуществления интервенции помимо особенностей эпохи и сложившейся конкретной ситуации (внутриполитические условия в стране-интервенте, международная обстановка и т. д.) влияют и географические причины, исторические традиции, специфика вооруженных сил, используемых в контрреволюционном вторжении. Говоря в 1918 году об отличиях английской интервенции от германской, В. И. Ленин отмечал: «Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помо-

◆

[24] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 67.
[25] Там же, т. 20, стр. 68.

щи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия»[26]. Именно так действовала английская буржуазия, участвуя в контрреволюционных походах.

VI

Смыкание интервенционистских и экспансионистских тенденций вытекает из природы эксплуататорского государства. Это не значит, однако, что эти тенденции всегда совпадают по направленности. Напротив, в истории нередки примеры, когда попытки удушения чужой революции отвлекали господствующие классы государства-интервента от более «перспективных» с их точки зрения направлений экспансии. Имелись и примеры обратного порядка: использование одним из участников контрреволюционной интервенции «занятости» его партнеров для форсирования своей захватнической политики (яркий пример — колониальная экспансия Англии, включая захват заморских владений европейских стран во время войны против революционной Франции в конце XVIII в.).

Обращает на себя внимание диалектическая взаимосвязь между характером войн буржуазных стран и вооруженными контрреволюционными интервенциями (например, справедливые войны революционной Франции и захватнические войны Наполеона, приобретавшие окраску интервенции). Захватническая война несет в себе тенденцию к превращению в контрреволюционную интервенцию. Это связано с тем, что лишение независимости других народов неизбежно рано или поздно наталкивается на их активное сопротивление.

В свою очередь, контрреволюционная интервенция, всегда являясь несправедливой войной, не обязательно должна быть войной захватнической. Иногда цели интервентов могут ограничиваться только восстановлением старого общественного или политического строя и не предусматривать прямых территориальных захватов, полной или частичной ликвидации независимости страны, являющейся жертвой вмешательства (примером может служить французская интервенция в Испанию в

◆

[26] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 3.

1823 г.). Однако контрреволюционная интервенция имеет тенденцию к превращению в захватническую войну, поскольку планы территориальной экспансии, усиления своего политического влияния внутренне присущи господствующим эксплуататорским классам страны, осуществляющей интервенцию.

Необходимо учитывать сложность характера многих из войн, общая оценка которых, определяя их ведущую направленность, не исключает существования и других, противоположных ей тенденций. Примером могут служить войны 1813—1815 годов, приведшие к крушению империи Наполеона I. Они, безусловно, носили освободительный характер, даже когда велись на территории Франции, поскольку их задачей являлось не допустить возобновления наполеоновской агрессии. Однако эти войны в тот период содержали и интервенционистский момент, связанный с тем, что во главе борьбы против Наполеона стояли феодально-абсолютистские правительства и английский торийский кабинет, преследовавшие контрреволюционные цели, что нашло выражение в реставрации Бурбонов.

Другим примером может служить англо-американская война 1812—1814 годов, в которой столкнулись экспансионистские цели буржуазии США и Англии и которая в этом смысле носила несправедливый характер для обеих сторон. Вместе с тем нельзя игнорировать существование у Англии контрреволюционных, реставраторских целей, сводившихся по существу к восстановлению власти Великобритании над ее бывшими владениями в Северной Америке, то есть ликвидации завоеваний американского народа, достигнутых им во время войны за независимость. Более близким по времени примером является интервенция против греческого народа в конце 1944 — начале 1945 года, осуществленная правительством Черчилля в условиях справедливой освободительной войны против фашизма.

Значительная часть колониальных завоеваний, не являясь контрреволюционными интервенциями, тем не менее, имеет с ними много сходства. Строго говоря, социальное содержание колониальной экспансии с самого начала заключало в себе черты контрреволюционной интервенции. Конечно, эта экспансия не имела целью р е с т а в р а ц и ю социальных и политических порядков, уничтоженных в ходе исторического развития, однако она соз-

давала препятствия на его пути. Колониальный режим лишал порабощенные народы национальной независимости и деформировал, уродовал экономику колониальных и зависимых стран, хотя вместе с тем и приводил к развитию капитализма.

Феодальный этап борьбы против колониализма длился примерно до середины XIX века, переход от феодального к буржуазному этапу — до конца прошлого столетия [27]. По мере нарастания этой борьбы народов против колониализма все более открыто проявлялись черты контрреволюционной интервенции, заложенные в колониальной экспансии.

Колониальные войны, которые вели империалистические государства в современную эпоху, значительно отчетливее, чем прежде, носили характер интервенции. Он еще более подчеркивался тем, что эти войны велись, как правило, не за завоевание новых территорий, а с целью нового, вторичного подчинения народов, которые путем революционной борьбы сбросили империалистическое иго.

VII

Когда контрреволюционные интервенции увенчивались успехом? Отдельные победы феодальных интервенций против ранних буржуазных революций почти неизменно бывали основаны на использовании противоречий, в которые вступала буржуазия с трудящимися массами, стремившимися к дальнейшему углублению революционных преобразований. Надо учитывать, что успех внутренней контрреволюции в определенных условиях был исторически закономерным явлением. В эпоху утверждения капиталистического строя, для того чтобы буржуазия могла пожать те плоды победы над феодализмом, которые были уже вполне зрелы для сбора, требовалось довести революцию значительно дальше такой цели. Потом следовала неизбежная реакция. Однако именно эта неизбежность реакции придавала ей внутреннюю силу, делавшую часто излишним обращение за помощью извне.

◆

[27] «Века неравной борьбы», под ред. Б. Г. Гафурова и др., М., 1967, стр. 154—156, 272—277.

Наибольшие неудачи интервенция терпела в борьбе против революций, развивавшихся по восходящей линии. Наибольшие успехи интервенция достигала против революций, двигавшихся по нисходящей линии.

Серьезной помощью интервенции является робость революции при сломе старого государственного аппарата. Сохраняя полностью или частично старый государственный аппарат, революция тем самым создает опору для сил внутренней и внешней реакции. Опыт истории свидетельствует, насколько широко интервенты прибегали к услугам контрреволюционных элементов, сохранивших хотя бы частично свои позиции в государственном аппарате.

В случае если революция производит решительную ломку старого государственного аппарата, интервенты пытаются максимально использовать время, необходимое для создания крепкого нового революционного механизма власти.

Бывали исторические ситуации, при которых превосходство сил интервентов было подавляющим и вследствие сложившейся международной обстановки, а также неспособности класса, являвшегося гегемоном революции, поднять на борьбу основную часть трудящихся и эксплуатируемых масс. Интервенция в таких случаях одерживала быструю победу, полностью ликвидируя следы революции. Однако сколь непрочными оказывались эти внешне легко достигнутые победы контрреволюционной интервенции! А эта непрочность была связана не только с тем, что цели вмешательства противоречили тенденциям исторического развития, но и с тем, что интервенты, помимо своей воли, способствовали обогащению политического опыта масс, пониманию ими того, чем является контрреволюция. Указанным определяется и важное историческое значение, которое имело, пусть недолгое и окончившееся неудачей, сопротивление интервенциям. К такому безуспешному отпору иноземной интервенции вполне приложимы знаменитые слова В. И. Ленина: «...Бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»[28].

◆

[28] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 379.

VIII Контрреволюционная интервенция, в конечном счете, всегда противоречила и вредила национальным интересам страны, которая ее осуществляла, укрепляя, пусть временно, позиции реакционных сил, замедляла общественный прогресс или способствовала утверждению особо мучительного для народных масс пути развития, с сохранением сильных добуржуазных пережитков и переплетением феодальной и капиталистической эксплуатации.

Однако в истории нередко возникали ситуации, когда участие в контрреволюционных интервенциях противоречило государственным интересам, даже в том смысле, в каком они понимались господствующими классами. В этих случаях возникала борьба между требованиями контрреволюционной твердолобости и практическими преимуществами, которые создавались полным или частичным отбрасыванием в сторону реакционных «принципов», что придавало политике ряда стран колеблющийся, противоречивый характер.

Идеологическое обоснование интервенции всегда составляло часть реакционного мировоззрения эпохи. Однако оно нередко представляло фальсификацию даже консервативной идеологии, например доктрины естественного права в период, когда она потеряла свой прежний прогрессивный характер и использовалась контрреволюционными либералами против идей научного коммунизма. Интервенционизм являлся органической частью лишь таких политических учений, которые родились как идеология реакции, а не превратились в нее в ходе исторического развития (легитимизм в начале XIX в., расизм и социал-дарвинизм в конце того же столетия, фашизм в эпоху общего кризиса капитализма, различные колониалистские доктрины и пр.).

Идеологи интервенции обычно стремятся представить воздействие революционного примера как «экспорт революции», чтобы тем самым найти благовидный предлог для собственного вмешательства. Очевидно также, насколько авантюристическая проповедь «экспорта революции» лила воду на мельницу организаторов интервенций.

Как известно, буржуазные революции XVI—XVII веков происходили в религиозной оболочке. Соответствен-

но, религиозную форму имели также интервенции. Но и тогда, когда начиная со второй половины XVIII века буржуазные революции отбросили прежнее религиозное облачение, феодальная интервенция по-прежнему тяготела к религиозной форме. Только на смену борьбе против еретиков пришла борьба против безбожников-якобинцев. Сохранение этой религиозной окраски было следствием стремления феодально-монархической реакции опираться на свой тесный союз с реакцией церковной, все равно, католической, православной или протестантской. Буржуазная церковь (различные протестантские секты) также проявляла крайнюю враждебность к революции. Однако религия занимала весьма подчиненное место в обосновании буржуазных интервенций против буржуазных революций. Это определялось общим характером развития буржуазной идеологии в эпоху промышленного капитализма.

Несколько возросло использование религии в обосновании буржуазных интервенций против социалистической революции.

В эпохи, когда интервенция выступает с открытым забралом (например, в 1792—1794 или 1820—1825 гг.), ее идеологи выпячивают то, что ее отличает от «обычной» агрессивной войны, то есть отсутствие планов территориальных захватов. В другие эпохи основные усилия направлялись на то, чтобы скрыть, что контрреволюционная интервенция является интервенцией, представить крайне ограниченными ее цели (защита иностранных подданных и т. п.).

Ненависть, которую вызывало иностранное вмешательство в народных массах, вынуждала порой реакционные силы изображать своих внутренних противников как интервентов. Так, например, поступали американские рабовладельцы во время гражданской войны 1861—1865 годов в США, твердившие об «интервенции», «нашествии» с Севера на южные штаты во имя создания «империи янки».

Рост антиимпериалистических демократических сил заставляет американских агрессоров, противореча самим себе, прибегать к нескольким взаимоисключающим оправданиям своей захватнической политики. В одних случаях империалистическая агрессия прикрывается интервенционистскими мотивами («борьба с коммунизмом»), в других — сам интервенционизм обосновывается

ссылками на необходимость обороны от несуществующего «коммунистического вторжения» (вроде «защиты» Южного Вьетнама от мнимого «нападения Северного Вьетнама») и т. п.

IX

Борьба против контрреволюционной интервенции внутри государства-интервента требует высокого политического развития трудящихся масс.

Реакционные интервенции до XIX века происходили при, употребляя слова Ленина, «сонных и спящих массах рабочих и крестьян»[29] в странах-интервентах (исключение составляла отчасти Англия в годы Великой французской революции). В XIX веке, когда политическое развитие масс сделало в ряде стран большой шаг вперед, вмешательство осуществлялось с применением относительно небольшой части сил и ресурсов государства-интервента. Вследствие этого влияние интервенции на положение масс становилось трудно различимым.

Борьба против политики вмешательства в государстве-интервенте велась далеко не всегда сторонниками революции, являвшейся объектом иностранной интервенции. Даже большая часть рабочих — участников могучего движения пролетарской солидарности, проходившего под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» и столь способствовавшего поражению интервенции Антанты, не являлась коммунистами. Как отмечал тогда В. И. Ленин, «весь рабочий класс, — хотя большинство его еще не коммунистично, — все же настолько сознателен, что не допускает интервенции»[30].

До новейшего времени выступления против интервенции в странах, осуществлявших ее, редко приносили немедленные результаты. Интернационализм большинства буржуазных демократов носил слишком поверхностный характер, чтобы не отступить перед трудностями серьезной борьбы за независимость чужих народов. Можно назвать, вероятно, лишь один пример *предотвращения* интервенции крупного масштаба, а именно планов английского (а в связи с ним и французского) вмеша-

◆

[29] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 81.
[30] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 53.

тельства в гражданскую войну 1861—1865 годов в США на стороне Юга. И вполне закономерно, что этот случай буржуазной ннтервенции в пользу рабовладельцев был предотвращен массовыми выступлениями английского рабочего класса. Только с появлением пролетариата в качестве самостоятельной политической силы и после возникновения массовых революционных рабочих партий сформировалось ядро, вокруг которого группировались все движения против контрреволюционной интервенции. Но это не исключало, разумеется, того, что и до XX века пусть неорганизованное и часто подспудное настроение народных масс, не принимавших политику интервенции, являлось весомым политическим фактором. Это настроение передавалось и солдатам интервенционистской армии. Они воочию видели несправедливый характер контрреволюционной войны, особенно если встречали серьезный отпор народа, ставшего жертвой интервенции.

Моральная слабость армии интервентов проявляется и тогда, когда у нее на родине нет сколько-нибудь широкого общественного движения против контрреволюционной войны. Конечно, эта слабость многократно возрастает, когда оказывается подорванным моральное состояние тыла интервенционистских войск. Условия современной эпохи создают общественно-политический климат, способствующий быстрому моральному ослаблению интервенционистского лагеря и его вооруженных сил.

X

Интервенционизм в наше время направлен как против борьбы за демократию, так и против борьбы за социализм. Это связано с переплетением антифеодальных и антиимпериалистических, общедемократических и социалистических задач в революциях эпохи крушения капитализма.

В условиях углубления и обострения борьбы двух систем всякая империалистическая агрессия и экспансия объективно имеют характер контрреволюционного вмешательства и, как правило, агрессор сознательно преследует интервенционистские цели.

Одной из характерных особенностей империалистических интервенций периода после второй мировой войны является то, что обычно их организаторы не осмелива-

лись выступать с открытым забралом. Основные цели этих интервенций — реставрация капитализма и колониализма — были глубоко дискредитированы в глазах народов мира, в том числе и народных масс империалистических государств.

Реакционная пропаганда иногда утверждала, что целью интервенции против социалистических стран и движения народов по социалистическому пути якобы является замена пролетарской диктатуры демократией, то есть по существу буржуазной демократией, одной из форм диктатуры капитала. Однако и в этом случае не обнародывались планы восстановления капиталистического строя или даже, напротив, отрицалось существование таких планов (например, во время поддержки контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 г.). Чаще вообще целью интервенции провозглашалась неожиданная забота о сохранении «независимости» страны, подвергшейся империалистическому нашествию, от «международного коммунизма» (американская интервенция в Гватемале в 1954 г., в Доминиканской Республике в 1965 г. и др.). Вместе с тем ссылки на мнимую «коммунистическую агрессию» широко использовались для империалистического вмешательства, направленного против любых прогрессивных преобразований (достаточно напомнить участие американской агентуры в организации военных переворотов в странах Латинской Америки — Аргентине, Венесуэле, Колумбии, Боливии и др., в Африке — Гане и др., в Азии — Таиланде и др.). Этот же жупел применялся для оправдания колониальных войн — контрреволюционных интервенций, которые имели целью восстановление империалистического ига (голландская интервенция против Индонезии в 1945—1949 гг., английская — против Малайи в 1945—1950 гг., бельгийская — против Конго в 1960 и 1964 гг., французская — во Вьетнаме в 1946—1954 гг. и в Алжире — в 1954—1962 гг., американская — на Филиппинах в 1945—1947 гг., в Корее — в 1950—1953 гг., во Вьетнаме, особенно после 1964 г., тройственная агрессия Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956 г., ближневосточный кризис летом 1967 г., когда империализм использовал израильские правящие круги как орудие для попытки свержения прогрессивных режимов в арабских странах, и т. д.).

Особое развитие получили в наши дни планы «экспорта контрреволюции» через посредство НАТО и других им-

периалистических военных блоков в тесной связи с практикой «коллективного колониализма».

Коллективный интервенционизм использовался и используется также для давления на нейтральные страны. Контрреволюционное нашествие нередко сопровождается другими формами вмешательства во внутренние дела стран, дружески настроенных к жертве этого вторжения, а также нейтральных государств или попросту государств, не желающих следовать курсу, предписанному организаторами вооруженной интервенции. Так поступили, например, США и другие страны Антанты в отношении ряда европейских государств во время антисоветской интервенции. Правительство Вильсона не допускало установления другими странами дипломатических связей с Советской Россией, угрожая блокадой, используя в качестве оружия «веревку голода» [31]. В современных условиях эта тактика, к которой не раз пытались прибегнуть США и их союзники, как правило, оканчивалась неудачей.

В период новой истории революция не могла рассчитывать на государственную помощь извне, кроме случаев, когда ей удавалось использовать экономическое и политическое соперничество между странами-интервентами и другими державами.

Успешность борьбы против интервенции в ту эпоху была возможной в двух случаях. Во-первых, когда дело касалось большой экономически развитой страны, как Франция, и когда революционному лагерю в такой стране путем мобилизации масс удавалось создать превосходство в силах над интервентами. И, во-вторых, когда интервенты вследствие различных причин (относительно ограниченное значение данной интервенции для осуществлявшего ее государства, внутриполитические трудности, международная ситуация и т. д.) пускали в ход лишь определенную часть своих сил и ресурсов, которая оказывалась меньшей, чем силы и ресурсы революции.

Принципиально иным стало положение в эпоху крушения капитализма, когда революция в борьбе с интервенцией может опираться на постоянно растущую мощь социалистического содружества и всех главных прогрессивных сил современности. Империалисты, пытаясь в оп-

[31] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 216.

ределенном географнческом районе достигнуть перевеса, необходимого для развязывания интервенции, делают главиую ставку на разъедииеие антиимпериалистических и антиинтервеиционистских сил. Одиако такое разъединеиие противоречит коренным интересам классов, выступающих против империализма и интервеиционизма, и оио ие может не иосить временного и частичиого характера. Не случайио ведь наряду с этим империализм лихорадочно ищет другие интервеиционистские пути — поддержку якобы «мирной» (на первых порах) реакции, попыток «импорта контрреволюции» антисоциалистическими силами в отдельных социалистических странах. Социалнстические страиы противопоставляют всем формам империалистического интервенционизма непреодолимую мощь пролетарского единства.

Империализм — сила международная. В борьбе против империализма, учит В. И. Лении, иеобходимо особо тесное объедииеиие иародов всех стран, в которых победила социалистическая революция. Великий вождь междуиародного пролетариата, всегда отстаивавший права всех больших и малых иаций, столь же иеизменио обращал внимаиие иа то, что всякий, кто разрушает связи страны, где у власти находится рабочий класс, с силами мирового социализма, подрывает обороноспособиость этой страны [32].

Неоднократно подчеркивая, что международной силе капитала, действиям нмпериалистических агрессоров и интервеитов иеобходимо противопоставить могучее оружие рабочей солидарности — пролетарскнй интериационализм, В. И. Ленин писал: «Интернационализм на деле — один и только оди: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в *своей* страие, поддержка (пропагандой, сочувствием, материальнo) *такой же борьбы,* такой же линии, н *только ее одной,* во *всех* без исключеиия странах» [33].

Каждый исторический период выдвигает на передннй плаи определенные формы взаимопомощи национальных отрядов международного рабочего движеиия, направлениой на укреплеиие позиций социализма в отдельных страиах и в мировом масштабе. Так, например, в борьбе про-

◆

[32] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 292.
[33] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 170.

тив военных нашествий Антанты и ее приспешников — внутренней контрреволюции трудящиеся массы Кавказа, образовавшиеся там советские республики, получали всестороннюю, в том числе и военную, помощь от РСФСР. В. И. Ленин указывал на то, что существуют исторические ситуации, когда капиталистические державы, окружающие социалистические страны, «потеряв возможность провести интервенцию, рассчитывают на мятеж»[34]. Для борьбы с такой скрытой агрессией империалистической буржуазии крайне важны объединеные действия революционных сил различных стран. Долг социалистических государств, коммунистических и рабочих партий всего мира на деле применять против империалистов всю силу международной пролетарской солидарности. Решительно выступая против скрытых методов «экспорта реакции», социалистические страны помнят об историческом опыте революций, на который ссылался В. И. Ленин и который доказывает, что внешняя контрреволюция часто поддерживала наиболее близкую к крайней революционной партии оппозицию, стремясь свергнуть таким образом революционную власть и проложить дорогу для торжества открытых реакционеров[35].

Для социалистического содружества в наши дни особое значение приобрело важное указание В. И. Ленина о необходимости тесного сплочения народов советских республик. «...Стоя против огромного фронта империалистических держав, — указывал Ленин, — мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем, как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма... Мы говорим: необходимо единство военных сил, отступление от этого единства недопустимо»[36].

Долг социалистических государств, следуя благородным принципам пролетарского интернационализма, решительно пресекать попытки вдохновляемых империалистами подрывных действий контрреволюционных элементов, когда они создают угрозу для основ общественного строя каждой из стран — членов добровольного со-

◆

[34] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 126.
[35] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 23—25.
[36] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 98—99.

циалистического содружества. Реакционная печать и радио всячески пытаются оклеветать политику социалистических стран, продиктованную заботой об общих международных интересах социализма. Пропагандистская машина империалистических держав спекулирует при этом внешними, формальными приметами событий, взятыми в отрыве от их социального содержания. Однако, вопреки измышлениям идеологических прислужников реакции, помощь, оказываемая социалистической системой и препятствующая империалистам разделаться с каждой из социалистических стран в одиночку, не является никаким нарушением принципов невмешательства и права на самоопределение.

Марксизм-ленинизм вскрыл несостоятельность абстрактного, формально юридического подхода к этим нормам, объективно играющего в современном мире на руку империалистическому интервенционизму. Внеклассовое понимание этих категорий, навязываемое народам реакционерами всех мастей, противоречит высшим интересам нации, интернациональным задачам демократии и социализма. Сами понятия невмешательства и самоопределения, как доказывает история, возникли в борьбе против реакции — первоначально против чужеземного феодально-монархического гнета, позднее против империалистического порабощения, в борьбе за прогресс, за продвижение к социализму и коммунизму. В случаях оказания помощи социалистической стране другими социалистическими странами речь идет о защите социализма, об обеспечении условий, которые устраняли бы опасность для права народа решать свою судьбу без нажима и террора со стороны реакционных сил (иначе говоря — о создании условий для обеспечения действительной независимости и суверенитета государства, входящего в социалистическое содружество). Такого отстаивания позиций социализма требуют жизненные интересы всех без исключения народов социалистических стран, всего международного рабочего движения. Социалистические завоевания можно отстоять лишь путем эффективных мер, защищающих от атак империализма, от «импорта контрреволюции» союзником и агентурой внешней реакции — внутренними антисоциалистическими силами. Пресечение деятельности этих сил — упреждающий удар по планам «импорта контрреволюции», предотвращение покушений империализма на суверенные права трудящихся масс — подавля-

ющего большинства нации. Совместное выступление против происков империализма — высокий интернациональный долг членов социалистического содружества, связанных чувствами нерасторжимой дружбы и нерушимого сотрудничества, залог срыва агрессивных поползновений мировой империалистической реакции, пытающейся с помощью всех форм интервенционизма помешать крушению буржуазного строя, неизбежному торжеству коммунизма.

XI

Историческая бесперспективность попыток с помощью иностранного вооруженного вмешательства остановить процесс общественного развития наглядно выявляется при сравнении целей интервенции в каждый из основных периодов всемирной истории[37] начиная с эпохи Возрождения, и результатов, которые были достигнуты таким вмешательством.

Эпоха Возрождения, начальный период новой истории (XVI—XVIII вв. до Великой французской революции). Объективные цели интервенционистской политики — подавление Реформации, удушение ранних буржуазных революций (нидерландской и английской), а также сил, препятствовавших созданию универсальной католической монархии (сначала в XVI в. с центром в Мадриде, потом во второй половине XVII в. — в Париже), которая стала бы главным оплотом феодально-абсолютистской реакции. Ни одна из этих целей не была достигнута. Известная половинчатость результатов нидерландской революции являлась в основном следствием внутренних причин, которые были использованы испанскими интервентами.

Период от Великой французской революции конца XVIII века до Парижской коммуны (1789—1871 гг.). Прибавим к нему непосредственно предшествовавшую хронологически борьбу английских колоний в Северной Америке за независимость. Это — период победы и утверждения капиталистического строя в экономически пе-

◆

[37] О специфике этих периодов см. Е. М. Жуков, О периодизации всемирной истории, «Вопросы истории», 1960 г., № 8; его же, В. И. Ленин и понятие «эпохи» в мировой истории, «Новая и новейшая история», 1965 г., № 5.

редовых странах Европы и Северной Америки, смены мануфактурного капитализма промышленным. Объективными целями реакционных интервенций этого периода было воспрепятствовать революционной ликвидации феодальных отношений, превращению капиталистического уклада в господствующий способ производства, переходу власти из рук феодалов в руки буржуазии (особенно революционным формам этого перехода), распаду колониальной системы феодализма и мануфактурного капитализма, созданной в Западном полушарии, победе национально-освободительных движений в Европе. Какие же из этих объективных целей интервенционистской политики были достигнуты?

Потерпев неудачу в сколько-нибудь заметном замедлении развития капитализма в главных европейских государствах, интервенционистская политика вызывала такое торможение в других странах (например, в Испании, Ирландии и др.).

В ряде стран интервенционизм (в соединении с действием внутренних факторов) привел к тому, что вместо революционного перехода господства от феодалов к буржуазии произошло разделение власти между этими классами. Интервенционизм не воспрепятствовал созданию в Западном полушарии политически независимых государств. В Европе интервенционистская политика смогла лишь задержать на несколько десятилетий процесс объединения Италии и Германии, способствовала победе прусско-юнкерского или либерального пути объединения этих стран над революционным. Интервенционизм привел также к подавлению освободительных движений в ряде других районов Европы (Польша, славянские земли Австро-Венгрии и др.), сохранению там почти на столетие раздробленности и национального гнета. Выступая в форме колониальных войн, интервенционизм обеспечил подавление освободительных движений в странах Азии и Африки, способствовал закабалению многих народов этих континентов, ранее сохранявших независимость (большая часть Индии, Бирма, Китай, Индокитай и т. д.).

Второй период новой истории — период постепенного перерастания домонополистического капитализма в империализм и начальные два десятилетия империалистической эпохи (1871—1917 гг.). Период начинается Парижской коммуной (первым опытом диктатуры пролетариата), которая была подавлена в основном вследствие

германской интервенции, и заканчивается в канун первой победоносной социалистической революции. В этот период в результате ряда упоминавшихся выше причин капиталистическим странам с помощью явной или скрытой интервенции удавалось не допустить, чтобы революции в зависимых странах, направленные против феодализма, решили также стоявшие перед ними антиимпериалистические задачи (Турция, Иран, Китай). Однако этот результат империалистических интервенций оказался крайне недолговечным (исчисляемым, как правило, немногими годами) и в отдельных случаях был достигнут только частично (Мексика). Вместе с тем в этот же период колонизаторами было надето ярмо империалистического гнета на многие народы Африки.

Обратимся теперь **к новейшей истории — к эпохе крушения капитализма и перехода к коммунизму,** начавшейся после победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране.

Попытки с помощью интервенций задушить молодую Советскую республику окончились крахом. Новые попытки организации интервенции против Советской страны в 20—30-е годы также потерпели провал. Нападение гитлеровской Германии и ее союзников на СССР завершилось всемирно-исторической победой социалистического Советского Союза над ударными силами мирового империализма.

В начале современной эпохи империализму с помощью интервенции удалось помешать отпадению от капиталистической системы ряда стран (Венгрия, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония и др.). Однако во время и особенно после второй мировой войны в большинстве этих стран и в ряде других государств одержал победу социализм. После 1945 года ни одна из многочисленных попыток «экспорта капитализма» в страны, где восторжествовал социалистический строй, не принесла успеха империалистической реакции, несмотря на огромные ресурсы, которые использовались ею ради достижения этой цели. На первом этапе общего кризиса капитализма империализм с помощью интервенций добился сохранения колониальной системы несмотря на неуклонно развивавшийся кризис ее устоев. Коренным образом изменилось положение после второй мировой войны, когда многочисленные интервенции и колониальные войны не преградили путь национально-освободительным революциям, не

помешали краху колониализма. Интервенты сумели добиться лишь временного сохранения проимпериалистических правительств в некоторых из новых государств (например, Филиппины) и марионеточных режимов, державшихся исключительно на иностранных штыках (Южная Корея, Южный Вьетнам, Тайвань и др.). Весьма эфемерными оказались и результаты вооруженной или других форм интервенции против зависимых стран, где создаваемые правые, фашистские и милитаристские режимы отличаются слабой устойчивостью (например, Греция, Доминиканская Республика, Гватемала и некоторые другие латиноамериканские страны) или уже потерпели крушение.

Этот краткий обзор показывает, что ни в один из исторических периодов интервенционизм не приводил к достижению своих главных целей, а то, чего удавалось добиться, по сути дела перечеркивалось сравнительно скоро, в дальнейшем процессе общественного развития. Более того, ускорение хода истории проявляется, в частности, и в том, что явно проступает тенденция к все более ускоряющейся «отмене» результатов контрреволюционных интервенций. Это, однако, нисколько не ослабляет их реакционной роли и не уменьшает удельного веса, который они занимают в тщетных усилиях и планах мировой реакции.

Было бы неверно не видеть той роли, которую сыграла интервенция в торможении темпов общественного прогресса. Это замедляющее действие проявлялось и во временной реставрации отживших политических и общественных порядков, и в таком же временном предотвращении их крушения. Не меньшее значение имело то, что интервенция во многом способствовала победе более консервативного из возможных вариантов общественного развития и зигзагообразного пути исторического процесса не только в пределах отдельной страны, но и целых континентов и даже в масштабах мировой капиталистической системы в период ее общего кризиса. Такая, говоря словами В. И. Ленина, зигзагообразная линия в истории[38] возникла в результате того, что силы прогресса оказывались недостаточно мощными для преодоления сопротивления реакции, а само это сопротивление неред-

◆

[38] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 37.

ко резко возрастало вследствне контрреволюцнонной интервенцин.

Отстаивание революцнонных завоеваннй протнв ннтервентов — важная задача народа, совершнвшего революцню. В. И. Леиин указывал, что французская революция, на которую ополчнлнсь ннтервенты, «чтобы раздавнть ее, называется великой нменио потому, что оиа сумела поднять на защиту свонх завоеваннй широкие народные массы, давшие отпор всему мнру; тут н лежнт одиа нз ее большнх заслуг» [39].

Победоносиый отпор ннтервеитам — одна нз всемнрно-историческнх заслуг, бессмертный подвиг велнкого советского иарода. Сопротнвленне нмпериалнстнческому вмешательству — заслуга всех свободолюбнвых народов мнра, преграднвших в нашу эпоху дорогу нмперналнстнческой нитервенцнн, реакцнонным попыткам повернуть вспять колесо исторнн.

◆

[39] В. И. Ленин, Полное собрание сочнненин, т. 38, стр. 52.

СОДЕРЖАНИЕ

Ефим Борисович Черняк. ЖАНДАРМЫ ИСТОРИИ (контрреволюционные интервенции и заговоры). Редактор В. А. Шленская. Оформление художника А. Н. Тихомирова. Художественный редактор Г. Ф. Сивчнов. Технический редактор А. А. Павловский. Корректор А. А. Волошина.

А-05214. Сдано в набор 23/X 1968 г. Подписано в печать 18/VIII 1969 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 29,40. Уч.-изд. л. 30,84. Тираж 50 000 экз. Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 1428. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 2 руб. 03 коп.